

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Кафедра «Экономическая безопасность»

У9(2)
П781

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Монография

Под редакцией А.В. Карпушкиной

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2022

ББК У9(2)–983
П781

*Одобрено советом
Высшей школы экономики и управления*

Рецензенты:

*С.В. Ульяновский, генеральный директор АНО «Челябинское региональное
агентство экономической безопасности и управления рисками»;
Т.А. Коркина, профессор кафедры государственного и муниципального
управления факультета управления ФГБОУ ВО «ЧелГУ», д.э.н., проф.*

**П781 Проблемы экономической безопасности России в аспекте гло-
бальных трансформаций:** монография / под ред. А.В. Карпушкиной. –
Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. – 478 с.

Коллективная монография является международным научным проектом, в котором приняли участие исследователи экономических факультетов вузов России: Южно-Уральского, Челябинского, Алтайского, Псковского государственных университетов, МГУ им. Ломоносова, Финансового университет при Правительстве РФ, Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, Калининградского государственного технического университета, Российского университета кооперации (Калининградского филиала), Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова, Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Всероссийского государственного университета Юстиции (Сочинского филиала), Новосибирского государственного технического университета, Инновационного Евразийского университета, Омского государственного университет им. Ф.М. Достоевского, Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Российской таможенной академии (Ростовского филиала), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западного института управления), а также университетов Республики Беларусь: Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, Института механики металлополимерных систем имени В.А. Белого НАН Беларуси, Белорусского государственного экономического университета. В монографии рассмотрены вопросы обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов в условиях пандемии, в индустрии 4.0, эколого-экономической безопасности, а также экономической безопасности бизнеса.

ББК У9(2)–983

ISBN 978-5-696-05295-3

© Издательский центр ЮУрГУ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК УГРОЗА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	
1.1. Сценарии выхода из коронакризиса и последствия пандемии COVID-19 для глобальной экономической безопасности	7
1.2. COVID-19 и глобальная продовольственная безопасность.....	20
1.3. Отдельные аспекты экономико-правового обеспечения экономической безопасности Калининградской области в условиях угрозы пандемии COVID-19	45
1.4. Регионы Уральского федерального округа в условиях постпандемии	53
1.5. Управление экологической экономической безопасностью в зоне Прибалтийского приграничья Российской Федерации в условиях пандемии	62
Библиографический список по главе 1	80
ГЛАВА 2. ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	
2.1. Методологический подход к оценке уровня экологической нагрузки и предотвращенного ущерба в региональном аспекте.....	87
2.2. Проблемы оценки влияния стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность территории	110
2.3. Сравнительный анализ экономико-экологических рисков функционирования городских агломераций в УрФО	125
2.4. Экологическая интенсивность как фактор обеспечения экономической безопасности региона (на примере Сибирского федерального округа)	140
2.5. Эколого-экономическая безопасность современной промышленной компании	150
2.6. Эколого-экономический аспект экономической безопасности	158
2.7. ESG-переход и новый инвестиционный цикл в России: региональная повестка.....	170
Библиографический список к главе 2	183
ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНДУСТРИИ 4.0	
3.1. Аспекты экономической безопасности предприятия в индустрии 4.0	195
3.2. Влияние охраны и защиты интеллектуальных прав, в том числе, в сети Интернет, на экономическую безопасность предприятия	208
3.3. Ключевые риски и угрозы рынка труда РФ	219
3.4. Экономическая безопасность и финансовые кризисы: глобальный аспект.....	231
3.5. Некоторые проблемы экономической безопасности, связанные с развитием сквозных цифровых технологий	250

3.6. Оценка страновых рисков в системе обеспечения безопасности международного бизнеса.....	265
3.7. Старые и новые проблемы системы образования и воспитания молодежи в свете будущего России и её экономической безопасности.....	282
3.8. Устойчивое развитие стран-участниц ЕАЭС: анализ и предпосылки экономической безопасности.....	302
3.9. Факторы обеспечения экономической безопасности в условиях неоиндустриальных преобразований национальной экономики.....	315
3.10. Экономико-статистический анализ цифрового неравенства регионов Российской Федерации	333
3.11. Экономическая безопасность организаций в цифровой экономике.....	343
Библиографический список по главе 3	358
ГЛАВА 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БИЗНЕСА:	
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АНАЛИЗА	
4.1. Белорусский опыт оценки и обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобальных вызовов и шоков	379
4.2. Влияние на экономическую безопасность современных аспектов трансформации кадастровой оценки.....	390
4.3. Методический инструментарий анализа эффективности хозяйственной деятельности в российской и зарубежной практике	401
4.4. Направления развития механизма обеспечения финансовой безопасности страховых организаций	412
4.5. Оборот контрафактной продукции как угроза экономической безопасности страны.....	420
4.6. Проведение экспертизы экономической деятельности по заказу государственных органов и пути реализации системы экономической безопасности организации	438
4.7. Условия укрепления экономической безопасности домашних хозяйств (региональный аспект).....	451
Библиографический список по главе 4	463
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	473
АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ.....	474

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в мире сложилась очень неопределенная и нестабильная ситуация. В условиях резких изменений мирового экономического и политического пространства, к которым приводит политика западных стран и невиданное санкционное давления на Россию, весьма актуальными становятся проблемы, которые напрямую связаны с угрозами безопасности РФ. Экономическая безопасность – это один из главных элементов национальной безопасности страны. Как показывает практика, успешное развитие России является необходимым фактором благополучия и всего мирового пространства. Ведь в условиях мировой глобализации очень высок уровень взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик. Решение вопросов экономической безопасности в условиях глобальных трансформаций приобретает все большую актуальность.

Значительное место в поиске эффективных решений проблем экономической безопасности России, в разработке концепции экономической безопасности занимает научный подход. Очень важно раскрыть саму суть проблемы, выявить реальные угрозы, предложить надежные и эффективные методы их отражения. Решению именно таких вопросов посвящена коллективная монография «Проблемы экономической безопасности России в аспекте глобальных трансформаций».

Монография включает в себя четыре глав. Первая глава посвящена вопросам, связанным с пандемией и тому, какие угрозы она несет для глобальной экономической безопасности. Весь мир с весны 2020 г. живет в условиях пандемии COVID-19, и это несомненно откладывает существенный отпечаток на развитие всех стран. Пандемия будет оказывать влияние на экономику еще в течение не одного года и для России очень важно суметь нивелировать ее негативные последствия.

В следующей главе рассматриваются вопросы эколого-экономической безопасности. Этот термин не является новым, но с каждым годом набирает все большую актуальность. Ведь всем известно, конкурентоспособное развитие экономики невозможно без развития промышленности, энергетики, а оно приводит к ухудшению экологической ситуации. Поэтому в монографии уделено большое внимание теоретическим и методическим аспектам эколого-экономической безопасности, оценке уровня экологической нагрузки, ESG-переходу.

В третьей главе уделено внимание вопросам экономической безопасности в эпоху четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0), которая предполагает новый подход к производству, основанный на массовом внедрении информационных технологий в промышленность, масштабной автоматизации бизнес-процессов и распространении искусственного интеллекта.

Последний раздел монографии посвящен экономической безопасности бизнеса. В нем рассмотрен широкий круг вопросов, от оборота контрафактной продукции и финансовой безопасности страховых компаний до укрепления экономической безопасности домашних хозяйств в целом, а также приводится опыт Белоруссии в обеспечении экономической безопасности государства.

Итак, широкомасштабное и своевременное решение проблем экономической безопасности в современных быстроизменяющихся условиях позволит обеспечить процесс экономического роста как в целом по стране, так и в отдельных регионах, отраслях и на предприятиях, и в конечном итоге приведет к повышению экономического благосостояния всего общества. Мы надеемся, что представленная книга внесет свой вклад в поиск эффективных решений проблем экономической безопасности в аспекте глобальных трансформаций.

ГЛАВА 1. ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК УГРОЗА ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

1.1. Сценарии выхода из коронакризиса и последствия пандемии COVID-19 для глобальной экономической безопасности

Важнейшей стратегической задачей любого государства является обеспечение экономической безопасности, т.е. защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором сохраняется экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов [48]. На разных этапах социально-экономического развития страны сталкиваются с различного рода рисками и угрозами, отличающимися по масштабам и степени опасности. Умение оперативно реагировать на вызовы, включать антикризисные меры, предотвращать угрозы в экономической сфере, минимизировать прямые или косвенные возможности нанесения ущерба национальным интересам государства показывает эффективность макроэкономической политики и качество государственного управления.

Мир в 2020 г. столкнулся с невиданной по масштабу угрозой – пандемией COVID-19, которая драматично изменила жизнедеятельность стран и целых регионов. К концу 2021 г., по данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в мире заболели более 262 млн чел., 5,2 млн чел. скончались. Антилидерами рейтинга являются США (более 48 млн зараженных), второе место занимает Индия (34,5 млн чел.), третье – Бразилия (более 22 млн чел.), четвертую строчку занимает Великобритания (10,2 млн), пятое место у России (более 9 млн чел., или около 6,5% населения страны) [17, 26].

Пандемия нанесла сокрушительный удар по занятости, локдауны, остановка предприятий, последующие банкротства, особенно малого бизнеса, привели к потере 495 млн. рабочих мест только во втором квартале прошлого года. Структурные дисбалансы на мировом рынке труда приводят к ухудшению перспектив трудоспособного населения: повсеместно растущая безработица, неполная занятость, нарушение прав работников, низкая зарплата, неустойчивые контракты и т.д. Как следствие, потеря средств к существованию, что является критической краткосрочной угрозой ближайших лет и будет увеличивать риск «эрозии социальной сплоченности». Вынужденная изоляция, разрушение социального капитала и разрыв социальных связей негативно влияют на социальную стабильность, индивидуальное и общественное благополучие, экономическую продуктивность, в результате утрачивается доверие, отсутствует сочувствие, углубляется раскол, маргинализация, усиливается поляризация общества.

Тема влияния пандемии на социально-экономическое развитие и восстановление экономики мира является одной из самых актуальных. Значительное количество работ посвящено антикризисным мерам правительств разных стран [42, 5], выявлению основных трендов в экономической политике под воздействием COVID-19 [44], особенностям проявления кризиса на различных рынках [50]. Экономисты всего мира ищут универсальные рецепты скорейшего восстановления экономики, политики пытаются защитить национальные интересы и обеспечить экономический суверенитет страны. Однако в условиях нарастающей неопределенности вопрос, по какому сценарию могут развиваться события по восстановлению мировой экономики, остается открытым.

Пандемия стала спусковым механизмом развертывания глобального экономического кризиса, охватившего все страны мира. Первый шок – эпидемия коронавируса COVID-19 вызвала глубокие негативные изменения в мировой экономике, нарушив мегаэкономическое равновесие. Со стороны совокупного предложения – падение производства вследствие сокращения работы и закрытия предприятий из-за карантина, разрыва цепочек поставок, снижения объема ликвидности для закупок оборотных и основных средств. Со стороны спроса – падение доходов населения, запрет на потребление определенных услуг, сокращение инвестиций и покупок товаров длительного пользования вследствие роста неопределенности. Обрушение финансовой системы из-за роста неплатежей и дефолтов. Второй шок для нефтедобывающих стран – резкое падение цен на нефть, вызванное несколькими факторами: во-первых, перепроизводством сырья на фоне резкого сокращения спроса из-за пандемии, во-вторых, ограничениями для функционирования предприятий и локдаун. Экономические последствия для стран-экспортеров проявились в снижении объемов производства, дефиците бюджета, падении основных макроэкономических показателей.

В экономической теории циклическое движение экономики зависит от глубины спада и скорости приспособления к новому устойчивому равновесию. До определенного момента развитие глобального кризиса вписывалось в классическую модель совокупного спроса и совокупного предложения $AD-AS$ (рис. 1.1). Финансовая поддержка домохозяйств и налоговые послабления бизнесу позволили стимулировать совокупный спрос AD_0 до AD_1 в краткосрочном периоде. При этом ограничения производства вызвали снижение совокупного предложения, что отразилось сдвигом краткосрочной кривой от $SRAS_{0,1}$ до положения $SRAS_2$, что вызвало глобальный рост цен до P^e_2/P_2 , последующее охлаждение совокупного спроса AD_2 и, как следствие, падение ВВП ($Y_0 \rightarrow Y_2$) большинства стран мира в 2020 году.

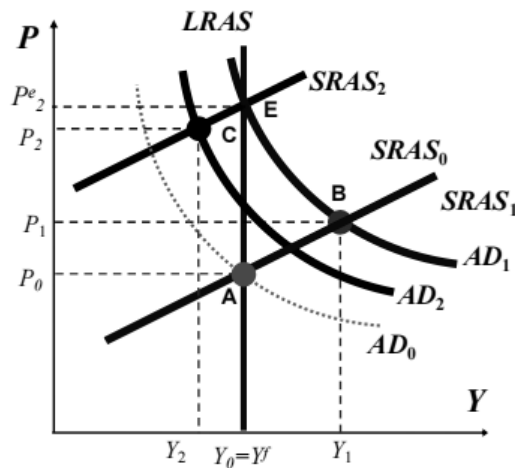

Рис. 1.1. Классический вариант экономического кризиса в модели AD-AS

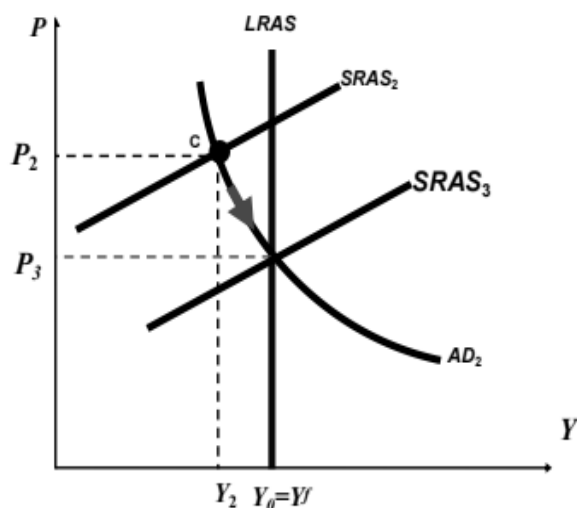
В таких условиях возможны несколько сценариев развития ситуации и выхода из кризиса, вызванного пандемией коронавируса.

Первый сценарий (рис. 1.2, а) – вариант L: снижение совокупного предложения, рост цен, падение реальных доходов нивелируют меры поддержки со стороны совокупного спроса, вызывая длительную стагнацию экономики, грозящую перерасти в новую Великую депрессию. Инструменты антикризисного регулирования неэффективны, в итоге спад производства и дефляция как способ возвращения экономики к долгосрочному равновесию.

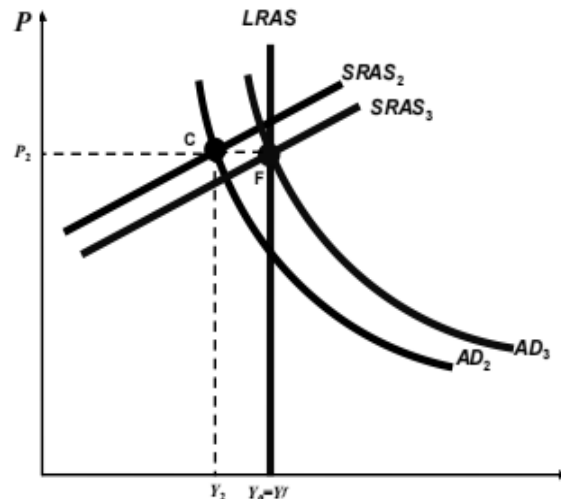
Второй сценарий (рис. 1.2, б) – вариант V: резкое падение совокупного предложения под влиянием первоначального шока (пандемии COVID-19), рост цен, сокращение совокупного спроса. Оперативная реакция правительства, активные бюджетные и монетарные меры поддержки населения и бизнеса, в итоге – быстрый выход из кризиса и восстановление экономики.

Третий сценарий (рис. 1.2, в) – вариант N: государственная поддержка смещает акценты на количественное смягчение монетарной политики, заливание экономики деньгами, рост денежной массы, что сначала стимулирует рост совокупного производства и совокупного спроса, затем разгоняет повышение цен и грозит перерасти в галопирующую инфляцию, в итоге – перегрев экономики.

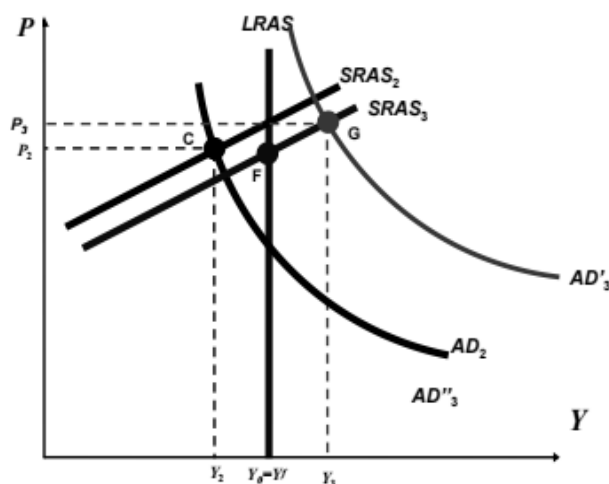
Четвертый сценарий (рис. 1.2, г) – вариант W: резкий отскок и быстрое восстановление экономики на фоне безудержного роста инфляции, падения реальных доходов вызывают ограничения со стороны совокупного спроса. Сокращение производства, банкротство предприятий малого и среднего бизнеса, спровоцированные ограничительными мерами, усиливают риски дальнейшего спада экономики, в результате – накрывает вторая волна кризиса.

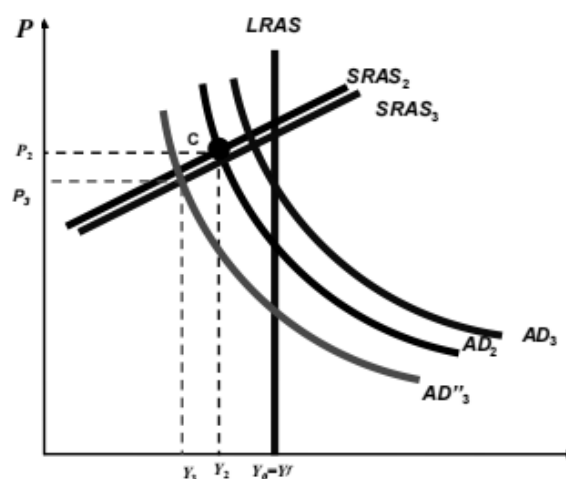
а) вариант L: новая Великая депрессия

б) вариант V: быстрый выход из кризиса

в) вариант N: перегрев экономики

г) вариант W: вторая волна кризиса

Рис. 1.2. Сценарии выхода из кризиса: варианты L, V, N, W

Изменения экономической конъюнктуры на мировых рынках происходят настолько стремительно, что затрудняют прогнозную оценку наиболее вероятного сценария. Более того, современный коронакризис имеет неэкономическую природу происхождения, возвращение новых волн пандемии, локальные локдауны и повсеместное введение QR-кодов, закрытие национальных границ увеличивают вероятность не только экономических потрясений, но социальных и геополитических рисков, каждый из которых может стать новым спусковым крючком разбалансировки рыночного механизма. Обратимся к эмпирическим данным.

Правительство многих государств в ответ на пандемию вводило пакет мер в двух направлениях: 1) ограничительные меры, связанные с купированием распространения эпидемии; 2) поддерживающие меры для бизнеса и населения. Международная статистика позволяет проанализировать текущие изменения в экономическом развитии ведущих стран, которые выступают важнейшими индикаторами экономической безопасности.

Китай, первая страна, столкнувшаяся с пандемией, выделил на поддержку национальной экономики около 15% ВВП, что позволило оперативно преодолеть надвигающийся спад. Денежные средства в размере более 2 трлн долл. направлены на сохранение объемов экспорта, финансовые и налоговые послабления для бизнеса, поддержку инфраструктурных отраслей, помощь малому и среднему бизнесу [46]. Это дало определенные положительные результаты: спад промышленного производства на 1,1% в I квартале сменился ростом на 3,9% уже во II квартале 2020 г. (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Ключевые показатели экономической безопасности Китая, %
Key indicators of China's economic security, %

Показатели	2019 (IV кв.)	2020 (II кв.)
Промпроизводство	6,9	–1,1 (1-е полугодие) +3,9 (2-е полугодие)
Безработица	3,6	5,5
Оборот розничной торговли	8,0	–15,8
Экспорт	7,6	–6,6
Импорт	16,3	–14,2

Примечание. Сост. по: Coronavirus Government Response Tracker (<https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/coronavirus-government-response-tracker>)

Сильнее всего в Китае пострадал розничный товарооборот (–15,8%), отчасти это связано с ограничениями на поставки импорта и незначительной финансовой поддержкой населения, доходы которых упали по сравнению с 2019 г.

В Европе сложилась крайне сложная экономическая ситуация, вызванная пандемией COVID-19. Резкий рост заболеваемости, несинхронное закрытие границ, неоперативные антикризисные меры привели к существенному падению основных макроэкономических показателей во всех странах ЕС. Так, в Германии, крупнейшей экономике Европы, показатель промышленного производства во II квартале 2020 г. упал на 10,7% (табл. 1.2), еще более сложная ситуация наблюдается во Франции (–20,7%) и Италии (–40,0%).

Таблица 1.2

Ключевые показатели экономической безопасности Германии, %
Key indicators of Germany's economic security, %

Показатели	2019 (IV кв.)	2020 (II кв.)
Промпроизводство	0,8	–10,7
Безработица	3,2	3,5
Оборот розничной торговли	1,7	–5,3
Экспорт	–1,9	–12
Импорт	–0,2	–4,3

Сост. по: Coronavirus Government Response Tracker (<https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/coronavirus-government-response-tracker>)

Правительство Германии пошло по пути прямой государственной поддержки национальной экономики, которая составила 13,3% ВВП, что позволило смягчить карантинные меры и поддержать отечественных производителей. Государственные гарантии из Фонда экономической стабилизации составили более 600 млрд евро. Выделен масштабный пакет мер экономической поддержки работников и социальной помощи домохозяйствам. В зоне умеренного риска оказались показатели безработицы – рост на 0,3%, сокращение розничного товарооборота на 5,3% и снижение импорта на 4,3%. Существеннее всего сократился экспорт на 12,0 %, что в большей степени объясняется разрывов логистических цепочек во время пандемии. Однако риски снижения уровня экономической безопасности Германии остаются довольно высокими, учитывая тесную взаимосвязь национальных экономик стран ЕС.

Коронакризисная ситуация в США развивалась неоднозначно. Общий объем антикризисных мер составил 14,3% ВВП, акцентируясь в основном на поддержке производителей [83]. Существенно увеличены расходы на здравоохранение. Это позволило локализовать темпы падения промышленного производства на уровне –11,2%. Однако в условиях свободного ценообразования на рынке труда, резко увеличилась безработица (до 14,7%), что потребует значительных средств на восстановление докризисных показателей. Прямая поддержка домохозяйств оказалась меньше, чем в европейских странах, что привело к сокращению потребительского спроса и значительному снижению розничного товарооборота. В зоне высокого риска остается падение экспорта (более 20,0%) (табл. 1.3).

Таблица 1.3

Ключевые показатели экономической безопасности США, %

Key indicators of US economic security, %

Показатели	2019 (IV кв.)	2020 (II кв.)
Промпроизводство	0,9	–11,2
Безработица	3,5	14,7
Оборот розничной торговли	0,3	–16,4
Экспорт	0,1	–20,5
Импорт	–0,7	–13,7

Сост. по: Coronavirus Government Response Tracker (<https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/coronavirus-government-response-tracker>)

В России на борьбу с пандемией как глобальной угрозой выделено 3 трлн рублей, что позволило на ранних этапах купировать резкий обвал экономики.

Антикризисные меры государственной поддержки включают следующие направления:

- ограничение фискального бремени, отсрочка по налогам и страховым взносам;
- социальные меры по поддержке занятости и доходов, особенно семей с детьми;
- обеспечение доступа к заемному финансированию, снижение ставок;
- снижение издержек уязвимых предприятий, заморозка арендных платежей, кредитные каникулы;
- поддержка цифровой трансформации предприятий и др.

Меры государственной поддержки бизнеса, избирательные ограничения и финансовая подушка безопасности крупных предприятий помогли избежать катастрофического падения промышленного производства (–5,5%). Удалось удержать рост безработицы на уровне 6,3%. Однако на фоне относительной макроэкономической стабильности снижение доходов домохозяйств, рост уровня бедности работающего населения и потеря работы самозанятых отразились на значительном сокращении розничного товарооборота (–27,0%). Нарастают риски и угрозы внешнеэкономической безопасности, падение экспорта составило более 40,9%, импорта – около 15,0% (табл. 1.4).

Таблица 1.4

Ключевые показатели экономической безопасности России

Key indicators of Russia's economic security

Показатели	2019 (IV кв.)	2020 (II кв.)
Промпроизводство, %	1,3	–5,5
Безработица, %	4,7	6,3
Оборот розничной торговли, %	5,8	–27
Экспорт, млрд руб.	110,8	67,2
Импорт, млрд руб.	62,5	50,4

Примечание: сост. по данным Росстата (www.gks.ru).

В целом, можно сделать выводы: во-первых, в России сохраняется высокий уровень неопределенности и риска в экономической сфере; во-вторых, перспективы роста экономики зависят от динамики внешних факторов; совершенствования системы государственного управления; стратегического планирования в области обеспечения экономической безопасности и социально-экономического развития.

Последствия для мировой экономики, несмотря на улучшение ситуации с заболеваемостью, началом массовой вакцинации и частичным снятием ограничительных мер, плохо предсказуемы, макроэкономические показатели роста безработицы, падения доходов и роста бедности, продовольственная безопасность находятся в зоне критического риска. Пострадавшие от шоков отрасли и секторы экономики в основном коснулись сферы услуг, особенно сильно сжались секторы туризма, транспорта, логистики, гостиничного и ресторанного бизнеса, культурно-досуговый кластер и т.д.

Однако определенные отрасли, напротив, получили импульс к развитию и могут стать драйверами будущего роста. С начала 2021 г. по мнению аналитиков, начинается новый, пятый суперцикл роста, на это указывает ряд факторов: появление вакцины от ковида, скачок цен на сельскохозяйственную продукцию и металлы; рост цен на нефть выше 70 долл. за баррель, сокращение глобального переизбытка предложения.

По прогнозным данным Международного валютного фонда (МВФ), уже в 2021 г. мировая экономика способна выйти на темпы роста в 5,8% (табл. 1.5). Лидерами роста могут стать Китай (+9,2%), Индия (+7,4%), страны АСЕАН (7,8%).

Таблица 1.5

Последствия коронакризиса для ведущих экономик мира:
динамика мирового ВВП по странам и регионам, %

Страны и регионы	2019	2020	2021*
Весь мир	2,9	–3,0	5,8
<i>Развитые экономики</i>	1,7	–6,1	4,5
США	2,3	–5,9	4,7
<i>Зона евро</i>	1,2	–7,5	4,7
Германия	0,6	–7,0	5,2
Франция	1,3	–7,2	4,5
Италия	0,3	–9,1	4,8
Испания	2,0	–8,0	4,3
Япония	0,7	–5,2	3,0
Великобритания	1,4	–6,5	4,0
Канада	1,6	–6,2	4,2
<i>Страны с развивающимися рынками</i>	3,7	–1,0	6,6
Китай	6,1	1,2	9,2
Индия	4,2	1,9	7,4

Окончание табл. 1.5

Страны и регионы	2019	2020	2021*
АСЕАН-5	4,8	–0,6	7,8
Россия	1,3	–5,5	3,5
Бразилия	1,1	–5,3	2,9
ЮАР	0,2	–5,8	4,0

Сост. по: IMF, World Economic Outlook, April, 2020 www.IMF.org

Данные МВФ вселяют сдержанный оптимизм по поводу быстрого выхода из коронакризиса. При такой динамике мирового ВВП вероятен позитивный сценарий, вариант V: падение и последующий энергичный восстановительный рост международной экономики. Однако во второй половине 2021 г. на фоне монетарного стимулирования и проведения мягкой кредитно-денежной политики правительствами большинства государств стремительными темпами стала закручиваться инфляционная спираль, охватывающая все новые и новые страны, приводящая к почти беспрецедентному росту цен на сырье и готовую продукцию во всем мире. Инфляционные риски усиливаются наращиванием государственных долгов, общемировой объем которых, по данным Института международных финансов (ИФ), достиг 296 трлн долл., что примерно в два раза выше мирового ВВП за 2020 г. [37].

Вместе с тем, в мире происходит усиление глобальных рисков: экономическая конфронтация между странами и внутри них, неспособность смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним, утрата биоразнообразия, геополитическая и геоэкономическая неопределенность, цифровая фрагментация и уязвимость киберпространства, демографические и социальные последствия коронакризиса [43], что делает вопросы обеспечения национальной экономической безопасности крайне актуальными в современных условиях.

Эксперты прогнозируют на среднесрочном временном горизонте три-пять лет обострение экономических рисков:

- *схопывание финансовых пузырей* – цены на недвижимость, раздутое ипотечное кредитование, инвестиционные фонды, акции и другие финансовые активы все больше отрываются от реальной экономики и создают реальные предпосылки финансового кризиса;

- *распад системно важных отраслей*, оказывающих влияние на мировую экономику, финансовые рынки и т.д.

- *долговые кризисы* – корпоративные и государственные финансы многих стран перегружены накоплением долга, обслуживание долговых обязательств приводит к массовым банкротствам, дефолтам, неплатежеспособности, кризисам ликвидности или кризисам суверенного долга;

- *неспособность контролировать траекторию общего уровня цен* от резких колебаний инфляции до длительной дефляции;

– *глобальное распространение неформальной и/или незаконной деятельности*, подрывающей экономические продвижение и рост: контрафакция, незаконные финансовые потоки, незаконная торговля, уклонение от уплаты налогов, торговля людьми, организованная преступность и т. д.

– *длительная стагнация* – медленный или почти нулевой глобальный рост мировой экономики в течение длительного времени.

По мере того, как экономика выходит из шока и стимулов пандемии, бизнес столкнется с новыми потрясениями. Коронакризис дал импульс таким тенденциям, как: национальные программы по предотвращению экономических потерь, технологическая трансформация и изменения в структуре общества – включая поведение потребителей, характер работы и роль технологий на работе и дома. Бизнес-риски, исходящие от этих тенденции усиливаются кризисом и включают стагнацию в странах с развитой экономикой, утраченный потенциал развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, обвал малых предприятий, увеличение разрыва между крупными и второстепенными компаниями, сокращающийся динамизм рынков и обострение неравенства, что усложняет преодоление последствий пандемии. Пока правительства предпринимают усилия по выходу из чрезвычайных ситуаций до восстановления экономики, а компаниями, пытаются встроиться в изменившийся бизнес-ландшафт, появляются возможности инвестировать в «умные», чистые зеленые технологии и инклюзивный рост, которые повысят производительность и позволят вернуться к достижению целей долгосрочного устойчивого развития.

Значительную озабоченность в ближайшей повестке дня занимают растущие *технологические риски*. Коронакризис форсировал четвертую промышленную революцию, расширяющую цифровизацию деятельности человека, электронную коммерцию, онлайн-образование, удаленную работу. Эти технологии долгое время будут изменять жизнь общества и расширяют возможности для повышения производительности. Однако, преднамеренные или непреднамеренные негативные последствия технологических достижений для отдельных лиц, предприятий, экосистемы и экономики: искусственный интеллект, интерфейсы мозг-компьютер, биотехнологии, геоинженерия, квантовые вычисления и т. д., еще недостаточно изучены и требуют особого внимания. Ухудшение, насыщение или остановка критически важной физической и цифровой инфраструктуры в результате системной зависимости от киберсетей и технологий приводит к сбоям кибербезопасности. Концентрация важных цифровых активов, возможностей и /или знаний в руках отдельных частных лиц и государств происходит за счет сокращения количества предприятий или численности штатов, что приводит к дискреционному ценообразованию, отсутствию беспристрастного надзора, неравному частному и публичному доступу к новейшим технологиям.

«Цифровое неравенство» на данном этапе представляет глобальную краткосрочную угрозу. Неравный доступ к критически важным цифровым

сетям и технологиям ограничивается в результате неравных инвестиционных возможностей, отсутствия необходимых навыков рабочей силы, недостаточной покупательной способности, государственных ограничений и культурных различий. Расширение цифрового разрыва может усугубить раскол в обществе и подрывает перспективы инклюзивного восстановления. Прогрессу на пути к инклюзивности цифровых технологий угрожают растущая цифровая зависимость, быстро ускоряющаяся автоматизация, подавление и манипулирование информацией, пробелы в регулировании технологий и отсутствие цифровых навыков и возможностей. В этих условиях крайне необходимо глобальное управление технологиями: формулирование общепринятых рамок, правил и институтов по использованию критически важных инновационных технологий, внедрение совместимой цифровой инфраструктуры, разработка единых протоколов и стандартов применения киберустройств и т.д. Для обеспечения баланса сил и стабильности мировой экономики необходимо безопасное цифровое пространство.

На более длительном горизонте усилятся *природные и экологические риски*. Решение этих вопросов отодвинуто на второй план, однако проблемы не исчезли. Провал климатических действий отражает неспособность правительств и бизнеса обеспечить соблюдение экологических норм, ввести в действие эффективные меры по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий, инвестировать в сохранение экосистем, защиту населения от природных катаклизмов и переход к безуглеродной экономике. Утрата биоразнообразия, разрушение природного капитала, уничтожение или сокращение определенных видов животного и растительного мира и коллапс экосистемы влечет необратимые последствия для окружающей среды, человечества и экономической деятельности. Ущерб, нанесенный деятельностью человека природе: техногенные катастрофы, промышленные аварии, радиоактивное загрязнение, разливы нефтепродуктов, торговля дикими животными, ведет к гибели людей, финансовым потерям, разрушению экосистемы. Возрастающая нагрузка на среду обитания, по мнению ученых, связана с ростом симулятивных потребностей людей, требует все больше природных ресурсов и расширения ареалов добычи и переработки для их удовлетворения, что создает реальную опасность для развития цивилизации [23]. Нарастает кризис природных ресурсов: нехватка пресной воды и продовольствия, исчерпание запасов невозобновляемых ископаемых, как результат чрезмерной эксплуатации человеком и нерационального использования природных богатств. В сегодняшней повестке дня должны стоять вопросы внедрения природосберегающих технологий, развитие зеленой экономики, бережливое производство должны поддержать экологический баланс и сохранение природы.

В обратном случае, борьба за ресурсы будет усугублять *геополитические риски*. Многие эксперты указывают на непростые геополитические перспек-

тивы долгосрочного периода. Ответные меры на пандемию вызвали усиление внутренних конфликтов и международной напряженности, распад многосторонних глобальных институтов, созданных для решения экономических, экологических, социальных проблем и преодоления гуманитарных кризисов.

Геополитизация стратегических ресурсов, концентрация власти или ограничение мобильности знаний, услуг и технологий, важных для развития всего человечества, усиливают политическую поляризацию. Экономическое, политическое и технологическое соперничество геополитических держав приводит к разрыву международных связей, внутригосударственным и межгосударственным конфликтам с глобальными последствиями: биологические, химические, кибер- и физические атаки, военные вмешательства, информационные войны и т.д. Развертывание оружия массового поражения, крупномасштабные, разрозненные или изолированные террористические акты, совершаемые отдельными лицами или негосударственными группами с идеологическими, политическими или религиозными целями, приводят к серьезным человеческим жертвам, травмам или материальному ущербу. В отчете по глобальным рискам [14] отмечается, что рост горячих точек и очагов геополитической напряженности может впоследствии спровоцировать распад государств и крах многосторонних соглашений, нарушение законности, размывание институтов, военные перевороты, региональную и глобальную нестабильность.

В ноябре 2020 г. на саммите стран G20, где уделялось особое внимание пандемии и глобальному экономическому кризису, сформулированы основные тренды в снижении угроз экономической безопасности:

- создание глобального заслона на пути распространения коронавируса, поддержка развивающихся стран в области вакцинации;
- снижение барьеров для восстановления мировой экономики, либерализация торговли медицинскими товарами;
- развитие безопасного цифрового пространства и преодоление цифрового разрыва;
- реализация развития на более широком пространстве;
- усиление роли G20 в глобальном управлении и улучшении международного порядка;
- укрепление международной системы под руководством ООН;
- продвижение экономической глобализации на принципах открытости, инклюзии и взаимовыгоды;
- увеличение потенциала реагирования в ответ на глобальные вызовы.

Последствия COVID-19 будут иметь долгосрочные негативные эффекты, усиливая экономическую нестабильность и социальную разобщен-

ность. Структурные сдвиги в экономике и обществе, вызванные коронакризисом, угрожают сделать восстановление глубоко неравномерным по странам и регионам.

Однако выводы, извлеченные из глобальной пандемии, расширяют возможности управления рисками для укрепления общей устойчивости стран, предприятий и международного сообщества по следующим направлениям: 1) определение аналитических рамок, предполагающих системный подход к оценке угроз и рисков; 2) инвестирование в «чемпионов по риску» для распространения лучшего опыта выхода из кризиса, поощрения национального лидерства и международного сотрудничества; 3) улучшение информирования о рисках и борьба с дезинформацией; 4) изучение новых форм государственно-частного партнерства по готовности к рискам.

Чтобы не допустить развития негативных сценариев L, N и повторения кризиса по варианту W, необходимо извлечь уроки из борьбы с пандемией, распространять лучший опыт выхода из кризиса, расширять возможности глобального управления рисками для устойчивого развития стран и регионов.

Приоритетными задачами в плане восстановления глобальной экономики и повышения национальной экономической безопасности стран должны стать:

- 1) расширение возможностей трудоустройства на новой технологической основе и развитие цифровых компетенций работников;
- 2) инвестиции в сферы развития человеческого капитала: здравоохранение, образование, социальную инфраструктуру;
- 3) укрепление системы социальной защиты для борьбы с неравенством и бедностью;
- 4) продолжение бюджетной поддержки на принципах эффективности и прозрачности расходования средств;
- 5) перезагрузка систем налогообложения для большей социальной справедливости и стимулов к защите окружающей среды и природы.

Таким образом, процесс преодоления пандемии как глобальной угрозы национальной экономической безопасности разных стран позволяет установить, что решение вышеперечисленных проблем, касающихся самых различных сфер жизнедеятельности человечества, требует определения взаимовязанных и всеобъемлющих подходов на стыке многих научных дисциплин в сочетании с интеллектуальной глубиной и всесторонним учетом долгосрочных последствий принимаемых решений. Мировое сообщество способно решить глобальные проблемы при условии объединения усилий и ресурсов.

1.2. COVID-19 и глобальная продовольственная безопасность

Продовольственная безопасность является важнейшим элементом экономической безопасности и суверенным обязательством государства. Любое правительство обязано обеспечить неотъемлемое право своих граждан на питание и ликвидировать угрозу голода в стране. В России основным нормативным документом, определяющим государственную политику национальной безопасности в продовольственной сфере, является Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. №20. В данном документе зафиксировано, что продовольственная безопасность является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности страны в долгосрочном периоде, фактором сохранения ее государственности и суверенитета, важнейшей составляющей социально-экономической политики, а также необходимым условием реализации стратегического национального приоритета - повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения [73].

Однако глобализация продовольственных рынков обусловила неизбежный перенос проблемы обеспечения продовольственной безопасности на наднациональный уровень. Уже давно общепризнано, что проблема недоедания и голода носит трансграничный, комплексный характер и не может быть решена без международной координации. Именно поэтому уже в 1943 году 44 страны (в том числе и СССР) учредили Продовольственную и сельскохозяйственную организацию Объединённых Наций (ФАО) как профильную межправительственную организацию по вопросам сельского хозяйства, призванную уменьшить остроту проблемы нищеты и голода в мире.

В 2015 году Генеральная ассамблея ООН разработала Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, включающую 17 глобальных целей устойчивого развития (ЦУР). В соответствии с ЦУР 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» к 2030 году необходимо покончить с голодом и обеспечить всем, особенно малоимущим и уязвимым группам населения, включая младенцев, круглогодичный доступ к безопасной, питательной и достаточной пище.

Однако мониторинг глобальных продовольственных систем и рынков показывает, что в последние годы ситуация не только не улучшается, а ухудшается. Почти 690 миллионов человек по-прежнему страдают от хронического недоедания, в то время как появились признаки снижения темпов достижения цели ликвидации голода. Более того, в Африке уровень голода растет почти во всех субрегионах, а средний показатель распространенности приближается к 20%.

Доводы о сохраняющемся и усугубляющемся дисбалансе спроса и пред-

ложения продовольствия в глобальной продовольственной системе в настоящее время звучат убедительно на фоне усиливающегося дефицита таких критически важных ресурсов, как вода, энергия и земля.

Ключевыми угрозами продовольственной безопасности выступают:

- рост численности населения на планете;
- глобальный водный кризис;
- деградация земель и истощение природных ресурсов для производства продуктов питания;
- изменение климата и тенденция к увеличению частоты и интенсивности гидрометеорологических и климатических бедствий;
- сельскохозяйственные болезни и инфекции в популяции человека (в том числе и COVID-19);
- производство биотоплива из сельскохозяйственного сырья;
- потери пищевых продуктов и пищевые отходы;
- рост мировых цен на продукты питания;
- кризисы и конфликты.

В последние годы мир впервые столкнулся с таким количеством одновременно реализующихся угроз, что это стало серьёзным вызовом для глобальной экономики и основанием для апокалиптических прогнозов о грядущей продовольственной катастрофе. В 2020 году дополнительным негативным фактором выступила пандемия COVID. По состоянию на 6 февраля 2022 года в мире зарегистрировано свыше 394 млн случаев заболевания; подтверждено более 5,7 млн летальных исходов заболевания, что делает пандемию COVID-19 одной из самых смертоносных в истории.

Новый вирус и меры по сдерживанию его распространения стали причиной серьёзных кризисных последствий не только в здравоохранении, но и практически во всех сферах социально-экономической жизни. Поэтому требуется осмысление новых тенденций в развитии продовольственных рынков, а также исследование характера краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного влияния пандемии на продовольственные агросистемы и глобальную продовольственную безопасность.

Прежде чем приступить к собственно эмпирическому исследованию чрезвычайной продовольственной ситуации последних лет, целесообразно определиться с его категориальным аппаратом и методологией.

Термин «продовольственная безопасность» (food security) впервые был введен в официальный научный оборот в 1974 году на Всемирной продовольственной конференции и означал «сохранение стабильности на рынках продовольственных товаров при доступности базовых продуктов питания для всех стран мира» [27].

Исторически проблематика продовольственной безопасности рассматривалась на фоне дискуссии о национальной безопасности. Важную роль в формировании методологических подходов имеют работы А. Уолферса, который выделял 2 аспекта безопасности: объективный как отсутствие угроз

приобретенным ценностям и субъективный как отсутствие страха в отношении того, что этим ценностям будет нанесен ущерб» [15]. Вклад в понимание комплексного характера содержания категории безопасности внесли идеи Б. Бузана о необходимости расширения содержания категории безопасности (включения в него не только военных, но и политических, экономических, культурно-идеологических и экологических факторов), а также трактовка категории в терминах выживания (самосохранения идентичности и функциональной целостности) в ситуации вызовов, связанных с условиями существования и качества жизни [3].

Большое влияние на углубление представлений о продовольственной безопасности оказала теория устойчивого развития (sustainable development) и, в частности, работы целого ряда зарубежных и российских ученых [4, 9, 7, 20, 41, 86], раскрывающие связку «безопасность – экологическая целостность – социальная справедливость – экономическое благополучие». Тезис о том, что обеспечение безопасности как развитых, так и развивающихся стран невозможно без создания условий для устойчивого развития, существенно повлиял в дальнейшем на расширение критериев и индикаторов продовольственной безопасности.

За прошедшие почти 50 лет концепция продовольственной безопасности и методология ее исследования существенно изменились. Подходы к периодизации и подробная характеристика этапов научного осмысления представлены в работе А.Ю. Белугина [21], обосновавшего вывод о том, что эволюция понимания продовольственной безопасности и подходов к ее обеспечению представляет собой линейный процесс развития в смысле выделения дополнительных новых элементов в структуре категории и смещения акцентов между ними. Для ранних этапов характерен акцент на продовольственную самообеспеченность стран и регионов. Позже критерием продовольственной безопасности становится постоянное наличие в мире достаточных запасов основных продуктов питания. В дальнейшем проблема запасов продовольствия и контроля мировых цен дополняется проблемами бедности и экономической доступности продовольствия. После этого актуализируются вопросы питательности и безопасности продовольствия, а потом на повестку дня выносятся вопросы экологизации агропродовольственных систем в контексте устойчивого развития.

В работе Л.С. Ревенко [63] отмечается, что до сырьевых кризисов 1970-х гг. доминировала концепция национального самообеспечения («трактовки продовольственной безопасности формировались исключительно на национальном уровне и исходили из стремления стран к независимости от внешней среды при обеспечении населения продуктами питания» [63, с. 8]. В дальнейшем из-за синхронизации в мировом масштабе локальных продовольственных кризисов стала формироваться концепция глобальной продовольственной безопасности.

Новый этап в развитии научных представлений начался в 1996 году после Всемирного саммита по проблемам продовольствия, когда впервые в качестве угрозы продовольственной безопасности на национальном и общемировом уровне была признана бедность, а не отсутствие достаточных запасов продовольствия на глобальном уровне и нестабильность международных цен. Принципиальное значение имело признание того факта, что отсутствие продовольствия – всего лишь один из факторов голода. Чрезвычайно важна способность человека получать доступ к пище. Уязвимые группы населения могут не иметь доступа к продовольствию даже при изобилии наличия продовольствия. Дефиниция утвердилась следующая: «Продовольственная безопасность существует тогда, когда все люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни» [13]. В 2009 году к физической и экономической доступности пищи была добавлена социальная (возможность приобретать продовольствие социально приемлемым способом вне зависимости от социального положения потребителя, не воровать, не питаться отходами и т.д.). Исходя из этого определения, продовольственная безопасность стала базироваться на четырех основных измерениях (рис. 1.3).

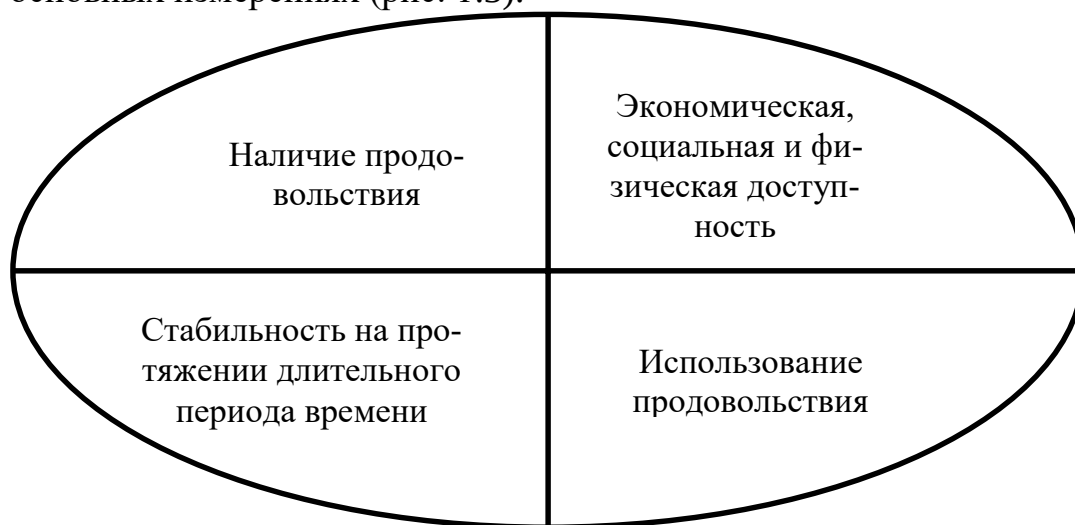

Рис. 1.3. Четыре аспекта и измеримых критерия продовольственной безопасности

На современном этапе развития границы концепта продовольственной безопасности еще больше расширились. Новая модель продовольственной безопасности, изложенная в докладе Комитета по всемирной продовольственной безопасности ФАО «Новый взгляд на продовольственную безопасность и питание» [69], сформулирована с учетом повышенной сложности факторов, воздействующих на продовольственные системы, и включает

еще 2 дополнительных аспекта измерений – субъектность (способность индивидов или групп самостоятельно решать, какие продукты питания потреблять и производить, как их производить, перерабатывать и распределять в продовольственных системах, а также их способности участвовать в процессах, определяющих политику в отношении продовольственных систем и их общее регулирование) и устойчивость (способность продовольственных систем в долгосрочной перспективе обеспечивать продовольственную безопасность и питание для всего населения так, чтобы не ставить под угрозу экономическую, социальную и экологическую базу для обеспечения продовольственной безопасности и питания будущих поколений). Таким образом, современное углубленное понимание категории продовольственной безопасности включает шесть измерений, неразрывно связанных с концептуальным и правовым пониманием права на питание (табл. 1.6).

Таблица 1.6

Шесть измерений продовольственной безопасности [14]

Аспекты	Содержание
Наличие	Наличие не содержащей вредных веществ и приемлемой для конкретной культуры пищи достаточного качества в достаточном количестве для удовлетворения пищевых потребностей людей, обеспечиваемой за счет отечественного производства или импортируемой.
Доступность (экономическая, социальная и физическая)	Наличие у индивида или домохозяйства финансовых средств для того, чтобы приобретать питательную пищу в объемах, не ставящих под угрозу удовлетворение других основных потребностей, и доступность достаточного питания для всех, включая уязвимых лиц и уязвимые группы.
Использование	Наличие полноценного рациона питания, чистой воды, мер санитарии и медицинской помощи для достижения состояния благополучия в области питания, когда удовлетворяются все физиологические потребности.
Стабильность	Способность поддерживать продовольственную безопасность в случаях внезапных потрясений (например, экономических и медицинских проблем, конфликтов или климатического кризиса) или циклических событий (таких как сезонное отсутствие продовольственной безопасности).
Субъектность	Способность индивидов или групп самостоятельно решать, какие продукты питания потреблять и производить, как их производить, перерабатывать и распределять в продовольственных системах, а также их способность участвовать в процессах, определяющих политику в отношении продовольственных систем и их общее регулирование. Для охраны субъектности необходимы социально-политические системы, в которых создаются благоприятные условия для функционирования структур управления, обеспечивающих достижение ПБП для всех.
Устойчивость	Использование в продовольственных системах методов, способствующих долгосрочному восстановлению природных, социальных и экономических систем и обеспечивающих удовлетворение потребностей ныне живущих поколений в продовольствии без ущерба для будущих поколений.

Важно отметить, что продовольственная безопасность выступает результатом и целью функционирования продовольственных систем, объединяющих различные элементы и виды деятельности, связанные с переработкой, распределением, приготовлением и потреблением продовольствия. Тремя составными элементами продовольственных систем являются: цепочки поставок продовольствия, продовольственная среда и поведение потребителей. Только устойчивые продовольственные системы обладают качествами, позволяющими обеспечивать все шесть измерений продовольственной безопасности. Среди этих качеств:

- продуктивность и благополучие (благодаря которым обеспечивается наличие достаточного количества продовольствия);
- справедливость и инклюзивность (благодаря которым всем людям обеспечивается доступ к продовольствию и средствам к существованию в системе);
- ориентация на уважение к людям и расширение их прав и возможностей (благодаря которой обеспечивается субъектность всех людей и групп, в том числе наиболее уязвимых и маргинализированных, и они получают возможность принимать решения и высказывать мнения, влияющие на систему);
- стойкость к внешним воздействиям (благодаря которой система остается стабильной в ситуациях потрясений и кризисов);
- ориентация на восстановительные методы хозяйствования (благодаря которой обеспечиваются все аспекты устойчивости);
- ориентация на здоровую и питательную пищу (благодаря которой обеспечивается усвоение и использование питательных веществ) [69].

Другими словами, продовольственная безопасность – уже не секторальная, а общесистемная проблема. К числу систем, лежащих в основе производства продовольствия, относятся экосистемы, человеческие, энергетические, экономические системы, а также системы здравоохранения. Важно, чтобы их совместное функционирование помогало восстанавливать ресурсы и обеспечивать продовольственную безопасность в долгосрочной перспективе. До последнего времени такая долгосрочная динамика не учитывалась при оценке стабильности, которая изначально отражала только краткосрочные сбои в результате конфликтов, стихийных бедствий и рыночных потрясений. Как следствие, для ее прогнозирования и обеспечения необходимо всесторонне понимать глубинные драйверы изменений в продовольственных системах, зачастую характеризующиеся неопределенностью и имеющие непредвиденные последствия.

Изменение методологических подходов к исследованию и управлению продовольственной безопасностью обобщены на рис. 1.4.

Рис. 1.4. Основные изменения в программных подходах к продовольственной безопасности ФАО

Если обратиться к отечественной теории продовольственной безопасности, то ее понимание эволюционировало от потребления в соответствии с физиологическими нормами без уменьшения государственных резервов до состояния социально-экономического развития страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевой продукции, соответствующей обязательным требованиям, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевой продукции, необходимой для активного и здорового образа жизни. Данная официальная точка зрения, отраженная в нормативно-правовых актах Российской Федерации, соответствует пятому этапу в эволюции понимания продовольственной безопасности [21]. Приходится констатировать, с одной стороны, некоторое отставание от мировой научной мысли. С другой стороны, – налицо особое конструкта, отражающего влияние предшествующего развития России («path dependence problem» или эффект колеи) в условиях геополитической конфронтации с Западом и США.

Нетрудно заметить, что позиция ФАО соответствует либеральной концепции продовольственной безопасности, в основе которой лежит свободная (без барьеров) и интенсивная международная торговля, участие в международном разделении труда, международная кооперация и интеграция

производства продуктов питания. Так, в глобальной продовольственной безопасности акцентируются следующие тезисы:

- продовольственная безопасность не означает обязательного самообеспечения продовольствием;
- страна должна производить достаточное количество продовольствия для своих нужд только в случае наличия сравнительных преимуществ в международном разделении труда;
- страна должна быть в состоянии импортировать необходимое количество продовольствия для обеспечения физической и экономической доступности безопасного продовольствия для своих граждан.

Российская концепция продовольственной безопасности, смысловое содержание которой обусловлено как исторически сложившимися социальными институтами, так политической повесткой дня, наоборот является протекционистской концепцией, акцентированной на отстаивание независимости от продовольственного импорта и закрытости в целях национальной безопасности. Традиционно в России при обсуждении продовольственной безопасности на первое место ставят вопросы производства необходимого объема продовольствия внутри страны, а не обеспечения физического и экономического доступа населения к продовольствию [84, с. 6].

Для практической реализации концепции продовольственной независимости используются инструменты экономической политики протекционизма: квоты на импортные продукты питания, продуктовое эмбарго, сертификация безопасности продуктов питания, субсидии для производителей продовольствия для внутреннего рынка.

Имеется достаточно большое количество работ российских экономистов и социологов, посвященных концептуальным и инструментальным проблемам обеспечения национальной продовольственной безопасности: измерены экономические индикаторы [84], выявлено смысловое различие российского и зарубежного понимания продовольственной безопасности [19], показана трансформация признаков «тихого продовольственного суверенитета» у сельских сообществ России [12].

Научным сообществом неоднозначно воспринимается официальная протекционистская концепция продовольственной безопасности. Так, Гумеров Р.Р. в рамках научной дискуссии по проблемам продовольственной безопасности, открытой на страницах журнала «Проблемы прогнозирования» в 2020 году, предлагает разграничить понятия продовольственной безопасности населения, продовольственной независимости государства и продовольственной самообеспеченности страны [30]. Первая характеризует состояние национальной продовольственной системы в контексте всеобщего права на адекватное питание. Вторая – оценивает возможности национальной продовольственной системы противодействовать внешним рискам и угрозам продовольственного обеспечения населения в контексте нацио-

нальной безопасности государства. Исходя из этого продовольственная самообеспеченность не является имманентным признаком продовольственной безопасности населения, а является всего лишь одной из возможных стратегий ее обеспечения.

Важную роль в развитии концепции продовольственной независимости сыграли исследования производственного (технологического) или стратегического импортозамещения в продовольственных цепочках [35, 16], ставшего парадигмой достижения экономического роста страны через внутри-направленную индустриализацию. Производственное импортозамещение предусматривает снижение импорта товаров промежуточного спроса – комплектующих, материалов, сырья, для уменьшения импортозависимости в отраслевой производственной цепочке. Фактически продовольственное самообеспечение ориентировано на получение экономического суверенитета и предотвращение внешнего управления.

Как официальная экономическая политика стратегическое импортозамещение впервые было объявлено в 2009 году. Развитие данная политика получила при принятии в 2010 году Доктрины продовольственной безопасности России, в которой рост локализации производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия рассматривался необходимым условием достижения продовольственной независимости [74]. Однако острота проблемы импортозамещения становится более явной, если учитывать скрытый конкурирующий импорт в виде использования импортного сырья и технологий при производстве продовольствия. И если в первой редакции Доктрины-2010 были указаны пороговые значения импорта конечной продукции АПК, то в Доктрине-2020 уже появился принципиально новый индикатор – пороговое значение по импорту семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции (не менее 75%).

Современный этап политики импортозамещения в продовольственной сфере связан с необходимостью локализации производства не только конечной продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности, а всей воспроизводственной цепочки в АПК, особенно ее начальных стадий по производству технологий. Таким образом, актуальная повестка дня связана не с импортозамещением в целом, а с производственным или технологическим импортозамещением, под которым понимается повышение локализации производства средств производства в АПК и рост затрат отечественного происхождения в структуре себестоимости пищевой продукции.

Несмотря на различия в концептуальных моделях продовольственной безопасности, методический инструментарий ее анализа и прогнозирования, применяемый в разных странах мира, достаточно похож и базируется на общемировых подходах ФАО, которая сформировала систему показателей для оценки состояния продовольственной безопасности по четырем направлениям (табл. 1.7).

Таблица 1.7

Показатели продовольственной безопасности ФАО

Элементы продовольственной безопасности	Показатели
1. Наличие (Availability)	Средняя энергетическая ценность пищевого рациона; Среднее значение производства продовольствия; Доля злаков, корнеплодов и клубнеплодов в энергетической ценности нишевого рациона; Средний объем получаемых белков животного происхождения
2. Физическая доступность (Physical access)	Доля дорог с твердым покрытием по отношению ко всем дорогам; Валовой внутренний продукт на душу населения (в эквиваленте покупательной способности); Плотность железнодорожных линий; Плотность дорожной сети
3. Экономическая доступность (Economic access)	Индекс цен отечественной пищевой промышленности Доступ к улучшенным источникам воды Доступ к улучшенным санитарно-техническим сооружениям
4. Результаты (Outcomes)	Масштабы распространения недоедания Доля расходов на продовольствие в бюджете бедных семей Масштабы дефицита продовольствия Масштабы распространения нехватки продовольствия Доля детей в возрасте до 5 лет, страдающих от истощения Доля детей в возрасте до 5 лет, отстающих в росте Процент детей в возрасте до 5 лет, которые имеют недостаточную массу тела Процент взрослых, которые имеют недостаточную массу тела Распространенность анемии среди детей в возрасте до 5 лет

Для исследования влияния COVID-19 на глобальную продовольственную безопасность наиболее важны показатели результатов., в том числе два важнейших – распространенность недоедания и уровень отсутствия продовольственной безопасности населения.

Распространенность недоедания (The prevalence of undernourishment, далее PoU) рассчитывается как удельный вес населения, у которого в течение года не было возможности приобретать достаточно еды, чтобы получать ежедневно минимально требуемый уровень калорийности питания. Показатель носит оценочный характер и рассчитывается на основе нормативов минимальной потребности в энергии, поступающей с пищей, средней калорийности потребляемой пищи, коэффициента вариации распределения потребления калорий и коэффициента асимметрии.

Помимо данного показателя широкое распространение получил показатель «Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения» на основе специально разработанной ФАО «Шкалы

восприятия отсутствия продовольственной безопасности» (The Food Insecurity Experience Scale, далее FIES). Этот количественный индикатор оценивает удельный вес лиц в населении, которые столкнулись с проблемой отсутствия продовольственной безопасности на умеренном или остром уровне за последние 12 месяцев. Серьезность отсутствия продовольственной безопасности предусматривает 3 уровня:

а) продовольственная безопасность или слабое отсутствие продовольственной безопасности;

б) умеренное или острое отсутствие продовольственной безопасности;

и (с) острое отсутствие продовольственной безопасности.

FIES основана на дихотомических ответах людей «да/нет» на 8 коротких вопросов, касающихся их доступа к достаточному питанию. Ответы группируются по 4 уровням продовольственной безопасности:

– беспокойство о нехватке еды;

– компромисс между качеством и разнообразием;

– сокращение количества и пропуск еды;

– голод.

В методологии FIES указывается, что к людям, испытывающим умеренную нехватку продовольствия, относятся лица, которые обычно едят пищевые продукты низкого качества и время от времени вынуждены сокращать объем порции, в то время как те, кто испытывает острую нехватку продовольствия, могут не есть целыми днями из-за нехватки денег или других ресурсов для получения еды.

Данные для расчетов собираются путем телефонного или личного (что предпочтительно) анкетирования. Выборочное обследование проводится с 2014 года Институтом Геллапа в 140 странах мира. В большинстве стран выборки включают около 1000 человек. FIES признана надежным и рентабельным показателем для оценки недоедания и поэтому уже используется как стандартный инструмент оценки продовольственной безопасности во многих странах национальными статистическими органами. В России индикатор «Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения» по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности относится к разделу «Внутренняя продовольственная помощь» и рассчитывается Росстатом 1 раз в 5 лет. В частности, такое обследование проводилось в 2019 году.

Помимо набора индикаторов в мировой практике используются агрегированные показатели, представляющие собой некие сводные индексы продовольственной безопасности. Одним из наиболее известных индексов подобного рода является глобальный индекс голода (Global Hunger Index, далее GHI), разработанный Международным исследовательским институтом продовольственной политики. Индекс агрегирует три частных показателя – удельный вес недоедающего населения в стране (потребление калорий ниже нормы), детей в возрасте до 5 лет с отставанием в весе и смертность детей в

возрасте до 5 лет по причине недоедания. Каждый из четырёх индикаторов оценивается по 100-балльной шкале, где высокие показатели свидетельствуют о серьёзности проблемы голода в стране и низкой эффективности деятельности государства по обеспечению продовольственной безопасности. Далее рассчитывается среднее арифметическое по 3 измерениям и оцениваются масштабы проблем голода и недоедания. Шкала следующая:

- масштабы невысокие, если значение индекса $\leq 9,9$;
- масштабы умеренные, если индекс находится в диапазоне 10,0 – 19,9;
- масштабы серьёзные, если индекс находится в диапазоне 20,0 – 34,9;
- масштабы вызывают опасения, если индекс находится в диапазоне 35,0 – 49,9%;
- масштабы критические, если значение индекса $\geq 50,0$.

Индекс GHI позволяет ранжировать страны по масштабам голода и динамике ухудшения или улучшения ситуации. Лидерами рейтинга считаются государства, индекс которых находится в диапазоне до 5 баллов.

Более сложным по составу и методике расчета является индекс глобальной продовольственной безопасности (Global Food Security Index, далее GFSI), который рассчитывается британской исследовательской компанией «The Economist Intelligence Unit» с 2012 года по 113 странам мира. Индекс представляет собой динамическую модель количественного и качественного сравнительного анализа движущих сил продовольственной безопасности, построенную на основе 59 уникальных показателей.

Методология GFSI соответствует актуальной методологии ФАО и рассматривает в качестве элементов продовольственной безопасности доступность, наличие, качество и безопасность продуктов питания, а с 2017 года и четвертую категорию – «Природные ресурсы и устойчивость», отражающую подверженность страны последствиям изменения климата и ее восприимчивость к природным ресурсным рискам. Общая оценка для построения рейтинга рассчитывается как средневзвешенное значение по базовым индикаторам и измеряются от нуля до максимально возможной оценки 100.

За основу берутся данные из национальных и международных статистических источников, в том числе Всемирного банка, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Всемирной организации здравоохранения, Всемирной торговой организации, Института мировых ресурсов, Министерства сельского хозяйства США. На сегодняшний момент уже имеется 10 выпусков GFSI. На наш взгляд, на сегодня это наиболее востребованный и комплексный источник информации для исследования и междоународного сопоставления уровней продовольственной безопасности.

При всем удобстве индексов для целей выявления наиболее или наименее уязвимых стран с точки зрения продовольственной необеспеченности, следует помнить, что для более глубокого анализа состояния продовольственной безопасности необходима обратная дезагрегация в пользу исходных частных показателей.

В России показатели продовольственной безопасности утверждены специальным постановлением Правительства в 2021 году [62] (табл. 1.8). В целом перечень соответствует Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации и состоит из 73 показателей.

Таблица 1.8

Перечень показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации

Элементы	Показатели
<i>I Экономическая доступность (16 индикаторов)</i>	<i>1.1 Потребительская корзина:</i> Рациональные нормы потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания, на душу населения в год: Потребление продуктов питания в среднем на потребителя в год в домохозяйствах: Состав пищевых веществ и энергетическая ценность суточного рациона питания в среднем за сутки на члена домохозяйства: <i>1.2 Снижение уровня бедности</i> Среднедушевые денежные доходы населения в месяц Реальные располагаемые денежные доходы населения к соответствующему периоду предыдущего года Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций Уровень реальной начисленной заработной платы Средний размер назначенных пенсий Реальный размер назначенных пенсий к соответствующему периоду предыдущего года Величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения в месяц) Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения по отдельным видам социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (от общей численности населения) <i>1.3 Внутренняя продовольственная помощь</i> Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения (по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности (FIES) 1 раз в 5 лет (2019) <i>1.4 Внешнеэкономические показатели</i> Данные по экспорту продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного) Данные по импорту продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного)

Элементы	Показатели
<i>2. Физическая доступность (50 индикаторов)</i>	2.1 Развитие транспортной и логистической инфраструктуры (1 индикатор) 2.2 Развитие торговой инфраструктуры и объектов общественного питания (11 индикаторов) 2.3 Развитие производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (15 индикаторов) 2.4 Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель (3 индикатора) 2.5 Проведение противоэпизоотических мероприятий (2 индикатора) 2.6 Развитие научного потенциала сельского и рыбного хозяйства (3 индикатора) 2.7 Развитие системы подготовки, повышения квалификации кадров (7 индикаторов) 2.8 Привлечение инвестиций (2 индикатора) 2.9 Оказание государственной поддержки (2 индикатора) 2.10 Обеспечение качества и безопасности пищевой продукции (1 индикатор) 2.11 Контроль за оборотом генно-инженерно-модифицированной продукции (2 индикатора)
<i>III. Устойчивое развитие сельских территорий (7 индикаторов)</i>	3.1 Создание высокопроизводительных рабочих мест в сельском хозяйстве, повышение уровня и диверсификация занятости в сельской местности (3 индикатора) 3.2 Социальное обустройство сельских и прибрежных рыбацких поселений и реализация социальных программ (4 индикатора)

Как видно из таблицы, отечественная система мониторинга продовольственной безопасности в целом соответствует глобальной методологии ФАО. Вместе с тем часть конкретных показателей голода, применяемых ФАО, отсутствует, часть показателей заменена с учетом особенностей страны и национальной статистики, а также добавлены показатели социально-экономического развития сельских территорий.

Ключевыми целевыми показателями достижения продовольственной безопасности в России выступают так называемые пороговые значения. Так, по продовольственной независимости используются пороговые значения самообеспечения по 11 важнейшим группам продуктам, рассчитываемые как отношение объема отечественного производства к объему их внутреннего потребления. По экономической доступности порогом ее достижения выступает 100-процентное соответствие фактического потребления основной пищевой продукции на душу населения к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания. Физическая доступность продовольствия определяется как процентное отношение фактической обеспеченности населения разными видами торговых объектов по продаже продовольственных товаров и объектами по реализации продукции

общественного питания к установленным нормативам. Качество и безопасность пищевой продукции определяется как удельный вес проб пищевой продукции, не соответствующих обязательным требованиям законодательства Евразийского экономического союза о техническом регулировании, в общем объеме исследованных проб.

Для анализа влияния пандемии COVID-19 будем рассматривать изменение вышеперечисленных индикаторов и индексов в 2020 году по сравнению с предшествующими периодами. Именно 2020 год подвергся атакам 3 волн глобального распространения вируса. К сожалению, большинство данных за 2021 год как второй год пандемии пока недоступны. Конечно, нельзя выделить или количественно определить «чистое» влияние пандемии на показатели продовольственной безопасности.

Анализ рассмотренных выше индикаторов глобальной продовольственной безопасности позволяет сделать вывод о том, что в обстановке пандемии COVID-19 масштабы голода в мире в 2020 году увеличились. После пяти лет относительной стабильности, показатель распространенности недоедания (PoU) всего за один год вырос с 8,4% до 9,9% (рис. 1.5). Все достигнутые успехи в снижении голода были потеряны [8].

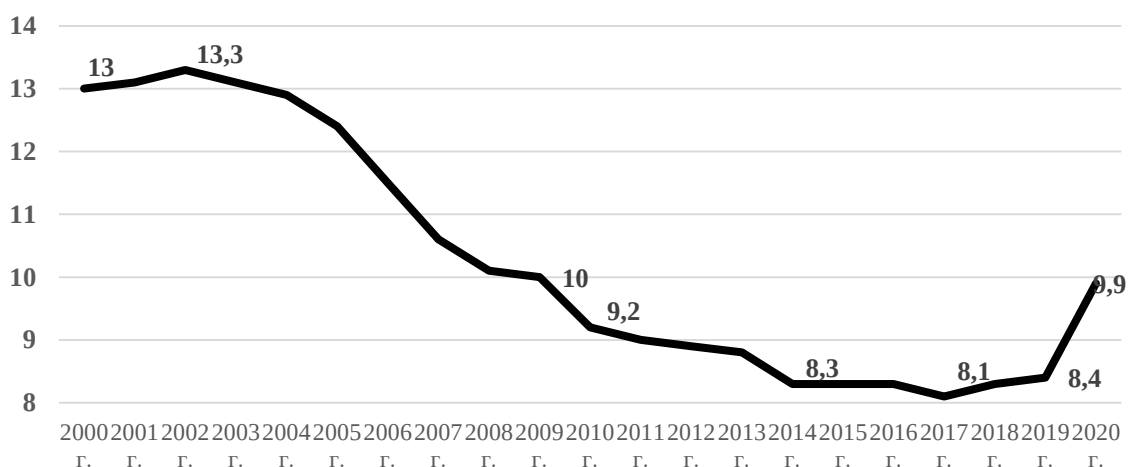

Рис. 1.5. Распространённость недоедания PoU в мире, в процентах

По оценкам ФАО, в 2020 году от голода страдало 768 миллионов человек, что больше уровня 2019 года на 161 миллион. В количественном выражении, более половины недоедающих в мире приходится на Азию (418 миллионов) и более одной трети – на Африку (282 миллиона или 21% населения материка).

Показатель умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности показывает аналогичную картину ухудшения ситуации, причем более критического. Начиная с 2014 года, когда ФАО начала сбор данных для FIES, показатели умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности в мире до 2019 года медленно росли с 22,6% до 26,6 %, а

в 2020 году, когда началась эпидемия COVID-19, очень резко взлетели до 30,4% (рис. 1.6).

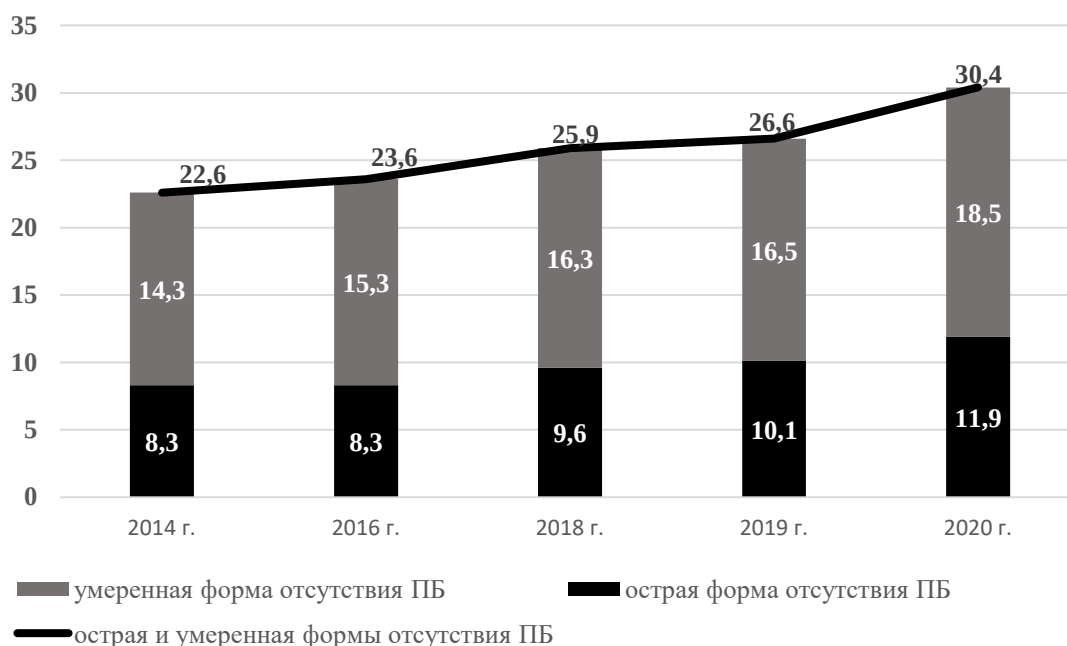

Рис. 1.6. Распространенность в мире острой и умеренной форм отсутствия продовольственной безопасности (%)

Прирост этого показателя оказался равен приросту за все предшествующие пять лет. За этим скрываются ужасающий факт: в 2020 году почти каждый третий человек в мире не имел доступа к достаточному количеству продовольствия. Всего за один год число таких людей увеличилось почти на 320 миллионов – с 2,05 до 2,37 миллиарда человек.

Больше всего показатели умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности увеличились в 2020 году по сравнению с 2019 годом в Латинской Америке и Карибском бассейне (9 процентных пунктов), Африке (5,4 процентных пункта). Самый высокий показатель распространенности отсутствия продовольственной безопасности обоих уровней по-прежнему в Африке. В 2020 году почти 60% процентов населения Африки испытывали умеренное или острое отсутствие продовольственной безопасности. Даже в Северной Америке и Европе, где сохраняется самая благоприятная ситуация, показатели отсутствия продовольственной безопасности впервые за историю наблюдения выросли с 7,7% до 8,8% [25].

Прирост показателя распространенности острого отсутствия продовольственной безопасности в 2019–2020 годах (рис. 1.7) также был равен общему его приросту за период 2014–2019 годов, а количество людей, испытывающих острое отсутствие продовольственной безопасности увеличилось почти на 148 миллионов и достигло 928 миллионов человек (почти 12% населения мира).

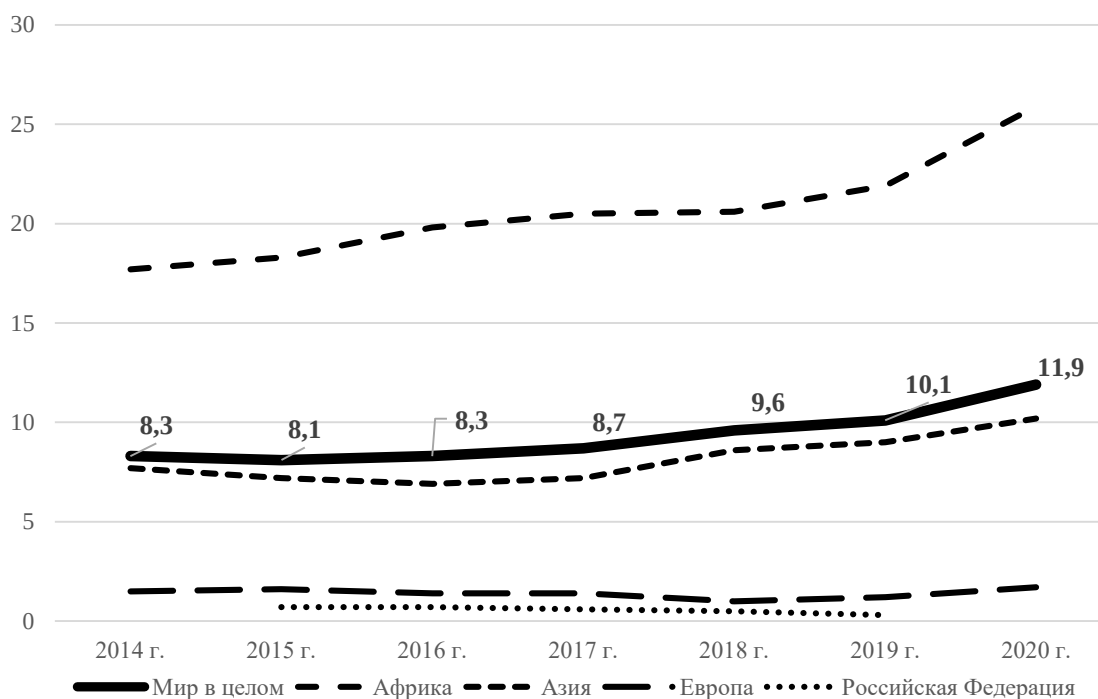

Рис. 1.7. Неравномерность распространенности острой формы отсутствия продовольственной безопасности по регионам мира (%)

На рис. 1.7 отчетливо видна неравномерность распространенности острого голода. В Африке она в 15 раз выше, чем в Европе, а в России она ниже, чем среднемировой уровень, в 33,7 раза.

Анализ показывает, что продовольственные рынки России оказались более устойчивыми к влиянию пандемии. Это подтверждается динамикой индикаторов уровня самообеспечения страны продовольствием (табл. 1.9), которые не только не ухудшились, но и улучшились за исключением картофеля и овощей. Более того, в 2020 году российский экспорт сельхозпродукции впервые в новейшей истории превысил импорт, и страна стала нетто-экспортером продовольствия в стоимостном выражении.

Таблица 1.9

Уровень самообеспечения Российской Федерации основными видами продовольствия*

Наименование продукции	Уровень самообеспечения, %			
	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Молоко	79,9	83,9	83,9	84,0
Мясо	88,7	95,7	97,4	100,1
Яйца	96,7	97,7	97,1	97,4
Картофель	102,1	95,3	95,1	89,2
Овощи и бахчевые	86,8	87,2	87,7	86,3
Фрукты и ягоды	32,5	38,8	40,2	42,4

*Рассчитано по данным Росстата [76].

Однако, как видно из таблицы, целевые показатели продовольственной независимости еще не достигнуты по молоку, овощам и бахчевым продовольственным культурам, фруктам и ягодам.

Экономическая доступность продуктов питания, оцениваемая через отношение фактического потребления к рациональным нормам, также растет по всем ценным продуктам питания, включая свежую продукцию и продукцию животного происхождения. Однако, как следует из табл. 1.10, фактический уровень потребления ниже рациональных норм по овощам (76,4%), фруктам и ягодам (61%), молочным продуктам (73,8%), рыбопродуктам (90,9%). На сегодня это наиболее проблемные категории продуктов. Тем не менее, при сохранении несбалансированности продуктовой корзины (замена животных жиров растительными, фруктов – сахаристыми) очевидна позитивная тенденция улучшения ее структуры за счет роста потребления высокоценных продуктов несмотря на пандемию 2020 года.

Таблица 1.10

Динамика среднедушевого потребления основных продуктов питания, в процентах к рациональной норме*

Виды продуктов питания	Рац. норма кг	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	2020 г.
Картофель	90	117,8	121,1	105,6	101,1	98,9	95,6
Овощи и бахчевые культуры	140	63,6	56,4	70,0	72,9	77,1	76,4
Фрукты и ягоды	100	35,0	32,0	57,0	60,0	62,0	61,0
Мясо и мясопродукты	73	102,7	61,6	94,5	100,0	104,1	104,1
Молоко и молпродукты	325	119,1	66,2	75,4	71,7	72,0	73,8
Яйца, шт.	260	114,2	88,1	103,8	105,0	109,6	108,8
Рыба и рыбопродукты	22		...	...	101,4	95,9	90,9
Сахар	24	195,8	145,8	162,5	162,5	162,5	162,5
Масло растительное	12	85,0	82,5	111,7	113,3	116,7	115,8
Хлебные и макаронные продукты, мука, крупа и бобовые	96	125	121,9	125,0	122,9	120,8	120,8

*Рассчитано по данным Росстата [76].

Сравнительный анализ позиций России в продовольственной сфере иллюстрируют глобальные рейтинги. Как показал индекс глобальной продо-

вольственной безопасности GFSI [10], наблюдается тенденция падения продовольственной безопасности в мире. Он снизился с 61,6 балла в 2019 году до 60,9 балла в 2021 году, то есть по сути перешел из категории хорошего уровня в категорию умеренного уровня продовольственной безопасности.

После быстрого роста в первые несколько лет своего существования и достижения пика в 2019 году, индексы GFSI упали за последние два года на фоне пандемии COVID-19, конфликтов и изменчивости климата. Причем это падение наблюдалось во всех регионах и странах на всех уровнях дохода. Тем не менее, страны с высоким уровнем дохода в Европе по-прежнему лидируют в индексе, как и десять лет назад, занимая семь из десяти первых мест. Первое место занимает Ирландия, набрав 84 балла из 100. 10 последних мест в рейтинге занимают страны Африки к югу от Сахары.

В общем списке из 113 стран Россия заняла 24-е место по уровню продовольственной безопасности со значением индекса в 74,8 балла по 100-балльной шкале, что на 0,9 балла выше по сравнению с 2020 годом и соответствует хорошему уровню продовольственной безопасности. При этом по доступности продуктов питания для населения страна занимает 20-ю строчку индекса, а по их наличию – 34-е. Россия получила максимальные баллы за программы продовольственной безопасности, уровень доступа к рынкам и сельскохозяйственным финансовым услугам. По оценкам аналитиков страна относится к «восходящим звездам Европы», в которых в период с 2012 по 2021 год общая обстановка в области продовольственной безопасности значительно улучшилась.

Отсутствие продовольственных угроз для России в условиях неопределенности пандемии демонстрирует и другое исследование – «Global Hunger Index (GHI)» [11]. В 2020 году среднемировое значение GHI составляло 18,2 баллов, что соответствует умеренному уровню голода. По сравнению с 2000 года ситуация с голодом в мире улучшилась, но прогресс замедляется. Так, если в период 2006–2012 гг. индекс снизился на 4,7 пункта с 25,1 до 20,4, то в следующее десятилетие – всего на 2,5 пункта. После десятилетий спада глобальная распространенность недоедания, одного из четырех показателей GHI, опять растет. На основе прогноза глобального индекса голода эксперты предсказывают, что к 2030 году в 47 странах будет серьезный или чрезвычайный уровень голода. На фоне негативных среднемировых тенденций ситуация с продовольственной безопасностью в России оптимистична. Значение ее индекса устойчиво снижалось с 10,1 в 2000 году до 6,2 в 2021 году.

Исходя из результатов сравнительного анализа можно сделать вывод о том, что избранная страной протекционистская концепция продовольственной безопасности в условиях высокой неопределенности и рисков приводит к лучшим результатам с точки зрения способности противостоять угрозам и обеспечивать гарантии отсутствия голода.

Обращает на себя внимание важный вывод авторов исследования GHI о

том, что несмотря на разрушительную пандемию COVID-19, в 2020 году насильственные конфликты продолжали оставаться основной причиной глобального голода. Обратную оценку последствий пандемии дал директор Всемирной продовольственной программы ООН Дэвид Бизли на специальной сессии Генассамблеи организации в декабре 2020 года [24], заявивший, что пандемия менее чем за год удвоила количество голодающих в мире. Он отметил: «Из-за коронавируса число людей, буквально стоящих на пороге голодной смерти, выросло до 270 млн. Судя по тому, что мы видим сейчас, 2021 год будет буквально катастрофическим» [24].

Подтвердились ли эти прогнозы конца 2020 года о наступлении гуманитарной катастрофы? Цифры свидетельствуют, что нет. Во-первых, в 2021 году рецессия сменилась подъемом, а падение мирового ВВП на 4,3% практически полностью компенсировалось ростом на 4%. Во-вторых, по сравнению с продовольственным кризисом 2007–2008 гг., продовольственные системы и правительства сумели быстрее адаптироваться к экстремальным условиям. Как показывает мониторинг ФАО, основные продуктовые рынки АПК работают в стандартном режиме, запасы и производство продовольствия остаются положительными. Таким образом, влияние пандемии на показатели продовольственной безопасности оказалось краткосрочным и сильно повлияло только на один из 6 ее критериев – экономическую доступность.

Какова же причинно-следственная связь между пандемией и продовольственным кризисом? Стремительное распространение инфекции обусловило введение карантинных мер. Чтобы сдержать распространение вируса, правительствами многих стран были приняты беспрецедентные меры: закрытие границ, прекращение авиа- и морского пассажирского сообщения, введение тотальных локдаунов с закрытием магазинов, ресторанов, музеев и других мест досуга, остановка работы транспорта, перевод сотрудников на удаленную работу и серьезно ограничение передвижения по городам. Данные меры привели к целому спектру последствий.

Во-первых, нарушилось функционирование продовольственных товаропроводящих цепочек как на локальном, так и глобальном уровнях, что сказалось на наличии, ценах и качестве продовольствия. Некоторые страны – экспортеры продовольствия (в том числе Россия) ввели ограничения на экспорт таких ключевых культур как рис и пшеница, что привело к перебоям в предложении на глобальных рынках и к росту цен на них.

Необходимо отметить, что в настоящее время около половины объема мировой торговли товарами и услугами проходит через так называемые глобальные цепочки создания ценности (global value chain, далее ГЦЦ) с размещением отдельных стадий производства продукции конечного потребления в разных странах (не менее трех) [65]. В рамках ГПСЦ производится около трети агропродовольственного экспорта [55]. Разные этапы современ-

ного агропромышленного производства осуществляются в нескольких разных странах, происходит обмен семенами и удобрениями, первичным сельскохозяйственным сырьем, переработанными и промежуточными продуктами. Пандемия COVID-19 нанесла серьезный удар именно по глобальным цепочкам поставок. По оценкам McKinsey, ежедневная мировая изоляция оказалась вдвое убыточнее гипотетической мировой войны (15 трлн. долл.) и втрое – кризиса 2009 г. (10 трлн. долл.) [47].

На ухудшение наличия продовольствия также сказалась высокая заболеваемость среди работников продовольственных систем и закрытия ряда пищевых, в том числе мясоперерабатывающих, предприятий. Особенно пострадали трудоемкие производства – как за счет заболеваний, так и за счет запрета въезда мигрантам. Так, в Великобритании фермы не могли набирать мигрантов для сезонного сбора фруктов и овощей, и урожай остался гнить на поле. В России с острой нехваткой рабочих из Таджикистана и Узбекистана столкнулись производители овощей Астраханской и Волгоградской областей, крупные предприятия по убою и разделке скота и птицы. В результате выросли отпускные цены и сократилось производство.

Во-вторых, закрытие торговых компаний и предприятий общественного питания привело к резкому снижению спроса на определенные скоропортящиеся продукты, в том числе молочные продукты, картофель и свежие фрукты, а также на такие товары особого спроса, как шоколад и некоторые высокоценные отрубы мяса. В период карантина наблюдались случаи, когда продукты выбрасывались или запахивались в землю вследствие падения спроса на них, либо трудностей с их доставкой на рынки. С другой стороны, наблюдался ажиотажный спрос на продукты длительного хранения, особенно в начале пандемии, что также приводило к повышению цен.

В-третьих, пандемия спровоцировала рост безработицы и серьезное сокращение средств к существованию и доходов в глобальных масштабах. По данным Росстата, численность безработных в России увеличилась в 2020 году на 25% по сравнению с 2019 годом и составила 4,3 млн человек. Общая доля безработных среди населения трудоспособного возраста в первом пандемийном году составила 5,9%. В мире по данным Международной организации труда уровень безработицы был еще выше – 6,5% и превысил пиковое значение во время нефтяного кризиса в 2002–2003 годах (6,2%). В целом безработица в ЕС в 2020 году составила 7,1%, в США – 8,1%. По оценке Всемирного банка, в результате пандемии COVID-19 в 2020 году в состоянии крайней нищеты оказалось дополнительно еще 124 миллиона человек, и подавляющее большинство городских и сельских домохозяйств сообщали о снижении доходов. Все это обусловило существенное снижение покупательной способности населения и оказало серьезное воздействие на продовольственную безопасность и питание, особенно в тех группах населения, которые и ранее находились в уязвимом положении.

Взаимосвязь между степенью отсутствия продовольственной безопасности и утратой доходов в результате кризиса COVID-19 специально изучалась в ходе всемирного опроса Института Гэллапа и анкетирования по FIES. Результаты анализа показали возросшую вероятность отсутствия продовольственной безопасности у респондентов, оплачиваемая работа или доходы которых пострадали от пандемии COVID-19. Самое значительное негативное влияние на состояние продовольственной безопасности оказывала потеря работы или закрытие бизнеса, затем – снижение доходов и временное прекращение работы. Эти выводы показывают, что негативное влияние пандемии на продовольственную безопасность касается не только бедных, но и людей со средним уровнем доходов, которые, как правило, зависят от стабильной работы.

Многие домохозяйства, находящиеся в неблагоприятном финансовом положении, сократили расходы на питание и изменили структуру его рациона в пользу более дешевых пищевых продуктов с более длительными сроками хранения, зачастую высококалорийных, но имеющих минимальную питательную ценность.

В-четвертых, пандемия привела к сбоям в функционировании программ социальной защиты, что повлияло на ухудшение экономической и физической доступности продовольствия. Так, закрытие школ привело к прекращению программ школьного питания в странах как с высоким, так и с низким уровнем дохода. В результате возрастает финансовая нагрузка на малоимущие домохозяйства, которые и так испытывали значительные трудности с обеспечением членов семей питанием.

В-пятых, под влиянием пандемии существенно ускорилась инфляция и выросли потребительские цены на продовольствие, особенно в импортозависимых странах. В отличие от других последствий, влияние пандемии на цены имело временной лаг и проявилось в 2021 году. В 2020 году по данным ФАОСТАТ средний индекс цен на продовольствие вырос всего на 3,1%, в основном наблюдалась неустойчивая ценовая динамика – падение в первые месяцы года, всплески роста на отдельных локальных рынках. Однако по итогам 2021 года рост составил уже 28,1% и достиг максимума за последнее десятилетие (рис. 1.8) из-за нестабильности рыночной ситуации, неуклонного удорожания ресурсов, природных катаклизмов и неопределенности развития пандемии COVID-19 [36].

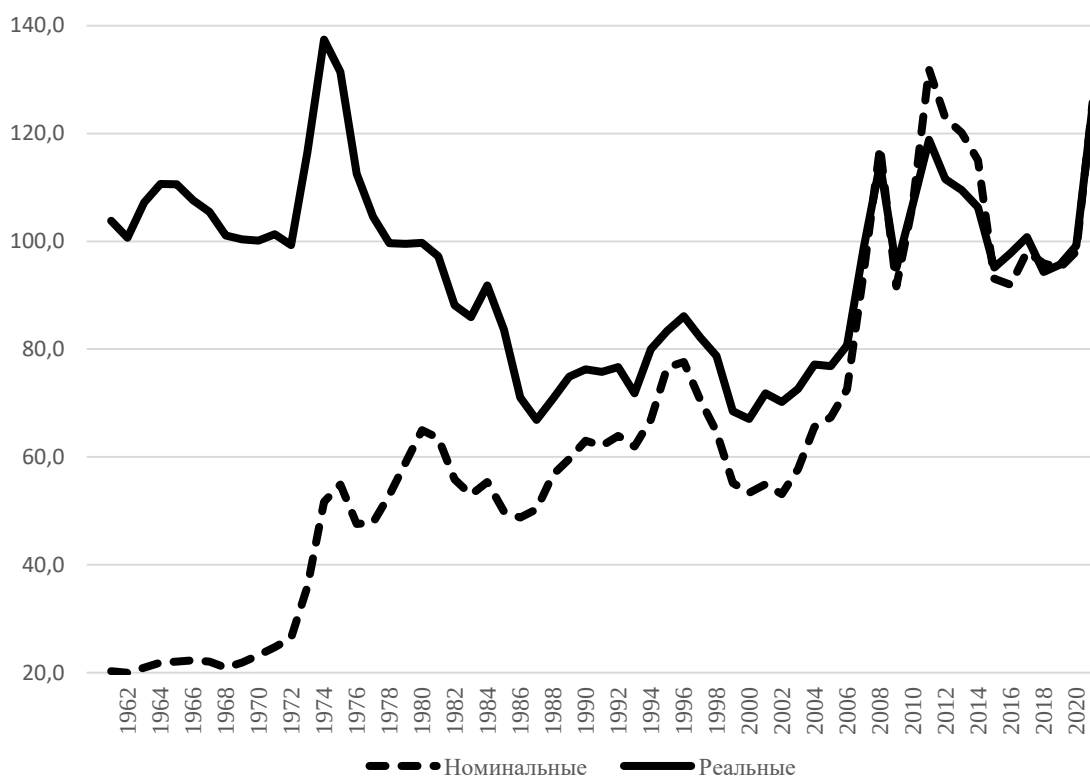

Рис. 1.8. Индекс продовольственных цен ФАО (2014-2016=100) [33]

При этом значительное увеличение по сравнению с предшествующим годом продемонстрировали значения всех подиндексов по 5 товарным группам, особенно по растительным маслам и зерновым культурам (табл. 1.11). Так, индекс цен на зерновые достиг максимума с 2012 года и составил 131,2 пункта, что на 27,2% выше показателя 2020 года из-за активного спроса и ограниченности предложения, особенно со стороны основных экспортеров пшеницы. На растительные масла индекс составил 164,8 пункта, превысив уровень 2020 года на 65,8%. По молочной продукции годовой рост индекса составил 16,9%, по мясу – 12,7%.

Таблица 1.11

Индексы цен ФАО на продовольствие (2014–2016=100)*

Товарные группы	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Продовольствие в целом, в т.ч.	95,1	98,1	125,7
мясо	100,0	95,5	107,6
Молочные продукты	102,8	101,8	119,0
Зерновые	96,6	103,1	131,2
Растительные масла	83,2	99,4	164,8
Сахар	78,6	79,5	109,3

*Рассчитано по [36].

В России наблюдалась аналогичная ситуация с динамикой цен. Так, базовый индекс потребительских цен начался в феврале 2020 года в 2020 году

и составил в годовом выражении 104,2%, в 2021 году – уже 108,9%. Рост цен на продовольствие существенно превышал инфляцию и составил в 2020 году 6,7% (в 2,6 раза больше показателя 2019 года) и 10,6% в 2021 году (в 1,6 раза больше показателя 2020 года) (рис. 1.9).

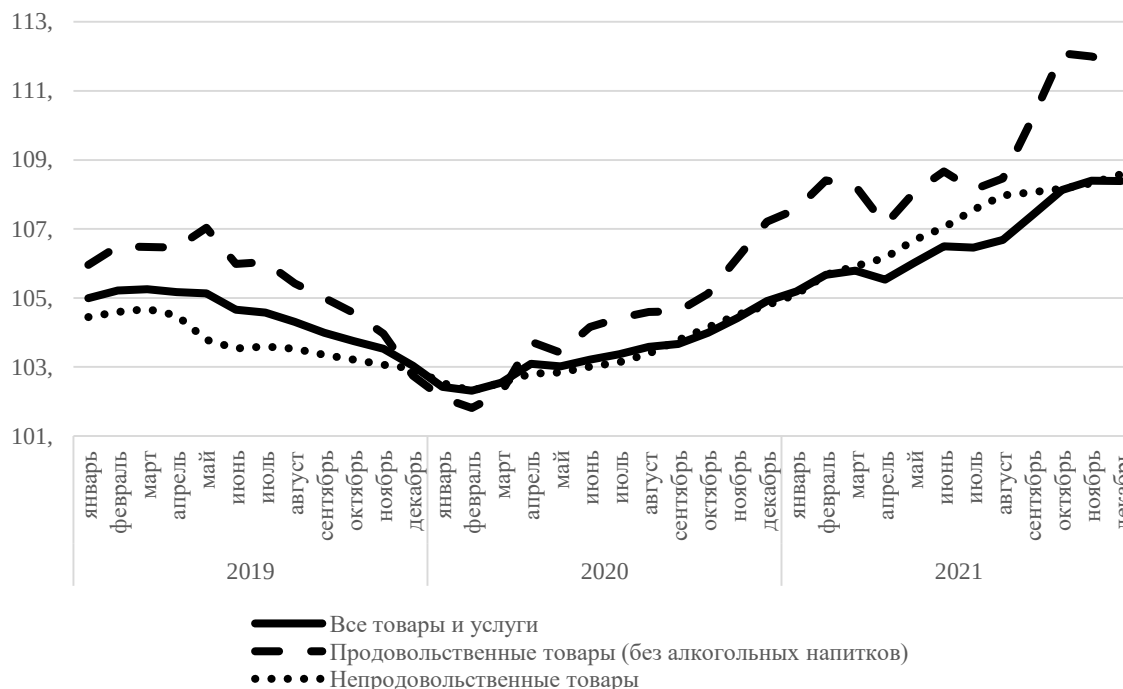

Рис. 1.9. Индексы потребительских цен на товары и услуги в России (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года)

Причиной роста цен на продовольствие как в мире, так и России, стали сбои в товаропроводящих цепочках, увеличение логистических затрат, сокращением предложения из-за ограничений международной торговли, восстановление спроса после отмены карантинных ограничений и его переключение с услуг на товары. Эти изменения непосредственно влияют на продовольственную безопасность и питание, делая продовольствие более дорогостоящим и, следовательно, более труднодоступным, особенно для людей с низкими доходами.

Хотя пандемия COVID-19 и связанный с ней кризис в сфере продовольственной безопасности еще продолжаются, из уже накопленного опыта можно извлечь первые уроки и сделать следующие выводы.

1. Пандемия COVID-19 – всего лишь один и, возможно, не самый главный фактор, влияющий на снижение глобальной продовольственной безопасности, наряду с конфликтами и стрессами как биофизического, так и социально-экономического характера. Но она, безусловно, явилась триггером нового продовольственного кризиса, ускорив уже наблюдавшиеся в последние годы негативные тенденции в области продовольственной безопасности. Инициированный пандемией кризис не являлся структурным или

циклическим, поэтому потрясения и шоки на продовольственных рынках были в основном ликвидированы быстрее, чем после Второй мировой войны или кризиса 2007–2008 гг.

2. Пандемия высветила и обострила уже существовавшие недостатки продовольственных систем, в том числе негибкие товаропроводящие цепочки, отсутствие защиты и прав у работников продовольственных систем, слабое разнообразие в производстве, распределении и торговле, чрезмерную концентрацию продовольственных систем.

3. COVID-19 имеет взаимосвязанные последствия с точки зрения предложения, спроса и регулирования продовольственных рынков, которые оказывают комплексное воздействие на продовольственные системы и, соответственно, на краткосрочные и долгосрочные показатели продовольственной безопасности. Ее краткосрочные последствия связаны с разрывом цепочек поставок и ухудшением наличия продовольствия, среднесрочные – с падением экономической доступности продуктов питания и усилением экономического неравенства, долгосрочные – с пересмотром национальных стратегий продовольственной безопасности, трансформации бизнес-моделей агробизнеса и моделей потребительского поведения

4. В долгосрочной перспективе для предотвращения негативных последствий и гарантии глобальной продовольственной безопасности всем субъектам продовольственного рынка следует учесть уроки 2020 года. На наш взгляд, направления адаптации участников сельскохозяйственных рынков следующие.

Государства должны провести ревизию своих национальных стратегий развития АПК, обеспечив разумную долю протекционизма и самообеспечения за счет максимального покрытия потребительского спроса за счет внутренних ресурсов, усилить техническое регулирование продовольственного рынка и требования к безопасности продуктов питания, развивать адресную социальную поддержку. *Производителям* продовольствия необходимо выстроить гибкие системы производства и распространения продукции, способные быстро адаптироваться к окружающей бизнес-среде, упростить цепочки поставок и отказаться от посредников, ускорить роботизацию и онлайн-продажи, провести реинжиниринг производственных процессов для минимизации контакта продукции с работниками, развивать новые форматы производства с контролируемыми условиями (вертикальные фермы, controlled environment agriculture). Потребителям целесообразно отказаться от привычных мест покупки продуктов питания в пользу онлайн-магазинов и проверенных сетей супермаркетов, вернуться к comfortfood и здоровому питанию.

1.3. Отдельные аспекты экономико-правового обеспечения экономической безопасности Калининградской области в условиях угрозы пандемии COVID-19

Для любого государства мира вопросы экономической безопасности являются вопросами первостепенной важности.

Экономика и право являются общественными феноменами, которые должны быть между собой взаимосвязанными и взаимозависимыми. А обеспечение экономической безопасности огромного государства России является предметом дискуссий для всего прогрессивного человечества [58, 59].

Тема выхода экономики в условиях продолжающейся эпидемии COVID-19 для обеспечения экономической безопасности является очень актуальной, так как угроза пандемии висит над всем миром, перед нашей страной и особым эксклавным Калининградским регионом, в частности.

Угроза мировой пандемии COVID-19 накрыла весь мир и не обошла стороной и наше Российское государство. Для РФ вопросы обеспечения экономической безопасности в условиях пандемии COVID-19 стали как никогда актуальными.

Необходимо дальнейшее правовое регулирование общественных отношений, связанных с пандемией COVID-19 в РФ, так и на уровне регионального законодательства Калининградской области.

Проблемы экономической безопасности Калининградской области в связи с пандемией COVID-19 еще более осложнились из-за эксклавного положения нашего региона по сравнению с другими субъектами РФ.

Усложнившаяся геополитическая нестабильность, в том числе связанная с COVID-19, крайне отрицательно сказывается на Калининградском регионе России.

Для оценки экономической безопасности Калининградской области используются разные социально-экономические индикаторы. [28]

Экономическая безопасность Калининградской области рассматривается как состояние защищенности экономики региона от внутренних и внешних угроз, обеспечивающая нормальный уровень социального, политического развития Калининградской области, как одного из 85 субъектов РФ.

В сравнении с другими регионами России в силу географических особенностей Калининградская область имеет более низкий уровень экономической безопасности. [29]

Пандемия COVID-19 создает дополнительные угрозы безопасности Калининградского региона.

Пандемия COVID-19 затронула прежде всего показатели экономической безопасности, связанные с социальными и демографическими аспектами Калининградской области. К таким показателям оценки экономической без-

опасности региона относится ожидаемая продолжительность жизни, суммарный коэффициент рождаемости, уровень доходов населения и другие [2]. Естественная убыль населения в январе–июле 2021 года увеличилась по сравнению с соответствующим периодом 2020 года на 1 455 человек. Число умерших превысило число родившихся в 1,6 раза. [33] Резко повысилась безработица в регионе. Динамика некоторых показателей демографической составляющей экономической безопасности Калининградского региона за 2016–2020 годы представлены на рис. 1.10.

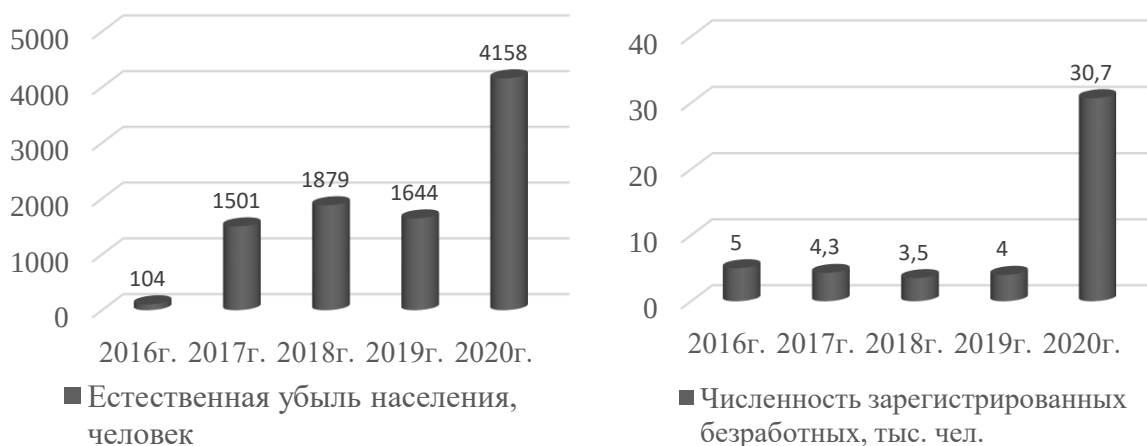

Рис. 1.10. Некоторые показатели демографической составляющей экономической безопасности Калининградского региона.

Динамика доходов населения Калининградской области в сравнении с другими регионами РФ также отрицательно сказывается на экономической безопасности региона (рис. 1.11).

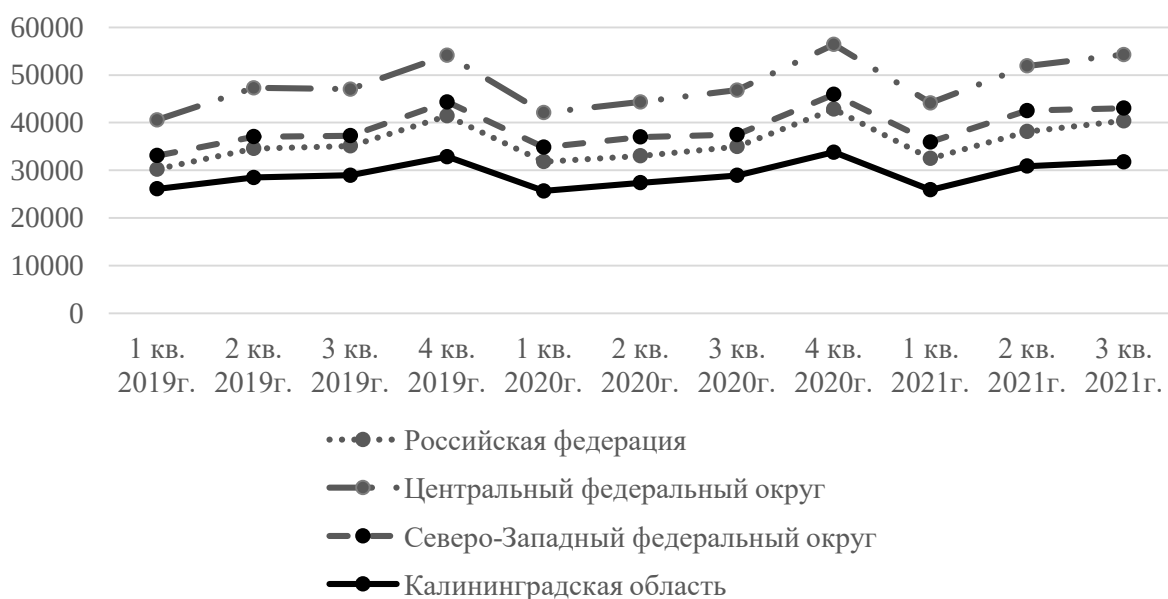

Рис. 1.11. Среднедушевые денежные доходы населения (руб./месяц) [76]

Крайне негативно пандемия COVID-19 отражается на и так не высоком уровне доходов жителей области.

Спад выпуска продукции (обрабатывающие производства) в условиях распространения COVID-19 в Калининградской области заметен по сравнению со средним уровнем по стране. Производство пищевых продуктов за август 2021 года к августу 2020 года составило 99,5%, напитков – 62,2%, а текстильных изделий – 79,2%. Также наблюдается снижение по всем показателям категории «Сельское хозяйство. Животноводство». [33]

Особенно пострадали Калининградские предприятия, которые используют зарубежное сырье в условиях глобальной эпидемии.

Сокращается импорт Калининградской области в сравнении с доковидным периодом. При этом сохраняется значительное превышение импорта над экспортом, что, безусловно негативно влияет на экономическую безопасность региона.

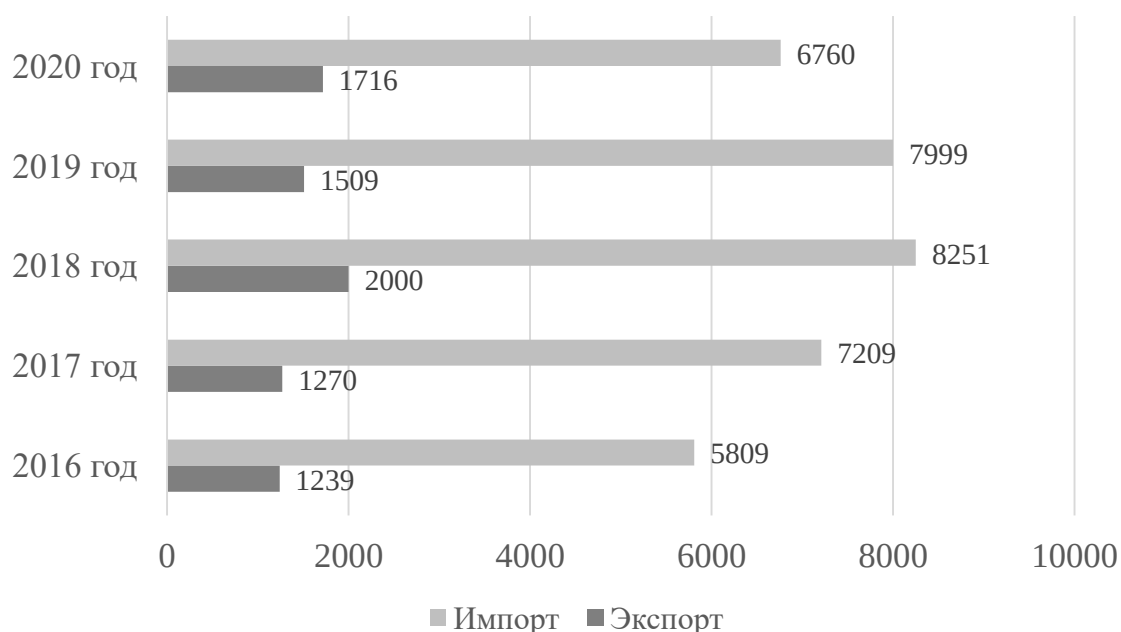

Рис. 1.12. Динамика экспорта и импорта (млн. долларов США) [38]

События декабря 2021 года, а именно инициатива Литовской республики по ограничению транзита автомобильного и железнодорожного транспорта из Белоруссии в Калининградскую область, представляют явную угрозу для региона.

Фактически санкции в виде ограничения транзита грузов из Белоруссии через территорию Литвы создают фактическую угрозу не только продовольственной, но и экономической безопасности Калининградской области.

В большей степени это касается транзита продуктов питания и строительных материалов на территорию области.

Можно сделать однозначный вывод о том, что степень экономической безопасности Калининградской области в результате пандемии снизилась.

С точки зрения правового обеспечения экономической безопасности РФ и Калининградской области складывается новая сфера нормотворчества, а именно регулирование общественных отношений в условиях пандемии COVID-19 и неопределенности.

Новые законы и подзаконные акты, принимаемые на федеральном и региональном уровне в условиях пандемии COVID-19, к сожалению, дестабилизируют гражданский оборот, а значит ухудшают экономическую безопасность.

Значительно изменился уровень и качество контроля государства за населением в условиях пандемии COVID-19. Зачастую встречаются перегибы в вопросах ограничения конституционных прав граждан. Общество и государство должны прийти к консенсусу по вопросам контроля ситуации, связанной с COVID-19.

Необходимо соблюдение норм общественной безопасности при применении ограничительных мер со стороны государства.

Каждый гражданин РФ формирует свое личное отношение к пандемии и принимаемым государством мерам. Необходим баланс интересов личности и государства в нестандартных условиях пандемии COVID-19.

Отрицательно на экономическую безопасность РФ, в том числе Калининградской области, влияет правовой нигилизм и даже правовой цинизм, когда граждане РФ умышленно не соблюдают разумные, взвешенные карантинные ограничения со стороны органов государственной власти.

К сожалению, отдельные должностные лица публичной власти используют свои властные компетенции в корыстных целях в условиях карантинных ограничений, что тоже отрицательно сказывается на показателях экономической безопасности. Необходим чуткий, взвешенный подход к ограничительным мероприятиям в интересах всего общества в условиях пандемии COVID-19.

Правовой инфантилизм значительной части населения по вопросам пандемии COVID-19 не способствует укреплению экономической безопасности.

В настоящее время правосознание каждого гражданина РФ формируется с учётом ковидных мероприятий. Удаленная, дистанционная работа в условиях пандемии будет занимать все большее место в трудовых отношениях. Формируется новая отрасль российского права, тесно связанная с гражданским, трудовым, административным правом, а именно «коронавирусное право».

Простои в период локдауна, перевод работников на сокращенное время тоже отрицательно влияют на уровень экономической безопасности в стране.

В России под воздействием COVID-19 российское общество столкнулось с многими финансовыми проблемами, что приводит к социальной нестабильности.

Практически экономическая безопасность в РФ в настоящее время поддерживается «противовирусным законодательством», как на федеральном, так и на региональном уровне.

Исходя из нормы П.3 ст.72 Конституции РФ осуществление мер по борьбе с эпидемиями находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ. [40]

В связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции во всех 85 субъектах РФ введен с марта 2020 года режим повышенной готовности, который действует по настоящее время.

Пандемия COVID-19 рассматривается с точки зрения гражданского права как обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажор).

Первые ограничительные карантинные меры были введены региональной властью в Калининградской области 16 марта 2020 года. Последние ограничительные меры, касающиеся изменений связанных с COVID-19 на территории региона были введены 9 декабря 2021 года. [57]

Эти «антиковидные меры» со стороны региональной власти, в том числе режим повышенной готовности для территориальных подразделений МЧС России полностью соответствуют федеральному законодательству, а именно правовым нормам федерального закона 1994 года №68 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». [78]

Российское общество в целях укрепления экономической безопасности в лице депутатов Государственной Думы 16 декабря 2021 года приняло в 1 чтении проект о QR кодах в общественных местах и отправило на доработку проект о QR кодах на транспорте.

Именно публичная власть должна взвешенно принимать политико-правовые взвешенные решения в области пандемии COVID-19, направленные на укрепление экономической безопасности России.

В случае окончательного принятия решения Государственной Думой, Советом Федерации и Президентом РФ с 1 февраля 2022 года QR коды будут обязательны для посещения общественных мест.

В российском обществе развернулась широкая дискуссия по вопросу применения QR кодов в стране.

Любые меры не должны ухудшить параметры (индикаторы) экономической безопасности.

В случае окончательного решения вопроса по QR кодам на федеральном уровне, региональные власти должны принять свое правовое решение об использовании QR кодов в регионах до 1 июня 2022 года.

Безусловно, для укрепления экономической безопасности в РФ необходимы меры экономической поддержки бизнеса. Такие меры принимаются и

в Калининградской области на основании государственной программы РФ «Социально-экономическое развитие Калининградской области» и изменений, внесенных Правительством России от 17 ноября 2021 года. [56]

Необходимо четко осознавать, что за 2020–2021 годы российский рынок просел в среднем на 20%, что ухудшает экономическую безопасность страны в период пандемии.

Однако существуют и пробелы в области правового законотворчества и правового применения норм в условиях пандемии COVID-19.

По мнению российских юристов, отрицательно на показателях экономической безопасности сказывается топ факт, что отдельные правовые акты региональной власти в области ковидных правоотношений становятся для исполнителей и правоприменителей важнее федеральных правовых актов и даже Конституции РФ, что абсолютно неприемлемо в условиях действующей Конституции России и правового государства России.

Ситуация осложняется запретами и неоднозначностью толкования правовых запретительных норм, правоприменения этих норм в разных регионах страны.

На наш взгляд, для укрепления экономической безопасности в России в период пандемии необходимо антикризисное противовирусное управление.

В период «коронавирусного кризиса» значительно сокращаются инвестиционные программы. Это недопустимо с точки зрения экономического обеспечения экономической безопасности страны.

Деятельность отечественных производителей и даже отдельных отраслей экономики особо пострадали от пандемии COVID-19. Это прежде всего относится к транспорту и туризму, а также к предприятиям малого и среднего бизнеса, которые являются главным двигателем экономической безопасности страны.

Проблемы, возникающие во всех отраслях российской экономики в связи с ситуацией пандемии, приводят к нарушению экономического развития и бизнеса.

Для сохранения экономической безопасности, стабильности общества необходимо сохранить российское многонациональное общество в условиях пандемии, чтобы люди, их семьи и близкие были защищены государством.

Согласно международного права об экономических, социальных и культурных правах, любые ограничения прав граждан, в том числе в условиях пандемии COVID-19, должны быть законные, необходимые и соразмерные!

Государству следует воздержаться от тотальных и избыточных широких ограничений на свободу перемещения граждан даже в условиях пандемии COVID-19.

Государству для сохранения и укрепления экономической безопасности необходимо оказывать адресную экономическую поддержку низкооплачиваемым категориям работников. Это уменьшит экономическую разобщенность общества и стабилизирует его безопасность.

Одним из вариантов решения этого вопроса могут стать прямые денежные выплаты, так называемые «веерные выплаты» населению со стороны государства и частных работодателей в условиях пандемии COVID-19.

Применительно к Калининградской области ситуация с COVID-19 вызывает общественную озабоченность.

В 2020 году в период пандемии коронавирусной инфекции смертность населения в Калининградской области выросла до 13,2 умершего на 1000 человек. Налицо реальная угрозы демографии и экономической безопасности региона.

В 2020 году из-за пандемии коронавирусной инфекции отмечается ухудшение динамики экономических показателей, что привело к снижению валового регионального продукта Калининградской области.

Промышленные предприятия области столкнулись с задержкой поставок из стран Европы, Южной Кореи и Китая.

По оплате труда и доходам населения сохраняется отставание Калининградской области от среднероссийского уровня.

Из-за пандемии ухудшается показатель ожидаемой продолжительности жизни в Калининградской области.

Из-за пандемии создаются существенные риски практически полного падения грузооборота в краткосрочной перспективе.

Калининградская область становится еще более неконкурентоспособной по отношению к другим российским портам.

Из-за сокращения оборота международных автомобильных перевозок встает задача обеспечить продовольственную безопасность региона – Калининградской области.

В связи с ростом цен на энергоносители ухудшается качество жизни жителей региона, что отрицательно сказывается на экономической безопасности.

Региональной власти необходимо согласно Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года (распоряжение Правительства РФ №207-р 2019 года) обеспечить стабильность рынка труда Калининградской области и к 2025 году среднедушевые доходы населения должны вырасти до 39 500 рублей, а численность населения должна составить 1045 тысяч человек к 2025 году (в 2020 году по состоянию на 1 января – 1018,6 тысяч человек). [71]

Таким образом, для обеспечения экономической безопасности Калининградской области даже в условиях пандемии согласно национальных целей развития РФ до 2030 года необходим рост населения, снижение уровня бедности в 2 раза и повышение продолжительности жизни до 78 лет.

Калининградская область входит в состав приоритетных территорий РФ, поэтому уровень экономической безопасности должен быть выше среднего уровня по РФ.

Сохранение высокого уровня экономической безопасности Калининградской области требует инвестиций, однако пандемия COVID-19 препятствует выполнению данной задачи.

Что касается международно-правовых аспектов обеспечения экономической безопасности необходимо помнить простое правило, а именно: прекратить избыточные требования к людям, к бизнесу в условиях COVID-19. Согласно национального законодательства – это означает снятие лишних административных барьеров, упрощение ведения бизнеса и ограничение проверок в условиях COVID-19.

В условиях пандемии COVID-19 в 2020 году утверждены «Дорожные карты» по приоритетным направлениям экономики.

Государственное регулирование в условиях COVID-19 предполагает принятие законов, подзаконных актов, формирование банка законодательных актов в сфере короновирального законодательства.

Это законодательство постоянно подвергается изменениям в зависимости от ситуаций в регионах страны, связанных с короновиральной инфекцией.

Наибольшему изменению в связи с коронавирусом подвержены нормы административного права РФ. Значительные изменения происходят в трудовых спорах РФ.

На уровне региональной власти приняты значительные изменения в региональных актах Калининградской области, направленные на решение вопросов противодействия инфекции на территории Калининградской области и укрепления экономической безопасности региона.

Экономическая безопасность Калининградской области может быть обеспечена приоритетами устойчивого экономического развития, выполнением стратегических национальных целей.

Меры по обеспечению экономической безопасности Калининградской области в условиях пандемии COVID-19 должны быть актуализированы в муниципальных правовых актах муниципальных образований Калининградской области.

Главным органом исполнительной власти региона, осуществляющим меры по обеспечению экономической безопасности Калининградской области, является Правительство Калининградской области.

В рамках мероприятий, связанных с устранением последствий короновиральной инфекции и предотвращением ухудшения экономической безопасности Калининградского региона, в конце 2021 года принят ряд постановлений о предоставлении субсидий из областного бюджета и выделением

денежных средств из резервного фонда Правительства Калининградской области в период действия ограничений из-за COVID-19. Эти мероприятия являются определенными мерами экономической поддержки.

Таким образом меры, принимаемые органами публичной власти, смогут обеспечить определенную экономическую безопасность в условиях пандемии COVID-19.

Наша Россия – это уникальная страна, где население, общество научились работать в условиях экономического кризиса, связанного с пандемией COVID-19, и относительно быстро находят возможность противодействовать ему, что безусловно способствует укреплению экономической безопасности Российского государства.

1.4. Регионы Уральского федерального округа в условиях постпандемии

Для Российской Федерации характерна резкая дифференциация регионов по уровню их социально-экономического развития. На это влияют множество факторов: внутренние (природно-климатические условия, выгодность географического положения, наличие сырьевых ресурсов, налогового потенциала и др.), внешние (состояние мировой экономики, конъюнктура рынка и т.п.).

С появлением пандемии коронавируса возник новый глобальный вызов всему человечеству. В мировой истории были и войны, и эпидемии, но такого, чтобы парализовать всю мировую экономику, такого не было.

Актуальность темы востребована необходимостью проведения оценки рисков на экономику регионов от возникновения и расширения пандемии. В качестве объекта исследования выбраны регионы Уральского федерального округа, занимающего первое место среди округов в рейтинге социально – экономического развития регионов.

Авторы многочисленных исследований по тематике приходят к выводу, что результаты пандемии оказали отрицательное влияние как на развитие производства, так и на развитие сферы услуг, резко снизилась платежеспособность населения [39]. По мнению Шаханова А.С. [85], пандемия влечет за собой потерю ресурсов, что может привести к спаду экономического роста, замедлению темпов воспроизводства, уменьшению объема выпуска товаров и услуг. Как указывает Беляев С.А. [22], несмотря на то, что к 2019 г. удалось добиться улучшения ситуации с экспортом, начавшаяся в 2020 г. пандемия вновь нанесла удар по внешней торговле (экспорт в 2020 г. снизился на 21% по сравнению с 2019 г.). Наиболее пострадали малые и средние предприятия, связанные с оказанием услуг, а также предприятия, вовлеченные в сферу ВЭД [68]. На Среднем урале работают более 50 предприя-

тий, выпускающих продукцию медицинского назначения. Свердловская область остается лидером по производству аппаратов ИВЛ: три из 4-х предприятий, выпускающих ИВЛ, работают на территории Среднего Урала.

Ученые – эксперты считают [60], что глобальное распространение инфекции по всему миру и его негативное влияние на экономику России и всего мира в целом, глобально отразится на качестве жизни населения регионов страны, увеличится бедность.

Исследование проведено на основании официальных данных Росстата, ФНС России о состоянии бюджетов за 2018–2020 годы. В ходе исследования применены методы обобщения, анализа данных, группировки, табличный и др. Исследованием установлено, что в 2020 г. по сравнению с 2018–2019 г. объем ВВП снизился, доля регионов УФО в показателях по РФ снизилась, между тем округу и при таких условиях удалось сохранить лидерство среди федеральных округов, сохранили свои позиции в рейтинге также Свердловская область (7 место), Югра (3 место), ЯНАО (6 место), ухудшилась позиция Тюменской области (область переместилась с 8-го на 11 место), Челябинской области (с 15 на 19 место). Снижение нефтегазовых доходов в бюджете округа и страны связано с уменьшением спроса на них на мировом рынке из-за спада мировой экономики.

Большое негативное влияние на экономику мира оказал COVID-19. Российская экономика также не стала исключением. Из-за введенных ограничений, вызванных пандемией, 2-й квартал 2020 г. стал самым сложным. Временное приостановление деятельности предприятий привело к снижению доходов бизнеса и населения. По итогам 2020 г. ВВП снизился на 3%. «Сложившаяся в 2018–2019 годах стагнирующая ситуация в сфере малого и среднего предпринимательства и обстоятельства 2020 года, повлекшие за собой административное закрытие бизнеса, введение карантинных мер, вызванных эпидемией коронавируса, отодвинули вопросы количественного и качественного совершенствования не крупного предпринимательства на посткризисное время. Во главу угла были поставлены задачи выживаемости МСП, что потребовало от федеральных и региональных властей принятия «пожарных» мер антикризисной поддержки» [34]. «Опорой восстановления темпов экономического роста и выхода из кризиса во многих зарубежных странах стала высокая инвестиционная активность» [66]. В российской экономике на инвестиции рассчитывать было невозможно из-за отсутствия средств. В этих условиях актуальным становится «обеспечение координационной деятельности триады власти, бизнеса и гражданского общества на всех пространственных уровнях» [61]. В статье анализируется социально – экономическое положение регионов Уральского федерального округа в допандемийный (2018 год), пандемийный (2019 год) и постпандемийный (2020 год) периоды.

В состав Уральского федерального округа входят 6 регионов, из которых один регион относится к аграрно-промышленным (Курганская область), 2

региона к промышленным (Свердловская и Челябинская области), 3 региона – к экспортно-ориентированным (Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО), Ханты-Мансийский автономный округ – ХМАО-Югра).

Учитывая, что социально-экономическое положение регионов в большей степени связано с бюджетом, рассмотрим налоговые доходы бюджетов регионов, являющиеся основными источниками доходов бюджетов.

Таблица 1.12

Налоговые доходы бюджетов по регионам Уральского федерального округа, млрд. руб. [31]

Статьи налоговых доходов	2018 год			2019 год			2020 год		
	всего	ФБ	бюджет субъекта	всего	ФБ	бюджет субъекта	всего	ФБ	бюджет субъекта
В целом по Уральскому федеральному округу									
Налоговые доходы	5829	4692	1137	5975,4	4831,7	1143,7	4439,2	3381,1	1058,1
Тюменская область									
Налоговые доходы	324,1	207,3	116,8	338,1	212,6	125,5	255,6	165,5	90,1
то же, в %	100	64	36	100	62,9	37,1	100	64,7	35,3
налог на прибыль	69,5	9,5	60	81,3	10,8	70,5	38,1	5	33,1
НДФЛ	39,9	–	39,9	37,8	–	37,8	38,8	–	38,8
НДС	58,5	58,5	–	76	76	–	78,7	78,7	–
имущественные	14,3	–	14,3	14,8	–	14,8	14,7	–	14,7
НДПИ	141,2	141,2	–	132,8	132,7	–	85	85	–
СНР	5,1	–	5,1	6	–	6	5	–	5
Свердловская область									
Налоговые доходы	358,7	109,4	249,3	380,9	130,4	250,5	390	140,9	249,1
то же, в %	100	30,5	69,5	100	34,2	65,8	100	36,1	63,9
налог на прибыль	102,2	16,5	85,6	106,6	22,4	84,2	104,4	26,3	78,1
НДФЛ	99,9	–	99,9	108,9	–	108,9	114	–	114
НДС	92,6	92,6	–	107,7	107,7	–	101,4	101,4	–
имущественные	40,9	–	40,9	31,9	–	31,9	31,2	–	31,2
НДПИ	2,5	1	1,5	2,6	1	1,6	3,1	1,1	2
СНР	15,4	–	15,4	17,4	–	17,4	15,1	–	15,1
Челябинская область									
Налоговые доходы	236,4	75,9	160,5	240,5	83,6	156,9	245,4	93,2	152,2
то же, в %	100	32,1	67,9	100	34,8	65,2	100	38	62

Окончание табл. 1.12

Статьи налоговых доходов	2018 год			2019 год			2020 год		
	всего	ФБ	бюджет субъекта	всего	ФБ	бюджет субъекта	всего	ФБ	бюджет субъекта
налог на прибыль	64,6	9,5	55,1	56,3	7	49,3	48,8	7	41,8
НДФЛ	69,1	–	69,1	73,3	–	73,3	76,3	–	76,3
НДС	65	65	–	75,1	75,1	–	84,3	84,3	–
имущественные	24,4	–	24,4	20,7	–	20,7	19,6	–	19,6
НДПИ	–	–	–	–	–	–	3,7	1,4	2,3
СНР	9	–	9	10,1	–	10,1	10,1	–	10,1
Курганская область									
Налоговые доходы	26,9	6,7	20,2	30,6	9,4	21,2	32,4	10,6	21,8
то же, в %	100	24,9	75,1	100	30,7	69,3	100	32,7	67,3
налог на прибыль	4,5	0,3	4,2	4,9	0,4	4,5	4,9	0,5	4,4
НДФЛ	10	–	10	10,6	–	10,6	11,4	–	11,4
НДС	6,3	6,3	–	8,9	8,9	–	9,7	9,7	–
имущественные	3,9	–	3,9	3,9	–	3,9	3,7	–	3,7
НДПИ	–	–	–	–	–	–	–	–	–
СНР	1,5	–	0,5	1,6	–	1,6	1,2	–	1,2
ХМАО - Югра									
Налоговые доходы	3420,9	3072	348,9	3385,2	3073	312,2	2299,7	1974	325,7
то же, в %	100	89,8	10,2	100	90,8	9,2	100	85,8	14,2
налог на прибыль	215,6	43,5	172,1	161,4	32,5	128,9	178,6	40,7	137,9
НДФЛ	85,6	–	85,6	88,7	–	88,7	92,9	–	92,9
НДС	347,5	347,5	–	378,3	378,3	–	277,2	277,2	–
имущественные	72,4	–	72,4	72,3	–	72,3	70	–	70
НДПИ	2675,1	2675,9	-0,8	2595	2594,3	0,7	1568,3	1567,6	0,7
СНР	5,8	–	5,8	6,2	–	6,2	6	–	6
ЯНАО									
Налоговые доходы	1461,9	1220,7	241,2	1600,3	1322,7	277,6	1216	996,8	219,2
то же, в %	100	83,5	16,5	100	82,6	17,4	100	82	18
налог на прибыль	125,6	13	112,6	174,5	28,9	145,6	95,3	16,3	79
НДФЛ	52,8	–	52,8	53,9	–	53,9	61	–	61
НДС	232,2	232,2	–	294,5	294,5	–	204,9	204,9	–
имущественные	72,5	–	72,5	73,8	–	73,8	75,5	–	75,5
НДПИ	968,1	967,7	0,4	978,8	978,2	0,6	737,7	736,7	1
СНР	2	–	2	2,1	–	2,1	2,2	–	2,2

Из анализа данных, приведенных в табл. 1.12, следуют следующие выводы. Общая сумма налогов, собираемых в регионах УФО, в 2020 г. по сравнению с 2018 г. уменьшилась на 23,8%, в том числе зачисляемых в федеральный бюджет – на 27,9%, остающихся в бюджетах регионов – на 6,9%, по сравнению с 2019 г. – соответственно на 25,7%, 30,0% и 7,5%. На уменьшение величины налогов в целом по округу повлияло снижение налогов по Тюменской области (на 21,1%), ХМАО-Югра (32,8%), ЯНАО (16,8%). Из всей суммы налогов, собираемых в УФО, зачисляется в федеральный бюджет 80,5% в 2018 г., 76,2% в 2020 г., в том числе по Тюменской области – соответственно 64,0 и 64,7%, Свердловской области – 30,5 и 36,1%, Челябинской области – 32,1 и 38,0%, Курганской области – 24,9 и 32,7%, ХМАО – Югра – 89,8 и 85,8%, ЯНАО – 83,5 и 82,0%.

В федеральный бюджет зачисляются НДС, НДПИ, налог на прибыль, акцизы. При этом в величине доходов, зачисляемых в ФБ, значительна доля НДС в бюджетах Свердловской области (84,6% в 2018 г., 72,0% в 2020 г.), Челябинской области – соответственно 85,6 и 90,4%, Курганской области (94,0 и 91,5%). Значительна в доходах, зачисляемых в ФБ, доля НДПИ в Тюменской области (68,1% в 2018 г. и 51,4% в 2020 г.), ХМАО-Югра – соответственно 87,1 и 79,4%, ЯНАО – 79,2 и 73,9%.

Таким образом, уменьшение в 2020 г. всей суммы налогов, в том числе зачисляемых в ФБ, вызвано снижением поступлений НДПИ, в том числе по Тюменской области – со 141,2 млрд. руб. в 2018 г. до 85,0 млрд. руб. в 2020 г., ХМАО-Югра – соответственно с 2675,9 млрд. руб. до 1567,6 млрд. руб., ЯНАО – с 967,7 млрд. руб. до 736,7 млрд. руб.

При общем снижении общей суммы налогов, собираемых в регионах округа, в 2020 г. по сравнению с 2018 г. на 23,9% величина налогов, остающихся в бюджетах регионов, снизилась на 7,0%, в том числе по Тюменской области на 22,9%, ХМАО – Югра на 6,7%, ЯНАО на 9,1%. Бюджеты субъектов РФ формируются за счет налога на прибыль, НДФЛ, имущественных налогов. Снижение налогов в бюджете Тюменской области произошло за счет уменьшения налога на прибыль с 60,0 млрд. руб. в 2018 г. до 33,1 млрд. руб. в 2020 г., ХМАО-Югра – также снижением налога на прибыль со 172,1 млрд. руб. до 137,9 млрд. руб. Налог на имущество организаций в бюджетах субъектов РФ занимает незначительную величину: 12–16%, в бюджете ЯНАО – 30,0–34,4%. Значительна доля НДФЛ в бюджетах промышленных регионов – более 40–45% (Свердловская, Челябинская области), незначительна (менее 30%) в бюджетах ХМАО-Югра, ЯНАО.

Таблица 1.13

Социально-экономические показатели регионов УФО [31]

Годы	РФ	Уральский федеральный округ (УФО)						
		всего	в том числе по регионам					
			Тю- мен- ская	Сверд- лов- ская	Челя- бин- ская	Кур- ган- ская	ХМАО -Югра	ЯНАО
Валовый региональный продукт, млрд. руб.								
2018	90202,9	13035,6	1316,7	2423,7	1521,3	215,6	4506,7	3051,6
	доля, %	14,4	10,1	18,6	11,7	1,6	34,6	23,4
2019	94831,1	13227,7	1255,4	2529,5	1545,6	233,5	4563,1	3100,6
	доля, %	13,9	9,5	19,1	11,7	1,8	34,5	23,4
темп ро- ста, %	105,1	101,5	95,3	104,4	101,6	108,3	101,2	101,6
Валовый региональный продукт на душу населения, тыс. руб.								
2018	614,3	1055,2	872,7	561,0	436,6	256,6	2715,8	5651,0
2019	646,1	1070,6	821,6	586,5	445,3	281,0	2733,6	5710,5
темп ро- ста, %	105,2	101,5	94,1	104,5	102,0	109,5	100,6	101,0
Объем производства товаров, работ и услуг, млрд. руб.								
2018 доля, %	90931,0	15513,4	1520,0	2986,0	2108,8	209,1	5189,47	3499,8
	6	3	9	2	8	2		5
	100,0	17,1	9,8	19,2	13,6	1,3	33,5	22,6
2019	94388,0	15525,7	1347,3	3109,1	2084,4	250,2	5241,44	3493,1
	3	2	1	4	7	2		4
2020	91933,9	13820,7	1232,9	3066,2	2053,3	242,0	3935,65	3290,4
		3	4	4	8	8		4
доля, %	100,0	15,0	8,9	22,2	14,8	1,8	28,5	23,8
2020 г. к:								
2018 г.	101,1	89,1	81,1	102,7	97,4	115,8	75,8	94,0
2019 г.	97,4	89,0	91,5	98,6	98,5	96,7	75,1	94,2
Объем производства товаров, услуг на душу населения, тыс. руб.								
2018	619,08	1255,5	1007,5	691,13	605,24	248,9	3127,25	6481,0
			2			2		5
2019	643,05	1257,1	881,64	720,83	600,48	301,1	3140,58	6436,0
						7		8
2020	628,95	1120,9	800,4	712,02	594,39	294,1	2341,03	6029,46
						9		
2020 г. к 2019 г. %	97,8	89,2	90,8	98,8	99,0	97,7	74,5	93,7
Налоговые доходы бюджетов, млрд. руб.								
2018 доля, %	21142,0	5829,1	324,1	358,7	236,4	26,9	3421,1	1461,9
	100,0	27,6	5,6	6,2	4,0	0,5	58,7	25,0
2019 доля,%	22503,4	5975,9	338,1	380,9	240,5	30,6	3385,5	1600,3

Годы	РФ	Уральский федеральный округ (УФО)						
		всего	в том числе по регионам					
			Тю- мен- ская	Сверд- лов- ская	Челя- бин- ская	Кур- ган- ская	ХМАО- Югра	ЯНАО
	100,0	26,6	5,6	6,4	4,0	0,5	56,7	26,8
2020	20737,8	4439,4	255,6	390,0	245,4	32,4	2300,0	1216,0
доля, %	100,0	21,4	5,7	8,8	5,5	0,7	51,9	27,4
темпы роста налоговых доходов бюджетов (%), 2020 год к								
2018 г.	98,1	76,2	78,9	108,7	103,8	120,4	67,2	83,2
2019 г.	92,1	74,3	75,6	102,4	102,0	105,9	67,9	76,0
Баллы и место в рейтинге СЭП регионов РИАРЕЙТИНГ								
2018	—	60,31 /1 место	64,934 /8 м.	67,91 /7м.	57,264 /15м.	23,948 /76м.	78,398 /3 м.	69,388 /6 м.
2019	—	60,82 /1 место	64,386 /10м.	69,278 /7 м.	57,609 /17 м.	26,511 /73 м.	77,763 /3 м.	69,361 /6 м.
2020	—	59,536 /1 место	56,904 /11 м.	62,167 /7 м.	51,997 /19 м.	23,533 /74м.	74,782 /3 м.	65,34 /6 м.

Как следует из приведенных в табл. 1.13 данных, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. валовый региональный продукт по РФ увеличился на 5,1%, по УФО на 1,5%, по Тюменской области снизился на 4,7%. При этом доля УФО в ВВП РФ уменьшилась с 14,4% до 13,9%. В ВРП округа осталась неизменной доля Челябинской области (11,7%), ХМАО-Югра (34,5%), ЯНАО (23,4%), увеличилась доля Свердловской области (с 18,6% до 19,1%), уменьшилась доля Тюменской области (с 10,1 до 9,5%), незначительна доля Курганской области (1,6–1,8%).

ВРП на душу населения увеличилась по РФ на 5,2%, УФО на 1,5% и во всех регионах, за исключением Тюменской области, где снижались составило 5,9%. Средняя величина показателя по УФО превышает среднероссийский уровень на 71,7% в 2018 г., и на 65,7% в 2019 г. Среди регионов округа во всех округах значение показателя ниже, за исключением ХМАО-Югра и ЯНАО. ВРП на душу населения в ХМАО-Югра превышает российский уровень более 4-х раз, средний показатель по округу в 2,5 раза, по ЯНАО – соответственно более 9 раз и 5 раз. Высокие значения показателей по ХМАО-Югра и ЯНАО обусловлены низкой численностью населения в этих регионах.

Доля Уральского федерального округа в объеме производства товаров, работ, услуг уменьшилась с 17,1% в 2018 г. до 15,0% в 2020 г., в том числе в величине показателя по округу снизилась доля Тюменской области (с 9,8 до 8,9%), ХМАО – Югра (с 33,5 до 28,5%), увеличилась доля Свердловской области (с 19,2 до 22,2%), Челябинской области (с 13,6 до 14,8%), незначительна доля Курганской области (менее 2,0%).

В 2020 г. по сравнению с 2018 г. объем производства товаров, работ, услуг увеличился по РФ на 1,1%, в Уральском округе допущено снижение на 10,9%, в том числе в Тюменской области (на 18,9%), ХМАО-Югра (на 24,2%). В сравнении с 2019 г. показатель снизился по РФ на 2,6%, УФО на 11,0%, и во всех регионах округа без исключения, в том числе в Тюменской области (на 8,5%), ХМАО – Югра (24,9%).

Объем производства товаров, услуг на душу населения в 2019 г. увеличился в большинстве регионов, снижение по Тюменской области составило 12,5%. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. показатель снизился по РФ на 2,2%, по УФО – на 10,8%, в том числе в Тюменской области на 9,2%, ХМАО-Югра на 25,5%. Показатель по округу превышает значение показателя по РФ в 2018 г. в 2 раза, 2019 – в 1,95 раза, 2020 г. – в 1,78 раза. Кроме ХМАО-Югра и ЯНАО показатель в других регионах меньше среднего показателя по округу. По ХМАО-Югра показатель выше показателя по РФ в 2018 г. в 5 раз, 2019 г. 4,9 раза, 2020 г. в 3,7 раза, показатель по округу – более 2,5 раз в 2018-2019 г., более 2 раз в 2020 г. Показатель по ЯНАО выше показателя по РФ около 10 раз, показателя по округу – около 5 раз, что вызвано низкой численностью населения. Налоговые доходы бюджетов в 2019 г. увеличились во всех регионах, кроме ХМАО-Югра (снижение на 1,1%). В 2020 г. по сравнению с 2019 г. налоговые доходы уменьшились по РФ на 7,9%, по УФО – на 25,7%, в том числе Тюменской области на 24,4%, ХМАО-Югра – на 32,1%, ЯНАО – на 24,0%. Доля УФО в величине налоговых доходов по РФ уменьшилась с 27,6% в 2018 г. до 21,4% в 2020 г., доля ХМАО-Югра в величине показателя по округу с 58,7% до 51,9%, увеличилась доля ЯНАО с 25,0 до 27,4%. Незначительной остается доля Курганской области (0,5–0,7%), Челябинской области (4,0–5,5%), Тюменской области (5,6–5,7%).

В ежегодном рейтинге социально – экономического положения регионов, проводимом рейтинговым агентством РИАРЕЙТИНГ на основании комплекса показателей, в том числе приведенных в статье, Уральский федеральный округ сохраняет лидерство среди 8 федеральных округов, имея рейтинговые баллы около 60 (из 100 возможных).

В 2018–2019 г. в первую десятку входили 4 региона: ХМАО-Югра (3 место), ЯНАО (6 место), Тюменская область (8 место в 2018 г., 10 место в 2019 г.), Свердловская область (7 место). В 2020 г. в первой десятке остались 3 региона, сохранившие прежние места: ХМАО-Югра, ЯНАО, Свердловская область. Тюменская область переместилась на 11 место. Челябинская область за все приведенные периоды входит в первую двадцатку, при этом с 15 места в 2018 г. область переместилась на 19 место в 2020 г.

Далее рассмотрим роль НДПИ в величине налоговых доходов бюджетов в экспортно-ориентированных регионах (табл. 1.14).

Таблица 1.14

Поступления НДС на углеводородное сырье (млрд. руб.) [9]

Налоги	ФБ РФ		Тюменская область		ХМАО-Югра		ЯНАО	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
2018 год								
Всего	11742,6	–	207,3	–	3072,0	–	1220,7	–
в т.ч. НДС	6009,8	51,2	141,2	68,1	2675,9	87,1	967,7	79,3
– нефть	5232,2	87,1	141,2	100,0	2675,2	100,0	269,6	27,8
– газ природный	630,6	10,5	–	–	0,7	–	586,4	60,6
– газовый конденсат	147,0	2,4	–	–	–	–	111,7	11,6
2019 год								
Всего	12380,2	100,0	212,6	–	3073	–	1322,7	–
в т.ч. НДС	5971,7	48,2	132,7	62,4	2594,3	84,4	978,2	73,9
– нефть	5175,5	86,7	132,7	100,0	2593,7	100,0	262,4	26,8
– газ природный	627,0	10,3	–	–	0,5	–	585,7	59,9
– газовый конденсат	169,2	2,8	–	–	–	–	130,0	13,3
2020 год								
Всего	10704,0	100,0	165,5	–	1974,0	–	996,8	–
в т.ч. НДС	3819,7	35,7	85,0	51,5	1567,6	79,4	736,6	73,9
– нефть	3198,3	83,7	85,0	–	1567,2	100,0	180,4	24,5
– газ природный	482,2	12,6	–	–	0,4	–	449,7	61,0
– газовый конденсат	139,2	3,7	–	–	–	–	106,5	14,5
10 месяцев 2021 года								
Всего	12741,8	100,0	56,6	–	3020,9	–	1306,3	–
в т.ч. НДС	5579,6	43,8	0,06	–	2264,4	75,0	949,3	72,7
– нефть	4926,9	88,3	0,06	–	2264,0	100,0	362,2	38,2
– газ природный	463,4	8,3	–	–	0,4	–	433,8	45,7
– газовый конденсат	189,2	3,4	–	–	–	–	153,2	16,1

Как следует из приведенных в табл. 1.14 данных, в величине налоговых доходов федерального бюджета НДС на нефть доля Тюменской области составляет 2,7%, ХМАО-Югра – 51,1%, ЯНАО – 5,1%, по газу природному – доля ЯНАО 93%; в 2019 г. по нефти – доля Тюменской области составляет 2,5%, ХМАО – Югра – 50,1%, ЯНАО – 5,1%; по газу природному – доля ЯНАО – 93,4%; в 2020 г. – по нефти доля Тюменской области составляет 2,6%, ХМАО – Югра – 49%, ЯНАО – 5,6%, по газу природному – доля ЯНАО – 93,3%; при этом величина НДС по нефти в 2020 г. снизилась и составила около 60% к величине за 2018 год, по газу природному – 76%, по газовому конденсату – 94–95%.

За 10 месяцев 2021 г. поступления НДС в федеральный бюджет увеличились и составили: по нефти 4926,9 млрд. руб. (на 54% больше, чем в 2020 г.), в том числе по ХМАО-Югра – на 44,5%, по ЯНАО – в 2 раза.

Объем ВВП по РФ по итогам 2020 г. снизился на 3%. Доля УФО в ВВП РФ снизилась с 14,4% в 2018 г. до 13,9% в 2019 г.

До 30% налоговых доходов бюджетов Свердловской, Челябинской, Курганской областей зачисляется в федеральный бюджет (в виде НДС, налога на прибыль). В экспортно-ориентированных регионах этот показатель превышает 80% (в виде НДС за углеводородное сырье (нефть, газ), НДС, налога на прибыль).

Снижение нефтегазовых доходов в 2020 г. связано с кризисом на рынке нефти, спровоцированным развалом сделки ОПЕК, в результате чего цены на нефть сократились на треть, уходя в отдельные периоды в отрицательные значения. Во 2-м полугодии 2020 г. ценовая динамика улучшилась, но снизилась добыча нефти из-за новой сделки с ОПЕК+, которой ограничивалась добыча нефти в странах, вступивших в сделку.

Основным газодобывающим регионом продолжает оставаться ЯНАО, добыча газа и здесь в 2020 г. снизилась на 7,7%. Снижение спроса на нефть, газ произошло из-за спада мировой экономики, снижения спроса на них в связи с уменьшением объемов производства.

Таким образом, финансовое положение экспортно-ориентированных регионов, а также в целом Уральского федерального округа, зависит от мировой конъюнктуры, состояния мировой экономики.

1.5. Управление экологической экономической безопасностью в зоне Прибалтийского приграничья Российской Федерации в условиях пандемии

Взаимодействие между сопредельными государствами есть важнейший аспект внешней политики, предполагающий реализацию дружеских и партнерских отношений и усиление межрегионального приграничного сотрудничества, в том числе и на предмет обеспечения экологической экономической безопасности в приграничной зоне.

Для России, занимающей первое место в мире по протяженности государственной границы и по количеству сопредельных государств, ресурс «приграничности» является особо значимым.

Несмотря на положительную динамику в обеспечении политико-правовых основ развития приграничных регионов со стороны государства с целью интенсификации внешних экономических связей субъектов Российской Федерации, степень их вовлеченности в глобальные процессы управления экологической экономической безопасностью не одинакова и зависит от уровня социально-экономического потенциала регионального развития, природно-климатических условий и природных ресурсов.

Достижение целей экологической экономической безопасности в Российской Федерации осуществляется путем проведения единой государственной политики, направленной на предотвращение и ликвидацию внутренних и внешних вызовов и угроз экологической экономической безопасности населения страны; ориентирована на обеспечение безопасности жизни и охрану здоровья человека, а также на увеличение общей численности населения, на повышение уровня активности процессов жизнедеятельности общества, на снижение процента безработных граждан и повышение качества жизни населения, проживающего на территории субъекта РФ.

Своевременность и значимость комплексного анализа организации и собственно процесса управления экологической экономической безопасностью в зоне Прибалтийского приграничья Российской Федерации в условиях пандемии обусловлены нацеленностью на совершенствование системы государственного управления, повышение уровня результативности и эффективности деятельности органов власти субъекта РФ в решении вопросов национальной безопасности в глобальном и региональном масштабах.

Степень изученности проблемы связана со спецификой регионального развития приграничных территорий, что заявляет о себе рядом проблем: унификацией нормативно-правового регулирования управленческой деятельности, недостаточным вниманием органов власти к значимости базовых, исторически-обусловленных ракурсов регионального экологического и социально-экономического развития, что не в полной мере учитывается при определении программно-целевых ориентиров в области экологической экономической безопасности.

Термин «экологическая экономическая безопасность» не имеет юридического закрепления в законодательной базе Российской Федерации, субъектов РФ. Указом Президента РФ №204 «о национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» экологическая и экономическая безопасности определяются как стратегические направления в обеспечении национальной безопасности.

Результативность функциональных полномочий органов власти, реализуемых на пограничных территориях субъекта РФ, определяются на основе приоритетов национальной оздоровительной и экологической экономической политики Российской Федерации на период до 2025 года, исходя их базовых положений данных документов и в рамках Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации №2577 от 7 октября 2020 года.

Документами, нормативно-регламентационного и стратегически-ориентированного типа в обозначенной сфере исследования, являются «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года №400); «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 года №1666 (с изменениями на 6

декабря 2018 г.); «Стратегия экологической безопасности Российской Федерации до 2025 года» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года №176); «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года №208).

В настоящее время происходят процессы изменения условий функционирования административно-территориальных единиц в системе государственного управления Российской Федерацией. В современной законодательной базе Российской Федерации закреплено право субъектов РФ на принятие определенных стратегических решений, что, в свою очередь, налагает установление полной ответственности органов власти за результаты деятельности на предмет реализации основных направлений региональной политики, в том числе, и на предмет управления экологической экономической безопасностью.

Несмотря на всевозрастающий интерес к вопросам управления экологической экономической безопасностью, в том числе и в зоне Прибалтийского приграничья Российской Федерации (Астахов А.С., Даванков А.Ю., Довбий И.П., Дмитриева Ю.В., Черешнева В.А. и другие), не всегда учитывается, что специфика экологической привлекательности территории не рассматривается вне контекста ценностей устойчивого пространственного социально-экономического развития.

Успешность устойчивого развития приграничья зависит от качественного анализа потенциала определенной территории, грамотно разработанной стратегии пространственного развития.

В ряде научных работ (Довбий И.П., Голованов Е.Б., Бажанова М.И., Малев В.А. и др.) экологическая экономическая безопасность понимается не только как состояние защищенности государства и человека, но и как определенная структура в системе административно-территориального управления национальной безопасностью, а также как система, обеспечивающая общечеловеческую безопасность в ракурсе планетарного управления [45].

Приграничные регионы представляют собой не только барьеры противодействия различным факторам негативного влияния извне, но и площадки для внедрения экономически-эффективных и идеологически продуктивных технологий защиты территории государства с целью сохранения ее природной сбалансированности и идеологической целостности общественного сознания [6]. Поэтому система обеспечения сбалансированности социально-экономических процессов, сохранение историко-культурных связей, бережное отношение к объектам историко-культурного и природно-ландшафтного наследия должна оцениваться, прежде всего, в контексте показателей экологизации общественного сознания и сформированности ценностей устойчивого развития в региональном аспекте у населения в возрасте от 12 до 35 лет, демонстрируя положительную динамику.

В условиях пандемии экологическая экономическая безопасность понимается и как собственно реализация экологической экономической деятельности в рамках определенного геополитического пространства, и как правовая регламентация данного вида деятельности, и как собственно прогноз эпидемиологических рисков и угроз, определяемых на основе анализа демографических показателей и показателей социально-экономического развития в контексте региональных приоритетов.

Экологическая экономическая безопасность приграничной зоны не может не рассматриваться и как готовность к ликвидации, а также собственно ликвидацию последствий чрезвычайных и пост-чрезвычайных ситуаций, с учетом взаимообусловленности и целостности экологической и экономической составляющих. Вся система управления экологической экономической безопасностью уровня субъекта РФ должна рассматриваться и как фактор регионального развития, что обуславливает устойчивость территориального развития и определяет тенденции к экономическому росту в рамках определенного геополитического).

В странах западной Европы экологическая безопасность как специальный термин определяется не столько в ракурсе научного, сколько правового поля. Преимущественно рассматривается в качестве самостоятельного элемента в системе приоритетов регионального развития, составляющих сбалансированность региональных и межрегиональных связей.

Сущность глобального управления экономической экологической безопасностью сводится, в основном, к осуществлению контрольно-надзорных функций, в рамках которых координируются процессы, происходящие в биосфере в целом. Ответственность за управление глобальной экологической безопасностью возложена на международные организации (ООН, ЮНЕСКО, ЮНЕП).

Нередко со стороны стран-соседей проявляется пренебрежение к законам Российской Федерации в вопросах управления экологической экономической безопасностью, а также нарушение норм этики межгосударственного взаимодействия в области природопользования и охраны здоровья населения, проживающего на приграничных территориях.

Управление экономической экологической безопасностью на региональном уровне не сводится только к организации управления на территории самостоятельного субъекта в системе административно-территориального государственного устройства. Понимание региона как особого геополитического пространства, включающего в свой состав территории нескольких сопредельных государств (например, регион стран Балтии, Северо-Кавказский регион, регион Псковско-Чудского водоема, регион Прибалтики и т.д.) позволяет заявить о проблеме управления экономической экологической безопасностью в «особой экономической и политической зоне. Такая зона может рассматриваться и как исторически сложившийся регион, территория многовековых устойчивых направлений трансграничного и (или)

приграничного сотрудничества, где наиболее активно осуществляется реализация внешнеэкономических связей и контактов». [32]

В качестве одного из регионов, с исторически обусловленным функционированием межконтинентальных «коридоров» трансграничного и приграничного значения, выступает приграничная зона Прибалтики. На территории России границы этого региона, развивающегося на протяжении многих веков в условиях «неустойчивого приграничья», определяются территорией самостоятельного субъекта в системе Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО) – Псковская область; относительно сопредельных государств – это суверенные территории Эстонии и Латвии.

В результате научного осмысления проблемы управления экологической экономической безопасностью в Прибалтийской приграничной зоне Российской Федерации сформирован достаточный корпус исследовательских работ теоретического, нормативно-правового и аналитического характера (Большакова Н.В., Габдулова Н.Н., Дмитриева Ю.В., Евдокимов С.И., Савельев Г.Г., Монаков А.Г. и др.). Юридически закреплены термины «экологическая безопасность» и «экономическая безопасность». Сформированы организационные структуры, осуществляющие деятельность в управлении субъекта РФ по данным направлениям. Однако о единой системе обеспечения экологической экономической безопасности в Псковской области как самостоятельного субъекта Российской Федерации заявлять пока еще не приходится.

Несмотря на активность полемики, в современной научной и юридической литературе, посвященной вопросам экологии и конкурентоспособности регионального рынка, в том числе на предмет предоставления лечебно-оздоровительных услуг, не представлено единства мнений относительно целей, задач, содержательной специфики государственного управления в рамках определенной приграничной зоны, где должна быть сформирована система экологической экономической безопасности.

Прибалтийское направление пространственного развития Российской Федерации, представляя собой зону особого влияния в системе международных внешнеэкономических связей, обращает на себя внимание именно экологической составляющей, как исторически обусловленным вектором развития системы национальной безопасности.

Обращаясь к современным научным исследованиям, посвященным оценке результативности государственного управления на предмет разработки и внедрения проектных инициатив в рамках новых стратегических ориентиров экономической безопасности, нельзя не отметить, что, в своем большинстве, авторы достаточно убедительно доказывают преимущество факторного анализа в сравнении с анализом индикативным. В работах Саламатова А.А. подчеркивается ограниченность применения индикативного подхода в системе государственного управления субъекта Российской Фе-

дерации, если речь идет о ситуации длительного кризиса регионального развития, обусловленного COVID-19 и разрушающего систему межведомственного взаимодействия, блокирующего системы социально-политического, финансово-экономического и эколого-оздоровительного секторов. [67]

Методологическую основу анализа эколого-экономической безопасности составляют системный, программно-целевой подходы. Экономико-статистические методы выполняют основу анализа регионального развития; особо значимыми стали сопоставительный анализ, сравнительный анализ статистических данных.

Оценка управления экологической экономической безопасностью на территории приграничного субъекта Российской Федерации предполагает анализ количественных и качественных показателей (в динамике за исследуемый период 2017–2021 гг.), характеризующих:

- правовое обеспечение и государственный контроль в сфере экологии, природоохранной и лечебно-оздоровительной деятельности;
- уровень удовлетворенности потребителя в качественном отдыхе, лечении, реабилитации, воспроизводстве интеллектуальных и эмоциональных сил;
- стимулирование устойчивого социально-экономического развития региона (положительная динамика демографических показателей в регионе (рождаемость, естественный прирост населения), миграционный прирост населения, положительная устойчивая динамика показателей миграции прибытия в зоны экологического и туристического комфорта), положительная динамика показателей качества жизни населения, удовлетворенность процессами взаимодействия по направлению «бизнес – власть» представителями регионального бизнеса (более разумно определить не столько объем финансирования в рамках реализации программ государственной поддержки среднего и малого предпринимательства, а внедрение технологий, обеспечивающих для представителей бизнеса в регионе на равных, определенных законом, правах доступа получать все возможные виды поддержки со стороны органов власти на предмет обеспечения благоприятной экологической ситуации в регионе.

В сфере оздоровительной деятельности – это оценка человеческого капитала и экологии, а также доля от общей площади региона особо охраняемых природных территорий, при учете бальнеологических объектов и оздоровительных ресурсов территории.

Методика анализа управления экологической экономической безопасностью на территории приграничного субъекта РФ предполагает, что в качестве критериев экономической эффективности в оценке деятельности органов власти, должны быть, прежде всего, определены показатели, гарантирующие обеспечение безопасности жизни и здоровья человека.

Важнейшей объективной составляющей устойчивого развития территории является совокупность конкурентных преимуществ и недостатков, что обуславливается особенностями отраслевой специализации региона, наличием экспортного потенциала, территориальной удаленностью и транспортной освоенностью, интеллектуальным, инновационным потенциалом и уровнем инвестиционной активности; учитывается и сложившейся в регионе уровень жизни населения.

Методика проведения анализа и оценки управления экологической экономической безопасностью в приграничной зоне, направлены на выявление:

1) приоритетов в системе коммуникационных потоков геополитического пространства – приграничный субъект зоны Прибалтийского приграничья Российской Федерации (на примере Псковской области);

2) анализ безопасности транзитно-логистических каналов взаимодействия, неформальных субъектов регулирования коммуникационных приграничных, пограничных и трансграничных процессов на определенной территории, влияние данных процессов на формирование в индивидуальном и общественном сознании приоритетов духовно-нравственного, политического и физиологического потенциала человека, определяемого при выборе показателей результативности как «здоровый человек» – «здоровое население».

На основе анализа показателей экономической эффективности и результативности субъектов, осуществляющих деятельность в системе государственного управления в сфере экологической экономической безопасности, проводится оценка данного направления в системе национальной безопасности государства Российская Федерация.

Несмотря на то, что в текущий период, именуемый «ковидным», характер международных и внешнеэкономических связей не определяется как стабильно-положительный, география международных контактов России значительно расширилась, динамика реализации внешнеторговых связей оценивается как положительная. Товарооборот России за 2021 год составил \$784,4 млрд. (из них экспорт – \$4891,2 млрд.; импорт – \$293,1 млрд.); наблюдается увеличение по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на +38.1%. [67] Существенно вырос и объем международных договоров, направленных на реализацию совместных проектов Российской Федерации с сопредельными государствами, что обосновывает необходимость анализа практики управления экологической экономической безопасности на территории приграничного субъекта Российской Федерации в зоне Прибалтики (на примере Псковской области).

Псковская область входит в состав РФ как один из пятидесяти приграничных субъектов, являясь одним из регионов с «неустойчивой», исторически обусловленной приграничностью. Государственная граница проходит на западе с Эстонией – 270 км и Латвией – 214 км. Климат в зоне Прибалтики умеренно-континентальный, средняя температура января -7°C , июля $+17^{\circ}\text{C}$. Ресурсный природный потенциал региона составляют имеющиеся

природные ископаемые, особо охраняемые природные территории: лесопарковые зоны, леса, заповедные природные массивы и историко-культурные объекты. К группе природно-рекреационных ресурсов относятся минеральные водные источники и лечебные грязи. На территории данного субъекта расположены 3432 малых озера, наибольший процент – в регионе приграничном Прибалтике. Уникален Псковско-Чудской водоем – 56% его площади относится к региону России и 44% принадлежат Эстонии. Доля особо охраняемых природных территорий в общей площади региона составляет 7,6%.

По данным Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Псковской области на территории региона находится 31 инвестиционно-привлекательный объект культурного наследия. [52]

В исследуемый период на территории Псковской области функционируют четыре вида транспорта: автодорожный, водный (503 км. судоходных путей), воздушный (Псков – Москва; Псков – Санкт-Петербург; Псков – Сочи (четверг суббота), Псков – Калининград (четверг суббота) и ряд иных рейсов; имеется активное железнодорожное сообщение. Существенной является проблема низкого качества дорог в городах и селах, что тормозит развитие экологического туризма, создает зону, недоступную для передвижения лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Общая площадь Псковской области составляет 55399 тысяч км²; административным центром региона является город Псков.

В рейтинге регионов России по экспорту Псковская область занимает 68 место. За период Январь 2019 – Январь 2021 экспорт из Псковской области составил \$ 501 млн. В основном экспортировались «металлы и изделия из них», что составило 41% от общего объема экспортируемой продукции. На втором месте – 15 % «Древесина и изделия из нее». В структуре экспорта по странам на первом месте Беларусь (51%), на втором месте – сопредельные Российской Федерации государства Прибалтики: Латвия (7%), на третьем – Эстония (6,8%). [67]

Численность населения на 1 января 2021 года составляла 620 249 чел., уменьшение по сравнению с предыдущим 2020 годом составило – 5866 человек [53]. Динамика общей численности населения в псковской области по годам демонстрирует отрицательную тенденцию к развитию ситуации; в регионе наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению численности населения, что позволяет на официальном уровне заявлять о проблеме депопуляции населения в Псковской области (2017 – 642164 чел.; 2018 – 636546 чел.; 2019 – 629651 чел.; 2020 – 626115 чел.). Показатели общей численности населения в Псковской области по годам (2016 – 2020 гг.) представлены в табл. 1.15.

Таблица 1.15

Показатели общей численности населения в Псковской области
по годам (2016–2020 гг.)

Год/показатель	2017	2018	2019	2020	2021
Численность населения	642164	636546	629651	626115	620 249

Источник: [53].

В общей численности населения на протяжении более 30 лет (с 1979 года), наблюдается стабильная тенденция увеличения процента городского населения по отношению к сельскому. На 1 января 2021 года – 70,9 % (1979 г. – 54,8%). Наивысший процент по причине смертности в регионе представляет группа «болезни системы кровообращения» (2019 – 2603 чел., 2020 – 2712 чел.), второй показатель по значению – «новообразования» (2019 – 370 чел., 2020 – 422 чел.), затем следуют «болезни органов пищеварения» (2019 – 154 чел., 2020 – 123 чел.) и «болезни органов дыхания» (2019 – 118 чел., 2020 – 116 чел.). Достаточно низкий показатель демонстрирует база Федеральной службы государственной статистики по Псковской области на предмет причины смертности «от инфекционных и паразитных болезней». При этом в ситуации с COVID-19 регион демонстрировал самые высокие показатели среди регионов России по уровню заболеваемости и смертности (2019 – 13 чел., 2020 – 12 чел.).

Проблема естественной убыли населения в регионе не решена: смертность превышает рождаемость; в период с 2016 по 2020 гг. коэффициент рождаемости в Псковской области имеет скачкообразный характер (табл. 1.16).

Таблица 1.16

Основные показатели естественного прироста/убыли населения
(Псковская обл., на начало 2016–2020 гг.)

Наименование	Значение				
	2016	2017	2018	2019	2020
Естественный прирост, убыль населения, чел.	–4658	–4387	–5070	–5036	–5271

Источник: [53].

Основной причиной высокой смертности населения является состояние здравоохранения в Псковской области: количество медицинских учреждений сократилось врачи на 10 000 чел. с 34,1 (2015) до 32,4 (2020), среднего медицинского персонала с 106,4 (2015) до 98,1 (2020).

В интегральном рейтинге субъектов Российской Федерации по базовым показателям эффективности системы здравоохранения Псковская область

входит в состав анти-топ, занимая 76 позицию и один из самых низких показателей ожидаемой продолжительности жизни при рождении – 70,9. При этом в рейтинге субъектов по удельным затратам на терапию ключевых социально-значимых заболеваний – 25 позицию.

Численность инвалидов в Псковской области на 1 января каждого года представлена в табл. 1.17.

Таблица 1.17

Численность инвалидов в Псковской области на 1 января каждого года

Год	Численность инвалидов, тыс.чел	% инвалидизации населения региона
2017	50,5	9,71
2018	49,2	9,46
2019	48,4	9,32
2020	47,5	9,14
2021	46,0	8,85

Источник: [75].

Общее число инвалидов на 1 января 2022 года по России в целом – 10 601 586 чел., что составляет 9,07% инвалидизации от общего числа населения [45]; в гендерном соотношении наибольшую долю составляют женщины 5 976 865 чел. (56,38%). В Псковской области на 1 января 2022 года – 44 729 чел., что составляет небольшой процентный показатель инвалидизации – 8,60 % от общего числа населения региона; из них 24363 чел. (54,47 %) – женщины. На 1 января 2022 года: инвалиды 1 группа – 5394 чел.; 1 группа – 5371; II группа 3 степень – 22; III группа 3 степень – 1; всего инвалиды 2 группы 18 666 чел.; II группа 18662; III группа 2 степень – 4. Всего инвалидов 3 группы 20 669 чел. [75]

Негативно повлиял на репродуктивные планы населения и усугубил демографический кризис в стране и в регионе и Covid-19. Наибольшую долю в общем числе инвалидов занимают дети-инвалиды. В ситуации депопуляции для Псковской области – это представляет серьезную угрозу.

В результате, Псковская область не обладает необходимыми демографическими ресурсами для стабилизации общей численности населения.

По мнению большинства экспертов, последние три года представили собой достаточно сложный период в контексте развития эпидемиологической ситуации в регионе. Последствия от COVID-19 стали сильнейшими за всю историю развития территории.

Государственные субъекты обеспечения экономической экологической безопасности в Российской Федерации, на территории субъектов РФ представляют собой:

1. Вопросами национальной безопасности, включая экологическую и экономическую безопасность, охрану окружающей среды и ряд вопросов,

входящих в круг общих компетенций, решают Государственные органы общей компетенции: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, а также представительные и исполнительные органы власти субъектов Российской Федерации.

2. Органы специальной компетенции обеспечивают экологическую и экономическую безопасность в числе иных видов безопасности на территории Российской Федерации, в том числе, в приграничных регионах страны.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации в пределах своих полномочий на территории Псковской области осуществляет защиту и охрану государственной границы, охрану внутренних вод в регионе Псковско-Чудского водоема, обеспечивает экономическую и информационную безопасность приграничной зоны; осуществляет государственное управление в области борьбы с экологическими и экономическими преступлениями террористического характера; координирует контрразведывательную деятельность органов исполнительной власти.

Функции по надзору и контролю в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиты прав потребителя и потребительского рынка выполняет Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

Управление экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Псковской области проводит комплексный анализ и мониторинг оперативной обстановки на территории Псковской области по линии борьбы с экономической преступностью, организация исполнения приказов МВД России, решений Коллегии УМВД Псковской области по вопросам экономической безопасности в пределах компетенции УМВД России по Псковской области, осуществление мероприятий по организации выявления, предупреждения и раскрытия преступлений в сфере экономики; проведение оперативно-розыскной деятельности.

Государственно-властные полномочия исполнительно - распорядительного характера в области природопользования и охраны окружающей среды и в области безопасности гидротехнических сооружений осуществляет Комитет по природным ресурсам и экологии Псковской области. Являясь органом исполнительной власти уровня субъекта РФ, Комитет по природным ресурсам и экологии Псковской области выполняет следующие возложенные на него задачи в сфере управления экологической экономической безопасностью: реализация государственной политики в области природопользования и охраны окружающей среды и в области безопасности гидротехнических сооружений в пределах компетенции; разработка и реализация мер, направленных на обеспечение охраны, оздоровления и улучшения качества окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, развития и освоения минерально-сырьевой базы области.

Реализацию государственной политики в области инвестиционной деятельности, государственно-частного партнерства и в сфере внешнеэкономических связей осуществляет Комитет по экономическому развитию инвестиционной политике Псковской области.

С целью обеспечения устойчивого развития функционирования экономики в условиях пандемии меры по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) определяет Оперативный штаб при Администрации Псковской области, который представляет собой коллегиальный совещательный орган, созданный по распоряжению губернатора области от 3 апреля 2020 года №36 «О создании оперативного штаба при Администрации области по обеспечения устойчивого развития функционирования экономики Псковской области».

При осуществлении своей деятельности (проведение мониторинга финансово-экономического состояния системообразующих организаций, подготовка и реализация проектных предложений, направленных на обеспечения устойчивого развитие экономики Псковской области в условиях пандемии) Оперативный штаб взаимодействует с органами исполнительной власти субъекта РФ, органами местного самоуправления, осуществляющими деятельность на территории Псковской области, территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, кредитными организациями, хозяйствующими субъектами.

Результаты анализа управления экологической экономической безопасностью в Псковской области:

1. Одним из факторов, оказывающих влияние на здоровье человека, является экологическая ситуация в регионе проживания и пребывания, а также потребительская корзина (качество продуктов питания). В период с 2011 по 2021 гг. Псковская область в экологическом рейтинге среди регионов Российской Федерации за 10 лет потеряла 42 позиции (перемещение с 14 позиции в 2011 году; на 51 позицию в 2020 году и на 55 позицию в 2021 году. [54]

2. Основу экономического развития Псковской области (в соответствие со Стратегией пространственного развития, принятой распоряжением Правительства Российской Федерации №207-р от 13.02.2019 года) составляет промышленность. Перспективные направления: производство автотранспортных средств, производство компьютеров, производство машин и оборудования, производство мебели, одежды, пищевых продуктов, производство текстильных изделий, химических веществ и химических продуктов; производство электрического оборудования; растениеводство, животноводство, туризм; полиграфическая деятельность; транспортировка и хранение. Как неперспективные определены направлениями лесоводство и лесозаготовки; обработка древесины, производство кожи и изделий из кожи.

Псковская область не представляет собой субъект РФ, привлекательный для миграции жителей соседних государств, так и для российских жителей.

Причина – низкий уровень доходов населения. Основная причина прибытия – «обратная миграция», возвращение на постоянное место жительства граждан, ранее выбывших на учебу, на работу и по иным причинам. [53]

Базовые показатели регионального развития продолжают демонстрировать стабильно отрицательную динамику: на 1 января 2021 года – это 75 место в интегральном рейтинге показателей социально-экономического развития среди субъектов Российской Федерации, что на 2 позиции ниже предыдущего 2019 года; в рейтинге регионов по социальной ориентированности бюджетов на 1 января 2021 года Псковская область занимает 67 место; в рейтинге регионов по вводу жилья на 1 января 2021 года Псковская область занимает 50 место (изменение объема введенного жилья: – 9,8%); в рейтинге регионов по динамике на рынке труда на 1 января 2021 года Псковская область занимает 62 место (наблюдается отрицательный коэффициент изменение числа работающих за последние десять лет: – 38,8 тыс.чел. (–12,1%); за последние три года: – 16,2 тыс.чел (–5,2%); по сравнению с предыдущим периодом замедлился рост заработной платы в регионе, на фоне роста цен заметна стабильная отрицательная динамика показателя демонстрирующая доходы населения (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума составляет на 1 января 2021 более 16% от общего числа населения). [64]

Рост объема госдолга Псковской области на 1 января 2021 года в соотношении к предыдущему году (на 1 января 2019 года) составил 11,8%; объем госдолга составил 19,04 млрд. рублей (79 позиция на 1 января 2021 года в рейтинге регионов России по росту объема госдолга). [64]

В рейтинге экономического здоровья Российских регионов на 1 января 2021 года Псковская область занимает 62 позицию. Индекс текущего уровня экономического здоровья региона составляет: – 22%. [64]

В рейтинге регионов России по уровню жизни позиция Псковской области на 1 января 2021 года не изменилась. Псковская область занимает 62 место. Также на протяжении нескольких лет регион входит в число топ-10 самых бедных субъектов российской Федерации (9 место). Данный рейтинг составлен на основе расчета следующих показателей за предыдущий год (по данным Росстата): средняя заработная плата в регионе в соотношении к сумме фиксированного набора товаров и услуг (продукты питания, лекарства, коммунальные платежи и другие траты на протяжении года); получившийся коэффициент стал основой ранжирования. Чем выше уровень цен и ниже заработная плата в регионе, тем ниже позиция субъекта РФ в рейтинге. [64] Улучшение позиций региона наблюдается только в области некоммерческого сектора: 26 место в рейтинге регионов России по уровню развития некоммерческого сектора. В рейтинге социально-экономического положения субъектов Северо-Западного федерального округа Псковская область продемонстрировала на 1 января 2021 самый низкий интегральный рейтинговый балл. [64]

В период с 2019 по 2021 годы в Псковской области реализовывались государственные программы. На 1 января 2021 года общее количество – 19 (далее – госпрограмм). Все программы включены в Перечень государственных программ Псковской области № 9-р, утвержденный распоряжением Администрации области от 22 января 2013 года. В рамках общего числа госпрограмм реализовано 116 подпрограмм; в 2020 году из них плановый показатель финансирования к реализации составил 98 подпрограмм; профинансировано 89 подпрограмм. Перечень государственных программ Псковской области № 9-р, утвержденный к реализации в 2020 году распоряжением Администрации области от 22 января 2013 года представлен в табл. 1.18.

Таблица 1.18

Перечень государственных программ Псковской области № 9-р,
утвержденный распоряжением Администрации области
от 22 января 2013 года

Год/Программа	Общее количество государственных программ Псковской области			
	Госпрограмма	Подпрограмма	План финансирования	Факт финансирования
2019	19	107	94	86
2018	19	105	96	85
2017	17	102	93	85

В 2020 году основные направления реализации госпрограмм сохранились. Данные направления аналогичны направлениям федеральных программ, но их разработка и реализация проводилась с учетом территориальных особенностей. Государственные программы в сфере управления экологической экономической безопасностью представлены по следующим направлениям:

1. «Новое качество жизни» – общее количество: 11 госпрограмм, что составляет 57, 89% от общего числа реализуемых госпрограмм по всем направлениям. Содержание программных мероприятий в сфере управления экологической экономической безопасностью – 100%.

2. «Модернизация экономики» – общее количество: 7 госпрограмм, что составляет 36, 84% от общего числа реализуемых госпрограмм по всем направлениям. Содержание программных мероприятий в сфере управления экологической экономической безопасностью – 100%.

3. «Сбалансированное региональное развитие»: – общее количество: 1 госпрограмма, что составляет 5, 26% от общего числа реализуемых госпрограмм по всем направлениям. Содержание программных мероприятий в сфере управления экологической экономической безопасностью – 100%.

Госпрограммы, реализуемые в рамках направления «Новое качество жизни», являются социально-направленными и составляют основу регионального развития. При этом в рамках данных госпрограмм не все мероприятия ориентированы на региональное развитие в условиях приграничности.

В отчетной документации органов власти Псковской области государственная программа по направлению «Сбалансированное региональное развитие»: «Создание условий для эффективного управления региональными и муниципальными финансами, повышения бюджетной системы Псковской области» почему-то определена как «имеющая вспомогательный характер», в то время как содержание данной госпрограммы должны обеспечивать сбалансированность регионального развития субъекта Российской Федерации, расположенного в зоне Прибалтийского приграничья.

Проанализируем основные результаты реализации государственных программ в сфере экологической экономической безопасности Псковской области.

Общие факторы, что оказали существенное и необратимое влияние на ход реализации госпрограмм:

1. Ограничительные меры на предмет обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия на обозначенной территории в связи с распространением COVID-19.

2. Факторы организационно-управленческого характера, что содержательно являют собой нарушения срока предоставления отчетных данных, ошибочного предоставления отчетности, недостоверность статистической информации, предоставляемой со стороны органов власти в Псковской области за отчетный период в условиях пандемии.

3. Факторы организационно-управленческого характера, что связаны содержательно с нарушениями на предмет достоверности отчетности по результатам Факторы организационно-управленческого характера на предмет реализации госпрограмм в Псковской области за отчетный период в условиях пандемии.

4. Корректировки бюджетного финансирования.

Нельзя не отметить, что обозначенные проблемы носят системный характер, что не позволяет дать положительную оценку управлению экологической экономической безопасностью на территории Псковской области в период 2019–2021 гг.

Обратимся к результатам реализации государственных программ в Псковской области в условиях пандемии в 2019–2021 гг., программные мероприятия которых наиболее значимы для обеспечения экологической экономической безопасности человека, общества и государства (табл. 1.19).

Таблица 1.19

**Результаты реализации государственных программ
в Псковской области (период 2019 – 2021 гг.)**

Направление Госпрограмма	Финансирования из всех источников	Уровень освоения бюджетных средств	Эффективность реализации в соответствии с методикой оценки реализации госпрограммы в части достижения целевых индикаторов, оценка в баллах
«Новое качество жизни»: 1. «Развитие здравоохранения»	Общий уровень планового финансирования из всех источников – 99,24% Федеральный бюджет – 96,66% Областной бюджет – 99,33% Внебюджетные источники финансирования – 100%	99,23%	– 3 (неэффективно)
«Новое качество жизни»: 2. «Развитие образования и повышение эффективности реализации молодежной политики»	Общий уровень планового финансирования из всех источников 95,75 % Федеральный бюджет – 82,64% Областной бюджет – 99,61% Из местного бюджета – 77,38 %	99,53%	– 1 (неэффективно)
«Новое качество жизни»: 3. «Социальная поддержка граждан и реализация демографической политики»	Общий уровень планового финансирования из всех источников 99,70% Федеральный бюджет – 99,54% Областной бюджет – 99,85%	99,99%	0 (эффективно)
«Новое качество жизни»: 4. «Доступная среда для инвалидов»	Общий уровень планового финансирования из всех источников 95,87% Федеральный бюджет – 100 % Областной бюджет – 100 %	94, 94%	+1 (эффективно)
«Новое качество жизни»: 5. Содействие занятости населения	Общий уровень планового финансирования из всех источников 99,62% Федеральный бюджет – 100 % Областной бюджет – 97,32 %	99,87%	– 3 (неэффективно)

Источник [51].

Рассмотрим показатели реализации государственных программ в сфере экологической безопасности в Псковской области 2019–2021 гг. Представлены в табл. 1.20.

Таблица 1.20

Реализация государственных программ в сфере экологической безопасности в Псковской области 2019–2021 гг.

Направление Госпрограмма	Финансирования из всех источников	Уровень освоения бюджет- ных средств	Эффективность ре- ализации в соответ- ствие с методикой оценки реализации госпрограммы в ча- сти достижения целе- вых индикаторов, оценка в баллах
«Новое качество жизни»: 1. «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах»	Областной бюджет – 98,09%	100 %	+ 2 (эффективно)
«Новое качество жизни»: 2. «Содействие экономическому развитию, инвестиционной и внешнеэкономической деятельности»	Общий уровень планового финансирования из всех источников 87,71 % Федеральный бюджет – 100% Областной бюджет – 92,52% Из местного бюджета – 37,49 %	99,98%	+ 1 (эффективно)

Источник [51].

В связи с ограничительными мерами по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения Псковской области не все государственные программы были реализованы эффективно. Из общего числа государственных программ 5 программ социальной направленности были реализованы с низким уровнем эффективности. Общий показатель реализации составляет 73, 69% (14 из 19 госпрограмм); высокий уровень эффективности – 63, 16% (12 из 19 госпрограмм); средний уровень эффективности – 10, 52% программ (2 из 19 госпрограмм); низкий уровень эффективности – 26,32 % госпрограмм (5 из 19 госпрограмм). [51]

В сфере управления экологической и экономической безопасностью общий показатель реализации составляет 100% (2 из 2), что не в полной мере

соотносится с показателями общего регионального развития территории, более того, вступает в противоречие. [51]

Рассмотренные показатели регионального развития не свидетельствуют о стабилизации ситуации в сфере демографии и на рынке труда Псковской области, не наблюдается и снижения уровня безработицы, несмотря на стабильные отчетные данные органов государственной власти региона в области реализации мероприятий политики занятости населения.

Результаты анализа показателей в сфере экологической экономической безопасности в предыдущие 2020 и 2021 годы не только активизируют внимание экспертов к потенциалу приграничных регионов России, но и требуют корректировки методов оценки экономической эффективности реализации мероприятий, направленных на ликвидацию последствий сложной эпидемиологической ситуации. Обеспокоенность вызывают последствия для региона в области демографии, здравоохранения, экологии, а именно: высокий процент смертности населения, в том числе и по результату заболевания COVID-19; тяжелое течение постковидного синдрома у лиц, перенесших инфекцию; низкие позиции Псковской области в рейтинге регионов на предмет профилактики и предотвращения распространения коронавирусной инфекции, оказания врачебной помощи.

Результаты экспертной оценки аналитического центра Института Цифровых Трансформаций и Исследований Экономических Трендов: по численности населения среди регионов России Псковская область занимает 68 место; основная причина сокращения общей численности населения региона – отрицательный естественный прирост, внешняя и межрегиональная миграция населения региона, что к 2024 году (прогноз) приведет к формированию устойчивой тенденции сокращения численности населения трудоспособного возраста на 3 000 чел., несмотря на повышение пенсионного возраста. Прогнозируется, что отрицательный внутренний миграционный прирост будет медленно увеличиваться на фоне заметного отставания Псковской области по темпам роста ВРП в системе СЗФО. Основная причина выбытия из региона – более низкие доходы в регионе по сравнению с регионами СЗФО (79% выбывают в Петербург и Ленинградскую область, 12% – в Москву и Московскую область, 2,2% – преимущественно, Краснодарский край). Тенденция к выбытию в регионы России будет нарастать в ближайший период (2022–2024 гг.). [54]

Не достаточная состоятельность органов власти уровня субъекта РФ обеспечить стабильность регионального социально-экономического развития в условиях пандемии в Псковской области позволяет поднять вопрос о необходимости переоценки стратегических приоритетов регионального развития в системе государственного управления экологической экономической безопасностью на приграничных территориях России в зоне Прибалтики.

Анализ практики регионального управления в сфере экологической экономической безопасности позволяет заявить о недостаточной эффективности существующих механизмов, определяющих заинтересованность служащих в органах государственной власти на уровне субъекта Российской Федерации, в том числе и руководителей учреждений образования и здравоохранения.

В Псковской области не разработана и не регламентирована система механизма межведомственного взаимодействия на предмет управления экологической экономической безопасностью как приграничного региона, не определены основные направления деятельности по данному направлению в системе управления национальной безопасностью России как суверенного государства.

Следовательно, для повышения результативности и эффективности управления в сфере экологической экономической безопасностью в качестве первостепенно значимых необходимо определить показатели качества жизни граждан Российской Федерации, проживающих на приграничных территориях. В зоне Прибалтийского приграничья России, а именно на территории Псковской области ситуация в рамках обозначенной проблемы может быть охарактеризована как неблагоприятная, деятельность органов власти как недостаточно эффективная, методики оценки эффективности реализации программ как несовершенные.

Необходима разработка и юридическое закрепление методики, обеспечивающей объективную оценку экономической эффективности деятельности органов власти на предмет обеспечение безопасности жизни и здоровья населения определенной территории.

Для обеспечения экологической экономической безопасности население должно быть обеспечено, особенно в условиях пандемии, когда переживается период вынужденной изоляции, всем необходимым: качественными продуктами питания, медикаментами, медицинским обслуживанием, психологической помощью. Также должны быть исключены обострения противоречий социально-имущественного неравенства при оказании видов медицинской помощи и государственных услуг.

Библиографический список по главе 1

1. «Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 №Пр-2685).
2. Bolshenko, S.F. A methodological approach to determining the competitive positions of the labor potential in regional consumer cooperation / S.F. Bolshenko, V.B. Gorbunova, O.V. Martynenko // *Studies in Systems, Decision and Control*. – 2021. – Vol. 316. – P. 661–670.
3. Buzan, B. *People, states and fear: An agenda for international security studies in the post – Cold War era*. Boulder: Lynne Rienner. – 1991. – 311 p.

4. Chandler, D. The security–development nexus and the rise of «anti–foreign policy» // *Journal of International Relations and development*. – 2007. – Vol. 10. – P. 362–386.
5. Demertzis, M., Sapir, A., Tagliapietra, S., Wolff, G. An effective economic response to the coronavirus in Europe // *Policy Contributions*. – 2020. – №6. – P. 1–10.
6. Dmitrieva Y.V., Galkovskiy G.A. Ecologically oriented humanitarian education management in the context of the Russian federation subject's boarder territories sustainable development [E3S Web of Conferences 208, 09041 (2020)], Yekaterinburg, 28–29 September 2020 – Yekaterinburg, 2020. – P. 09041. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020809041>.
7. Duffield, M. The liberal way of development and the development–security impasse: Exploring the global life – chance divide // *Security Dialogue*. – 2010. – Vol. 41. – №1. – P. 53–76.
8. FAO, IFAD, UNICEF, WFP and WHO. 2021. The State of Food Security and Nutrition in the World 2021. Transforming food systems for food security, improved nutrition and affordable healthy diets for all. Rome, FAO. URL: <https://doi.org/10.4060/cb4474en>.
9. Giovannetti, G. The security–development nexus: How to bridge the gap between foreign/security policies and development policies. Introductory notes. New York. – 2007.
10. Global Food Security Index. URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/Resources>.
11. Global Hunger Index Scores by 2021 Ghi Rank. URL: <https://www.globalhungerindex.org/ranking.html>.
12. Mamonova, N., Visser, O. State Marionettes, Phantom Organizations or Genuine Movements? The Paradoxical Emergence of Rural Social Movements in Post-Soviet Russia // *Journal of Peasant Studies*. – 2014. – №41 (4). – P. 491–516.
13. Rome Declaration on World Food Security. URL: <https://www.fao.org/3/w3613e/w3613e00.htm>.
14. The Global Risks Report (2021). 16 th Edition. World Economic Forum. URL: <http://wef.ch/risks2021> (дата обращения 30.06.2021).
15. Wolfers, A. National security as an ambiguous symbol // *Political Science Quarterly*. – 1952. – Vol. 67. – №4. – P. 481–502.
16. Александрова Л.А. Проблемы производственного импортозамещения в АПК России / *Аграрная наука и образование: проблемы и перспективы. Сборник статей национальной научно-практической конференции*. – Саратов. – 2021. – С. 6 – 15.
17. АНО «Национальные приоритеты» // Стопкоронавирус.рф – Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). URL: <https://xn--80aesfpebagmfb1c0a.xn--p1ai/> (дата обращения: 10.11.2021).

18. Астахов, А.С. Экологическая безопасность и эффективность природопользования / А.С. Астахов, Е.Я. Диколенько, В.А. Харченко. – Вологда: Инфра-Инженерия, 2018. – 323 с.
19. Барсукова, С., Дюфи, К. Продовольственная безопасность: история понятия, российский контекст // Полития. – №3 (82). – 2016 – С. 71 – 89.
20. Бартенев, В.И. Связка «безопасность – развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // Международные процессы. – 2015. – Т. 13. – №3. – С. 78–97.
21. Белугин, А.Ю. Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2019. – Т. 11. – Вып. 2. – С. 122 – 142.
22. Беляев С.А. О развитии экспорта в условиях пандемии в отдельных регионах РФ // Наука и практика регионов, 2021. – №4 (25). – С. 20–24.
23. Бодрунов, С.Д. Ноономика: онтологические тезисы / С.Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2019. – №4 (62). – С. 6–18.
24. В ООН дали катастрофический прогноз на 2021 год. URL: <https://www.rbc.ru/society/04/12/2020/5fca71b59a79470a6813fb3e>.
25. Влияние COVID-19 на продовольственную безопасность и питание: разработка эффективных политических мер по борьбе с пандемией голода и неполноценного питания / Аналитическая записка ГЭВУ Комитета по всемирной продовольственной безопасности. – Рим. – 2020. URL: <https://www.fao.org/3/cb6720ru/cb6720ru.pdf>.
26. Всемирный банк: [сайт]. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/home> (дата обращения: 10.11.2021).
27. Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания 1974 г. [электронный ресурс]: Доклад Всемирной продовольственной конференции, Рим, 5–16 ноября 1974 года (E/CONF.65/20). URL: <http://www.un.org/russian/document/declarat/hunger.htm>.
28. Горбунова, В.Б. Методические аспекты управленческой деятельности в современных экономических условиях / В.Б. Горбунова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 3(41). – С. 127–130.
29. Горбунова, В.Б. Современные тенденции развития научнотехнической безопасности территорий / В.Б. Горбунова // Балтийский экономический журнал. – 2020. – № 2(30). – С. 39–45.
30. Гумеров, Р.Р. Продовольственная безопасность: новые подходы к анализу содержания и оценке // Проблемы прогнозирования. – 2020. – №5. – С. 133–141.
31. Данные по формам статистической налоговой отчетности ФНС России. URL: <https://www.nalog.gov.ru>.

32. Дмитриева Ю.В., Думанская Е.П. Анализ состояния туристической отрасли в Псковской области: потенциал и проблемы регионального туристического имиджирования / Инновационные процессы в экономике, управлении и социальных коммуникациях: II Международная научная конференция 26–28 мая 2016 года. Сборник статей в 2-х частях. Часть I. Социальные коммуникации и межкультурное взаимодействие. Псков: Псковский государственный университет, 2016. – С. 45–62. – Режим доступа: <https://pskgu.ru/download.php/pskgu/files/>.
33. Доклад о социально-экономическом положении региона в январе-августе 2021 года // URL: https://kaliningrad.gks.ru/statistical_news/document/137222.
34. Домнина И.Н., Маевская Л.И. Трансформация стратегии поддержки малого и среднего бизнеса в регионах России в постпандемийный период // Интеллект. Инновации. Инвестиции, 2021. – №5. – С. 31–42.
35. Импортзамещение в АПК России: проблемы и перспективы: монография. – М.: ФГБНУ ВНИИЭСХ. – 2015. – 447 с.
36. Индекс продовольственных цен ФАО. URL: <https://www.fao.org/worldfoodsituation/foodpricesindex/ru>.
37. Институт международных финансов: [сайт]. URL: <https://www.imf.com> (дата обращения: 10.11.2021).
38. Калининград 2021 в цифрах (краткий). URL: <https://kaliningrad.gks.ru>.
39. Калянина И.М., Аванесян Э.А., Сайфуллин А.С. «Влияние COVID-19 на экономику России» // Московский экономический журнал, №6, 2020.
40. Конституция РФ.
41. Кулькова, О.С. Особенности политического дискурса по проблемам взаимозависимости безопасности и развития в Европейском союзе // Вестник Московского университета. – Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т.8. – №1. – С. 72–106.
42. Курдин, А.А., Коломиец, А.Р. Маркова, О.А., Служевская, В.Д., Филиппова, И.Н., Шпакова, А.А. Вход в пандемию: первые меры поддержки экономики и первые результаты // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2020. – Т. 12, вып. 12. – С. 7–25.
43. Манахова, И. В. Глобальные угрозы и риски на пути к ноономике // Экономическое возрождение России. – 2021. – №3 (69). – С. 144–153. URL: <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2021-3-69-144-153>.
44. Мау, В.А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. – 2021. – № 2. – С. 5–30. URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-5-30>.
45. Методологические подходы к моделированию эколого-экономической безопасности региона (постановка проблемы) / И.П. Довбий, Голованов Е.Б., Бажанова М.И., Малев В.А. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2020. – Т. 14. – №4. – С. 183–187.

46. Национальное бюро статистики Китая: [сайт]. URL: <https://www.investing.com> (дата обращения: 10.11.2021).

47. О мерах по обеспечению устойчивости глобальных цепочек поставок / Доклад McKinsey «Риск, устойчивость и разбалансировка цепочек добавленной стоимости». URL: <https://uza.uz/ru/posts/o-merakh-po-obespecheniyu-ustoychivosti-globalnykh-tsepochek-24-08-2020>.

48. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 №208. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

49. Общероссийская общественная организация «Зеленый Патруль». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://greenpatrol.ru/ru/stranica-dlya-obshchego-reytinga/ekologicheskii-reyting-subektov-rf?tid=444#>.

50. Одегов Ю.Г., Разинов А.Е. Пандемия COVID-19 и ее влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (Часть вторая) // Уровень жизни населения регионов России. – 2021. – Т. 17, №2. – С. 216–227. URL: <https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.5>.

51. Официальный сайт Администрации Псковской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://economics.pskov.ru#>.

52. Официальный сайт Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Псковской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nasledie.pskov.ru#>.

53. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Псковской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pskovstat.gks.ru#>.

54. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru>.

55. Положение дел на рынках сельскохозяйственной продукции. Сельскохозяйственные рынки и устойчивое развитие: глобальные производственно-сбытовые цепочки, мелкие фермеры и цифровые инновации. – Рим, ФАО. – 2020. URL: <https://doi.org/10.4060/cb0665ru>.

56. Постановление Правительства Калининградской области «О Стратегии социально-экономического развития Калининградской области на долгосрочную перспективу». URL: <https://docs.cntd.ru/document/469728648>.

57. Постановление Правительства Калининградской области от 09.12.2021 №792 «О внесении изменений в постановление Правительства Калининградской области от 16 марта 2020 года №134 «О введении на территории Калининградской области режима повышенной готовности ... и некоторых мерах по предотвращению распространения в Калининградской области новой коронавирусной инфекции».

58. Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции / Л.М. Анохин, Н.В. Анохина, О.Г. Аркадьева [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Южно-

Уральский государственный университет; Кафедра «Экономическая безопасность». – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2021. – 715 с.

59. Проблемы экономической безопасности: новые решения в условиях ключевых трендов экономического развития / М. Стуль, Ш.А. Смагулова, А.Е. Ермуханбетова [и др.]. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 461 с.

60. Протокилова А.А. Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 и необходимые меры повышения качества жизни населения региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра, 2021. – Т.11. – №3-1. – С. 179–184.

61. Пьянкова С.Г., Митрофанова И.В., Ергунова О.Т., Хоружая Е.Ю. Российская практика функционирования институтов регионального развития в условиях пандемии // Экономика: вчера, сегодня, завтра, 2020. Том 10. – №9А. – С. 176–189.

62. Распоряжение Правительства РФ от 10.02.2021 №296-р «Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377034.

63. Ревенко, Л.С. Параметры и риски продовольственной безопасности / Л.С. Ревенко // Международные процессы. – 2015. – Т. 13. – №41. – С. 6–20.

64. Риа-рейтинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riarating.ru/>.

65. Руководство по измерению глобального производства. – Нью-Йорк и Женева, ООН. – 2016. – 194 с. URL: https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/docs/Guide_to_Measuring_Global_Production_RU.pdf.

66. Румянцев Н.М. Активизация инвестиционной деятельности региона в условиях постпандемии // Вестник Омского университета. Серия «Экономика», 2021. – Т. 19, №2. – С. 117–130.

67. Саламатов А.А. Устойчивое развитие региона как фактор его эколого-экономической безопасности / А.А. Саламатов // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. – 2019. – №4 (37). – С. 72–80. Режим доступа: <https://ru-stat.com/analytics/9114#>.

68. Силин Я.П. Средний Урал в тисках новой реальности // Научные труды Вольного экономического общества России, 2020. – Т. 223. – №3. – С. 445–450.

69. Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года. Доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. – Рим. – 2021. URL: <https://www.fao.org/3/ne664ru/ne664ru.pdf>.

70. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 №683.

71. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. №207-р.
72. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.04.2017 №176).
73. Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. №20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
74. Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. №120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации».
75. Федеральная государственная информационная система «Федеральный реестр инвалидов» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sfri.ru#>.
76. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11193>.
77. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 №390-ФЗ.
78. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295.
79. Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 №33-ФЗ.
80. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 №7-ФЗ.
81. Федеральный закон «Об экологической экспертизе» от 23.11.1995 №174-ФЗ.
82. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ.
83. ФРС США, Бюро экономического анализа США. URL: <https://www.investing.com> (дата обращения: 10.11.2021).
84. Шагайда, Н.И., Узун, В.Я. Продовольственная безопасность: проблемы оценки. – М.: Дело РАНХиГС. – 2015. – 110 с.
85. Шаханов А.С. Влияние пандемии коронавируса на экономику региона. // Gobus, 2020. – №3 (49). – С. 43–45.
86. Юдин Н.В. Связка «безопасность – развитие»: проблемы теоретического осмысления // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т. 8. – №1. – С. 39–71.

ГЛАВА 2. ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1. Методологический подход к оценке уровня экологической нагрузки и предотвращенного ущерба в региональном аспекте

Сегодня существует прямая корреляционная зависимость между состоянием окружающей природной среды, функционированием общества и достигнутым уровнем развития экономики. Поэтому все чаще в научных исследованиях рассматривается составное понятие, включающее в себя экологическую и экономическую составляющую, поскольку экономическое развитие тесно связано и переплетено с проблемами, происходящими в экологической сфере [53, 67, 77, 79, 84, 111, 133, 12, 22]. Эколоγο-экономическое развитие в современных научных дискуссиях определяется с одной стороны, как особый тип современных общественно-экономических отношений, а с другой – состояние глобального характера, при котором происходит экстенсивное использование созданных человеком средств производства, без учета возникающих и чаще всего отрицательных экологических последствий, что приводит к колоссальному ущербу естественным природным ресурсам и окружающей человека природе. В целях достижения устойчивого эколого-экономического развития обществу понадобится целый комплекс экономико-правовых инструментов, организационных и материальных гарантий в области защиты окружающей среды государством от негативного антропогенного воздействия на природу [52, 67, 115, 125]. При этом категория «эколоγο-экономическое развитие» постепенно становится одним из самых значимых слагаемых всеобъемлющей системы глобального миропорядка, основанного на попытке учета экологических ограничений [37].

Несомненно, устойчивое эколого-экономическое развитие и достижение состояния эколого-экономической безопасности выступает сегодня ключевой задачей обеспечения национальной экологической безопасности страны. Это и обозначено в «Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» [132], которая является основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях. Достижение целей устойчивости и безопасного развития осуществляется путем проведения единой государственной политики, направленной на предотвращение и ликвидацию внутренних и внешних вызовов и угроз, подрывающих устойчивость эколого-экономической системы на всех ее уровнях и, в том числе, региональном.

В экономической литературе исследование содержания роли эколого-экономической безопасности в обеспечении устойчивого развития на уровне

регионов занимается большое количество ученых-экономистов. Так, например, М.А. Уткова и П.Ю. Утков полагают, что устойчивое развитие региона основано на его ресурсном разнообразии, которое, в свою очередь, является ключевым звеном в системе региональной эколого-экономической безопасности и устойчивости. В своих исследованиях эти авторы определяют эколого-экономическую безопасность как состояние защищенности не только интересов личности и общества от угроз, вызванных последствиями экономической и хозяйственной деятельности человека, воздействием природной среды на людей и субъекты хозяйствования, но и состояние защищенности окружающей природной среды от выше перечисленных угроз. [133]

Аналогичного мнения придерживается Н.Н. Скитер, описывая эколого-экономическую безопасность региона как характеристику устойчивого состояния региона, его экономической стабильности и эффективности использования располагаемых природных ресурсов. [118]

И.С. Белик определяет эколого-экономическую безопасность региона как состояние защищенности социальных, экономических и экологических интересов субъектов от угроз, исходящих от действия деструктивных природных сил, технических систем и производств, с характерными для его обеспечения формами и методами предвидения опасных ситуаций, позволяющими выходить из них с наименьшими для природной среды, экономики и здоровья людей последствиями. [53]

А.А. Баширова считает, что на всех уровнях управления необходимо учитывать единство экономических и экологических процессов, а именно на предприятиях, где потребляются природные ресурсы и образуются отходы производства, в регионе, где проявляется загрязнение окружающей среды отходами производства и потребления, и на уровне государства, которое создает правовую основу взаимодействия экономики и экологии и участвует в перераспределении конечного продукта. [52]

Таким образом, большинство ученых сходится во мнении, что эколого-экономическая безопасность региона – это, прежде всего, состояние защищенности хозяйствующих субъектов от негативных последствий деятельности человека и деструктивных сил природы, возможность предотвращения опасных ситуаций, способность региональной экономики обеспечить устойчивый темп развития при сохранении динамического равновесия между удовлетворением экономических интересов и соблюдением целостности экосистемы региона.

С учетом вышеизложенного эколого-экономическая безопасность региона может быть представлена в виде следующих структурных элементов (рис. 2.1).

Как видно, помимо экологической составляющей существенную роль в обеспечении эколого-экономической безопасности региона может играть и социальная компонента. Однако, именно состояние развития экономики

отдельно взятого региона и страны в целом и социальное благополучие общества и отдельных его субъектов находится во взаимной прямой непосредственной зависимости от состояния окружающей их природной среды. Так, например, низкий организационный уровень экономики, сопровождающийся применением устаревших производственных технологий, а также высокой степенью износа объектов основных фондов, вызывает существенный рост негативного антропогенного воздействия на окружающую среду и, следовательно, отражается на здоровье, проживающего на данной территории населения. В свою очередь, стремление к экономическому росту также приводит к экологическим проблемам, которые в свою очередь распространяются на широкий круг реципиентов и снижают экономическую эффективность действующих на определенной территории производств.

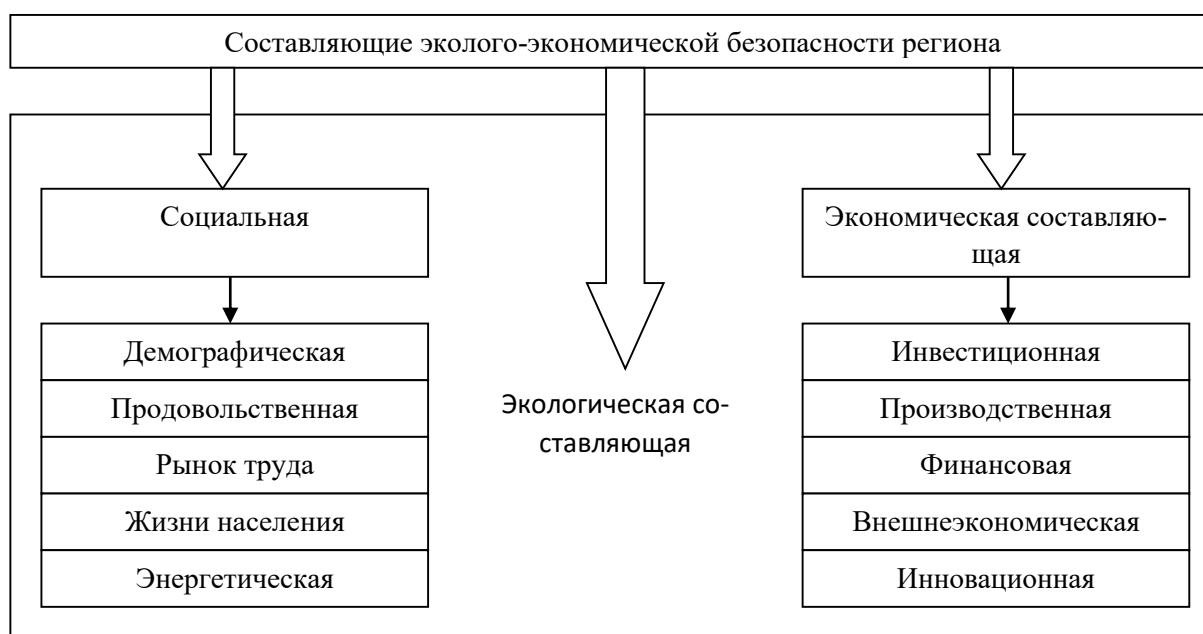

Рис. 2.1. Составляющие эколого-экономической безопасности региона

Нерешенность региональных проблем в рамках экологической составляющей ведет к негативным экологическим последствиям, что приводит к пропорциональному росту потребности в мерах по снижению экологической нагрузки, как результата антропогенной деятельности человека в процессе производства и потребления благ на всём пространстве страны [93].

В общем виде под экологической нагрузкой следует понимать такое изменение внешней среды, которое приводит или может приводить к ухудшению качества объекта, т.е. к нежелательным с точки зрения субъекта оценки изменениям в его состоянии.

Предельно допустимая экологическая нагрузка – максимальная нагрузка, которая еще не вызывает ухудшения качества объекта

нормирования [134]. В свою очередь, экологическое нормирование экологического воздействия на окружающую природную среду предполагает нахождение таких граничных значений экологических нагрузок, чтобы можно было установить ограничения для управляющих воздействий на объект нормирования и достигнуть целей устойчивости эколого-экономической системы.

На рис. 2.2 наглядно представлена сущность экологической нагрузки и её влияние на эколого-экономическую безопасность.

Рис. 2.2. Воздействие экологической нагрузки на эколого-экономическую безопасность

Из рисунка видно, что экологическая нагрузка негативно влияет на личность и общество, на хозяйственные объекты и на территорию регионов в целом. Стоит отметить, что, например, негативное влияние экологической нагрузки на общество, в дальнейшем может также негативно отразиться на экономическом развитии региона. Например, возросший уровень

заболеваемости населения по причине плохой экологической обстановки скорее всего повлечет за собой отток населения из данного региона, что, в конечном итоге, окажет негативное влияние на региональную экономику в целом и ее производственную составляющую в частности.

Очевидно, что снижение экологической нагрузки требует внушительных расходов как со стороны субъекта и общества, так и со стороны отдельных предприятий и, в целом, со стороны региональных органов власти и управления.

При превышении уровня негативного воздействия на окружающую среду возникает экологический и экономический ущерб. Так экологический ущерб проявляется как фактические или возможные потери, возникающие в результате каких-либо событий или явлений, например, негативных изменений в природной среде вследствие антропогенного воздействия. Экономический ущерб от загрязнения окружающей среды представляет собой денежную оценку фактических и возможных убытков (потерь), обусловленных воздействием загрязнения и нерационального использования природных ресурсов. Стоимость, которая не была произведена в результате загрязнения окружающей среды, также является составляющей экономического ущерба.

Механизм появления ущерба от загрязнения территории региона представлен на рис. 2.3.

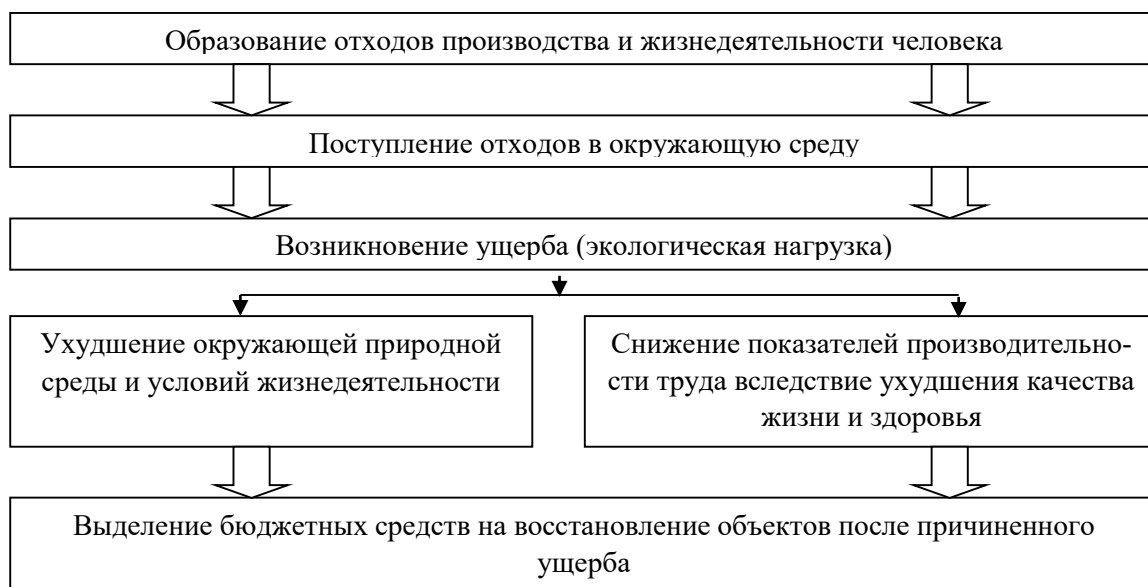

Рис. 2.3. Механизм появления ущерба от загрязнения территории региона

Предотвращение, устранение или снижение негативных последствий антропогенного воздействия, является важной и необходимой задачей современной региональной экономики. Нарушение устойчивости системы, выход эколого-экономических параметров за рамки нормативного состояния в итоге лишает экономику региона возможности эффективно

развиваться, решать возникающие социальные, экономические и экологические проблемы.

Полагаем, что снижение экологической нагрузки является важнейшим фактором, определяющим территориальную конкурентоспособность и сбалансированное развитие любого региона в долгосрочной перспективе.

В целях обеспечения эколого-экономической безопасности региона и снижения экологической нагрузки на окружающую природную среду важно правильно учитывать возникающие риски и угрозы. Риски эколого-экономической безопасности и анализ их влияния можно разделить на три направления: риски экологического характера, риски экономического характера и риски социального характера. Данная классификация наглядно представлена на рис. 2.4.

Рис. 2.4. Классификация рисков эколого-экономической безопасности региона

Следует отметить, что использование, как категории риска, так и категории угрозы возможно только применительно к какой-то системе, величина риска и угроз будет зависеть не только от того, какую систему мы рассматриваем, но и какое функциональное значение они несут. Угрозу можно представить, как систему рисков в состоянии их взаимодействия в

процессе нарастания опасностей разрушения объекта или его отдельных частей. В комплексе мер, формирующих систему эколого-экономической безопасности региона, решающее значение должно принадлежать упреждению зарождающихся угроз и прежде всего угроз экологической подсистеме.

Угрозы эколого-экономической безопасности региона и провоцирующие их вызовы с позиции наличия негативной экологической нагрузки представлены в табл. 2.1.

Таблица 2.1

Угрозы эколого-экономической безопасности региона с позиции экологической нагрузки

Внешние угрозы		Внутренние угрозы	
Проявления вызовов	Угрозы	Проявления вызовов	Угрозы
В сфере экономики			
Трансграничное перемещение отходов	В случае аварии при перевозке опасных грузов произойдёт причинение ущерба жизни и здоровью населения, имуществу третьих лиц и окружающей среде	Низкая бюджетная поддержка экономического развития регионов, отсутствие внедрения передовых природоохранных технологий и безотходных производств, сохранение значительного количества вредных производств	Нарушение экологического баланса, включая нарушение санитарно-эпидемиологических и (или) санитарно-гигиенических стандартов питьевой воды, загрязнение воздуха.
Незаконное перемещение через государственные границы природных ресурсов	Истощение природных ресурсов региона	Высокая изношенность основных производственных фондов предприятий региона	Возникновение чрезвычайных аварийных ситуаций, влекущих за собой нанесение ущерба окружающей среде
В сфере экологии			
Загрязнение атмосферного воздуха, формирующее парниковый эффект и образование озоновых дыр	Изменение в выпадении осадков, повышение уровня воды в реках, угроза для экосистем и биоразнообразия, падение продуктивности сельского хозяйства, возрастание рисков заболеваемости людей или обострение заболеваний, возрастание рисков пожароопасности, смещение на север сельскохозяйственных границ	Загрязнение атмосферы продуктами сгорания топлива	Возрастание рисков заболеваемости людей или обострение заболеваний
		Попадание промышленных и бытовых отходов в водные системы	Разрушение биологической структуры водных систем
		Разрушение биологической структуры водных систем	Возрастание рисков заболеваемости людей или обострение заболеваний, нарушение жизненных функций растений и животных
		Отсутствие рекультивации земель	Уничтожение почв, изменение ландшафтов

Окончание табл. 2.1

Внешние угрозы		Внутренние угрозы	
Проявления вызовов	Угрозы	Проявления вызовов	Угрозы
В социальной сфере			
Вытеснение природной среды городской средой, интенсивное использование удобрений и пестицидов	Стремительное вымирание насекомых, которые опыляют растения и борются с вредителями, распространяют питательные вещества и семена и являются кормом для птиц и животных, вследствие этого происходит падение урожайности и многие другие негативные последствия	Экологическая безграмотность	Расточительное отношение к природе, приводящее к тому, что деградация природной среды будет расти гораздо быстрее, чем её восстановление; возрастание рисков аварий, приводящих к необратимым последствиям для пострадавших территорий и людей, живущих в непосредственной близости

Как видно, любой своевременно неурегулированный или не поддающийся управленческому воздействию фактор, оказывающий негативное влияние на социально-экономические процессы, в конечном итоге, может создать угрозу эколого-экономической безопасности региона.

Таким образом, нейтрализация угроз эколого-экономической безопасности региона с позиции учета влияния экологической нагрузки является важным моментом при разработке стратегической эколого-экономической политики, которая предполагает учет возможных критических кризисных ситуаций с целью выработки практических мер по их ослаблению и смягчению их последствий. Причем анализ уровня эколого-экономического развития в регионе должен опираться на набор индикаторов, которые позволят выявить и оценить возможные угрозы, а также реализовать необходимый комплекс программно-целевых мер по предотвращению возникновения угроз и снижению уже имеющегося негативного воздействия.

На текущий момент в Российской Федерации не существует универсальной методики к исчислению ключевых региональных показателей, позволяющей учесть, в том числе и влияние экологической нагрузки. Указанный фактор, а также недооценка реальной экономической ценности природных ресурсов, ведет не только к искажению показателей регионального экономического развития и прогресса, но и приводит к принятию неэффективных с позиций «устойчивого эколого-экономического развития» управленческих решений.

Внедрение в экономическую практику экологически скорректированных региональных показателей, несомненно, должно стать позитивным шагом в направлении получения адекватных оценок результатов общественного развития. В этой связи важнейшим направлением научно-прикладных

исследований может стать более четкая экономическая оценка уровня экологической нагрузки на определенной территории.

Проведение экономического анализа для оценки уровня воздействий на окружающую среду является одной из наиболее сложных проблем в экономической науке. Сложность данной проблемы заключается в чрезвычайно широком содержании и многообразии проявлений различных воздействий, а также и в том, что воздействия антропогенной деятельности, как правило, не могут быть адекватно измерены в денежном выражении. В то же время необходима достаточно простая в использовании рабочая методика оценки, уровня антропогенных воздействий, основанная на имеющейся статистической (ведомственной) информации. Адекватная и реалистичная эколого-экономическая оценка экологической нагрузки имеет важное значение для принятия правильных экономических решений, направленных на эколого-экономическую безопасность и устойчивость эколого-экономического развития.

С учетом вышеизложенного в табл. 2.2 представлены показатели, которые наиболее четко позволят отразить, по мнению авторов, эколого-экономическое состояние регионов. Значения данных показателей могут быть сформированы на основе данных открытой статистики, в том числе на основе данных сайта Федеральной службы государственной статистики.

Далее для оценки экологического состояния регионов воспользуемся интегральной оценкой состояния окружающей среды, подверженной антропогенному воздействию.

Далее, для каждого региона найдем унифицированные показатели, т.е. применим к показателям такое преобразование, в результате которого они будут меняться в диапазоне от 0 до 1, при этом 1 будет соответствовать самому низкому уровню качества показателя, а 0 – наивысшему. В процессе оценки эколого-экономического состояния регионов будем основываться на следующих допущениях:

1. Если статистический показатель I соответствующей j подсистемы связан с интегральным показателем возрастающей зависимостью, то есть чем больше значение I , тем лучше состояние j подсистемы, то значение соответствующего унифицированного показателя I^0 вычисляется по формуле (2.1):

$$I_j^0 = \frac{I_j - I_{\min}}{I_{\max} - I_{\min}} \quad (2.1)$$

где I_j – значение каждого конкретного статистического показателя; $I_{\min}$ – минимальное значение j -го показателя по выбранному региону; $I_{\max}$ – максимальное значение j -го показателя по выбранному региону.

Таблица 2.2

Показатели, отражающие эколого-экономическое состояние регионов

<i>Показатели, характеризующие состояние воздуха</i>	<i>Общие эколого-экономические показатели</i>
1) выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, тыс. тонн; 2) выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от передвижных источников, тыс. тонн; 3) улавливание и обезвреживание загрязняющих атмосферу веществ, тыс. тонн.	1) инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, млн. руб.; 2) инвестиции в основной капитал, направленные на охрану и рациональное использование водных ресурсов; 3) инвестиции в основной капитал, направленные на охрану атмосферного воздуха;
<i>Показатели, характеризующие состояние воды</i>	4) инвестиции в основной капитал, направленные на охрану и рациональное использование земель, млн. руб.;
1) забор воды из природных водных источников для использования, млн. м ³ ; 2) сброс загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты, млн. м ³ ; 3) объем оборотного и последовательного использования воды, млн. м ³	5) инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды от вредного воздействия отходов производства и потребления, млн. руб.; 6) текущие затраты, направленные на охрану окружающей среды, млн. руб.;
<i>Показатели, характеризующие состояние земельных ресурсов</i>	7) текущие затраты, направленные на охрану атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата, млн. руб.;
1) образование отходов производства и потребления, тыс. тонн; 2) утилизация и обезвреживание отходов производства и потребления, тыс. тонн; 3) размещение отходов производства и потребления на объектах, принадлежащих предприятию, тыс. тонн; 4) лесовосстановление, га; 5) искусственное лесовосстановление, га; 6) число случаев лесных пожаров, ед.; 7) площадь лесных земель, пройденная пожарами, га	8) текущие затраты, направленные на сбор и очистку сточных вод, млн. руб.; 9) текущие затраты, направленные на обращение с отходами, млн. руб.; 10) текущие затраты, направленные на защиту и реабилитацию земель, поверхностных и подземных вод, млн. руб.; 11) ВРП на душу населения, руб.

2. Если статистический показатель I соответствующей j подсистемы связан с интегральным показателем убывающей зависимостью – чем больше значение I , тем состояние подсистемы j хуже, то значение соответствующего унифицированного показателя I вычисляется по формуле (2.2):

$$I_j^0 = 1 - \frac{I_i - I_{\min}}{I_{\max} - I_{\min}}, \quad (2.2)$$

Обобщающий показатель каждой подсистемы находим из унифицированных показателей по формуле (2.3):

$$I_i = \frac{1}{m} \times (\sum I_j^0), \quad (2.3)$$

где I_i – интегральный показатель соответствующей подсистемы j (воздушная, водная, земельная, эколого-экономическая подсистема); m – число показателей подсистемы; I_j – унифицированное значение позитивного и негативного показателя для j -й подсистемы.

Получив значения комплексных индикаторов по воздушной, водной, земельной и эколого-экономической подсистемам, следует провести интегральную оценку уровня экологической нагрузки по соответствующему региону по формуле (2.4).

$$I_{\text{инт}} = \sqrt[4]{I_{\text{возд}} \times I_{\text{водн}} \times I_{\text{земл}} \times I_{\text{экол-экон}}}. \quad (2.4)$$

Интегральный показатель оценки уровня экологического состояния окружающей среды в представленной системе определяется произведением индексов изменения частных критериев комплекса воздушных ($I_{\text{возд}}$), земельных ($I_{\text{земл}}$), водных ($I_{\text{водн}}$) и эколого-экономических ($I_{\text{экол-экон}}$) показателей:

Интерпретацию полученных результатов интегральной оценки экологической нагрузки необходимо проводить, основываясь на границах допустимых значений уровней окружающей среды (табл. 2.3).

Так, оценка уровня экологической нагрузки в соответствующем регионе осуществляется путем определения качества окружающей среды региона. Причем наблюдается обратная зависимость между этими показателями: рост показателя состояния качества окружающей среды приводит к снижению показателя экологической нагрузки и, наоборот.

Динамичное снижение интегрального показателя будет свидетельствовать об устойчивом улучшении окружающей среды в результате снижения экологической нагрузки и отражаться в устойчивом положительном тренде функции прироста обобщенного показателя. Следовательно, оценка интегрального критерия в текущем периоде (K_{bt+1}) не должна превышать данный показатель в предыдущем периоде (K_{ut}), формула (2.5).

$$K_{bt+1} < K_{ut}. \quad (2.5)$$

Таблица 2.3

**Шкала распределения интегральных значений при оценке уровня
экологической нагрузки**

Область значений интегральной оценки			Интерпретация интегральной оценки
Состояние окружающей среды региона		Границы области	Экологическая нагрузка региона
Высокое качество окружающей среды	Высокий уровень качества окружающей среды региона	0,00 – 0,10	Очень низкий уровень экологической нагрузки региона
	Стабильное состояние качества окружающей среды региона	0,10 – 0,25	Низкий уровень экологической нагрузки региона
Квазикачественное состояние окружающей среды	Состояние качества окружающей среды близкое к стабильному	0,25 – 0,40	Средний уровень экологической нагрузки региона
	Состояние качества окружающей среды региона с наличием признаков нестабильности	0,40 – 0,60	Уровень экологической нагрузки региона – выше среднего
Низкое качество окружающей среды	Нестабильное состояние качества окружающей среды региона	0,60 – 0,80	Высокий уровень экологической нагрузки региона
	Кризисное состояние качества окружающей среды региона	0,80 – 1,00	Очень высокий уровень экологической нагрузки региона

Использование данной системы показателей позволит оценить степень достижения устойчивого состояния окружающей среды и выявить основные факторы, которые могут способствовать снижению экологической нагрузки, и осуществить поиск наиболее эффективных решений по направлению ее снижения.

На основании предложенного подхода к оценке уровня экологической нагрузки проведем формирование соответствующей системы индикаторов на примере регионов, входящих в состав Уральского и Сибирского федеральных округов (далее УрФО и СФО).

После определения унифицированных значений, найдем обобщающие показатели подсистем (воздушной, водной, земельной, эколого-экономической) по каждому региону УрФО и СФО, значения которых представим в табл. 2.4.

Таблица 2.4

Обобщающий показатель экологической нагрузки УрФО и СФО по каждой подсистеме

Система	Регион	Период							
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Воздушная система	Курганская область	0,39	0,39	0,39	0,39	0,39	0,40	0,42	0,36
	Свердловская область	0,30	0,32	0,33	0,33	0,34	0,35	0,39	0,26
	Тюменская область	0,39	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38	0,36
	Челябинская область	0,44	0,45	0,46	0,48	0,46	0,47	0,53	0,37
	Республика Алтай	0,35	0,35	0,35	0,35	0,35	0,35	0,35	0,34
	Республика Тыва	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,33
	Республика Хакасия	0,38	0,38	0,38	0,38	0,39	0,39	0,40	0,37
	Алтайский край	0,41	0,41	0,42	0,42	0,42	0,42	0,42	0,44
	Красноярский край	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34
	Иркутская область	0,34	0,34	0,34	0,34	0,35	0,34	0,35	0,34
	Кемеровская область	0,39	0,49	0,44	0,46	0,49	0,50	0,53	0,51
	Новосибирская область	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0,35
	Омская область	0,41	0,37	0,37	0,37	0,37	0,37	0,33	0,32
	Томская область	0,37	0,37	0,36	0,36	0,36	0,36	0,36	0,35
Водная система	Курганская область	0,36	0,36	0,36	0,36	0,36	0,36	0,36	0,35
	Свердловская область	0,50	0,50	0,48	0,50	0,47	0,49	0,46	0,48
	Тюменская область	0,35	0,36	0,37	0,37	0,39	0,37	0,37	0,37
	Челябинская область	0,66	0,66	0,64	0,66	0,63	0,65	0,65	0,54
	Республика Алтай	0,33	0,33	0,33	0,33	0,33	0,33	0,33	0,33
	Республика Тыва	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34	0,34
	Республика Хакасия	0,37	0,37	0,36	0,37	0,36	0,37	0,36	0,37
	Алтайский край	0,37	0,37	0,37	0,37	0,37	0,37	0,36	0,37
	Красноярский край	0,35	0,35	0,35	0,35	0,35	0,35	0,35	0,35
	Иркутская область	0,37	0,37	0,36	0,37	0,36	0,37	0,37	0,37
	Кемеровская область	0,78	0,73	0,71	0,75	0,70	0,73	0,65	0,68
	Новосибирская область	0,40	0,40	0,39	0,40	0,39	0,39	0,39	0,40
	Омская область	0,39	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38	0,37
	Томская область	0,36	0,35	0,36	0,35	0,35	0,35	0,35	0,37

Окончание табл. 2.4

Система	Регион	Период							
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Земельная система	Курганская область	0,39	0,42	0,39	0,39	0,40	0,39	0,39	0,41
	Свердловская область	0,34	0,35	0,37	0,37	0,38	0,36	0,36	0,33
	Тюменская область	0,51	0,50	0,50	0,50	0,50	0,57	0,51	0,51
	Челябинская область	0,43	0,42	0,43	0,44	0,43	0,43	0,46	0,44
	Республика Алтай	0,48	0,48	0,50	0,49	0,50	0,49	0,51	0,50
	Республика Тыва	0,50	0,51	0,52	0,52	0,50	0,50	0,49	0,49
	Республика Хакасия	0,45	0,44	0,42	0,42	0,43	0,42	0,43	0,43
	Алтайский край	0,36	0,36	0,37	0,37	0,39	0,40	0,41	0,42
	Красноярский край	0,51	0,51	0,50	0,50	0,51	0,51	0,52	0,53
	Иркутская область	0,41	0,43	0,44	0,41	0,42	0,41	0,39	0,44
	Кемеровская область	0,57	0,57	0,59	0,53	0,52	0,55	0,55	0,56
	Новосибирская область	0,47	0,48	0,47	0,48	0,48	0,48	0,49	0,48
	Омская область	0,47	0,48	0,51	0,48	0,48	0,48	0,48	0,48
	Томская область	0,51	0,45	0,44	0,45	0,45	0,46	0,45	0,44
Эколого-экономическая система	Курганская область	0,31	0,29	0,31	0,32	0,32	0,32	0,32	0,31
	Свердловская область	0,37	0,36	0,37	0,39	0,39	0,40	0,40	0,41
	Тюменская область	0,43	0,43	0,43	0,45	0,46	0,48	0,45	0,46
	Челябинская область	0,35	0,32	0,35	0,37	0,38	0,38	0,39	0,38
	Республика Алтай	0,29	0,32	0,31	0,31	0,32	0,31	0,31	0,31
	Республика Тыва	0,30	0,31	0,31	0,27	0,27	0,30	0,28	0,31
	Республика Хакасия	0,33	0,33	0,32	0,35	0,34	0,34	0,33	0,37
	Алтайский край	0,29	0,32	0,31	0,32	0,32	0,33	0,32	0,30
	Красноярский край	0,42	0,43	0,43	0,46	0,43	0,45	0,46	0,47
	Иркутская область	0,36	0,40	0,36	0,37	0,37	0,38	0,39	0,41
	Кемеровская область	0,35	0,35	0,36	0,35	0,35	0,36	0,37	0,38
	Новосибирская область	0,30	0,33	0,32	0,32	0,31	0,32	0,33	0,34
	Омская область	0,33	0,34	0,34	0,34	0,34	0,36	0,35	0,35
	Томская область	0,33	0,36	0,34	0,35	0,35	0,34	0,34	0,36

После получения обобщающих показателей подсистем проведем совокупную оценку уровня экологической нагрузки по каждому региону УрФО и СФО.

В табл. 2.5 представлены значения рассчитанного интегрального показателя.

Таблица 2.5

Динамика интегрального показателя экологической нагрузки регионов
УрФО и СФО

Показатель	Регион	Период							
		2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Интегральный показатель экологической нагрузки в регионе	Курганская область	0,36	0,36	0,36	0,36	0,37	0,37	0,37	0,36
	Свердловская область	0,38	0,38	0,39	0,40	0,40	0,40	0,40	0,37
	Тюменская область	0,42	0,42	0,42	0,43	0,43	0,45	0,43	0,43
	Челябинская область	0,47	0,46	0,47	0,49	0,48	0,48	0,51	0,43
	Республика Алтай	0,36	0,37	0,37	0,37	0,38	0,37	0,37	0,37
	Республика Тыва	0,37	0,37	0,38	0,37	0,36	0,37	0,36	0,37
	Республика Хакасия	0,38	0,38	0,37	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38
	Алтайский край	0,36	0,37	0,37	0,37	0,37	0,38	0,38	0,38
	Красноярский край	0,40	0,41	0,41	0,41	0,41	0,41	0,42	0,42
	Иркутская область	0,37	0,39	0,38	0,37	0,38	0,38	0,37	0,39
	Кемеровская область	0,52	0,54	0,53	0,52	0,51	0,54	0,52	0,53
	Новосибирская область	0,40	0,40	0,40	0,40	0,40	0,40	0,40	0,39
	Омская область	0,40	0,39	0,40	0,39	0,39	0,40	0,38	0,38
	Томская область	0,39	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38

На рис. 2.5 наглядно представлены результаты интегральной оценки уровня экологической нагрузки в регионах УрФО и СФО, которые позволяют сделать некоторые сопоставления.

Как видно, самый высокий уровень экологической нагрузки, а именно 0,53 на конец 2019 года среди всех регионов УрФО и СФО в Кемеровской области, минимальный – в Курганской области (0,36). На основании представленной шкалы распределения полученных результатов интегральной оценки (см. табл. 2.5) в целом состояние окружающей среды во всех рассматриваемых регионах можно определить, как квазикачественное. При этом уровень экологической нагрузки в Тюменской, Челябинской областях и Красноярском крае соответствует уровню «выше среднего», следовательно, состояние окружающей среды исследуемых регионов имеет признаки неустойчивости, что говорит о достаточно высоком уровне антропогенной воздействия на данных территориях. Остальные регионы УрФО и

СФО имеют средний уровень экологической нагрузки, а состояние качества окружающей среды может быть охарактеризовано как относительно близкое к стабильному.

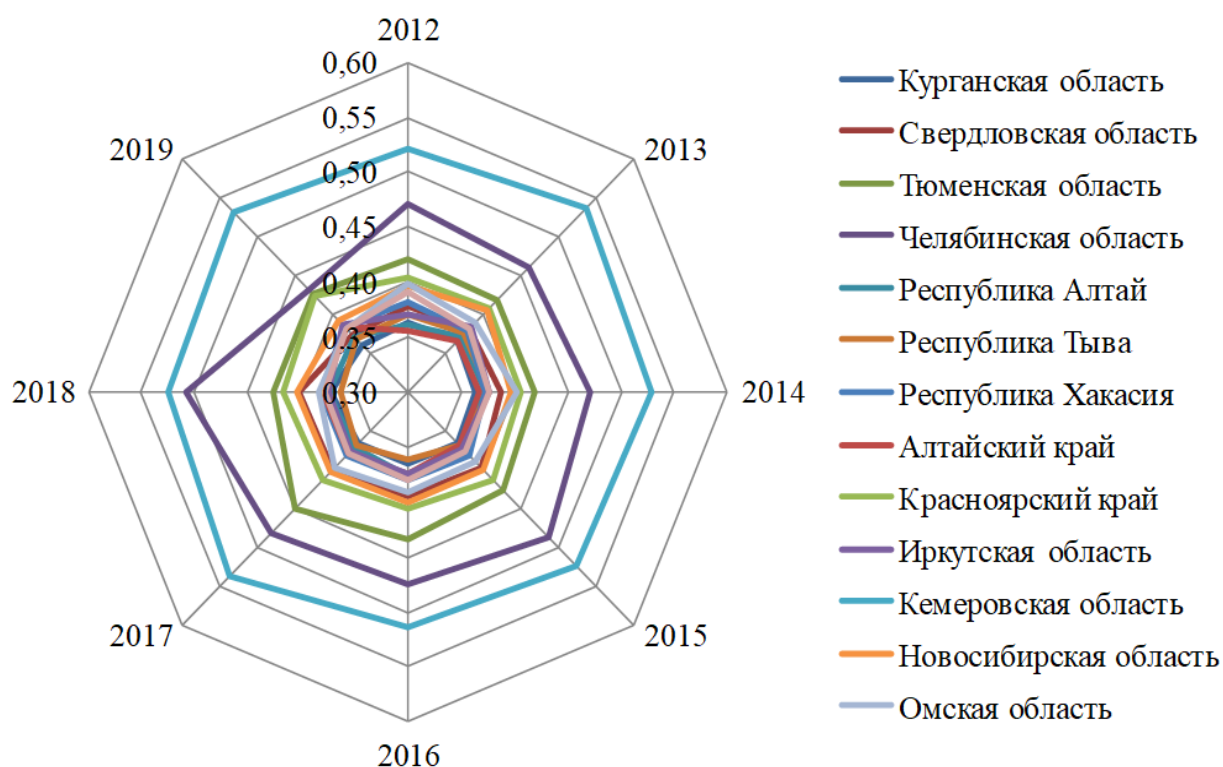

Рис. 2.5. Уровень экологической нагрузки в регионах УрФО и СФО

На практике помимо оценки уровня экологической нагрузки очень важно понимать, на сколько действенные меры, предпринимаемые местными органами управления на местах в области охраны окружающей среды. В этой связи существенное значение в общем анализе имеет и величина предотвращенного эколого-экономического ущерба на соответствующей территории. Для его оценки может быть использован подход, отраженный во Временной методике определения предотвращенного экологического ущерба [62], с учетом его некоторой модификации применительно к объектам исследования.

Прежде чем приступить непосредственно к описанию и применению выбранной методики, рассмотрим некоторые основные термины и допущения. В общем виде эколого-экономическая оценка ущерба окружающей природной среде заключается в определении фактических и возможных (предотвращаемых) материальных и финансовых потерь и убытков от изменения (ухудшения в результате антропогенного воздействия или улучшения в результате проведения природоохранных мероприятий) качественных и количественных параметров окружающей природной среды в целом и ее отдель-

ных эколого-ресурсных компонентов (атмосферный воздух, водные ресурсы, лесной фонд). Учитывая специфику эколого-ресурсных компонентов окружающей природной среды каждого субъекта Российской Федерации, а также направления природоохранной деятельности, оценку предотвращенного ущерба целесообразно осуществлять по следующим видам природных ресурсов:

- атмосферный воздух;
- водные ресурсы;
- земельные ресурсы (лесной фонд).

В результате совокупная величина предотвращённого эколого-экономического ущерба от загрязнения окружающей природной среды может быть рассчитана:

$$Y_{\text{пр}}^{\text{ос}} = Y_{\text{пр}}^{\text{а}} + Y_{\text{пр}}^{\text{в}} + Y_{\text{пр}}^{\text{л}}, \quad (2.6)$$

где $Y_{\text{пр}}^{\text{а}}$, $Y_{\text{пр}}^{\text{в}}$, $Y_{\text{пр}}^{\text{л}}$ – оценка в денежной форме величин предотвращенных ущербов в результате природоохранной деятельности соответственно атмосферному воздуху, водным ресурсам, земельным ресурсам (лесному фонду), руб.

Для расчета укрупненной оценки величины предотвращенного эколого-экономического ущерба от выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух воспользуемся формулой (2.7):

$$Y_{\text{пр}}^{\text{в}} = Y_{\text{удг}}^{\text{а}} \times YO_{\text{т}}^{\text{а}} \times K_{\text{э}}^{\text{а}}, \quad (2.7)$$

где $Y_{\text{удг}}^{\text{а}}$ – показатель эколого-экономической оценки удельного ущерба от загрязнения атмосферного воздуха для г-го субъекта РФ, руб./усл.т.; $YO_{\text{т}}^{\text{а}}$ – уловлено и обезврежено загрязняющих атмосферу веществ, тыс. тонн; $K_{\text{э}}^{\text{а}}$ – коэффициент экологической ситуации и экологической значимости состояния атмосферного воздуха территорий экономических районов России (определяется в соответствии с Постановлением правительства РФ от 13.09.2016 № 913 (ред. от 24.01.2020) «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах»).

Расчёт укрупненной оценки величины предотвращенного эколого-экономического ущерба от сброса загрязнённых сточных вод в поверхностные водные объекты по соответствующей территории может быть рассчитан по формуле (2.8):

$$Y_{\text{пр}}^{\text{в}} = Y_{\text{удхj}}^{\text{в}} \times M_{\text{с}}^{\text{в}} \times K_{\text{э}}^{\text{в}}, \quad (2.8)$$

где $Y_{\text{удхj}}^{\text{в}}$ – показатель удельного ущерба (цены загрязнения) водным ресур-

сам, наносимого единицей (условная тонна) приведенной массы загрязняющих веществ на конец расчетного периода для j-го водного объекта в рассматриваемом r-том регионе, руб./усл.т.; M_c^B – масса сброса загрязняющих веществ в водные объекты рассматриваемого региона, млн. усл.т./год; $K_э$ – коэффициент экологической ситуации и экологической значимости состояния водных объектов по бассейнам основных рек (определяется в соответствии с Постановлением правительства РФ от 13.09.2016 №913 (ред. от 24.01.2020) «О ставках платы за негативное воздействие на окружающую среду и дополнительных коэффициентах»).

Для расчёта укрупненной оценки величины предотвращенного эколого-экономического ущерба от лесных пожаров воспользуемся формулой (2.9):

$$U_{пр}^л = H_c \times S \times K_э, \quad (2.9)$$

где H_c – норматив стоимости земель субъекта РФ, тыс.руб./га; S – площадь лесных земель, которую удалось возместить при помощи лесовосстановления в отчетном году, га; $K_э$ – коэффициент экологической ситуации и экологической значимости территории.

На основе представленного подхода проведем расчёт предотвращённого эколого-экономического ущерба по исследуемым регионам УрФО и СФО и таким составляющим компонентам, как атмосферному воздуху, водным ресурсам и земельным ресурсам (лесному фонду), а также найдем их суммарную величину. Результаты соответствующих расчетов представим в табл. 2.6–2.9.

Таблица 2.6

Предотвращённый эколого-экономический ущерб атмосферному воздуху, тыс. руб.

Вид ущерба	Регион	Период		
		2017	2018	2019
Предотвращенный эколого-экономический ущерб от выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, тыс.руб.	Курганская область	3671,2	3494,5	4147,1
	Свердловская область	495751,7	465579,7	479979,0
	Тюменская область	12849,3	9823,9	26174,5
	Челябинская область	202393,4	151642,1	144877,5
	Республика Алтай	136,0	95,2	204,0
	Республика Тыва	1019,8	1006,2	543,9
	Республика Хакасия	11829,5	9681,2	9722,0
	Алтайский край	41743,2	40750,6	35420,5

Вид ущерба	Регион	Период		
		2017	2018	2019
Предотвращенный эколого-экономический ущерб от выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, тыс.руб.	Красноярский край	437216,0	434156,7	356924,9
	Иркутская область	157726,8	167190,4	164933,3
	Кемеровская область	300632,8	249793,1	229791,7
	Новосибирская область	71249,0	58440,5	44802,6
	Омская область	118159,1	188395,2	109660,9
	Томская область	5778,8	13760,3	13801,1

По данным таблицы видно, что наибольший предотвращённый эколого-экономический ущерб атмосферному воздуху наблюдается на территории Свердловской области (479,9 млн. рублей в 2019 году), наименьший – в республике Алтай (0,2 млн. рублей). Помимо Свердловской области среди регионов, в которых достаточно существенная величина предотвращённого эколого-экономического ущерба от выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, можно выделить Челябинскую, Иркутскую, Кемеровскую, Омскую области и Красноярский край.

Таблица 2.7

Предотвращённый эколого-экономический ущерб водным ресурсам,
тыс. руб.

Вид ущерба	Регион	Период		
		2017	2018	2019
Предотвращенный экологический ущерб от загрязнения водных объектов, тыс. руб.	Курганская область	266298,8	246687,6	237245,8
	Свердловская область	5144150,8	6316288,1	5028238,8
	Тюменская область	1284912,9	8665140,2	1269338,8
	Челябинская область	6515320,6	8758167,2	2192319,3
	Республика Алтай	1780,9	17320,7	1857,5
	Республика Тыва	26188,7	57076,7	38505,8
	Республика Хакасия	147315,7	620583,1	174372,8
	Алтайский край	98670,0	1488781,3	185720,7
	Красноярский край	1961494,2	10418354,0	2044864,0
	Иркутская область	3632260,1	6180353,1	3571357,4
	Кемеровская область	2469663,8	8820825,7	1751317,2
	Новосибирская область	771058,3	4155919,3	709176,1
	Омская область	887797,1	911360,4	867435,0
	Томская область	142703,2	1800152,1	1357293,7

Расчеты показали, что наибольший предотвращённый эколого-экономический ущерб водным ресурсам наблюдался в 2017 году в Челябинской области (более 6,5 млрд. руб.), в 2018 году – Кемеровской области в 2018 году (8,8 млрд. руб.), в 2019 году – Свердловской области (более 5 млрд. руб.).

Наименьшая величина предотвращенного ущерба приходится на республику Алтай за весь период исследования.

Таблица 2.8

Предотвращённый эколого-экономический ущерб земельным ресурсам (лесному фонду), тыс. руб.

Вид ущерба	Регион	Период, год		
		2017	2018	2019
Предотвращенный ущерб земельным ресурсам (лесному фонду), тыс. руб.	Курганская область	1166485,7	1212787,0	1199206,2
	Свердловская область	5371195,2	5424812,5	6675744,6
	Тюменская область	8719670,6	5436671,9	5453441,0
	Челябинская область	1106821,1	850774,0	1062249,0
	Республика Алтай	578401,8	226935,5	289965,3
	Республика Тыва	1108784,6	1083162,6	1215992,2
	Республика Хакасия	915552,4	846107,3	840741,4
	Алтайский край	2764646,8	2596554,8	2033467,3
	Красноярский край	11770227,0	14324693,4	18923072,9
	Иркутская область	24269369,4	22495501,8	25790434,8
	Кемеровская область	1448419,7	1558262,8	1721533,8
	Новосибирская область	1145743,7	1134677,3	1776845,5
	Омская область	964118,3	1074820,4	1028773,6
	Томская область	4490693,3	5006980,4	5688143,0

Итоги расчётов, представленных в табл. 2.8, показывают, что наибольший предотвращённый эколого-экономический ущерб земельным ресурсам (лесному фонду) приходится на Иркутскую область, а также на Красноярский край. Наименьший предотвращённый ущерб земельным ресурсам (лесному фонду) снова приходится на республику Алтай (226–578 миллионов рублей).

Результаты расчета совокупной величины предотвращенного ущерба, представленный в табл. 2.9, показывает, что проводимые мероприятия и программы в области природоохранной деятельности территориальными органами власти в регионах России, направленные на сохранение и улучшение качественных и количественных параметров, определяющих экологическое качество (состояние) окружающей среды в целом и ее отдельных эколого-ресурсных компонентов в регионах УрФО и СФО за 2017 год позволили предотвратить эколого-экономический ущерб на сумму более 91 млрд. руб., в 2018 – на 123,5 млрд. руб., в 2019 – на 94,7 млрд. руб. Причем представленные выше расчёты экологической нагрузки в регионах УрФО и СФО свидетельствуют о том, что её уровень во всех рассмотренных регионах находится на среднем уровне и уровне «выше среднего».

Таблица 2.9

Общая величина предотвращённого эколого-экономического ущерба от загрязнения окружающей природной среды, тыс. руб.

Вид ущерба	Регион	Период		
		2017	2018	2019
Общая величина предотвращённого эколого-экономического ущерба от загрязнения окружающей природной среды	Курганская область	1436455,7	1462969,0	1440599,2
	Свердловская область	11011097,8	12206680,3	12183962,4
	Тюменская область	10017432,7	14111636,1	6748954,3
	Челябинская область	7824535,1	9760583,2	3399445,8
	Республика Алтай	580318,7	244351,4	292026,7
	Республика Тыва	1135993,1	1141245,4	1255041,8
	Республика Хакасия	1074697,7	1476371,6	1024836,1
	Алтайский край	2905059,9	4126086,7	2254608,6
	Красноярский край	14168937,2	25177204,1	21324861,8
	Иркутская область	28059356,3	28843045,2	29526725,6
	Кемеровская область	4218716,3	10628881,6	3702642,7
	Новосибирская область	1988051,0	5349037,1	2530824,2
	Омская область	1970074,5	2174576,1	2005869,6
	Томская область	4639175,2	6820892,8	7059237,7
Всего за год по всем регионам УрФО и СФО:		91029901,3	123523560,5	94749636,5

Это означает, что проводимые мероприятия позволяют поддерживать состояние окружающей среды и не допускать ее значительного ухудшения. Следовательно, необходимо продолжать дальнейшую работу, направленную на недопущение и предотвращение дальнейшего роста уровня экологической нагрузки, т.е. обеспечивать высокий уровень качества окружающей природной среды в регионах – субъектах РФ.

Для этого необходимо совершенствовать уже имеющиеся способы регулирования качества окружающей среды, а также применять новые, чтобы обеспечивать устойчивое эколого-экономическое развитие, не жертвуя при этом природной средой. Грамотный выбор способов и инструментов снижения экологической нагрузки и повышения качества окружающей среды, а также обеспечение жесткого контроля за эффективным их применением позволит не только сохранять, но и улучшать окружающую природную среду, не снижая темпов регионального экономического развития экономики.

На рис. 2.6 представлена возможная схема улучшения состояния окружающей среды при проведении природоохранных мероприятий на региональном уровне управления.

Полагаем, что та эколого-экономическая политика, которая сегодня сложилась в регионах РФ должна постоянно подвергаться корректировкам в сторону совершенствования, с учетом действенности выбранных способов (методов) воздействия, направленных на повышение качества окружающей

среды в результате антропогенной деятельности хозяйствующих субъектов.

Рис. 2.6. Региональный механизм улучшения состояния окружающей среды и снижения экологической нагрузки

На рис. 2.7 представлены методы и способы эколого-экономического регулирования.

Как показывает рис. 2.7, на сегодняшний день доступно для использования и внедрения довольно большое количество методов и способов улучшения качества окружающей среды. Важно грамотно внедрять и использовать их для воздействия на уровень экологической нагрузки, постепенно снижая его и тем самым повышая качество окружающей природной среды и, соответственно, уровень региональной эколого-экономической безопасности.

При этом региональная эколого-экономическая политика должна осуществляться при соблюдении следующих условий:

- признавать умеренное природопользование, охрану окружающей среды и бережное отношение к ней как важнейших целей, определяющими устойчивого эколого-экономического развития региона;
- региональная политика в сфере эколого-экономического регулирования должна постоянно совершенствоваться, с учетом оценки действенности выбранных способов (методов) воздействия на повышение качества окружающей среды;

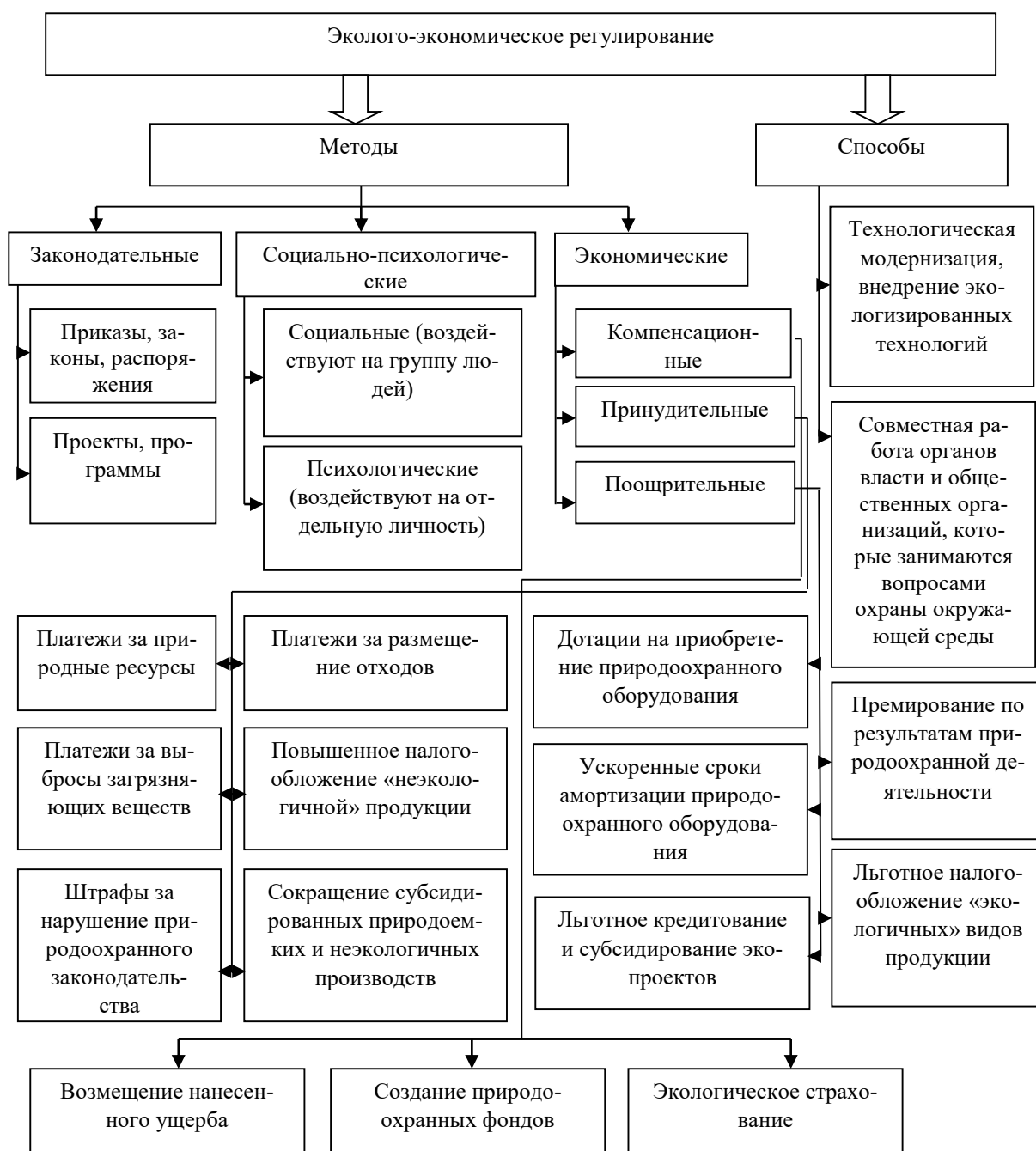

Рис. 2.7. Методы и способы эколого-экономического регулирования

– необходимо объединять природоохранную, научную и образовательную деятельность посредством создания учебно-научных комплексов на базе образовательных учреждений профессионального высшего образования, научных организаций, имеющих государственный статус;

– необходимо развивать межрегиональное и международное сотрудничество в области охраны окружающей среды и рационального природопользования для повышения эффективности работы в направлении повышения качества окружающей природной среды и уровня эколого-экономической безопасности.

2.2. Проблемы оценки влияния стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность территории

Экономическая безопасность характеризуется условиями, которые способствуют эффективному динамичному развитию экономики, возможности удовлетворять общественные и индивидуальные потребности, гарантировать защищенность от различного рода угроз и потерь.

Проблемы обеспечения экономической безопасности в настоящее время являются предметом внимания и изучения достаточно многих ученых и экономистов. Различного рода глобальные катастрофы и катаклизмы делают уязвимой безопасность мировой экономики в целом, а также ставят проблемы минимизации их негативных последствий для каждой страны, региона и муниципалитета в отдельности.

Целью нашего исследования является выявление преимуществ цифровой экономики в предотвращении влияния стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность территории.

В ходе исследования мы предприняли попытку решить следующие задачи.

1. Дать характеристику стихийным бедствиям природного характера.
2. Описать природно-климатические особенности г. Сочи, создающие угрозы и риски его экономической безопасности.
3. Оценить последствия стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность города-курорта Сочи на основе различных источников информации.
4. Выявить факторы, ограничивающие возможность проведения оценки последствий стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность города-курорта Сочи.
5. Определить возможности цифровизации экономики для проведения оценки последствий стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность территории.

Таким образом, объектом нашего исследования явились стихийные бедствия природного характера в городе-курорте Сочи. А предметом исследования – возможность оценки последствий воздействия стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность города.

Гипотеза, выдвинутая нами в начале исследования, заключается в следующем: цифровая экономика позволяет повысить качество проведения анализа последствий стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность города.

Актуальность темы исследования состоит в том, что проблемы обеспечения экономической безопасности муниципального образования (при относительно глубоком изучении данного вопроса на федеральном и регио-

нальном уровне) практически не затрагиваются, несмотря на то, что население на территории муниципального образования в своей повседневной жизни сталкивается с множеством угроз, имеющих именно локальный характер

Теоретической и методологической основой исследования являются труды отечественных и зарубежных исследователей в сфере оценки рисков стихийных бедствий природного характера на экономическое развитие.

Проанализированы исследования, связанные с оценкой рисков стихийных бедствий В.А. Акимова (вопросы анализа и управления риском чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера) [40], В.Л. Бабурина (оценка ущерба от стихийных бедствий участие и руководство разработкой «Основных положений стратегии и концепции социально-экономического развития Краснодарского края») [50], Д.В. Магрицкого (исследует проблемы наводнений на Черноморском побережье Краснодарского края) [42], Г.Г. Малинецкого (проблемы управления рисками и проектирования будущего, прогноз бедствий и катастроф) [90], С.М. Мягкова (вопросы опасности природных явлений для городов и транспортных коммуникаций) [85], Е.Г. Петровой (вопросы воздействия природно-техногенных рисков на развитие регионов) [109, 100], Б.Н. Порфирьева (вопросы экономики природных катастроф) [110], А.Л. Рагозина (оценка влияния наиболее опасных природных и техноприродных рисков на национальную безопасность России) [102], А.А. Вакарева (об экономическом механизме предупреждения чрезвычайных ситуаций и преодоления их последствий в регионе) [60], и др.

Из зарубежных авторов – Ж.М. Альбала Бертланда (оценка последствий стихийных бедствий для экономического развития) [136], Д. Келленберга (вопросы экономики стихийных бедствий) [25], Т. Хидэки (влияние стихийных бедствий на макроэкономическое развитие) [135] и др.

Проведенный нами анализ литературы по теме исследования показал, что данная проблема рассматривается многими исследователями. При этом, каждый из них делает акценты на определенные направления исследования проблем природных явлений и экономической безопасности.

В работах многих ученых рассматриваются понятия природной и экологической катастрофы, экологических рисков, чрезвычайных ситуаций природного характера и их влияние на экономическое развитие. Рассмотрим некоторые из них более подробно.

Профессор Института экономики Университета г. Нагоя Тоя Хидэки в своих работах «Великие катастрофы: риски и экономика» (в соавторстве) и «Ущерб от стихийных бедствий: долговременные последствия для макроэкономики» рассматривал вопросы влияния стихийных бедствий природного характера на изменение величины валового внутреннего продукта. Тоя Хидэки доказал, что частота климатических стихийных бедствий (ураганов, наводнений), которую в современных условиях можно прогнозировать с определенной степенью точности, оказывает позитивное воздействие на

уровень ВВП на душу населения. Это происходит в результате того, что вместо старого оборудования, разрушенного в результате стихийного бедствия, в долгосрочной перспективе вводится в эксплуатацию новое оборудование, благодаря чему можно повысить эффективность производственной деятельности и добиться экономического роста. Кроме этого росту экономики способствует повышение уровня доверия между людьми. Т. Хидэки говорит о том, что, природные бедствия – слишком масштабные явления, чтобы им противостоять в одиночку. Меры по уменьшению или предотвращению ущерба, спасательные мероприятия проводятся совместными силами людей, живущих в этом регионе, что повышает уровень межличностного доверия. Наряду с этим, для людей, которые сами непосредственно не пострадали от бедствия, волонтерская деятельность, сбор денег и т. п. способствуют увеличению уровня заботы об окружающих и тоже увеличивают степень доверия между людьми. Известно, что в условиях низкого доверия цена экономических договорённостей высока, а потому экономическое развитие тормозится. При стихийном бедствии же укрепляются межличностные связи, экономика получает возможность роста [135].

Заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Высшей школы экономики Макарова Е.А. в своей работе «Стихийные бедствия как вызов мировой экономической системе» [92] механизмы оказания помощи пострадавшим странам обозначила как узкое место в управлении рисками стихийных бедствий, требующее существенных корректировок. Она сделала вывод о том, что существующие в настоящее время механизмы оказания финансовой помощи развивающимся странам, являются неэффективными, т.к. предоставление/принятие помощи зависит от политических и иных критериев, а не от реальной потребности; часть получаемых средств используется не по назначению; власти пострадавшей страны неспособны оптимально организовать процесс передачи помощи нуждающимся. Автор предлагает использовать модель долгосрочных инвестиционных проектов в восстановление и ликвидацию последствий стихийных бедствий, которые бы инициировались и поддерживались международными организациями и правительствами развитых стран. Отличительной чертой данной модели является возможность возмещения части средств инвесторов в долгосрочной перспективе, это будет являться дополнительным фактором привлечения финансовых ресурсов в пострадавшие регионы. Таким образом, предлагается механизм снижения риска угроз экономической безопасности мировой экономики в целом, в результате возмещения затрат на восстановление экономики отдельных стран после разрушительно воздействия стихийных бедствий. Мы согласны с автором в том, что региональное и национальное законодательство, в рамках регламентации порядка действий и мероприятий, проводимых на всем про-

тяжении периода бедствия (от оповещения до восстановления пострадавшей территории), должно учитывать специфику соответствующей территории и международным нормам.

На наш взгляд, наиболее подробно проблемы влияния природных явлений на экономику рассмотрены в работах академика РАН, профессора Порфирьева Б.Н., который занимается проблемами анализа и прогнозирования климатических рисков экономического развития.

Порфирьев Б.Н. говорит о том, что необходимо выделить экономику природных катастроф в отдельную отрасль знаний. В своих работах он описывает понятия природных явлений, чрезвычайных ситуаций природного характера, природных катастроф. Автор говорит о необходимости оценки эффективности затрат на снижение рисков природных катастроф. В своей статье «Экономика природных катастроф» Порфирьев утверждает, что снижение риска катастроф зависит от умения адаптироваться к опасным природным явлениям. Именно Порфирьев говорит о необходимости проведения экономического анализа объема и структуры издержек, потерь и ущерба от природных катастроф; необходимость анализа источников и механизмов их финансирования, включая бюджеты разных уровней, страховые системы и др., а также оценки эффективности этих затрат [110].

Мы согласны с тем, что экономический анализ является одним из инструментов управления рисками экономической безопасности, поэтому в своем исследовании предприняли попытку его проведения.

Порфирьев Б.Н. сделал вывод о том, что: «В целом влияние природных катастроф на экономический рост определяется, во-первых, масштабами и степенью разрушительности указанного воздействия (в том числе соотношением величины экономического ущерба и потерь пострадавшей территории с масштабами региональной и национальной экономики), а также наличием у него «дублеров», способных заместить выбывшие мощности и потерянные рынки. Во-вторых, как убедительно доказывает отечественный и зарубежный опыт преодоления последствий природных катастроф, – теснотой экономических и социальных связей пострадавшей территории с другими регионами страны, а также с экономиками других (особенно сопредельных) государств» [110].

Балдина С.В., кандидат географических наук в своем диссертационном исследовании «Влияние опасных природных явлений на социально-экономический потенциал регионов России» проводит анализ существующих взаимосвязей между социально-экономическим потенциалом территории и уровнем природного риска, а также экономико-географическую оценку воздействия опасных природных явлений на территориальные социально-экономические системы муниципального уровня России [104].

Валько Д.В. – кандидат экономических наук, зав. лабораторией социально-экономических исследований ОУ ВО «Южно-Уральский институт управления и экономики» в своих работах по экономической безопасности

называет факторы, которые необходимо учитывать при оценке экономической безопасности территорий (региона, муниципальных образований) [51], на которые мы ориентировались в проведении своего исследования.

Проведенный нами литературный обзор предшествующих работ по тематике исследования показал, что проблемы обеспечения экономической безопасности муниципального образования (при относительно глубоком изучении данного вопроса на мировом, федеральном и региональном уровнях) практически не затрагиваются.

На основании изученной литературы мы выяснили, что экономическая безопасность муниципального образования это – состояние экономической системы муниципального образования, при котором сведены к минимуму внешние и внутренние угрозы, которое благоприятствует эффективному динамическому росту муниципальной экономики и ее способности удовлетворять растущие потребности населения, проживающего на данной территории, обеспечивает конкурентоспособность муниципального образования на внешних рынках, а также стабильность, устойчивость и способность к обновлению и развитию.

Показатели экономической безопасности муниципального образования определяются различными факторами:

- климатическими, природными условиями;
- демографическими особенностями;
- экономико-географическими условиями;
- наличием исторически сложившихся крупных научных центров, способствующих сохранению и развитию научно-технического потенциала;
- уровнем развития систем энергоснабжения;
- рекреационными возможностями территорий и др.

Мы в своем исследовании рассмотрели влияние на экономическую безопасность города-курорта Сочи природно-климатических и экономико-географических условий.

Город-курорт Сочи расположен в южном районе Черноморского побережья. Южный район – это район влажных субтропиков.

Стихийное бедствие – это экстремальное, стихийное явление природы, не зависящее от человека, выходящее за рамки повседневных и средних состояний природы по интенсивности, продолжительности и масштабу проявления. Оно обладает поражающими факторами и наносит необратимый существенный ущерб социальным и природным системам в силу их неспособности успеть адаптироваться.

Сами по себе природные процессы – бесконфликтны, но в определенных случаях они становятся источником различных чрезвычайных ситуаций (ЧС).

Под чрезвычайной ситуацией понимается обстановка, сложившаяся на определенной территории в результате стихийного бедствия, техногенной

аварии (катастрофы), эпидемии, эпизоотии, эпифитотии, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [89].

Стихийные бедствия природного характера являются одним из видов угроз экономической безопасности города.

Угроза – объективный, т.е. внешний мало (не) контролируемый агентом тренд, событие, влекущее за собой опасность потерь, ущерба, вреда или воспринимаемое как таковое.

Риск – величина, характеризующая вероятность возникновения чрезвычайной ситуации с определенным уровнем экономического ущерба, выраженная в процентах.

Опасность – это величина возможного уровня экономического ущерба от чрезвычайной ситуации.

Согласно классификация чрезвычайных ситуаций природного характера, определенной Министерством чрезвычайных ситуаций России. выделяют следующие:

- землетрясения, извержения вулканов;
- опасные геологические явления (оползни, сели, обвалы, осыпи);
- бури, ураганы, смерчи, шквалы, ветер сильный;
- сильный дождь, сильный снегопад, крупный град.

Из-за своего географического положения и климатических особенностей город-курорт Сочи подвержен ряду природных явлений, повышающих риск экономической безопасности города:

- лесные пожары;
- смерчи, ураганы;
- сход снежных лавин;
- наводнения;
- геологические явления (оползни, обвалы, сели).

Сильные дожди и сильные ливни отмечаются в крае ежегодно. В среднем в году бывает 27 дней с сильными осадками. С сильными дождями обычно связано быстрое повышение уровня воды в реках края, приводящее к наводнениям.

Над Черным морем у побережья Краснодарского края ежегодно формируются смерчи, при выходе которых на побережье возникают значительные разрушения, многочисленные пострадавшие и жертвы [101].

Для проведения своего исследования мы использовали теоретические методы (описание, сравнение, анализ, синтез) и эмпирические методы (статистический, методы количественного и качественного анализа).

Источниками информации для проведения исследования являлись: официальные статистические материалы федеральной службы государственной

статистики России и ее структурных подразделений, данные о землепользовании Федеральной государственной информационной системы территориального планирования, годовые отчеты о социально-экономическом развитии с официальных сайтов администраций региона и города, Министерства природных ресурсов Краснодарского края.

На основе данных Министерства природных ресурсов Краснодарского края, мы провели анализ природных явлений чрезвычайного характера, произошедших на территории города Сочи за последние 5 лет [101]. Результаты анализа отражены в таблице (табл. 2.10).

Таблица 2.10

Анализ происшествий природного характера в г. Сочи 2016–2020 гг.

Вид происшествия	2016	2017	2018	2019	2020
Происшествия, связанные с ураганами, смерчами, шквалами		10			3
Происшествия, источником которых явились сильные дождь, ливень, снегопад, крупный град	+	+	+	2	2
Сильная жара		+			3
Природные пожары		3			20
Сход снежных лавин	461/340*	7			1063/1017*
Опасные гидрологические явления, связанные с подъемом уровней воды до отметок НЯ и ОЯ	+	+			5
Опасные геологические явления	+	+		1	+

*Принудительно спущенные лавины.

На основании данных (см. табл. 2.10) мы можем сделать вывод о том, что ежегодно в г. Сочи в той или иной мере присутствуют все происшествия природного характера, представляющие угрозу жизнедеятельности людей и объектам экономики, а, следовательно, оказывающие влияние на экономическую безопасность города. Но в наибольшей степени для территории города характерен сход снежных лавин. В свою очередь, данная таблица не отражает всю совокупность опасных природных явлений, т.к. в ней отражены в основном явления регионального масштаба.

Проанализированные нами природные явления относятся к некоммерческим рискам стихийных бедствий, которые влекут за собой ряд *негативных последствий*, характерных для г. Сочи: гибель людей; нарушение функционирования систем жизнеобеспечения (отсутствие электрической энергии, водоснабжения); порча имущества; уничтожение части национального парка, как следствие снижение рекреационной способности; разрушение дорог, мостов, зданий; потери объектов социально-культурной сферы; снижение уровня жизни населения; прямые и косвенные убытки и ущерб упущенной выгоды в сфере материального производства и услуг (в большей степени туристической отрасли); расходы общества на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций и т.п.

Для оценки результатов коммерческой деятельности хозяйствующих субъектов г. Сочи мы использовали данные о доходах бюджета города (табл. 2.11). Так как одним из факторов, влияющих на финансовые результаты, являются негативные последствия стихийных бедствий, которые способствуют снижению объемов продукции (работ, услуг), а также приводят к дополнительным расходам, связанным с их ликвидацией.

Таблица 2.11

Анализ доходов бюджета г. Сочи в рамках налоговых поступлений (т.р.)

Статья доходов	2016	2017	2018	2019	2020
Налог на прибыль организации	156157,181	290171,073	356221,824	384493,006	200742,801
	Темп роста				
	100	185,8	122,8	107,9	52,2
Налог на доходы физических лиц с доходов, полученных от осуществления деятельности физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, нотариусов, занимающихся частной практикой, адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты, и других лиц, занимающихся частной практикой в соответствии со статьей 227 Налогового кодекса Российской Федерации	12503,498	20395,545	22298,432	27577,784	27856,935
	Темп роста				
	100	163,1	109,3	123,7	101,0
Налог, взимаемый в связи с применением патентной системы налогообложения	13192,926	15826,475	16603,044	19839,795	17271,155
	Темп роста				
	100	120,0	104,9	119,5	87,1
Упрощенная система налогообложения	—	52236,091	411437,244	608530,190	622787,614
	Темп роста				
	—	100	787,6	147,9	102,3
Единый налог на вмененный доход	606524,083	605544,755	610698,853	613322,26	479033,825
	Темп роста				
	100	99,7	100,9	100,4	78,1
Единый сельскохозяйственный налог	2494,354	6162,051	4695,493	5613,998	5820,613
	Темп роста				
	100	247,0	76,2	119,6	103,7

Результаты анализа (см. табл. 2.11) свидетельствуют о том, что наибольший удельный вес составляют поступления от единого налога на вмененный доход. Это обусловлено тем, что основной отраслью экономики города является торговля. Динамика этого показателя свидетельствует о том, что он снижется на протяжении последних трех лет анализируемого периода. Наибольшее снижение на 21,9%, в первую очередь обусловлено падением доходов из-за COVID-19, но при этом, также присутствует и фактор природных явлений, приведших к данным результатам. При этом, следует отметить, что доля данного вида доходов снижается на протяжении всего анализируемого периода, так же как и доля налога на прибыль. Проведенный анализ позволяет определить подобную тенденцию и по другим видам налоговых поступлений: налог на прибыль организации, упрощенная система налогообложения, единый сельскохозяйственный налог. Тем не менее, представленные данные не позволяют нам на данном этапе исследования выделить экологическую составляющую, как фактор снижения доходов.

Целью применения мер защиты (критерием приемлемости уровня природного риска) является минимизация суммы затрат на защиту и снижение вероятного размера ущерба.

В таблице (табл. 2.12) представлены возможные последствия наиболее значимых видов ОЯ и НГЯ, для видов экономической деятельности, наиболее распространенных в г. Сочи [105].

Таблица 2.12

Перечень возможных последствий наиболее значимых видов ОЯ и НГЯ с рекомендуемыми адаптационными мерами

Виды деятельности	Перечень последствий для отрасли	Рекомендуемые адаптационные меры
Розничная торговля; ремонт, гостиницы и рестораны	Риски для нормальной работы торговли, сферы услуг, туристического сектора от ОЯ или НГЯ (сильный ветер, сильная жара, ливень).	Совершенствование методики раннего оповещения об ОЯ. Улучшение транспортной инфраструктуры. Повышение доступности медицинской помощи. Установка качественных кондиционеров в гостиницах, торговых комплексах. Разработка рекомендаций и планов действий по защите населения от последствий ЧС, связанных с прохождением ОЯ и НГЯ.

Основная отрасль экономики Сочи – торговля. Потребительская отрасль города насчитывает порядка 10,5 тыс. торговых объектов: предприятия стационарной розничной торговли – 6,3 тыс. объектов, нестационарные торговые объекты (павильоны, киоски) – 964, предприятия общественного питания – 1 763, предприятия оптовой торговли – 347, предприятия сферы бытовых услуг – 1196.

Вторая по значимости отрасль экономики в Сочи – туризм. Отдыхающих привлекают тёплый субтропический климат, море, минеральные источники, горы, развитая туристско-рекреационная инфраструктура. Сочи – всесезонный курорт международного уровня, на его территории в 2020 году вели деятельность санатории, пансионаты, бальнеолечебница, базы отдыха, гостиницы, 2 507 объектов размещения общей емкостью 86 286 номеров, в том числе:

- санатории и пансионаты с лечением – 64 объекта, общая емкость 17 252 номера;

- крупные гостиничные комплексы, пансионаты, базы отдыха – 98 объектов, общая емкость 29 899 номеров;

- малые отели, гостевые дома и индивидуальные средства размещения – 2 344 объекта, общая емкость 39 135 номеров

- открыты 133 пляжных территории [120].

Основные расходы по компенсациям ущерба, произошедшего в результате чрезвычайных ситуаций, в соответствии с законодательством (Бюджетный кодекс РФ. Статья 81, Федеральный закон от 21.12.1994 №68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», Постановление Правительства РФ от 21 мая 2007 г. №304 «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»), в основном ложатся на бюджеты разных уровней.

Резервные фонды для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций создаются заранее, чтобы была возможность вовремя их привлекать в случае возникновения чрезвычайных ситуаций. Данные фонды создаются органами исполнительной власти, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, кроме этого в формировании резервов участвуют органы местного самоуправления, а также организации.

Объекты жизнеобеспечения, расположенные в г. Сочи имеют разную ведомственную принадлежность, поэтому расходы на устранения прямого и косвенного ущерба распределяются между федеральным, региональным и муниципальным бюджетом.

Экономический анализ является необходимым инструментом оценки объема и структуры издержек, потерь и ущерба от природных явлений представляющих угрозу жизнедеятельности людей и объектам экономики [83]. Эта оценка принципиально важна для понимания и измерения влияния данных явлений на экономический рост и разработку комплекса мер по снижению природного риска и повышению экономической безопасности хозяйственных систем, как на муниципальном, так и на региональном и государственном уровне.

Прежде всего речь идет об оценке объема и структуры инвестиций и текущих затрат, необходимых для реализации мероприятий по обеспечению безопасности и защите населения и территорий от природных опасностей.

Это предполагает необходимость анализа источников и механизмов их финансирования, включая бюджеты разных уровней

Основными статьями затрат по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и их последствий являются:

а) на региональном уровне – финансовое обеспечение непредвиденных расходов, в том числе связанных с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий природного и техногенного характера и их последствий, а также ликвидацией аварийных ситуаций и их последствий на территории Краснодарского края; мероприятия по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий в Краснодарском крае; иные межбюджетные трансферты местным бюджетам муниципальных образований Краснодарского края на финансовое обеспечение расходных обязательств муниципальных образований Краснодарского края по участию в предупреждении чрезвычайных ситуаций; снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Краснодарском крае; финансовое обеспечение непредвиденных расходов, в том числе связанных с предупреждением и ликвидацией чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий природного и техногенного характера и их последствий, а также ликвидацией аварийных ситуаций и их последствий на территории Краснодарского края;

б) на муниципальном уровне - резервные фонды; предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий; ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций на автомобильных дорогах общего пользования местного значения; софинансирование расходных обязательств муниципальных образований Краснодарского края на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций на автомобильных дорогах общего пользования местного значения; средства резервного фонда администрации Краснодарского края на предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций.

Мы в своей работе ограничились проведением анализа расходов бюджета города-курорта Сочи по предотвращению чрезвычайных ситуаций природного характера и устранению их последствий (табл. 2.13) [64].

Таблица 2.13

**Анализ бюджетных расходов на предупреждение и ликвидацию
чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий**

Виды затрат	Годы, т.р..				
	2016	2017	2018	2019	2020
Расходы бюджета, всего	11 929 078,38	13 852 568,96	13 700 045,33	14 811 016,91	15 969 350,80
	Темпы прироста				
	0	16,12	-1,10	8,11	7,82
в т.ч.:	0	11 850,00	16 713,20	79,90	5195,80
Резервные фонды	Темпы прироста				
	0	+100	+41	-99,5	+6403
Предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий	190 101,38	90 065,56	7 956,19	17 080,24	24386,00
	Темпы прироста				
	0	-52,62	-91,17	114,6	42,77
Ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций на автомобильных дорогах общего пользования местного значения	23 821,61	0	0	0	228 111,51
	Темпы прироста				
	0	-100	0	0	100
Софинансирование расходных обязательств муниципальных образований Краснодарского края на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций на автомобильных дорогах общего пользования местного значения	1 253,80	0	31 359,63	295 796,92	0
	Темпы прироста				
	0	-100	100,00	843,24	-100
Средства резервного фонда администрации Краснодарского края на предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций	60 000,00	0	0	0	0
	Темпы прироста				
	0	-100	0	0	0

На основании проведенного анализа (см. табл. 2.13) можно сделать следующие выводы: в 2016 году резервные фонды в муниципальном бюджете не создавались, использовались средства резервного фонда администрации Краснодарского края на предупреждение и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций, которые составляли 1% от общей суммы расходов муниципального бюджета. В 2017, 2018, 2019 и 2020 гг. были сформированы бюджетные фонды доля которых в общей сумме расходов составляла 0,09%, 0,12%, 0,0005% и 0,03% соответственно. Четкой тенденции в структуре расходов, затрат, связанных предупреждением и ликвидацией чрезвычайных

ситуаций, стихийных бедствий и их последствий, в течение 5 лет не прослеживается. Они менялись 1,59% до 0,06%. Следует отметить увеличение доли расходов на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций на автомобильных дорогах общего пользования местного значения с 0,2% в 2016 г. До 1,43% в 2020 г. Также на протяжении 4 лет с 2016 по 2019 год возрастала доля софинансирования расходных обязательств муниципальных образований Краснодарского края на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций на автомобильных дорогах общего пользования местного значения (с 0,01% до 2%). Наиболее затратным, с точки зрения предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, стихийных бедствий и их последствий оказался 2019 год.

Анализ представленных данных, позволил выявить *факторы, ограничивающие возможности выявления тенденций происходящих явлений и прогнозирования их последствий*:

1. Данные табл. 1 являются несопоставимыми по количественным характеристикам из-за того, что отсутствует возможность получения сопоставимой информации из доступных источников. Источником информации является Ежегодный доклад о состоянии природопользования и охране окружающей среды Краснодарского края, структура которого на протяжении анализируемого периода не менялась, тем не менее, представленная информация о природных явлениях отличается по своему объему и качественному и количественному содержанию.

2. Информация, представленная на сайте Администрации г. Сочи, не позволила нам произвести более подробный анализ и выявить тенденцию в изменении бюджетных доходов и расходов. Нет возможности количественно оценить влияние негативного влияния природного характера на изменение уровня доходов. Так, в различные периоды времени отражены разные статьи затрат, не зная методики их формирования, нельзя их сопоставить и составить прогнозную модель изменения этих затрат для обеспечения финансовой готовности к сокращению неблагоприятных последствий стихийных бедствий природного характера.

3. Сложность естественных систем - источников природных опасностей, а также взаимосвязей природных, технических и социальных систем обуславливают высокую степень неопределенности при прогнозировании природных катастроф и оценки уязвимости к ним экономики. Снижение неопределенности информации требует мощной базы данных по рассматриваемой проблеме.

На наш взгляд, решить проблему неопределенности и повысить качество оценки воздействия стихийных бедствий на экономическую безопасность города позволит цифровая экономика.

Одной из составляющих цифровой экономики, как системы социально-экономических отношений, является использование огромного количества

данных, генерируемых в самых разнообразных информационных системах и перерабатываемых в целях извлечения из них полезной информации.

К числу *конкретных технологических преимуществ цифровой экономики* можно отнести:

- совместное использование информации и отсутствие конкуренции в потреблении знаний и информации, так как использование базы данных или базы знаний одним потребителем не мешает одновременному их использованию другими потребителями;

- аккумулялирование больших объемов данных, осуществление их автоматической переработки и анализа [76].

Вопросы снижения экономико-экологических рисков, предупреждения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера на сегодняшний день нашли отражение во многих нормативных правовых актах.

Сендайской рамочной программой определены глобальные целевые задачи, включающие снижение к 2030 г. числа погибших и пострадавших в бедствиях по отношению к предыдущему десятилетнему периоду 2005 – 2015 гг. и уменьшение причиняемых бедствиями ущербов, а также приоритетные направления деятельности на глобальном, национальном и местном уровнях, включающие анализ, оценку и управление риском катастроф, смягчение их последствий; совершенствование организационно-правовых механизмов управления риском катастроф; своевременное реагирование на чрезвычайные ситуации [116].

Реализация данных задач в ближайшее время, скорее всего будет осуществляться преимущественно в рамках программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Данная программа призвана сформировать в нашей стране информационное пространство с учетом всех потребностей личности, общества и государства [108].

При этом ключевым инструментом повышения эффективности управления по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций является Сендайская программа по снижению риска катастроф.

У нас в стране уже сформирована Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Поэтому главной задачей цифровизации в сфере экономико-экологической безопасности является адаптация уже существующей Единая государственной системы государственного управления к цифровой среде, так как это зона повышенного внимания, экономической и социальной ответственности государства [130].

Цифровизация экологической безопасности на муниципальном уровне в рамках программ «Умный город» и «Безопасный город», позволит повысить не только экологическую, но и экономическую безопасность территории.

Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. №2446-р, предусматривает необходимость формирования на уровне субъекта Российской Федерации и муниципального образования

комплексной многоуровневой системы обеспечения общественной безопасности, правопорядка и безопасности среды обитания, базирующейся на современных подходах к мониторингу, прогнозированию, предупреждению правонарушений, происшествий и чрезвычайных ситуаций и реагированию на них.

На данный момент времени в Сочи уже внедрены многие «умные» решения: «Безопасный город» – это контроль сточных вод, контроль утилизации отходов, мониторинг выбросов загрязняющих веществ, геолокация и фиксация событий на дорогах, регистрация нарушений ПДД, обеспечение вызова и работы экстренных служб, обработка информации с датчиков ЖКХ, позиционирование подвижных объектов, система видеонаблюдения и видео фиксации.

«Умный город» – это градостроительная концепция интеграции информационных и коммуникационных технологий и «интернета вещей» для управления городским имуществом. Стратегию проекта для Сочи разработал Национальный исследовательский институт технологий и связи в 2017 году. «Умный город» реализуют до 2024 года в рамках двух нацпроектов – «Цифровая экономика» и «Жилье и городская среда»

Возможность оценивать воздействие бедствий не только с точки зрения человеческих жертв и наносимого инфраструктуре ущерба, но и посредством анализа воздействия на финансы и бюджет позволит обеспечить финансовую готовность и сократить количественно и качественно неблагоприятные последствия природных бедствий для населения и экономики.

Поэтому, задачей руководителей территориальных образований является глубокий анализ факторов риска экономической безопасности от стихийных бедствий и применение формирующихся инструментов цифровой экономики с учетом особенностей конкретной территории.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования названы природно-климатические особенности г. Сочи, создающие угрозы и риски его экономической безопасности; проведен анализ бюджетных расходов на предотвращение стихийных бедствий природного характера и ликвидацию их последствий; выявлены факторы, ограничивающие возможность проведения оценки последствий стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность города-курорта Сочи; определены возможности цифровизации экономики для проведения оценки последствий стихийных бедствий природного характера на экономическую безопасность территории (аккумулирование больших объемов данных, осуществление их автоматической переработки и анализа; цифровизация экологической безопасности на муниципальном уровне в рамках программ «Умный город» и «Безопасный город»).

2.3. Сравнительный анализ экономико-экологических рисков функционирования городских агломераций в УрФО

Исследование посвящено функционированию городских агломераций в постиндустриальный период, сопровождаемое проявлением отрицательных агломерационных эффектов, одним из которых является экономико-экологический риск. В работе раскрыты: сущность понятия экономико-экологического риска, факторы рисков городской агломерации в постиндустриальный период, методика оценки экономико-экологических рисков. На основе анализа экономико-экологических рисков регионов Уральского федерального округа выявлены угрозы экономической безопасности городских агломераций и основные направления их нейтрализации на примере Челябинской области.

Активное развитие городского пространства в постиндустриальный период времени началось в XIX–XX вв. во всём мире. Процессы урбанизации привели к тому, что более половины земного населения живет в крупных и средних городах. Отдельные ученые прогнозируют, что к 2025 году доля населения, проживающего в городах, составит 58,2%, а к 2050 году – 68% [27]. При этом необходимо признать, что процессы становления муниципальных образований сопровождаются формированием и функционированием поселений, выходящих за его границы, а именно: городских агломераций.

С содержательной точки зрения в экономической литературе сложились смысловые и институциональные границы понятия «городская агломерация». С одной стороны, под ней понимается компактно расположенная группировка населённых пунктов, обладающих разнообразными производственно-экономическими, транспортными, социокультурными, трудовыми, рекреационными и прочими связями, совместно использующих межселенную территорию, ресурсы, социальную, производственную и транспортную инфраструктуры. Данная позиция базируется на идеях и принципах расселения населения в процессе формирования городских агломераций. В рамках этого подхода городской агломерационный процесс является следствием урбанизации, а появление городских агломераций – итогом эволюции форм расселения при возрастании количества и интенсивности связей между близко расположенными поселениями.

С другой стороны, под городской агломерацией понимается территориальное сосредоточение (локализация и концентрация) промышленного производства (моноотраслевого либо многоотраслевого), сочетающего предприятия разных секторов экономики и обладающих качественно разным инновационным потенциалом, а также формирование территориальных кластеров. Следует отметить, что эта точка зрения акцентирует внимание на производственно-экономической основе городских агломерационных процессов и идее кластеризации производства [48, с. 13].

В условиях становления постиндустриального общества городские агломерации исчерпали потенциал своего развития как индустриальные центры и становятся пространственными центрами в территориальном потоке товаров, рабочей силы, капиталов, информации, инновационных технологий. Крупные и средние города обеспечивают не только рост экономических показателей и производительности труда, но и становятся центрами комфортных условий для жизнедеятельности человека. Следует отметить, что Министерство экономического развития РФ в 2007 году в качестве основного элемента долгосрочного стратегического развития Российской Федерации указало на становление городских агломераций. Высокие темпы экономического роста страны возможны за счет инновационных технологий, которые реально могут быть внедрены в условиях повышенной концентрации населения и значительного пространственного сосредоточения производства, в силу чего городские агломерации выступают драйверами инновационного и социально-экономического развития Российской Федерации [91].

Поэтому целью данной работы является теоретическое исследование экономико-экологических рисков функционирования развития городских агломераций макрорегиона для осуществления сравнительного анализа их показателей и предложения комплексной системы направлений усиления экономико-экологической безопасности на примере Уральского федерального округа.

Городская агломерация представляет взаимодействие нескольких подсистем: экологической, экономической и социальной.

Экологическая система состоит из двух элементов: сообщества живых организмов и среды их обитания. В противовес ей, экономическая подсистема представляет собой совокупность разнообразных производительных сил, которые распределены по отраслям, видам собственности и территориям. И, наконец, социальная подсистема состоит из социального расслоения в зависимости от различных признаков и критериев взаимодействия населения на индивидуальном и групповом уровнях.

Каждая система выполняет свои функции в социально-экономическо-экологическом развитии городской агломерации. Так, социальное сообщество осуществляет целеполагание для экономической подсистемы и, с другой стороны, потребляет созданную продукцию. Однако, экономическая подсистема в ходе своей деятельности применяет природные ресурсы и таким образом приносит элементы ухудшения окружающей среды.

Сопряжение пространственной локализации производства и скученного проживания населения в условиях городской агломерации приводит к положительным экономическим эффектам (возможность расширения внедрения научно-технических и инновационных достижений, совершенствование функционирования производственной и социальной инфраструктуры, повышение эффективности использования локальных естественных монополий и пр.), а также к отрицательным эффектам в социальной (возрастание

транспортной усталости, рост преступности) и производственной (снижение качества использования жилого фонда, усложнение транспортных путей, загрязнение окружающей среды и пр.) сферах города [142, 46].

Отрицательные агломерационные эффекты приводят к экономико-экологическим рискам крупных городов и, следовательно, требуют разработки основных направлений их нейтрализации. Так, Шамин А.Е., Воронков А.Н., Елфимов О.М. считают, что угрозы экономической безопасности городской агломерации проявляются за счет следующих факторов: низкой количественной обеспеченности жильем; миграции населения из сельской местности; увеличения количества транспортных средств; деградации ЖКХ и промышленных предприятий; высокой доли потенциально опасных объектов; ухудшения экологии и пр. В частности, авторы отмечают, что всего лишь в 20% городов Российской Федерации воздух отвечает нормам качества, установленным законом [139].

Первоначально необходимо определиться с содержанием категории «экономико-экологический риск».

Так, Шмаль А.Г. утверждает, что указанный тип риска представляет вероятность появления определённого ущерба в результате действия определённых факторов экологической опасности по отношению к вполне конкретному объекту. По величине автор выделяет пять видов экологических рисков: приемлемый, предельно допустимый, чрезмерный, фоновый, пренебрежимый [141]. Беляк А.Л., Голодков Ю.Э., Диденко М.М. рассматривают экологический риск как риск техногенного происхождения и разделяют существующие риски по техногенным опасностям: 1) штатные (соответствующие нормальному функционированию объекта, сопровождающие хозяйственную деятельность человека); 2) аварийные (существующие при аварии или катастрофе) [55].

С точки зрения ученого Арента Р.К., под экологическим риском понимают вероятность ухудшения здоровья и риска для жизни людей, а также потеря населением совокупности ресурсов, а, значит, сокращение доходов или необходимость дополнительных расходов, ухудшение количественных и качественных характеристик окружающей среды, выражающейся в ее сильном загрязнении [49].

Монгуш Б.С. считает, что сущностная характеристика эколого-экономического риска состоит в комплексном взаимодействии экологического и экономического элементов. Таким образом, он представляет «вероятность снижения эффективности производства продукции под воздействием антропогенной и техногенной нагрузок на территорию». Ученый обращает особое внимание на то, что подобные риски имеют социальную, экономическую и экологическую природу. При этом негативное влияние на хозяйствующих субъектов и на окружающую среду приводит к их экономическим потерям, а также к ухудшению здоровья населения под воздействием загрязненного воздуха и почвы, а также продуктов питания и воды [95].

Другие авторы под эколого-экономическими рисками понимают риски экономических ущербов разнотипных объектов производственной и общественной организации из-за снижения качества окружающей среды. Так, например, ученые рассматривают методы анализа рисков экономических потерь, характерных для предприятий, организаций, регионов и страны, возникающих из-за плохого качества окружающей среды, выражающегося: в катаклизмах, происходящих в природе; техногенных авариях; антропогенных загрязнениях и т.п. [127]

Другие авторы осуществляют типологию рисков, в которой выделяют производственные риски контрагента «инфраструктура» моногорода и ранжируют их с помощью метода «роза рисков» [47].

Российские ученые уделяют повышенное внимание проблемам оценки рисков и разработке методов их нейтрализации. Так, Шмаль А.Г. считает, что алгоритм их исследования состоит из последовательной череды этапов: 1) определение экологических рисков, потенциально возможных на территории данного региона; 2) оценка экологического риска, в результате которого будут определены их количественные показатели; 3) отслеживание экологических рисков, необходимое для корректировки целей управления экологическими рисками, а также выбора наиболее оптимальных средств информации; 4) экологическое управление со стороны государства, предполагающее выбор направлений, инструментов и механизмов менеджмента, а также определение эффективности экологической политики [141].

Мурзин А.Д. выделяет необходимость таких процедур оценки рисков, как:

1. Определение рисков.
2. Расчет степени вероятностей отрицательных событий.
3. Оценка возможного ущерба от негативного явления.
4. Структуризация потерь каждого явления.
5. Количественное определение величины риска.

По мнению Мурзина А.Д., управление риском состоит в следующих элементах:

- определение методов воздействия на риск и оценка их эффективности;
- выработка мероприятий по реализации управления риском;
- мониторинг и определение итоговых результатов [97].

Другие экономисты предлагают подходить к оценке экологических рисков, характерных для малых городов (на примере Московской области), с позиции техногенного воздействия на окружающую природную среду и состояние здоровья человека [80].

Следует отметить, что экономисты разных стран в своих исследованиях приходят к выводу, что мегаполисы и крупные городские агломерации являются не только важными факторами социально-экономического развития

регионов и стран, но и источниками их экологических проблем [3, 30, 35]. Среди общепризнанных зарубежных научных работ, наиболее активно отражающих проблемы экологических рисков и безопасности городских агломераций, необходимо отметить научные исследования китайских ученых, а именно:

– В. Чжан, Г. Лю, З. Ян, в которых представлена модель передачи экологического риска городской агломерации на основе Байесовской и экологической сети, которая позволяет моделировать процесс передачи экологического риска между двумя городами при передаче загрязнения воздуха, загрязнения воды и экономической торговли [36];

– Й Ян, З. Цай, в которых дана оценка экологической безопасности городской агломерации, находящейся в равнине Гуаньчжун на основе адаптированной модели экологического следа [35];

– Й Ванг, Л. Яо, Й Сюй и др., рассматривающих потенциальную неоднородность взаимосвязи между урбанизацией и экологическими рисками (загрязнение воздуха) в городских агломерациях [32].

Российские ученые широко исследуют методы оценки рисков, в том числе рисков инфраструктурных подсистем муниципалитета, а именно статистический и аналитический методы, метод экспертных оценок, моделирование с помощью «дерева решений» и пр. При этом особое внимание уделяется экспертному методу при исследовании риска инфраструктуры моногородов [45].

Количественная оценка уровня экономико-экологического риска также находится в центре внимания ученых.

Например, в качестве одного из подходов можно отметить расчет средней характерной величины ущерба (средний риск, то есть математическое ожидание ущерба):

$$R = \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^m P_j P_i(j, z_j) X_i, \quad (2.10)$$

где R – количественная мера риска; $P_i(j, z_i)$ – условная вероятность возникновения ущерба X_i при наступлении неблагоприятного события j -го типа и осуществления защитных мероприятий от него с затратами z_j ; P_j – вероятность наступления неблагоприятного события j -го типа; X_i – величина экономического ущерба; n – число возможных вариантов ущербов, возможных при наступлении неблагоприятного события; m – общее число возможных негативных событий [127, 96].

Количественная оценка экологических рисков предполагает факторы экологической опасности, а также методы оценки ущерба. Возможны три метода оценки вероятности проявления факторов риска:

- статистический – анализ статистических данных факторов экологической опасности на территориях региона в прошлом;
- аналитический – исследование, позволяющее оценить вероятность движущих сил экологической опасности как причинно-следственного явления;
- экспертный – оценка вероятностей факторов экологического риска путем обработки опросов экспертов [127].

Каранина Е.В., Вершинина Н.А. рассматривают проблемы анализа и учета экологических рисков регионов Российской Федерации, в частности, оценки индикаторов экологической безопасности. При этом отмечаются параметры и рейтинги экологического риска по регионам России на основе:

- индикатора К25 «Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты»;
- индикатора К26 «Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников»;
- индикатора К27 «Лесовосстановление (доля восстановленных лесов).

Кроме того, в работе представлен Экологический рейтинг регионов Российской Федерации. Он базируется на основе методики Независимого экологического рейтингового агентства, разработавшего и применяющего к анализу экологической ситуации конкретного субъекта РФ количественные показатели, с помощью которых можно подсчитать антропогенное воздействие на окружающую среду [82].

Другой российский ученый – Аникина Ю.А. – в методике анализа городских агломераций выделяет экологический блок, с помощью которого пытаются оценить величину экологических рисков путем расчета целой совокупности показателей: выброса загрязняющих веществ в атмосферу от стационарных источников; сброса загрязненных сточных вод; степени переработки отходов [44].

В качестве критериев устойчивого экологического развития некоторые авторы выделяют индикатор «экологического» долга, под которым авторы считают, что надо учитывать ущерб, приносимый окружающей среде в ходе процесса воспроизводства. В итоге, по мнению ученых, выпуск продукции сокращается на прирост экологического долга (по их оценкам годовой экономический ущерб, наносимый природной среде, примерно равен 8% валового внутреннего продукта) [54, с. 186]. Поэтому указанные авторы предлагают рассчитывать накопление экологического долга и выплату долговых обязательств по нему, используя модель с дискреционным временем.

На наш взгляд, в качестве показателей экономико-экологических рисков городских агломераций следует выделить:

1. Уровень загрязнения территории (количество загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников выделения, отнесенное к площади территории).

2. Качество охраны окружающей среды (улавливание и обезвреживание загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, деленное на площадь территории).

3. Вывезено за год твердых коммунальных отходов (в расчете на площадь территории).

Методика анализа экономико-экологических рисков включает в себя следующие показатели (табл. 2.14).

Таблица 2.14

Показатели экономико-экологических рисков городских агломераций

Показатели	Формула
Уровень загрязнения территории	
Количество загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников выделения, тысяч тонн, в расчете на площадь территории (K_1)	$K_1 = V / S$ где, K_1 – уровень загрязнения территории; V – количество загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников выделения, тысяч тонн; S – общая площадь территории, км²
Качество охраны окружающей среды	
Улавливание и обезвреживание загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тысяч тонн, в расчете на площадь территории (K_2)	$K_2 = C_d / S$ где, K_2 – качество охраны окружающей среды; C_d – улавливание и обезвреживание загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тысяч тонн; S – общая площадь территории, км²
Вывезено за год твердых коммунальных отходов, тысяч тонн, в расчете на площадь территории (K_3)	$K_3 = W / S$ где, K_3 – уровень загрязнения территории; W – вывезено за год твердых коммунальных отходов, тысяч тонн; S – общая площадь территории, км²

Анализ экономико-экологических рисков ведется при следующих допущениях:

1. Из-за отсутствия статистических данных по сателлитам городских агломераций Уральского федерального округа за основу анализа берется сравнительный анализ экономико-экологических рисков городов-ядер городских агломераций (г. Челябинска, г. Екатеринбурга, г. Тюмени, г. Кургана).

2. В качестве основы расчета взяты показатели, характеризующие состояние окружающей среды за тот период времени, который приводится в официальной статистике.

В итоге проведенных расчетов получены следующие результаты анализа.

Во-первых, показатель, характеризующий уровень загрязнения территории в Уральском федеральном округе (количество загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников выделения, в расчете на площадь территории) (табл. 2.15, рис. 2.8) показывает, что в 2020 году из всех центральных городов городских агломераций УрФО наихудшая ситуация по уровню загрязнения была характерна для г. Челябинска, наилучшая – для г. Екатеринбурга (уровень загрязнения территории г. Челябинска был выше аналогичного показателя в г. Екатеринбурге в 39,4 раза, по сравнению с г. Курганом – в 14,4 раз, по сравнению с Тюменью – в 7,0 раз. Рейтинг центров городских агломераций по данному показателю, расположенных в порядке возрастания данного негативного эффекта, следующий: г. Екатеринбург, г. Курган, г. Тюмень, г. Челябинск.

Такая ситуация в г. Челябинске объясняется комплексом причин: прежде всего, сложившейся в городе специализацией (господство металлургической промышленности, цинкового производства, тяжелого машиностроения и пр.), значительным развитием автомобильного транспорта.

Таблица 2.15

Уровень загрязнения территории в УрФО (количество загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников выделения в расчете на площадь территории), тонн/км² *

Город	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Челябинский городской округ	1488,09	1552,37	1492,08	1004,57	972,63	1107,98
Екатеринбург	32,85	35,85	30,26	29,22	31,24	28,09
Тюмень	148,65	138,16	171,08	166,36	162,35	157,63
Курган	147,4	129,33	84,22	79,38	73,35	76,84

*Источник данных: Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области, Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области, Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу

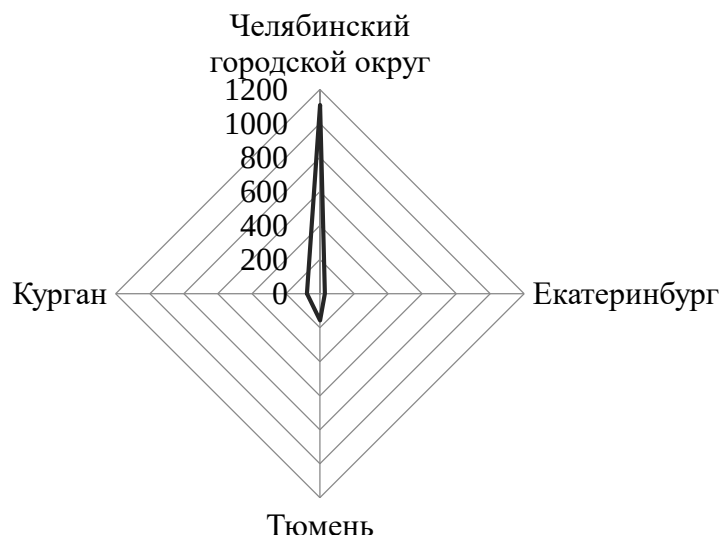

Рис. 2.8. Уровень загрязнения территории в УрФО (количество загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников выделения в расчете на площадь территории), тонн/ км² (2020 г.)

Во-вторых, показатель качества охраны окружающей среды, состоящий в расчете улавливания и обезвреживания загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников (тысяч тонн, в расчете на площадь территории) в Уральском федеральном округе (табл. 2.16, рис. 2.9), демонстрирует определенную зависимость, проявляющуюся в том, что чем больше в городе показатель уровня загрязнения окружающей среды – тем больше уровень улавливания и обезвреживания загрязняющих веществ.

Таблица 2.16

Качество охраны окружающей среды в УрФО (улавливание и обезвреживание загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников в расчете на площадь территории), тонн/км² *

Город	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Челябинский городской округ	1200,21	1256,51	1204,21	733,26	693,94	865,42
Екатеринбург	11,61	11,99	8,69	8,31	7,61	7,09
Тюмень	123,7	114,58	144,91	140,89	138,62	134,86
Курган	107,9	87,7	46,05	40,3	33,66	31,57

*Источник данных: Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области, Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области, Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу

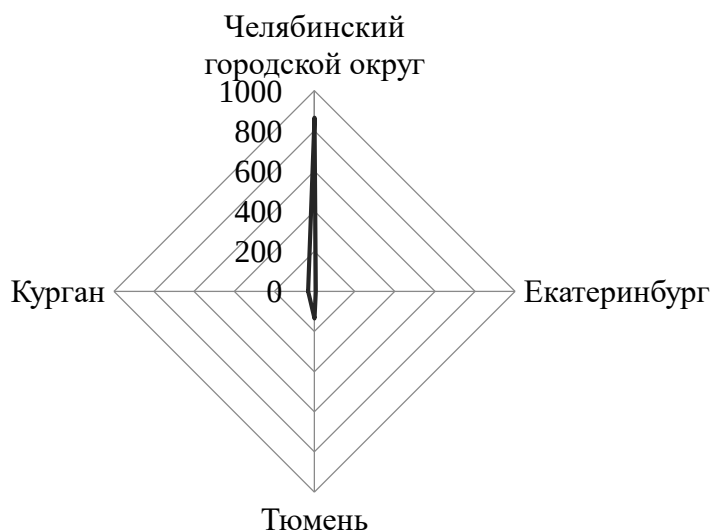

Рис. 2.9. Качество охраны окружающей среды в УрФО (улавливание и обезвреживание загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников в расчете на площадь территории), тонн/ км² (2020 г.)

В-третьих, показатель, отражающий вывоз твердых коммунальных отходов на площадь территории в Уральском федеральном округе (табл. 2.17, рис. 2.10) отражает тот факт, что на первом месте по данному показателю стоит г. Челябинск, на втором – г. Екатеринбург, на третьем – г. Тюмень, на четвертом – г. Курган.

Таблица 2.17
Вывезено за год твердых коммунальных отходов в УрФО, тонн/км²*

Город	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Челябинский городской округ	688,75	678,76	676,78	451,78	628,66	618,67
Екатеринбург	587,12	515,36	510,99	16,86	566,98	428,74
Тюмень	548,62	541,89	523,57	302,23	380,68	381,69
Курган	221,36	229,7	228,23	241,71	254,43	260,03

*Источник данных: Федеральная служба государственной статистики, Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области, Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области, Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу

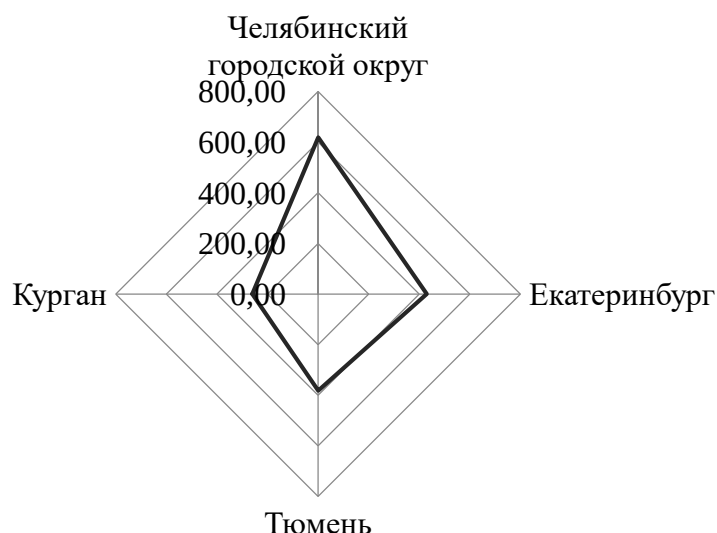

Рис. 2.10. Вывезено за год твердых коммунальных отходов в УрФО, тонн/ км² (2020 г.)

Весьма показательным является вертикальный анализ такого индикатора, как: «Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников» для проведения структурного исследования по данному показателю на территории Уральского федерального округа (табл. 2.18, рис. 2.11). Он еще раз подтверждает тот факт, что наибольшая доля выбросов в атмосферу в данном макрорегионе приходится на Челябинский городской округ (67,67%).

Таблица 2.18

Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тыс. тонн*

Город	2020	Уд. вес, %
Челябинский городской округ	121,4	67,67
Екатеринбург	24	13,38
Тюмень	15,9	8,86
Курган	18,09	10,09
Всего	179,39	100

*Источник данных: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области, Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области, Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу

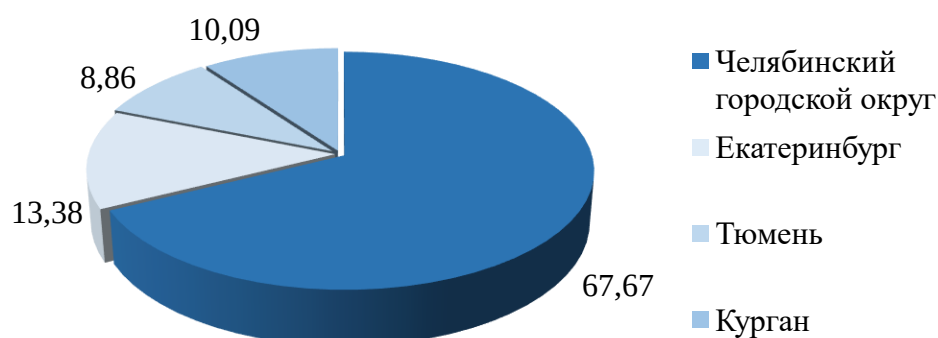

Рис. 2.11. Удельный вес выброшенных в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, по городам в 2020 году, %

Анализ структуры выброшенных в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, в Челябинском городском округе в 2017 году представлен на рис. 2.12.

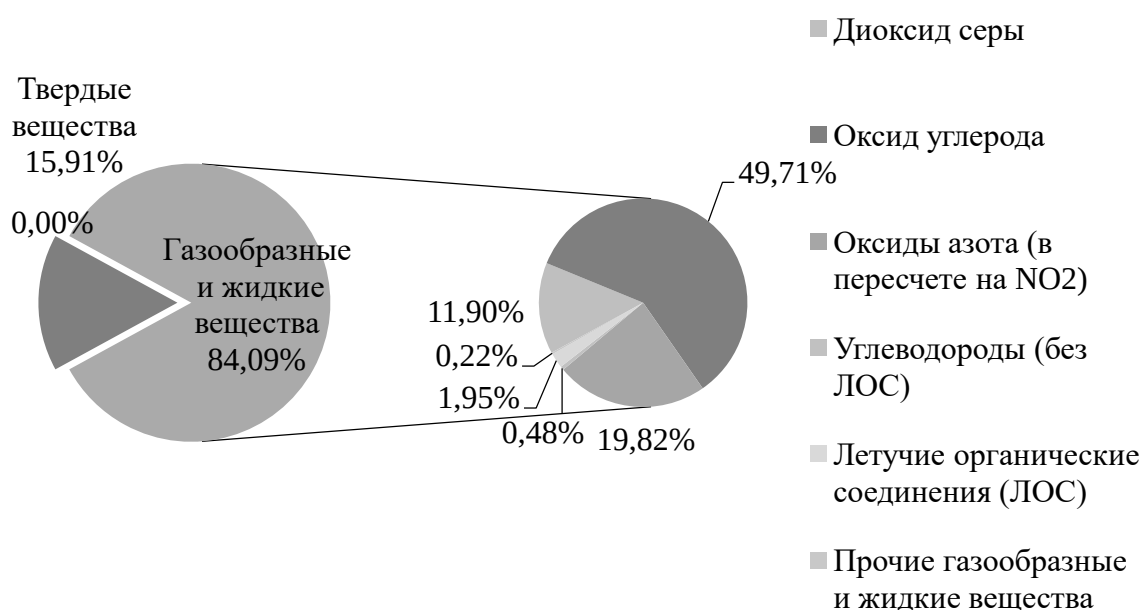

Рис. 2.12. Структура показателя «Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников» в Челябинском городском округе в 2017 г.

Проведенный анализ на основании разработанной авторами методики убедительно доказывает тот факт, что г. Челябинск является наиболее загрязненным центром Челябинской городской агломерации в Уральском федеральном округе из четырех анализируемых ядер-городов. Вертикальный анализ показателя «Выброшено загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников» в Челябинском городском округе показывает, что газообразные и жидкие вещества относятся к твердым в соотношении 84,09% к 15,91% (см. рис. 2.12). Структурный анализ газообразных и жидких веществ показывает, что значительная их доля приходится на: оксид углерода, диоксид серы, оксид азота и пр. Следует отметить, что преобладание оксида углерода связано, в первую очередь, по мнению авторов, с преобладающей специализацией г. Челябинска, ориентированной, в первую очередь, на металлургическую промышленность, химическое производство, предприятия угольного профиля и пр. Под этим углом зрения чрезвычайную актуальность приобретает утвержденная постановлением Правительства Челябинской области Государственная программа «Охрана окружающей среды Челябинской области» от 30 декабря 2019 г. №627-П, в рамках которой реализуются следующие подпрограммы:

- «Охрана атмосферного воздуха на территории Челябинской области»;
- «Организация системы обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными отходами, на территории Челябинской области»;
- «Охрана водных объектов на территории Челябинской области» и пр.

В стратегии социально-экономического развития города Челябинска на период до 2035 года фиксируется отрицательная экологическая ситуация в городе, которая значительно усиливает экономико-экологический, социальный риск муниципального образования. Под этим углом зрения усиление экологической безопасности выступает важнейшим ключевым направлением поступательного ускоренного роста городской агломерации, обеспечивающим положительные факторы для его дальнейшего функционирования и развития [124].

Наиболее значимые мероприятия политики охраны окружающей среды следующие.

1. Разработка и реализация мер поддержки предприятий, внедряющих в производство лучшие меры, направленные на сокращение экологическо-экономического риска, применение системы «зеленых стандартов», комплекса мер экологического менеджмента, экологического аудита и экологического страхования.

2. Внедрение мер стимулирования создания высокотехнологичных предприятий в сфере:

- изготовление средств производства по нейтрализации экологических рисков;

– производства систем мониторинга экологического состояния городской среды.

3. Совершение логистических процессов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами на основе цифровых технологий и цифрового моделирования:

- оптимизация маршрутов обслуживающей техники;
- ликвидация несанкционированных свалок;
- внедрение систем раздельной утилизации ТКО;
- модернизация строительства мусороперерабатывающих заводов и пр.

4. Ликвидация на территории городов золошлакоотвалов промышленных фирм.

5. Развитие городского электротранспорта: скоростного трамвая; монорельсового транспорта; активизация строительства метрополитена и пр. [139]

Это приобретает особую актуальность в связи с тем, что источниками значительного загрязнения в городской агломерации выступают не только стационарные, но и передвижные объекты. Как видно из структурного анализа состава загрязняющих веществ (см. рис. 2.12), наибольшую долю в выброшенных в атмосферу загрязняющих веществ занимает оксид углерода, который, в том числе, генерируется автомобильными транспортными средствами передвижения. Под этим углом зрения развитие электротранспорта в городских агломерациях имеет существенное значение.

6. Внедрение экологических стандартов в строительстве объектов недвижимости, а также предложение вариантов снижения потребления топлива для энергообеспечения строительных объектов [57]. Вполне очевидно, что величина энергосбережения будет зависеть от многих факторов (этажность жилого фонда, мощность и качество используемой энергетики, степень обеспеченности квартир электроприборами и пр.). Вместе с тем, внедрение «зеленых стандартов» в сфере строительства недвижимости ограничено вследствие действия определенных причин, наиболее важные из которых следующие:

- невысокая мотивация и заинтересованность предпринимателей;
- незначительное финансирование (прежде всего, долгосрочное кредитование);
- значительные риски строительства «зеленых» объектов;
- слабое внедрение инструментов и механизмов государственного и муниципального управления по внедрению энергоэффективных технологий;
- становление и развитие законодательной базы и государственной программы внедрения энергоэффективных технологий, направленных на реализацию политики поддержки энергоэффективного строительства в Российской Федерации и в УрФО.

7. Системное внедрение «зеленой экономики», основанной на всестороннем развитии отходов перерабатывающего сектора и перехода на замкнутый цикл производства.

Основные черты «зеленой экономики»:

- использование возобновляемых источников энергии;
- создание зеленых зданий и сооружений (энергосбережения в архитектуре);
- развитие чистых видов транспорта;
- очищение использования водных ресурсов и пр. [143]

В мировой и отечественной практике государственного и муниципального управления используются такие инструменты и механизмы «зеленой экономики», как:

- финансовые инструменты («зеленая» ипотека, «зеленый» кредит, углеродные финансы и пр.);
- экологическое страхование (углеродное страхование, «зеленое» страхование);
- инвестиционные финансы («зеленые проекты», «зеленая секьютиризация активов и пр.) [114, с. 15].

На наш взгляд, следует особо остановиться на практике «Зеленых проектов», портфель которых по возобновляемым источникам энергии, по оценкам некоторых экономистов, в 2015 году в Российской Федерации оценивался как 100 млрд. руб. Однако эту величину планируют увеличить до 3,5 трлн. руб. в 2025 году [75].

К весьма новым видам финансирования «зеленых проектов» относятся зеленые облигации (green bonds), которые за счет привлечения денежных средств направляют их на финансирование «зеленых проектов (новых или существующих).

Однако данные облигации должны отвечать следующим принципам:

- обязательное направление денежных средств, полученным эмитентом, на реализацию «зеленых проектов»;
- отражение в документах, касающихся эмиссии, критериев отбора инвестиционных проектов;
- наличие у эмитента специального счета, обособленного от других счетов, на который зачисляются средства от размещения зеленых облигаций;
- подотчетность, обязательный отчет эмитента перед инвестором [30, с. 64].

8. Создание научного Центра по специализации «Передовые экотехнологии» на основе консорциума университетов Челябинской области.

9. В условиях цифровизации экономики необходимо создать межведомственные координационные центры управления окружающей средой, которые обладали бы следующими функциями:

- мониторинг и эколого-экономическая оценка природно-ресурсного потенциала агломерации;
- определение критического уровня загрязнения окружающей среды путем использования нормативного метода;
- разработка концепции социально-экономического развития городской агломерации с учетом рационального использования природного потенциала;
- разработка региональных экологических программ и проектов, направленных на сокращение экологических рисков;
- формирование предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы;
- создание благоприятных финансовых условий рационального природопользования и пр.

Комплексная реализация этих мероприятий, направленных на укрепление экологической безопасности центрального города Челябинской городской агломерации, уменьшит уровень экономико-экологических рисков муниципального образования до допустимого значения.

2.4. Экологическая интенсивность как фактор обеспечения экономической безопасности региона (на примере Сибирского федерального округа)

Длительная реализация традиционных экономических принципов хозяйствования, нацеленных на максимизацию эффектов и результатов финансово-хозяйственной деятельности, таких как высокая окупаемость, самофинансирование, хозяйственная самостоятельность, устойчивый рост, привела к глобальным экологическим проблемам. Ущерб, наносимый природным экосистемам в процессе бесконтрольного и безответственного обеспечения роста национальных экономик ресурсоемкими и энергоемкими технологиями, сегодня проявляется в сокращении биоразнообразия, исчерпании природных ресурсов, естественному усилению парникового эффекта и, как следствие - изменение климата, ухудшение здоровья населения, ухудшения не только экономической, но и национальной безопасности.

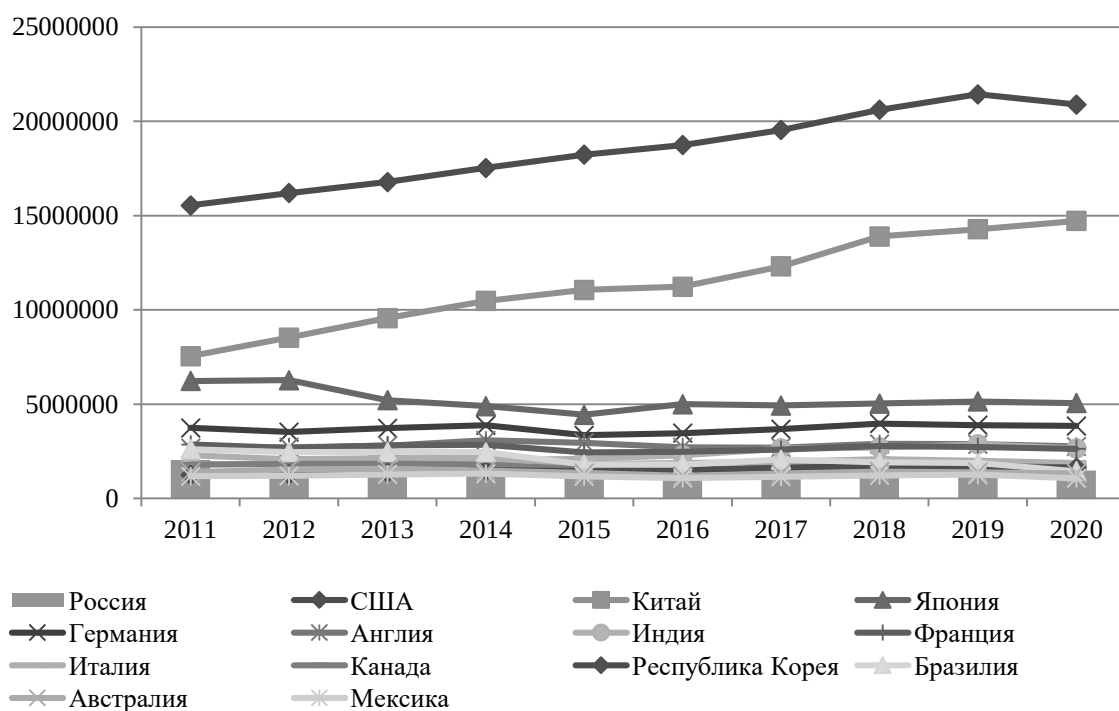
Осознавая катастрофический характер экологического кризиса, национальные и международные организации, правительства отдельных стран разрабатывают и реализуют глобальные и национальные стратегии и программы в сфере «зеленой» экономики. В Декларации Тысячелетия ООН в 2000 году в качестве одной из целей указывается обеспечение устойчивого экологического развития. В рамках Организации экономического сотрудничества и развития и на других международных площадках рассматриваются различные инициативы по созданию многосторонних механизмов климати-

ческого регулирования. На национальном уровне с экологическими проблемами страны также начинают системно работать. Например, Южная Корея с 2009 год на государственном уровне проводит существенные инвестиции в поддержку «зеленого» роста. С 2011 года в Китае определены и финансово поддерживается работа в секторе возобновляемой энергетики и «зеленые» технологии [16]. ЕС заключает соглашения для стимулирования работ по совершенствованию энергоемкостных технологий, например, Европа 2020 и Дорожная карта ресурсоэффективности [18]. В нашей стране проблемами сохранения национальной экологической безопасности системно на государственном уровне начали заниматься несколько позже, но примерно тогда же, когда и модернизацией экономики. Вот основные этапы: 2012 – Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года, в этом же году принят план ее реализации, 2018, принят национальный проект «Экология», стратегический документ, направленный на поддержание работ в сфере переработки отходов [106]. Сегодня, Россия является участником Рамочной конвенции ООН об изменении климата, Киотского протокола и Парижского соглашения [123], с 2021 года – принимает участие в Международной программе действий по климату ОЭСР.

В 2021 г. Правительство выступило с инициативным проектом «Экономика замкнутого цикла». Цель проекта – создание системы, при которой отходы получают вторую жизнь и станут не мусором, а полезным вторичным материальным ресурсом. Ожидается, что «Экономика замкнутого цикла» как индустрия способна к 2025 году формировать до 1 трлн. долл. США в год добавленной стоимости в мировой экономике. При этом сейчас всего 9% материалов в мировой экономике используется повторно. Это также мировой тренд, который характерен для всех стран мира.

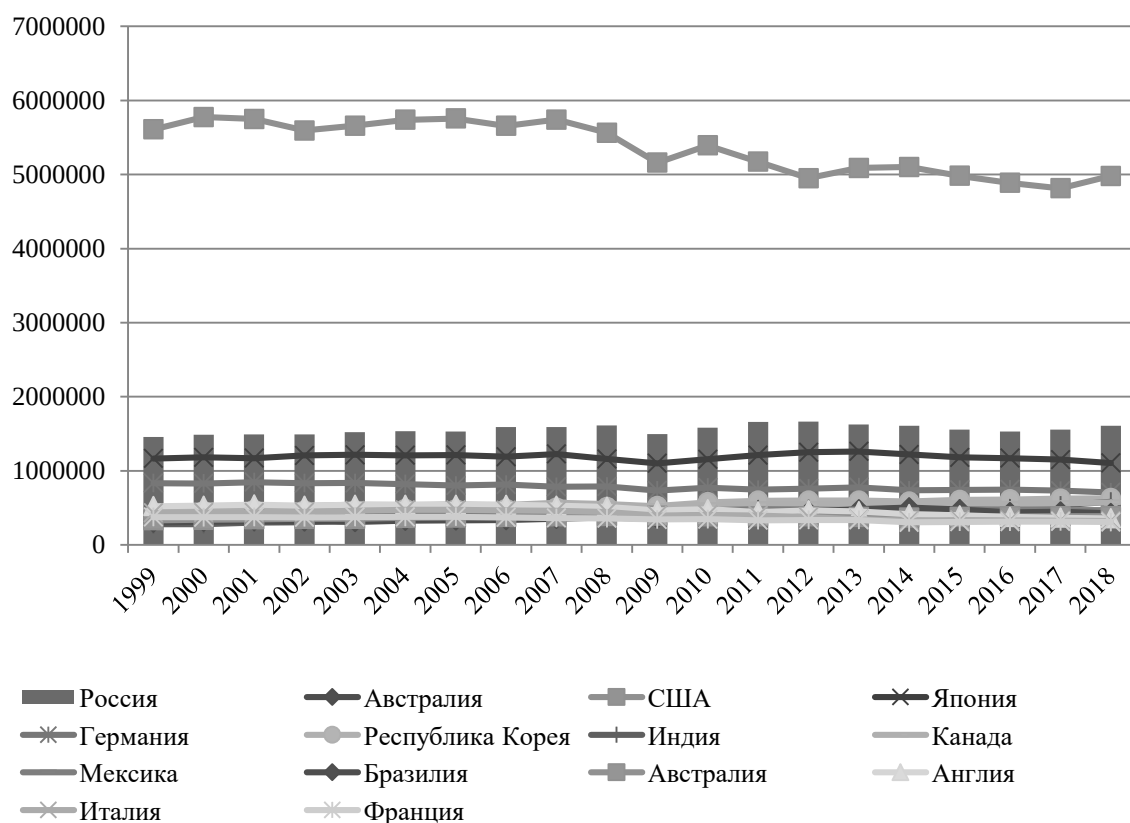
В России запущена реформа по обращению с отходами. Создана федеральная схема, охватывающая всю систему обращения с твердыми коммунальными отходами в масштабах страны. Строятся новые перерабатывающие мощности, обновляются сортировочные линии и парк техники. Развиваются новые виды деятельности по переработке остатков сырья одного производства для нужд другого.

На рис. 2.13 и 2.14 представлена динамика ВВП и выбросов CO₂. Независимо от объемов ВВП уровень выбросов CO₂ с 1999 до 2018 года в странах существенно не изменялся.

Источник данных: World Bank national accounts data [33]

Рис. 2.13. Динамика ВВП 14 крупнейших стран мира с 2011 по 2020 года

Источник данных: World Bank [4].

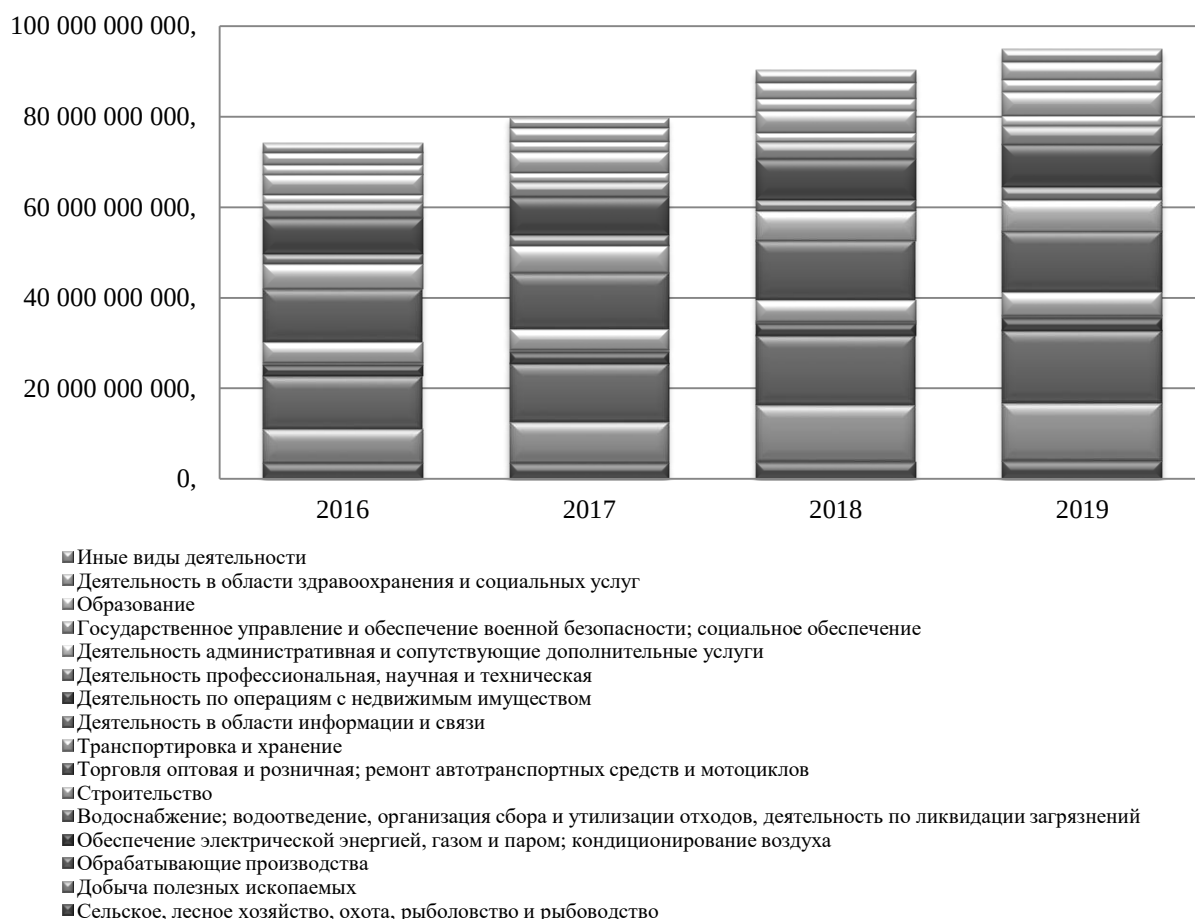
Рис. 2.14. Динамика выбросов парниковых газов 14 стран-лидеров по производству ВВП, тыс. тонн

Цель данного исследования – на основе оценки динамики эколого-экономических показателей СФО охарактеризовать его социально-экономические перспективы.

Экологическая повестка стала общемировым трендом в связи принятием того, что сохранение текущего уровня экономического роста не может быть обеспечено ставшими уже традиционными материалоемкими и энергоемкими подходами [19]. Осознание мировым сообществом необходимости изменения принципов финансово-хозяйственной деятельности пришло в конце прошлого тысячелетия [56]. Мировой опыт бережливого производства, ответственного хозяйствования один из основных источников исследований в реализации стратегий зеленого роста [26, 34]. Экономика России не так остро столкнулась с последствиями грязного экономического роста, как США и Китай [137], однако отечественные исследователи и бизнес-сообщество активно разрабатывают и осваивают зеленые технологии.

Одна из ключевых проблем российской экономики, связанных с особенностями природно-климатических условий и географического положения – ее высокая экоинтенсивность (природоемкость). В 2012 году в большинстве субъектов Федерации отмечалось, что более половины городского населения находилось в зоне высокого загрязнения атмосферного воздуха, не соответствовали требованиям экологической безопасности и условия хранения и захоронения растущие отходы хозяйственного оборота [103].

Для снижения ресурсоемкости отечественной экономики нужно усиление мер воздействия государственной политики в сфере энергосбережения энергетической эффективности в секторах экономики с наибольшим объемом потребления энергии, что отразится как на показателях как экономического роста, так и показателях экономической безопасности, прежде всего на показателях ВВП. На рис. 2.15 представлена динамика структуры ВРП России в разрезе видов экономической деятельности.

Источник данных: Росстат [61]

Рис. 2.15. Динамика структуры ВВП по видам экономической деятельности, тыс. руб.

В промышленности важным направлением повышения экономической эффективности является стимулирование развития и внедрения технологий, использующих в рамках производственного цикла вторичные энергетические ресурсы или вторичные ресурсы вместо традиционного (первичного) сырья (материалов). Однако осуществляемое государственное регулирование оставляет ряд нерешенных задач. Например, более половины многоквартирных домов в Российской Федерации являются энергетически неэффективными и потребляют вдвое больше энергии, чем их современные аналоги. Высокие классы энергетической эффективности (А, В и С) имеют не более 30 процентов ежегодно вводимых в эксплуатацию многоквартирных домов. Аналогичное состояние характерно для общественных и административных зданий. Инерционным сценарием не предусмотрены стимулирующие меры по снижению энергоемкости и углеродоемкости экономики Российской Федерации [123].

Зеленые инвестиции сегодня – это не благотворительность, а бизнес. Переход от традиционной экономики к зеленой экономике является финансово

обременительным, но в то же время он рассчитан на прибыльность. Например, как отмечали Wang Y. and Zadek S. [31], в период с 2004 по 2014 год, внешние прямые инвестиции – это бизнес-стратегия, в рамках которой внутренняя фирма расширяет свою деятельность в зарубежной стране посредством «зеленых» инвестиций в Китайской Народной Республике выросли очень быстро, достигнув 123,1 млрд долл. США. Другим примером может являться рыночная коммодификация (т.е. преобразование товаров, услуг, идей и людей в товары или объекты торговли) поглотителей загрязнения, таких как схема торговли квотами ЕС для торговли CO₂. Бизнес основан на определенном уровне торговли загрязнителями, за который они должны платить штрафы. Таким образом, небольшие компании могут продавать свою «квоту загрязнения» более крупным компаниям. Но эта бизнес-стратегия может работать только в краткосрочной перспективе, и вряд ли будет работать в долгосрочной, поскольку крупные компании будут продолжать производить более дешевые и более загрязняющие продукты – и быть более конкурентоспособными. Банки играют ключевую роль в «зеленых» инвестициях, поскольку они будут участвовать в финансировании проектов, выпуске акций, покупке кредитов, лизинге, ипотечных кредитах и т.д. В этом отношении, как отмечали Ganbat K., Porova I., Potravnyu I. [9], хотя есть высокая эффективность в решении социальных проблем, это все может привести к низкой рентабельности, снижению влияния инвесторов. В результате антропогенной деятельности произошел рост концентрации парниковых газов, отмечается в Стратегии [123].

На национальном уровне определена задача обеспечения государственных органов единой экологической информацией в режиме реального времени, поскольку существующие системы носят разрозненный характер. А без единого достоверного ресурса невозможно принятие оперативных управленческих решений по реагированию на экологические происшествия и предотвращение экологических катастроф. Таким ресурсом может стать комплексная информационная система мониторинга состояния окружающей среды. Использование всех источников информации позволит получить объективную картину состояния и загрязнения атмосферного воздуха, водных объектов и земель на территории всей страны [38].

Тренды отечественной экономики в целом соответствуют мировым тенденциям, но экономические цели нередко являются первичными по отношению к целям экономическим, что увеличивает риски обеспечения безопасности и устойчивого развития, для минимизации этих рисков необходима адаптация сфер государственного управления, отраслей экономики и региональной инфраструктуры к меняющимся климатическим условиям, что позволит обеспечить в будущем экономический рост [87].

Оценка экологической интенсивности экономического развития СФО проводится с помощью модели П. Виктора, описанной в монографии Дружинина П.В. [74].

Согласно концепции П. Виктора, зеленый рост экономики может быть определен как экономический рост более медленный, чем темп ослабления интенсивности загрязнения, в этом случае воздействие на окружающую среду, будет уменьшаться [28, 29].

В директивных документах общепринятым подходом является ориентация на рост ВВП. Однако рост ВВП может достигаться за счет ресурсоемкого, экологически «грязного» производства, обострения социального неравенства. Отечественная экономика – яркий тому пример: упавшие цены на нефть показали неустойчивость сложившейся и казавшейся успешной экспортно-сырьевой модели.

Далее рассчитываются показатели экологической интенсивности региональных экономик. В табл. 2.19 описана методика выявления характера эколого-экономического развития территории по темпам роста показателей экономического результата, экологической нагрузки и экологической интенсивности.

Таблица 2.19

Виды эколого-экономического развития экономики,
согласно подходу П. Виктора

Сравниваемые результаты	Характер изменения					
Экономический результат	Рост			Снижение		
Экологическая нагрузка	Снижение	Рост		Рост	Снижается	Снижается
Экологическая интенсивность	Снижение	Снижение	Рост	Рост	Рост	Снижение
Характеристика эколого-экономической динамики	«Черный» рост	«Коричневый» рост	«Черный» рост	«Черный» рост	«Зеленый» спад	«Абсолютно зеленый» спад

Оценим экологическую интенсивность экономического развития регионов СФО. Все расчеты в данном исследовании выполнены по данным официальной статистики, размещенной на официальном сайте Росстата, либо в базе данных ЕМИСС [61, 86, 122].

Выбор в качестве объекта исследования регионов Сибирского федерального округа обусловлен тем, что для большинства из них проблема негативного воздействия экономики на окружающую среду становится все более актуальной. По данным исследования, проведенного в 2021 году аналитической службой международной аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza [98] по объему выбросов только двух регионов: Красноярского

края и Кемеровской области, составляет около 20% относительно всех регионов, в том числе доля выбросов промышленных предприятий существенно превышает 90% (табл. 2.20).

Таблица 2.20

Выбросы загрязняющих веществ в СФО в 2019, 2020 г.*

Регион	Выбросы 2020, тыс. тонн	Прирост	Удельный вес региона по суммарным выбросам	Удельные выбросы на человека 2020, кг/чел.	Удельные выбросы на единицу площади 2020, тонн/кв.км	Доля выбросов предприятий	Доля выбросов транспорта
Российская Федерация	22 227	–2,3%	100,0%	151,47	1,298	76%	24%
Алтайский край	472	–0,3%	2,1%	203,9	2,812	37%	63%
Иркутская область	723	1,2%	3,3%	302,4	0,933	91%	9%
Кемеровская область	1 678	–8,3%	7,6%	631,7	17,538	96%	4%
Красноярский край	2 729	4,2%	12,3%	952,3	1,153	93%	7%
Новосибирская область	253	13,7%	1,1%	90,6	1,427	65%	35%
Омская область	214	–5,3%	1,0%	111,2	1,517	69%	31%
Республика Алтай	14	2,7%	0,1%	67,9	0,161	45%	55%
Республика Тыва	10	6,3%	0,0%	33,2	0,064	49%	51%
Хакасия	124	1,2%	0,6%	233,4	2,026	88%	12%
Томская область	248	–15,8%	1,1%	230,6	0,792	71%	29%
ИТОГО, СФО	6 471	–0,9%	29,1%	285,7	2,8	84%	16%

*Источник: исследование FinExpertiza.

По абсолютным показателям вредных выбросов в атмосферу со стороны предприятий и транспорта лидируют традиционные «передовики» тяжелой промышленности: индустриально развитый Красноярский край (2,7 млн тонн загрязняющих выбросов в 2020 году), где среди отраслей превалирует добыча металлических руд, а также угледобывающая Кемеровская область (1,7 млн тонн) Иркутская область (723,1 тыс. тонн), Челябинская область (564,3 тыс. тонн), Башкортостан (559,3 тыс. тонн), Оренбургская область (495,8 тыс. тонн) и Краснодарский край (477,3 тыс. тонн).

Для определения типа эколого-экономического развития экономики регионов СФО по показателям в качестве показателей экономического результата возьмем ВРП и показатель объема экспорта регионов. Экологическую нагрузку будем оценивать через показатель «количество отходов производства и потребления».

В табл. 2.21, 2.22 представлены значения темпов прироста по показателям ВРП, количество отходов производства и потребления, и объем экспорта.

Таблица 2.21

Темпы прироста в 2017–2019 годах ВРП, отходов производства и потребления*

Субъект РФ	Изменение ВРП, %			Изменение отходов производства и потребления, %			Изменение показателя отходы /ВРП (тонн/тыс.руб)		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Российская Федерация	1,9%	2,7%	1,6%	14,3%	16,8%	6,7%	12,2	13,7	5,0
Республика Алтай	–1,9%	4,5%	4,9%	–9,2%	212,9%	–87,4%	–7,4%	199,4%	–88,0
Республика Тыва	1,9%	0,2%	2,0%	–99,8%	23963,4 %	–25,3%	–99,8%	23927,2%	–26,8%
Республика Хакасия	0,1%	2,4%	2,5%	15,8%	22,2%	–0,9%	15,6%	19,3%	–3,3%
Алтайский край	0,7%	2,1%	2,1%	310,5%	–22,3%	3,8%	307,6%	–23,9%	1,6%
Красноярский край	3,3%	3,2%	0,2%	5,6%	32,7%	–1,1%	2,2%	28,5%	–1,3%
Иркутская область	3,0%	2,4%	2,1%	4,3%	38,3%	7,1%	1,3%	35,0%	4,9%
Кемеровская область	2,1%	1,9%	–0,1%	12,4%	14,5%	5,2%	10,0%	12,3%	5,3%
Новосибирская область	3,9%	3,5%	2,9%	1359,1%	–37,0%	8,6%	1304,0%	–39,1%	5,6%
Омская область	1,8%	0,0%	1,5%	7,8%	–11,7%	5,0%	5,9%	–11,8%	3,5%
Томская область	–0,9%	1,3%	0,7%	–17,0%	18,9%	111,5%	–16,3%	17,5%	109,9%

Источник данных: Росстат [86, 122].

Типы эколого-экономического развития экономики регионов СФО РФ в 2017–2019 годах, определенные на основе сопоставления динамики показателей Экономического результата (ВРП и объема экспорта), экологической нагрузки (количество отходов производства и потребления) и соответствующего показателя экологической интенсивности представлены в табл. 2.23.

Таблица 2.22

Темпы прироста в 2017–2019 годах объемов экспорта, отходов
производства и потребления*

Субъект РФ	Изменение экспорта, %			Изменение количества отходов производства и потребления, %			Выбросы /объем экспорта (тонн/тыс.дол)		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Российская Федерация	18,6%	32,1%	–24,6%	14,3%	16,8%	6,7%	–3,6%	–11,6%	41,5%
Республика Алтай	–17,8%	–11,6%	47,4%	–9,2%	212,9%	–87,4%	–27,6%	134,8%	–82,4%
Республика Тыва	–19,6%	171,1%	–23,3%	–99,8%	23963,4%	–25,3%	–99,8%	27122,3%	–49,3%
Республика Хакасия	42,6%	45,4%	–43,1%	15,8%	22,2%	–0,9%	44,0%	–54,9%	29,3%
Алтайский край	34,2%	24,9%	–16,9%	310,5%	–22,3%	3,8%	187,9%	–46,6%	82,3%
Красноярский край	28,1%	63,7%	23,4%	5,6%	32,7%	–1,1%	–21,3%	6,2%	19,0%
Иркутская область	21,5%	28,5%	–27,0%	4,3%	38,3%	7,1%	–14,2%	7,6%	46,7%
Кемеровская область	11,5%	25,4%	–21,1%	12,4%	14,5%	5,2%	0,8%	–8,7%	33,2%
Новосибирская область	41,0%	21,3%	–17,2%	1359,1%	–37,0%	8,6%	935,1%	–48,0%	31,2%
Омская область	11,0%	27,6%	–27,3%	7,8%	–11,7%	5,0%	–2,9%	–30,8%	44,4%
Томская область	15,6%	416,9%	–72,4%	–17,0%	18,9%	111,5%	–28,2%	–77,0%	667,7%

*Источник данных: Росстат [86, 98].

Результаты оценки экологической интенсивности регионов СФО не позволяют нам говорить о наличии системных признаков зеленой экономики территории СФО, Республика Алтай, Красноярский край продемонстрировали темпы роста экономики ниже темпов снижения интенсивности загрязнения и по ВРП, и по объему экспорта.

Для реализации долгосрочных задач развития территорий СФО, обеспечения национальной и региональной экономической безопасности, в состав приоритетных целей должны войти: устойчивое развитие, сбалансировано сочетающее экономические, социальные и экологические задачи. Все это предполагает изменение логики развития и измерения социально-экономических показателей. Акцент должен быть сделан на качественном развитии.

Таблица 2.23

Характеристика эколого-экономической динамики региона*

Регион	Эколого-экономическая динамика по ВРП/объему экспорта		
	2017	2018	2019
Российская Федерация	«Черный» рост/ «Коричневый» рост	«Черный» рост/ «Коричневый» рост	«Коричневый» рост/ «Черный» спад»
Республика Алтай	«Абс.зеленый» рост	«Черный» рост/ «Черный» спад	«Зеленый» рост
Республика Тыва	«Зеленый» рост/«Абсолютно зеленый» спад	«Черный» рост	«Зеленый» рост/ «Черный»рост
Республика Хакасия	«Черный» рост	«Черный» рост /«Коричневый» рост	«Зеленый» рост/ «Зеленый» спад
Алтайский край	«Черный» рост	«Зеленый» рост / «Коричневый» рост	«Черный» рост / «Черный» спад
Красноярский край	«Черный» рост / «Коричневый» рост	«Черный» рост	«Зеленый» рост
Иркутская область	«Черный» рост/«Коричневый» рост	«Черный» рост	«Черный» рост / Черный» спад
Кемеровская область	«Черный» рост	«Черный» рост / «Коричневый» рост	«Черный» рост /«Черный» спад
Новосибирская область	«Черный» рост	«Зеленый» рост /«Черный» рост	«Черный» рост
Омская область	«Черный» рост / «Коричневый» рост	«Зеленый» рост / «Черный» рост	«Черный» рост
Томская область	«Зеленый» рост /«Черный» рост	«Черный» рост / «Коричневый» рост	«Черный» рост

Источник данных: составлено автором по данным табл. 2.14, 2.21, 2.22.

2.5. Эколого-экономическая безопасность современной промышленной компании

Эффективное управление промышленной компанией в условиях современных вызовов способствует достижению тактических и стратегических целей технологического развития предприятий. В теории и практике экологического менеджмента различают несколько направлений объектного управления: операционный экологический менеджмент, инвестиционный экологический менеджмент, риск-менеджмент и др. Концентрация усилий в

определенном направлении зависит от специфики деятельности субъектов и ряда проблем, стоящих перед ними в тот или иной момент.

В последнее время промышленные компании основательно подходят к разработке экологической стратегии, которая, как правило, опирается на следующие параметры:

- в области операционного менеджмента, базирующегося на управлении финансовыми результатами основной производственно-хозяйственной деятельности, должна быть заложена стратегия снижения производственных издержек с учетом чувствительности операционных доходов на изменение цены и различных групп затрат; важнейшим критерием в этом направлении можно назвать экологичность производственных процессов, минимизацию потребления энергетических ресурсов;

- в области инвестиционного менеджмента должна разрабатываться стратегия инвестиционной деятельности, которая связана с выработкой правил мобилизации дополнительных финансовых ресурсов, направляемых в «зеленые» инвестиции;

- в области риск-менеджмента должна действовать стратегия управления рисками в неопределенной хозяйственной ситуации, основанная на прогнозировании экологических, антропогенных рисков и приемов по их нейтрализации.

В зависимости от масштабов предприятий и других факторов часто происходит структурная перестройка в управляющей подсистеме экологического менеджмента; в частности, аналитические функции выполняются в рамках подразделений компании, не имеющих прямого выхода на внешние организации, которые могут внести корректировки в производственный процесс в сторону уменьшения «углеродного следа». В условиях ухудшения общей экологической обстановки инструменты взаимодействия структурных подразделений крупных компаний и научно-исследовательских центров, специализирующихся на решении экологических проблем и разработке подзаконных актов в этих вопросах, могли бы значительно упростить переход отечественного промышленного комплекса к реализации политики декарбонизации «Net-Zero» к 2050 году, предполагающей сведение к «нулевой» отметке объемов выбросов загрязняющих веществ, в частности CO₂.

Эколого-экономическая система промышленных предприятий динамична по своему содержанию, многое зависит от системы внешних и внутренних факторов, которые способны оказывать влияние на деятельность хозяйствующих субъектов в направлении активного экологического менеджмента. К числу весомых внутренних факторов, зависящих от предприятия, относятся следующие:

- уровень глубины технологических процессов;
- структура выпускаемой продукции и доля высокотехнологичной продукции в общем объеме платежеспособного спроса;

- величина и структура издержек на решение экологических проблем, их динамика по сравнению с доходами;
- состав и структура «зеленых» финансовых ресурсов;
- квалификация персонала, причастного к области экологического менеджмента на уровне компаний;
- учетная политика предприятия;
- степень самостоятельности хозяйствующего субъекта при принятии программ оздоровления экологии.

Внешними факторами можно определить следующий блок:

- динамика и колебания платежеспособного спроса на продукцию с логотипом «эко»;
- фаза экономического цикла, что особенно важно сейчас, как негативное проявление последовательных волн распространения коронавирусной инфекции;
- налоговая и кредитно-денежная политика в отношении «грязных» типов организации производства;
- таможенное законодательство, в частности, разработка и введение «углеродных единиц»;
- общая геополитическая стабильность;
- система культурных экологических ценностей в обществе и др.

Важными внутренними факторами остаются состав и структура «зеленых» финансовых ресурсов, объем издержек и доходов предприятий. Оптимальность этих показателей определяется реализацией основных функций экологического менеджмента: управление производственными активами, экологизация технологического процесса, привлечение льготных источников финансирования в рамках «зелёных» проектов.

В процессе управления активами промышленной компании особое внимание необходимо уделять контролю за состоянием технологического процесса, в котором участвуют несколько связанных промышленных объектов, так как каждый из них на регулярной основе должен подтверждать соответствие экологическим стандартам. Статистика экологических инноваций российских компаний свидетельствует о недостаточной активности в данном направлении (рис. 2.16). Ситуация в области организации технологических процессов по улучшенным экологическим стандартам также требует усиления экологических мероприятий (рис. 2.17).

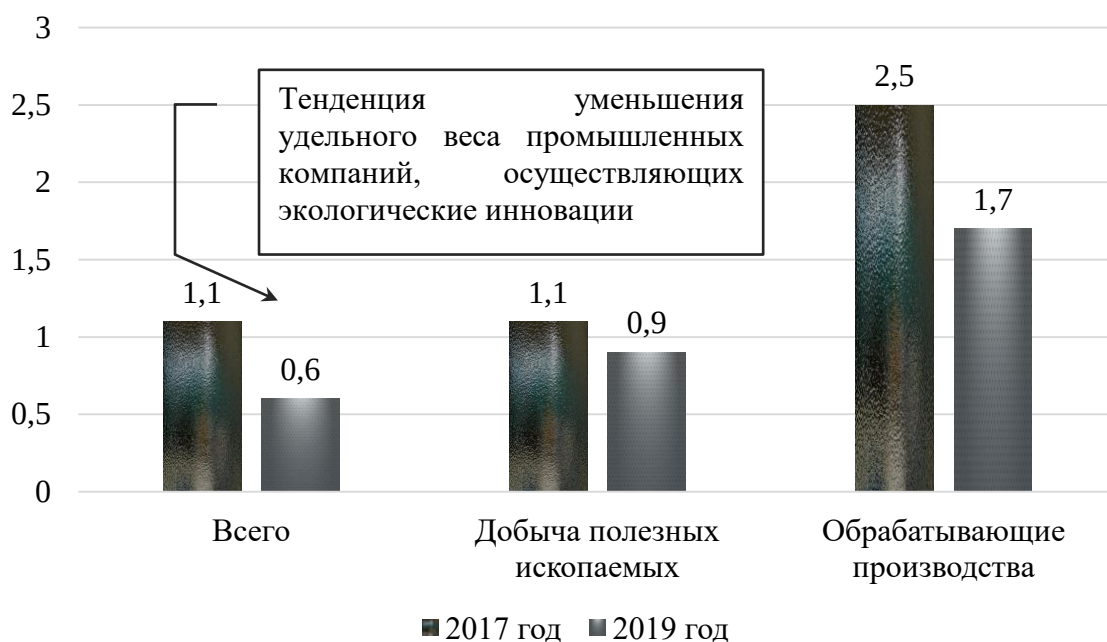

Рис. 2.16. Удельный вес российских организаций, осуществлявших экологические инновации в 2017, 2019 годах, в процентах от общего числа обследованных организаций (составлено авторами по [129])

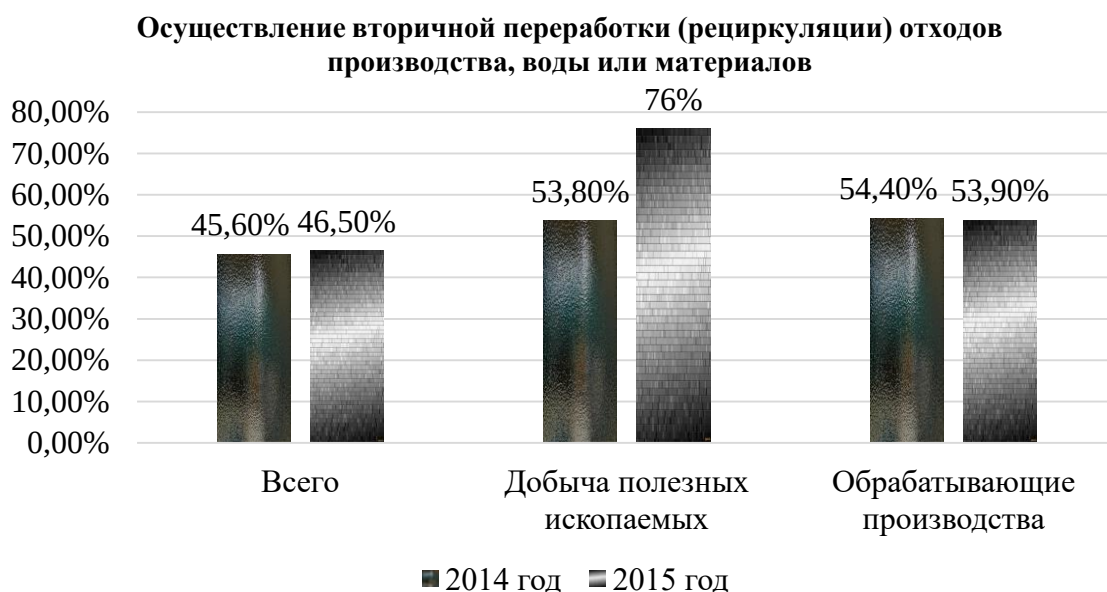

Рис. 2.17. Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, обеспечивающие повышение экологической безопасности в процессе производства товаров (работ, услуг) в 2014–2015 годы, в процентах от общего числа обследованных организаций (составлено авторами по [128])

Статистика европейских стран также доказывает актуальность усугубления экологической обстановки. В связи с тем, что основная часть промышленных объектов данного региона сосредоточена в крупных агломерациях, после частичного снятия ограничительных мер наблюдается рост промышленных выбросов в атмосферу (рис. 2.18).

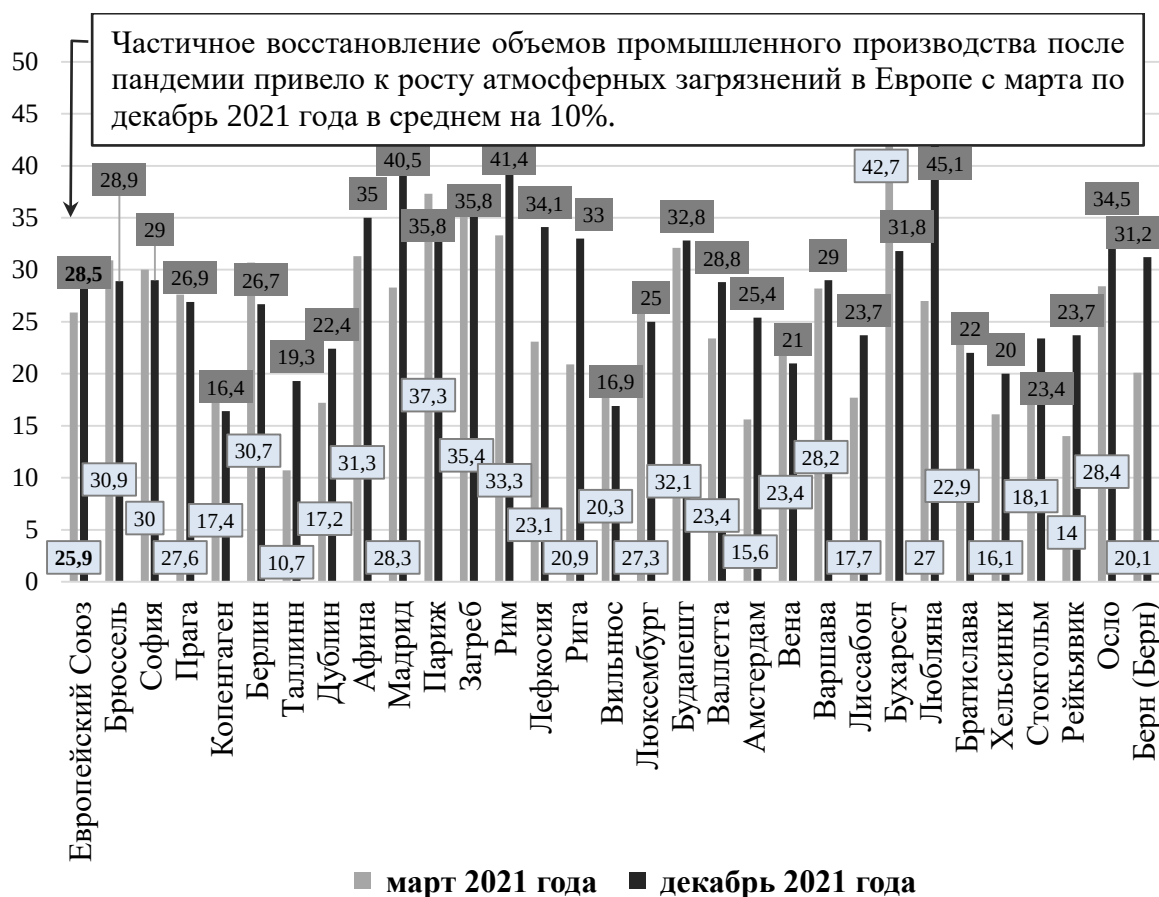

Рис. 2.18. Выбросы парниковых газов и загрязнителей воздуха. Концентрация диоксида азота в европейских столицах в марте и декабре 2021 года, в микрограммах на кубический метр (составлено авторами по [6])

Экологический сектор мировой экономики включает совокупность экологических благ (товары, услуги, объекты интеллектуальной собственности), которые могут быть применены в одном из трех направлений:

- измерение и сокращение объемов загрязнений;
- способствование сокращению выбросов посредством повышения ресурсоэффективности и отдачи от используемых сырья и материалов;
- предоставление возможности пользования природными ресурсами на условиях циркулярной экономики.

Валовая добавленная стоимость (ВДС) в экологической экономике стран ЕС имеет тенденцию к росту. В частности, в 2018 году объем НДС достиг

306799 млн. евро, или 2,27% валового внутреннего продукта (ВВП) европейских стран [10]. Наибольший удельный вес в структуре ВДС пришелся на компании сектора «производство электричества, газа, пара и кондиционирование воздуха; водоснабжение; канализация, управление отходами и восстановительные работы» (рис. 2.19).

Рис. 2.19. Структура валовой добавленной стоимости (ВДС) в экологической экономике стран ЕС в 2018 году, в процентах от общего объема ВДС (составлено авторами по [10])

Ставя акцент на обеспечении эколого-экономической безопасности, важно подчеркнуть, что именно компании энергетического комплекса находятся в эпицентре «зеленого» реформирования, так как, зачастую, включают в себя промышленные комплексы, интегрированные в общую технологическую цепочку, поэтому поддаются оценке «углеродного следа» на всех стадиях производственного цикла. Именно в компаниях данного комплекса стремление снизить экологические риски становится частью управленческой стратегии. В частности, американский многоотраслевой холдинг «General Electric Company» и Энергетический центр Cricket Valley (CVEC) приступили к реализации дорожной карты экологически чистых водородных технологий («H2 Roadmap») в рамках проекта по сокращению выбросов углерода на электростанции с комбинированным циклом CVEC (Довер-Плейнс, штат Нью-Йорк) (рис. 2.20).

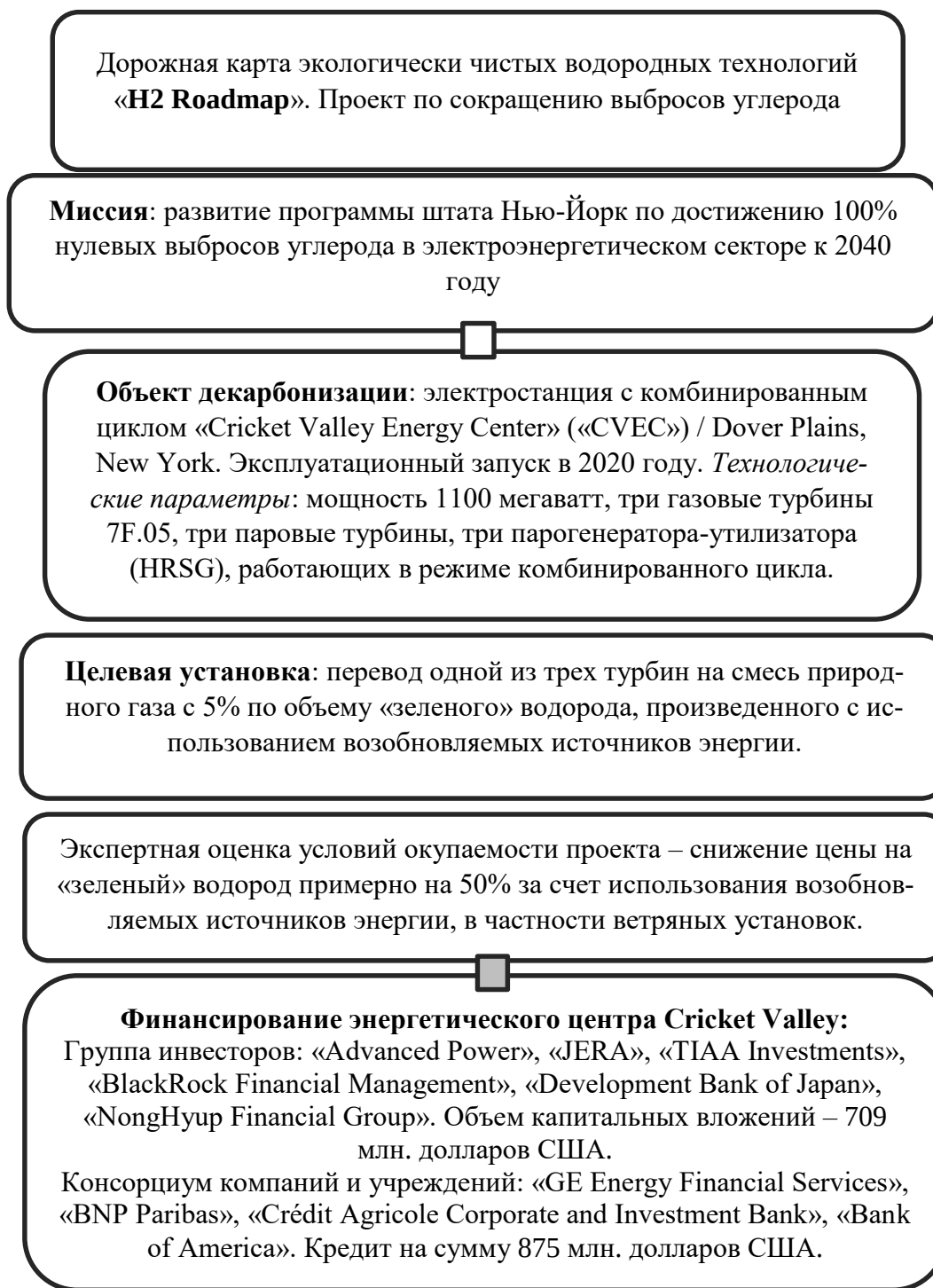

Рис. 2.20. Реализация экологической стратегии «General Electric Company» в рамках «H2 Roadmap» (составлено авторами по [21])

Экологические инвестиционные проекты с использованием ресурсосберегающих технологий замкнутого цикла проходят этапы реализации с учетом корректировки на финансирование. Изучение международного опыта в области экологизации позволило обобщить подходы к организации цифрового производства на основе совершенствования ключевых бизнес-процессов (табл. 2.24).

Таблица 2.24

**Обобщение подходов в области экологического менеджмента
промышленных компаний***

Научный подход	Характеристика	Авторы исследований
Разработка механизмов обеспечения устойчивости системы управления активами, включая их оценку	Развитие решений на базе факторов снижения рисков ESG (экологический, социальный и управленческий виды риска) для количественной оценки подверженности предприятий кризисным ситуациям	Т.Р. Назарова, Ж.Д. Османов [99]; B. Hubel, H. Scholz [13]
Разработка системы оценки ESG-целей и их влияния на рентабельность инвестиций всех участников интеграционных процессов	Распределение и унификация временных затрат на интеграцию активов с учетом типов сделок M&A (рассмотрение уровня идентичности целей компаний различной отраслевой принадлежности на одинаковых этапах слияния / объединения). Консолидация форм корпоративной отчетности	X. Feng [8]; E. B. Чипуренко, Т. В. Лисицкая [138]
Оптимизация производства и цепей поставок посредством логико-информационного и экономико-математического моделирования процессов	Прототип интеллектуального предприятия, ориентированного на непрерывное отслеживание производства и сбыта основной продукции, анализ изменения капитала через плечо финансового рычага, оценку динамики человеческого капитала, а также разработку и внедрение продуктовых и процессных инноваций	А.И. Шинкевич, Н.В. Барсегян [140]; O.V. Portna, N.Y. Iershova, D.A. Tereshchenko, O. R. Kryvytska [23]
Диверсификация финансовых продуктов и моделей рисков с учетом особенностей экономики замкнутого цикла	Моделирование факторов цифрового производства с учетом финансовых рисков и системы ценообразования, адаптированной к специфике циркулярной экономики (учет волатильности цен на сырье, расчет вероятности кредитного риска)	Е.А. Синцова [117]; L.V. Tashenova, A. V. Babkin, D. G. Mamrayeva [24]
Управление ESG-рисками в банковском менеджменте	Вариация кредитного риска по отраслям экономики, ужесточение программ кредитования корпоративных клиентов, оценка уровня ESG заемщиков в рамках программ долгосрочного кредитования	R.M. Bidder, John R. Krainer, A.H. Shapiro [1]; B. Д. Смирнов [119]
Проектирование «зеленой» транспортной инфраструктуры	Создание функциональных зон, эстетическое улучшение логистических узлов и транспортных развязок, как элементов экологического сервиса	C. Melo, I. Teotonio, C.M. Silva, Co. Cruz [20]
Управления человеческим капиталом, институтом стейкхолдеров	Формирование предпринимательских навыков среди сотрудников и населения, поддержание высокого социального уровня в регионах присутствия промышленных компаний	L. Guiso, L. Pistaferri, F. Schivardi [11]

* Составлено авторами по источникам.

Технологические проекты, в основе своей преследующие цель трансформации действующих технологий, требуют повышенного внимания со стороны всех служб промышленных предприятий, так как преобразования могут сопровождаться непредвиденными расходами в случае дефицита заложенных в бюджет средств и изменения сроков реализации. Практика разработки и внедрения «зеленых» технологий в последние годы стала основываться на сочетании традиционных и цифровых технологий, что позволяет сводить к минимуму сопутствующие инвестиционным проектам риски [68]. В случаях, когда промышленные компании по различным причинам не в состоянии самостоятельно реализовать отдельные этапы экологической стратегии, они могут обратиться к специализированным институтам, которые временно или на постоянной основе будут оказывать содействие, как в разработке инструментов энергоперехода, так и цифровом сопровождении технологического процесса. Для этого в современных условиях сложилась благоприятная обстановка.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках научного проекта №19-010-00081 «Технологическая интеграция в обрабатывающей промышленности в рамках приоритетов научно-технологического развития России» при финансовой поддержке РФФИ. Координатор: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия.

The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 19-010-00081 «Technological integration in the manufacturing industry in the framework of the priorities of scientific and technological development of Russia». Coordinator: Dostoevsky Omsk State University, Russia.

2.6. Эколого-экономический аспект экономической безопасности

Экологическая ситуация во многом определяет уровень экономической безопасности страны и отдельного региона. Так потоки миграции в регионе, когда из регионов с неблагоприятной экологической обстановкой происходит миграция населения, несмотря на общую экономическую стабильность региона. Печальным примером такого является Челябинская область, которая с одной стороны показывает стабильный рост валового регионального продукта, а с другой – стабильное сокращение населения. При этом экологическая ситуация ведет к сокращению населения как за счет роста миграции, так и за счет снижения продолжительности жизни.

Исходя из «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [131], целью системы обеспечения экономической безопасности регионов является достижение устойчивого роста экономики, которое заключается в удовлетворении потребностей населения региона, защищенность экономических интересов и способность территорий

сбалансировано развиваться не только в социальной и экономической, но и в экологической сферах.

Оценка экологической нагрузки на Челябинскую область была проведена с помощью расчета интегрального индикатора экологической безопасности социально-экономических систем региона, которую описали в своей научной статье «Оценка экологической безопасности муниципальных образований региона: система показателей, методика расчета, применение» представители Новосибирского государственного университета экономики и управления – «НИНХ» – В.В.Глинский, Л.К.Серга, М.С.Хван. Несмотря на название данного метода, он учитывает не только экологическую, но и экономическую и социальную составляющие региона. Данная методика учитывает три индикатора: уровень социально-экономического развития; уровень экологического состояния; уровень развития человеческого потенциала [63].

Исходные данные по Челябинской области были взяты из данных официальной статистики [126].

Показатели, которые негативно влияют на воздушную подсистему, среди которых выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от добычи полезных ископаемых, от обрабатывающих производств, от твердых отходов и т.д., были нормированы минимаксным методом (стандартная математическая методика нормирования показателей). Показатели, связанные с данной подсистемой возрастающей зависимостью, были приведены в сопоставимый вид, обобщенный индекс экологической безопасности рассчитывается как среднее арифметическое значение интегральных индикаторов по формуле, отходящих от стационарных источников, доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ в общем количестве отходящих от стационарных источников.

Показатели, наносящие вред земельной подсистеме, например, такие как образование отходов, земельная площадь сельскохозяйственных угодий, поскольку земля истощается, деградирует качественно и количественно, площадь, пройденная лесными пожарами, были нормированы так же минимаксным методом. А показатели, оказывающие положительное влияние на земельную подсистему (площадь рекультивированных земель, лесовосстановление, количество использованных и обезвреженных отходов, в целях снижения негативного воздействия отходов на здоровье человека и окружающую среду).

Использование свежей воды, сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, потери воды при транспортировке наносят существенный вред водной подсистеме, следовательно, при приведении данных показателей в сопоставимый вид был применен минимаксный метод. Показатель «объем оборотной и последовательно используемой воды», который характеризуется экономией забора свежей воды за счет применения систем

оборотного и повторного водоснабжения, связан с водной подсистемой возрастающей зависимостью, поэтому была применено вычисление среднее арифметического значения интегральных индикаторов.

Целью эколого-экономической подсистемы является обеспечение регионального экологического равновесия. Известно, что экономика направлена на удовлетворение потребностей общества, которые постоянно растут, стимулирую экономическое развитие. В свою очередь, это приводит к зависимости от природных ресурсов. Поэтому происходит диссонанс между экономикой и экологией: с одной стороны, экономика должна развиваться, с другой – это развитие негативно влияет на экологию

Для достижения равновесия необходимо обеспечить такой уровень развития, который бы подразумевал не только создание материальных благ, необходимых обществу, но и поддержание «в чистоте» окружающей среды.

Добыча полезных ископаемых, с одной стороны, позволила продвинуть цивилизацию и достичь нынешнего уровня, а также продолжительности жизни, с другой стороны – она приводит не только к истощению не возобновляемых источников энергии, но к загрязнению атмосферного воздуха, деградации почвы, загрязнению водного пространства. Данный показатель был нормирован по формуле убывающей зависимости, поскольку плата за допустимые и сверхнормативные выбросы загрязняющих веществ в водные объекты, в атмосферный воздух и др. экономически «компенсируют» вред окружающей среде от добычи полезных ископаемых, следовательно, данные показатели с эколого-экономической подсистемой связаны возрастающей зависимостью.

Аналогично и с валовым региональным продуктом, чем больше выпуск ВРП, тем выше объем выбросов. То есть данный показатель положительно влияет на экономический рост, но отрицательно – на экологическую ситуацию. Данный показатель был нормирован по формуле убывающей зависимости, поскольку текущие (эксплуатационные) затраты на охрану атмосферного воздуха, на сбор и очистку сточных вод, на защиту и реабилитацию земель, поверхностных и подземных вод и др., а также инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, на охрану атмосферного воздуха и др., позволяют уравновесить экономический рост, который достигается за счет ВРП, и влияние на экологию, следовательно, данные показатели были нормированы по формуле возрастающей зависимости.

Далее по формуле (2.11) были определены индикаторы воздушной, земельной, водной, эколого-экономической подсистем.

Обобщающий показатель подсистем находится по формуле (2.11).

$$I = \frac{1}{m+k} \times (\sum I_j + \sum (1 - I_j)), \quad (2.11)$$

где I – интегральный показатель j -й подсистемы (воздушная, земельная, водная, эколого-экологическая);

m – число позитивных показателей;

k – число негативных показателей;

I_j – стандартизированное значение j -го позитивного или негативного i -го показателя для j -й подсистемы.

Интегральный показатель экологической нагрузки был рассчитан по формуле (2.12).

Интегральная оценка уровня экологической нагрузки на экономику региона определяется с помощью полученных значений обобщающих интегральных показателей по каждой подсистеме по формуле (2.12).

$$I_{\text{инт}} = \sqrt[4]{I_{\text{возд}} \times I_{\text{зем}} \times I_{\text{водн}} \times I_{\text{экол-экон.}}} \quad (2.12)$$

где $I_{\text{инт}}$ – интегральный показатель оценки уровня экологической нагрузки;

$I_{\text{возд}}$ – обобщающий показатель воздушной подсистемы;

$I_{\text{зем}}$ – обобщающий показатель земельной подсистемы;

$I_{\text{водн}}$ – обобщающий показатель водной подсистемы;

$I_{\text{экол-экон.}}$ – обобщающий показатель эколого-экономической подсистемы

Результаты расчетов индикаторов подсистем и интегральный показатель экологической нагрузки на Челябинскую область за период 2014–2019 гг. представлены в табл. 2.25.

Из табл. 2.25 видно, что за период 2014–2019 гг. уровень экологической нагрузки на экономику Челябинской области был выше среднего или средним. Однако следует отметить, что экологическая нагрузка не достигла как очень низкого, так и не опускалась до очень высокого уровня.

Если анализировать результаты по каждой подсистеме, то можно сделать вывод о том, что в период 2016–2019 гг. наихудшие значения по эколого-экономической подсистеме, а также наблюдаются низкие значения показателей по воздушной подсистеме.

Таблица 2.25

Оценка экологической нагрузки на Челябинскую область, 2014–2019 гг.

Сфера	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Воздушная подсистема	0,373	0,404	0,578	0,656	0,600	0,600
Земельная подсистема	0,395	0,373	0,633	0,565	0,516	0,656
Водная подсистема	0,613	0,427	0,630	0,511	0,666	0,692
Эколого-экономическая подсистема	0,474	0,506	0,535	0,318	0,493	0,572
Интегральный показатель	0,455	0,425	0,593	0,496	0,565	0,628
Уровень экологической нагрузки региона	Выше среднего	Выше среднего	Средний	Выше среднего	Средний	Средний

На рис. 2.21 графически изображен уровень экологической нагрузки на Челябинскую область за период 2014–2019 гг.

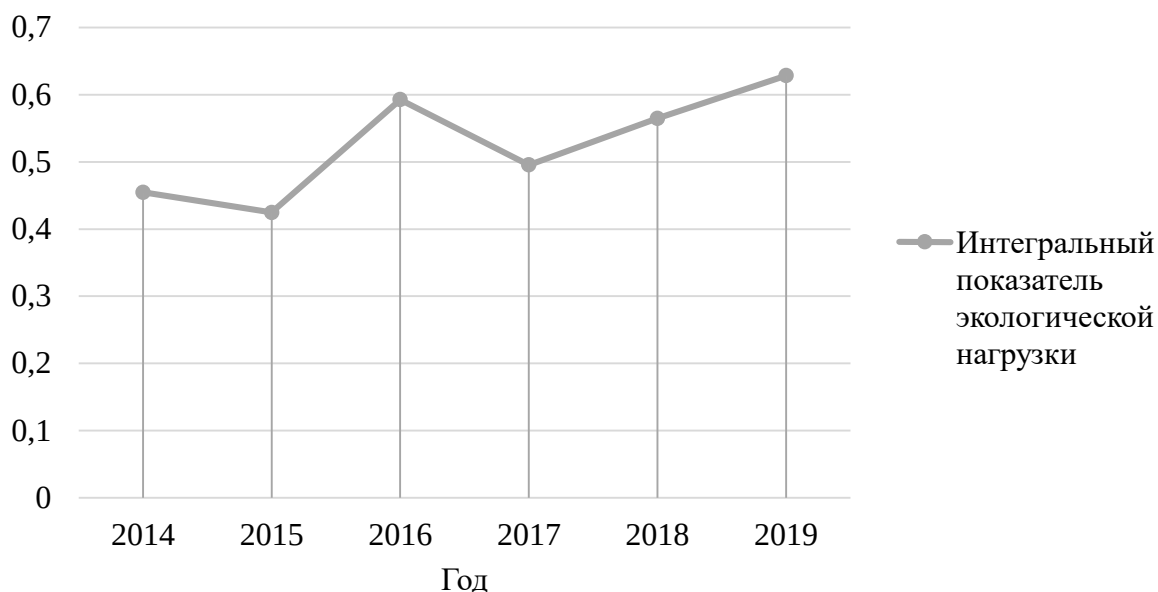

Рис. 2.21. Интегральный показатель экологической нагрузки на Челябинскую область, 2014–2019 гг.

Как видно, экологическая нагрузка в Челябинской области нестабильна, к тому же не имеет положительной тенденции, следовательно, ухудшаются и социальная и экономическая сферы.

Для сравнения была проведена аналогичная оценка экологической нагрузки на субъекты Уральского федерального округа.

Интегральные показатели экологической нагрузки субъектов УрФО за период 2014–2019 гг. представлены в табл. 2.26.

Таблица 2.26

Интегральный показатель экологической нагрузки субъектов Уральского федерального округа, 2014–2019 гг.

Субъект УрФО	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Курганская область	0,522	0,439	0,523	0,520	0,556	0,696
Свердловская область	0,322	0,484	0,545	0,427	0,622	0,674
ХМАО	0,530	0,679	0,468	0,495	0,434	0,589
ЯНАО	0,611	0,493	0,341	0,347	0,439	0,497
Тюменская область	0,416	0,435	0,337	0,489	0,492	0,374
Челябинская область	0,455	0,425	0,593	0,496	0,565	0,628

Для наглядности показатели интегрального показателя были изображены графически на рис. 2.22.

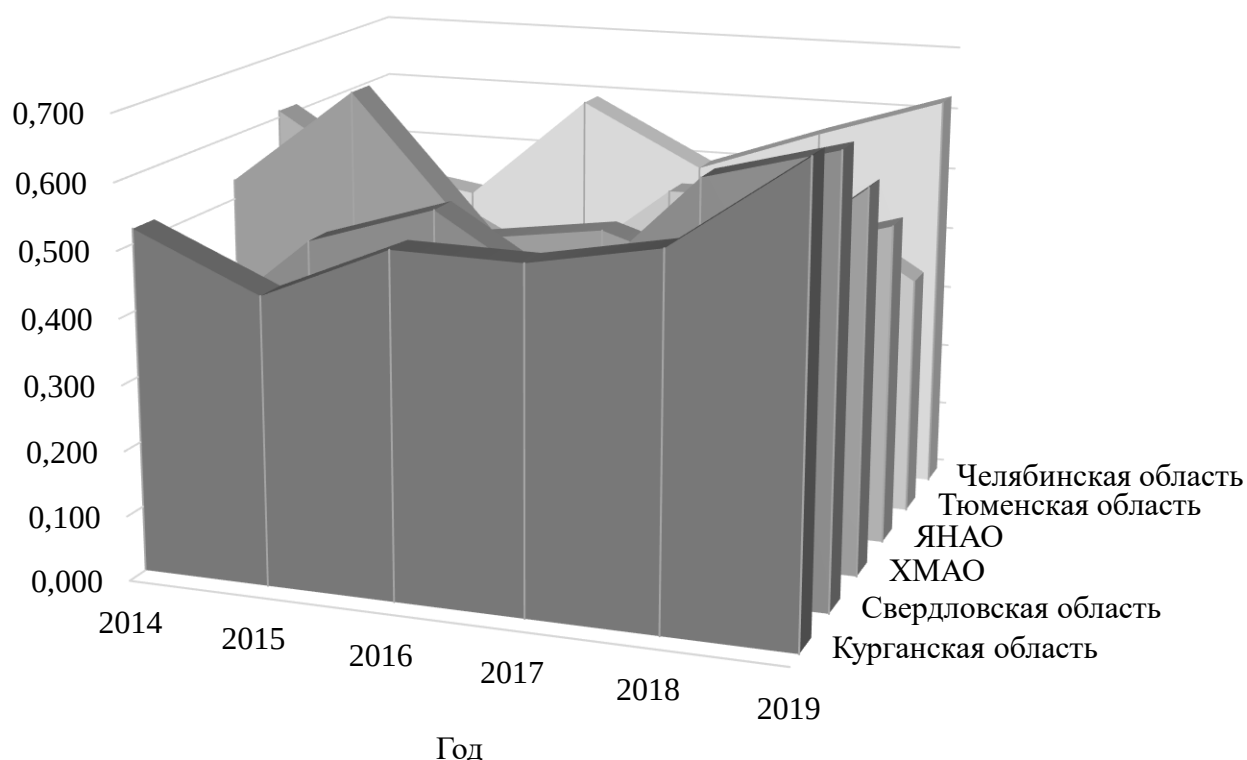

Рис. 2.22. Интегральный показатель экологической нагрузки на субъекты Уральского федерального округа, 2014–2019 гг.

На рис. 2.22 наглядно видно, что экологическая нагрузка субъектов УрФО нестабильна. В 2019 году наблюдается снижение экологической нагрузки на субъекты УрФО, за исключением Тюменской области. С 2014 года экологическая обстановка в ЯНАО и Тюменской области ухудшалась.

В Тюменской области экологическая нагрузка на экономику Тюменской области за весь анализируемый период выше среднего. В ЯНАО также уровень экологической нагрузки выше среднего, за исключением 2014 года.

Низкая экологическая нагрузка на субъекты УрФО наблюдается только в Курганской и Свердловской областях в 2019 году, в ХМАО – в 2015 году.

В целом по всем субъектам УрФО экологическая обстановка не имеет стабильной положительной тенденции.

Если брать средние значения интегрального показателя экологической нагрузки по всем субъектам Уральского федерального округа за 6 лет, то можно составить следующий рейтинг (от регионов с благополучной эколого-экономической обстановкой к наименее):

1. Курганская область.
2. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра.
3. Челябинская область.
4. Свердловская область.

5. Ямало-Ненецкий автономный округ.

6. Тюменская область.

Наиболее сильная экологическая нагрузка наблюдается в Тюменской области, наименее – в Курганской области.

Эколого-экономическая безопасность Челябинской области за период 2014–2019 гг. также была оценена также с помощью методики интегрального индикатора «экологическая безопасность региона» [63].

Был использован набор показателей, предложенный автором методики, однако такие показатели, как «число детско-юношеских спортивных школ» и «численность занимающихся в детско-юношеских спортивных школах» были заменены показателями «ВРП на душу населения» и «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» соответственно, в связи с тем, что информация по ним отсутствует в официальных источниках, к тому же, по мнению автора работы, ВРП на душу населения и ожидаемая продолжительность жизни при рождении более точно отражают уровень социально-экономического развития и развитие человеческого потенциала региона.

Были определены интегральные индикаторы конкретных факторов эколого-экономической безопасности Челябинской области, рассчитан обобщенный индекс экологической безопасности. Полученные результаты представлены в табл. 2.27.

Таблица 2.27

Оценка эколого-экономической безопасности Челябинской области,
2014–2019 гг.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Уровень социально-экономического развития	0,468	0,421	0,409	0,539	0,612	0,642
Уровня экологического состояния	0,369	0,619	0,657	0,526	0,494	0,435
Развитие человеческого потенциала	0,356	0,422	0,575	0,764	0,568	0,578
Обобщенный индекс эколого-экономической безопасности	0,398	0,487	0,547	0,610	0,558	0,552
Уровень эколого-экономической безопасности	Средний	Средний	Средний	Средний	Средний	Средний

За весь анализируемый период эколого-экономическая безопасность Челябинской области находится на среднем уровне, однако наблюдается нестабильная динамика обобщенного индекса эколого-экономической безопасности. Поэтому для наглядности на рис. 2.23 графически представлен уровень эколого-экономическая безопасность Челябинской области за 2014–2019 гг.

С помощью графика можно сделать вывод о том, что до 2017 года уровень эколого-экономической безопасности Челябинской области имеет положительную тенденцию, но с 2017 года уровень безопасности снижается (рис. 3.23).

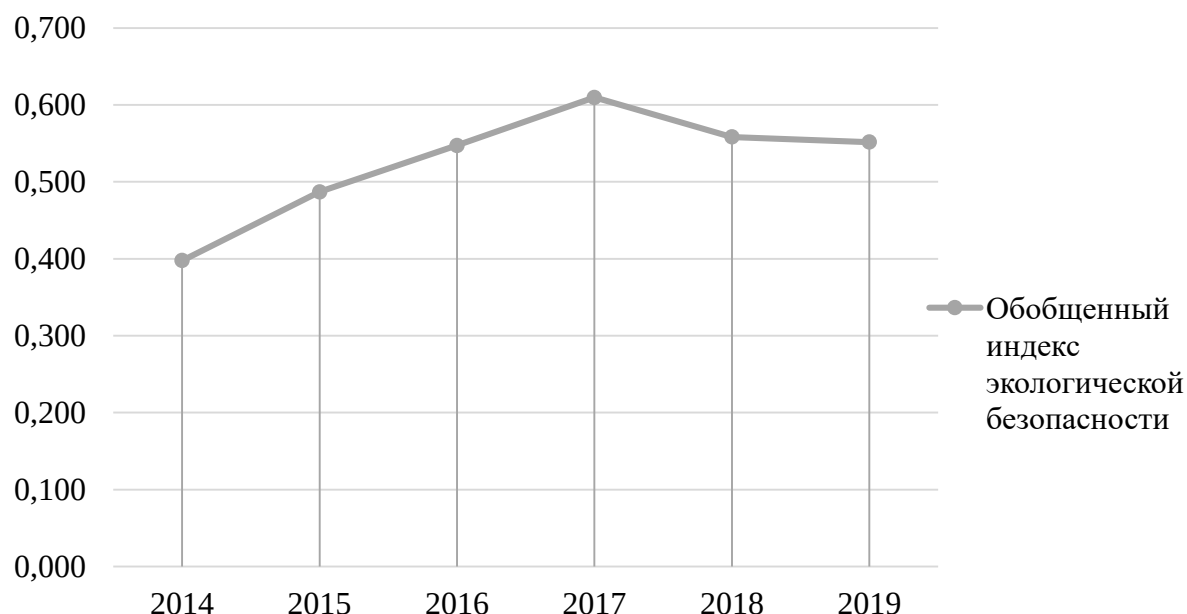

Рис. 2.23. Обобщенный индекс эколого-экономической безопасности Челябинской области

В табл. 2.28 содержатся данные обобщенного индекса эколого-экономической безопасности субъектов Уральского федерального округа за период 2014–2019 гг.

Таблица 2.28

Обобщенный индекс эколого-экономической безопасности субъектов Уральского федерального округа, 2014–2019 гг.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Курганская область	0,4622	0,4091	0,5266	0,5609	0,5744	0,5652
Свердловская область	0,4009	0,4003	0,4661	0,5397	0,6342	0,6626
ХМАО	0,2484	0,3894	0,4568	0,4542	0,5047	0,6742
ЯНАО	0,4748	0,4234	0,4912	0,4472	0,5884	0,6099
Тюменская область	0,3927	0,4231	0,5538	0,5486	0,4411	0,6058
Челябинская область	0,3977	0,4870	0,5472	0,6097	0,5583	0,5517

Для наглядности на основе табл. 2.28 был составлен график, который изображен на рис. 2.24.

Эколого-экономическая безопасность субъектов Уральского федерального округа в целом имеет положительный тренд, то есть безопасность увеличивается. Однако если рассматривать каждый субъект отдельно, то можно сделать следующие выводы: Курганская область, Ямало-Ненецкий

автономный округ, Тюменская область, Челябинская область имеют нестабильный уровень эколого-экономической безопасности, из года в год уровень безопасности Ханты-Мансийского автономного округа-Югры повышается, также положительную тенденцию с 2015 года имеет Свердловская область.

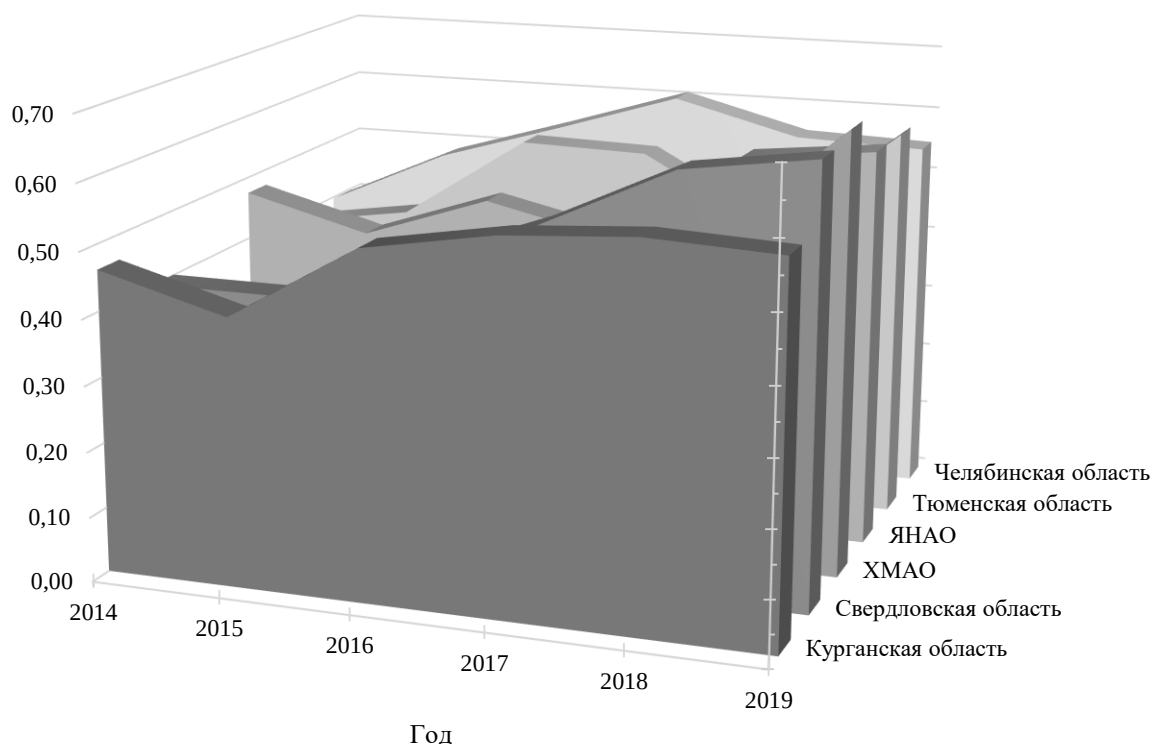

Рис. 2.24. Обобщенный индекс эколого-экономической безопасности субъектов Уральского федерального округа, 2014–2019 гг.

Средние значения обобщенного индекса субъектов УрФО за 6 лет показали, что наиболее высокий уровень эколого-экономической безопасности имеет Челябинская область, на втором месте – Свердловская область, далее Курганская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская область, самый низкий уровень эколого-экономической безопасности наблюдается у Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Результаты, полученные с помощью интегрального показателя экологической нагрузки и результаты обобщенного индекса эколого-экономической безопасности, отличаются. Это ожидаемо, поскольку используемые показатели различны. Интегральный показатель экологической нагрузки больше нацелен на экологическую составляющую, а обобщенный индекс эколого-экономической безопасности на социально-экономическую сферу.

В первой методике не оцениваются социальные показатели, такие как ожидаемая продолжительность жизни, общий коэффициент рождаемости, смертности и др., зато оценивается состояние воздушной, земельной, водной подсистем. А вторая методика оценивает экологическую сферу с помощью лишь пяти показателей, не учитывая при этом водную подсистему.

Для оценки эколого-экономической безопасности целесообразно было рассмотреть экологический рейтинг «Зеленый патруль». Рейтинг субъектов Уральского федерального округа по Российской Федерации за 2014–2019 гг. были взяты на официальном сайте Общероссийской Общественной организации «Зелёный патруль» [78] и представлены в сводной табл. 2.29.

Таблица 2.29

Экологический рейтинг «Зеленый патруль» субъектов Уральского федерального округа по РФ за 2014–2019 гг.

Место в РФ	Субъект РФ	Природоохранный индекс	Промышленно-экологический индекс	Социально-экологический индекс	Сводный индекс
2014 год					
19	Тюменская область	35/65	47/53	61/39	48/52
44	Ямало-Ненецкий АО	30/70	46/54	57/43	45/55
72	Курганская область	38/62	26/74	56/44	40/60
80	Челябинская область	24/76	47/53	41/59	37/63
81	Ханты-Мансийский АО	30/70	15/85	61/39	36/64
84	Свердловская область	32/68	28/72	36/64	32/68
2015 год					
14	Тюменская область	35/65	46/54	66/34	50/50
33	Ямало-Ненецкий АО	32/68	48/52	60/40	47/53
72	Курганская область	37/63	26/74	58/42	41/59
80	Ханты-Мансийский АО	28/72	17/83	66/34	39/61
84	Челябинская область	20/80	39/61	46/54	36/64
85	Свердловская область	35/65	32/68	39/61	36/64
2016 год					
9	Тюменская область	41/59	45/55	69/31	53/47
32	Ямало-Ненецкий АО	33/67	46/54	63/37	48/52
71	Ханты-Мансийский АО	28/72	20/80	65/35	40/60
77	Курганская область	34/66	26/74	56/44	40/60
84	Свердловская область	31/69	33/67	44/56	36/64
85	Челябинская область	16/84	37/63	48/52	35/65
19	Тюменская область	41/59	48/52	68/32	54/46
47	Ямало-Ненецкий АО	33/67	51/49	63/37	50/50
63	Ханты-Мансийский АО	33/67	29/71	67/33	45/55

Место в РФ	Субъект РФ	Природоохранный индекс	Промышленно-экологический индекс	Социально-экологический индекс	Сводный индекс
71	Курганская область	38/62	27/73	59/41	43/57
84	Свердловская область	32/68	32/68	44/56	36/64
85	Челябинская область	17/83	35/65	54/46	36/64
2018 год					
22	Тюменская область	44/56	50/50	70/30	56/44
45	Ямало-Ненецкий АО	33/67	52/48	65/35	52/48
65	Курганская область	38/62	30/70	63/37	47/53
68	Ханты-Мансийский АО	36/64	31/69	65/35	46/54
84	Челябинская область	18/82	37/63	57/43	38/62
85	Свердловская область	29/71	32/68	47/53	36/64
2019 год					
23	Тюменская область	48/52	54/46	73/27	61/39
45	Ямало-Ненецкий АО	39/61	57/43	68/32	56/44
67	Курганская область	41/59	32/68	67/33	50/50
74	Ханты-Мансийский АО	38/62	33/67	66/34	48/52
83	Свердловская область	33/67	42/58	56/44	44/56
84	Челябинская область	21/79	45/55	61/39	43/57

На протяжении всего анализируемого периода, согласно экологическому рейтингу «Зеленый патруль», Челябинская область находится или на последнем (85), или на предпоследнем (84) месте из всех субъектов Российской Федерации, за исключением 2014 года (80 место), что говорит о том, Челябинская область один из самых загрязнённых регионов в России.

Таким образом, был проведен анализ эколого-экономической безопасности Челябинской области в разрезе субъектов Уральского федерального округа за период 2014–2019 гг. разными методиками с использованием данных официальной статистики, с помощью оценки уровня экологической нагрузки в системе региональной экономической безопасности и интегрального индикатора экологической безопасности социально-экономических систем региона.

Уровень экологической нагрузки на экономику Челябинской области был выше среднего или средним. Однако следует отметить, что экологическая нагрузка не достигла как очень низкого, так и не опускалась до очень высокого уровня. Наихудшие значения по эколого-экономической подсистеме, а также наблюдаются низкие значения показателей по воздушной подсистеме. Экологическая нагрузка в Челябинской области нестабильна, к

тому же не имеет положительной тенденции, следовательно, ухудшаются и социальная и экономическая сферы.

В целом по всем субъектам УрФО экологическая обстановка не имеет стабильной положительной тенденции. Наиболее сильная экологическая нагрузка наблюдается в Тюменской области, наименее – в Курганской области.

Результаты, полученные с помощью второй методики, показали, что эколого-экономическая безопасность Челябинской области находится на среднем уровне, однако наблюдается нестабильная динамика обобщенного индекса эколого-экономической безопасности.

Средние значения обобщенного индекса субъектов УрФО за 6 лет показали, что наиболее высокий уровень эколого-экономической безопасности имеет Челябинская область. Самый низкий уровень эколого-экономической безопасности наблюдается у Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

Результаты, полученные с помощью интегрального показателя экологической нагрузки и результаты обобщенного индекса эколого-экономической безопасности, отличаются. Это ожидаемо, поскольку используемые показатели различны. Интегральный показатель экологической нагрузки больше нацелен на экологическую составляющую, а обобщенный индекс эколого-экономической безопасности на социально-экономическую сферу. Уровень экологической нагрузки на экономику Челябинской области был выше среднего или средним. Наихудшие значения по эколого-экономической подсистеме, а также наблюдаются низкие значения показателей по воздушной подсистеме. Экологическая нагрузка в Челябинской области нестабильна, к тому же не имеет положительной тенденции, следовательно, ухудшаются и социальная и экономическая сферы.

В рамках данного исследования в качестве базы для сравнения был взят экологический рейтинг, который составляется Общероссийской Общественной организацией «Зеленый патруль» и является независимым. Согласно данному рейтингу, Челябинская область находится или на последнем, или на предпоследнем месте из всех субъектов Российской Федерации, это свидетельствует о том, Челябинская область один из самых загрязнённых регионов в России. Важно не только анализировать состояние эколого-экономической безопасности, но и оценивать существующие и будущие риски. Полученные результаты, показали, что за период с 2014 по 2019 годы уровень экологической нагрузки на экономику Челябинской области был выше среднего или средним. Экологическая нагрузка нестабильна, к тому же не имеет положительной тенденции.

2.7. ESG-переход и новый инвестиционный цикл в России: региональная повестка

Мировой кризис, объективные предпосылки которого сложились к началу 2020-х годов, и пандемия COVID-19, спровоцировавшая его начало, критическим образом изменили ситуацию с инвестициями на всех уровнях от глобального до нано-. Особенности ситуации являются: начавшийся переход наиболее развитых стран к новому технологическому укладу, глобальная цифровизация и нарастание климатических проблем, расширяющаяся на все общественные отношения ESG-повестка, усиливающееся санкционное давление. Для России это означает обострившуюся проблему проведения «новой индустриализации».

Таким образом, актуализируется задача изучения проблем запуска нового инвестиционного цикла в российских регионах и выработки региональной инвестиционной политики. Задачами исследования являются: определение наиболее значимых трендов, характеризующих переход к шестому технологическому укладу, в контексте их влияния на формирующуюся региональную инвестиционную политику; раскрытие части проблем, решение которых должен обеспечить новый региональный инвестиционный цикл: проведение «новой индустриализации», обеспечение устойчивого сбалансированного роста регионов и гармонизацию интересов стейкхолдеров в региональном инвестиционном процессе. Решение названных проблем предлагается проводить с учетом ESG-факторов, отражающих современные требования к инвестициям. Особое внимание уделено институциональному обеспечению нового инвестиционного цикла. Предложены ESG-критерии в «FastTrack» для инвестиций в российских регионах.

ESG-переход и проблемы «новой индустриализации» в регионах России

Начало нового инвестиционного цикла в России, озвученное правительством М. Мишустина, совпало с мировым структурным кризисом. Вызванный пандемией COVID-19 кризис «сгладил проблему глобального перепроизводства и ярко обозначил переход к новой экономической реальности» [71, с. 87]. Несостоятельность прежних идеологических базисов (4-И, «умная специализация» и др.), на которых долгие годы строилась социально-экономическая, региональная и инвестиционная политика России, подвела многие ранее процветавшие промышленные регионы к рубежу, за которым может иметь место необратимая деградация.

Несмотря на то, что в последнее десятилетие наблюдается некоторое сближение российских регионов по доходам и нивелирование межрегиональной дифференциации, тем не менее среди стран БРИК, Россия имеет самый высокий уровень регионального неравенства [2]. Углубление социально-экономических диспропорций формирует глубокие структурные и параметрические противоречия и замедляет экономический рост [58, 5, 17].

Актуализируется задача выработки новой региональной инвестиционной политики, учитывающей как глобальные тренды мировой экономики, так и специфические региональные условия хозяйствования и институционального регулирования.

Для целей настоящего исследования региональную инвестиционную политику будем рассматривать как систему мер, реализуемых на уровне субъекта федерации и способствующих аккумулированию инвестиционных ресурсов и определению направлений их наиболее эффективного использования в интересах устойчивого регионального развития [112]. Одновременно делается акцент на том, что новая инвестиционная политика региона не может рассматриваться в отрыве от государственной инвестиционной политики и обязательно должна учитывать изменяющиеся условия в глобальной экономике. Практически все тренды, сформировавшиеся в мире обусловлены климатической повесткой и переходом к шестому технологическому укладу. Новые принципы инвестирования, так называемые ESG-критерии (environmental, social and governance), характеризующие «ответственные инвестиции» с позиции отношения к окружающей среде, социальным факторам и корпоративному управлению, становятся определяющими на мировых финансовых рынках.

Теория и методика исследования

Настоящее исследование опирается на теоретические положения отечественных и зарубежных авторов, в области региональной политики в контексте перехода к новому технологическому укладу. Акцент делается на необходимость имплементации ESG-принципов в региональный инвестиционный процесс. С инвестиционной точки зрения факторы ESG, особенно связанные с изменением климата, рассматриваются как потенциально важные факторы риска и доходности портфеля; с точки зрения региональной политики, – существует желание использовать финансовый вес институциональных инвесторов для поддержки глобальных соглашений, таких как Парижское [14]. Существенность ESG-факторов в инвестиционном процессе может варьироваться в зависимости от компаний, секторов, регионов, классов активов и временных горизонтов. Для этих факторов характерен системный характер. Они требуют скоординированного, многогранного реагирования со стороны инвесторов, властных и бизнес-структур. В России ESG-факторы находятся пока в центре внимания Банка России, финансовых структур и научного сообщества, но не принимаются в расчет при разработке государственной и региональной инвестиционной политики. Игнорирование ESG-повестки в новом инвестиционном цикле может негативно сказаться на эффективности привлечения инвестиций в регионы.

Задачами исследования являются, во-первых, определение наиболее значимых трендов, характеризующих переход к шестому технологическому укладу, в контексте их влияния на формирующуюся региональную инвестиционную политику; во-вторых, раскрыть часть проблем, решение которых

должен обеспечить новый региональный инвестиционный цикл: проведение «новой индустриализации», обеспечение устойчивого сбалансированного роста регионов; гармонизация интересов стейкхолдеров в региональном инвестиционном процессе.

В исследовании используются данные государственной статистики, официальных сайтов органов государственной власти.

Тренды шестого технологического уклада в региональной инвестиционной повестке.

Нынешний инвестиционный цикл, направленный на беспрецедентное расширение региональных инвестиций начинается в момент перехода к шестому технологическому укладу, основными трендами которого можно назвать следующие [39, 43, 58, 72, 69]:

- кардинальные технологические изменения (например, кастомизация производства, аддитивные технологии, материалы с заданными свойствами и проч.) породили новые принципы конкуренции, когда, с одной стороны, устраняются географические барьеры и вытесняются посредники из цепочек добавленной стоимости; с другой, – на государственном уровне принимаются решения, «замешанные» на протекционизме и санкциях;

- исчерпание резервов роста неолиберальной модели мироустройства обусловили критическое сжатие ранее обширного среднего класса, обладающего частной собственностью и стабильными средними доходами; углубившиеся социальная дифференциация, неравенство, безработица обусловили переход в режим самовоспроизводства таких негативных явлений, как международный терроризм, киберпреступность и проч., последние стали взаимосвязанными и взаимообусловленными;

- затухающая динамика цивилизационного развития, основу которой многие столетия составляли ссудный процент и экстенсивное расширение рынков ставит вопрос о переходе к новой цивилизационной парадигме, где моделирование и конструирование социальных изменений будет идти параллельно с нравственными и духовными изысканиями;

- существенная трансформация структуры ресурсов, формирующих конкурентные преимущества как на национальном, так и на региональном уровне, когда «стратегическими ресурсами становятся экологически чистые территории, пригодные для проживания и сельхоз освоения, питьевая вода, критические технологии, здоровье нации» [70];

- цифровая трансформация, открывающая эпоху Индустрии 4.0, Agriculture 4.0 и т.д., запустила процесс изменения бизнес-моделей развития различных отраслей и экономических систем на всех уровнях управления, обозначив в качестве особых требований к инвестициям ESG-факторы (environmental, social and governance).

Для России время «догонять» упущено. Необходимы инвестиции, обеспечивающие быстрый переход в шестой технологический уклад, иначе вместо получения «ренды развития» придется платить «ренту отсталости».

Сложность заключается в том, что это сделать надо, минуя пятый уклад. О запуске нового инвестиционного цикла официально было заявлено на сентябрьском 2020 года финансовом форуме в Москве. Именно к началу нового десятилетия износ основных фондов в национальной экономике подошел к критическому уровню. По данным официальной статистики в 2019 г. в целом по экономике он составил 46,8%; коэффициент обновления – 4,5%; коэффициент выбытия – 0,7%. Для сравнения: в 1990 году данные показатели составили соответственно 35,6%; 6,3%; 2,4% [88].

Учитывая глобальные тренды развития мировой экономики, в основе формирования региональной инвестиционной политики должны лежать принципы и критерии, отражающие ожидания:

- государственной власти в части обеспечения «новой индустриализации», выравнивания пространственной дифференциации в части экономического и социального развития при соблюдении экологических императивов;
- региона в плане реализации стратегий социально-экономического развития, повышения бюджетной эффективности, обеспечения эколого-экономической безопасности;
- бизнеса относительно возможностей модернизации производства, расширения экономических связей и кооперации;
- инвесторов в ожидаемом уровне доходности и получаемым дивидендам при соответствии инвестиций ESG-критериям;
- населения по развитию социальной инфраструктуры, повышению качества жизни.

Предпринимаемые руководством России попытки побудить бизнес к «новой индустриализации» и раскрутить маховик расширенного инновационного воспроизводства национальной экономики за тридцать лет реформ успехом не увенчались. Некогда практически однородное в экономическом и социальном контексте пространство Российской Федерации, связанное устойчивыми межрегиональными и отраслевыми связями, претерпело беспрецедентную дезинтеграцию. Отсутствие единой инвестиционной концепции субъектов мезоэкономики в части достижения целей регионального развития и слабая проработка вопросов стратегического планирования привели к разбалансированности и дифференциации регионов по социально-экономическому развитию, состоянию экологии и качеству жизни.

Новый региональный инвестиционный цикл обусловлен целым комплексом накопившихся проблем. Обозначим лишь три из них.

Первое. Необходимость проведения «новой индустриализации» национальной экономики, которая: формирует «новый тип производительных сил и новое качество производственных отношений», предполагает поток инвестиций, направляемых «не просто на финансирование инновационных технологических разработок» но должны носить ресурсосберегающий, эко-

гоориентированный характер» [71]. Новая индустриализация; отражает общемировой тренд к устойчивому развитию и «зеленой» экономике, то есть расширенному зеленому (экологичному) воспроизводству. Это особенно важно для старопромышленных регионов России, «для которых характерно: специализация на зрелых отраслях с высокой концентрацией крупных фирм, высокий уровень износа основных средств, слабое восприятие инновационных технологий, высокий уровень плотности населения; крепкие межобластные связи между поставщиками и покупателями; высокая концентрация индустриальной области производства, не соответствующей новым условиям; наличие экологических проблем» [72].

Например, величина износа основных фондов в середине 2010-х в Уральском федеральном округе, традиционно составлявшем промышленный базис национальной экономики, несколько раз превысила шестьдесят процентов (рис. 2.25). К 2020 году снизить показатель ниже уровня 50% удалось только в Челябинской и Тюменской областях (рис. 2.26).

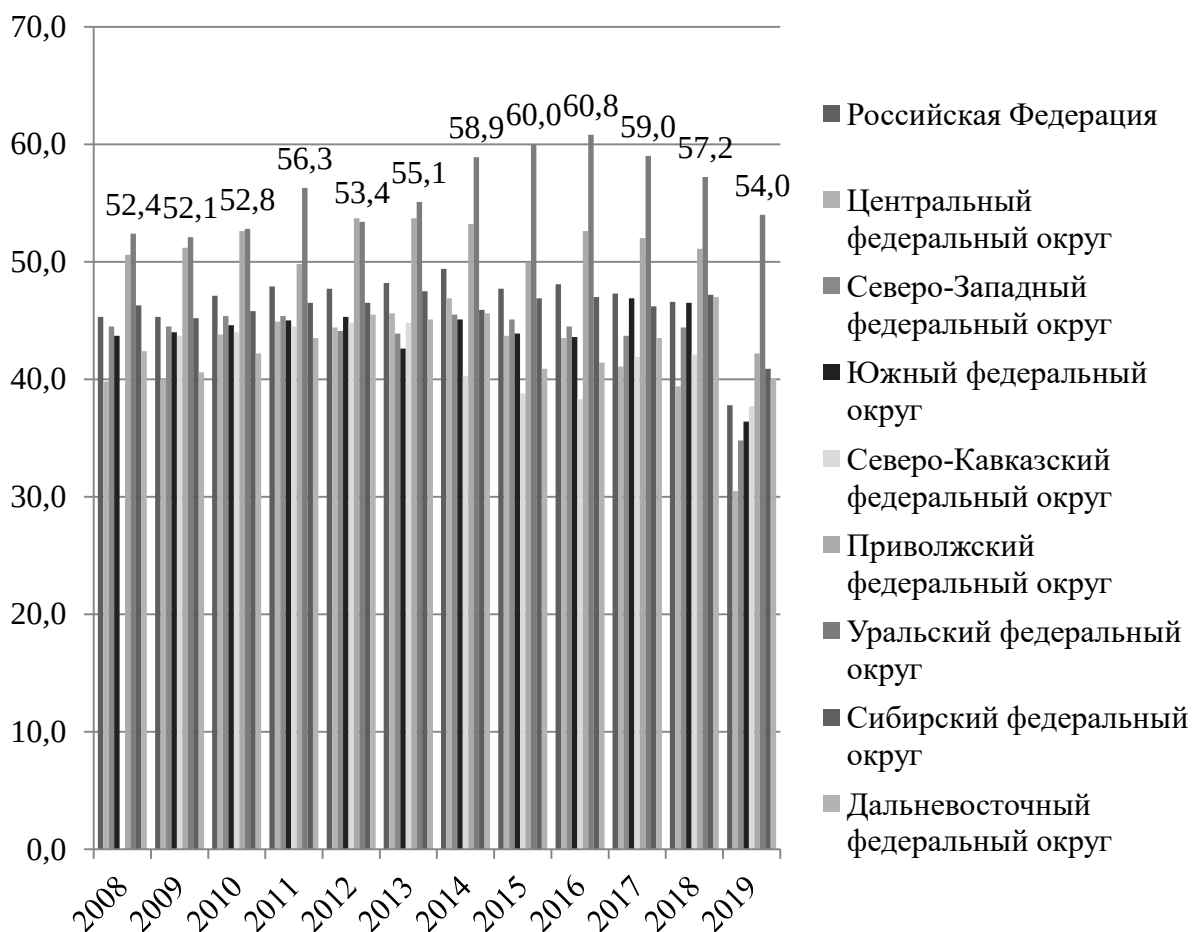

Рис. 2.25. Динамика износа основных фондов по федеральным округам, %

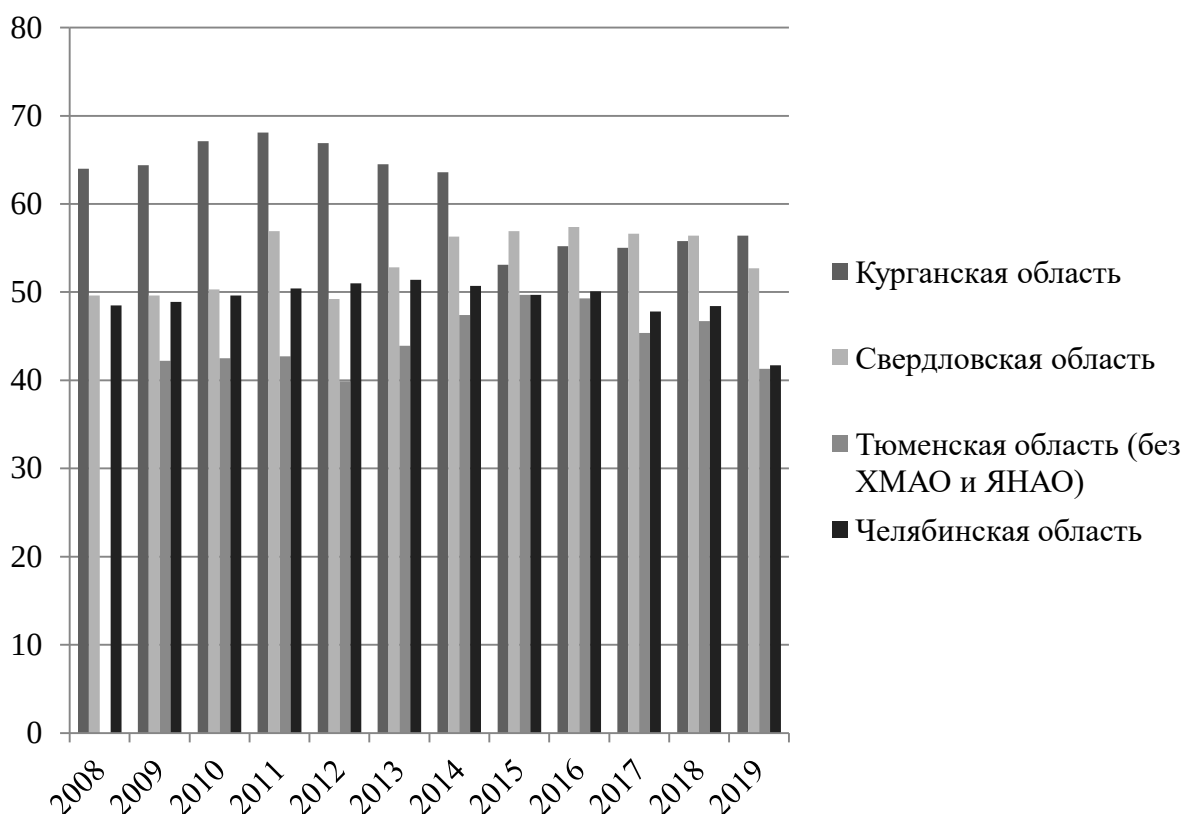

Рис. 2.26. Динамика износа основных фондов по Уральскому федеральному округу, %

Привлечение инвестиций в региональные капиталоемкие проекты напрямую зависит от действий субфедеральных властей, прямо и косвенно формирующих инвестиционный климат на региональном уровне. Так в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, оценивающем усилия властей в 2020 году, Челябинская и Тюменская области, потеряв несколько позиций в сравнении с 2019 годом, заняли соответственно 25 (–4 позиции) и 12 (–9 позиций) место. Смещение позиций свидетельствует не об ухудшении инвестиционного климата, а об улучшении инвестиционной ситуации в других регионах.

Второе. Безальтернативность обеспечения устойчивого сбалансированного роста регионов. Преодоление региональных диспропорций не должно идти вразрез решению накопившихся экологических проблем. Проблема эколого-экономической безопасности не должна перерасти в «эколого-экономическую псевдобезопасность» – состояние, когда «текущие показатели эколого-экономической безопасности не сигнализируют о предстоящей угрозе, но нехарактерная динамика или превышение предела их роста может спровоцировать утрату возможностей к устойчивому развитию региона вследствие нарастания структурных диспропорций факторов производства (материальных, нематериальных, неосязаемых)» [72].

Современный российский регион зачастую выступает самостоятельным субъектом экономических отношений, в том числе международных, заключаая экономические, культурные и прочие соглашения. С начала третьего тысячелетия, когда классические модели общественного воспроизводства безвозвратно рушатся, выстраивание новых должно идти с учетом возрастающих экологических рисков, а также с учетом того, что экологические факторы становятся самостоятельным фактором производства. Инвестиции субъектов федерации, затрагивающие интересы значительного числа стейкхолдеров, должны носить эколого-ориентированный характер и обеспечивать переход регионов к новому технологическому укладу в новом конкурентоспособном качестве.

Инвестиционная политика, проводимая на национальном и региональном уровнях должна учитывать происходящий в мировой экономике переход на принципы устойчивого развития, при этом должно иметь место комплексное понимание проблемы всеми стейкхолдерами, включая национальных институциональных инвесторов. Речь идет о том, что инвестиции оставляют ESG «след», который может быть отрицательным, нейтральным или положительным. Региональные инвестиции должны отвечать принципам ответственного инвестирования (ESG-finance), которым сегодня придерживается большинство зарубежных инвесторов.

Третье. Гармонизация интересов стейкхолдеров в региональном инвестиционном процессе. Значимой характеристикой многих регионов России, например уральских, является существенная зависимость от государственных интересов, при этом региональные интересы не должны вступать с ними в конфликт. Экономические и управленческие решения, принимаемые на федеральном уровне и имеющие существенные экологические последствия, должны в обязательном порядке согласовываться с интересами регионов и конкретных муниципалитетов [6], кроме того, действия властей должны быть синхронизированы с потребностями и интересами бизнеса.

Для решения проблем эколого-экономической безопасности региона необходимо исходить из того, что «единство интересов характеризует стремление формировать и совершенствовать институты эколого-экономической безопасности, объединять компетенции и полномочия в финансировании экономически и социально значимых экологических проектов и программ, при доминирующей роли центра в создании и соблюдении общих «правил игры» для сохранения единства экономического пространства» [6].

Таким образом, инвестиционная политика субъектов федерации, чтобы обеспечивать устойчивое привлечение не только отечественных, но и зарубежных инвестиций, наряду с традиционными критериями, должна соответствовать ESG-критериям.

Институциональное обеспечение нового инвестиционного цикла на федеральном и региональном уровнях

В числе институциональных мер, которые должны обеспечить запуск нового инвестиционного цикла, наиболее неотложными являются следующие.

Во-первых, должен быть создан комплексный механизм поддержки инвестиционных проектов, обеспечивающий защиту и поощрение капитальных вложений.

Во-вторых, в контексте интеграции в общенациональную повестку должны быть перезапущены институты развития. Проблема заключается в том, что ныне действующие в России институты развития (финансовые и нефинансовые) характеризуются «развитой по мировым стандартам инфраструктурой, но неразвитой системой целеполагания и низким уровнем прозрачности». В отличие от зарубежных институтов развития, у отечественных структур практически отсутствуют фундаментальные методики, определяющие порядок и структуру «стратегических целей и задач на институциональный и микро-уровень управления», и личная ответственность «представителей государства в наблюдательных советах институтов развития за недостижение установленных показателей» [81]. Невозможность в доступном виде провести просмотр и анализ условий и результатов финансирования порождает недоверие к власти, деформацию экономического поведения, искажение хозяйственно-поведенческих норм и «осозанный «нигилизм» российского бизнеса по отношению к своим предприятиям» [43].

В-третьих, для улучшения инвестиционного климата должны быть созданы новые инструменты поддержки ключевых для устойчивого сбалансированного развития направлений и сфер, причем акцент должен делаться на выравнивание экономического развития регионов.

Создание подобного механизма должно опираться на прочный институциональный фундамент. Его основу составляет ряд недавно принятых законодательных и нормотворческих инициатив, наиболее значимые из которых следующие.

1. Принятие в апреле 2020 г. федерального закона ФЗ № 69 «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» позволило ввести в правовое поле новую форму инвестиционного сотрудничества государства и бизнеса – соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), которое – с одной стороны, должно обеспечить стабилизацию законодательства; с другой, – возмещение расходов на создание и/или модернизацию инфраструктуры, потребности в которой возникают в процессе реализации проектов.

2. Постановлением Совета Федерации РФ от 8 июля 2020 года № 274-СФ «О предложениях Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по формированию концепции федерального бюджета на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» определена необходимость «стимулировать применение субъектами Российской Федерации ин-

вестиционного налогового вычета на своих территориях, в том числе обеспечив признание указанного вычета эффективной налоговой льготой». С этой целью предусмотрены «ежегодно начиная с 2021 года бюджетные ассигнования на частичную компенсацию выпадающих доходов бюджетов субъектов Российской Федерации от применения инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль организаций».

3. Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года №474 «О национальных целях развития Российской Федерации до 2030 года» определена необходимость в течение предстоящих десяти лет обеспечения реального роста инвестиций в основной капитал на 70%.

4. Создано Агентство инвестиционного развития (АИР)¹, призванное формировать дополнительные условия для инвестиций и капиталовложений на территории России. Здесь следует сделать акцент на том факте, что в качестве целевых приоритетов определены PR и GR сопровождение инвестиционных проектов; осуществление сделок с промышленной недвижимостью; инвестиционный девелопмент и консалтинг и т.д. В качестве целевой аудитории, с которой придется работать Агентству, рассматриваются потенциальные инвесторы из России, страны ближнего и дальнего зарубежья. В данном контексте важно учитывать, что теория и практика зарубежного и отечественного инвестиционного анализа динамично прогрессирует в направлении развития ESG-критериев.

5. Поручение Президента РФ от 26 июня 2021 г. №Пр-1096 «Перечень поручений по итогам Петербургского международного экономического форума»:

– *Пр-1096, п.2 з)* – «создать систему поддержки новых инвестиционных проектов (исходя в том числе из приоритетных направлений развития территорий субъектов Российской Федерации) и обеспечить её внедрение к 2024 году во всех субъектах Российской Федерации, в первую очередь в субъектах Российской Федерации, в которых привлечение инвестиций находится на низком уровне»;

– *Пр-1096, п.1 и)* – «обеспечить возможность реализации начиная с 1 июля 2022 г. на территории Российской Федерации климатических проектов по сокращению (предотвращению) выбросов парниковых газов и (или) увеличению поглощения парниковых газов, предусмотрев принятие необходимых нормативных правовых актов. Именно в этом пункте нашли отражения заявленные Президентом РФ на Саммите лидеров по вопросам климата положения».

Здесь следует отметить о произошедшей во всем мире за последнее десятилетие переоценке подходов к принципам инвестирования и стандартам

¹ Распоряжение Правительства РФ № 2286-р от 9 сентября 2020. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.09.2020 № 2286-р · Официальное опубликование правовых актов · Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru)

ведения бизнеса во всех сферах: в гражданском обществе, в бизнес среде и др. Политики, топ-менеджеры, собственники бизнеса, инвесторы, клиенты, сотрудники, – повсеместно признается растущий масштаб проблем устойчивого развития и рисков, связанных с климатическими изменениями. Переосмысленное понимание необходимости изменения принципов анализа рисков как финансово-экономических, так и нефинансовых, диктует необходимость гармонизации интересов общества и бизнеса, отодвинув на второй план цель получения прибыли. Эта новая парадигма выражается в понятиях, которые прочно вошли в корпоративную отчетность, ESG-рейтинги, в оценках аналитиков и инвесторов инвестиционной привлекательности компаний: «устойчивое развитие» («sustainable development», SD), «ответственное ведение бизнеса» («responsible business conduct», RBC), ESG-finance.

Таким образом, можно делать вывод, что в России на федеральном уровне заложена правовая основа для создания системы поддержки инвестиций – единого свода инвестиционных правил (алгоритмов), отражающих последовательность шагов и действий, которые инвестор должен предпринять для воплощения идеи в реальный проект.

Одним из институтов, который напрямую относится к запуску инвестиционного цикла являются институты национальных проектов, федеральных и ведомственных программ, обозначенные в майском 2018 г. Указе Президента РФ². Согласно данным Электронного бюджета за период 2019–2024 год в Российской Федерации предполагается реализовать 3692 региональных проекта на сумму 9 875 454,63 млн руб., в том числе возведено 7180 объектов капитального строительства.

В контексте запуска нового инвестиционного цикла следует назвать инициативы Минэкономразвития России, в частности проект «Fast Track для инвестиций в регионах (система поддержки средних инвестиционных проектов)» РГ01-ОС06- ПР02 [15].

«Fast Track» должен содержать правила формирования и внедрения стандартов запуска и сопровождения инвестиционных проектов, предусматривающих оптимальные «клиентские пути» инвестора (от идеи реализации проекта до его завершения). Именно здесь для ответственных и зарубежных инвесторов решающим аргументом при принятии инвестиционного решения могут стать ESG-критерии.

Здесь следует вспомнить опыт крупных советских предприятий, несущих значительную социальную нагрузку в регионах по содержанию объектов социальной инфраструктуры, особенно в «моногородах». Экономические реформы 1990-х, акционирование и приватизация проводились в условиях господства доктрины примата акционерной стоимости и социальная

² Указ Президента Российской Федерации №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

нагрузка существенно снижала инвестиционную привлекательность. Следствием этого стало демонстративное сокращение социальных расходов. В настоящее время, мировой тенденцией стала социальная ответственность бизнеса в регионах присутствия. Для инвесторов (частных и институциональных) компании-объекты инвестиций оцениваются с позиции ESG-принципов. Наличие у российских компаний собственных KPI в области ESG позволяет успешно взаимодействовать с инвесторами, в том числе на глобальном рынке капиталов. Пропаганда и расширение действия принципов устойчивого развития на национальном уровне актуализируются еще и потому, что, российский финансовый сектор в первую очередь должен быть представлен «внутренним», российским институциональным инвестором. Следовательно, методика «Fast Track» для инвестиций в регионах в обязательном порядке должна содержать ESG-критерии (табл. 2.30).

Таблица 2.30

ESG-критерии в «Fast Track» для инвестиций в регионах

«Fast Track»-позиция	Раскрытие «Fast Track» позиции	ESG-критерии (авторские предложения)
Инвестиционная декларация субъекта Российской Федерации	персональные обязательства Главы региона перед инвесторами о незыблемости мер государственной поддержки и условий ведения бизнеса, учитывая специфику каждого региона, а также содержащей конкурентную/систематизированную информацию приоритетных направлений, инвестиционном потенциале и другую информацию, необходимую инвесторам для принятия решений о вложении инвестиций в проекты	целесообразно дополнительно включить: – декларацию о приверженности ESG-принципам, поддержке и содействию «ответственному», «зеленому» и «устойчивому» инвестированию; – перечень экономических субъектов из списка 300-минприроды, действующих на территории субъекта федерации
Инвестиционная карта субъектов Российской Федерации	содержит информацию о перспективных планах пространственного развития каждого региона (включая информацию о ресурсной базе и об обеспеченности инженерной и транспортной инфраструктур, строительных площадках), о мерах поддержки, а также информацию о полезных ископаемых и подрядных организаций	должна содержать информацию: о предприятиях-загрязнителях из списка «трехсот» Минприроды РФ которым требуются инвестиции для внедрения наилучших доступных технологий; о проблемах эколого-экономической безопасности региона и перспективных планах решения этих проблем посредством реализации инвестиционных проектов на территории региона

«Fast Track»-позиция	Раскрытие «Fast Track» позиции	ESG-критерии (авторские предложения)
Свод инвестиционных правил	определяет оптимальный пошаговый алгоритм действий («клиентский путь») инвестора (в ключевых ситуациях, например получение разрешений, присоединение к сетям и т.д.), планирующего реализацию инвестиционного проекта на территории субъекта Российской Федерации	наряду с определением оптимального алгоритма действий («клиентский путь») инвестора, должен содержать требования ESG-критериев по конкретным отраслям и сферам
Инвестиционный комитет региона	консультационный механизм коммуникаций инвесторов и региональных властей (консультационные и координирующие органы): в части фиксации проблем, возникающих у инвесторов на региональном уровне	целесообразно: – в нормативных документах, регулирующих деятельность (соответственно Положению об Инвестиционном комитете или Агентства развития) следует указать на обязательное участие данных структур в организации, обеспечении разработки и финансировании крупных проектов, направленных на развитие экономик территорий в соответствии с ESG-критериями, в том числе на принципе государственно-частного партнерства; – в составе членов данных структур на постоянной или ассоциированной основе должны присутствовать лица, способные дать квалифицированную оценку региональным инвестиционным проектам на предмет их соответствия ESG-критериям
Агентство инвестиционного развития субъекта федерации	осуществляющих функции операционных центров сопровождения инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации;	

В проекте «Fast Track для инвестиций в регионах отдельно следует указать на такой формальный институт, как «инвестиционная декларация региона». В контексте запуска нового инвестиционного цикла в регионах России, инвестиционная декларация должна стать «обязательством региона перед инвестором» и «гарантией губернатора как представителя субъекта России инвестору о незыблемости мер государственной поддержки и условий ведения бизнеса» [94]. Декларация призвана формировать имидж региона в лице региональной власти как надежного партнера и защитника прав и ин-

тересов инвесторов на национальном и международном уровне. В декларации установлены принципы взаимодействия властных структур, предпринимательского и инвестиционного сообщества: равенство, вовлеченность, прозрачность и лучшие практики [121].

Декларация, содержащая восемь блоков, должна: во-первых, отражать инвестиционные приоритеты в части территорий, отраслей, технологий опережающего развития, осваиваемых видов продукции (работ, услуг), планируемых к реализации проектов; во-вторых, включать комплекс мер (целевых программ, проектов, мероприятий), взаимоувязанных по целям и задачам, срокам и ресурсам. Особое место должно быть уделено политико-экономической ситуации, эффективности «использования региональными и муниципальными властями своих полномочий, в том числе, по обеспечению солидарности представителей различных общественных и политических групп в развитии экономики региона» [65]. В первой части, описывающей регион, определены его конкурентные преимущества, раскрываемые в контексте инвестиционной привлекательности; во второй – отражен региональный опыт реализации инвестиционных проектов.

В инвестиционной декларации, адресованной бизнесу и инвесторам, должны быть: во-первых, четко сформулированы перспективы и потенциал развития региона, инвестиционная стратегия, конкурентные преимущества, ключевые характеристики; во-вторых, меры поддержки со стороны государства, условия их применения и сроки действия); сформирована матрица преференций, позволяющая сравнивать проекты по таким критериям, как минимальный размер вложений, требованиям к участникам и обязательствам. Данные в декларации должны основываться на показателях, представленных Росстатом, Минстроем и пр. и имеющих прозрачные методики расчета.

Инвестиционная стратегия региона, входящая составной частью в инвестиционную декларацию, как правило, имеет рамки: институциональные (совершенствование нормативной базы и ее правоприменение) и временные, ограничивающие горизонт стратегического планирования. В ней должны быть отражены: оценка качественных и количественных характеристик воспроизводственного процесса региона, включая имеющиеся ресурсы; прогнозные сценарии развития экономики на мезо-, макро- и глобальном уровнях, определяющие наиболее значимые факторы, способные повлиять на процесс реализации региональной стратегии. Традиционными пунктами Инвестиционной стратегии являются: принципы сотрудничества территориальных органов власти и местного самоуправления со стейкхолдерами в части формирования инвестиционного климата; план мероприятий (программы, проекты, законодательные инициативы и проч.); графики и регламенты контроля исполнения и пересмотра стратегии; конкретные лица, ответственные за реализацию конкретных мероприятий; требования к реализации и публикации отчетов и проч.

Институт «инвестиционной декларации региона» призван обеспечить доверие инвестора к государству. Учитывая различие правовых норм на региональном уровне, инвестиционная декларация должна в точности соответствовать региональным законам и нормативным правовым актам.

В данном контексте следует учитывать, что для инвестиций характерна чрезвычайная чувствительность «к условиям инвестирования: стабильности и предсказуемости макроэкономической политики, уровню вмешательства государства в экономическую деятельность, степени изменения национальных стандартов с международными, процедур согласования инвестиционных проектов, адекватности законодательства о защите инвестиций и т.д.» [144]. Это значит, что инвестиционная декларация должна соответствовать принципам «ответственного инвестирования», подхода к инвестированию, который «стремится включить факторы окружающей среды, социальные факторы и факторы управления (ESG факторы) в процесс принятия инвестиционных решений для лучшего управления рисками и устойчивого и долгосрочного возврата от инвестиций» [7]. Поэтому в деятельности инвестиционных комитетов в субъектах Российской Федерации необходимо определить баланс, чтобы сочетать рыночные механизмы и государственное регулирование, в одной стороны; продвижение и развитие сферы ESG – с другой.

Рассмотренные положения представляют теоретический вклад в развитие новой парадигмы регионального развития. Аргументировано, что учет ESG- факторов является необходимым условием успешной реализации нового инвестиционного цикла в регионах. Анализ институциональной базы для запуска нового инвестиционного цикла в регионах показал, что она сформирована в достаточном объеме, однако, в определенном смысле нацелена исключительно на отечественных инвесторов. Привлечение зарубежных инвесторов предполагает, что проекты должны соответствовать принципам ответственного инвестирования. В данном контексте представляется целесообразным ввести в методику «Fast Track» для инвестиций в регионах предложения в виде ESG-положений. А региональные инвестиционные проекты должны проходить не только экономическую, социальную, экологическую либо другую экспертизу, но и экспертизу на предмет соответствия ESG-критериям.

Библиографический список к главе 2

1. Bidder R.M., Krainer Jo.R., Shapiro A.H. De-leveraging or de-risking? How banks cope with loss // Review of economic dynamics, 2020. – Vol. 39. – P. 100–127. DOI: 10.1016/j.red.2020.06.014.
2. Bussolo, Maurizio, Davalos, Maria E., Peragine, Vito, Sundaram, Ramya Toward a New Social Contract, Taking On Distributional Tensions in Europe and Central Asia, A Closer Look at Spatial Disparities in the Russian Federation.

URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf>.

3. Camagni, R. Cities and the quality of life: Problems and prospects / R. Camagni // Review of Economic Conditions in Italy (1). – 2002. – С. 61–84.

4. Data for up to 1990 are sourced from Carbon Dioxide Information Analysis Center, Environmental Sciences Division, Oak Ridge National Laboratory, Tennessee, United States. Data from 1990 are CAIT data: Climate Watch. 2020. GHG Emissions. Washington, DC: World Resources Institute. URL: climate-watchdata.org/ghg-emission

5. Elmira Amirova, Rabiya Kutaeva. Analysis of the State and Trends of Differentiation of Socio-Economic Development of Russian Regions (PDF) Analysis of the State and Trends of Differentiation of Socio-Economic Development of Russian Regions (researchgate.net).

6. Emissions of greenhouse gases and air pollutants. Nitrogen dioxide concentrations in European capital cities – monthly averages. Eurostat, Statistical Office of the European Union. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/en_v_air_no2/default/table?lang=en.

7. ESG факторы в инвестировании. URL: [PWC-responsible-investment.pdf](#).

8. Feng X. The role of ESG in acquirers' performance change after M&A deals // Green Finance, 2021. – Vol. 3, Issue 3. – P. 287–318. DOI: 10.3934/GF.2021015.

9. Ganbat, K., Popova, I., Potravnyy, I. (2016) Impact Investment of Project Financing: Opportunity for Banks to Participate in Supporting Green Economy. Baltic Journal of Real Estate Economics and Construction Management, 4 (1). Available online at: [doi:10.1515/bjreecm-2016-0006](https://doi.org/10.1515/bjreecm-2016-0006).

10. Gross value added (GVA) in the EU environmental economy. Eurostat, Statistical Office of the European Union. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/ten00134/default/table?lang=en>.

11. Guiso L., Pistaferri L., Schivardi F. Learning Entrepreneurship from Other Entrepreneurs? // Journal of labor economics, 2021. – Vol. 39, Issue 1. – P. 135–191. DOI: 10.1086/708445.

12. Hahn R.W. The Impact of Economics on Environmental Policy. Journal of Environmental Economics and Management. Elsevier, № 39(3). – 2000. – P. 375-399.

13. Hubel B., Scholz H. Integrating sustainability risks in asset management: the role of ESG exposures and ESG ratings // Journal of Asset Management, 2019. – Vol. 21, Issue 1. – P. 52–69. DOI: 10.1057/s41260-019-00139-z.

14. Investment governance and the integration of environmental, social and governance factors. Investment governance and the integration of environmental, social and governance factors (oecd.org).

15. Jānis Aprāns. EU Region Policy. Riga, University of Latvia Press, 2014, 59 p.

16. Loiseau E. et al. Green economy and related concepts: An overview. *Journal of Cleaner Production*. – 2016. – Vol. 139. – P. 361–371. URL: doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.08.024.
17. Maslikhina V.Yu. Analysis of factors and conditions of interregional differentiation and their impact on the region's economic security, *Innovative development of the economy* 2019, 5-2(53), P. 185–196.
18. Mazza L., ten Brink P. Green Economy in the European Union. Supporting Briefing. UNEP, 2012. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/8666/Green%20economy_%20green%20economy%20in%20the%20European%20Union%20-2012GreenEconomy2012.pdf?sequence=3&isAllowed=y.
19. Measuring Inclusive Green Growth at the Country Level. Taking Stock of Measurement Approaches and Indicators. / GGKP Research Committee on Measurement & Indicators. U. Narloch, T. Kozluk, A. Lloyd February 2016. URL: http://www.greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/Measuring_Inclusive_Green_Growth_at_the_Country_Level.pdf
20. Melo C., Teotonio I., Silva C.M., Cruz C.O. What's the economic value of greening transport infrastructures? The case of the underground passages in Lisbon // *Sustainable cities and society*, 2020. – Vol. 56. Article number 102083, DOI: 10.1016 / j.scs.2020.102083.
21. Palmer W. The Road to Zero: New York Power Plant Teams With GE on ‘Green Hydrogen’ Demonstration Project. July 20, 2021. General Electric Company. URL: <https://www.ge.com/news/reports/the-road-to-zero-new-york-power-plant-teams-with-ge-on-green-hydrogen-demonstration-project>.
22. Phimphanthavong, H., The Impacts of Economic Growth on Environmental Conditions in Laos. *Int.J.Buss.Mgt.Eco.Res.*, Vol 4(5), 2013. – P. 766–774. URL: <http://www.ijbmer.com/docs/volumes/vol4issue5/ijbmer2013040501>.
23. Portna O.V., Iershova N.Y., Tereshchenko D.A., Kryvytska O.R. Economic Business Partnerships Within Industry 4.0: New Technologies in Management // *Montenegrin journal of economics*, 2021. – Vol. 17, Issue 1. – P. 151–163. DOI: 10.14254/1800-5845/2021.17-1.11.
24. Tashenova L.V., Babkin A.V., Mamrayeva D.G. Digital transformation of industrial production in the context of Industry 4.0 // *Bulletin of Karaganda university. Economy series*, 2019. – Том 96, № 4. – С. 154–162.
25. The Economics of Natural Disasters Kellenberg Mobarak. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/6a62cb3c0554c06eabc6e566babd405a4d939f5b>.
26. UNDP. Human Development Report. – New York: United Nations, 2018.
27. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Urbanization Prospects: The 2018 Revision, CD-ROM Edition [Электронный ресурс]. URL: <https://esa.un.org/unpd/wup/CD-ROM>
28. Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological economics: A personal journey // *Ecological Economics*. – 2015. – V. 109. – P. 93–100. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/journal/09218009>.

29. Victor P.A. Ecological economics and economic growth. *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 2010. – Vol. 1185. – P. 237–245.
30. Von Glasow, R. Megacities and large urban agglomerations in the coastal zone: Interactions between atmosphere, land, and marine ecosystems / R. Von Glasow, T.D Jickells, A. Baklanov, M. Uematsu, T. Zhu // *Ambio* 42 (1), 2013. – C. 13–28.
31. Wang, Y. and Zadek, S. (2016) Cross-sectional Data Analysis of the Determinants of Chinese Outward Direct Investment; The Determinants of Chinese Outward Direct Investment. Available online at: doi:10.4337/9781849809566.00013. Retrieved on 24 July 2017.
32. Wang, Y. Potential heterogeneity in the relationship between urbanization and air pollution, from the perspective of urban agglomeration / Y. Wang, L. Yao, Y. Xu, S. Sun, T. Li // *Journal of Cleaner Production*, 2021.
33. World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/public-licenses#cc-by>.
34. World Bank. World Development Indicators. – Washington DC, 2018.
35. Yang, Y. Ecological security assessment of the Guanzhong Plain urban agglomeration based on an adapted ecological footprint model / Y. Yang, Z. Cai // *Journal of Cleaner Production*, 2020.
36. Zhang, W. Urban agglomeration ecological risk transfer model based on Bayesian and ecological network / W. Zhang, G. Liu, Z. Yang // *Resources, Conservation and Recycling*, 2020.
37. Абдуллаев, Н.А. Экологическая парадигма современного экономического развития в сфере окружающей среды. Синергетический подход / Н.А. Абдуллаев – М.: Изд-во Перо, 2017. – 350 с.
38. Абрамченко, В. В России запустят новый федеральный проект по экомониторингу. Режим доступа: <http://government.ru/news/44457/>.
39. Агамирзян, И.Р. Возникает вопрос, зачем в такой модели нужен человек... / И.Р. Агамирзян. URL: <http://m.business-gazeta.ru/article/334149>.
40. Акимов, В.А. Основы анализа и управления риском в природной и техногенной сферах: учеб. пособие в системе образования МЧС России и РСЧС / В. А. Акимов, В. В. Лесных, Н. Н. Радаев. – М.: Деловой экспресс (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 2004. – 346 с.
41. Алексеев, Д. Сила природы / Д. Алексеев // *Cbonds Review*. – 2016. – №3. – С. 64–67.
42. Алексеевский, Н.И., Наводнения на Черноморском побережье Краснодарского края / Н.И. Алексеевский, Д.В. Магрицкий, П.К. Колтерманн и др. // *Водные ресурсы*. – 2016. – Том 43. – №1. URL: https://mgimo.ru/upload/diss/2016/Tokareva_Thesis.pdf.
43. Альпидовская М.Л., Стомпелева Е.С. Институциональные особенности цифровизации российской экономики // *Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика*. – 2020. – Т. 22, №1. – С. 15–22.

44. Аникина, Ю.А. Управление социально-экономической дифференциацией в городской агломерации: дис. ... канд. экон. наук. – Красноярск, 2010. – 166 с.
45. Антонюк, В.С. Методы оценки риска инфраструктурных подсистем муниципального образования / В.С. Антонюк, Г.В. Эрлих // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 11. – С. 205–211.
46. Антонюк, В.С. Рецепция зарубежного опыта управления городскими агломерациями в современных российских условиях / В.С. Антонюк, Н.А. Сигатова, Т.Ф. Амирова, Э.Р. Вансович // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России: материалы III Уральского экономического форума. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2021. – С. 48–52.
47. Антонюк, В.С. Типология рисков в муниципальных инфраструктурных подсистемах / В.С. Антонюк, Г.В. Эрлих // Вестник Ижевского государственного технического университета. – 2011. – № 3(51). – С. 50–53.
48. Антонюк, В.С. Формирование и развитие городских агломераций: теоретико-методологические аспекты исследований / В.С. Антонюк, М.В. Козина, Э.Р. Вансович, Н.А. Сигатова // Вестник ЮУрГУ. Серия Экономика и менеджмент. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 7–19.
49. Арент, Р.К. Виды и особенности экологических рисков / Р.К. Арент // Труды четвертой Всероссийской и второй международной конференции «Теория и практика экологического страхования». – М.: ИПР РАН, 2000. – С. 28–34.
50. Бабурин, В.Л. Оценка социально-экономического потенциала территории, подверженной неблагоприятным и опасным природным явлениям / В.Л. Бабурин, С.В. Бадина // Вестник Московского университета. Серия География. – 2015. – №5.
51. Бадина, С.В. Влияние опасных природных явлений на социально-экономический потенциал регионов / С.В. Балдина. URL: <https://www.dissercat.com/content/vliyanie-opasnykh-prirodnikh-yavlenii-na-sotsialno-ekonomicheskii-potentsial-regionov-rossii>.
52. Баширова, А.А. Регулирование регионального развития: экологический аспект / А.А. Баширова // РППЭ. – 2013. – №3 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-regionalnogo-razvitiya-ekologicheskiiy-aspekt>.
53. Белик, И.С. Эколого-экономическая безопасность: уч. пособие / И.С. Белик, Л.А. Бурмакина, К.А. Выварец, Н.В. Стародубец; под науч. ред. проф. И.С. Белик. – Екатеринбург: УрФУ, – 2015. – 152 с.
54. Белокрылова, О.С. Региональная экономика и управление: учебное пособие / О.С. Белокрылова, Н.Н. Киселева, В.В. Хубулова. – М.: ИНФРА, 2016. – 240 с.
55. Беляк, А.Л. Анализ современных представлений понятия экологический риск / А.Л. Беляк, Ю.Э. Голодков, М.М. Диденко // Образование и право. – 2021. – № 10. – С. 147–152.

56. Бобылев С.Н. Экономическая неустойчивость: шанс для «зеленой» экономики? Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год. М.: Аналит. центр при Правительстве РФ, 2014. – 204 с.
57. Бошмаков, И.А. Повышение энергоэффективности в российских зданиях: прогноз до 2050 года / И.А. Бошмаков // Вопросы экономики. – 2016. – №3. С. 75–98.
58. Булочников П.А., Смирнов К.Б. Межрегиональная дифференциация пространственного развития регионов Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. – 2019. – №4. – С. 68–75.
59. В 4 квартале 2018 года на Московской бирже был размещен первый выпуск зеленых облигаций в России. Режим доступа: <https://investinfr.ru/novosti/v-4-kvartale-2018-goda-namoskovskoy-birzhe-byl-razmeschen-pervyy-vypusk-zelenyh-obligatsiy-v-rossii.html>.
60. Вакарёв, А.А. Централизованное управление в условиях чрезвычайных ситуаций: специфика и перспективы [Электронный ресурс] / А.А. Вакарёв // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. – 2012. – № 11. Режим доступа: <http://www.uecs.ru/> (дата обращения: 24.10.2012) (0,5 п.л.).
61. Валовой региональный продукт в основных ценах. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61497>.
62. Временная методика определения предотвращенного экологического ущерба (утв. Госкомэкологией РФ 09.03.1999).
63. Глинский, В.В. Оценка экологической безопасности муниципальных образований региона: система показателей, методика расчета, применение / В.В. Глинский, Л.К. Серга, М.С. Хван – Идеи и идеалы. – 2015. – №4 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-ekologicheskoy-bezopasnosti-munitsipalnyh-obrazovaniy-regiona-sistema-pokazateley-metodika-rascheta-primeneniye>.
64. Годовой отчет об исполнении бюджета за 2016, 2017, 2018, 2019, 2020 гг. URL: Отчеты об исполнении бюджета | Официальный сайт департамента по финансам и бюджету муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского края (sochi.ru).
65. Голиков В.К., Гянджиева Ю.С., Мраев М.В. Инвестиционное проектирование и особенности разработка инвестиционной политики на региональном и муниципальном уровнях // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. – 2019. – №1 (15). – С. 41–45.
66. Голованов Е.Б. Необходимость мер государственного воздействия на природоохранную деятельность предприятий Наука ЮУрГУ. Материалы 62-й научной конференции. Секции экономики управления и права. Челябинск: Издательский Центр ЮУрГУ, 2010.

67. Голованов, Е.Б. Роль и значение экологической нагрузки в системе региональной экономической безопасности / Е.Б. Голованов, Л.М. Михалина, К.В. Екимова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2018. – Т. 12, №4. – С. 14–25.
68. Давиденко Л.М. Технологические проекты декарбонизации «net-zero»: источники финансирования, перспективы реализации // Grand Altai Research & Education / Nauka i obrazovanie Bol'shogo Altaï: сетевое издание». – 2021. – Выпуск 1(14). – С. 36–42. URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2021/1/articles/1_5.pdf.
69. Джармокова Ж.А. Социально-экономические аспекты и региональный терроризм: взаимосвязь и взаимообусловленность // KANT. – 2011. – №3. – С. 154–156.
70. Довбий И. П., Амирова О.А. Трансформация ресурсного обеспечения развития региона при смене технологических укладов // Российское предпринимательство. – 2013. – №8 (230). – С. 68–72.
71. Довбий И.П., Дегтеренко А.Н., Кобылякова В.В. «Новая индустриализация» в России как фактор перехода к «зеленой» экономике // Финансовый журнал. – 2020. – Т. 12. – №4. – С. 85–100.
72. Довбий И.П., Кондратов М.В., Минкин А.А. Проблемы «новой индустриализации» старопромышленных регионов в условиях перехода к Индустрии 4.0 (финансовые аспекты) // Управление в современных системах. – 2021. – №2 (30). – С. 13–28.
73. Довбий И.П., Узких Ю.А., Граф А.А., Довбий В.А. Концепция гармонизации федеральной и региональной составляющих инвестиционно-инновационной стратегии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». – 2020. – Т. 8. – №1. – С. 50–57.
74. Дружинин, П.В. Исследование взаимосвязи экологических и экономических показателей: моделирование и анализ расчетов / П.В. Дружинин, Г.Т. Шкиперова, О.В. Поташева; отв. ред. П.В. Дружинин; Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт экономики КарНЦ РАН. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. – 127 с.
75. Ежеквартальный бюллетень ВЭБ. – 2016. – №2 (11). – С. 6.
76. Жаворонкова, Н.Г. Цифровизация в сфере экологической безопасности: административно-правовые аспекты/ Н.Г. Жаворонкова, Ю.Г. Шпаковский. URL: <https://urfac.ru/?p=2371>.
77. Жулавский, А.Ю. Принципы сбалансированного эколого-экономического развития территории / А.Ю. Жулавский, В.Л. Акуленко // Вісник Сумського державного університету. Серія Економіка. – 2003. – №5 (51). – С. 64–69.
78. Зеленый патруль [сайт]. URL: <https://greenpatrol.ru/ru/regiony/chelyabinskaya-oblast>.

79. Зименкова, Е.Н. Сущность понятия «эколого-экономическая безопасность региона» / Е.Н. Зименкова // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации: материалы XVIII региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры менеджмента, г. Евпатория, 02–03 декабря 2016 г. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – С. 97–99.
80. Каманина, И.З. Оценка экологических рисков на территории малых городов Московской области (на примере г. Дубны) / И.З. Каманина, О.А. Макаров, О.А. Савватеева // Поволжский экологический журнал. – 2005. – № 2. – С. 128–136.
81. Камолов, С.Г. Высокотехнологичная парадигма государственного управления на региональном уровне: дисс. ... д-ра экон. Наук: 08.00.05. М., 2020. – 405 с.
82. Каранина, Е.В. Экологические риски регионов России / Е.В. Каранина, Н.А. Вершинина // Вестник МФЮА. – 2016. – №2. – С. 21–38.
83. Кобелева, И.В. Концепция процессно-системного управления качеством окружающей среды на промышленном предприятии / И.В. Кобелева // Основы экономики, управления и права, 2012. – №3 (3). – С. 67–69.
84. Коварда, В.В. Необходимость учета экологического фактора как базис устойчивого социально-экономического развития / В.В. Коварда // Вопросы экономики и управления. – 2016. – №3 – С. 1–3.
85. Козлов, К.А. Параметризация опасных природных процессов и явлений для городов и транспортных коммуникаций / К.А. Козлов, С.М. Мягков, Б.Н. Порфирьев // Проблемы безопасности и чрезвычайных ситуаций. – 1998. – №4. – С. 37–46.
86. Количество образованных отходов производства и потребления. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42720>.
87. Кормишкина Л.А., Кормишкин Е.Д., Королева Л.П., Колосков Д.А. Рециклинг ресурсов в современной России: необходимость, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – №5. – С. 155.
88. Коэффициенты обновления и выбытия основных фондов в Российской Федерации в 2020 году по видам экономической деятельности. URL: [koef_graf2.pdf \(rosstat.gov.ru\)](https://rosstat.gov.ru/koeff_graf2.pdf).
89. Крепша, Н.В. Опасные природные процессы: учебное пособие / Н.В. Крепша. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета. – 2014. – 290 с.
90. Кузнецов, И.В. О национальной системе научного мониторинга / И.В. Кузнецов, Г.Г. Малинецкий, А.В. Подлазов // URL: https://keldysh.ru/papers/2004/prep47/prep2004_47.html.
91. Мавлютов, Р.Р. Пространственное развитие крупных городов России в период постиндустриального перехода / Р.Р. Мавлютов. – Волгоград: ВолгГАСУ, 2015. – 160 с.

92. Макарова, Е.А., Стихийные бедствия как вызов мировой экономической системе/ Е.А. Макарова // Управление риском, 2012. – №3. – С. 53–63.
93. Маркелова, С.В. Обеспечение экологической безопасности региона как критерий устойчивого развития / С.В. Маркелова, Л.М. Прохорова // Успехи современной науки, 2016. – Т. 2, №9. – С. 67–73.
94. Материалы второго заседания Госсовета по направлению «Инвестиции». URL: <http://government.ru/news/42845/>.
95. Монгуш, Б.С. Сущность и содержание понятия «эколого-экономический риск» / Б.С. Монгуш // Journal of Economy and Business, vol. 11. – С. 140–142.
96. Мурзин, А.Д. Идентификация и диагностика эколого-экономических рисков урбанизированных территорий / А.Д. Мурзин // Российский Академический Журнал. – 2009. – №4. – Том 9. – С. 38–41.
97. Мурзин, А.Д. Экологические риски развития урбанизированных территорий / А.Д. Мурзин // Настоящее и будущее урбанизации: экологические вызовы. Материалы конференции / отв. ред. В.А. Румянцев, Г.В. Менжулин. – СПб., 2012. – 136 с.
98. На среднего россиянина приходится 150 кг ядовитых веществ в воздухе. Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2021/150-yad-vesh-v-vozduhe/>.
99. Назарова Т.Р., Османов Ж.Д. Повышение финансовой устойчивости нефтяной компании в условиях неопределенности на примере АО «НК «Казмунайгаз» // Нефть и газ, 2021. – №5 (125). – С. 116–125. DOI: 10.37878/2708-0080/2021-5.08.
100. Никитенко, П.Г., Воздействие природно-техногенных рисков на развитие регионов Беларуси и России / П.Г. Никитенко, В.Е. Левкевич, В.А. Светлосанов, В.Н. Кудин и др. // Наука и инновации. Научно-практический журнал. – 2017. – №3 (169). – С. 32–37.
101. О состоянии природопользования и об охране окружающей среды Краснодарского края в 2020 году: доклад / Краснодар, 2021. – 447 с. https://mprkk.ru/media/main/attachment/attach/doklad_oos_kk_za_2020.pdf
102. Осипов, В.И. Идентификация и прогнозная оценка стратегических природных рисков России / В.И. Осипов, А.Л. Рагозин // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2013. – Том 3. – Выпуск 2.
103. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15177>.
104. Основы экономической безопасности: сборник практических работ / сост. Д.В. Валько. – Челябинск: ОУ ВО «Юж.-Урал. ин-т упр. и экономики», 2017. – 16 с.
105. Паспорт гидрометеорологической безопасности Краснодарского края. URL: <https://www.meteorf.ru/upload/iblock/58b/8F.pdf>.

106. Паспорт Национального проекта «Экология». Режим доступа: https://www.mnr.gov.ru/activity/directions/natsionalnyy_proekt_ekologiya/
107. Паспорта инициатив социально-экономического развития Российской Федерации. info.pdf (mar.ru).
108. Перспективы и проблемы развития цифровой экономики в России. Материалы семинара «Реалистическое моделирование» // Аналитический вестник Совета Федерации ВС РФ. – 2017. – №31(687).
109. Петрова, Е.Г. Особенности мониторинга опасных природных воздействий с использованием базы данных/ Е.Г. Петрова // Экологические системы и приборы. – М.: Научтехлитиздат. – 2021. – №7. – С. 11–16.
110. Порфирьев, Б.Н. Экономика природных катастроф / Б.Н. Порфирьев // Экономическая политика. – 2015. – №4.
111. Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции: монография / под ред. А.В. Карпушкиной / Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2021. – 715 с.
112. Развитие Российских регионов. Новые теоретические и методологические подходы // Институт проблем региональной экономики РАН. СПб. «Наука», 2006. – 550 с.
113. Распоряжение об утверждении перечня стратегических инициатив от 6 октября 2021 года №2816-р.
114. Рубцов, Б.Б. Зеленые финансы в мире и России/ Б.Б. Рубцов. – М.: РУСАЙНС. – 2016. – 170 с.
115. Салюев, А.А. Значение экологического учета для обеспечения устойчивого развития регионов / А.А. Салюев // Известия Исык-кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран центральной Азии. – 2016. – №1-2-2(13) – С. 465-467. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26716846>.
116. Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы. Принята на Третьей Всемирной конференции ООН по снижению риска бедствий. Режим доступа: «КонсультантПлюс».
117. Синцова Е.А. Аспекты финансового инжиниринга в циркулярной экономике // Развитие финансовых отношений в циркулярной экономике: материалы национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 22 октября 2021 года. – С. 141–145.
118. Скитер, Н.Н. Методология анализа эколого-экономической безопасности на уровне региона // УЭКС. – 2013. – №12 (60). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-analiza-ekologo-ekonomicheskoy-bezopasnosti-na-urovne-regiona>.
119. Смирнов В.Д. Особенности управления банками ESG-рисками // Экономика. Налоги. Право. – 2021. – Том 14, №4. – С. 85–95. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-4-85-95.
120. Состояние и развитие конкуренции на товарных рынках муниципального образования городской округ город-курорт Сочи Краснодарского

края в 2020 году. URL: <https://sochi.ru/zhizn-goroda/ekonomika/standt-razv-konkur/monitoring/>.

121. Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта российской федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе STD-v3-RUS_f.pdf (asi.ru).

122. Стоимость экспортных (импортных) операций по субъектам Российской Федерации. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38574>.

123. Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Режим доступа: <http://government.ru/news/43>].

124. Стратегия социально-экономического развития города Челябинска на период до 2035 года/ утверждена решением Челябинской городской Думы от 29.06.2021 № 20/2.

125. Татаркин, А.И., Хильченко Н.В. Экологическая безопасность региона: пути и методы реформирования экономического механизма // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2007. – №1.

126. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. URL: <https://chelstat.gks.ru/>.

127. Тихомиров, Н.П. Методы анализа и управления эколого-экономическими рисками: учебное пособие / Н.П. Тихомиров, И.М. Потравный, Т.М. Тихомирова / под ред. проф. Н.П. Тихомирова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 350 с.

128. Удельный вес организаций, осуществлявших инновации, обеспечивающие повышение экологической безопасности в процессе производства товаров, работ, услуг. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477>.

129. Удельный вес организаций, осуществлявших экологические инновации в отчетном году, в общем числе обследованных организаций. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477>.

130. Указ Президент РФ от 11 января 2018 г. №12 №Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

131. Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: Консультант Плюс www.consultant.ru.

132. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. №176 «Об утверждении Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

133. Уткова, М.А. Эколого-экономическая безопасность в системе регионального управления: практико-ориентированная монография / М.А. Уткова, П.Ю. Утков. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2014. – 116 с.
134. Хаустов, А.П., Редина, М.М. Нормирование антропогенных воздействий и оценки природоёмкости территорий: уч. пособие. – М.: РУДН, 2008. – 282 с.
135. Хидэки, Т. Ущерб от стихийных бедствий: долговременные последствия для макроэкономики / Т. Хидэки // Экономика Общество. URL: <https://www.nippon.com/ru/in-depth/a03501/?pnum=3>.
136. Хосе Мигель Альбала-Бертран Политическая экономия бедствий. URL: [https:// Political economy of disasters | Jose Miguel Albala-Bertrand Research Project \(researchgate.net\)](https://Political%20economy%20of%20disasters%20|%20Jose%20Miguel%20Albala-Bertrand%20Research%20Project%20(researchgate.net)).
137. Цели устойчивого развития ООН и Россия: Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год / под ред. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 292 с.
138. Чипуренко Е.В., Лисицкая Т.В. Проблема оценки ESG-рисков полностью меняет формат корпоративной отчетности // Финансы, 2021. – №11. – С. 51–56.
139. Шамин, А.Е. Факторы угроз экономической безопасности городской агломерации и меры по их устранению / А.Е. Шамин, А.Н. Воронков, О.М. Елфимов // На страже экономики. – 2020. – №3 (14). – С. 75–86.
140. Шинкевич А.И., Барсегян Н.В. Информационные технологии поддержки принимаемых решений интеллектуального предприятия // Математические методы в технологиях и технике, 2021. – №9. – С. 105–108. DOI: 10.52348/2712-8873_ММТТ_2021_9_105.
141. Шмаль, А.Г. Факторы экологической опасности & экологические риски / А.Г. Шмаль. – Бронницы: Издательство МП «ИКЦ БНТВ», 2010. – 191 с.
142. Шмидт, А.В. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты / А.В. Шмидт, В.С. Антонюк, А. Франчини // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, Вып. 3. – С. 776–789.
143. Эффективность экономики, экологические инновации, климатическая и энергетическая политика – 2017. Сборник статей по результатам 2-го Международного научно-исследовательского семинара. СПбГУ. Санкт-Петербург. – СПб.: Скифия-принт, 2017. – 240 с.
144. Юзвович Л.И., Арутюнян А.Г. Инвестиционная политика в России: механизм государственного регулирования и региональная специфика реализации // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – №5/2012. – С. 42–53.

ГЛАВА 3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ИНДУСТРИИ 4.0

3.1. Аспекты экономической безопасности предприятия в индустрии 4.0

В период перехода к цифровой экономике привели к необходимости трансформации высокотехнологичных отраслей и создания единого информационного пространства их работы. Согласно указам президента РФ, необходимо форсировать технологическое развитие России к 2024 году и увеличить количество организаций, занимающихся разработкой технологических инноваций до 50%. По имеющимся данным к 2017 году этот показатель составил 16,1%, в 2018 году 16,5%, за 2019 год этот показатель стал выше 17%. Результаты недостаточны для ускоренного технологического развития национальной промышленности [247].

Одним из ключевых направлений исследований становится выявление и изучение факторов, влияющих на устойчивое и сбалансированное развитие сложных экономических систем в условиях «Индустрии 4.0», что необходимо для проведения инновационно-инвестиционной сбалансированной промышленной политики [247]. В то же время новая «карбонавая экономика» ускорят развитие «Индустрии 4.0».

Стоит отметить, что углеродная нейтральность не предполагает стопроцентного снижения выбросов углекислого газа, достижение этой цели возможно за счет достижения баланса между антропогенными выбросами и их поглощением, например, за счет лесов и других экосистем. Согласно утвержденной Правительством РФ Стратегии низкоуглеродного развития, Россия должна сократить выбросы на 60% к 2050 г. [234]

В экономике глобальные тренды выражаются в трансформации традиционных и возникновении новых глобальных цепочек создания стоимости, в связи с изменением соотношений между факторами производства в пользу капитала технологий и относительным снижением стоимости материальных ресурсов; в переходе к новым моделям инновационной деятельности; кастомизации производства и потребления; возникновении и распространении новых бизнес-моделей, структурных изменений на рынке труда. Как следствие глобализации экономических связей и распространения новых технологий, глобальные цепочки создания стоимости концентрируются вокруг центров создания знаний, возрастает значение «умной специализации» стран и регионов на базе развития технологий в рамках Индустрии 4.0 [248].

Изучив направления стратегических приоритетов развития технологий в рамках Индустрии 4.0 США и России, можно выделить следующие общие тенденции и основные различия.

Таблица 3.1

Сравнительный анализ стратегических приоритетов развития технологий в рамках «Индустрии 4.0 США и России [247]

Общее в приоритетах инновационного развития стран пятого технологического уклада и России	Различия в направлениях научно-технологического развития	
	США	Россия
1. Обеспечение необходимых условий для инноваций: создание инфраструктуры, подготовка высококвалифицированных кадров для «экономики знаний»	Создание передовых транспортных средств	Создание благоприятных условий для кооперации отечественных высокотехнологичных компаний с иностранными фирмами
2. Борьба с глобальными вызовами: противодействие киберугрозам, техногенным катастрофам, биологическим угрозам, терроризму	Инициатива по исследованию мозга	Повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородов
3. Переход к новым энергосберегающим технологиям, роботизированным системам, созданию искусственного интеллекта	Умные города	Переход к высокопродуктивному экологически чистому агро- и аквахозяйству
4. Создание систем обработки больших объемов данных, совершенствование систем информационных технологий и телекоммуникаций	Активное вовлечение иммигрантов в инновационную экономику своей страны	Освоение и использование Мирового океана, Арктики и Антарктики

Таким образом, в направлениях развития технологий в рамках Индустрии 4.0 США и России много общего. Различия, на наш взгляд, состоят лишь в том, что все участники имеют разные стартовые позиции, исходя из исторически сложившейся ситуации и модели инновационного развития экономики [132].

Разработка бизнес-моделей, отвечающих требованиям современного рынка, вместе с внедрением технологий «Индустрии 4.0» в сложные экономические системы способствуют формированию новых цепей поставок. Процессы взаимодействия поставщиков, производителей и потребителей претерпевают серьезные изменения в условиях цифровой трансформации производства. Типичным примером таких изменений является авторизация каждой конкретной единицы продукции, способствующая тому, что производители получают подробную информацию о продукте уже в процессе его использования клиентом, что вносит кардинальные изменения в жизненный цикл продукции, произведенной с применением технологий «Индустрии 4.0».

Разработка и внедрение новых бизнес-моделей (эффективных в процессе установления системной сбалансированности) в условиях цифровой

экономики также зачастую требует учета возможного сотрудничества предприятия с партнерами в рамках субконтракции. Это позволит увеличить показатели эффективности и производительности, снизить затраты на производство.

Рассмотрим пример. Проведем оценку финансового положения предприятия АО «ОБОРОНЭНЕРГО» и результатов его деятельности, где в таблицах будет представлена оценка по каждому показателю.

Таблица 3.2

Оценка ликвидности АО «ОБОРОНЭНЕРГО»

	1	2	3	4	5	6			
№	Показатель	Формула расчета	Оптимальное	Годы			Ст5-ст6	Ст4-ст5	Ст4-ст6
				2020	2019	2018			
1	Коэф. текущей ликвидности	ОА/ТО	1,5-2,5	1,09	1,2	1,13	0,07	-0,11	-0,04
2	Коэф. быстрой ликвидности	ДЗ +ФВ +ДС/ТО	0,8-1	0,59	0,44	0,36	0,08	0,15	0,23
3	Коэф. абсолютной ликвидности	ДС+ФВ/ТО	0,3 - 0,5	0,44	0,3	0,23	0,07	0,14	0,21
4	Доля оборотных средств в активах	ОА/А	0,5	0,44	0,52	0,56	-0,04	-0,08	-0,12

Коэффициент текущей ликвидности ниже нормы в период 2018–2020 гг., это свидетельствует о том, что данному предприятию дается с трудом расплачиваться по текущим обязательствам. Коэффициент быстрой ликвидности на неприемлемом уровне, это показывает, что у предприятия возникнут трудности погасить текущие обязательства, если положение станет критическим. Коэффициент абсолютной ликвидности соответствует норме, что говорит о возможности погасить долги за счет денежных средств. Доля оборотных средств в активах в норме, однако, мы видим падение показателя в 2020 году, но он находится в пределах нормы, следовательно, можно сказать, что предприятие может рассчитаться по краткосрочным финансовым обязательствам.

Таблица 3.3

Оценка состояния экономических показателей АО «ОБОРОНЭНЕРГО»

Показатель	Значение показателя			Описание показателя и его нормативное значение	Изменение показателя (гр.2-гр.4)
	2020	2019	2018		
1	2	3	4	5	6
Коэффициент автономии	0,5	0,41	0,38	Отношение собственного капитала к общей сумме капитала. Нормальное значение для данной отрасли: 0,3 и более	0,12
Коэффициент соотношения собственных и заемных средств	0,99	1,44	1,66	Отношение заемного капитала к собственному. Нормальное значение для данной отрасли: не более 0,5 (оптимальное 0,3-0,7).	-0,67
Коэффициент обеспеченности компании собственными оборотными средствами	-0,13	-0,14	-0,11	Отношение собственных оборотных средств к оборотным активам. Нормальное значение: 0,02 и более.	-0,2
Коэффициент финансовой устойчивости	0,52	0,42	0,39	Отношение собственного капитала и кредитов и займов к валюте баланса Нормативное значение: не менее 0,75	0,13
Коэффициент краткосрочной задолженности	0,96	0,97	0,97	Отношение краткосрочных обязательств и долг. обяз. к краткосрочным обязательствам Нормативное значение: не менее 0,5	-0,01
Коэф. маневренности собс. капитала	-0,12	-0,17	-0,16	Отношение собственных оборотных средств к капиталу Нормативное значение: 0,2-0,6	-0,04
Степень платежеспособности	1,16	1,18	1,48	Отношение собственных оборотных средств к стоимости запасов. Нормативное значение: 0,5-0,7	-0,32

Коэффициент автономии предприятия по состоянию на начало 2021 года составил 0,5. Это говорит о том, что предприятие полагается на собственные источники финансирования.

Говоря о коэффициенте соотношения собственных и заемных средств, если рассматривать показатели за 2018–2020 гг., то можно сказать, что предприятие зависит от кредиторов.

Коэффициент обеспеченности компании собственными оборотными средствами за 2018–2020 гг. отрицательный, значит, все оборотные средства

организации и часть внеоборотных активов сформированы за счет заемных источников.

Коэффициент финансовой устойчивости за 2018–2020 гг. ниже нормы, это свидетельствует о финансовой неустойчивости предприятия.

Коэффициент краткосрочной задолженности выше нормативного значения, следовательно, существует повышение зависимости организации от краткосрочных обязательств, и требуется увеличение ликвидности активов для обеспечения платежеспособности и финансовой устойчивости.

Коэффициент маневренности собственного капитала отрицательный за все 3 года, это свидетельствует о низкой финансовой устойчивости, средства были вложены в медленно реализуемые активы, а оборотный капитал формировался за счет заемных средств.

Степень платежеспособности в период за 2018–2020 гг. говорит о зависимости предприятия от внешних источников, что означает неустойчивость финансового положения.

Таблица 3.4

Оценка рентабельности АО «ОБОРОНЭНЕРГО» (%)

Показатель	Описание	Значение показателя			Абсолютное изменение		
		2020	2019	2018	Ст3-ст4	Ст4-ст5	Ст3-ст5
Рентабельность собственного капитала (ROE)	Отношение чистой прибыли к величине собственного капитала *100%. Нормативное значение: 9% и более	14	5,66	1	8,34	4,77	13
Рентабельность активов (ROA)	Отношение чистой прибыли к сумме активов*100%. Показатель отражает величину прибыли на единицу стоимости капитала. Нормативное значение: 2% и более	6,4	2,2	0,3	4,2	1,9	6,1
Рентабельность оборотных активов	Отношение чистой прибыли к среднегодовой стоимости активов *100%	15	4	0,5	11	3,5	14,5
Рентабельность продаж (ROS)	Отношение прибыли от продаж к выручке умноженное 100%. Показывает, какую сумму прибыли получает предприятие с каждого рубля проданной продукции	–15,88	21,7	9,8	–37,58	11,9	–25,68
Рентабельность чистых активов	Отношение чистой прибыли к основным средствам и капиталу	5,7	5,25	2,7	0,45	2,55	3

Анализируя показатель рентабельности собственного капитала в период 2018–2020 гг. можно сказать, что данный показатель значительно вырос к 2020 году в период с 2018 года, это говорит о высокой прибыли на единицу вложенного капитала и является положительной характеристикой.

При анализе показателя рентабельности продаж можно сказать, что у предприятия за 2020 год данный показатель ушел в отрицательное значение, что свидетельствует об убыточности деятельности предприятия.

Показатель рентабельности чистых активов характеризует результат оперативной деятельности предприятия. На данном предприятии показатели растут, это может говорить об эффективности управления структуры капитала, способности предприятия распоряжаться собственным капиталом.

Таблица 3.5

Оценка показателей деловой активности АО «ОБОРОНЭНЕРГО»

Оборачиваемость оборотных средств	Отношение средней величины оборотных активов к среднедневной выручке. Нормативное значение: не более 100 дн.	424	405	528	0,86	0,69	–104
Оборачиваемость запасов	Отношение средней стоимости запасов к среднедневной выручке. Нормативное значение: не более 6 дн.	39	28	31	9,33	11,65	8
Оборачиваемость дебиторской задолженности	Отношение средней величины дебиторской задолженности к среднедневной выручке. Нормативное значение: не более 60 дн.	197	237	368	1,85	0,99	–171
Оборачиваемость кредиторской задолженности	Отношение средней величины кредиторской задолженности к среднедневной выручке.	357	331	450	1,02	0,81	–93
Оборачиваемость активов	Отношение средней стоимости активов к среднедневной выручке. Нормативное значение для данной отрасли: не более 290 дн.	890	744	912	0,41	0,4	–22

Оборачиваемость оборотных средств. В данном случае в период 2018–2020 гг. мы наблюдаем нестабильную ситуацию, показатель выше нормы по дням, это может говорить о медленной скорости оборотных средств в процессе производства. Низкий коэффициент дополнительно отражает негативную ситуацию для данного показателя.

Оборачиваемость запасов идет с превышением при рассмотрении 2018–2020 гг., это свидетельствует о застаивании запасов, которые не используются долгое время.

По поводу оборачиваемости дебиторской задолженности можно сказать, что в 2020 по сравнению с 2019 произошло снижение, что свидетельствует об улучшении платежной дисциплины контрагентов компании, то есть покупатели стали быстрее погашать задолженность перед организацией. Но все же показатель выше нормы, что говорит о несоответствии регламента на предприятии. За 2018 год показатель был предельно высок в сравнении с другими годами.

По поводу оборачиваемости кредиторской задолженности можно сказать, что в 2020 г. по сравнению с 2019 годом произошло увеличение оборачиваемости, следовательно, произошло ухудшение платежной дисциплины предприятия в отношении с поставщиками, персоналом, бюджетом и прочими кредиторами. В 2020 году коэффициент оборачиваемости кредиторской задолженности превышает оборачиваемость дебиторской задолженности, что может привести к дефициту финансовых и кассовым разрывам, то есть срок погашения кредиторской задолженности наступает быстрее, чем возврат дебиторской задолженности. Показатель за 2018 был предельно высок в сравнении с другими годами.

Таблица 3.6

Оценка о финансовых результатах АО «ОБОРОНЭНЕРГО»

Отчёт о финансовых результатах				(20-19)	(19-18)	(20-18)
Наименование показателя	2020	2019	2018	Абс-е изм-е	Абс-е изм-е	Абс-е изм-е
Выручка	10 017 509	12 499 105	10 878 249	–2 481 596	1 620 856	–860 740
Себестоимость продаж	(11 070 324)	(9 300 276)	(9 325 430)	–1 770 048	–25 154	–1 744 894
Валовая прибыль	(1 052 815)	3 198 829	1 552 819	–4 251 644	1 646 010	–2 605 634
Прибыль от продаж	(1 591 005)	2 708 763	1 067 058	–4 299 768	1 641 705	–2 658 063
Управленческие расходы	(538 190)	(490 066)	(485 761)	–48 124	–4 305	–52 429
Прибыль от продаж	(1 591 005)	2 708 763	1 067 058	–4 299 768	1 641 705	–2 658 063

В данной таблице представлена проблема показателей выручки, так как она упала за 2020, а себестоимость увеличилась и стала выше выручки, это может свидетельствовать об ухудшении финансового положения.

Возможные причины скрываются в росте цен на сырье, в таком случае необходимо пересматривать ценовую политику в сторону увеличения цен.

Также, это может быть нерациональное распределение денежных средств, что тоже могло поспособствовать росту себестоимости и отрицательного показателя валовой прибыли.

Таблица 3.7

Конкурентоспособность АО «ОБОРОНЭНЕРГО» за 2019–2020 гг.

Показатель	Год	
	2020	2019
Ктл	0,92	0,9
Кос	–0,13	–0,14
Коб	0,98	0,96
Кр	0,13	0,06
К	3,04	2,9

Проанализировав, можно сделать вывод, что данные показатели в период 2019–2020 гг. больше 1, это говорит о сильной конкурентной позиции на рынке.

Для данной организации рассмотрим модели банкротства Альтмана, Таффлера, Зайцевой, с помощью которых сможем определить, в каком положении сейчас находится исследуемое предприятие. Анализ будет производиться за 2019–2020гг.

Модель Альтмана

Формула четырехфакторной модели выглядит следующим образом:

$$Z = 6,56 \times K1 + 3,26 \times K2 + 6,72 \times K3 + 1,05 \times K4$$

В результате подсчета Z – показателя делается заключение:

$Z \leq 1,1$ – ситуация критическая, организация с высокой вероятностью обанкротится;

$Z \geq 2,6$ – нестабильная ситуация, вероятность банкротства организации невелика, но не исключена;

Z от 1,10 до 2,6 – низкая вероятность банкротства организации;

Расчет за 2019 год (в тыс.)

$$K1 = (13\,035\,510 - 14\,330\,884) / 25\,080\,428 = -0,052$$

$$K2 = 566\,349 / 25\,080\,428 = 0,023$$

$$K3 = 1\,337\,957 / 25\,080\,428 = 0,053$$

$$K4 = 10\,281\,303 / (468\,241 + 14\,330\,884) = 0,69$$

$$Z = 6,56 \times (-0,052) + 3,26 \times 0,023 + 6,72 \times 0,053 + 1,05 \times 0,69 = 4,01$$

Расчет за 2020 год (в тыс.)

$$K1 = (10\,238\,243 - 11\,089\,023) / 23\,259\,756 = -0,04$$

$$K2 = 1\,538\,774 / 23\,259\,756 = 0,067$$

$$K3 = 1\,391\,001 / 23\,259\,756 = 0,06$$

$$K4 = 11\,668\,628 / (502\,105 + 11\,089\,023) = 1$$

$$Z = 6,56 \times (-0,04) + 3,26 \times 0,067 + 6,72 \times 0,06 + 1,05 \times 1 = 1,41$$

Таблица 3.8

Модель Альтмана

Показатель	Год	
	2020	2019
K1	-0,04	-0,052
K2	0,067	0,023
K3	0,06	0,53
K4	1	0,69
Z	1,41	4,01

Модель Таффлера

Формула модели выглядит следующим образом:

$Z = 0,53X_1 + 0,13X_2 + 0,18X_3 + 0,16X_4$, где

K1 – отношение прибыли от продаж до уплаты налога/сумме текущих обязательств;

K2 – отношение суммы текущих активов/общей сумме обязательств;

K3 – отношение суммы текущих обязательств/общей сумме активов;

K4 – отношение выручки/общей сумме активов.

Итоговое значение Z интерпретируется следующим образом.

Если величина $Z > 0,3$, у фирмы стабильное финансовое положение.

$Z < 0,2$ – существует значительная вероятность банкротства.

Расчет за 2019 год(в тыс.)

$K1 = 2\,708\,763 / 14\,330\,884 = 0,19$

$K2 = 13\,035\,510 / (468\,241 + 14\,330\,884) = 0,88$

$K3 = 14\,330\,884 / 25\,080\,428 = 0,57$

$K4 = 12\,499\,105 / 25\,080\,428 = 0,5$

$Z = 0,53 \cdot 0,19 + 0,13 \cdot 0,88 + 0,18 \cdot 0,57 + 0,16 \cdot 0,5 = 0,4$

Расчет за 2020 год(в тыс.)

$K1 = -1\,591\,005 / 11\,089\,023 = -0,14$

$K2 = 10\,238\,243 / (502\,105 + 11\,089\,023) = 0,88$

$K3 = 11\,089\,023 / 23\,259\,756 = 0,48$

$K4 = 10\,017\,509 / 23\,259\,756 = 0,43$

$Z = 0,53 \cdot (-0,14) + 0,13 \cdot 0,88 + 0,18 \cdot 0,48 + 0,16 \cdot 0,43 = 0,34$

Таблица 3.9

Модель Таффлера

Показатель	Год	
	2020	2019
K1	-0,14	0,19
K2	0,88	0,88
K3	0,48	0,57
K4	0,43	0,5
Z	0,34	0,4

Модель Зайцевой

Формула модели выглядит следующим образом:

$$K = 0,25K_1 + 0,1K_2 + 0,2K_3 + 0,25K_4 + 0,1K_5 + 0,1K_6$$

Сокращенная:

$$K_{\text{норматив}} = K + 0,1 * K_6 (\text{прошлого года})$$

где:

K_1 – $K_{\text{уп}}$ – коэффициент убыточности предприятия, характеризующийся отношением чистого убытка к собственному капиталу;

K_2 – K_3 – коэффициент соотношения кредиторской и дебиторской задолженности;

K_3 – $K_{\text{с}}$ – показатель соотношения краткосрочных обязательств и наиболее ликвидных активов, этот коэффициент является обратной величиной показателя абсолютной ликвидности;

K_4 – $K_{\text{ур}}$ – убыточность реализации продукции, характеризующийся отношением чистого убытка к объёму реализации этой продукции;

K_5 – $K_{\text{фл}}$ – коэффициент финансового левериджа (финансового риска) — отношение заемного капитала (долгосрочные и краткосрочные обязательства) к собственным источникам финансирования;

K_6 – $K_{\text{заг}}$ – коэффициент загрузки активов как величина, обратная коэффициенту оборачиваемости активов – отношение общей величины активов предприятия (валюты баланса) к выручке.

Если $K_{\text{факт}} > K_{\text{норм}}$, то вероятность банкротства предприятия высокая.

Если $K_{\text{факт}} < K_{\text{норм}}$, то риск банкротства невысокий.

Расчет за 2019 год (в тыс.)

$$K_1 = 1\,337\,957 / 10\,281\,303 = 0,13$$

$$K_2 = 10\,354\,748 / 7\,278\,392 = 1,42$$

$$K_3 = (10\,354\,748 + 0) / 3\,290\,518 = 3,15$$

$$K_4 = 1\,337\,957 / 12\,499\,105 = 0,11$$

$$K_5 = (468\,241 + 14\,330\,884) / 10\,281\,303 = 1,43$$

$$K_6 = 25\,849\,127 / 10\,878\,249 = 2,38$$

$$Z = 0,25 * 0,13 + 0,1 * 1,42 + 0,2 * 3,15 + 0,25 * 0,11 + 0,1 * 1,43 + 0,1 * 2,38$$

$$0,98 + 0,1 * 2,38 = 1,22$$

$0,98 < 1,22$ - вероятность банкротства предприятия невысокая

Расчет за 2020 год (в тыс.)

$$K_1 = 1\,391\,001 / 11\,668\,628 = 0,12$$

$$K_2 = 9\,172\,480 / 3\,561\,431 = 2,58$$

$$K_3 = (9\,172\,480 + 0) / 4\,109\,107 = 2,23$$

$$K_4 = 1\,391\,001 / 10\,017\,509 = 0,14$$

$$K_5 = (502\,105 + 11\,089\,023) / 11\,668\,628 = 0,99$$

$$K_6 = 25\,080\,428 / 12\,499\,105 = 2$$

$$Z = 0,25 * 0,12 + 0,1 * 2,58 + 0,2 * 2,23 + 0,25 * 0,14 + 0,1 * 0,99 + 0,1 * 2$$

$$K = 0,88 + 0,1 * 2 = 1,08$$

$0,88 < 1,08$ - вероятность банкротства предприятия невысокая

Таблица 3.10

Модель Зайцевой

Показатель	Год	
	2020г	2019г
K1	0,12	0,13
K2	2,58	1,42
K3	2,23	3,15
K4	0,14	0,11
K5	0,99	1,43
K6	2	2,38
Z	0,88<1,08	0,98<1,22

Проанализировав данные по всем трем разным моделям банкротства, можно сделать вывод, что данная организация финансово устойчива и вероятность банкротства на невысоком уровне, ей ничего не угрожает в ближайшие 1-2 года.

Рассчитаем оценку уровня экономической безопасности предприятия по модели (M1), но сначала рассчитаем модель риска потери ликвидности(MI)

Формула $MI = 0,1 \cdot I_1 + 0,35 \cdot I_2 + 0,45 \cdot I_3$

Нормативное значение:

0,9-1,2-риск потери ликвидности на допустимом уровне, но есть проблемы в погашение краткосрочных обязательств.

<0,9-риск потери ликвидности критический

Расчет за 2019 год

$L1 = 3\,290\,518 + 0,14 \cdot 330\,884 - 8\,624 - 3\,430\,126 = 0,3$

$L2 = 3\,290\,518 + 0 + 7\,278\,392 / 14 \cdot 330\,884 - 8\,624 - 3\,430\,126 = 0,97$

$L3 = 13\,035\,510 - 993\,634 / 14 \cdot 330\,884 - 8\,624 - 3\,430\,126 = 1,11$

$MI = 0,1 \cdot 0,3 + 0,35 \cdot 0,97 + 0,45 \cdot 1,11 = 0,87$

Расчет за 2020 год

$L1 = 4\,109\,107 + 0,11 \cdot 1089\,023 - 8\,356 - 1\,681\,056 = 0,44$

$L2 = 4\,109\,107 + 0 + 3\,561\,431 / 11 \cdot 1089\,023 - 8\,356 - 1\,681\,056 = 0,82$

$L3 = 10\,238\,243 - 1\,147\,245 / 11 \cdot 1089\,023 - 8\,356 - 1\,681\,056 = 0,97$

$MI = 0,1 \cdot 0,44 + 0,35 \cdot 0,82 + 0,45 \cdot 0,97 = 0,77$

Таблица 3.11

Оценка ликвидности

Показатель	Год	
	2020 г	2019 г
L1	0,44	0,3
L2	0,82	0,97
L3	0,97	1,11
MI	0,77	0,87

Рассматривая модель, можно сказать, что у данной организации большой риск потери ликвидности.

Теперь рассчитываем для оценки экономической безопасности предприятия М1

Нормативное значение:

1,46 и более говорит о минимальном риске потери ликвидности;

1,2-1,46-Риск потери ликвидности находится на приемлемом уровне;

1,2 и более-высокий уровень ЭБ

0,8-1,2-Средний уровень ЭБ и приемлемые финансовые риски.

0,8 и менее-низкий уровень ЭБ и высокие финансовые риски.

$M1 = 0,2 * M1 + 0,2 * K1 + 0,3 * K2 + 0,2 * K3 + 0,1 * K4$

Расчет за 2019 год

$K1 = 10\,281\,303 / 25\,080\,428 = 0,41$

$K2 = -1\,295\,374 / 13\,035\,510 = -0,1$

$K3 = 566\,349 / 12\,499\,105 = 0,045$

$K4 = 566\,349 / -9\,300\,276 + (-490\,066) + (-2\,485\,480) + (-635\,211) = -0,044$

$M1 = 0,2 * 0,87 + 0,2 * 0,41 + 0,3 * (-0,1) + 0,2 * 0,045 + 0,1 * (-0,044) = 0,2$

Расчет за 2020 год

$K1 = 11\,668\,628 / 23\,259\,756 = 0,5$

$K2 = -850\,780 / 10\,238\,243 = -0,08$

$K3 = 1\,538\,774 / 10\,017\,509 = 0,15$

$K4 = 1\,538\,774 / -11\,070\,324 + (-538\,190) + (-709\,936) = -0,12$

$M1 = 0,2 * 0,77 + 0,2 * 0,5 + 0,3 * (-0,08) + 0,2 * 0,15 + 0,1 * (-0,12) = 0,25$

Таблица 3.12

Модель для оценки экономической безопасности

Показатель	Год	
	2020г	2019г
K1	0,5	0,41
K2	-0,08	-0,1
K3	0,15	0,045
K4	-0,12	-0,044
M1	0,25	0,2

В данной модели, наблюдается в период 2019–2020, ниже нормы, это говорит о высоких финансовых рисках на предприятии.

Рассмотрим технико-технологическую составляющую АО «ОБО-РОНЭНЕРГО».

Таблица 3.13

Эффективность использования производственных фондов

Год		2020	2019	2018	Абсолютные изменения		
Фондоотдача	В/ОС	0,81	1,08	1	-0,27	0,08	-0,19
Фондоемкость	ОС/В	1,23	0,93	1	0,3	-0,07	0,23
Фондовооруженность	СОС/СЧ	2 332	2 252	2 094	80	158	238
Фондорентабельность	ЧП/ВНА	12,3	4,84	0,76	7,46	4,08	11,54

У показателей фондоотдачи и фондоемкости наблюдается следующая ситуация: фондоотдача уменьшается, а фондоемкость увеличивается, это означает, что производственные мощности используются нерационально, их загруженность недостаточно полная, следует как можно скорее приступить к поиску дополнительных резервов.

Фондовооруженность в период 2018–2020 гг. увеличилась, это может говорить о росте персонала в предприятии, следовательно, растет стоимость основных средств, что говорит о положительной динамике.

Фондорентабельность показывает, что в период 2018–2020 гг., увеличилась, это говорит об улучшении основных фондов.

Коэффициент износа основных средств показывает за 2019–2020 гг. отрицательную динамику, это говорит о износе основных средств, его принято рассматривать совместно с коэффициентом годности, и он показывает в период 2019–2020 г. о том, что производственные фонды в хорошем состоянии.

Таким образом, внедрение технологий «Индустрии 4.0.» в процесс промышленного производства изначально может быть обозначено исключительно как внутренними рычагами надежного развития экономических систем. Однако более подробный анализ позволяет заключить, что процесс внедрения соответствующих технологий в производственный процесс того или иного предприятия может быть обусловлен определенной глобальной экономической обстановкой, например, введением торговых ограничений со стороны государства-экспортера ряда цифровых технологий «Индустрии 4.0» [246].

Одним из важнейших факторов устойчивого и сбалансированного развития может являться кастомизация сложных экономических систем. Возможным эффектом реализации такой адаптации является создать особое предложение для узкой целевой аудитории; и привлечение требовательных к продукту потребителей, способных оплатить внедрение технологий Индустрии 4.0. [247].

Таким образом, часть исследуемых факторов устойчивого развития сложных экономических систем в условиях «Индустрии 4.0» не может быть отнесена строго к внутреннему типу, а другие частично – как к внутреннему, так и к внешнему типам. Ни один из выделенных факторов не следует относить исключительно к внешнему типу факторов.

Концепция цифровой трансформации промышленного производства («Индустрия 4.0») – наиболее перспективная попытка органично соединить различные концептуальные подходы к управлению развитием сложных экономических систем. Но, где грань между технологическим алармизмом и эвдемонизмом на современном этапе экономического развития. Возникающие в процессе преобразований проблемы объективно оцениваются как системные и отрабатывается набор инструментов для их решения в современных глобальных условиях.

3.2. Влияние охраны и защиты интеллектуальных прав, в том числе, в сети Интернет, на экономическую безопасность предприятия

Экономическая безопасность государства тесно связана с эффективностью функционирования и экономической безопасностью отдельных предприятий.

В контексте влияния различных факторов на экономическую безопасность нами предлагается рассмотреть влияние интеллектуальных прав на состояние и показатели экономической безопасности предприятия. Очевидно, что в настоящее время практически вся экономическая деятельность предприятия связана с присутствием его в глобальной сети Интернет. Предприятие в обязательном порядке имеет свой сайт, размещает рекламу на соответствующих площадках в интернете, участвует в виртуальных выставках, презентациях, деловых миссиях, активно присутствует в социальных сетях и т.п. Поэтому от того, насколько правильно и качественно предприятие защищает свои интеллектуальные права и относится к интеллектуальным правам других хозяйствующих субъектов и физических лиц, в значительной степени зависит его экономическая безопасность.

Сейчас практически любое предприятие имеет интеллектуальную собственность. Интеллектуальная собственность точно также нуждается в охране и защите, как и любой другой вид имущества.

В соответствии с Гражданским Кодексом РФ (далее – ГК РФ) на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие).

Немаловажным является и тот факт, что интеллектуальные права относятся к нематериальным активам предприятия, которые, не имея материально-вещественной формы, тем не менее, проявляют себя своими экономическими свойствами, дают права и выгоды их собственнику (правообладателю) и генерируют для него доходы (выгоды).

Рассмотрим, на какие объекты, участвующие в экономической жизни предприятия, распространяются интеллектуальные права.

В соответствии с ГК РФ к наиболее распространенным объектам относятся объекты авторского права, объекты патентного права, средства индивидуализации.

Объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения (ГК РФ Статья 1259).

К объектам авторских прав также относятся программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения, а также производные про-

изведения, то есть произведения, представляющие собой переработку другого произведения и составные произведения, то есть произведения, представляющие собой по подбору или расположению материалов результат творческого труда.

Для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей.

В отношении программ для ЭВМ и баз данных возможна регистрация, осуществляемая по желанию правообладателя в соответствии с правилами статьи 1262 ГК РФ.

Авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования, геологическую информацию о недрах.

Авторские права распространяются на часть произведения, на его название, на персонажа произведения, если по своему характеру они могут быть признаны самостоятельным результатом творческого труда автора.

Исключительное право на произведение определяется ГК РФ статьей 1270. Автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное право использовать произведение в соответствии со статьей 1229 ГК РФ в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное право на произведение), в том числе способами, указанными в пункте 2 настоящей статьи. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на произведение.

Использованием произведения независимо от того, совершаются ли соответствующие действия в целях извлечения прибыли или без такой цели, считается, в частности:

1) воспроизведение произведения, то есть изготовление одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- или видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного и более экземпляра двухмерного произведения и в двух измерениях одного и более экземпляра трехмерного произведения. При этом запись произведения на электронном носителе, в том числе запись в память ЭВМ, также считается воспроизведением. Не считается воспроизведением краткосрочная запись произведения, которая носит временный или случайный характер и составляет неотъемлемую и существенную часть технологического процесса, имеющего единственной целью правомерное использование произведения либо осуществляемую информационным посредником между третьими лицами передачу произведения в информационно-телекоммуникационной сети, при условии, что такая запись не имеет самостоятельного экономического значения;

2) распространение произведения путем продажи или иного отчуждения его оригинала или экземпляров;

3) публичный показ произведения, то есть любая демонстрация оригинала или экземпляра произведения непосредственно либо на экране с помощью пленки, диапозитива, телевизионного кадра или иных технических средств, а также демонстрация отдельных кадров аудиовизуального произведения без соблюдения их последовательности непосредственно либо с помощью технических средств в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, независимо от того, воспринимается произведение в месте его демонстрации или в другом месте одновременно с демонстрацией произведения;

4) импорт оригинала или экземпляров произведения в целях распространения;

5) прокат оригинала или экземпляра произведения;

6) публичное исполнение произведения, то есть представление произведения в живом исполнении или с помощью технических средств (радио, телевидения и иных технических средств), а также показ аудиовизуального произведения (с сопровождением или без сопровождения звуком) в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, независимо от того, воспринимается произведение в месте его представления или показа либо в другом месте одновременно с представлением или показом произведения;

7) сообщение в эфир, то есть сообщение произведения для всеобщего сведения по радио или телевидению, за исключением сообщения по кабелю. При этом под сообщением понимается любое действие, посредством которого произведение становится доступным для слухового и (или) зрительного восприятия независимо от его фактического восприятия публикой. При сообщении произведений в эфир через спутник под сообщением в эфир понимается прием сигналов с наземной станции на спутник и передача сигналов со спутника, посредством которых произведение может быть доведено до всеобщего сведения независимо от его фактического приема публикой. Сообщение кодированных сигналов признается сообщением в эфир, если средства декодирования предоставляются неограниченному кругу лиц организацией эфирного вещания или с ее согласия;

8) сообщение по кабелю, то есть сообщение произведения для всеобщего сведения по радио или телевидению с помощью кабеля, провода, оптического волокна или аналогичных средств. Сообщение кодированных сигналов признается сообщением по кабелю, если средства декодирования предоставляются неограниченному кругу лиц организацией кабельного вещания или с ее согласия;

8.1) ретрансляция, то есть прием и одновременное сообщение в эфир (в том числе через спутник) или по кабелю полной и неизменной радио- или

телепередачи либо ее существенной части, сообщаемой в эфир или по кабелю организацией эфирного или кабельного вещания;

9) перевод или другая переработка произведения. При этом под переработкой произведения понимается создание производного произведения (обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки и тому подобного). Под переработкой (модификацией) программы для ЭВМ или базы данных понимаются любые их изменения, в том числе перевод такой программы или такой базы данных с одного языка на другой язык, за исключением адаптации, то есть внесения изменений, осуществляемых исключительно в целях функционирования программы для ЭВМ или базы данных на конкретных технических средствах пользователя или под управлением конкретных программ пользователя;

10) практическая реализация архитектурного, дизайнерского, градостроительного или садово-паркового проекта;

11) доведение произведения до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к произведению из любого места и в любое время по собственному выбору (доведение до всеобщего сведения).

Практическое применение положений, составляющих содержание произведения, в том числе положений, представляющих собой техническое, экономическое, организационное или иное решение, не является использованием произведения за исключением использования, предусмотренного подпунктом 10.

Что касается объектов патентного права, то согласно статье 1346 ГК РФ на территории Российской Федерации признаются исключительные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, удостоверяемые патентами, выданными федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Также в соответствии со ст. 1477 ГК РФ на товарный знак, то есть на обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак.

Основные объекты интеллектуальной собственности представлены в табл. 3.14.

Каким же образом могут нарушаться права на данные объекты, в том числе и в сети Интернет, и какое влияние на экономическую безопасность предприятия – это нарушение оказывает?

Таблица 3.14

Основные объекты интеллектуальной собственности

Изобретения	Объекты патентного права	Объекты промышленной собственности	
Полезные модели			
Промышленные образцы			
Товарные знаки	Средства индивидуализации		
Наименования происхождения товара			
Фирменные наименования			
Коммерческие обозначения	—		
Пресечение недобросовестной конкуренции			
Селекционные достижения			
Литературные, научные, музыкальные, изобразительные, иные произведения	Объекты авторского права	Объекты авторского права и прав смежных с ним	
Программы ЭВМ, базы данных, топологии интегральных микросхем			
Исполнения	Объекты смежного права		
Фонограммы			
Сообщения передач организаций эфирного или кабельного вещания			
Права публикатора			
Ноу-хау	Объекты непатентных прав		
НИР, ОКР, НИОКР			
Рацпредложения			

Ситуации могут быть следующие, например:

1) На сайте предприятия была размещена статья или фотография. Вдруг обнаружили копии этой статьи или фотографии на других ресурсах без указания автора и ссылки на первоисточник.

2) Полностью скопирован сайт предприятия: дизайн, тексты, фотографии, видео и прочее.

3) На сайте или аккаунте нарушителя незаконно размещен товарный знак или предлагается к реализации контрафактная продукция.

По оценкам аналитиков количество аккаунтов, связанных с продажей контрафактных товаров под именами известных брендов, в русскоязычном сегменте Instagram находится в диапазоне 6 000–10 000 учетных записей. Количество подписчиков таких учетных записей может достигать сотен тысяч, а всего на аккаунты продавцов подписано более 17 миллионов пользователей [88].

Производители и дистрибьюторы несут многомиллионные потери от действий продавцов контрафакта в интернете. Может доходить до того, что бизнес будет вынужден отказаться от дистрибуции и развития продаж продукции под известным брендом по причине того, что весь российский

рынок просто завален подделками, а найти оригинальный товар в интернете почти невозможно.

Многие продавцы контрафакта уверены, что если в описании указано, что товар является «копией» или «репликой», то они ничего не нарушают. На самом же деле это далеко не так.

В соответствии с российским законодательством товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещен чужой товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными.

В соответствии с гражданским законодательством никто не вправе использовать без разрешения правообладателя сходные с его товарным знаком обозначения в предложениях о продаже товаров, в объявлениях и рекламе, также в сети, в том числе в доменном имени и при других способах адресации.

Для определения влияния защиты интеллектуальных прав в Интернете на экономическую безопасность предприятия, рассмотрим ситуацию с двух сторон. Во-первых, с точки зрения предприятия, когда оно является правообладателем объекта интеллектуальной собственности. И, во-вторых, когда предприятие использует не принадлежащие ему объекты интеллектуальной собственности.

Необходимо не только охранять и защищать свою интеллектуальную собственность, но и постоянно вести работу по созданию и поддержанию в силе объектов интеллектуальной собственности, заниматься их коммерциализацией, вести поиск инвесторов.

Несомненно, положительно будет сказываться на экономической безопасности предприятия стратегия привлечения инвестиционных ресурсов под залог объектов интеллектуальной собственности. В этом случае определяющим критерием экономической безопасности будет служить механизм управления интеллектуальной собственностью (назовем его «инвестиционный интеллектуальный потенциал» (ИИП), которым располагает предприятие, и такой показатель как инвестиционный риск. Обладая достаточным ИИП, предприятие может привлечь потенциального инвестора более низкими по сравнению с другими предприятиями инвестиционными рисками или, мобилизовав внутренние резервы, и без участия сторонних инвесторов повысить уровень экономической безопасности.

Факторы, определяющие экономическую безопасность предприятия (инвестиционный интеллектуальный потенциал и инвестиционный риск), могут служить исходными данными для построения экономико-математической модели оценки суммарного инвестиционного интеллектуального потенциала. Нами предложена экономико-математическая модель для расчета индекса суммарного инвестиционного интеллектуального потенциала, описывающая количественную зависимость исследуемого результирующего

признака от нескольких факторов, значения которых определяются на основе теоретических предпосылок.

$$I_{\text{инн}}(x_1, x_2, x_3, x_4) = A_1 x_1 + A_2 x_2 + A_3 (1-x_3) + A_4 x_4 + A_5 (1-x_5),$$

где $A_1 \dots A_5$ – коэффициенты регрессии, показывающие значимость каждого показателя в модели, x_1 – доля объектов интеллектуальной собственности в активах предприятия, x_2 – доля лицензионных платежей в доходах предприятия, $(1-x_3)$ – доля лицензионных платежей в расходах предприятия, x_5 – доля полученных компенсаций от нарушителей прав на объекты интеллектуальной собственности в структуре доходов, $(1-x_5)$ – доля выплаченных компенсаций за нарушение прав на объекты интеллектуальной собственности в структуре расходов.

Значения показателей, принятые в качестве факторов, влияющих на инвестиционный интеллектуальный потенциал и инвестиционный риск, могут принимать различные значения. Нами определены промежуточные и граничные значения этих показателей (минимальные и максимальные).

Поскольку методы регрессионного анализа являются методами обработки количественных (числовых) величин, построена шкала градации значений факторов. Необходимо рассмотреть все возможные комбинации факторов в модели и соответствующее этим комбинациям значение искомого индекса инвестиционного интеллектуального потенциала.

Предприятие, занимающееся производством какой-либо продукции, как правило, стремится защитить свою репутацию и продукцию от контрафакта и фальсификаций с помощью регистрации товарного знака. Товарный знак ставится на баланс организации как нематериальный актив.

Рассмотрим более подробно каждый их факторов. Определим, как изменится инвестиционный интеллектуальный потенциал предприятия при использовании в хозяйственном обороте товарного знака как нематериального актива (при прочих равных условиях) с учетом рыночной оценки его стоимости.

В течение 2020 года предприятие провело инвентаризацию имеющихся нематериальных активов и выявило объекты интеллектуальной собственности, которые не стояли на балансе предприятия. Они были поставлены на учет по балансовой стоимости. В 2021 году предприятие осуществило оценку рыночной стоимости объекта интеллектуальной собственности – товарного знака. Рыночная стоимость данного ОИС значительно выше, чем балансовая, так как предприятие является обладателем хорошо узнаваемого бренда, который зарегистрирован как товарный знак. Товарный знак предприятия хорошо известен потребителям практически на всей территории РФ, имелось даже несколько попыток нарушения исключительных прав на него в связи с его высокой узнаваемостью в среде потребителей продукции.

Результаты расчета доли объектов интеллектуальной собственности в активах предприятия (на примере товарного знака) представлены в табл. 3.15.

Таблица 3.15

Результаты расчета доли объектов интеллектуальной собственности в активах предприятия (на примере товарного знака)

Показатель	2020	2021	Изменение
Стоимость товарного знака, тыс.руб	54,00	4250,00	+4196
Доля в активах предприятия, %	0,0005	3,94	+3,9395

Как видно из табл. 3.15, проведение оценки товарного знака по рыночной стоимости привело к изменению показателей, влияющих на инвестиционный интеллектуальный потенциал. Анализируя динамику этих показателей можно сделать вывод о том, что инвестиционный интеллектуальный потенциал будет увеличиваться, то есть экономическая безопасность предприятия возрастет. Создан капитал, который может быть направлен на реализацию инвестиционного проекта. Таким образом, предложенный нами способ повышения экономической безопасности предприятия, заключающийся в проведении оценки рыночной стоимости нематериального актива – товарного знака – оправдал себя, и можно рекомендовать его к использованию на предприятиях, имеющих в своем активе недооцененные объекты интеллектуальной собственности.

Далее остановимся на рассмотрении объектов авторского права, так как ситуации с нарушением авторских прав, в том числе в сети Интернет, возникают очень часто, и порой возникают трудности с пониманием состава и сути нарушения, и, как следствие, предприятию приходится нести расходы по выплате компенсаций за нарушение авторского права, и связанных с этим судебных издержек.

Как известно, для возникновения, осуществления и защиты авторских прав не требуется регистрация произведения или соблюдение каких-либо иных формальностей, поэтому, если предприятие размещает на своем сайте или в социальных сетях авторский контент, то никаких дополнительных охранных документов иметь не нужно. Все произведения, размещенные в сети Интернет, защищены авторским правом.

В случае, если предприятие обнаружит, что какое-то лицо неправомерно использует принадлежащие ему объекты, то вправе в соответствии с пунктом 3 статьи 1252 ГК РФ требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

1) в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения;

2) в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров произведения;

3) в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель.

Рассмотрим примеры ситуаций, которые иллюстрируют, каким образом нарушение интеллектуальных прав, в том числе и в сети Интернет, приводит к снижению экономической безопасности предприятия.

Весьма показательным в рассматриваемом аспекте представляется прошедшее несколько кругов судебного рассмотрения дело А76-12136/2014 по иску ООО «Валмакс» к ООО «АЛДИ». Истец является производителем мебельной фурнитуры. Им был разработан уникальный дизайн мебельных опор. Через некоторое время аналогичные изделия начал производить ответчик. Изначально в иске было отказано. Суды первой и апелляционной инстанции исходили из того, что дизайн мебельных опор может охраняться лишь в качестве промышленного образца, но не как объект авторского права. Истцом не представлено доказательств государственной регистрации мебельных опор в качестве промышленных образцов, полезных моделей или изобретения и выдаче на ее основании патента. Таким образом, у ООО «Валмакс» не возникло исключительного права на промышленный образец – мебельные регулируемые опоры и прав на защиту в самостоятельном порядке авторского права на дизайн. Суду по интеллектуальным правам пришлось два раза возвращать дело на новое рассмотрение. В итоге суды удовлетворили требования истца. Был сделан вывод о наличии у истца исключительного права на произведение дизайна, а также незаконном использовании ответчиком разработанного истцом дизайна путем его воспроизведения, распространения и переработки [91].

Также показательным примером является дело № А41-3873/21, а именно определение апелляционного суда по данному делу [208].

ООО ФАПФ «Пейзаж» обратилось в Арбитражный суд Московской области с исковым заявлением о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на фотографическое произведение в размере 1000000 руб.

Фабула дела: Как указывает истец, фотограф Чушкин Дмитрий Владимирович создал фотографическое произведение.

Истец указывает на то, что 25.04.2012 автор разместил экземпляр изображения (фотографию) в своем блоге (сайте), где запретил его использование без получения согласия (покупки) и установки активной ссылки. Истец указывает на то, что автор передал исключительные права на произведение в доверительное управление истцу, что подтверждается договором доверительного управления результатом интеллектуальной деятельности.

13 октября 2020 года Истец обнаружил информацию, свидетельствующую о нарушении Ответчиком исключительного права на фотоизображение

путем его размещения на квитанциях (платежных документах) на оплату взноса на капитальный ремонт общего имущества многоквартирного дома. В ходе проведения дополнительных мероприятий по сбору доказательств Истцом были получены несколько экземпляров квитанций (платежных документов) на оплату взноса на капитальный ремонт общего имущества многоквартирных домов в городе Воронеже, в которых использовалось спорное фотоизображение.

Решением Арбитражного суда Московской области от 07 августа 2021 года по делу №А41-3873/21 исковые требования удовлетворены частично. Суд решил: взыскать с акционерного общества «Формс Технолоджи», в пользу общества с ограниченной ответственностью Федеральное агентство по защите прав фотографов «Пейзаж», компенсацию в размере 100 000 рублей и расходы по уплате государственной пошлины в сумме 4 000 рублей. В удовлетворении остальной части требований отказано.

Удовлетворяя иск в части, суд первой инстанции посчитал необходимым снизить размер заявленной к взысканию компенсации в 10 раз на основании пункта 1 статьи 1301 ГК РФ.

Но как указала апелляционная инстанция, суд по своей инициативе не вправе изменять способ расчета суммы компенсации, исчисленной по норме пункта 2 статьи 1301 ГК РФ.

Настоящие исковые требования обоснованно заявлены к АО «Формс Технолоджи» в связи со следующим. Из материалов дела усматривается, что АО «ЕПСС ЖКХ ВО» является расчетным центром, формирующим, выпускающим платежные документы, а также осуществляющим их доставку плательщикам, в рамках взаимодействия по начислению, формированию единого платежного документа и доставке его плательщикам. Между АО «ЕПСС ЖКХ ВО» и Фондом капитального ремонта многоквартирных домов Воронежской области заключен договор оказания услуг от 03.04.2015. В рамках указанного договора оказания услуг АО «ЕПСС ЖКХ ВО» оказывает услуги по формированию, печати, конвертованию и доставке платежных документов на оплату взноса в фонд капитального ремонта. В целях изготовления платежных документов между АО «ЕПСС ЖКХ ВО» и АО «Формс технолоджи» заключен договор возмездного оказания услуг от 04.03.2015.

Полиграфический макет платежного документа на оплату взносов за капитальный ремонт с использованием спорного фотоизображения был разработан Исполнителем – АО «Формс технолоджи», согласно условиям, вышеуказанного Договора. В соответствии с п. 2.9. Договора при исполнении обязательств Исполнитель (АО «Форме технолоджи») обязуется не нарушать неимущественные права Заказчика и других лиц. Использование объектов интеллектуальной собственности или средства индивидуализации должно осуществляться в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и быть подтверждено документально. Согласно п.

3.3.8. Договора Исполнитель обязуется обеспечить соблюдение законодательства в области прав на объекты интеллектуальной собственности, используемые при выполнении работ/оказания услуг.

В соответствии с пунктом 73 Постановления №10 использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации по поручению или заданию правообладателя (например, выпуск типографией экземпляров произведений по заданию издательства, производство товаров с нанесением товарного знака по договору с правообладателем) охватывается исключительным правом правообладателя и не требует заключения лицензионного договора.

Использование результатов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации по поручению или заданию лица, нарушающего исключительное право правообладателя, в свою очередь, также образует нарушение исключительного права.

Таким образом, ответчиком была использована спорная фотография путем размещения ее на рассылаемых квитанциях без согласия правообладателя. Кроме того, ответчик при размещении спорной фотографии не разместил информацию об авторском праве.

Как видно из материалов дела, фактическая стоимость одной квитанции в спорный период, за которую АО «ЕПСС ЖКХ ВО» приобретал квитанции у Ответчика, составляла 0,97 рублей.

Истец рассчитал размер компенсации по пункту 2 статьи 1301 ГК РФ, которая составила 4 319 796 руб. В дальнейшем истец, принимая во внимание положения пункта 62 Постановления №10, в соответствии с которым размер подлежащей взысканию компенсации определяется исходя из принципов разумности и справедливости, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения, снизил сумму требуемой компенсации до 1 000 000 руб. Представленный истцом расчет ответчиком арифметически не опровергнут, признается апелляционным судом обоснованным.

Апелляционный суд постановил взыскать с АО «Формс Технолоджи» в пользу ООО Федеральное агентство по защите прав фотографов «Пейзаж» компенсацию в сумме 1 000 000 рублей, а также расходы по уплате государственной пошлины 11 432,73 руб.

Видно, что для предприятия сумма компенсации, подлежащая выплате по решению суда, если, конечно, Суд по интеллектуальным правам не пересмотрит решение в рамках кассационного производства, является довольно значительной. Данное обстоятельство может негативным образом сказаться на экономической безопасности предприятия.

Таким образом, неоспоримым является влияние защиты интеллектуальных прав, в том числе в сети Интернет, на экономическую безопасность предприятия.

3.3. Ключевые риски и угрозы рынка труда РФ

Экономическая безопасность, являющаяся на сегодняшний день объектом особого научного исследования, рассматривается как важнейшая качественная характеристика экономической системы, определяющая её способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами развития народного хозяйства, а также последовательную реализацию национально-государственных интересов. На обеспечение экономической безопасности большое влияние оказывает рынок труда. Важность формирования современного рынка труда, отвечающего вызовам экономической безопасности Российской Федерации, определяется его особым положением в экономической структуре страны: с одной стороны, рынок труда выступает составной частью общехозяйственной системы и является важнейшим инструментом подъема экономических комплексов на федеральном и региональном уровнях, а с другой – показатели и характеристики занятости и рынка труда представляют собой важнейшие социальные индикаторы, по которым можно судить о национальном благополучии, стабильности, эффективности экономических преобразований (рис. 3.1). [219]

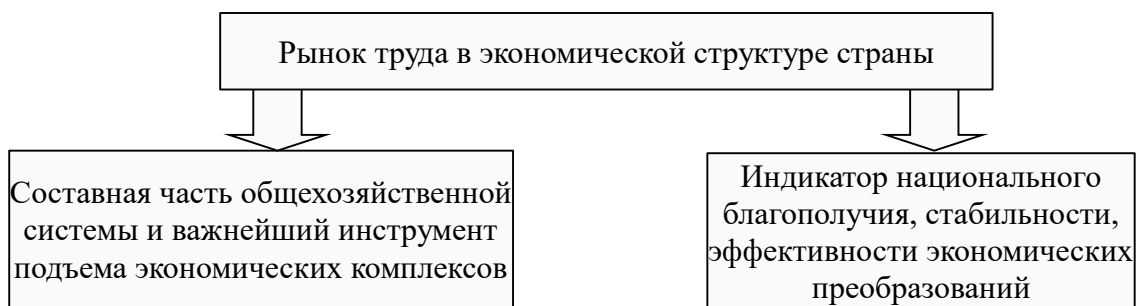

Рис. 3.1. Положение рынка труда в экономической структуре национальной экономики

В целях выявления наиболее острых рисков и угроз рынка труда Российской Федерации, нами проанализированы факторы, оказывающие непосредственное влияние на его состояние.

1. Дефицит трудовых ресурсов

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года недостаточность трудовых ресурсов и снижение качества человеческого потенциала включены в основные вызовы и угрозы экономической безопасности. [235]

Конституция Российской Федерации гарантирует право на труд всем своим гражданам, достигшим возраста 16 лет, независимо от пола. Пенсионная реформа, проведенная в 2018 году, включившая в себя увеличение

пенсионного возраста, определила на текущий момент деление населения в российской статистике на три основные возрастные группы:

1) молодое (возраст моложе трудоспособного). К этой группе относятся дети от 0 до 15 лет;

2) взрослое (трудоспособный возраст). Трудоспособный возраст: до 1 января 2019 года включительно – мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины – 16–54 года; с 1 января 2020 года – мужчины в возрасте 16–60 лет, женщины – 16–55 года.

3) пожилое (возраст старше трудоспособного). К этой категории относят людей, перешагнувших порог пенсионного возраста.

Данная группировка служит для расчета численности трудоспособных и нетрудоспособных граждан. Динамика численности населения представлена в табл. 3.16.

Таблица 3.16

Динамика численности населения РФ

Показатель	Значение показателя на 1 января							
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Численность постоянного населения, тыс. чел.	146267	146545	146804	146880	146781	146749	146171	145478
Темы роста постоянного населения, %	100,12	100,19	100,17	100,05	99,93	99,98	99,61	99,53
Трудоспособное население, тыс. чел.	85415	84199	83224	82264	81362	82678	81881	80500
Доля трудоспособного населения в численности постоянного населения, %	58,39	57,45	56,69	56,01	55,43	56,34	56,01	55,33
Численность населения старше трудоспособного возраста, тыс. чел.	35163	35986	36685	37362	37984	36629	36895	35642
Доля населения старше трудоспособного возраста в численности постоянного населения, %	24,04	24,54	24,99	25,43	25,87	24,96	25,24	24,49

В 2020 году Россия столкнулась с распространением новой коронавирусной инфекции. Неблагоприятная эпидемиологическая ситуация оказала существенное негативное влияние на динамику численности населения. Смертность граждан старше трудоспособного возраста, по предварительным данным Росстата, составила 37,9 чел. на 1 000 человек населения в 2020 году, тогда как в 2019 году скончались 37,5 чел. на 1 000 человек населения.

В последние годы, за исключением 2021 годы, в России постепенно повышается доля населения старше трудоспособного возраста и, соответственно, снижается доля трудоспособных граждан возраста – основного источника формирования трудовых ресурсов, даже с учетом повышения пенсионного возраста. На 1 января 2022 года из 145,4 млн человек постоянного

населения каждый четвертый находился в возрасте старше трудоспособного, что составляет 24,5% постоянного населения страны. Прогнозируемая Росстатом численность населения старше трудоспособного возраста к 2024 году составит 35,1 млн человек, а к 2030 году численность населения этой возрастной категории сократится до 33,7 млн человек или до 22,8% [258].

Основу тренда снижения численности трудоспособного населения РФ образуют объективные демографические процессы: снижение естественного прироста населения, относительно невысокий миграционный прирост и, как следствие, отрицательная динамика численности населения в целом (табл. 3.17).

Таблица 3.17

Динамика компонентов изменения общей численности населения РФ

Показатель	Период, год							
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Естественный прирост населения, тыс. чел.	30	32	2	–135	–224	–317	–702	–675
Миграционный прирост населения, тыс. чел.	270	245	262	212	125	285	106	365

На протяжении последних двадцати лет в России наблюдается отрицательный естественный прирост населения, за исключением периода 2013–2015 годов. Сокращение воспроизводства населения в отдельные годы нивелировалось миграционным приростом, позволившим с 2009 по 2016 год получить положительные значения общего прироста населения России. Следует отметить, в 2020 году на объемы миграционных перемещений оказало влияние введение ограничительных мер, в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

Обозначенные тенденции приводят к дефициту трудовых ресурсов, снижению производительного потенциала экономики, росту давления на пенсионную систему.

При этом в последние годы в Российской Федерации наблюдаются разнонаправленные тенденции в численности занятых по видам экономической деятельности (табл. 3.18).

Таблица 3.18

Среднегодовая численность занятых в России по видам экономической деятельности, тыс. чел.

Вид экономической деятельности	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Всего	72532	71933	69597
из них по видам экономической деятельности:			
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	4267	4196	3259
Добыча полезных ископаемых	1658	1651	1629
Обрабатывающие производства	10218	10258	9992
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	1924	1876	1878
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	515	516	532
Строительство	5129	4966	4650
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	115251	1198	10907
Транспортировка и хранение	6261	6314	6198
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1907	1894	1712
Деятельность в области информации и связи	1270	1295	1366
Деятельность финансовая и страховая	1643	1627	1587
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	1235	1233	1265
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4054	4139	4252
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	5135	5022	5020
Образование	6895	6840	6675
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	5791	5693	5498
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	1341	1445	1408
Предоставление прочих видов услуг	1737	1753	1757

Численность занятых на протяжении последних лет снижалась в таких видах деятельности как обрабатывающие производства; сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; образование; здравоохранение и социальные услуги; финансовая и страховая деятельность; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение. Рост численности занятых наблюдается в добыче полезных ископаемых, водоснабжении, в области информатизации и связи, в сфере гос-

тиниц и предприятий общественного питания, деятельности профессиональной, научной и технической, деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, деятельности по операциям с недвижимым имуществом.

Несмотря на снижение численности занятых в отдельных видах экономической деятельности можно отметить растущую потребность в трудовых ресурсах (табл. 3.19).

В целом по РФ численность требуемых работников на вакантные рабочие места по видам экономической деятельности в процентах к списочной численности работников выросла с 2,4% в 2015 году до 3,7 % в 2020 году.

Таблица 3.19

Потребность организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам на 31 октября 2020 г.

Категория работников	Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест, чел.	Удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест, в %
Всего специалистов по обследованным видам деятельности	1029753	3,7
Руководители	49050	2,1
Специалисты высшего уровня квалификации	254068	3,3
Специалисты в области науки и техники	27860	2,7
Специалисты в области здравоохранения	79488	—
Специалисты в области образования	47441	—
Специалисты в сфере бизнеса и администрирования	2193	—
Специалисты по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ)	18271	—
Специалисты в области права, гуманитарных областей и культуры	8750	—
Специалисты среднего уровня квалификации	119070	3,7
Специалисты-техники в области науки и техники	4498	—

Окончание табл. 3.19

Категория работников	Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест, чел.	Удельный вес потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест в общем числе рабочих мест, в %
Средний медицинский персонал здравоохранения	68144	—
Средний специальный персонал по экономической и административной деятельности	786	—
Средний специальный персонал в области правовой, социальной работы, культуры, спорта и родственных занятий	2354	—
Специалисты-техники в области информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)	3141	—
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	45181	3,4
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	136651	5,3
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	9370	4,8
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	179266	4,7
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	124349	3,5
Неквалифицированные рабочие	112748	3,9

Данные о потребности организаций в работниках для замещения вакантных рабочих мест по профессиональным группам свидетельствуют, прежде всего, о значительной потребности в специалистах высшего и среднего уровня квалификации в здравоохранении.

Очевидно, что недостаток данных специалистов оказывает влияние на качество медицинской помощи, как совокупности характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи и степень достижения запланированного результата.

Перечисленное выше определяет не только уровень удовлетворенности населения системой здравоохранения, но и свидетельствует о её эффективности, что не может не отражаться на показателях смертности и, как следствие, продуцировать отрицательный естественный прирост населения РФ.

2. Производительность труда

Производительность труда является важнейшим показателем, характеризующим конкурентоспособность и эффективность национальной экономики в целом и использования трудовых ресурсов, в частности. Низкий уровень производительности труда на предприятиях отражается на общей результативности производственной системы, так как производительность труда является критерием эффективности использования рабочей силы в процессе производственной деятельности. Для характеристики уровня производительности труда и проведения сравнений России с группами стран по данному показателю использовались статистические данные, размещенные на официальном сайте ОЭСР (табл. 3.20).

Таблица 3.20

Динамика показателей производительности труда в развитых странах
(выработка ВВП по ППС в расчете на одного занятого, долл. США)

Страна	Период, год										
	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Люксембург	46,9	58,2	65,4	84,7	96,1	101,8	103,3	105,1	107,4	110,8	125,3
Норвегия	33,3	48,9	66,5	77,7	83,2	81,5	87,6	93,9	91,7	85,6	–
США	33,3	40,8	51,9	61,9	69,2	70,1	72,2	74,8	77,0	79,6	–
Франция	32,4	40,2	48,3	58,1	65,3	68,3	71,3	73,2	77,1	79,7	82,3
Германия	32,5	37,7	47,8	56,7	70,0	73,3	78,1	81,2	84,4	76,7	80,5
Италия	30,7	35,6	38,7	46,8	53,2	56,6	58,5	59,5	61,0	64,3	65,6
Канада	28,2	33,4	40,5	46,0	51,1	53,4	55,8	57,3	58,9	61,2	–
Великобритания	27,4	34,5	43,2	46,9	58,0	59,2	61,4	62,6	64,5	70,3	107
Испания	26,8	29,9	35,5	44,4	51,8	53,9	56,2	56,3	58,1	58,3	59,8
Япония	23,2	28,5	34,8	39,5	45,1	44,3	44,9	45,4	48,0	50	–
Мексика	10,1	12,3	14,9	17,4	20,6	21,5	22,0	22,3	22,3	22,2	–
Словения	16,7	22,9	30,2	35,2	41,0	44,1	47,2	49,3	51,1	52,4	–
Чешская республика	15,3	18,0	25,4	32,1	39,4	40,8	43,5	45,1	47,7	48,9	–
Эстония	–	12,0	19,2	29,7	35,2	37,6	39,4	42,8	45,9	47,4	–
Польша	10,8	15,1	20,3	28,5	34,9	36,5	38,7	41,3	44,2	44,9	–
Венгрия	12,3	15,2	22,8	31,1	35,0	34,8	36,7	38,9	41,4	42,9	44,4
Россия	6,9	7,8	12,5	21,2	24,6	24,8	26,7	29,6	30,3	33,1	–
G7	30,2	36,9	45,5	53,7	60,9	62,2	64,3	67,1	68,4	71,2	–
Европейский союз	24,8	30,0	36,7	45,0	52,5	54,8	57,3	58,7	61,1	63,1	65,4

Согласно данным ОЭСР, в 2005–2020 годах производительность труда в Российской Федерации имел тенденцию к росту, превосходящую динамику,

наблюдаемую в зарубежных странах. Так, уровень производительности труда в России в 2020 году по сравнению с 2015 годом вырос на 34,14 %. Для сравнения, прирост данного показателя за аналогичный период в странах ЕС составил 20,19 %, в странах G7 – 16,91 %. Тем не менее, Россия по показателю производительности труда показателю отстает от среднего уровня развитых стран более чем в два раза: показатель G7 в 2020 году – 71,2 долл. США по ППС, Европейского союза – 63,1, России – 33,1. Отстает Россия по уровню производительности труда также и от стран центральной и восточной Европы (бывших социалистических стран). В то же время количество рабочих часов у граждан России одно из самых высоких среди европейских показателей.

Макроэкономические оценки, проведенные на основе методики level accounting, свидетельствуют о том, что разрыв в производительности труда между Россией и развитыми зарубежными странами обусловлен преимущественно более низким уровнем совокупной факторной производительности (СФП), которая традиционно интерпретируется как уровень общей эффективности использования факторов, или, условно говоря, технологический уровень. Наиболее значимую роль технологический фактор (СФП) играет в несырьевых отраслях российской экономики. Вклад же человеческого капитала в отставание России от ведущих зарубежных стран по производительности труда весьма невелик.

Очевидно, что в условиях снижения численности рабочей силы в РФ повышение производительности труда является главным фактором обеспечения экономического роста. В свою очередь, важнейшими факторами повышения производительности труда в сложившихся условиях становятся инвестиции в новые технологии, в том числе цифровые, а также инвестиции в человеческий капитал в виде затрат на обучение и повышение квалификации сотрудников.

Банком России был проведен опрос промышленных предприятий с целью изучения уровня, динамики и факторов роста производительности труда (рис. 3.2). Участники опроса выделили главные факторы, которые в 2014–2016 годах тормозили рост производительности труда:

- 1) недостаток собственных средств для инвестиций;
- 2) устаревание фондов;
- 3) низкий уровень квалификации работников;
- 4) отсутствие доступа к новым технологиям.

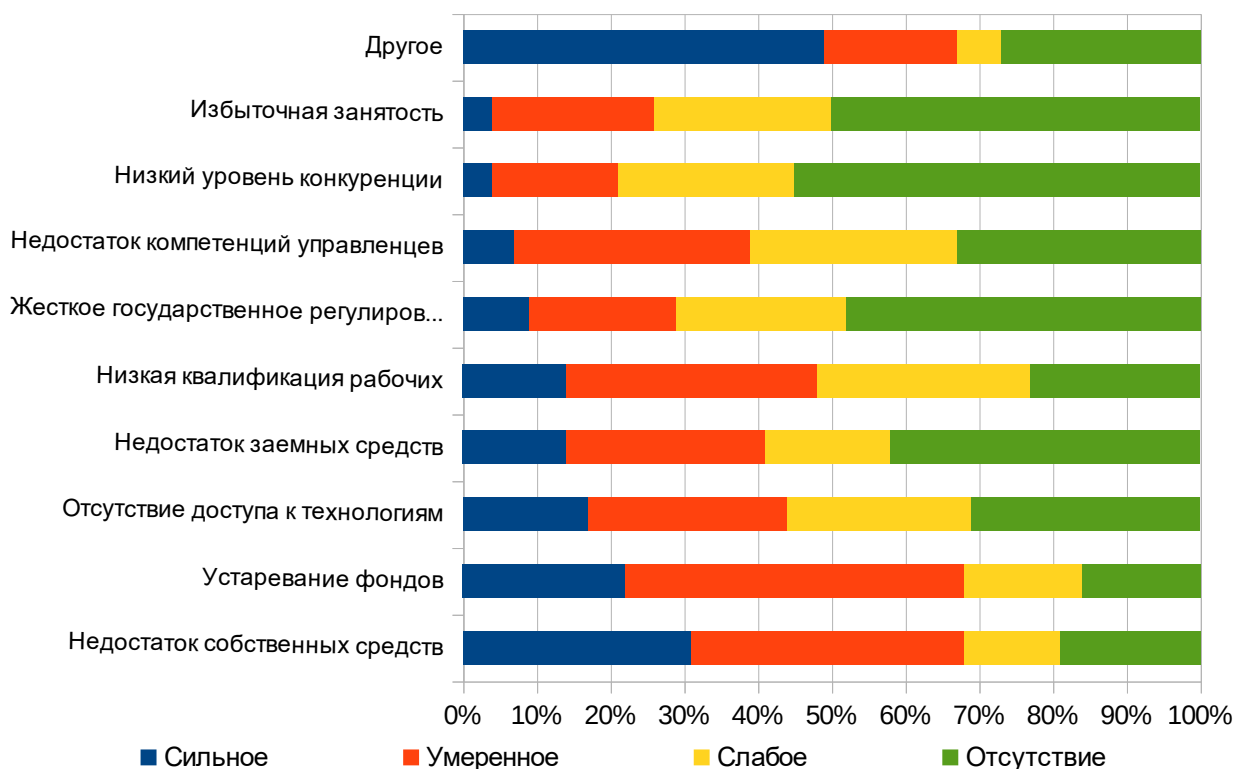

Рис. 3.2. Степень влияния различных факторов, сдерживающих рост производительности труда

Причем первые два являются наиболее значимыми: 68% предприятий отметили сильное или умеренное влияние этих факторов. Наша экономика характеризуется крайне нерациональной возрастной структурой оборудования, в которой абсолютно преобладает машинное оборудование со сроком службы свыше 20 лет. Даже в период относительно быстрого экономического роста произошло лишь незначительное увеличение доли оборудования со сроком службы до пяти лет. Данные проблемы являются достаточно типичными для всех российских предприятий. Наряду с сокращением объемов инвестиций и неудовлетворительными демографическими показателями низкая производительность – одно из структурных ограничений, тормозящих рост российской экономики.

В меньшей степени, по данным опроса, рост производительности сдерживался недостаточным уровнем знаний и компетенций у управленцев, недостатком заемных средств, жестким государственным регулированием, избыточной занятостью по сравнению с потребностями производства и низким уровнем конкуренции.

Не смотря на то, что по представленным выше результатам опроса низкая квалификация работников и недостаток компетенций управленцев не были выделены в качестве ключевых факторов производительности труда,

динамика этого показателя во многом определяется именно уровнем человеческого капитала.

В российской экономике наблюдаются, возможно, признаки ловушки недостаточного уровня человеческого капитала. Вероятность этой угрозы возрастает в связи с распространением технологий четвертой промышленной революции. Признаками ловушки недостаточного уровня человеческого капитала является растущий разрыв между рабочими, занятыми на низкооплачиваемых позициях, требующих низкой квалификации, и рабочими, занятыми на высокооплачиваемых позициях, требующих труда высокой квалификации. Недостаточность инвестиций в человеческий капитал способна еще сильнее усугубить ловушку его низкого уровня и усложнить выход из нее. Прежде всего это будет определяться дефицитом нерутинных аналитических навыков, а также компетенций в области информационно-коммуникационных технологий.

Кроме вышеназванного, предприятия выделили ряд других важных факторов, которые, по их мнению, ослабляют стимулы к повышению производительности. Прежде всего, это отсутствие рынков сбыта, в том числе, зарубежных, которое ограничивает перспективы расширения выпуска. Выход на новые рынки, как фактор повышения производительности труда, в немалой степени связан с возможностью наблюдать и взаимодействовать с фирмами, использующими лучшие в мире технологии и практики.

3. Рост пенсионных расходов

Согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей в возрастах 65 лет и более во всем населении превышает 7%. В настоящее время каждый седьмой россиянин, т.е. 15,8% (на начало 2020 года – 15,5%) жителей страны, находится в возрасте 65 лет и более.

Старение населения – тенденция, не так давно характерная в основном для развитых стран, становится глобальной проблемой. Если еще в 1950 г. на людей старше 65 лет приходилось 7,7% населения планеты, уже в 2019 г. доля выросла до 19%, а в 2050 г. превысит 27%. Россия от мировых тенденций не отстает. Росстат прогнозирует структуру населения только до 2036 г. – по данным службы, к этому году доля пожилых людей составит 24,1%.

ООН также прогнозирует увеличение медианного возраста в России (возраст жителя, выбранного таким образом, что ровно половина населения будет старше, а половина – младше) с 39,6 года в 2020 году до 44 лет к 2035 году. На 1 января 2021 года средний возраст жителей страны составляет 40,4 лет, мужчин соответственно 37,6 лет, женщин – 42,8 лет. Сейчас российское население «старше», чем в целом на планете, – общемировой медианный возраст равен 30,9 года.

В группе «пожилых» стран не только Россия, но и все страны Европы например, в 2020 году на Украине медианный возраст оценивается в 41,2 года, во Франции – 41,7, в Германии – 48,8, в Португалии – 44,6).

В России снижение численности трудоспособного населения, численности рабочей силы сопровождается ростом числа граждан пенсионного возраста (табл. 3.21).

Увеличение численности пенсионеров означает рост пенсионных расходов. По существующим оценкам изменение возрастной структуры населения в среднем по странам ОЭСР при прочих равных условиях потребовало бы к 2050 г. дополнительных (по сравнению с 2000 г.) бюджетных расходов в объеме 5,5 % ВВП, в том числе 3,4 % ВВП – на увеличение пенсионных расходов.

Некоторые граждане после выхода на пенсию продолжают работать. По официальной статистике на 1 января 2021 года численность работающих пенсионеров, оформивших обеспечение от ПФР, составляет 8,891 млн. чел. Это 20,7% от общего числа пенсионеров.

Возрастной состав населения определяет важные, с экономической точки зрения, показатели демографической нагрузки, то есть соотношения численностей населения в рабочем, детском и пожилом возрастах. Деление на эти три возрастные группы по критерию трудоспособности всегда довольно условно, но все же дает хорошее представление о демографических предпосылках формирования структуры работников и иждивенцев в населении страны или региона.

На момент переписи населения 2010 года соотношение рабочих и нерабочих возрастов в России было исключительно благоприятным. В России было 23,1 млн. человек в возрасте моложе рабочего (до 16 лет), 88,0 млн. человек, в рабочем и 31,7 млн. человек в возрасте старше рабочего или, соответственно: 16,2%, 61,6% и 22,2% от общей численности всего населения. Но к концу первого десятилетия XXI века появились признаки исчерпания тенденции снижения нагрузки.

Данные тенденции определяют особую актуальность проблемы старения населения для экономики России (табл. 3.21).

Таблица 3.21

Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий
по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров
в Российской Федерации

Показатель	Период, год							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, тыс. человек	40573	41019	41456	42729	43177	43504	43865	43546
из них получающие пенсии:								
по старости	33451	33950	34422	35555	36003	36336	36710	36341

Окончание табл. 3.21

Показатель	Период, год							
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
по инвалидности	2490	2410	2317	2267	2183	2107	2043	2088
по случаю потери кормильца (на каждого нетрудоспособного члена семьи)	1362	1344	1331	1395	1405	1408	1403	1381
пострадавшие в результате радиационных и техногенных катастроф и члены их семей	298	302	312	332	382	422	443	459
федеральные государственные гражданские служащие	62	66	66	71	68	74	77	78
социальные	2909	2946	3007	3108	3134	3156	3188	3198
Средний размер пенсии пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации²⁾, рублей	9153,6	10029,7	10888,7	12080,9	12425,6	13323,1	14102,1	14904,4
из них получающие пенсии:								
по старости	9790,1	10716,4	11569,1	12830,4	13172,5	14151,6	14986,3	15878,4
по инвалидности	6106,3	6669,2	7209,9	8040,1	8253,7	8807,4	9278,6	9823,9
по случаю потери кормильца (на каждого нетрудоспособного члена семьи)	5959,0	6598,6	7185,1	7924,9	8175,7	8875,7	9479,2	10109,9
пострадавшие в результате радиационных и техногенных катастроф и члены их семей	8402,6	8639,2	9779,2	10766,7	11261,1	11863,2	12428,5	12997,1
федеральные государственные гражданские служащие	12422,9	14020,1	15550,0	17186,4	17500,8	18709,7	19994,1	21224,3
социальные	5919,0	6446,4	7548,3	8302,4	8644,4	8806,6	9093,7	9298,1

Согласно демографическому прогнозу ООН [UN, 2019] в первой половине двадцать первого века темпы прироста демографической нагрузки будут почти вдвое выше, чем в предыдущие полвека.

Прогнозируя состояние рынка труда в связи с проблемой старения населения, необходимо учесть то, что население ни развитых, ни развивающихся стран чаще всего не готово продолжать работу после выхода на пенсию.

Таблица 3.22

Коэффициенты демографической нагрузки в России и мире, %

Наименование	Коэффициенты демографической нагрузки			Индекс роста демографической нагрузки		
	1950 г.	2000 г.	2050 г.	1950-2000 гг.	2000-2050 гг.	1950-2050 гг. всего
Россия	7	18	38	243	212	515
Мир в целом	8	11	25	130	232	302

Только 53% жителей развивающихся стран готовы оставаться на работе, в развитых – только 28%. В этих условиях большинству стран мира приходится реформировать пенсионную систему так, чтобы финансировать растущее число пенсионеров (которые к тому же будут получать пенсию дольше, чем прошлые поколения) на фоне сокращения рабочей силы.

Без реформ и ускорения темпов роста производительности труда темпы экономического роста могут замедлиться, а благосостояние людей – снизиться. Самым эффективным способом считается повышение пенсионного возраста, который позволяет одновременно продлить накопительную фазу и сократить средний период выплаты пенсий. По данным ОЭСР, 20 из 36 стран, входящих в организацию, уже повысили пенсионный возраст.

Можно сделать вывод о том, что развитие рынка труда в ближайшей перспективе будет осуществляться на фоне снижения численности трудоспособного населения и численности трудовых ресурсов. При этом негативные демографические тенденции будут смягчены ростом численности работающих лиц старше пенсионного возраста) и иностранных трудовых мигрантов. Следует также отметить недостаточность внимания проблеме производительности труда, её уровню и динамики. Несовершенны практика прогнозирования производительности труда, методические подходы к ее измерению; отмечается дефицит информации для анализа, оценки и мониторинга производительности труда. Принимаемые и планируемые на уровне государства, государственных корпораций и частных компаний меры не заинтересовывают и не стимулируют бизнес к повышению уровня производительности труда в России, а их сохранение в перспективе без полного пересмотра не позволит достичь коренного перелома ситуации.

Большое значение имеют и другие факторы, в частности, наличие научных исследований и разработок, направленных на повышение эффективности производства, высокий уровень организации и управления производством, разработка и применение на предприятиях научно-обоснованных норм труда, высокая квалификация работников. Решение вопросов определения технологического вектора представляется для страны очень важным, потому что это имеет значение и как с точки зрения повышения производительности труда, так и определения своего дальнейшего будущего в плане построения конкурентоспособной экономики.

3.4. Экономическая безопасность и финансовые кризисы: глобальный аспект

Современные вызовы и угрозы российской экономике имеют различные проявления и носят как глобальный, так и локальный характер. Деятельность по их преодолению многогранна и базируется на формирующейся *теории* экономической безопасности, справедливость

положений которой находит подтверждение в практике хозяйствования. В сложном переплетении проблем экономической безопасности особой актуальностью отличается глобальный аспект, оказывающий влияние на все человечество. Один из его ракурсов – кризисы: экономические и финансовые. Причины их возникновения различны, последствия, как правило, разнообразны, а усилия по ликвидации последствий затрагивают практически все сферы деятельности и большинство развитых и развивающихся стран мира.

Проблематика экономической безопасности широко обсуждается научной общественностью. Академиком Л. И. Абалкиным экономическая безопасность трактуется как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию» [66, с. 5]. Ведущие отечественные научные учреждения и университеты периодически организуют конференции по результатам выполненных исследований и жизненно важным для общества вопросам в данной области научного знания. В первую очередь требует внимания развитие теоретических основ экономической безопасности как самостоятельного научного направления.

Углубленное изучение экономической безопасности как социального явления насчитывает ориентировочно 25–30 лет. Эти годы были весьма непростыми не только для российской, но и для мировой экономики: относительно спокойные периоды прерывались периодами нестабильности, усугублялись кризисными ситуациями, которые вследствие своей масштабности превращались в мировые экономические и финансовые кризисы. Понятие экономической безопасности сформировалось на законодательной основе [130] как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в экономической сфере от внутренних и внешних угроз. Проблематика экономической безопасности «становится все более популярной среди ученых-экономистов и управленцев, в ней выявляются все новые аспекты, формируется собственная теория, появляются новые исследовательские подходы и методы» [153, с. 12].

Д.э.н., профессор М.Я. Корнилов обращает внимание на формирование более определенного сущностного восприятия категорий «интерес» и «угроза». «Своеобразие интереса состоит в том, что он является единственным мотивом любой человеческой деятельности» [153, с. 14]. Высокой сложностью отличается понятие «угроза» и то, какие явления действительности следует относить к угрозам интересам. «В экономической

сфере угроза есть совокупность условий³ и факторов⁴, создающих прямую и косвенную возможности нанесения ущерба экономическим интересам» [153, с. 14].

Экономическая теория является общей фундаментальной основой исследования экономической безопасности. Д.э.н., профессор В.М. Кульков делает акцент на системе политэкономических отношений, понимая под этим «генетически субординированные системы производственных отношений», которые могут «лишь частично охватить проблематику экономической безопасности в качестве локальных спецификаций» [160, с. 17]. Данное концептуальное видение можно проиллюстрировать при анализе функционирования открытой экономики и присущих ей внешнеэкономических отношений. В составе известных частей экономической теории аспект безопасности может быть представлен как при рассмотрении ее «мейнстримовского поля» (например, особенностей функционирования рынков, поведения экономических субъектов, определения роли и функций финансовой и банковской систем, эффективности проводимой макроэкономической политики и др.), так и ее «политэкономического поля» (например, при выяснении роли объективных условий с включением в них национально-специфических («особых») факторов, либо как посредствующих звеньев при разворачивании экономических категорий и т. д.).

Данное политэкономическое восприятие теоретических концептов экономической безопасности закономерно приводит к закреплению нового понимания экономической безопасности и других связанных с нею категорий, которое более предметно отражается «в новых факторах, новых ограничениях, новых переменных и их функциях, привычных для терминологии и понятийного аппарата современной экономической теории» [160, с. 17]. Именно в результате углубления научных основ появляется возможность для более объемного формулирования сущностного содержания экономической безопасности – не как фрагмента, а как «совокупности локальных спецификаций, отражающих разные темы (разделы) экономической теории» [160, с. 17].

Важным теоретико-методологическим вопросом является применение системного подхода к рассмотрению национальной экономики и на этой основе – экономической безопасности, что возможно на базе функциональной стратификации национальной экономической системы. «Экономическая безопасность как бы инкорпорирована в эту систему,

³ Условие – отношение предмета к окружающей действительности, явлениям объективной реальности, а также относительно себя и своего внутреннего мира. Предмет выступает как нечто обусловленное, а условие – как относительно внешнее предмету многообразие объективного мира.

⁴ Фактор (лат. factor «делающий, производящий») – движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты.

имманентна ей, получает базовую опору, становится продуктом, формой выражения этой системы» [160, с. 18]. Именно при таком обсуждении предметом исследования становятся методы, механизмы, инструменты и технологии функционирования национальной экономической системы и институциональные преобразования, отвечающие требованиям экономической безопасности, а его научной основой выступает «национально ориентированный подход, который делает акцент на «национально-экономических отношениях» (а не на экономических отношениях вообще), на суверенности национальной экономики» [160, с. 18].

Представленные базисные положения развиваются д.э.н., профессором Н.Н. Никулиным в отношении различий между понятиями «безопасность национального хозяйства» и «безопасность национальной экономики», а также практических мер обеспечения экономической безопасности в условиях глобализации⁵. Безопасность национально-государственного хозяйства рассматривается как направленное на развитие производительных сил создание условий для деятельности национальных субъектов: домашних хозяйств, бизнеса, государства [188, с. 28]. «Опасность» для субъектов национального хозяйства состоит в потере ими возможности для осуществления своей деятельности. Защита данной возможности и есть главная функция, реализуемая национально-государственными структурами как субъектами с помощью административных, политических, идеологических, военных мер [188, с. 28].

В контексте изложенной позиции следует обратить внимание на вероятность возникновения деформации объективных пропорций обмена вследствие искусственных ограничений свободы глобального рынка товаров, капиталов, труда, денег. Одновременно нужно иметь ввиду, что «при определении этих пропорций учитывается еще и сила национального государства через влияние на национальные издержки производства, связанные со стоимостью национальной рабочей силы» [188, с. 30]. Интерес каждого национального экономического субъекта состоит в улучшении этих пропорций и учете «исторического» фактора. Особо важной представляется следующая мысль: «Действия по защите национальной экономики, не направленные на повышение ее конкурентоспособности и установление более благоприятных рыночных пропорций обмена, означают, что в данном случае имеет место защита национально-государственного хозяйства» [188, с. 30].

⁵ Д.э.н., профессор Н.Н. Никулин видит следующие различия между экономикой и хозяйством: в экономике экономические субъекты действуют на основе определенных объективных экономических законов при использовании ресурсов и распределении результатов использования экономических ресурсов, тогда как в хозяйстве значительна роль субъективных факторов (как в рамках домашнего хозяйства, так и в масштабе национального) [188, с. 28].

Самостоятельным вектором исследований являются вопросы экономической безопасности регионов, важность которых обусловлена сложным административным устройством и масштабностью территории страны. Вполне обоснованно выделение в данном контексте таких особенностей пространственного развития России, как предпринимательская активность и ее высокая региональная дифференциация, несовершенство правил распределения доходов на субфедеральном уровне, различия культур и менталитета населения, существенные различия по уровням профессионального образования, низкий уровень занятости, особенно на отдаленных территориях, недостаточная обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, низкая инвестиционная активность, особенно по видам промышленной и сельскохозяйственной деятельности [121, с. 145]. Как представляется, региональный аспект исследований экономической безопасности становится ключевым направлением по данной проблематике.

Основываясь на действующих нормативных правовых документах [260] к.э.н., доцент Климов Д.В. подразделяет негативные факторы, как «разрушители» экономического порядка и справедливости на внутренние и внешние⁶ и утверждает, что «жизненно необходимыми интересами являются потребности, при удовлетворении которых обеспечивается полноценное существование и развитие не только личности, но и общества и государства» [143, с. 170]. Автором особо подчеркивается преимущественно экономический характер данных потребностей, вследствие которого при формулировании главной задачи экономической безопасности внимание акцентируется именно на необходимости защиты всего спектра факторов и интересов и, что немаловажно, предупреждения преступлений против них.

Оригинальные результаты с позиции институционального подхода представлены в исследовании д.э.н., профессора Ю.А. Малышева [174]. Ученый справедливо полагает: высокая сложность категории экономической безопасности требует применения разных исследовательских методов и методик, что в совокупности отражает междисциплинарный характер данной научной категории. Целесообразным видится «формирование комплексной методики исследования и выявления причин ... больших разрывов в обеспечении экономической безопасности у регионов, введение в анализ институтов и соответственно уточнения сущности экономической безопасности и расширение методологии ее оценки и анализа проблем» [174, с. 257]. Данное заключение представляется справедливым, поскольку на субнациональном уровне имеют место весьма

⁶ Внутренние факторы: «теневая» экономика, коррумпированность должностных лиц и органов власти, махинации с приватизацией, наличие реальной и теневой безработицы, экономическая преступность и внешние: глобализация экономики, увеличение влияния интеграционных группировок зарубежных стран на мировой арене, конкуренция в лице иностранных инвесторов и др. [9, с. 171].

существенные различия в практиках поддержания экономической безопасности территорий разного ранга.

Анализ различных мнений приводит к выводу о целесообразности продолжения исследований теоретико-методологических основ и более активного формирования инструментального обеспечения экономической безопасности в целях создания условий для защиты национальной экономической системы от неблагоприятных воздействий. Переход к Индустрии 4.0 несет в себе не только технологические и информационные новшества. Глобализация затрагивает различные сферы жизнедеятельности человека и порождает новое, качественно иное восприятие проблем обеспечения экономической безопасности.

Несмотря на наличие содержательных и разносторонних публикаций по проблематике экономической безопасности, серьезного внимания требует изучение потенциальных угроз от периодически возникающих экономических, системных и финансовых кризисов, механизмов их предотвращения и регулирования, смягчения ожидаемых негативных последствий. Именно эти обстоятельства в совокупности с работой по систематизации имеющихся материалов, описывающих причины зарождения, распространения кризисных явлений, последствия предпринимаемых в данной области мер и специфику технологий их реализации, предопределили тему данного раздела монографии.

Типология кризисов. *Экономический кризис* – явление, приводящее к резкому спаду производства вследствие непредвиденных обстоятельств; некий перелом в экономике страны или же переходное состояние, сопровождающееся бурными волнениями в обществе. *Структурный кризис* – одна из форм кризисных явлений в экономике, вызываемых диспропорциональностью в развитии отдельных отраслей. *Финансовый кризис* – резкое изменение стоимости каких-либо финансовых инструментов; в зависимости от причин возникновения и масштабов распространения рассматривается как разновидность экономического либо структурного кризиса. По предположениям ученых событие в Римской империи (датируется 88 г. до н. э.), связанное с обесцениванием «малоазиатских» монет Понтийского царства, стало первым финансовым кризисом в мировой истории. Финансовые кризисы возникают по разным причинам, вследствие чего предугадать их начало и прогнозировать на будущее весьма затруднительно, а в ряде случаев практически не представляется возможным.

С позиции системного подхода, *финансовый кризис* – «экономическое явление, системно охватывающее финансовые рынки и институты финансового сектора, денежное обращение и кредит, международные финансы, государственные, муниципальные и корпоративные финансы» [179, с. 124].

Следствием разнообразных проявлений финансовый кризисов на *финансовых рынках* становится разбалансированность финансово-кредитного механизма: существенный рост ставки процента, резкое снижение масштабов кредитования, неуправляемое падение курса ценных бумаг, стагнация инвестиционной и расцвет спекулятивной деятельности, потеря ликвидности активов, паника в банковском секторе. Непредсказуемое падение курса национальных валют при неконтролируемом росте государственного внешнего долга, «бегство» инвесторов из страны наблюдается в *международных финансах*. Стремительный рост цен, переходящий, как правило, в хроническую инфляцию и сопровождаемый появлением денежных суррогатов, происходит в области *денежного обращения*. Уменьшение величины международных резервов, разбалансированность бюджета, проявляющаяся в увеличении его дефицита, неуправляемом нарастании внутреннего государственного долга, возникает в *сфере государственных финансов*.

Кризисные явления в финансовой сфере можно классифицировать по различным основаниям. В табл. 3.23 представлены различные виды финансовых кризисов, имевшие место в мировой истории и их отличительные черты.

Таблица 3.23

Финансовые кризисы в мировой истории

Виды кризисов	Характеристики кризисов
<i>Банковский кризис (банковская паника)</i>	Ситуация, при которой один или несколько крупных банков испытывают внезапный массовый приток клиентов, которые намерены изъять депозитные вклады. Банки не располагают финансовыми ресурсами для единовременного выполнения подобного рода операций в отношении всех вкладчиков. Результатом становится сначала банкротство системных банков, которое затем стремительно перерастает в процесс разрушения национальной банковской системы. Данное событие инициирует долгосрочную рецессию в экономике, поскольку хозяйствующие субъекты (как организации, так и домохозяйства) испытывают недостаток средств для выполнения своих функций. Пример – массовое изъятие вкладов из банков в США в 1931 г. (период Великой депрессии) и кризисы банковских систем в странах Латинской Америки в 1980-х гг.
<i>Валютный кризис (кризис внешнеторгового баланса)</i>	Ситуация, при которой обменный курс, привязанный к валюте другой страны, находится на грани обвала, в результате чего происходит множество спекулятивных операций, ускоряется обесценение национальной валюты, повышается вероятность девальвации. Пример – резкая девальвация рубля в России в 1998 г.
<i>Суверенный дефолт (бюджетный кризис)</i>	Ситуация, при которой государство признаёт, что не способно расплатиться по своим внутренним и внешним обязательствам (банкротство государства). В случае объявления суверенного дефолта государственные обязательства резко теряют в стоимости, происходит отток капитала, возникает угроза валютного кризиса

<i>Виды кризисов</i>	Характеристики кризисов
<i>Кризис ликвидности</i>	Ситуация общего состояния взаимного недоверия в банковской системе из-за невыполнения обязательств, приводящего к временному исчезновению кредитов. Чаще всего возникает как следствие других видов кризисных явлений (например, банковской паники или краха спекулятивных пузырей). Пример – ситуация на американском рынке в 2007 г. после краха пузыря ценных бумаг, связанных с ипотечными закладными
<i>Крах «рыночных пузырей» (биржевой кризис)</i>	«Рыночный пузырь» – ситуация, при которой на фондовом рынке происходит резкое снижение стоимости активов (в частности, ценных бумаг), причиной которого служит изначально спекулятивно завышенная их цена. После выяснения истинной стоимости актива происходит «схлопывание пузыря» – нарастает массовая паника, инвесторы продают ценные бумаги по бросовой цене, предприятия терпят убытки

Источник: составлено по [111; 112].

Два из представленных выше видов финансовых кризисов (кризис внешнеторгового баланса и суверенный дефолт) при неблагоприятном стечении обстоятельств могут привести к возникновению мирового финансового кризиса. В него, как правило, вовлекаются активно взаимодействующие государства; затем дестабилизация финансовой сферы распространяется на большинство развитых и развивающихся стран мира.

Влияние финансовых кризисов на экономику в глобальном аспекте. Для финансово-экономических исследований представляют интерес причины возникновения финансовых кризисов. Рассмотрим примеры крупнейших кризисных ситуаций, широко известных в мировой экономике, и наиболее значимые кризисы в истории России, проанализируем основные причины их возникновения и ошибочные действия правомочных структур, приведшие к их развитию.

Крупнейшие (характеризующиеся комплексностью и масштабностью) мировые финансовые кризисы в ведущих странах за последние два столетия.

«Долгая депрессия» (1873–1896 гг.). Данный кризис начался с роста «спекулятивного пузыря» на фондовых рынках Австрии и Германии. После резкого роста цен на недвижимость «пузырь» лопнул, послужив причиной резкого обвала европейской и американской экономики. Также он стал причиной финансовой паники 1893 г., когда обвальное падение акций железнодорожных компаний, вызванное перепроизводством, повлекло за собой массовое разорение банков и скачок безработицы до 20-ти процентного уровня.

«Июльский кризис» (1914 г.). Его предпосылкой стало начало Первой мировой войны. Для финансирования военных расходов правительствами

США, Великобритании, Франции и Германии была проведена тотальная распродажа ценных бумаг иностранных эмитентов. Это инициировало обвал рыночных котировок и крах фондового рынка, вызвало социально-экономические волнения. Однако квалифицированные действия руководств центральных банков ряда стран, в том числе США и Великобритании, позволили смягчить ситуацию.

После Первой мировой войны случился ещё один финансовый кризис, протянувшийся с 1920 по 1922 гг. Причиной кризисных волнений в экономике стала дефляция, т.е. снижение общего уровня цен, которое в рамках экономического цикла совпало с фазой спада производства. Многие страны Европы и также США оказались вовлеченными в банковский и валютный кризис.

«Великая Депрессия» (1929–1939 гг.). Широко известный и разрушительный финансово-экономический кризис. Причина – обвал фондового рынка в США («Чёрный четверг»): на фондовой бирже Нью-Йорка произошел резкий обвал стоимости акций, их цена снизилась в среднем на 60-70%; был отменен золотой стандарт для основных мировых валют. По информации, только в течение недели держатели акций лишились 15 миллиардов долларов США, а к концу 1929 г. их совокупная стоимость снизилась на 40 миллиардов долларов США вследствие падения курса ценных бумаг. Даная ситуация инициировала массовое банкротство компаний и многократный рост уровня безработицы, а также сокращение объемов производства по всему миру. Принятые в данный период антикризисные меры не были достаточно эффективными и по своей совокупности затруднили выход из кризисной ситуации.

Развитие финансового кризиса повлияло на уровень безработицы, который за период с 1929 по 1933 гг. увеличился более чем на 20% в США, на 17% в Германии, на 12% в Великобритании. Кризис продолжался до 1933 г., а его последствия ощущались до конца 1930-х гг. Президент США Ф. Рузвельт (1933-1945 гг.) провел множество реформ для улучшения ситуации в стране, получивших название «Новый курс Рузвельта». Предпринятые меры способствовали выходу из финансового кризиса США, а в дальнейшем и других стран Европейского и Американского континентов.

«Нефтяной кризис» (1973 г., «нефтяное эмбарго»). Данный крупнейший кризис был первым энергетическим кризисом. Он начался в Соединённых Штатах из-за эмбарго, наложенного странами ОПЕК на ввоз их нефти в Америку, Японию и некоторые страны Западной Европы. Объём мирового производства снизился более чем на 25%. Менее известен *второй «нефтяной кризис»* 1979–1980 гг. В это время цены на нефть увеличились в среднем в 3 раза и достигли 32–36 долларов за баррель. Для борьбы с высокой инфляцией правительством США были предприняты монетарные меры: резко выросла процентная ставка; фондовый рынок в реальных ценах показал результат, сопоставимый с «Великой Депрессией».

«Чёрный понедельник» (1987 г.). На американском фондовом рынке произошло наиболее крупное за всю историю падение Промышленного индекса Dow Jones Industrial – на 22,6%. Этот финансовый кризис затронул рынки и других развитых стран: Великобритании, Канады, Австралии и Гонконга. Примечательно, что этой катастрофе не предшествовали никакие видимые причины, что поставило под сомнение многие теории, лежащие в основе современной экономической науки.

«Текиловый кризис» (1994–1995 гг.). Этот финансово-экономический кризис начался в Мексике и выявил ряд недостатков в национальной экономике данной страны, включая сложные взаимоотношения с США и несовершенство механизмов финансового регулирования. Его причиной послужила мягкая фискальная политика в предвыборном году. Кризис удалось достаточно быстро локализовать, но американская и европейская экономики потеряли десятки триллионов долларов.

«Азиатский кризис» (1997–1998 гг.). Причиной стал массированный приток инвестиционных капиталов в государства Юго-Восточной Азии, что привело одновременно к бюджетному, валютному и биржевому кризисам. Мировой ВВП упал на 2 триллиона долларов США. Страны Юго-Восточной Азии пострадали наиболее сильно (Таиланд, Малайзия, Южная Корея и Индонезия).

«Дефолт» (1998 г.). Кризис государственного долга в России. В первой половине 1998 г. пострадавшая от последствий Азиатского кризиса российская экономика оказалась подвержена торговому и финансовому шокам из-за значительного снижения цены на нефть и роста процентных ставок по государственным облигациям. Предпринятые Правительством меры не оказали кардинального воздействия на оздоровление финансовой сферы, что в совокупности с недостаточностью валютных резервов привело к коллапсу рынков гособлигаций и валюты. Признав свою неспособность расплатиться по обязательствам, Правительство объявило в стране дефолт. В результате девальвации, падения объемов производства и налоговых поступлений в 1998 г. российский ВВП сократился втрое, тогда как сумма внешнего долга в это же время составила 147% ВВП (рис. 3.3). Произошла неуправляемая трехкратная девальвация рубля.

Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации было проведено расследование обстоятельств дефолта 1998 г.⁷ Благодаря предпринятым мерам экономика страны в течение нескольких лет стабилизировалась и вышла на относительно высокие показатели

⁷ «Непосредственной причиной принятия решений от 17 августа стало отсутствие у Правительства Российской Федерации средств, необходимых для исполнения своих долговых обязательств по ГКО - ОФЗ⁷, а также резкое ухудшение условий привлечения для этого новых займов. ... Основной непосредственной причиной возникновения долгового кризиса стало завышение доходности ГКО – ОФЗ практически с первых же месяцев их размещения» [129].

экономического роста. Ведущая роль в преодолении накопившихся проблем принадлежит преобразованиям в макроэкономической политике, которые произошли после смены Правительства и руководства Центрального банка, применению инструментария государственного регулирования экономики.

Рис. 3.3. Динамика курса рубля к доллару в 1998 г. По данным ЦБ РФ*

*Источник: Банки.ру – независимый финансовый супермаркет // <https://www.ban ki.ru/products/currency/usd/>

«Крах доткомов» (1999 г.). Причиной кризиса считается обвал технологического индекса NASDAQ. Однако при более глубоком рассмотрении в качестве веских причин можно выделить бурное развитие интернет-компаний и большие финансовые вклады в эту сферу (по оценкам, до 40% венчурного капитала). За период с 1996 г. до марта 2000 г. индекс NASDAQ вырос с 1000 пунктов до 5048 пунктов [17]. Началом кризиса считается спад производства в Японии: на тот момент вторая экономика мира ушла в рецессию, что привело к массовым продажам акций технологических компаний. «Экономический пузырь» лопнул: цена акций Cisco снизилась на 86%, Amazon – на 93%. К началу IV квартала 2000 г. индекс NASDAQ упал более чем на 70% по сравнению с I кварталом. Директоров некоторых доткомов обвинили в мошенничестве и обмане инвесторов. Пострадавшим инвесторам Citi Group и Merrill Lynch выплатили штрафы. По экспертным оценкам, вследствие данных негативных событий на финансовом рынке инвесторы потеряли более 5 триллионов долларов США.

«Мировой экономический кризис» (2007–2009 гг.). Ему предшествовали финансовый и ипотечный кризисы в США, следствием

которых стало снижение объемов производства и рост безработицы во всем мире. Эффекты, вызванные данным кризисом, до сих пор отражаются на состоянии экономик большинства стран мира. Предпосылкой этого разрушительного процесса признан *«ипотечный кризис»* в США (2007 г.), следствием которого стало банкротство банков, обесценение ценных бумаг. Его причинами были резкий рост количества невыплат по ипотечным кредитам с высоким уровнем риска, вследствие чего участились случаи отчуждения банками заложенного недвижимого имущества. Ипотечный кризис привел к финансовому кризису, который стремительно распространился на ряд развитых стран и в дальнейшем превратился в мировой экономический кризис. Негативное развитие событий можно проследить по динамике темпов прироста мирового ВВП: если в 2008 г. они были положительными (+1,83 %), то в 2009 г. стали отрицательными (–2,3 %) (впервые после Второй мировой войны). В начале 2008 г. инфляция достигла рекордных значений [74]. Вследствие своей масштабности и тяжести последствий этот один из сильнейших экономических кризисов XXI в. оказал негативное влияние и на развитие валютного кризиса 2014–2015 гг. в России, и на падение цен на нефть, и на ухудшение общего экономического положения во всем мире.

«Валютный кризис» (2014–2015 гг.). Его особенность проявилась в том, что он развивался исключительно в России (как результат антироссийских санкций со стороны ряда западных стран), тогда как государства Европы на тот период показывали небольшие, но устойчивые темпы экономического роста, а в США существенно повысилась инвестиционная привлекательность страны. Основной причиной данного кризиса стали колебания стоимости валюты в связи с резким падением цены на нефть более чем в два раза. Дополнительным фактором признано усугубление структурных проблем российской экономики, обусловившее неблагоприятную динамику важнейших макроэкономических показателей. По совокупности названных причин произошло значительное снижение курса рубля относительно иностранных валют, следствием которого стали рост инфляции, экономический спад, снижение реальных доходов населения, уменьшение потребительского спроса, рост уровня бедности (рис. 3.4). Основными мерами, которые предприняли Правительство и Центральный банк в целях стабилизации ситуации в стране, стали: резкое повышение ключевой ставки и её последующее снижение после стабилизации ситуации в экономике; проведение валютных интервенций для поддержания курса рубля; введение директивы о лимите валютных активов для снижения их запасов у хозяйствующих субъектов.

Рис. 3.4. Динамика курса рубля к доллару США в 2014–2016 гг.*

*Источник: Банки.ру – независимый финансовый супермаркет // <https://www.ban ki.ru/products/currency/usd/>

«Пандемический кризис» (2020 г.). Изучение проблем возникновения и развития финансовых кризисов позволяет выявить ожидаемые и возможные последствия, оценить перспективы развития мировой экономики и финансовых отношений. Установлено, что вследствие пандемического кризиса и введения карантинных мер в экономиках целого ряда стран произошел резкий спад хозяйственной активности. 20 февраля 2020 г. начался глобальный крах фондового рынка. 9 марта 2020 г. цены на нефть снизились на 22 %; фьючерсный индекс Dow Jones Industrial Average упал на 1300 пунктов (на основе информации о распространении пандемии COVID-19 и падении цены на нефть); индекс S&P 500 – на 7,6 %; индекс STOXX Europe 600 был более чем на 20 % ниже своего пика в начале 2020 г. Падение акций более чем на 20 % было отмечено в Японии, Сингапуре, Филиппинах, Индонезии. Приобрел влияние и политический фактор⁸. В целом, развитие пандемического кризиса в 2020 г. разбалансировало работу финансового рынка. Многие компании потеряли миллиарды долларов вследствие падения цены на нефть и снижения курса ценных бумаг.

Согласно данным Минэкономразвития, в мае 2020 г. ВВП России был ниже на 12% по сравнению с мартом 2019 г. Это наихудший показатель в сравнении с кризисами 2007–2009 гг. и 2014–2015 гг. Оборот розничной торговли снизился более чем на 23%. В наибольшей степени пострадали

⁸ Например, 12 марта 2020 г. эксперты называли «Черным четвергом» из-за отсутствия доверия к президенту США Дональду Трампу после того, как он объявил 30-дневный запрет на поездки из Шенгенской зоны.

секторы экономики, связанные с удовлетворением потребностей населения и напрямую зависящие от состояния потребительского спроса, а также рынков услуг. Падение российского фондового рынка началось в марте 2020 г. Так, стоимость акций на Московской бирже упала более чем на 1000 пунктов вследствие заявления ВОЗ о признании Covid-2019 пандемией⁹. Произошло ухудшение социальной обстановки: по сообщению Министра труда и социального развития России, по состоянию на 1 июня 2020 г. количество зарегистрированных в службе занятости безработных превысило 2 миллиона человек. По информации ФСГС, по итогам апреля 2020 г. количество безработных в России (в том числе незарегистрированных) составило 4,3 млн человек (на 23% больше, чем в марте). Конфедерация труда России (данные на начало июня 2020 г.) оценила численность безработных на уровне 8 млн человек. На ухудшение ситуации повлиял сырьевой фактор. С начала 2020 г. до середины марта цена нефти Brent снизилась с 68 до 22 долларов США. Вместе с этим курс доллара вырос до 80 рублей за этот период. Последствия пандемического кризиса последовательно преодолевались и к концу 2020 г. во многом благодаря предпринятым антикризисным мерам Правительства России удалось вернуться к докризисному экономическому положению.

Тенденции в развитии финансовых кризисов. Изучая историю экономических и финансовых потрясений в глобальном масштабе можно проследить некие закономерности, которые наблюдались практически в каждом мировом кризисе. Если сравнивать кризисы конца XIX в. и современные кризисы, то ясно видна их разница в определенных аспектах. По результатам анализа отчетливо прослеживается эволюция экономических кризисов. Если в предшествующие эпохи кризисы возникали вследствие недостаточного производства продуктов питания, например, в период засухи и неурожая, то в XIX в. причиной кризисов стало отсутствие равновесия между спросом и предложением. До середины XX в. кризисы перепроизводства – наиболее частое явление, когда у хозяйствующих субъектов (организаций и домохозяйств) снижалась платежеспособность, а производство товаров и услуг продолжало расширяться. Отсутствие платежеспособного спроса в совокупности с другими внешними и внутренними факторами инициировало возникновение кризисных ситуаций в экономике.

Исследование тенденций экономического развития и возникновения кризисных ситуаций позволяет проследить, в каких направлениях происходят изменения и каким образом они инициируют неустойчивое состояние экономической и финансовой системы. Прежде всего, **кризисы стали носить глобальный характер**. На эту закономерность оказывает влияние процесс *глобализации*, охватывающий все сферы жизни общества,

⁹ 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила пандемию коронавируса в мире.

включая экономическую. Принято считать, что экономические кризисы до XIX–XX вв. происходили лишь в пределах нескольких стран, однако сейчас они преимущественно носят именно международный характер. Данная особенность обусловлена многообразными связями стран друг с другом в торговых отношениях, экспорте и импорте сырья, природных ресурсов, а также в финансовой сфере. Во все более широких масштабах прослеживается определенная, а в ряде случаев и весьма существенная экономическая зависимость одних стран от других. Именно данное обстоятельство и можно считать весомой предпосылкой зарождения и развития финансового кризиса. Поэтому, в случае возникновения проблем и негативных ситуаций в финансовом секторе какой-либо страны кризис возникает и в других странах, связанных с нею финансовыми отношениями, или же зависимых от нее.

Влияние цикличности экономики. Смена стадий (фаз) экономического цикла оказывает влияние на возникновение и развитие кризисных ситуаций в финансовой сфере. В XIX в. и первой половине XX в. спады и кризисные явления в экономике возникали реже, чем во второй половине XX в. и в начале XXI в. По оценкам ученых, за последние сто лет кризисных ситуаций было больше, чем за всю историю финансовых кризисов. Повышение их частоты связано напрямую с цикличностью экономики. Однако по временной продолжительности кризисы существенно отличаются между собой, что обусловлено разнообразием и непредсказуемостью причин их возникновения. В настоящее время кризисы возникают приблизительно каждые 3–4 года. Однако, по глубине своей разрушительной силы они не только не уступают, но и превосходят ушедшие в историю кризисы.

На примере современной России можно увидеть ещё одну тенденцию, которая характерна не только для нашей страны и влияет на возникновение и развитие кризисных ситуаций: это **прямая зависимость курса национальной валюты от цены на нефть**. Стоимость нефти напрямую влияет на состояние российского бюджета. При резком падении цены на нефть в бюджете образуется дефицит. Объясняется это тем, что федеральный бюджет планируется в рублях исходя из определенной цены на нефть в долларах. Если ее стоимость уменьшается, но при этом сохраняется курс доллара, то сумма поступающих в бюджет доходов будет меньше и, следовательно, расходы не будут профинансированы в полном объеме. Вследствие чего возникает необходимость либо в снижении расходов и пересмотре государственного бюджета, либо в поиске путей преодоления дефицита бюджета. Для преодоления данной ситуации проводится контрциклическая бюджетная политика с применением так называемых «бюджетных правил», плавающего валютного курса [1].

Причины и предпосылки возникновения финансовых кризисов. Одной из главных причин возникновения финансовых кризисов **считается** усиление разногласий в социально-экономической сфере, приводящее к угрозе ее жизнестойкости в окружающей экономической среде. Предположительно, наступлению и развитию финансового кризиса способствуют такие факторы, как:

эффект толпы. Данная ситуация возникает в обстоятельствах высокой неопределённости, когда у инвесторов нет достоверной информации о состоянии той или иной сферы или отрасли, а единственные имеющиеся сведения основаны на неподтверждённых слухах. При появлении негативных ожиданий, независимо от их природы и источника, возникает массовая паника и отток капиталов;

увеличение объёмов спекулятивных операций. Желание получить доход по причине незначительного изменения (роста или снижения) стоимости активов побуждает участников рынка осуществлять их куплю-продажу по завышенной цене. После обесценения переоценённых активов спекулятивный пузырь «схлопывается» и происходит резкое падение котировок;

леверидж¹⁰ (финансовое плечо). Привлечение заёмных средств ведёт к росту внутреннего и внешнего долга. При отсутствии доходности вложений финансовые потери несут как инвестор, так и кредитор. На макроэкономическом уровне данные зависимости проявляются в банкротстве больших совокупностей участников финансового рынка;

недостаточность (либо несогласованность) регулятивных мер со стороны государства. Стремление к максимизации прибыли инициирует возникновение неоправданных рисков в деятельности компаний. Отсутствие регламентации проведения высокорискованных сделок на законодательном уровне приводит к огромным убыткам для организаций и их партнёров при неблагоприятном исходе событий;

политическая нестабильность. Благоприятные внешнеэкономические отношения между странами, внутривнутриполитическая обстановка и доверие к власти со стороны граждан имеют основополагающее значение для распределения потоков капитала и устойчивого развития экономики стран;

«финансовая инфекция». Некоторые исследователи применяют данное понятие для объяснения динамики процессов, при которых кризисные явления распространяются по всему миру согласно «эффекту домино», т.е. захватывают все новые и новые субъекты хозяйствования, отрасли и территории разных стран, на поверхности явления напоминая эпидемию инфекционной болезни.

¹⁰ Соотношение вложений капитала в ценные бумаги с фиксированным доходом и вложений в ценные бумаги с нефиксированным доходом.

Последствия и способы преодоления кризисного положения. Когда вызванный кризисом экономический спад достигает своего пика, все экономические субъекты испытывают его последствия, заключающиеся в росте цен, увеличении уровня безработицы, утрате доверия к государству, снижении уровня и качества жизни в целом. Мировой финансовый кризис приводит к уменьшению деловой активности, краху фондового рынка. Тем не менее, в долгосрочной перспективе финансовый кризис может иметь и ряд положительных последствий, при условии осуществления государством эффективных мер его урегулирования, в состав которых входят:

- 1) разработка специальных программ для стимулирования импортозамещения и организация мониторинга цен на отечественные товары;
- 2) систематическая работа по совершенствованию методов и инструментов финансовой (налоговой и бюджетной) политики и стимулированию предпринимательской активности;
- 3) принятие комплекса мер для проведения сбалансированной денежно-кредитной политики, повышения сохранности средств хозяйствующих субъектов, привлекательности и разнообразия инструментов финансовых вложений.

История доказывает, что финансовые кризисы несут позитивный эффект и могут стать отправной точкой для интенсификации экономической деятельности и инновационного развития отраслей производства и сферы услуг, стимулируя рост конкурентоспособности национального хозяйства в глобальном масштабе. Можно выделить различные методы и инструменты экономического, финансового и денежно-кредитного регулирования, которые в исторической ретроспективе положительно зарекомендовали себя на практике. Основываясь на сформировавшихся представлениях о разнообразных причинах и характерных стадиях протекания финансового кризиса как экономического явления или процесса, целесообразно было бы использовать в антикризисном управлении системный подход к их практическому применению на практике.

Прежде всего, требует обсуждения вопрос о *расширении полномочий Центрального банка*. Его актуальность обусловлена необходимостью переориентации денежно-кредитной политики не только на обеспечение целевых ориентиров стратегического развития страны в целом, но и на содействие поэтапному переходу к эффективному развитию каждого отдельного региона. Требуется введение новшеств в систему рефинансирования коммерческих банков посредством переоценки рыночной стоимости и повышения ликвидности ценных бумаг. Нужно наладить систематическую работу по обновлению методологии оценки системных рисков исходя из формирующихся тенденций и информационных возможностей отраслей и территорий. Практикой востребовано развитие и применение новых подходов и методик капитализации рыночного хозяйства, в том числе посредством введе-

ния в рыночный оборот объектов интеллектуальной собственности и цифровых денежных активов. Нуждается в совершенствовании система мониторинга и соответствующий инструментарий оценки банковской системы в целях обеспечения стабильности работы её элементов, в том числе на региональном уровне.

Высокая потребность в изучении проблематики финансовых кризисов. История мировых экономических волнений является многовековой. С 88 г. до н. э. вплоть до современного периода произошло более тысячи финансовых кризисов, из которых свыше ста носили международный характер, выходили за рамки национальной экономики. На исторических примерах финансовых кризисов можно проследить, насколько одни волнения экономических систем отличались от других. Из этого следует, что финансовые кризисы весьма многообразны. Можно выделить банковские, валютные, долговые, бюджетные и другие виды финансовых кризисов. Такое разнообразие финансовых кризисов заключается в различии вызывающих их причин. Так, причиной финансового кризиса может стать массовый невозврат долгов, что приведет к банковскому кризису, спекуляциям на фондовой бирже, падению курса национальной валюты, возникновению «экономического пузыря» и его схлопыванию, социально-экономическим или политическим волнениям в стране, невыплате государственного долга.

Возникновение и развитие финансовых кризисов в обозримом будущем имеет определенную долю вероятности: по информации МВФ, мировая экономика вновь находится на пороге кризиса. Предпосылками этого служат: стремительное снижение темпов экономического роста в глобальных масштабах; значительная долговая нагрузка стран с низким уровнем ВВП; дестабилизация экономических отношений между странами-лидерами производства: США и Китаем. Согласно экспертным оценкам, общий объем долговых обязательств в мире на конец 2019 г. составлял 188 триллионов долларов, что превысило размер мирового ВВП на 130%. Это означает, что значительная часть долга не подкреплена активами реального сектора мировой экономики. Сложившаяся ситуация усугубляется нестабильностью производства в связи с пандемическим кризисом и падением цен на нефть. Текущие убытки в общемировом масштабе оцениваются в сотни миллионов долларов. МВФ предупреждает: назревающий финансовый кризис может оказать катастрофическое влияние на страны с переходной экономикой. Особенно это относится к государствам, осуществляющим значительные экономические преобразования, в числе которых Индия, Бразилия, Россия и Китай.

С начала пандемии и до конца апреля 2021 г. МВФ одобрил кредиты 86 странам на общую сумму свыше 110 млрд долларов США. В августе 2021 г. было одобрено новое распределение специальных прав заимствования (СДР) в размере 650 млрд долларов США. Это позволяет государствам-членам

МВФ значительно увеличить объем резервов и ликвидности без усиления бремени задолженности. Обсуждаются варианты добровольной передачи СДР уязвимым странам от стран, находящихся в стабильном финансовом положении [2].

Возрастание актуальности исследований экономической безопасности.

На основе изучения и анализа ряда публикаций по вопросам экономической безопасности, резюмируя изложенное выше и исходя из понимания цели функционирования национальной экономики в рыночных условиях хозяйствования как «увеличение совокупного богатства», вполне правомочным видится следующее представление об особенностях развития современных национальных экономик и проблемах обеспечения экономической безопасности в условиях нестабильного турбулентного развития.

Современная экономическая система предстает как система, в основе которой лежит капитал. Целью движения капитала является его увеличение. Доход, получаемый владельцем капитала, выражается и измеряется в денежной форме. Поскольку экономическими субъектами в национальной экономике являются предпринимательское сообщество, т.е. бизнес (собственники денежного, производительного и товарного капитала), наемные работники (собственники человеческого капитала) и государство, которые стремятся реализовать свой экономический интерес, то с неизбежностью имеет место столкновение их интересов.

При определении понятия «безопасность национальной экономики» возникают следующие проблемы, на которые обращает внимание д.э.н., профессор Н.Н. Никулин: какой экономический интерес следует охранять, безопасность какого экономического субъекта следует защищать, в чем должна выражаться эта защита и кто должен выступать в качестве «защитника»? [188]. Вполне правомочным представляется следующее заключение: опасность для экономического субъекта в условиях конкурентных рыночных отношений заключается в потере субъектности. В этом случае появляется заинтересованность в повышении конкурентоспособности для каждого субъекта через влияние на пропорции обмена с точки зрения потребительных ценностей при рыночном (эквивалентном) формировании денежных ценностей.

В этой связи становится очевидной роль экономических субъектов в обеспечении экономической безопасности: каждый из них на своем уровне является защитником национальной экономики. Цель каждого экономического субъекта – соответствовать требованиям рынка в условиях конкуренции. Данная методологическая конструкция приводит к пониманию того, что в условиях глобализации экономической структурой можно назвать только такую воспроизводственную единицу, которая отвечает конкурентным требованиям мирового рынка [188, с. 29].

Вероятность возникновения финансовых кризисов в будущем обусловлена рядом объективных причин. Например, возрастающая доля в мировом ВВП стран Востока, в первую очередь Китая, может привести к возникновению масштабных кризисных ситуаций именно в данном регионе мира. На основании выполненного анализа можно проследить географию представленных выше крупнейших финансовых кризисов в глобальном масштабе, понять степень их воздействия на развитие мировых экономических отношений. Финансовые кризисы, нарушая течение экономических циклов, имеют разнообразные проявления: как негативные, так и позитивные, приобретают глобальный характер. Это обуславливает востребованность углубленного исследования причин их возникновения и необходимость планомерного государственного регулирования для поддержания макроэкономического равновесия и стабильности национальных финансовых систем.

В этой связи крайне важным становится ответственное проведение Российским государством контрциклической бюджетной политики и разработка системы мер, способных поддерживать в будущем функционирование национальной финансовой системы в сбалансированном состоянии, а также развивать такие прогрессивные тенденции, как рынок криптовалют и проектируемый Центральным банком Цифровой рубль. Важно также разработать меры предупреждения кризисных ситуаций не только на глобальном и национальном уровне, но и на уровне отдельных компаний. Каждая сфера и каждое звено национальной финансовой системы должны быть подготовлены к различным вариантам развития событий и незамедлительному принятию необходимых мер для обеспечения экономической безопасности.

3.5. Некоторые проблемы экономической безопасности, связанные с развитием сквозных цифровых технологий

В настоящее время концепция «Развитие и взаимодействие экономических систем в условиях четвертой промышленной революции» (далее – Индустрии 4.0) детерминируется адаптацией и эффективным использованием технических комплексов, использующих нарастающим объемом сквозные цифровые технологии (далее – СЦТ).

Практика показывает, что применение СЦТ и в первую очередь искусственного интеллекта (далее – ИИ) увеличивает информационные, научно-технические ресурсы, ускоряет обращение ресурсов и рост богатства отдельных экономических систем; изменяет стоимости нематериальных активов; влияет на конкурентное положение; перераспределяет балансы ресурсов и общественные блага. Неизбежно качественно обновились инновационные опасности как часть группы экономических опасностей [104]. Как и в случае с аналоговыми и развитыми информационными технологиями,

применение СЦТ внешними экономическими агентами несет угрозы национальной безопасности, прямую возможность нанесения ущерба экономическим интересам нашей страны в целом и многих хозяйствующих субъектов в частности. Для выработки нейтрализации угроз представляется важным сконцентрировать усилия на информационной и финансовой составляющих экономической безопасности. Отдельным блоком необходимо рассматривать военно-политические угрозы. В технико-технологической и научно-технической составляющих экономической безопасности выявляемые вызовы и угрозы качественно трансформировались и количественно возросли. Совершенно необходимо учесть угрозы «дигитализации» криминальной сферы, трансформацию преступности, правотворчества и правоприменения. В данной работе автор анализирует ситуацию с учетом системного подхода ко всем важным составляющим экономической безопасности, прежде всего на уровне страны. В этой связи одним из основных направлений расчетов экономической безопасности может стать вычисление обобщенного индекса экономической безопасности [72].

В настоящее время термин Индустрия 4.0 ассоциируется с революционными преобразованиями в промышленности как результат массового внедрения в производство экономических продуктов (товаров, услуг и работ) с применением информационных технологий, автоматизации и СЦТ. Под услугами понимаются, в том числе, управление цепочками поставок и логистика. Предполагается применение систем планирования ресурсов предприятия с целью обеспечения максимального уровня прозрачности, контроля над деятельностью организации и экономии ресурсов. Цели Индустрии 4.0 – те же, что и у первых трех промышленных революций.

Термин появился в 2011 г. в Германии и обозначал технологии заводов с автоматизированным управлением производством, а массово стал употребляться с 2016 г. под влиянием президента Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваба [254, 194].

Поверхностный экономический анализ применения технологий Индустрии 4.0 показывает повышение конкурентоспособности, наличие принципиально новых товаров и услуг. Вопросы экономической устойчивости России в новых условиях посвящены работы А.В. Кузнецова [158], А.Ю. Ушаковой [254], Н.А. Невской [183]. Вопросы информационной безопасности для промышленности исследованы А.В. Никоноровой [187]. Параметры оценки нематериальных активов, являющихся СЦТ и результатами их использования, исследованы О.Н. Грабовой и А.Е. Суглобовым [108].

Влияние СЦТ на экономическую безопасность рассмотрена С.А. Толкачевым. [245]

СЦТ во многих случаях определяются как «ключевые научно-технические направления, которые оказывают наиболее существенное влияние на развитие рынков» и тем самым одновременно охватывают несколько групп видов экономической деятельности (отраслей). Предполагаемые эффекты

от замещения аналоговых и традиционных цифровых новыми СЦТ отражены на рис. 3.5.

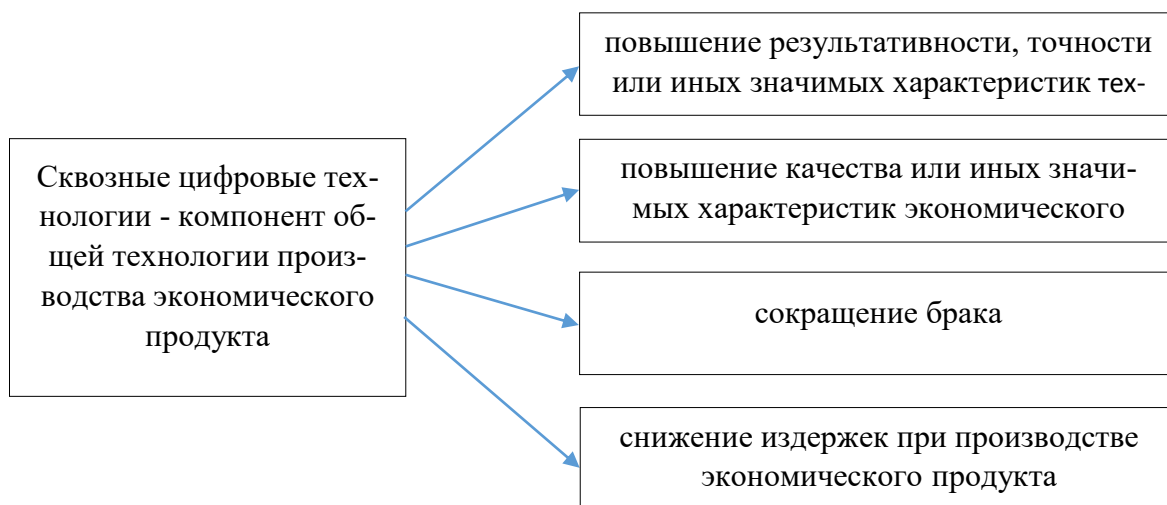

Рис. 3.5. Ожидаемые экономические эффекты

Федеральные власти относят к СЦТ:

- искусственный интеллект;
- системы распределенного реестра (включая блокчейн);
- квантовые технологии;
- новые производственные технологии;
- компоненты робототехники и сенсорики;
- технологии беспроводной связи;
- технологии виртуальной и дополненной реальностей [209].

Одной из главных СЦТ назван искусственный интеллект (далее – ИИ).

Искусственный интеллект в настоящее время представляется как комплекс технологических и программных решений. Цель его функционирования – выработка предложений для принятия решений человеком, а также управление техническими средствами, решающими отдельные прикладные задачи на основе обработки «больших данных». ИИ функционирует с помощью следующих систем:

- распознавание и синтез речи;
- компьютерное зрение;
- обработка естественного языка;
- рекомендательные системы и интеллектуальные системы поддержки принятия решений;
- машинное обучение;
- память ИИ.

В данной работе автор использовались: метод политэкономического анализа, классификация стран-лидеров базируется на мир-системном подходе, данные исследования представлены статистическими базами ЕЭК

«Лаборатории Касперского» и Международного союза электросвязи; метод структурного анализа и метод анализа мнений представителей предприятий.

Прежде всего, необходимо уточнить определение ИИ. Специалисты в области информатики и радиоэлектроники делают акцент на следующем. Слово «интеллект» (от лат. *intellectus* – ум, рассудок, разум) означает способность к мышлению. Еще на заре развития вычислительной техники стояла проблема создания систем для различного рода интеллектуальной деятельности – так называемого искусственного интеллекта. Это связано с тем, что многие задачи не могут быть решены точными алгоритмическими методами. Другим аспектом данной проблемы является то, что искусственная система должна не просто функционировать по детерминированным алгоритмам, а должна быть обучаемой, генерировать знания и алгоритмы решения задач. Развитие таких систем происходит за счет самоорганизации, в результате которой осуществляется адаптация к решаемой задаче. Существует два основных направления в теории искусственного интеллекта. В первом, традиционном направлении, используются методы логических рассуждений и символьной обработки информации, второе, связанное с построением сетей, состоящих из нейронных элементов, опирается на биологические основы естественного интеллекта, что позволяет проектировать системы, способные к обучению и самоорганизации [100].

Таким образом, фундаментом перспективного ИИ являются технологии нейросетей.

Объем расходов на все виды решений (финансовые, промышленные и иные) с применением технологий ИИ в коммерческих и государственных организациях России по итогам 2020 г. увеличился на 22,4% сравнению с 2019 г. и достиг \$291 млн. Такие данные приведены в исследовании аналитической компании IDC Worldwide Artificial Intelligence Spending Guide (США). Согласно данным «Блумберга» (США), в мире рост объема инвестиций в искусственный интеллект в 2020 г. превысил 40% по сравнению с 2019 г. и достиг 67,9 млрд. дол. США. Однако, объем рынка промышленных решений на базе технологий искусственного интеллекта в несколько раз меньше, чем инвестиции. Предполагается, что он будет ежегодно увеличиваться на 35% и к 2026 г. объем сегмента возрастет до 102 млрд. дол. США.

Согласно оценкам аналитиков, уровень внедрения ИИ промышленными предприятиями за два последних года вырос с 19% до 31%. Еще 39% предприятий тестируют технологии ИИ. Особенно востребованным искусственный интеллект стал в энергетике, нефтеперерабатывающей, нефтегазовой и химической промышленности.

Эксперты информационных технологий определяют четыре тенденции, которые существенно повлияют на дальнейшее внедрение технологий ИИ в индустриальный сектор:

– программные инструменты, сочетающие технологии интернета вещей и искусственного интеллекта (АIoT) становятся более доступными для промышленности. Около 400 поставщиков предлагают софт АIoT;

– упрощается разработка и обслуживание решений на базе ИИ. Автоматизированное машинное обучение становится стандартным предложением поставщиков;

– ИИ внедряется в существующие приложения и сценарии использования. Поставщики устаревшего программного обеспечения добавляют функции искусственного интеллекта;

– оборудование для промышленного АIoT совершенствуется. На рынке появились аппаратные микросхемы для поддержки разработки и развертывания моделей искусственного интеллекта [216].

В нормативном правовом поле имеются значительные расхождения в понимании терминологии ИИ:

моделируемая (искусственно-воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека [103];

комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [249];

комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение, поиск решений без заранее заданного алгоритма и достижение инсайта) и получать при выполнении конкретных практически значимых задач обработки данных результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных, анализу и синтезу решений [106].

Внедрение в эксплуатацию сквозных информационных и новых интеллектуальных технологий потребует:

а) введение новых технических стандартов в информационной сфере, которые будут обеспечивать беспрепятственное и безопасное взаимодействие сетей и технологий, и направлять усилия на расширение доступа к информационно-телекоммуникационным технологиям;

– решения проблемы перераспределение глобального радиоспектра и спутниковых орбит.

Для обеспечения экономической безопасности в информационной среде важными проблемами станут следующие:

- какие организации будут разрабатывать стандарты;
- какие лица будут владеть ключевыми ядрами каждого стандарта;
- на каких условиях собственники будут допускать или не допускать к ключевым ядрам иностранные компании.

Специфической проблемой становится решения об экономическом участии нашего государства в глобальном распределении частот и спутниковых орбит, используемых для передачи электросвязи.

б) создание инфраструктуры для реализации новых стандартов. Возникающие проблемы, в том числе отсталости или отсутствия в российской промышленности необходимых модулей для создания новой инфраструктуры, сопровождаются решением следующих проблем:

- какие организации будут осуществлять создание инфраструктуры, за чей счет, кто будет субъектом ее управления;
- на каких условиях будут импортироваться высокотехнологические модули для работы инфраструктуры;
- что делать с действующими сетями.

в) допуск на отечественный рынок импортных устройств. Проблемы:

- возможность приобретения интеллектуальных устройств в условиях санкционного давления на Россию;
- угроза закрепления доминирования на высокотехнологических рынках нашей страны одной из стран;
- угроза замедления работы или отключения;
- урегулирования вопросов передачи в российские организации иностранных технологий и лицензий;
- урегулирования вопросов безопасности, в том числе от утечки, информации, представляющей коммерческую, налоговую, банковскую и иную тайну.

г) решения многочисленных проблем подготовки кадров для работы с новыми устройствами, наличия квалифицированного персонала;

д) сервис, модернизация и обслуживание модулей инфраструктуры. Проблемы в этом сегменте связаны с решением кадровой, информационной и финансовой безопасности;

е) выработка решений о влиянии монопольного положения экспортеров и импортеров на рынок СЦТ. Управление процессами на рынке информационных услуг, не допуская разрывов и дисбалансов;

ж) нормативное закрепление этатизма в отношении обращающихся устройств с СЦТ.

Совершенно отдельно необходимо осуществлять прогнозные расчеты влияния вновь создаваемой инфраструктуры на функционирование правительственной и специальной связи, оборону и безопасность для планирования мер, нейтрализующих вызовы и угрозы экономической безопасности.

Разработка в России собственных комплексов и устройств в рамках Индустрии 4.0 фактически уже идет и успешно работает в сегментах финансовых технологий и технологий услуг. Достаточно успешно функционируют так называемые экосистемы ряда российских финансово-технологических гигантов, банков, крупнейших компаний связи. В то же время, в контексте создания новых промышленных заделов и их применения в воспроизводстве экономических продуктов возникает необходимость:

- создания условий для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) с целью получения фундаментальных знаний и апробирования экспериментальных научных и инженерных результатов;

- бюджетного стимулирования и поощрения разработки НИОКР. В определенной мере, должна быть проявлена политическая воля по выработке нормативных правил и принуждения крупного бизнеса к вложению в отечественные разработки в рамках новых правил;

- подготовки кадров для участия в НИОКР и работе на производстве;

- программы государственного, регионального и муниципального стимулирования создания новых производств, контроля их исполнения, например, в рамках частно-государственных организаций;

- взаимодействие и кооперация с иностранными партнерами в рамках международных организаций, в первую очередь Союзного государства с Белоруссией, Евразийского экономического союза, блока БРИКС (Бразилия-Россия-Индия-Китай-ЮАР). Как предложение, следует сформировать понятие «союзнический экономический продукт» как часть оборудования и устройств на базе СЦТ, изготовленных только в рамках международной кооперации стран внутри названных международных организаций;

- взаимодействие и кооперация с иностранными партнерами в рамках Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ) для противодействия терроризму, экстремизму и трансграничной организованной преступности;

- разработка собственных технологий и устройств для нужд государственной связи, обороны и безопасности; разработка и функционирование системы поддержки внедрения отечественного (а равно – и «союзнического») программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов.

Вышеизложенные предложения в случае их реализации позволят сформировать не только эффективную, но и устойчивую инфраструктуру для перехода к новому промышленному укладу и создавать «Умные производства».

«Умное производство» означает создание такой среды, где вся доступная информация – от фабричного станка до цепочки поставок – доступна в режиме реального времени. Отслеживая текущее состояние капитальных активов, технологических процессов, ресурсов и готовой продукции, менеджмент будет способен улучшать бизнес-процессы, тем более, что рутинные управленческие решения будут принимать сами автоматизированные

устройства. Тем самым повысится стратегичность управления предприятием за счет переноса основной управленческой деятельности с уровня цеха-завода на уровень фирмы в целом» [245]. Здесь уместна аналогия с обычным маркетингом и стратегическим маркетингом, реализуемым транснациональными компаниями. С управления предприятием, производящим экономический продукт все более отвечающим требованиям потребителя, совокупность СЦТ в контексте деградации естественного интеллекта позволяет полностью манипулировать потребителем и максимизировать объем ресурсов, отдаваемых потребителем за «желанный» для него продукт.

С учетом сказанного, в контексте реализации в последние два года глобальных виртуальных пространств – метавселенных – нарастает угроза полной утраты индивидами критического мышления и самостоятельности, в том числе в политических вопросах. Создание иллюзорных «вселенных» неизбежно повлияет на перераспределение имеющихся ресурсов в пользу собственников и управленцев, деформируя, трансформируя и уменьшая масштабы традиционных экономических систем, вызывая экономические и социальные потрясения. В этой связи необходимо глубокое изучение трагического опыта Китая 19 – начала 20-го века, в котором большинство населения подвергалось наркотическому одурманиванию с самым активным участием представителей Британской империи и США, которые интенсивно торговали наркотиками, были либо стали позднее частью системной элиты англосаксонского мира [217].

Далее автор представляет мнения руководителей промышленных предприятий Калининградской области, опрошенных в ходе проведения исследования в начале 2022 г. Ими не используется оборудование с СЦТ, однако все они активно изучают изменения на рынке, взаимодействуют с контрагентами и ставят перед персоналом задачи по мониторингу ситуации. Спектр мнений руководителей хозяйствующих субъектов:

- дальнейшее развитие системы использования СЦТ, особенно ИИ, дополнительно увеличит экспортный потенциал страны;
- использование сквозных цифровых технологий в промышленности оправдано в случае их применения для замены стандартизованных трудоемких операций;
- ближайшее время их применение в машиностроении на предприятиях массового и крупносерийного производства будет развиваться. На производствах с единичным типом производства, а также на мелкосерийных производствах применения СЦТ экономически не оправдано;
- опасность для себя собственники предприятий видят в возможности принуждения со стороны регуляторов к приобретению и внедрению устройств с СЦТ;
- вопрос о налогообложении собственности, особенностях сделок с подобной собственностью, особенностях оценки (и работы независимых оценщиков, государственного контроля и надзора за работой оценщиков).

– вопрос о взаимодействии искусственных интеллектов, обмене между ними информации ставит на повестку вопрос о технических стандартах, протоколах обмена информацией, контроля за обменом и управления со стороны операторов.

Искусственный интеллект, на взгляд автора, должен рассматриваться как имущество собственника, входящее в его нематериальные производственные активы. Результаты интеллектуальной деятельности, полученные в ходе эксплуатации оборудования с СЦТ, очевидно, становятся одним из товаров. Рост объема движения таких товаров в процессе их воспроизводства, охватывающего преимущественным образом торговую сферу, детерминирует проблемы создания общедоступных платформ для хранения «больших данных», разметки «больших данных», их хранения, использования и оборота. Очевидно, что издержки создания платформ будут частично компенсированы государством, однако дальнейшее определение конфиденциальности хранимой информации, ее использование в экономике России, возможности продажи за рубеж требуют отдельного законодательного регулирования.

«Сильный» ИИ рассматривается как сложная открытая динамичная нелинейная система, системообразующими элементами которой находятся глубокие нейросети. Последние для выполнения ими ожидаемых функций (зрение, слух, осязание, память, когнитивные функции – включая познавательную способность человека, совершенство овладения профессиональными навыками) необходимо «тренировать» по известным методикам. Реализация последних неотъемлемо ведет к значительному потреблению ресурсов: технических ресурсов компьютеров, энергетических, финансовых, кадровых. Вычислительная мощность и производительность компьютерного комплекса, задействованного в «тренировке», определяет скорость «инкубации» ИИ. Поэтому для «тренировки» глубоких нейросетей обязательно требуются суперкомпьютеры. Кроме того, объемы передаваемых сведений между суперкомпьютером и тренируемой нейросетью настолько велики, что не позволяют применять ни существующие, не перспективные линии связи. В этой связи, устройство с ИИ необходимо доставлять в своеобразный «инкубатор», созданный на территории организации – собственника вычислительного комплекса. В рассматриваемом аспекте возникает угроза утечки к собственнику суперкомпьютера научно-технических данных и перспективных инноваций.

Пока не существует технологий по копированию «тренированной» нейросети для конкретного предприятия. По окончании первичной подготовки необходимо наполнять ИИ информационными ресурсами и памятью на конкретном предприятии. Выполнение второй части предполагается в своеобразном «интернате». Здесь неизбежно одновременно встают проблемы сохранения коммерческой, банковской и налоговой тайны.

В связи с изложенным, возникают серьезные проблема «перетренировки нейросетей», адекватности, объективности и качества как набора данных, так и разметки данных. Дальнейшая проблема создания «сильного ИИ».

Представляется неизбежным создание с участием государственного регулятора отдельной отрасли, занимающейся созданием и обеспечением функционирования ИИ. К ведению регулятора следует отнести выработку и выполнение решений по ряду проблем (табл. 3.24).

Таблица 3.24

**Предлагаемые направления деятельности нового
государственного регулятора**

Наименование проблемы, вызова	Содержание проблемы
Проблема обеспечение кадрами Индустрии 4.0	– качество подготовки не должно быть ниже, чем для Индустрии 3.0; – способность кадров адаптироваться к поступлению усложненной техники и технологии по сравнению с теми, на которых кадры обучались; – способность усваивать значительный объем новой информации; – способность и готовность сменить профессию и род занятий
Проблема памяти ИИ	– терминология, правовые основы, автономность ИИ и СЦТ предприятия, информационная и кибербезопасность, защита «от дурака», кибернетический фактор по аналогии с «человеческим фактором»; – разграничение и иерархия интересов личности, общества, государства, и, возможно, ИИ; – доступ к хранилищам памяти ИИ и полученной в результате применения СЦТ информации
Проблема контроля деятельности СЦТ	– государственный контроль и надзор - своевременная блокировка нежелательных действий, которые несут угрозы безопасности, в том числе национальной безопасности; – необходимость исключительно меритократического подхода при принятии кадровых решений в ходе назначений на должности в надзирающих и контролирующих ИИ структурах, а также в руководство организаций, использующих ИИ

Наименование проблемы, вызова	Содержание проблемы
Институциональные проблемы	– получение образования в условиях развитых СЦТ; – критерий и пороги безопасного развития СЦТ
Проблемы политэкономического плана	– злоупотребление элитами политики, общества и бизнеса возможностями СЦТ как определяющий фактор нарастания дифференциации в обществе и социальных взрывов - параметр национальной безопасности
Проблемы будущего	– замены устройствами и комплексами живых людей; – переход части технологий в разряд «зацифрованных» (квантовые вычисления и линии передачи информации, кубитные хранилища информации, технологические процессы в масштабе порядка 1-го нанометра); – влияние разрабатываемых СЦТ и «зацифрованных» технологий на интересы личности, общества и государства

В традиционной теории управления производственная технология преобразует ресурсы в экономический продукт. Информация, следуя от человека (владельца технологии) к человеку (владельца экономического продукта), облекается в товарную форму в ходе рабочих операций, осуществляемых в полном соответствии с физическими, химическими и иными законами к человеку. Задачей информационной технологии (технологии связи) является передача информации от человека к человеку, обмен информацией между человеком и машиной или обмен информацией между различными устройствами. Рассматривая реализацию СЦТ, следует говорить, что информация, генерируемая ИИ и передаваемая человеку, с одной стороны представляет собой комбинацию признаков традиционной производственной и информационной технологии. С другой стороны, диалектически следует, что такая информация качественно отличается от традиционных взглядов.

Возникает угроза генерирования искаженной или модифицированной информации, передаваемой от ИИ к человеку для принятия решения, что вызывает угрозы информационной, кибер- и экономической безопасности для всех уровней субъектов.

Согласно исследованиям начала 2000-х годов, «простейшие системы регулирования хорошо зарекомендовали себя там, где для объектов управления характерны большие или малые постоянные времени, устойчивость в

разомкнутом состоянии». В настоящее время развитие производства привело к преобладанию непрерывных технологических процессов большой мощности со сложными комплексами энергетических и материальных потоков и с жесткими требованиями к качеству продукции, безопасности персонала, сохранности оборудования и к воздействию на окружающую среду, что потребовало создания более совершенных систем автоматизированного и автоматического управления [92].

Высокотехнологичные программные продукты, эффективные для практического применения и создающие конкурентные преимущества, доступны только крупному бизнесу. Новые СЦТ разрабатываются и апробируются в наиболее богатых странах с максимальной концентрацией финансовых и интеллектуальных ресурсов. Рынок новых автоматических систем управления разделен между США, Великобританией, ФРГ и рядом других стран.

Создание базовых ИИ и снижение их стоимости оправдывает их встраивание в системы управления среднего бизнеса при поддержке государства. С учетом опыта работы нейросетевых устройств, при работе в режиме реального масштаба времени на выполнение задач по вводу и выводу информации требуется до 10% времени центрального процессора, оставляя остальное время для непосредственной реализации сложных алгоритмов управления. Однако для работы ИИ потребуется не только сопряжение архитектуры программного обеспечения с архитектурой аппаратного комплекса, но и подключение к информационным каналам нового качества. Под этим подразумевается каналы с пропускной способностью на 2 и более порядка превышающие современные системы т.н. 4G, а также использующие особые СЦТ для обработки информации.

В 2010-е годы возник термин «финтех» (финансовые технологии, Fintech) – это предоставление финансовых услуг и сервисов с использованием СЦТ, таких как «большие данные» (Big Data), искусственный интеллект, используя методы глубокого и машинного обучения, роботизации, блокчейн, облачные технологии, биометрия и других [193]. В настоящее время крупнейшие компании, работающие в этом бизнесе – т.н. финтех-гиганты – закономерно стремятся монополизировать положение, в т.ч. на территории нашей страны.

Практика показала, что подавляющее большинство таких компаний зарегистрированы в США или Китае. Участие подобных компаний в национальной экономической безопасности можно продемонстрировать следующим примером.

Группа ученых из университета Дьюка (Северная Каролина, США) под руководством А.Рэндалс в рамках научной школы на протяжении десятилетия работает в междисциплинарной области биомедицинского инжиниринга и высокопроизводительных вычислений. Она в период кризиса, вы-

званного распространением ковид-19 в США в начале 2020 г., воспользовалась экстренно созданной по инициативе федеральных властей частно-государственной организацией «Консорциум COVID-19» (The COVID-19 High Performance Computing Consortium) для реализации своих научных замыслов. В него вошли все финтех-гиганты США, включая «IBM», «Майкрософт» и пр. Ученые рассчитали аппарат искусственной вентиляции легких, который получил универсальное применение в том числе для вентиляции легких грудных детей. В экстренном порядке образец нового ИВЛ был признан официально и применяется в больницах. Для расчетов ученым был предоставлен суперкомпьютер фирмы «Майкрософт». По заявлению компании были использованы 36 часов работы машины, заменившие 800 тыс. часов расчетов на обычном компьютере. Вместе с тем, представитель компании сожалел, что описанный эпизод стал единственным примером использования гигантских вычислительных мощностей для реального спасения жизней людей в критический период [192].

Нейтрализация экономических угроз от действия финтех-компаний осуществляется путем согласованных действий российских государственных регуляторов, в первую очередь – Центробанка России. Действия должны быть практически применимы к участникам рынка. Прежде всего, необходимы меры по нейтрализации общих угроз в информационно-телекоммуникационной среде, в которой находятся все действующие участники рынка – «игроки». В отношении финтех-компаний целесообразно реализовать сложный комплекс задач:

- определения, что есть регулируемый рынок (сфера управления);
- регистрации на нем участников (объектов управления регулятора);
- выработки нормативных правовых актов по управлению рынком;
- блокировки игроков, не прошедших официальную регистрацию;
- мониторинга развития технологий;
- разработки собственных технологий регулирования.

В этих условиях Центробанк России принимает меры по регулированию и надзору в финтехе в сегментах SupTech ((Supervisory Technology) – технологии, используемые регуляторами для повышения эффективности контроля и надзора за деятельностью участников финансового рынка.) и RegTech ((Regulatory Technology) – технологии, используемые для упрощения выполнения финансовыми организациями требований регулятора) [193].

Следует отметить, что последовательность действий и используемая лексика финансового регулятора почти полностью копируют практики зарубежных регуляторов.

Возможные решения проблем:

- в текущих условиях возрастающее значение имеет «человеческий фактор» – наличие кадров, обладающих познаниями и навыками в области финтеха, высокой квалификацией и мотивом патриотизма;

– создание на базе финансовых вузов курсов по переподготовке и повышению квалификации, где преподавательскую деятельность вели бы члены Совета директоров Банка России и корпоративных органов управления ведущих банков страны;

– объединение и синхронизация деятельности финансового регулятора с налоговым и информационным регулятором.

Невозможно обеспечивать экономическую безопасность государства и общества без наличия трудовых ресурсов, причем не в вульгарной трактовке, но в их тесной взаимосвязи с социальными и духовными составляющими общества. Поэтому представляется важным акцентировать внимание на следующих угрозах:

- деградация естественного интеллекта;
- увеличение доли эрзац-знаний и суррогатов навыков молодого поколения;
- увеличение зависимости от техники.

Негативные процессы:

а) трансформация содержания и форм обучения путем превалирования игр, зрелищности и упрощения подачи материала;

б) имитация обучаемым лицом (школьником, студентом) самостоятельного изучения учебных предметов и дисциплин, самостоятельного получения умений и закрепления навыков при выполнении учебных заданий, путем предоставления при контроле знаний и умений результатов использования интернет-ресурсов;

в) в контексте отказа от принуждения детей к получению знаний и навязывании псевдосвободы выбора увеличивается управление социальным поведением молодежной части общества со стороны финтех-гигантов;

г) увеличение доли дистанционного образования, главным результатом которого является формальное получение документа об образовании;

д) трансформация информационно-социальной среды:

- продолжение снижения воздействия со стороны семьи;
- дисбаланс трудовых ресурсов в пользу развлекательной сферы;
- новые символы успеха и признания, в т.ч. бездетное положение;
- доминирование влияния внешних компьютерных социальных сетей за счет снижения влияния внешних традиционных социальных сетей.

Возможные решения проблем:

– создание в каждом регионе нескольких средних школ, где применяется опыт суворовских и нахимовских училищ;

– создание легального рынка дистанционных образовательных услуг с применением опыта финансового регулятора, незамедлительное блокирование доступа к сайтам компаний, не соблюдающих требования регулятора;

– пропаганда традиционных народных, семейных и этнических ценностей, соблюдение принципов чести, совести и нравственности семьями правящих кругов страны и региона.

Прикладное применение изложенных направлений нейтрализации угроз экономической безопасности в настоящее время осложнено отсутствием в стране достоверной статистики. Существенно важными для вычисления обобщенного индекса экономической безопасности России должны стать финансовые и экономические показатели, которые будут учитывать введение в оборот и использование СЦТ. В настоящее время такие показатели разрабатываются. Росстат только с середины 2021 г. стал собирать сведения о внутренних затратах на развитие СЦТ – совокупность расходов организации на внедрение СЦТ для производства товаров и услуг, включая затраты на исследования и разработки в соответствующих областях знаний, приобретение прав на результаты интеллектуальной деятельности, постановку на производство [211]. Совершенно необходимо расширить перечень собираемых данных в разрезе наименований СЦТ. Индексирование пороговых значений также является задачей ближайшего времени. С помощью новых показателей станет возможным оценить:

- опыт апробирования новых комплексов и устройств в экономической деятельности.

- влияние интеллектуальных ИКТ на общество и человека.

Новые показатели также могут быть использованы при изучении:

- иностранного опыта;

- оценки влияния появившихся в мире и в стране «очагов» экономической власти и снижение суверенности традиционных субъектов власти;

- вопросов выработки предупредительных мер защиты собственности в стране, защиты интересов российских компаний за рубежом.

Областью применения результатов исследования могут быть оценка влияния цифровизации и СЦТ на развитие рынков, производительных сил, эффективность общественного производства, социально-экономический прогресс и экономическую безопасность страны.

В качестве вывода следует сказать следующее. Учет выявленных угроз экономической безопасности в ходе реализации описанных негативных тенденций позволяет сделать существенные дополнения при вычислении обобщенного индекса экономической безопасности России. в текущих условиях возрастающее значение имеет «человеческий фактор» - наличие кадров, обладающих познаниями и навыками в области финтеха, высокой квалификацией и мотивом патриотизма;

- создание на базе финансовых вузов курсов по переподготовке и повышению квалификации, где преподавательскую деятельность вели бы члены Совета директоров Банка России и корпоративных органов управления ведущих банков страны;

- объединение и синхронизация деятельности финансового регулятора с налоговым и информационным регулятором;

- создание в каждом регионе нескольких средних школ, где применяется опыт суворовских и нахимовских училищ;

- создание легального рынка дистанционных образовательных услуг с применением опыта финансового регулятора, незамедлительное блокирование доступа к сайтам компаний, не соблюдающих требования регулятора;
- пропаганда традиционных народных, семейных и этнических ценностей, соблюдение принципов чести, совести и нравственности семьями правящих кругов страны и региона.

Ранее предложенные группой ученых под руководством академика В.К. Сенчагова финансовые и экономические показатели, характеризующие уровень экономической безопасности хозяйствующих субъектов [72], могут быть дополнены с учетом влияния СЦТ. Кроме того, часть предложений может быть использована для включения в новую редакцию Стратегии экономической безопасности России.

3.6. Оценка страновых рисков в системе обеспечения безопасности международного бизнеса

В современной глобальной экономике не только присутствует, но и нарастает неопределенность в силу ряда объективных и субъективных факторов. Эти факторы могут изменять параметры, на которых основывается принятие решений в области внешнеэкономической деятельности, проявляться как разрушительные или прорывные события, формировать тенденции, в отношении которых отсутствует четкое представление об их последствиях.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве доминирующих тенденций современного развития глобальной экономики обозначены стагнация и рецессия ведущих экономик мира, снижение устойчивости мировой валютно-финансовой системы, обострение борьбы за доступ к рынкам и ресурсам, что детерминирует расширение практики «...использования инструментов недобросовестной конкуренции, протекционистских мер и санкций, в том числе в финансовой и торговой сфере» [252, с. 5].

Наряду с дальнейшим ростом протекционистских действий сохраняются и обостряются торговые конфликты ведущих геополитических субъектов, что предопределяет дестабилизацию ситуации в глобальной экономике, снижение инвестиционной активности, сокращение международной торговли, замедление темпов экономического роста.

Весьма актуальной представляется и проблема оценки влияния цифровых платформ на трансформацию условий международного бизнеса. Применение цифровых технологий обуславливает такие системные изменения в мировой торговле как количественный рост субъектов торговых отношений, в первую очередь, за счет малого и среднего бизнеса; появление качественно новых субъектов – владельцев цифровых платформ и динамично

растущих международных брендов, держателями которых являются компании-платформы; торговля не только традиционными товарами, но и ранее «неторгуемыми» товарами; формирование нового феномена экономического взаимодействия – сетевого эффекта. Производство многих товаров, реализация услуг все больше базируется на интернете вещей. В финансовую систему стран вводятся цифровые деньги центральных банков.

Формирующиеся риски в геополитической и геоэкономической сферах конкретизируются в их географической дислокации. Так, торговая война между США и Китаем отмечается как главный риск современной мировой экономики. В условиях ее продолжения и обострения в данный конфликт могут быть втянуты и другие страны.

Снижение темпов роста глобального ВВП обусловлено не только воздействием принятых странами мер по борьбе с COVID-19, но и в результате замедления продаж, сокращения объемов производства практически во всех странах, обусловленных локальными причинами. Например, в Еврорегии обострились проблемы со страновыми бюджетными дефицитами, технической рецессией, миграционным кризисом.

Наблюдаются структурные изменения на товарных рынках и повышающийся ценовой тренд на мировом рынке сырьевых товаров, в частности, на рынке редкоземельных металлов.

Кроме того, существенное влияние на повышение неопределенности в сфере внешнеэкономической деятельности оказывают неэкономические факторы, к которым относят природные катаклизмы, острые внутренние страновые политические противоречия, международный терроризм, пандемия COVID-19, перспективы расширения НАТО.

Эти и другие факторы снижают устойчивость и повышают неопределенность и риски в мировой экономике и международной торговле, формируя угрозы безопасности внешнеэкономической деятельности.

Отметим, что оценка страновых рисков как минимизация и/или устранение угроз безопасности при совершении внешнеэкономических операций, включая таможенное оформление, необходима для достижения запланированных коммерческих результатов государством, продавцом, покупателем. Запланированные коммерческие результаты будут получены в том случае, если не наступят какие-либо рискованные ситуации. Рисковые ситуации могут сложиться под воздействием ряда факторов политического, экономического, социального, технологического и иного характера, действующих в той или иной стране.

Учет, анализ и оценка данных факторов составляют основу системы управления рисками и обеспечения безопасности, применяемой таможенными органами при осуществлении таможенных операций с перемещаемыми через таможенную границу товарами.

Государству применение системы управления рисками, в том числе в таможенной системе, обеспечивает решение ряда задач, а именно: начисление

таможенных платежей, наполнение доходной части государственного бюджета, пресечение контрабанды, запрет ввоза товаров, наносящих вред обществу, потребителю, экологии и др.

Покупателю знание страновых рисков позволяет застраховаться в целях получения товаров определенного количества и качества, в соответствии с договорной ценой, получить товары в собственность и оплатить их.

Продавец, будучи ознакомлен со страновыми рисками своего зарубежного партнера, получает возможность корректно сформулировать условия сделки, обеспечив гарантии их исполнения.

Следовательно, все субъекты внешнеторговой операции (продавец, покупатель, государство в лице таможенных органов) заинтересованы в наличии механизма определения уровня страновых рисков на основе определенной методики.

Оценка страновых рисков означает определение последовательности однозначных действий, выполнение которых позволит принять решение на основе оценки индикаторов риска проведения внешнеторговой (международной) сделки с зарубежным партнером.

Внешняя (окружающая) среда международной коммерческой сделки – сложная система, включающая покупателей, продавцов, перевозчиков, посредников, финансовые учреждения, таможенные и иные государственные органы разной страновой принадлежности.

Эта макросреда – совокупность внешних, не поддающихся контролю факторов, существенно влияющих на международную коммерческую сделку, которые должны постоянно отслеживаться и учитываться при совершении сделки.

Целью данной работы является определение теоретических и методических подходов к оценке страновых рисков в целях обеспечения безопасности во внешнеэкономической деятельности на основе конкретизации критериев классификации страновых рисков в современных условиях, определения инструментальных средств для обработки данных с последующим анализом результатов расчетов и обоснованием полученных выводов для принятия организационно-управленческих решений.

Достаточно подробно технологии оценки риска в целях обоснования и принятия организационно-управленческих решений рассмотрены в Национальном стандарте РФ «Менеджмент риска». В стандарте представлены рекомендации по выбору и применению различных технологий, определены условия их использования, указана возможность их адаптации для удовлетворения текущих и будущих потребностей [105]. Основные положения стандарта послужили основой при рассмотрении методических подходов к оценке страновых рисков в данной работе.

Что касается теоретических подходов, то особое внимание в контексте данного исследования было обращено на следующие источники. Так, со-

временные тенденции и риски развития мировой экономики отражены в результатах исследования Спартака А.Н. [233], Фитуни Л.Л. и Абрамовой И.О. [265], Яковлева П.П. [277].

Вопросы стратегических межстрановых отношений, вызовов и рисков отражены в работах Горшкова В.В., Подоба З.С. [204], Дмитриева С.С. [120], Кокеева А.А. [147] и др.

Риски, возникающие на отдельных товарных рынках, рассмотрены в исследованиях Кириченко В.А. [140], Синицына М.В. [227], Копытина И.А. [152], Питрона Г. [202] и др.

Последствия пандемии для развития международной торговли и торговой политики рассмотрены Загашвили В.С. [128], Мамедьяровой З.А. [175] и др.

В работах Д. Тапскотта [55], Н. Негропonte [40], К. Шваба [276] были заложены основные идеи развития электронной торговли в рамках цифровой экономики под лозунгом «четвертой промышленной революции», представлены основные категории и их определения.

Вопросы платформенной организации международного бизнеса достаточно подробно рассмотрены Д. Паркером, М. Альстином, С. Чаудари [197]. О рисках цифровизации мировой торговли и проблемах, возникающих при функционировании цифровых платформ как многосторонних рынков, пишут, например, Стрелец И.А. и Чебанов С.В. [236], Антипова О.Н. [75] и др. В научной среде теоретически осмысливаются проблемы, которые были поставлены и сформулированы практическим применением цифровых технологий. Например, Дж. Морган [37] рассматривает основы интернета вещей (The Internet Of Things – IoT).

Не менее интересны результаты исследований, касающиеся отражения странового риска в международных рейтингах. Определение и оценка индикаторов страновых рисков является зоной внимания международных организаций и некоммерческих институтов и отражается в соответствующих публикациях [191, 155, 186, 150, 180, 215, 96, 134].

Методология проведения данного исследования обусловлена необходимостью решения следующих задач:

- ранжирование и характеристика современных страновых рисков;
- определение источников информации для оценки страновых рисков;
- анализ методик оценки страновых рисков с целью определения и возможности адаптации к современному состоянию и тенденциям развития международного бизнеса.

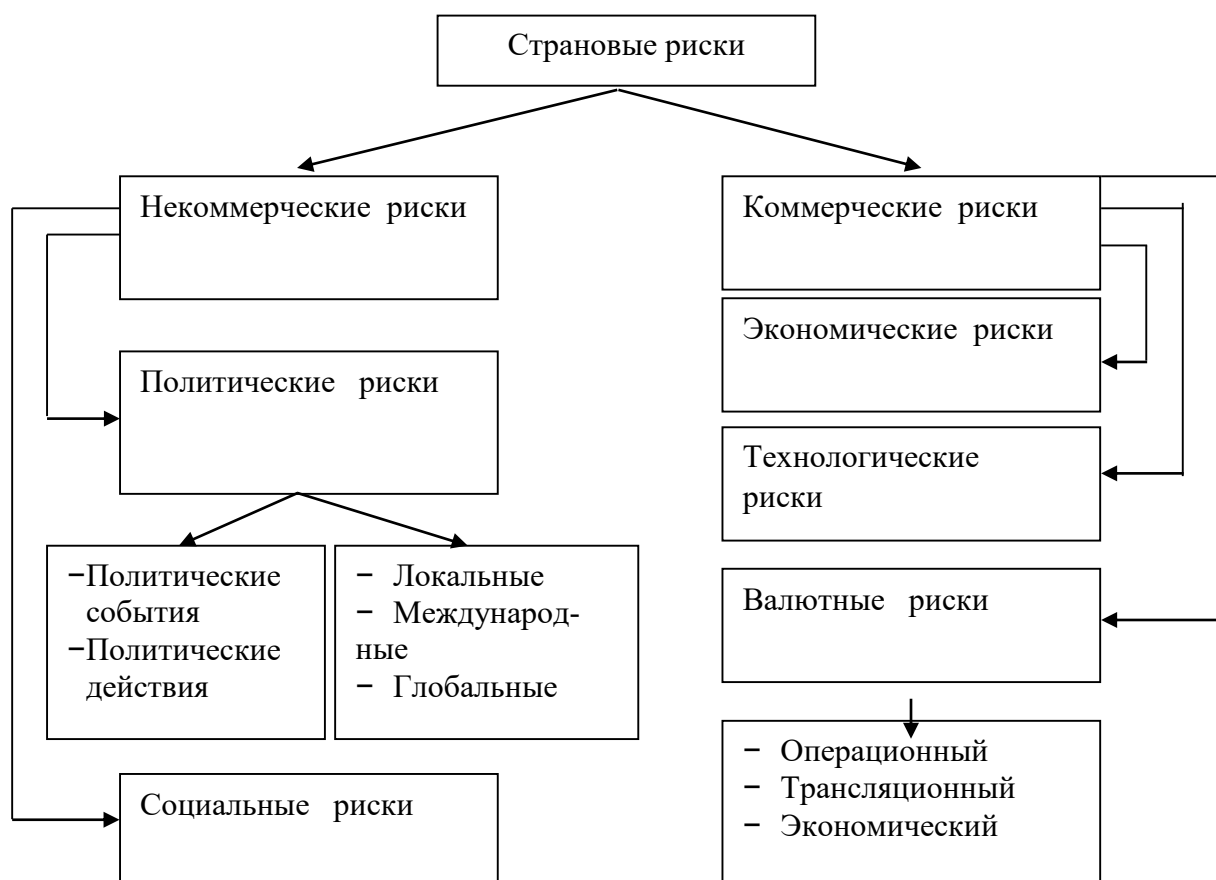
Оценка странового риска предназначена для понимания потенциальными зарубежными партнерами опасности и/или привлекательности деятельности на том или ином зарубежном рынке, который являясь подсистемой национальной экономической системы, подвержен влиянию факторов

политического, макро- и микроэкономического, социального, технологического и иного характера.

Остановимся подробнее на характеристике некоторых групп рисков в контексте современного состояния мировой экономики и их влияния на организацию и ведение международного бизнеса.

Известно, что особенности политического риска заключаются в том, что он, прежде всего, отражает неустойчивость макроэкономического развития под воздействием предполагаемых, принятых и/или реализованных политических решений и количественно проявляется в объемах и динамике ВВП и ВНП.

На рис. 3.6 представлена укрупненная структура страновых рисков.

*Источник: сформировано автором.

Рис. 3.6. Структура страновых рисков

Поэтому политический риск, оцениваемый в объемах и динамике ВВП, является существенным при анализе страновых рисков. Известно, что страны с резкими колебаниями ВВП и ВНП воспринимаются как страны с более высоким риском, чем страны с положительной динамикой этих показателей.

Специфика современного состояния мировой экономики описывается разными категориями, например, такими как переход от «плоской глобализации» к «вертикальной глобализации», «холостой ход» глобализации, «черный лебедь», «социально-экономическая дивергенция», «новый виток глобальной экономической спирали» и т.п.

Но все эти категории так или иначе описывают ситуацию в мировой экономике как синхронное замедление темпов глобального роста. Интересно, что эта тенденция отмечается и в прогнозах Всемирного банка, что отражено в данных табл. 3.25.

Таблица 3.25

Перспективы мировой экономики*

Дата прогноза	Год	Темп роста, %	Изменение, %
07 октября 2014 г.	2014	3,3	– 0,4
07 апреля 2015 г.	2015	3,1	– 0,2
19 января 2016 г.	2016	3,4	– 0,3
18 апреля 2017 г.	2017	3,5	+ 0,1
11 января 2018 г.	2018	3,9	+ 0,4
11 января 2019 г.	2019	3,7	– 0,2
09 января 2020 г.	2020	3,3	– 0,5
20 января 2021 г.	2021	5,5	+ 2,2
23 марта 2021 г.	2021	6,0	+ 0,5
25 января 2022 г.	2022	4,4	– 1,6

*Источник информации: Всемирный банк [64]

Наряду с синхронным замедлением темпов глобального роста экспертами выделяется ряд тенденций, имеющих, по их мнению, средне- и долгосрочный характер. К ним отнесены торговые, валютные и технологические войны, санкции и контрсанкции, переформатирование функционирования глобальных цепочек добавленной стоимости, реализация политики неопротекционизма (за 2009–2018 гг. странами мира протекционистские меры были применены около 10 000 раз) и т.п. [64, с. 8].

Следует обратить внимание на то, что наиболее общий подход к определению политического риска исходит из понимания воздействия неэкономических переменных на деловые операции, осуществляемые за рубежом.

Поэтому целесообразно различать политический риск в виде политического события (война и военные конфликты, революции, национализм, терроризм, социальные конфликты, забастовки) и в виде политического решения (законы, указы, постановления, иные нормативные регулятивные акты).

Так, например, идеи экономического национализма четко прослеживались в протекционистской политике Д. Трампа, который начал осуществлять экономические преобразования в целях преодоления негативных последствий деиндустриализации.

В США за последнее десятилетие была потеряна возможность создания около 60 000 предприятий, а значительная часть производственных мощно-

стей была перенесена в страны Юго-Восточной Азии и Мексику. Следствием этого стало сокращение рабочих мест на 4,2 млн., 70% импорта в США осуществлялось беспошлинно.

На этом фоне торговая политика США в соответствии с доктриной Д. Трампа стала значительно более радикальной и была направлена на то, чтобы «...любые уступки США в сфере ВЭД, в том числе сделанные предшествующими администрациями, непременно должны быть компенсированы их торговыми партнерами в полном объеме» [120, с. 15, 16].

Поэтому инструментами современной американской торговой политики являются

- высокие тарифы (средний уровень тарифов на более чем половину китайского импорта составляет около 21%);
- прямой запрет, например, на закупку и использование государственными учреждениями китайского телекоммуникационного оборудования;
- отсрочка отмены ограничительных мер;
- дискриминационные меры административного регулирования, в том числе контроль над притоком капитала, экспортом и т.д. [120, с. 17].

Основные торговые партнеры США с данными мерами предпочли согласиться во избежание дальнейшей эскалации конфликта. Но в отношении Китая американская сторона распространила конфликт с торговой сферы на сектор высоких технологий и валютно-финансовую сферу. Сегодня эксперты состояние соперничества между США и Китаем называют «ловушкой Фукидида».

Далее. Политические риски условно можно распределить по масштабам реализации: локальный, региональный, международный. Локальный политический риск означает нестабильность обстановки в какой-либо стране. Региональный и международный риски провоцируют создание ситуации, которая чревата самыми негативными последствиями для группы или большинства стран.

Подтверждением данного тезиса являются риски внешнеэкономического взаимодействия США и стран Европейского союза. Так, Евросоюз в ходе переговоров пошел на уступки американской стороне и пообещал увеличить закупки ГМО-содержащих соевых бобов и СПГ. США, в свою очередь, продолжают выдвигать очередные требования относительно строительства новых терминалов для приемки СПГ, грозя пошлинами на продовольственные товары и европейские автомобили [120, с. 19].

В то же время, считается, что определение политического риска в таком виде недостаточно корректно в силу того, что преувеличивается значение политического событийного риска, но не в полной мере учитываются отдельные политические действия, которые могут предоставить дополнительные возможности или создать ограничения для бизнеса.

При этом в финансовом отношении политический риск можно учитывать, как нейтральный, так и предполагающий как положительные, так и отрицательные отклонения в сфере торгового и инвестиционного климата.

Достаточно ярким примером отрицательной реакции экономики являются результаты принятия политических решений на международном уровне в виде санкций.

Первый пример – сотрудничество Японии и США в период с 1950 по 1980 гг., в течение которого Япония была вынуждена идти на уступки путем системы «добровольного ограничения экспорта», так как США защищали свой рынок от наплыва японских товаров, в первую очередь, текстиля. И если в до- и послевоенный период Япония поставляла текстиль более чем в 20 стран мира, то после 1960-х годов страна превратилась в нетто-импортера текстиля, а японская текстильная промышленность пришла в упадок [204, с. 32].

Второй пример – изменения в экономике России в условиях санкционной войны. Вот данные за период 2010–2020 г.

«ВВП России в 2013 году оценивался в 66,69 трлн рублей или 2,09 трлн долларов (по среднему курсу 31,8 рубля за доллар). В 2019 году величина валового внутреннего продукта РФ составила 110,046 трлн рублей или 1,7 трлн долларов (по среднему курсу 64,7 рубля за доллар). В 2020 году, когда были введены ограничения из-за распространения коронавируса, ВВП России снизился до 106,6 трлн рублей или 1,47 трлн долларов (по среднему курсу 72,1 рубля за доллар). Таким образом, показав рост в рублях, за последние 8 лет экономика объективно рухнула на 40%.» [123].

Данные по динамике внешнеторговой деятельности отражены в табл. 3.26.

Таблица 3.26

Показатели внешней торговли РФ, 2013–2020 гг. *

Годы	Внешнеторговый оборот, млрд долл.	Экспорт, млрд долл.	Импорт, млрд долл.	Изменение оборота, % к предыдущему году
2010 г.	582,6	368,0	214,6	
2011 г.	762,6	477,9	284,7	30,0
2012 г.	778,0	484,5	293,5	2,0
2013 г.	784,5	489,4	295,1	0,8
2014 г.	730,7	463,8	267,0	– 6,9
2015 г.	727,5	460,9	265,6	– 11,2
2016 г.	429,6	260,8	168,8	– 33,5
2017 г.	535,4	325,2	210,2	24,6
2018 г.	634,0	412,8	221,2	18,4
2019 г.	614,1	387,5	226,6	– 3,1
2020 г.	519,3	304,5	214,8	– 15,4

*Источник: составлено автором по данным ЕЭК [123].

В то же время необходимо отметить, что за время действия санкций в стране начали действовать программы импортозамещения, что, например, привело к росту производства отечественной сельскохозяйственной продукции. Происходит внедрение новых технологий в военно-промышленный сектор.

Однако, негативное влияние санкций проявилось на рынке высокотехнологичного оборудования, в нефтегазовом комплексе и в финансовом секторе. Кроме того, произошел отток иностранного капитала, что обусловило замораживание ряда значимых инвестиционных проектов.

Таким образом, данный пример показывает, что политический риск отражается на разных формах международного бизнеса, воздействуя на прямые и портфельные инвестиции, зарубежные займы, рынки ценных бумаг, экспортно-импортные операции.

Политический риск тесно связан и с другими аспектами страновых рисков. В целом же эти компоненты формируют ту среду, в которой зарубежные предприниматели ведут свою деятельность в каждой конкретной стране.

Поэтому с учетом постоянного изменения ситуации в мировой экономике одним из рисков ведения международного бизнеса в современных условиях становится трансформация бизнес-процессов, что оказывает значительное влияние на эффективность бизнеса и его расширение.

Практика демонстрирует следующие этапы развития международного бизнеса:

- от производства одного продукта к введению модельных рядов продукта;
- от органического роста бизнеса к слияниям и поглощениям;
- от производства конечной продукции на конкретном предприятии к производству на основе кооперации и его территориальной фрагментации путем создания «глобальных фабрик»; от внутриотраслевой конкуренции к созданию стратегических альянсов;
- от традиционных форм взаимодействия к созданию цифровых платформ и современных экосистем, объединяющих ресурсы, производителей, продавцов, покупателей и потребителей.

Последствия политических решений в виде индексов отражают ситуацию в конкретной стране в различных рейтингах, таких как Индекс восприятия коррупции (Transparency International Index – CIP); Суверенный кредитный рейтинг; Индекс экономической свободы; Индекс непрозрачности (О-фактор); Индекс экономической уязвимости; Глобальный индекс развития розничной торговли; Индекс готовности к электронному бизнесу; Индекс легкости ведения бизнеса; Индекс глобальной конкурентоспособности; Рейтинг стран мира по уровню прямых иностранных инвестиций; Рейтинг стран мира по уровню доходов на душу населения; методика ОЭСР и др.

В каждом из обозначенных рейтингов присутствуют параметры, характеризующие политическую ситуацию в конкретной стране, что обеспечивает возможность их применения для оценки странового политического риска по реализации международного бизнес-проекта. Необходимость приспособления индексов международных рейтингов стран для определения уровня страновых рисков обусловлена различной степенью влияния тех или иных факторов на исполнение международных контрактов.

Характеристика некоторых индексов для оценки страновых рисков представлена в табл. 3.27.

Таблица 3.27

Индексы страновых рейтингов и их характеристика*

Название индекса	Характеристика индекса
Комплексная оценка риска. Служба бизнес-рисков (BRS-BERI)	Рейтинг включает оценку условий работы, политических и валютных рисков, которые позволяют позиционировать эти страны. Субиндексы рассчитываются по трем направлениям: индекс политического риска (PRI); индекс операционного риска (ORI) и коэффициент денежных переводов и репатриации (Refactor), которые объединяются в «Сводный балл»
Модель оценки и оценка страновых рисков. Страновой индекс (CREAM)	Exclusive Analysis прогнозирует насильственные и политические риски, в том числе: войны, терроризм, гражданские беспорядки и иные недельные риски. В данной модели представлены четыре основные категории риска: 1. война; 2. терроризм; 3. гражданские беспорядки; 4. политический риск (риск существенного изменения внешней и/или внутренней политики)
Рейтинг странового риска EIU – (CRM)	Цель модели странового риска (CRM) – предоставить полные, сопоставимые на международном уровне и регулярно обновляемые оценки странового риска для 100 развивающихся стран с высокой задолженностью, а также для получения кредитных рейтингов относительных рисков с макроэкономической и финансовой точки зрения. Методология оценки риска включает: 1) определение категорий риска, сгруппированных в аналитические категории политического характера, экономической политики, экономической структуры и факторов ликвидности; 2) оценку подверженности риску, связанному с инвестированием в определенные типы финансовых инструментов, т.е. определенные инвестиционные риски. В первую очередь, оценка данного риска связана с оценкой валютного риска по отношению к доллару США, иностранной валюте ссуды государству и ссуды банкам в иностранной валюте

Название индекса	Характеристика индекса
Индекс непрозрачности (О-фактор)	Сводная оценка «О-фактора» для каждой страны основана на данных о непрозрачности в пяти различных областях, которые влияют на рынки капитала: 1) коррупция; 2) правовая система; 3) государственная макроэкономическая и фискальная политики; 4) стандарты и практики бухгалтерского учета (включая корпоративное управление и информационную открытость); 5) режим регулирования
Рейтинг странового риска (WMRC)	WMRC включает в себя две собственные модели риска: одна оценивает климат для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для корпораций; другой оценивает суверенный кредит как рейтинг международных финансовых институтов. Модель рейтинга странового риска оценивает ПИИ-климат, основанный на шести индивидуальных рейтингах в каждой стране, т.ч. политический, экономический, юридический, налоговый, операционный и безопасности
Рейтинги Международного справочника по страновым рискам (ICRG)	ICRG оценивает экономические, политические и финансовые риски и предупреждает о серьезных изменениях. Рейтинг включает 22 переменных в трех подкатегориях риска: политический, финансовый и экономический. Для каждой подкатегории создается отдельный индекс

*Источник: составлено автором по рейтингам [150, 180, 215, 96, 134].

Для анализа рисков по конкретной стране информация собирается, определенным образом обрабатывается и на этой основе создается база данных, которая представлена в основном соответствующими рейтингами, а показатели этих рейтингов – в виде индексов.

Индексы, с помощью которых определяется место страны в том или ином рейтинге, являются полезными информационными инструментами, хотя по отношению к ним есть много критических замечаний и оговорок, которые следует принимать во внимание при реализации управленческих решений. К наиболее существенным замечаниям такого типа относят некоторое упрощение достаточно сложной и многообразной реальности; непрозрачность методики построения индексов; проблемы коллинеарности индикаторов и веса, которые присваиваются различным категориям; качество данных, используемых для построения индексов; возможность манипулирования со стороны правительств, политических сил, групп и отдельных политиков в целях дискриминации тех или иных стран; субъективизм при установлении статусов: «развитая страна», «развивающаяся страна», «страна с высоким уровнем риска», «страна с низким уровнем риска», так

как диапазон оценочных баллов может устанавливаться весьма произвольно и т.д.

Применение рейтинговых систем позволяет позиционировать страну в соответствии с общедоступными, признанными, обновляемыми, в основном, ежегодно или несколько раз в год критериями в мировой системе координат.

В рамках данной работы представляется целесообразным особое внимание обратить на такие рейтинги как Индекс глобальной конкурентоспособности, Индекс ведения бизнеса, Рейтинг странового риска (WMRC), Рейтинги Международного справочника по страновым рискам (ICRG).

В соответствии с индексом глобальной конкурентоспособности можно позиционировать страну по 333 показателям в контексте четырех направлений:

- состояние экономики,
- эффективность правительства,
- состояние деловой среды,
- состояние инфраструктуры, что является вполне достаточным для получения общей картины о конкретной стране. Данные по рейтингу стран ЕАЭС в 2019 г. (опубликованы в июне 2020 г.) представлены в табл. 3.28. Окончательные итоги по 2020 г. будут опубликованы позже.

Таблица 3.28

Позиционирование стран ЕАЭС в рейтинге Индекса глобальной конкурентоспособности 2019 г.*

Страна	Место в рейтинге 2019	Изменение
Казахстан	55	+ 4
Россия	43	– 0
Армения	69	+ 1
Кыргызстан	96	+ 1

*Источник: Всемирный экономический форум [64].

Предполагается, что Беларусь будет включена в рейтинг Индекса глобальной конкурентоспособности по итогам 2020–2021 гг., так как до этого данная страна не подавала информацию для определения места страны в рейтинге Всемирного экономического форума.

Стандарты, применяемые для определения Индекса конкурентоспособности 4.0, представлены в табл. 3.29.

Таблица 3.29

Стандарты Индекса глобальной конкурентоспособности 4.0*

№	Стандарты	Составляющие стандартов
1	Создание благоприятных условия	1. институты 2. инфраструктура 3. внедрение ИКТ 4. макроэкономическая стабильность

№	Стандарты	Составляющие стандартов
2	Человеческий капитал	1. здоровье 2. умения и навыки
3	Рынки	1. товарный рынок 2. рынок труда 3. финансовая система 4. объем рынка
4	Инновационная экосистема	1. бизнес-активность 2. инновационный потенциал

* Источник: Всемирный экономический форум [64]

В табл. 3.30 отражены данные о позиции стран ЕАЭС в соответствии с отдельными индикаторами Индекса глобальной конкурентоспособности 4.0. В скобках указано место страны в рейтинге из 141 страны.

Таблица 3.30

Страновые индикаторы по Индексу глобальной конкурентоспособности стран ЕАЭС (без Республики Беларусь), 2019 г.*

Индикатор	Россия	Казахстан	Кыргызстан	Армения
ВВП на душу населения, долл США	11326.8	9237.0	1268.0	4149.3
Уровень безработицы, %	4.7	4.9	7.2	17.7
Индекс Джини, 0- 100	37.7	27.5	27.3	33.6
Организованная преступность 1–7	4.6 (73)	5,0 (51)	3.7 (115)	5,6 (26)
Социальный капитал 0–100	45.3 (104)	47,7 (84)	51.5 (58)	43 (120)
Электронное участие 0–1	0.92 (23)	0,84 (41)	0.69 (72)	0,57 (98)
Уровень коррупции 0–100	28.0 (116)	31,0 (107)	29.0 (111)	35, (91)
Права собственности 1–7	3.7 (113)	4,4 (67)	3.5 (122)	4,8 (46)
Уровень стандартов аудита и бухгалтерского учета 1–7	4.3 (97)	4,2 (101)	3.5 (130)	4,7 (73)
Государство, обеспечивающее стабильность политики 1–7	3.7 (88)	4,5 (46)	3.2 (111)	4,2 (58)
Транспортная инфраструктура	(49)	(73)	(129)	(74)
Внедрение ИКТ	(22)	(44)	(65)	(59)
Инфляция, %	3.3 (3)	6,7 (119)	2.4 (1)	1,7 (1)
Открытость торговли	(116)	(79)	(109)	(84)
Распространенность нетарифных барьеров 1–7	4.1 (103)	4,5 (62)	4.1 (108)	4,4 (72)
Торговые тарифы, 1–7	4.38 (57)	4,29 (54)	4.52 (60)	4,27 (55)
Сложность тарифов 1–7	3.7 (109)	4,3 (104)	3.6 (111)	4,2 (105)
Эффективность пропуска на границе 1–5	2.4 (99)	2,7 (64)	2.8 (56)	2,6 (81)
Финансовая система	(95)	(104)	(112)	(69)

Окончание табл. 3.30

Индикатор	Россия	Казахстан	Кыргызстан	Армения
Финансирование МСП 1–7	3.3 (118)	3,7 (87)	3.5 (105)	4,1 (52)
Рыночная капитализация, % ВВП	38.9 (51)	25,4 (68)	3.4 (114)	2,4 (116)
Импорт товаров и услуг, % ВВП	21.0 (128)	26 (116)	72.4 (22)	57,5 (43)
Деловой динамизм	(53)	(35)	(78)	(57)
Административные требования	(50)	(32)	(67)	(68)
Коммерциализация	(77)	(89)	(115)	(51)
Уровень покупателя 1–7	3.5 (80)	3,6 (68)	3.3 (91)	4,1 (33)
Количество заявок на товарный знак на миллион населения	437.57 (77)	194,7 (96)	46.92 (115)	781 (55)

* Источник: Всемирный экономический форум [64, с. 62-65, 314-317, 330-333, 482-485]

Если позиции стран ЕАЭС в соответствии с отдельными индикаторами Индекса глобальной конкурентоспособности обеспечивают понимание общей ситуации в конкретной стране, что отражено в соответствующих показателях, то индекс легкости ведения бизнеса позволяет сравнить простоту предпринимательской деятельности в разных странах. На его основе оценивается предпринимательский климат в отдельных странах. Этот индекс ежегодно рассчитывается Международной финансовой корпорацией, начиная с 2003 г. Он базируется на десяти индикаторах, которые представлены в табл. 3.31.

Таблица 3.31

Индикаторы индекса легкости ведения бизнеса*

Индикатор	Содержание индикатора
Начало бизнеса	Процедуры, время, затраты, минимальный капитал
Работа с разрешениями на строительство	Процедуры, время, затраты на строительство
Получение электроснабжения	Процедуры, время, затраты на получение электроэнергии
Регистрация имущества	Процедуры, время, затраты на регистрацию коммерческой недвижимости
Получение кредита	Юридические права, кредитная информация
Защита прав инвесторов	Открытость финансовых показателей, ответственность руководителей, легкость судебных исков
Уплата налогов	Количество налогов, время на подготовку налоговых отчетов, общий налог как доля прибыли
Международная торговля	Количество документов, затраты и время, необходимое для экспорта и импорта
Обеспечение контрактов	Процедуры, время, затраты на процедуру уплаты долга
Закрытие предприятия	Процент возмещений, время и дополнительные расходы на закрытие неплатежеспособной фирмы

* Источник: Индекс ведения бизнеса [16].

Применение данного индекса для оценки страновых рисков сегодня вызывает дискуссию. Это связано с методикой определения показателей.

Особо острой критике подвергается индикатор качества управления, в соответствии с которым в 2020 г. был выстроен рейтинг стран, вызвавший и недоумение, и удивление. Данный рейтинг выглядит следующим образом: 1-е место – Новая Зеландия, 2-е – Сингапур, 3-е – Гонконг, 7-е – Грузия, 17-е – Северная Македония, 19-е – Латвия, 22-е – Германия, 36-е – Швейцария.

Такие результаты, как считает автор исследования, обусловлены рядом причин, а именно:

- игнорирование общеэкономической стабильности, устойчивой конкурентоспособности и верховенства права при сосредоточении внимания исключительно на регулировании;
- проведение опросов среди представителей консультационных и адвокатских контор, а не среди представителей предприятий, занимающихся реальным производством;
- оценивание в форме рейтинга все больше становится объектом политической коррупции.

В то же время индикаторы Индекса легкости ведения бизнеса позволяют сформулировать конкретные направления по улучшению предпринимательской среды в отдельных странах по конкретным направлениям, что подтверждается следующими данными: за период с мая 2018 г. по май 2019 г. 115 стран реализовали 294 реформы, обеспечившие повышение качества регулирования по направлениям, анализируемым в данном индексе.

Позиции стран ЕАЭС в соответствии с данным индексом представлены в табл. 3.32.

Таблица 3.32

Позиционирование стран ЕАЭС
в соответствии с Индексом легкости ведения бизнеса*

Страна	Баллы	Последнее изменение	Место в рейтинге 2020 г.	Место в рейтинге 2019
Казахстан	82,95	– 1,94	25	28
Россия	78,20	+ 1,71	28	31
Армения	74,50	+0,86	47	41
Белоруссия	74,30	+3,47	49	37
Киргизия	67,80	+7,09	80	70

* Источник: Индекс ведения бизнеса [16].

Позиции стран ЕАЭС определялись по результатам опросов экспертов, которые пришли к следующим выводам, обозначив положительные и отрицательные тенденции в этих странах:

- «✓» – реформа, облегчающая ведение бизнеса;
- «×» – изменения, затрудняющие ведение бизнеса.

Армения.

«✓» Получение разрешений на строительство. В Армении усилен контроль качества строительства, введены более строгие квалификационные требования к архитекторам и инженерам.

«✓» Защита миноритарных инвесторов. Армения усилила защиту миноритарных инвесторов, потребовав независимой проверки и немедленного раскрытия хозяйственными обществами сделок с заинтересованностью, увеличив права акционеров и повысив их роль в основных корпоративных решениях, а также прояснив структуры собственности и контроля.

«✓» Уплата налогов. Армения упростила уплату налогов, распространив возврат денежных средств по налогу на добавленную стоимость на случаи капитальных вложений.

«✓» Трансграничная торговля. Армения ускорила экспорт, разрешив онлайн-подачу таможенных деклараций [16, с. 88].

Беларусь.

«×» Защита миноритарных инвесторов. Беларусь ослабила защиту миноритарных инвесторов, увеличив время, в течение которого акционерное общество раскрывает информацию о сделке с заинтересованностью обществу, регулирующему органу или фондовой бирже [16, с. 92].

Казахстан.

«✓» Открытие бизнеса. Казахстан упростил создание бизнеса, зарегистрировав компании для уплаты налога на добавленную стоимость во время регистрации.

«✓» Получение разрешений на строительство. Казахстан упростил получение разрешений на строительство, упростив экспертную оценку проекта строительства и улучшив процесс получения нового подключения к водопроводу.

«×» Регистрация собственности. Казахстан удешевил регистрацию собственности за счет снижения регистрационных сборов. Казахстан также усложнил передачу собственности, потребовав дополнительных доказательств уплаты государственной пошлины.

«✓» Получение кредита. Казахстан расширил доступ к кредиту за счет автоматического распространения обеспечительных прав на продукты, поступления и замену первоначальных активов и предоставления обеспеченным кредиторами абсолютного приоритета во время процедуры банкротства. Казахстан также улучшил доступ к кредитной информации, предоставив кредитные данные от розничных торговцев.

«×» Разрешение неплатежеспособности. Казахстан усложнил урегулирование несостоятельности, потребовав, чтобы все кредиторы голосовали

по плану санации, независимо от того, как это повлияет на их интересы [16, с. 105–106].

Кыргызская Республика.

«✓» Получение электроэнергии. Кыргызская Республика повысила надежность электроснабжения за счет усиления мониторинга отключений и модернизации своей инфраструктуры для сокращения отключений электроэнергии.

«✓» Получение кредита. Кыргызская Республика улучшила доступ к кредитной информации, предоставив кредитные рейтинги банкам, финансовым учреждениям и заемщикам.

«✓» Уплата налогов. Кыргызская Республика упростила уплату налогов за счет консолидации налога на процентный доход в корпоративный подоходный налог и внедрения онлайн-платформы для подачи и уплаты налогов [16, с. 108].

Российская Федерация.

«✓» Электроснабжение. Российская Федерация ускорила процедуру подачи электроэнергии, установив новые сроки и создав специализированные отделы для выполнения работ по подключению коммунальных предприятий Москвы и Санкт-Петербурга.

«✓» Защита миноритарных инвесторов. Россия усилила защиту миноритарных инвесторов, потребовав большей корпоративной прозрачности. Эта реформа касается как Москвы, так и Санкт-Петербурга.

«✓» Уплата налогов. Россия упростила уплату налогов за счет сокращения сроков рассмотрения налоговыми органами заявлений налогоплательщиков о возврате денежных средств по налогу на добавленную стоимость и дальнейшего совершенствования программного обеспечения 1С, используемого для составления налогов и расчета заработной платы. Эта реформа касается как Москвы, так и Санкт-Петербурга [16, с. 117]¹¹.

Практическое применение рассмотренные теоретические и методические подходы заключаются в том, что на основе отобранных индексов для оценки страновых рисков проводится конкурентный анализ стран в соответствии с целями и задачами обеспечения безопасности во внешнеэкономической деятельности.

Алгоритм методологического подхода проведения конкурентного анализа представлен в следующей последовательности действий:

1. Определение критериев страновых рисков.

¹¹ Данный перевод был осуществлен автором, и его не следует считать официальным переводом публикации Всемирного банка.

2. Определение источников информации по критериям страновых рисков.
3. Построение матрицы сравнения стран по выбранным критериям
4. Определение весов критериев.
5. Сбор статистических данных по странам по выбранным критериям.
6. Расчет индексов соответствия по выбранным критериям сравнения.
7. Проведение сравнительного странового анализа с учетом веса критериев.
8. Проведение сравнительного анализа страновых показателей с назначенными диапазонами уровней риска.

Таким образом, алгоритм проведения конкурентного анализа предусматривает проведение исследовательской и аналитической работы, результатом которой может стать система количественных и качественных характеристик и показателей рисков конкретной страны, что позволит повысить уровень безопасности во внешнеэкономической деятельности. Предложенный методологический подход к оценке страновых рисков может быть распространен на оценку страновых рисков не только по географическому признаку, но и по отношению к отдельным факторам риска. Так как предложенный алгоритм предполагает генерирование огромного объема информации, целесообразно применять специальные технологии хранения и обработки больших объемов данных (Big Data).

3.7. Старые и новые проблемы системы образования и воспитания молодежи в свете будущего России и её экономической безопасности

Сегодня у молодежи нашей страны есть масса проблем, тесно связанных с отечественной системой образования и воспитания. Многие из них имеют почтенный возраст, но не уходят из жизни людей, обретая сегодня новые грани. Множатся новые проблемы, обусловленные современной технологической революцией. Однако, по-прежнему, как и в далекие от нас времена В.О. Ключевского, «молодежь, что бабочки: летят на свет и попадают на огонь». Практически ничего не изменилось и с более поздних времён, когда Бернард Шоу весьма точно заметил: «Миром правят молодые – когда состарятся».

Особая роль образования и воспитания молодежи в развитии государств понималась великими мыслителями с глубокой древности. Известна яркая мысль по этому поводу Жоржа Жака Дантона: «После хлеба самое важное для народа – школа». Поэтому для нас и в настоящее время – в эру цифровой трансформации отечественного образования – актуален плакат 1920-х годов, посвященный ликбезу: «Чтобы больше иметь – надо больше производить. Чтобы больше производить – надо больше знать». Правда, насчет ориентира «надо больше знать» нужны определенные уточнения. Их давно уже дали древнегреческие философы в своих высказываниях: «Знание не есть

ум» (Сократ); «Многие многознайки не имеют ума», «Суть дела не в полноте знания, а в полноте разумения» (Демокрит). Позже об этом очень хорошо выразился Лев Толстой: «Важно не количество знаний, а качество их. Можно знать очень многое, не зная самого нужного» (Л.Н. Толстой «Путь жизни»).

Вот и спустя сотню лет после смерти нашего литературного гения, формулируя в 2011 г. концепцию четвертой промышленной революции Клаус Шваб вновь отметил известную истину, что и в новой революции (с её аналитикой Big Data и квантовыми вычислениями, Интернетом вещей (IoT), трехмерной печатью и искусственным интеллектом) больше изменяются не продукты, а сами люди [32]. Современная цифровая трансформация социально-экономической жизни общества снова требует ликвидации безграмотности – только на новом уровне.

Известно, что термин «ликбез» возник как сокращение названия государственной программы Советской России по «ликвидации безграмотности», начало которой положил декрет Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР «О ликвидации безграмотности в РСФСР» от 26 декабря 1919 года, подписанный Председателем СНК В. Ульяновым (Лениным) и Управляющим делами СНК Вл. Бонч-Бруевичем. По декрету, всё население страны в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или на русском языке (по желанию). Наркомату просвещения предоставлялось право привлекать всех грамотных лиц к обучению неграмотных на основе трудовой повинности. Декрет предусматривал создание школ для переростков, школ при детских домах, колониях и прочих учреждениях. Тогда вчерашние революционеры, взявшие власть в России, отлично понимали, что построить новое общество в безграмотной стране нельзя. Известно, что на начало XX века уровень образования Российской империи был весьма низок. Согласно данным на 1897 г., уровень грамотности по стране составлял всего 21,1%, в том числе – 29,3% у мужчин и 13,1% – у женщин. В Сибири он был ещё ниже и составлял 12% (у детей до 9 лет – 16%), а в Средней Азии – даже 5 и 6% соответственно [30].

Справедливости ради, отметим, что глубокий анализ фактов и документов, проведенных недавно отечественными учеными, указывает на то, что финансированию образования в Российской Империи с конца XIX века уделялось большое внимание. Так, например, во время царствования Николая II лишь в 1894–1916 гг. оно выросло почти в 10 раз (!) [223, с. 104]. Однако честь превращения нашего государства в страну поголовной грамотности, безусловно, принадлежит руководству наркомата просвещения и других наркоматов СССР, а также многим видным деятелям страны в 1920–1930-х гг. (А.В. Луначарскому, М.Н. Покровскому, Н.К. Крупской, Ф.Э. Дзержинскому, А.С. Макаренку, М. Горькому, Д. Бедному, В. Маяковскому, Н.Я. Марру, В.М. Бехтереву, В.Я. Брюсову, А.С. Бубнову и др.). Результаты ликбеза потрясают. Согласно данным переписи 1939 года в СССР, грамотность

лиц в возрасте от 16 до 50 лет в стране приблизилась к 90%. Поэтому феномен подъема образованности и культуры широких народных масс признается во всем мире одним из главных условий великой победы СССР в его смертельной схватке с фашистской Германией в годы Второй мировой войны. Для подтверждения этой мысли приведем лишь одну цитату из книги Дж.Ф. Кеннеди: «Мы, американцы, считаем коммунизм глубоко отвратительным как систему, отрицающую личную свободу и самоуважение. Но мы можем по-прежнему уважать русский народ за его многочисленные достижения в науке и космосе, в экономическом и индустриальном развитии, в культуре, а также за его отважные подвиги» [139, с. 285].

Грамотность – понятие очень емкое. Дрейф трактовки грамотности можно заметить по дискуссиям ученых и международным документам. По предложению ЮНЕСКО, грамотными с 1958 г. стали считать лиц, умеющих читать с пониманием текста и способных письменно кратко изложить сведения о повседневной жизни. К середине 1960-х гг. появился термин «функциональная грамотность». Согласно рекомендациям ЮНЕСКО 1979 г., таковым считалось лицо, способное участвовать в видах деятельности, где эта грамотность нужна для эффективного функционирования (плюс она давала бы ему возможность пользоваться чтением, письмом и счетом для своего развития и развития общества).

На Западе проблема функциональной неграмотности приобрела угрожающий масштаб в 1980-е гг. в связи с усложнением жизни. Людям не хватало грамотности для понимания банковских и страховых документов, заполнения налоговых деклараций, пользования купленной техникой и правильного применения лекарств. В конце XX века в Канаде среди лиц в возрасте 18 лет и старше было 24% неграмотных или функционально неграмотных. Среди последних 50% девять лет учились в школе, а 8% даже имели университетский диплом. Результаты анкетирования 1988 г. показали, что 25% французов совсем не читали книг в течение года, а число функционально неграмотных составляло 10% взрослого населения. По отчету Министерства образования Франции за 1989 г., лишь один из двух поступающих в колледж умел достаточно хорошо писать, а 20% учащихся не владели навыками чтения. В те годы в США до 60–80 млн американцев были неграмотными или полуграмотными, там возник огромный слой населения, где функциональная неграмотность передается из поколения в поколение. Функциональная неграмотность – одна из главных причин безработицы, аварий, несчастных случаев и травм на производстве и в быту. Потери от неё составили, по расчетам специалистов, около 237 млрд долл. [275, с. 99–100].

В современных официальных и научно-методических текстах можно найти многочисленные упоминания о других видах грамотности. Так, в Международной программе оценки образовательных достижений учащихся PISA фигурируют сочетания «грамотность чтения», «естественно-научная

грамотность», «математическая грамотность», т.е. грамотность, обусловленная ориентацией в конкретных предметных областях. В документах, регламентирующих исследовательскую и просветительскую деятельность современных библиотек, говорится о библиографической грамотности и др. [6].

На церемонии открытия Десятилетия грамотности Организации Объединенных наций (2003–2012 гг.), проходившей в её штаб-квартире в Нью-Йорке 13 февраля 2003 г., заместитель Генерального секретаря ООН Луиза Фрешетт подчеркнула, что данная проблема «остается частью незавершенных дел XX века. Поэтому в XXI веке одной из историй успеха должно стать распространение грамотности на все человечество». Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура, выступая на той же церемонии, указал, что посредством грамотности угнетенные люди смогут обрести голос, бедняки – получить знания о том, как надо учиться, а слабые – о том, как стать сильными. Стремление к всеобщей грамотности неразрывно связано с соблюдением прав человека. И хотя грамотность не была всеобщей панацеей от всех проблем развития, но в качестве инструмента развития зарекомендовала себя как универсальное средство. Инициатива, делающая особый акцент на понятии грамотности как источника свободы, призвана «избавить людей от невежества, ощущения своей непригодности и отверженности» и дать им возможность действовать, выбирать и принимать активное участие в жизни, отметил Мацуура. Указав, что темпы роста грамотности в мире в последние годы замедлились, он подчеркнул огромные масштабы этой проблемы.

Ускоренное развитие научно-технического прогресса ведет к росту сферы функциональной неграмотности, прежде всего, старшего поколения. К моменту завершения Десятилетия ООН по распространению грамотности в 2012 г. численность населения, не владеющего элементарной грамотой, на планете приблизилось к 800 млн (точнее, к 793 млн человек) [54]. Даже в «благополучных» Нидерландах на тот период было 1,3 млн малограмотных людей в возрасте 15–65 лет (это 10% населения). Сходная картина в Германии, где в 2011 г. насчитывалось до 7,5 млн человек в возрасте 18–64 лет, не умеющих правильно читать и писать. Почти 300 тыс. человек там были незнакомы с алфавитом, 2 млн могли только разобрать отдельные слова или с трудом их написать, а 5,2 млн немцев были способны прочесть лишь отдельные абзацы. Таким образом, 60,3% мужчин и 39,7% женщин ФРГ имели слабые навыки чтения и письма. Тогда же, по данным Istituto centrale di Statistica, 6 млн итальянцев (это 12% населения) были неграмотными. До 66% итальянцев едва умели читать и писать, 25% итальянских детей выходили из средней школы, практически не умея ни читать, ни писать, что говорит о низком уровне подготовки учащихся в итальянских школах» [229].

Статистика по уровню грамотности в современной России практически отсутствует. Уполномоченный при Президенте России по правам ребенка П.А. Астахов с сожалением сообщил, что в России в 2011 г. до 30 тыс. детей

в возрасте 7–18 лет вообще не учились, 670 тыс. подростков были неграмотны или малограмотны. Из них 610 тыс. имели лишь начальное общее образование, а 37 тысяч не имели образования вообще (!) [273]. С тех пор эти дети и подростки выросли, поэтому сегодня более полумиллиона этих малограмотных молодых людей где-то и как-то работают. Хотя неясно, что они делают в современном мире высоких технологий, разных гаджетов и множества инструкций. Границы статистики грамотности в стране уточнил в своем интервью «Радио России» от 16 декабря 2013 г. О.Н. Смолин – первый зампреда Комитета по образованию Госдумы России. Он сообщил, что по официальным данным, 1 млн 300 тыс. детей не посещают школу. Одна из больших проблем современной России – сокращение доступности качественного образования. По данным Смолина, сегодня в Германии или Франции до 80–90% студентов учатся на бюджетной основе. В США количество бюджетных студентов примерно такое же, как в России, но там есть развитая система образовательного кредитования, какой у нас нет. Если по уровню начального школьного образования в сравнении с другими странами мы ещё в числе мировых лидеров, то дальше показатели ухудшаются (до 20% старшеклассников функционально неграмотны).

На дискуссионной панели «Экономика для человека или человек для экономики: вызовы и уроки БРИК» 21 марта 2013 г. О.Н. Смолин сообщил, что по данным Центра изучения человеческого капитала при ФИРО, в конце 1980-х гг. Россия обратным счетом входила в десятку лучших по человеческому потенциалу. Позже, по статистике докладов в ООН, страна уверенно теряла позиции, скатившись по этому показателю к 1992 г. на 32 место, к 1999 г. – на 55, а к 2013 г. – уже на 66 место (!)

По мнению ученых, к началу 2018 г. в число системных проблем отечественного образования входили следующие проблемы: 1) хронического недофинансирования образования; 2) статуса педагогического работника; 3) статуса учащегося; 4) содержания образования (фундаментальность или функциональная грамотность, «канон» и модернизация, «знаниевый» и компетентностный подходы); 5) образования: светское и (или) религиозное; 6) управления образованием: проблема дебюрократизации; 7) развития сети образовательных организаций: «оптимизация» и качество образования; 8) современных образовательных технологий (электронное обучение); 9) здоровья учащихся; 10) образования лиц с ограниченными возможностями здоровья; 11) воспитания (формирования) личности; 12) идеологии (ценности) образовательной политики. В последние годы к ним добавилась серьезная тринадцатая проблема – публичного насилия в школе [228].

По данным главного психиатра России Зураба Кекелидзе, до 60% дошкольников страдают психическими аномалиями, аналогичный показатель среди школьников – 70–80%, у 30% школьников наблюдается дезадаптация в социуме. При этом отечественную школу захлестнула бюрократизация:

каждое учебное заведение в среднем в год заполняет до 300 отчетов примерно по 12 тыс. показателей (!). В таких условиях работать с детьми некогда, выросло эмоциональное выгорание учителей. По данным Общероссийского народного фронта (ОНФ), указ Президента России в части заработной платы педагогов не выполняется в 75 из 85 регионов. При этом средняя нагрузка педагогов превысила 28 часов в неделю. В такой ситуации нормально работать и жить некогда, не говоря о том, чтобы проявлять внимание к личности каждого ребенка.

Понятие «образование» многомерно. Оно трактуется как: 1) социальный феномен; 2) значимая ценность (социальная и индивидуальная); 3) функция общества и государства по отношению к своим гражданам и одновременно функция граждан по отношению к своему собственному развитию; 4) иерархическая система («лестницы») разных уровней образования; 5) пространство жизнедеятельности общества, включающее другие близкие области – культуру, досуг и т.п.; 6) деятельность, в центре которой – взаимодействие педагогов и обучающихся; 7) процесс усвоения знаний и результата образовательной деятельности [156]. Согласно документам ЮНЕСКО («Международной стандартной классификации образования (МСКО)»), образование – «целенаправленная деятельность, предполагающая определенную форму коммуникации, нацеленной на обучение» [178, с. 3].

Согласно ст. 2 закона «Об образовании в Российской Федерации», образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [262]. Та же статья упомянутого закона трактует воспитание как деятельность, направленную на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде.

По мнению философов страны, эффективное развитие отечественного образования – главный фактор обеспечения национальной безопасности по всем её компонентам (общества, государства, социальных институтов, семьи и личности). Решить эту задачу непросто, ведь надо найти баланс между

противоречивыми требованиями: 1) усиления академической мобильности и сохранения-развития собственной ценности российского образования; 2) открытости образования (ему необходима самоорганизация) и сохранения автаркии (для обеспечения его национальной самобытности). Лишь внесение принципиальных корректив в основные направления образовательной политики способно обеспечить национальную безопасность страны в эру бурного развития информационных технологий и цифровизации общественной жизни [181]. Эту позицию разделяют политологи страны [263, 97], а также ученые, исследующие проблемы влияния развития системы образования и воспитания в стране на экономическую безопасность современной России [76, 80, 93, 173, 186, 203, 222, 269, 271, 272].

В работе нами использовались системный, диалектический и междисциплинарный подходы; методы анализа: отечественных и зарубежных философских, политологических, экономико-социологических источников информации; психолого-педагогической литературы по данной проблеме; анализа статистических данных. Был подвергнут исследованию массив нормативно-правовой источников по проблеме развития системы образования и воспитания в Российской Федерации, разным аспектам цифровизации современного общества. Мы опирались на методы сравнительного анализа и обобщения – при сопоставлении результатов разных исследований, полученных учеными разных стран и научных школ в разное время, а также методы моделирования.

Несмотря на исключительную роль института образования-воспитания в развитии общества, детальное исследование проблем влияния системы образования на национальную и экономическую безопасность государств (а также их регионов) началось сравнительно недавно. Отечественные ученые связывают историю начала этих исследований с периодом становления советской власти в России [126] и отмечают, что в нашей стране первая попытка перейти от общих рассуждений об экономической отдаче образования к разработке конкретной методики её исчисления была предпринята в первой половине 1920-х гг. С.Г. Струмилиным [237]. Уже в те годы ученый построил свою методику, используя метод редукции труда, т.е. приведение различных его видов (сложного и простого, квалифицированного и неквалифицированного, умственного и физического) к общей единице измерения, которую можно было бы принять за исходный показатель при построении системы коэффициентов сложности труда. Метод редукции позже использовали и другие ученые, исследовавшие феномен воздействия образования на производительность труда и экономический рост, но убедительных результатов получить не удалось. Более плодотворной оказалась разрабатываемая западными учеными теория «человеческого капитала» (ЧК) [126]. Именно в этом направлении в США, Великобритании, были проведены исследования, посвященные выявлению механизмов и меры воздействия образования на экономический рост, повышение производительной

силы труда и доходов индивидуумов (труды С. Кузнецца, Т. Шульца, Э. Денисона, Г. Беккера, М. Вудхола, Дж. Кендрика, М. Блауга и др.) [49, 50, 5, 6, 4, 65, 8]. Как известно, за создание основ теории ЧК Шульцу в 1979 г., а Беккеру в 1992 г. были присуждены Нобелевские премии по экономике. Согласно Кузнецу, человеческий капитал – доминанта возможного стабильного роста экономик развивающихся стран. Анализируя экономический рост США в 1929–1982 гг., Денисон сделал вывод, что определяющим фактором роста производительности труда является именно образование – важнейшая составляющая ЧК. Однако, инвестиции в него, по Кендрику, имеют ряд особенностей, отличающих их от других видов инвестиций. Так, отдача от инвестиций в ЧК непосредственно зависит от срока жизни его носителя. Поэтому, чем раньше делаются вложения в человека, тем быстрее они начинают давать отдачу. Этот капитал способен накапливаться и умножаться, по мере накопления его доходность повышается до некоего предела, ограниченного верхней границей активной трудовой деятельности, а затем резко снижается. Безусловно, не всякие инвестиции в человека могут быть призваны вложениями в ЧК, ведь характер и виды вложений в человека обусловлены историческими, культурными и национальными особенностями и традициями. По сравнению с инвестициями в иные формы капитала инвестиции в ЧК – наиболее выгодны как с точки зрения отдельного человека, так и с точки зрения всего общества. Впервые в отечественной литературе стоимостную оценку ЧК Российской Федерации по методу Джорнгенсона-Фраумени дал Р.И. Капелюшников [137]. По его данным, в 2010 г. запас ЧК России составлял свыше 600 трлн руб. – примерно по 6 млн руб. на душу населения. Он в 13 раз превосходил ВВП страны и в 5,5 раз – объем физического капитала (!). Расчеты показали, что по паритету покупательной способности (ППС) Россия располагала в 2010 г. ЧК в размере около 40 трлн долл., а его уровень в расчете на душу населения приближался к 400 тыс. долл. В 2002–2010 гг. в реальном выражении он вырос вдвое. Это свидетельство того, что в «нулевые годы» экономика нашей страны становилась все более «человеко-капиталистической». Отрицательное влияние на динамику ЧК оказывал фактор старения населения, положительное – снижение коэффициентов смертности, сдвиги в образовательной структуре, усиление образовательной активности молодежи, улучшение ситуации с занятостью и рост реальной заработной платы. Тем не менее, сравнение характеристик ЧК, связанного с обучением специалистов-профессионалов России с аналогичными характеристиками соответствующих категорий работников 16-ти зарубежных стран (на материалах работ по Международной программе социальных исследований ISSP «Work Orientation», по данным за 2015 и 2005 гг.) показал, что в последнее десятилетие есть отставание его характеристик (базового образования, накопленного опыта, дополнительного профессионального образования) от аналогичных характеристик работников за зару-

бежом [37]. По ним Россия сопоставима лишь с Индией, Венесуэлой и Мексикой. Сильное отставание – по характеристике обновления знаний, т.е. мы слабо включены в третью образовательную революцию, суть которой не только в массовизации высшего образования, но и в «образовании в течение всей жизни». Это понимается научным сообществом России и отражается в тематике проводимых исследований в данном направлении [157].

Наступивший XXI век принес России весьма глубокие изменения и новые вызовы. По мнению Д.И. Фельдштейна, «...ребенок 2010 года – младенец, дошкольник, младший школьник, подросток, старшеклассник, который при сохранении сущностных оснований и действенных механизмов сознания, мышления разительно отличается не только от того «Дитя», которого описывали Коменский и Песталоцци, Ушинский и Пирогов, Заззо и Пиаже, Корчак и другие великие детоводители прошлого, но даже качественно отличается и от ребенка 90-х годов XX века. При этом ребенок стал не хуже или лучше своего сверстника двадцатилетней давности, он просто стал другим...» [264, с. 48].

При этом в современных условиях реально выросла опасность, о которой предупреждали ещё великие русские философы, начиная с Владимира Соловьева. Это опасность вырождения человечества в «зверочеловечество», она связана с тем, что рост материальных потребностей опережает рост потребностей духовных. При этом активно насаждаемая рыночная идеология, ориентированная на сиюминутный успех, внедряясь в интеллектуальную жизнь, способна, по обоснованному мнению акад. РАН Н.Н. Моисеева, «ввергнуть все общество в мир абсурда» [264, с. 53]. Отсюда нетрудно сделать вывод о том, что образование и воспитание совершенно точно приобретает новую роль – роль обеспечения экономической безопасности регионов России и национальной безопасности России в целом [271, с. 147].

Отечественные философы называют опасности, возникающие перед системой образования. Первая возникает из установки властей страны, по которой образование станет богаче, когда богатым станет государство. Возразить против недальновидности этой установки можно словами Дерека Бока (президента Гарвардского университета с 1971 по 1991 гг.): «Если вы считаете, что образование слишком дорого, попробуйте подсчитать, сколько стоит невежество» и фразой 42-го президента США Билла Клинтона: «Мы имеем хорошие университеты не потому, что мы богаты, а мы богаты потому, что имеем хорошие университеты».

Вторая опасность вытекает из расчленения образования на составляющие, где механизм расчленения прост – разведение по различным графам бюджета и борьба каждой части за собственную долю государственной поддержки. Однако ясно, что школа, вузы, наука и гуманитарная культура порою не выживут. Ведь в нашей стране под образованием традиционно по-

нимается органическое единство школы, фундаментальной науки как основы для подготовки специалистов и гуманитарной науки как основы духовного единства народов России.

Третья опасность вытекает из административно-вольных предписаний о содержании образования и воспитания. Речь идет о наличии ложных установок на воспитание гражданственности и нравственности. Например, в докладе 1995 г. Всемирного банка «Россия: образование в переходный период» отмечается, что минимальная гражданственность россиян может включать, а может и не включать (!?) «способность воспринимать русское искусство и литературу».

Четвертая опасность проистекает из падения престижа, а также государственной и общественной значимости фигуры учителя и появлении роли менеджера и фасилитатора в образовании [184].

Сегодня проблем в системе образования и воспитания России – много, причем на всех уровнях (табл. 3.33). Все начинается из-за отсутствия идеологических ориентиров в обществе [68] и целеполагания в системе образования [168]. Далее наслаивается ансамбль проблем, касающихся содержания разных уровней образования в условиях регулярной смены ФГОС, включая самое главное – качество образования [166, 165, 167]. Все это как-то совпало во времени с цифровой трансформацией общества и образования, лишь «подлившей масла в огонь».

В отношении молодых людей, появившихся в XXI веке и имеющей свои отличительные черты М. Пренски, а затем Д. Спиром и А. Дигнаном были предложены специальные термины – digital natives («цифровые аборигены» или «цифровые туземцы»), а также born digital (с англ. – «цифровые со дня своего рождения»). Они отличаются от прежних поколений своими привычками: интерактивности и многозадачности; серфинга в Интернете (постоянного сканирования информационного поля); предпочтения визуальных рядов текстам и движению в случайном направлении; «выборочной» концентрации внимания (исключительно с целью уловить суть); новой стратегией потребления – просьюмингом (предпочтением продуктов, в создании которых можно принять участие); высокой эмоциональностью и контактностью, стремлением к саморазвитию и самосовершенствованию [83].

Таблица 3.33

Поле существующих проблем по уровням образования в стране

Уровень	Описание угроз (проблем)
1	2
Дошкольное образование (ДО)	По ФЗ № 273, рассчитывать на обучение в ДОУ могут дети от 3 до 7 лет. ДО для детей от 2 мес. до 3 лет («ясли») заменили «дошкольным развитием». Ясельные группы – компетенция учредителей ДОУ (муниципалитетов), их начали «сворачивать». Услуги няни – от 200 руб/час [89]. В большинстве регионов: нехватка мест в государственных ДОУ и учреждениях ДО, высокая стоимость общего и дополнительного дошкольного образования в частных учреждениях, нехватка квалифицированных кадров [113]. Материальная обеспеченность ДОУ (город/село, в %): пищеблок: 100/96,5; медицинский кабинет: 100/80; музыкальный зал: 95,7/78,8; бассейн: 12/3,5; кабинет логопеда: 60/37,6; выход в интернет: 50/18,5
Начальное общее образование (НОО)	Усиление ориентации на потребление; отрыв от культурных корней и истории общества; повышение уровня тревожности и страхов из-за стремления родителей ограничивать активность и самостоятельность детей; рост агрессивности из-за фактора развития компьютерных игр, снижения контроля за своим поведением и формирующих зависимость; экранная зависимость, потребность в готовых развлечениях; обеднение общения детей со сверстниками и рост одиночества; недоверие к окружающему миру, особенно к миру взрослых, влекущее формирование инфантилизма [264; 169]
Основное общее образование (ООО)	Если в начале 1990-х гг. многие подростки отличались чувством одиночества, а тревожность стояла на 4-5 местах по силе проявления, то к 2010 г. тревожность у 12-15-летних вышла на 2-е место. Есть рост числа детей с эмоциональными проблемами. У подростков идет снижение избирательного внимания, оценки значимости информации и объема рабочей памяти. Заметна тенденция снижения темпов продольного роста детей, выросла (достигнув почти 20% детей) заторможенность их психического развития и проявлений пограничных состояний [264]
Среднее общее образование (СОО)	По данным Минздрава России лишь сегодня 10% выпускников школ здоровы, 60–70% имеют нарушение зрения, 60% – осанки, 30% – хронические заболевания. По данным Д.И. Фельдштейна, растет число детей с олигофренией и психопатией. Оптимизм вселяет то, что растет число одаренных детей, а также с «золотыми руками». Знаменательно, что у подростков на пер-вый план выходят не развлечения, а поиск смысла жизни, идет изменение ценностных ориентаций. Заметен дрейф ценностей. Примерно с 2007 г. на первые позиции вышли интеллектуальные, волевые и соматические ориентации, однако при этом, к сожалению, эмоционально-нравственные ценности уходят на второй план [264]

1	2
Среднее профессиональное образование (СПО)	Сегодня такое образование – у 25% населения, а высшее – у 23%. После 2009 г., перехода на ЕГЭ и с введением в 2014 г. ОГЭ как обязательного, по данным Росстата, до 40% получивших ООО (9 лет общеобразовательной школы) идут в колледжи и техникумы с целью получить рабочую специальность. После получения СОО (10–11 классы) и сдачи ЕГЭ ещё до 15–17% уходит в СПУ. Таким образом, в организации СПО сегодня идет более 50% учащихся [122]. В числе проблем СПО: 1) недостаточное финансирование; 2) изношенность МТБ учреждений СПО (недостаток компьютеров, аудио-, мультимедиа техники); 3) сохранение диспропорции между требованиями рынка и качеством подготовки специалистов (трудности трудоустройства); 4) слаба связь ряда учреждений СПО с предприятиями страны. Важно стимулировать активность студентов СПО в культурной, научной, общественной деятельности, что важно для формирования «мягких навыков» будущих специалистов [170]. Лишь 17% выпускников колледжей имеют представление об управлении бизнес-процессами [80, с. 4]
Высшее образование – бакалавриат (ВОБ)	По мнению ученых МГТУ им. Н.Э. Баумана, специализированное обучение в бакалавриате ВТУЗа РФ де-факто «свернулось» до 3-х лет: первые полгода уходят на «доучивание» бывших школьников для нормального уровня восприятия курса высшей школы, а последние – на преддипломную практику бакалавра. В Великобритании и Германии абитуриенты перед поступлением в вуз в течение 2-х лет обучаются в специальных классах-колледжах 12–14 летних школ. Отсюда европейский бакалавриат при сложении времени предвузовского и вузовского обучения соответствует нашему специалитету [117]
Высшее образование – специалитет, магистратура (ВОСМ)	Перечень проблем ВО, по опросам ВЦИОМ: низкое качество, коррупция, проблемы трудоустройства, недоступность образования, все решают деньги и связи, ЕГЭ, слабая МТБ вузов, мало бюджетных мест, «исход» бесплатного образования, низкая зарплата преподавателей, нежелание студентов учиться, большое число коммерческих вузов [266]. В 2016 г. 71% всех магистрантов составили выпускники бакалавриата и специалитета этого года. Из 207,5 тыс. магистерских мест федеральный бюджет оплачивал 110,1 тыс. мест. Остальное – места, за которые платили сами студенты (реже – регионы). Несмотря на высокую стоимость программ, растет число тех, кто готов платить за свою учебу. Вузы, предлагающие платные программы магистратуры, хорошо зарабатывают: в МГИМО цены на обучение начинаются от 300 тыс. рублей, в ВШЭ – от 260 тыс. в год. Есть вузы с высокой долей магистрантов (в Пущинском естественно-научном институте и Российской школе частного права – 100%, в Академическом университете РАН – 66%, в Дипломатической академии МИД – почти 50%, в Физтехе – 29%, а в МГИМО – 27%) [86]. С 2014 / 2015 уч. года по 2019 / 2020 уч. год заметна тенденция снижения числа бюджетных мест в магистратуру. Так, например, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. – в 1,5 раза [225]

1	2
Высшее образование - подготовка кадров высшей квалификации (ВОКВК)	Основные проблемы: 1) эта система плохо поддается управлению имеющимся набором нормативно-правовых и организационных механизмов. Нет системы документов, нацеленных на выполнение стратегических ориентиров и регламентирующих процесс подготовки с учетом реализации государственных программ; 2) есть проблема результативности аспирантуры и докторантуры в РФ в ракурсах: «качества» (снижения научного уровня диссертационных работ); «количества» (сокращение доли обучающихся, завершающих обучение с защитой диссертации); 3) несмотря на социальный заказ на подготовку кадров для сфер деятельности, непосредственно не связанных с наукой (бизнес, политика, госуправление, сфера услуг и др.), важнейшая функция системы – воспроизводство кадров науки и высшей школы, для чего нужна новая система формирования контрольных цифр приема на бюджетные места в вузах, ориентированная именно на это; 4) совокупность «магистратура-аспирантура-докторантура» не отвечает современным представлениям о системности ступеней образования (не согласованы программы магистратуры, аспирантуры и докторантуры). Часто аспиранты и докторанты предоставлены сами себе [133]
Дополнительное образование детей и взрослых (ДОД и ДОВ)	В стране 5,4 тыс. УДО (ДХШ и ДШИ), где работает 123 тыс. педагогов и обучается более 1,4 млн детей (9%). Высока занятость детей, что противоречит принципу их здоровья сбережения. Реально УДО не наполнены нужным оборудованием (компьютерами, музыкальными инструментами) для реализации образовательных программ. Сегодня дети не готовы к трудоемким видам деятельности, их заменяют имитационными художественными технологиями, ученые выявили феномен угасания у детей творческого воображения. Вырос объем бюрократической работы администрации УДО (лицензирование, права ведения предпрофессиональных образовательных программ и т.п.). Упал престиж творческих специальностей, низка оплата труда, педагоги перегружены и помещены в бюрократические рамки свидетельств о достижениях, осуществления часто лишней методической работы и проч. [220]. За последние годы уменьшилось число детских музыкальных, художественных, хореографических школ и школ искусств, детских оздоровительных лагерей. Число спортивных школ растет, но они часто ориентированы на переход в «большой коммерческий спорт». Это ведет к ранней селекции и отсеву детей. Налицо тенденция роста доли сектора платных услуг ДО детей, предоставляемых государственными и негосударственными организациями [90]. Современные условия усиливают процесс взаимозависимости разных сфер жизни и деятельности, что оказывает существенное влияние на становление дополнительного образования детей [99]. Феномен образования взрослых возник недавно как особая социальная технология постиндустриализма. В аграрную и индустриальную эпохи образование давалось детям, а переобучение взрослых было либо невозможно, либо ещё не выделилось в особую сферу социальной реальности. Но неизбежная модернизация России в направлении неоиндустриализма вызывает необходимость формирования нового типа взрослого человека, выходящего из под пресса дезинформационного общества. Новый человек, приходящий на смену совку и буржуа, либералу и филистеру, становится фокусом глобального прогнозирования будущего человечества, предметом народной мечты и задачей достойной своего народа государственной власти [185]

1	2
Дополнительное профессиональное образование (ДПО)	По «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 г.» (утв. Распоряжением Правительства РФ № 1662-р от 17.11.2008 г.) в качестве приоритета было названо создание условий для систематического обучения (повышения квалификации, профессиональной переподготовки и т.п.) не менее 25–30% занятого населения. Статистика свидетельствует, что ежегодно услугами ДПО пользуются лишь 2% экономически активного населения страны (до 1,5 млн человек) [60]. Эта сфера образования расширяет возможности традиционного образования, но нуждается в реконструкции системы ДПО, внедрения инновационных методов и принципов, принятия серьезных нормативно-правовых и организационно-методических мер для достижения синергетического эффекта. По данным ученых ВШЭ, в целом по всем занятым в экономике обучение в 2017 г. прошли не более 12% работников [138]. Работники с ДПО, по сравнению с теми, у кого его нет, считают, что могут лучше справиться с проблемами на работе и в жизни. Участие в ДПО не связано с ростом удовлетворённости трудом, т.к. предположительно оно формирует преимущественно специфический человеческий капитал либо недостаточно интегрировано в структуры карьер в сегменте рабочих мест с низким и средним уровнем квалификации. То есть, участие в ДПО не открывает возможности для профессиональной мобильности в соответствии с предпочтениями работника и не приводит к росту удовлетворённости трудом. Однако, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование безработных и незанятых граждан в системе органов службы занятости в современных условиях является эффективной мерой содействия занятости [196]

Таблица 3.34

Отличия ДПО от традиционного обучения

Характеристика	Вузовское образование	Дополнительное профессиональное образование (ДПО)
Содержание	Фундаментальное	Прикладное, вариативное
Цель	Формирование основных профессиональных знаний, умений применения их на практике	Формирование умения выявлять, диагностировать, устранять и решать профессиональные проблемы
Роль преподавателя	Педагог, учитель	Тьютор, консультант
Контроль за учебным процессом	Преподаватель, эксперт	Обучающийся (слушатель)
Главные факторы обучения	Содержание образования	Процесс передачи содержания
График обучения	Жесткое расписание	Гибкий подход с учетом интересов слушателей

В современный «цифровой» лексикон прочно вошел термин «гаджет» (на англ. – «gadget»), происходящий от французских слов *gâche*, *gâchette* (в уменьшительной форме) – хомут или хомутик. Это портативное устройство весом не более 300 граммов, уместяющееся в карманах одежды. Чаще всего гаджеты – это смартфоны, реже – планшеты и портативные компьютеры. Эти устройства сегодня завоевали мир, именно поэтому редакторы журнала «Time» (основанного ещё в 1923 году) назвали iPhone самым влиятельным гаджетом всех времен. По их мнению, использование людьми гаджетов будет иметь самые серьезные последствия в ближайшие десятилетия. В свете этих высказываний специалисты (физиологи и психологи, педагоги, социологи и др.) задаются вопросом о цене влияния цифровизации на физическое, психологическое и нравственное развитие молодежи. Ведь, по мнению Артура Кассиди, «смартфоны и видеоигры стали идолами, которым нужно поклоняться» [3].

Уже с середины 1990-х гг. ученые заметили феномен «клипового сознания», относящийся к восприятию (мышлению, пониманию) людей [94]. Этот термин почти сразу стал использоваться как некий диагноз, без разбору прилаживаемый как к процессам, восприятия информации, так и её усвоения. Считается, что клиповое восприятие обеспечивает способность «интернет-поколению» быстро переключаться и ориентироваться в разрозненных фрагментах информации. Однако молодежь с таким мышлением неспособна к глубокому анализу, она зависима от чужого мнения и ей трудно работать с большими текстами. Клиническая психология анализирует факторы риска, связанные с киберсоциализацией, и её возможные негативные последствия. Они могут быть связаны не только с формированием у детей и подростков аддиктивного поведения, но и с возникновением отклонений в развитии различных психических функций [77]. Учеными многих стран мира отмечен существенный рост случаев дисграфии и дислексии (затруднений при обучении письму и чтению). Перечень уже выявленных, а также пока ещё скрытых (латентных) неприятностей от цифровизации общественной жизни и образования огромен и требует внимания большого числа представителей самых различных наук.

Сегодня зависимость от гаджетов получила имя «номофобия», характеризующее страх человека остаться без мобильного устройства или забыть его. Этот термин – аббревиатура «no mobile phone phobia» – был придуман в ходе британского исследования 2010 года, целью которого было определить круг проблем, с которыми сталкиваются пользователи мобильных устройств. Было выявлено, что до 53% пользователей мобильных телефонов в Великобритании испытывают беспокойство, теряя или забывая свой телефон, а также когда он разряжается или находится вне зоны доступа сети. В США сходные исследования дали ещё более впечатляющие результаты. Там почти 65% опрошенных спали с телефонами или держали их близко к кровати, а каждый пятый человек предпочел бы обойтись без обуви на неделю,

чем отказаться от телефона. Более 50% респондентов практически никогда не выключают свой телефон. Любопытно, что сегодня все большее число людей даже идут в душ со своим мобильным телефоном [127]. Официальное признание проблема цифровой зависимости получила лишь в последнее время (до начала 2010-х гг. психологи и педагоги всерьёз рассматривали лишь игровую компьютерную зависимость). Однако ряд ученых забили тревогу ещё в 1990-е гг. В США Кимберли Янг обратила внимание соотечественников, а затем и всего мира, на киберзависимых людей. Для оказания психологической помощи ей в Пенсильвании был основан первый центр интернет-зависимости [31]. В арсенале психологов тогда появился тест («Internet Addiction Test» – тест на интернет-аддикцию).

Многие ученые сегодня исследуют феномен «вируса цифрового слабоумия» или «цифровой деменции» («digital dementia»), возникающий из-за цифровой перегрузки детей и подростков. Он проник во все страны и слои общества, а массовое помешательство детей на гаджетах уже поражает родителей и педагогов. Термин пришел из Южной Кореи, первой достигшей наивысшего уровня в мире апробации цифровых технологий. По прогнозам журнала «The Wall Street Journal», в 2017 г. обладателями смартфонов должны были стать до 84,8% населения Южной Кореи (для сравнения: 80% – Германии, Японии, США, 69% – в России). Однако в середине 2019 г. Россия уже прочно заняла 4 позицию в рейтинге стран, зависимых от Интернета (учитывающем: % населения, пользующегося Сетью, количество бесплатных точек Wi-Fi, подписку на мобильную сотовую связь) [3].

В настоящее время количество научных публикаций, касающихся влияния цифровых технологий на здоровье молодежи просто зашкаливает. Исследованию проблемы посвятили свои труды немецкий нейробиолог Манфред Спитцер [35], бельгийский нейропсихиатр Тео Компернолле [60], профессор Оксфордского университета Сьюзен Гринфилд [53], специалист в области дошкольного образования Сью Палмер [52], педиатр из США Крис Роун [12] и многие другие.

В России исследованиями состояния детей в условиях информатизации их жизнедеятельности и интенсификации образования занят Институт общественного здоровья им. Ф.Ф. Эрисмана Первого МГМУ им. И.М. Сеченова [161]. На кафедре гигиены детей и подростков под руководством профессора В.Р. Кучмы ведутся востребованные системой образования исследования в сфере гигиены использования информационно-коммуникационных средств обучения и способов обеспечения их работы (персональные компьютеры новых поколений, ридеры, iPad, интерактивные доски, электронные учебники, Интернет, мобильная связь, Wi-Fi). Они оказались весьма актуальными во время эпидемии COVID 19 [162].

По мнению зав. кафедрой психологии образования и педагогики МГУ им. М.В. Ломоносова, А.Н. Вераксы, для каждого возраста есть свое опти-

мальное время использования гаджетов. При этом полное исключение ребенка из цифровой среды в условиях современного общества также негативно для его развития. Ведь содержание общения, игр детей во многом определяется сейчас цифровым контентом, не обладая которым, дети теряют возможность говорить на общие темы со сверстниками [210].

Исследователи школы А.Р. Лурия в России, а также западные ученые (А. и Н. Кауфман, Г. Уиткин, Дж. Каган и др.) ориентируют нас на изучение доминантности полушарий. Объемность восприятия реального мира плохо сочетается с жесткой структурированностью, которая формируется в процессе использования компьютерных игр и просмотра телепрограмм. При этом формируется мотивация к удовольствию в противовес мотивации к познанию, т.к. выброс дофамина продуцирует приятные эмоции. Полноценное восприятие и творческие способности формируются в процессе полисенсорной информации, сопряженной с активной двигательной нагрузкой. Этому способствуют игры, чтение детской литературы, физическая активность. Рисование, музыка, экскурсии и путешествия, занятия в кружках по интересам, участие в коллективных творческих делах – прекрасные тренажеры для детского мозга наряду с организацией урочной деятельности. Не случайно интеллектуальная элита (жители Силиконовой долины в США) жестко ограничивают общение детей с телевидением, гаджетами и компьютерами.

Они хорошо знают закономерности детского развития и приобщают своих питомцев к цифровым технологиям, когда полноценно для этого созреют мозговые структура. Более того, элитарное образование в Итонском колледже (Eton College), существующем возле Лондона ещё с середины XV века, куда представители администрации стран Европы стараются поместить своих питомцев, внедряется опыт советской образовательной системы. Подростки там обучаются по советским учебникам Д.Э. Розенталя, Л.Д. Ландау и А.Н. Колмогорова, переведенным на английский язык на бумажных носителях. За основу там принята модель физико-математической школы, основанной в Москве ещё в 1960-х гг. акад. АН СССР Колмогоровым и растиражированной позже во многих регионах страны.

В школах Израиля активно пользуются знаменитыми учебниками А.П. Киселева – нашего «законодателя школьной математики» [154]. Аналогичное долголетие касается также качественных советских учебников А.В. Перышкина по физике для 6-го и 7-го классов. К настоящему дню они уже выдержали в стране двадцать четыре издания (!). При введении нового ФГОС основного общего образования (от 2010 г. с изм. от 2015 и 2020 гг.) было принято решение и далее продолжать выпуск учебников Перышкина (комиссия ФГОСа посчитала его непревзойденным и незаменимым автором школьных учебников по физике).

Напомним, что одной из проблем современной России, требующей особого внимания является, по мнению подавляющего большинства ученых

сфер здравоохранения и образования, стандартизация и сертификация электронных учебников. Ведь они, в отличие от учебников традиционных, сегодня вообще не имеют никакой сертификации и утвержденных стандартов. Нет подтверждений их безопасности для здоровья детей, а также нет требований к их оформлению. Сегодня в электронной школе дети проводят много времени в наушниках, у них портится слух, от светящихся экранов мониторов – ухудшается зрение, от сидячего образа жизни за компьютером – нарушается обмен веществ, состояние внутренних органов, ухудшается состояние мышц, развивается ранний сколиоз и т.д. [73]. На состоявшейся в феврале 2017 г. международной конференции «Дети, время экрана и беспроводное излучение» в Рейкьявике (Исландия), врачебное сообщество было обеспокоено о пагубном влиянии на детей ионизирующего излучения на зрение, слух, обмен веществ и в целом на здоровье тех, кто часто пользуется смартфонами и компьютером, приняли заявление врачебного сообщества о запрете Wi-Fi технологий для детей [110].

Сьюзан Гринфилд и др., оспаривая утверждение, что телевидение и цифровые технологии являются безвредными, предупреждают против очевидной людям «бомбардировки мозга аудиовизуальными стимулами», ограничивающих созревание способностей к эмпатии и идентичности. Интернет, по выводам ряда ученых, приводит как к позитивным изменениям менталитета и социокультурного уровня детей и подростков, так и к негативным психофизиологическим последствиям для них (табл. 3.35).

По поводу мышления современной молодежи (как digital natives) много мифов, например, упомянутая ранее и затем в табл. 3 многозадачность. Быстро и в бессознательном режиме работает лишь рефлекторный мозг, тогда как рефлексирующий ведет последовательную обработку задач. Попытка вести параллельные мыслительные операции заканчивается их переключением с частичной потерей информации.

Таблица 3.35

Положительно-отрицательные эффекты клипового мышления у детей

Достоинства		Недостатки	
Эффект	Комментарии	Эффект	Комментарии
1	2	3	4
Эффект ивной работы с отрывками	Людам с этим мышлением хватает взгляда на фрагмент, чтобы понять суть и сделать выводы. Школьникам проще делать презентации, составлять схемы. По статистике дети стали лучше писать сжатые изложения (обязательную часть экзамена по русскому языку в 9 классе – ОГЭ)	Проблемы больших текстов	Сжатые изложения дети пишут хорошо, но сочинение, пересказ параграфа учебника, чтение повести или романа – проблема. Тексты на сотнях страниц без иллюстраций порождают чувство переутомления и дети жалуются на усталость

1	2	3	4
Быстроты реакции	Переписка сразу по многим контактам требует быстрого переключения. Надо держать в голове образы тех, кому пишешь. Листая ленту новостей, люди моментально анализируют, какой пост лайкнуть, какой – репостнуть, какой отправить другу и закрепить у себя в аккаунте. Идет развитие быстроты реакции, что полезно во многих жизненных ситуациях	Неспособности к глубокому анализу	Современные дети – лишь потребители информации, усвоить её в полной мере они не могут. При этом важнейшие операции мышления, такие как синтез, обобщение и сравнение, оказываются у них плохо сформированными
Многозадачности	Сегодня ребёнок выполняет письменное задание, требующее концентрации внимания, в наушниках, где громко звучит динамичная музыка, а перед ним лежит телефон с рядом открытых вкладок. Он сравнивает сделанное в тетради с ГДЗ в Интернете, советуется, по оформлению задачи в чате с одноклассниками. Переписывается с друзьями, просматривает новые уведомления из соцсетей. Перед ним может стоять кружка чая и бутерброд. Современные дети умеют делать много дел сразу, в доли секунды переключая внимание	Низкой концентрации внимания	Многозадачность и перескоки с одного на другое, мелькание фрагментов рассеивает внимание. Дети в дальнейшем уже не могут сосредоточиться на конкретной теме. Это одна из основных причин снижения дисциплины в школе. Детям трудно усидеть на одном месте 40 минут, слушая однотонные рассказы учителя и одноклассников у доски. Опытные педагоги стараются сочетать разные виды деятельности на уроке (просмотр видеороликов, иллюстраций, показ презентаций и проч.)
Иммунитета от перегрузок	Молодежь круглые сутки «сидит» в гаджетах и чувствует при этом себя хорошо. Клиповое мышление позволяет их мозгам получать информацию дозированно, не перегружая интеллект и память. Психологи называют это неким механизмом адаптации к развитию информационных технологий	Снижения успеваемости	Статистика жестока: коэффициент усвоения знаний у современных школьников и студентов снижается. Сленг ведет к обеднению речи, дозированная подача материала в соцсетях – к неумению работать с большими текстами и вычленять главное. Страдают память, интеллект, внимание, речевые способности

1	2	3	4
Охвата информации	Лицо с линейным типом сознания (противоположным клиповому) застревает на каждом сайте, предложенном поисковиком и кажущемся нужным. Вчитывается и вникает, запоминает и делает пометки, что-то заучивает. За день он просмотрит 3-4 таких текста. Да, у него будет глубокое понимание темы, но далеко не всеобъемлющее	Зависимости от чужого мнения	Сети сделали жизнь публичной. Можно на страничке прочитать статус, просмотреть личные фото, узнать про интересы. Растет уязвимость, часто пользователи выкладывают о себе лишь хорошее. Но на форумах, в чатах дети сталкиваются с троллингом, попадают под чужое влияние. Реклама тоже рассчитана на эмоциональную спекуляцию

При этом третья система – архивирующая, отвечающая за упорядочивание информации, может работать лишь в состоянии «информационного покоя» (во время прогулки, тренировки или сна). В сплошном информационном потреблении перерывов для работы архивирующего мозга мало, из-за этого информация не упорядочивается и не хранится в памяти [267]. Процесс цифровизации, считают ученые, должен быть организован так, чтобы приводить развивать способности молодежи конструировать образ будущего. Без умения позитивно конструировать его снижается мотивация молодых людей к саморазвитию, самосовершенствованию и реализации творческого потенциала.

Понимание учеными страны и практикующими педагогами и психологами свершившегося факта «клиповизации» мышления молодежи инициирует их к поиску адекватных «средств реагирования». Но запретами эту проблему решить нельзя, нужен выход в надсистему. Необходимо задействовать «мягкие», однако надежные системные способы купирования недостатков клипового мышления. Они связаны с опорой на нашу великую культуру [268]. Один из важнейших ориентиров деятельности в этом направлении хорошо отражает тематика диссертационных исследований педагогов и социологов [87, 149]. Это, безусловно возрождение отечественной традиции детского чтения [274, 151].

Всей историей человечества убедительно доказано, что только хорошее образование служит надежным пропуском во власть. Поэтому в условиях несовершенного общественного устройства, существующего в современной России, влиятельные сообщества, находящиеся у власти и именуемые «элитой», вовсе не заинтересованы в продвинутой просвещенности народа. Как и в прежние времена, им приходится идти на разные уловки и прибегать (под прикрытием провластных масс-медиа) к демонстрации «успехов» об-

разовательной политики во избежание сознания молодежью реального положения дел, что способно привести к социальному взрыву в стране. С одной стороны, стремительный рост Интернета и социальных сетей существенно сузил возможности правящих элит по дезинформации населения, однако, с другой стороны, идущая в стране цифровая трансформация создала новые проблемы и условия для наращивания неравенства, теперь уже нового – цифрового.

В связи с этим непростой, но чрезвычайно важный опыт ликвидации безграмотности в Советской России и превращения СССР в страну поголовной грамотности, на наш взгляд, должен стать основой проектирования и реализации грамотных изменений отечественной системы образования и воспитания в условиях идущей цифровой трансформации социально-экономической жизни страны.

3.8. Устойчивое развитие стран-участниц ЕАЭС: анализ и предпосылки экономической безопасности

Обеспечение экономической безопасности, как процесс увеличения степени защищенности от различного рода внешних и внутренних угроз, неразрывно связано с устойчивым развитием современного общества, основные тенденции которого были обозначены еще в 1992 году на конференции ООН в Рио-де-Жанейро. В Декларации конференции по окружающей среде и развитию ООН принят программный план действий устойчивого развития в XXI веке, который был направлен на достижение двух целей – высокого качества окружающей среды и здоровой экономики для всех народов мира [14]. Устойчивое развитие базируется на трех составляющих: экономическое развитие, социальный прогресс, экология.

Концепция устойчивого развития уже принята многими развитыми странами в различных формах. В результате наблюдается рост доходов населения, создание дополнительных рабочих мест, вводятся дополнительные экологические стандарты [48, 207, 145]. Ожидаются в долгосрочной перспективе компенсации по дополнительным расходам на эколого-экономические мероприятия.

Фундаментом достижения странами высоких позиций рейтинга по показателям развития экономики является ориентация национальной политики на результаты научных исследований ведущих ученых, которые исследуют обоснованность и целесообразность движения мировой экономики в сторону устойчивого развития, а также разрабатывают инструменты и эффективные технологии управления. Такими исследованиями можно считать труды [34, 82, 43, 46, 42, 61, 33, 13]. Авторы раскрывают сущность устойчивого развития экономики, основные проблемы, перспективы, направления, очерчивают основы эффективного управления экономикой, в перспективном развитии города, региона и страны. Экономистами разрабатываются индексы,

основанные на статистических индикаторах, которые служат для оценки развития экономики в различных странах.

Внедрение принципов устойчивого развития и переход к зеленой экономике в разных государствах зависит от специфики природного, человеческого и физического капиталов каждой страны, уровня ее развития и социально-экономических приоритетов, экологической культуры общества. Практически невозможно разработать универсальный подход к формированию экономики на региональном уровне, характеризующегося различиями в экономической специализации, неоднородностью инвестиционной активности и разнообразием природных условий.

Страны Евразийского экономического союза уделяют особое внимание вопросам достижения целей устойчивого развития, решение которых зависит, прежде всего, от эффективного развития экономики и модернизации ее реального сектора.

Проблемы инвестиционного сотрудничества государств, обеспечивающего цель экономического развития ЕАЭС в долгосрочном периоде рассматриваются в работе [69]. Предпосылки внедрения парадигмы устойчивых финансов в стратегию развития ЕАЭС предлагаются в [171], где проведен анализ финансовой конъюнктуры стран-участниц ЕАЭС. Так показано, что устойчивое развитие формирующегося финансового рынка ЕАЭС способно стать драйвером евразийской интеграции.

Многие работы посвящены экологической составляющей устойчивого развития в странах ЕАЭС. Например, в работе [242] в качестве реального инструмента системного достижения и реализации целей устойчивого развития в обеспечении энергетической эффективности и ресурсосбережения, предотвращения негативного воздействия на окружающую среду предлагается ТР ЕАЭС 048/2019. Показано, что энергопотребляющие устройства будут выпускаться на рынок ЕАЭС только после процедуры оценки на соответствие требованиям ТР ЕАЭС 048/2019 и других технических регламентов, которые на них распространяются.

В работе Золотаревой О.А. и Давлетиной Л.А. [131] проводится анализ темпов роста среднемесячной номинальной заработной платы по странам ЕАЭС за 2014–2018 гг. (в процентах к предыдущему году), инфляции, динамики уровня бедности, величины прожиточного минимума и динамики уровня работающих бедных. Дается сравнительный анализ этих показателей.

Исследованию особенностей развития зеленой экономики в Беларуси посвящена работа [36]. Выделены индикаторы, которые наиболее полно характеризуют особенности процесса формирования зеленой экономики Беларуси, рассмотрена их динамика. Исследована статистическая схожесть темпов изменения индикаторов, а также их корреляция. Выявленные закономерности получили экономическое обоснование с учетом региональных

особенностей. В работе [176] исследуется динамика развития экспорта информационных технологий и внутреннего валового продукта в странах ЕАЭС. Показана статистическая взаимосвязь темпов роста этих показателей, что может быть использовано для выработки общей стратегии взаимодействия стран Союза и будет способствовать их продуктивному сотрудничеству.

Давыденко Е.А. в статье исследует интеграционные процессы в ЕАЭС в контексте устойчивого развития [116]. Дан анализ индекса человеческого развития в странах-членах ЕАЭС (2010–2019 гг.), энергоемкости ВВП государств-членов ЕАЭС и ЕС, тонн условного топлива / долл. США (2015–2018 гг.). Приведены сравнительные характеристики следующих абсолютных показателей устойчивого развития в ЕАЭС и ЕС за 2019 г.: ВВП на душу населения по ППС (долл. США), ожидаемая продолжительность жизни (лет), доля ВИЭ (%), характеризующих экономический, социальный и экологический аспекты устойчивого развития. Представлены Результаты индекса устойчивого развития в ЕАЭС и ЕС за 2019 год.

Вышеупомянутые исследования, описывающие значение и оценку достижения целей устойчивого развития экономики, были исследованы в аспекте обеспечения экономической безопасности и составили основу мотивации для проведения представленного исследования. Для оценки достижения целей устойчивого развития используются показатели социально-экономической, экологической и ресурсной эффективности экономики, а также показателями эффективного использования водных и земельных ресурсов. Данные индикаторы характеризуются разной динамикой и темпами изменения в странах ЕАЭС. Это разнообразие хорошо видно в различных сравнительных статистических исследованиях, описанных выше.

Так как процесс формирования экономики устойчивого развития происходит в течение длительного времени и требует анализа и управления данным процессом. Поэтому исследование динамики, темпов изменения и взаимосвязей между социальными, экономическими и экологическими показателями будет способствовать выявлению «узких мест» в исторических данных при дальнейшем прогнозировании их поведения.

Целью данного исследования является выделение показателей как однородных, так и различных по темпам прироста, а также оценка взаимосвязи между ними. Полученные результаты позволят увидеть реальную ситуацию по состоянию выделенных показателей устойчивого развития и потенциал экономической безопасности в странах ЕАЭС, а также могут использоваться для прогнозирования и принятия управленческих решений.

Исследование основано на статистических данных Евразийской экономической комиссии [124]. Для анализа устойчивого развития экономики стран-участниц ЕАЭС в рамках экономической безопасности выделены следующие показатели: валовой внутренний продукт (в текущих ценах; милли-

онов долларов США), индекс потребительских цен (в процентах), численность постоянного населения в среднем за год (человек), численность занятого населения (тысяч человек), уровень безработицы (по методологии МОТ; в процентах), численность обучающихся в образовательных организациях, среднего профессионального и высшего профессионального образования (на начало учебного года; человек), коэффициент Джини (по 10-процентным группам населения), уровень бедности (в процентах), внутренние затраты на научные исследования и разработки (в текущих ценах; миллионов долларов США), генерация возобновляемой энергии (млрд. киловатт-час).

Для достижения цели исследования были выдвинуты следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Темпы прироста выделенных показателей устойчивого развития экономики однородны.

Гипотеза 2. Темпы прироста выделенных показателей находятся во взаимосвязи.

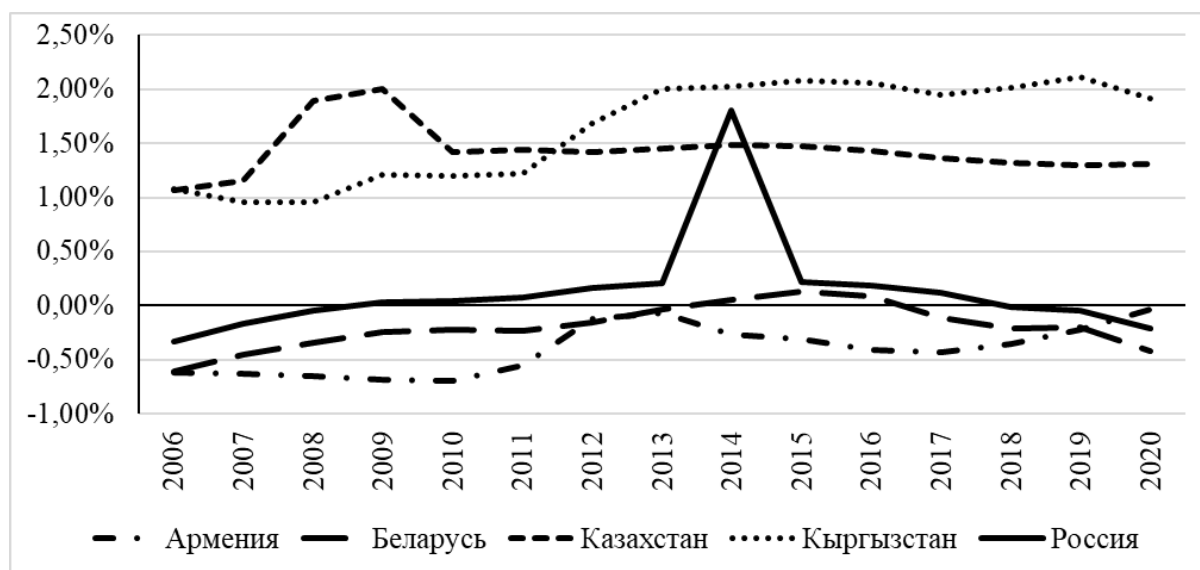
В исследовании использовались статистические методы: тест Манна-Уитни (the Mann-Whitney U-test), критерий Краскала-Уоллиса (the Kruskal-Wallis rank sum H-test), коэффициент корреляции Спирмена (the Spearman's correlation coefficient). Показатели были представлены в темпах прироста для более детального анализа их колебаний.

Для выявления различий между темпами прироста показателей использовались тесты Манна-Уитни и критерий Краскала-Уоллиса, для оценки взаимосвязи между показателями – коэффициент корреляции Спирмена. Статистическая значимость была установлена на уровне значимости $p < 0,05$.

Рассмотрим динамику социально-экономических показателей устойчивого развития экономики в странах ЕАЭС за период 2005 – 2020 гг.

Важным показателем социальной составляющей экономической безопасности является среднегодовая численность населения (постоянного населения в среднем за год, человек), а также уровень бедности, характеризующий долю населения с доходами ниже черты бедности. Уровень бедности в соответствии с национальными методологиями государств-членов ЕАЭС определяется так: в Армении – доля населения с потреблением ниже верхней общей линии бедности; в Беларуси – доля населения с располагаемыми ресурсами ниже бюджета прожиточного минимума; в Казахстане – доля населения с доходами, использованными на потребление, ниже величины прожиточного минимума; в Кыргызстане – доля населения с потребительскими расходами ниже черты бедности; в России – доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

На рис. 3.7 и 3.8 представлены темпы прироста среднегодовой численности населения и темпы прироста уровня бедности за рассматриваемый период.

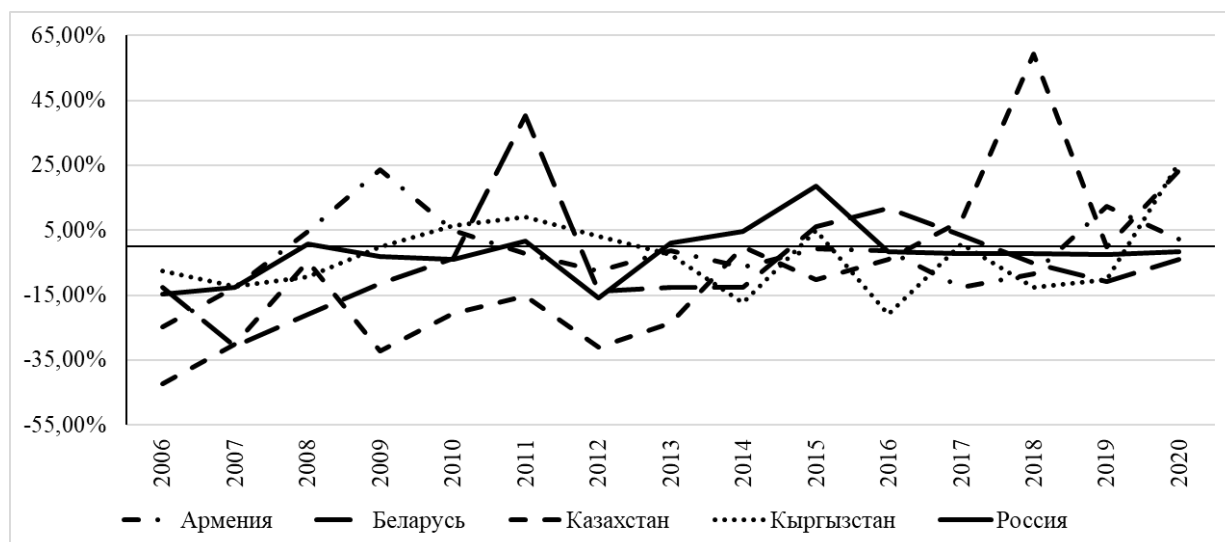

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.7. Темпы прироста численности постоянного населения в среднем за год за период 2005–2020 гг.

Анализ темпов прироста численности постоянного населения в среднем за год позволяет увидеть, что положительной прирост наблюдается только в Казахстане и Кыргызстане. В России и Беларуси положительный прирост был только в период с 2011 по 2017 годы. Несмотря на схожую динамику темпов прироста, на уровне значимости 0,05 с помощью критерия Краскала-Уоллиса ($H(4, 75) = 58,68, p < 0,000$) показано, что средние приросты показателя различны в совокупности. Статистическая однородность темпов прироста численности постоянного населения в среднем за год за период 2005–2020 на уровне значимости 0,05 доказана для Казахстана и Кыргызстана с помощью критерия Манна Уитни ($U = 87, p = 0.299$).

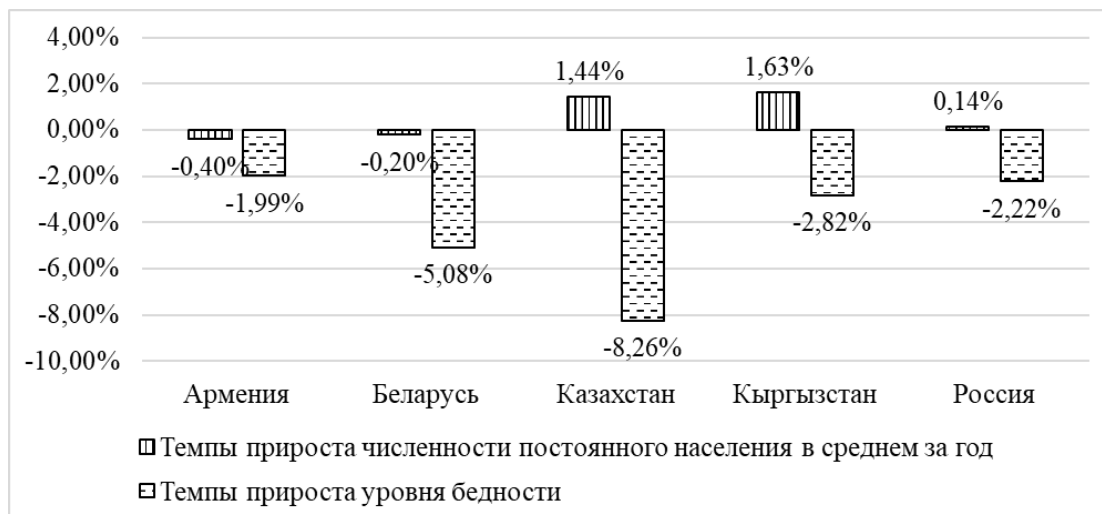
Что касается темпов прироста уровня бедности в рассматриваемых странах, то на уровне значимости 0,05 можно говорить об их однородности ($H(4, 75) = 4,43, p = 0,351$).

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.8. Темпы прироста уровня бедности за период 2005–2020 гг.

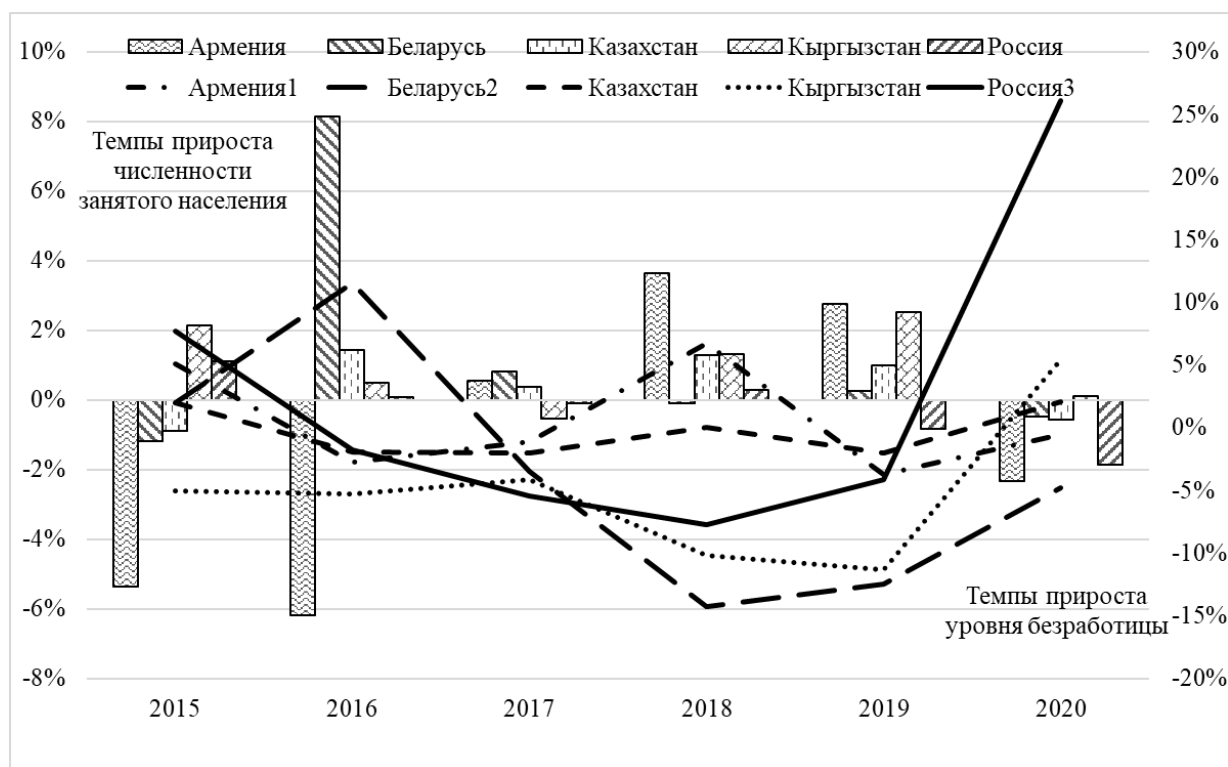
Динамика средних приростов численности постоянного населения в среднем за год и уровня бедности для стран ЕАЭС представлен на рис. 3.9. Наблюдается возрастание уровня бедности за рассматриваемый период. На уровне значимости 0,05 доказана их статистическая неоднородность ($U = 0,00$, $p = 0.121$).

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.9. Средние темпы прироста численности постоянного населения в среднем за год и уровня бедности за период 2005–2020 гг.

Важнейшей задачей при формировании экономики устойчивого развития в странах является обеспечение положительной динамики таких показателей, как уровень занятых в экономике (столбчатая диаграмма) и уровень безработицы (ломаная линия) (рис. 3.10).

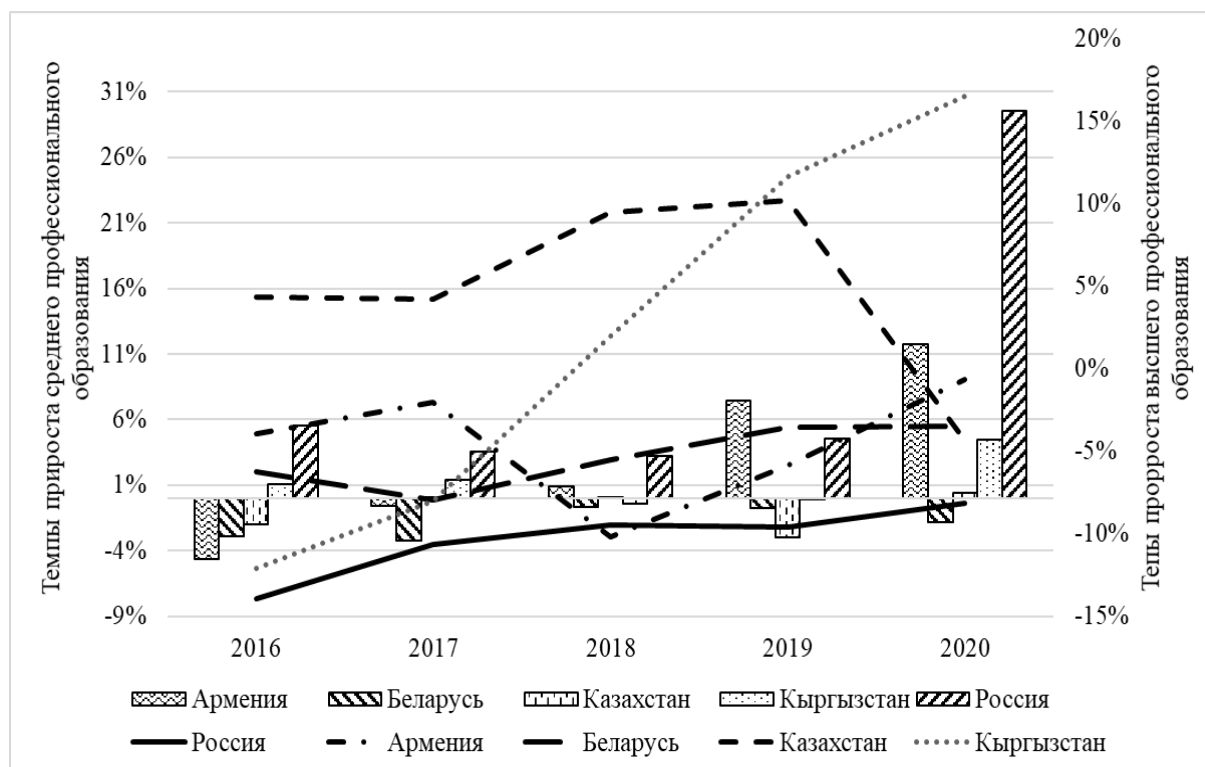

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.10. Темпы приростов уровня занятых в экономике и уровня безработицы за период 2015–2020 гг.

Максимальный темп прироста уровня занятых в экономике наблюдался в Беларуси в 2016 году, минимальный – в Армении в 2015 году. На уровне значимости 0,05 можно говорить о статистической однородности темпов прироста уровня занятых в экономике в странах ЕАЭС ($H(4, 30) = 2,57$, $p = 0,632$). С другой стороны в среднем по годам также присутствует статистическая однородность ($H(4, 30) = 7,76$, $p = 0,176$). Аналогичная ситуация имеет место и для темпов прироста уровня безработицы. Нельзя не отметить, что темпы прироста безработицы выросли во всех странах на фоне пандемии COVID, которая негативно сказалась на большинстве составляющих экономической безопасности современного общества.

Доступ к образованию характеризуется численностью обучающихся в образовательных организациях среднего и высшего профессионального образования. Темпы прироста численности обучающихся в образовательных организациях среднего (столбчатая диаграмма) и высшего (ломаная линия) профессионального образования за период с 2016 по 2020 в странах ЕАЭС представлены на рис. 3.11.

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.11. Темпы приростов численности обучающихся

в образовательных организациях среднего профессионального и высшего профессионального образования за период 2016–2020 гг.

К 2020 году наблюдается увеличение темпов прироста данных показателей во всех странах, за исключением среднего образования в Беларуси и высшего образования в Казахстане. Наибольший темп высшего профессионального образования в рассматриваемом периоде был в Кыргызстане, а в Казахстане имело место резкое снижение темпов прироста в 2020.

Коэффициент Джини, характеризующий неравномерность распределения доходов, отображает степень отклонения фактического распределения общего объема располагаемых ресурсов (доходов) населения от линии их равномерного распределения (от 0 до 1, то есть чем ближе значение показателя к 1, тем более неравномерно распределены располагаемые ресурсы (доходы) в обществе). На рис. 3.12 приводятся значения коэффициентов Джини для стран ЕАЭС.

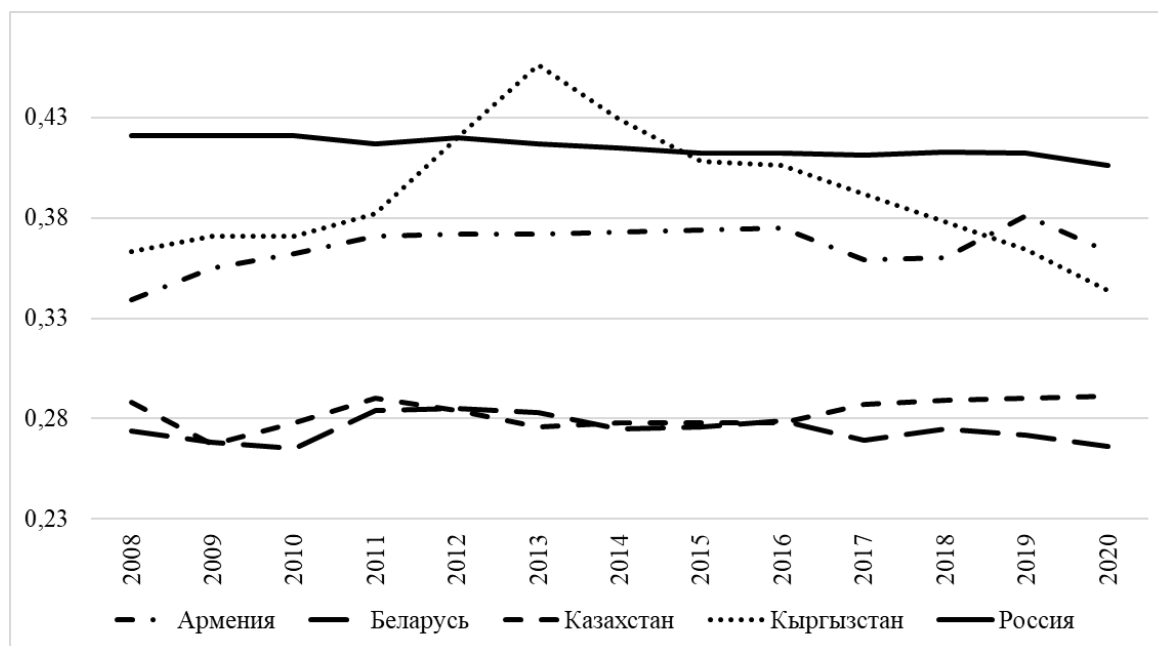
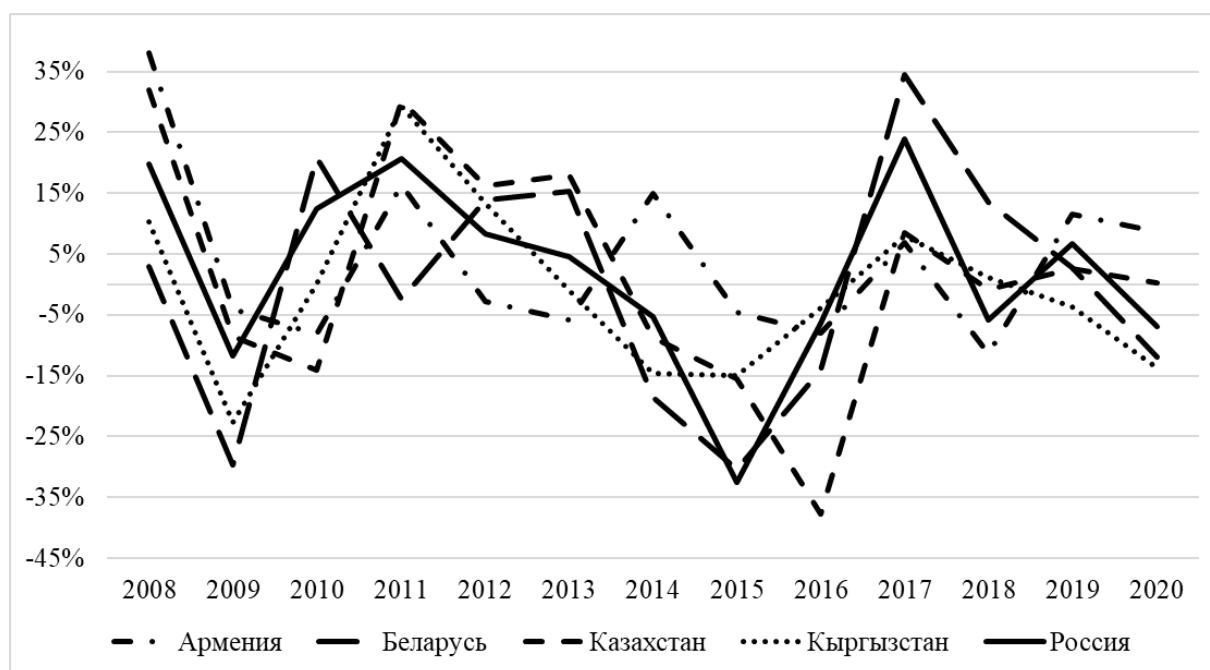

Рис. 3.12. Динамика коэффициента Джини в странах ЕАЭС за период 2008–2020 гг.

Стабильная тенденция присуща всем странам, за исключением Кыргызстана. Наиболее неравномерно распределены доходы России. Практически не различаются значения коэффициента Джини в Беларуси и Казахстане. Что касается темпов прироста, то имеет место статистическая однородность на уровне значимости $0,05$ ($H(4, 60) = 5,31, p = 0,257$).

Для достижения целей устойчивого развития в области долгосрочного экономического роста, странам ЕАЭС следует особое внимание уделить развитию научно-технической составляющей экономической безопасности, а особенно созданию ресурсосберегающей и наукоемкой экономики, что требует внедрения инновационных технологий в экономику. Одним из факторов, характеризующих использование научных достижений в экономике, является внутренние затраты на научные исследования и разработки (в текущих ценах; миллионов долларов США), темпы приростов которых представлены на рис. 3.13. Наибольшие темпы прироста данного показателя у всех стран наблюдались в 2016 году, к 2020 году можно говорить о снижении темпов приростов. Статистическая однородность присуща данному показателю на уровне значимости $0,05$ ($H(4, 63) = 0,54, p = 0,969$).

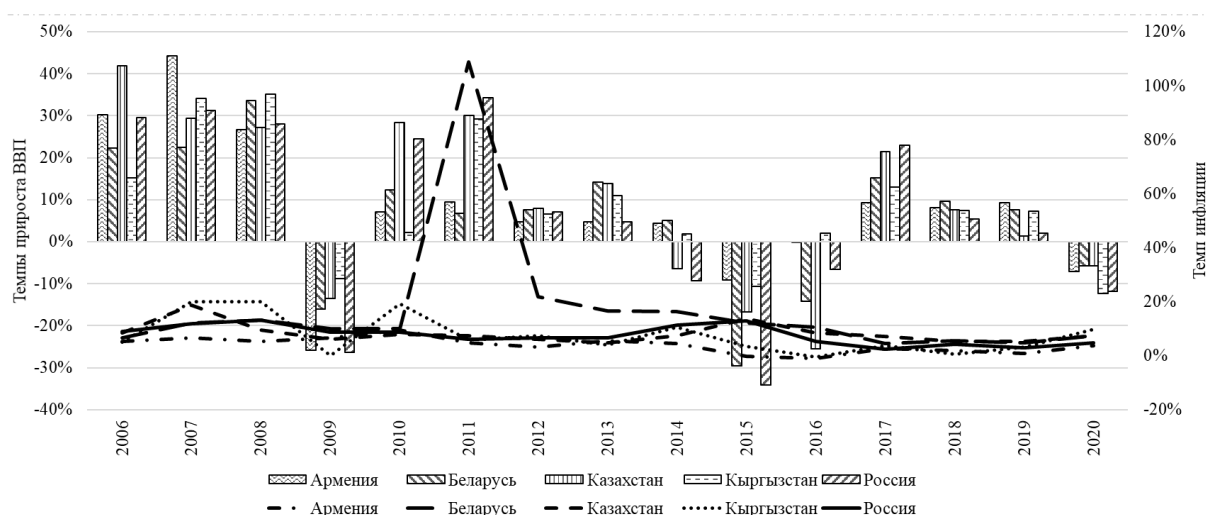
Отрицательную динамику на внутренние затраты на научные исследования и разработки необходимо оценивать как тревожный сигнал для экономической безопасности странах ЕАЭС и для обеспечения их устойчивого развития. Ведь именно развитие научно-технической составляющей может, а в ряде случаев, должно стать «локомотивом» для поднятия общего уровня экономической безопасности [21].

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.13. Темпы приростов внутренних затрат на научные исследования и разработки за период 2008–2020 гг.

Устойчивое развитие экономики страны определяется ее основными макроэкономическими показателями. Ключевыми индикаторами в аспекте обеспечения экономической безопасности являются валовой внутренний продукт (ВВП), который представляет собой стоимость товаров и услуг, произведенных в стране по всем видам экономической деятельности и предназначенных для конечного потребления, накопления и чистого экспорта, а также индекс потребительских цен как один из показателей инфляции, характеризующий изменения во времени стоимости фиксированного потребительского набора товаров и услуг, приобретаемого населением для непроизводственного потребления. На рис. 3.14 представлены темпы прироста ВВП и темпы инфляции в странах ЕАЭС за период 2006–2020 годы. Снижение темпов прироста ВВП во всех рассматриваемых странах наблюдалось в 2009, 2015 и 2016 годах. Темпы инфляции в странах характеризуется относительной стабильностью, за исключением Беларуси. Здесь имел место резкий скачок темпа инфляции в 2011 году. На уровне значимости 0,05 имеет место статистическая однородность темпов прироста ВВП ($H(4, 75) = 0,18$, $p = 0,996$) и статистическая неоднородность темпов инфляции ($H(4, 75) = 19,405$, $p = 0,0007$) в странах ЕАЭС. При этом попарное различие наблюдается в темпах инфляции в Беларуси с другими странами.

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.14. Темпы приростов ВВП и темп инфляции в странах ЕАЭС за период 2006–2020 гг.

Безусловно скачки инфляции и неравномерный рост ВВП сигнализируют о нестабильности развития стран ЕАЭС, о возможном отсутствии системного подхода к обеспечению финансовой составляющей экономической безопасности территорий. Причем, реализация данного подхода зависит, прежде всего от действий государственных органов управления, потому что изначально именно в их руках есть инструменты, позволяющие давать положительный импульс к улучшению финансовой ситуации.

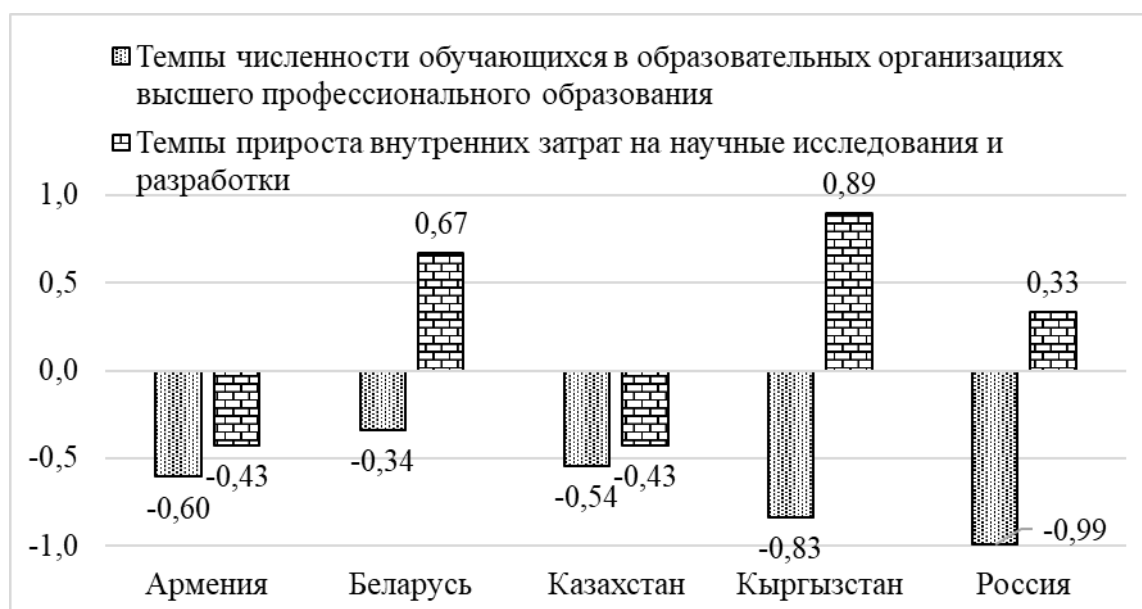
Далее рассмотрим очень важный для устойчивого развития стран компонент, как энергетическая безопасность. Доля производства электрической энергии за счет использования возобновляемых источников энергии является одним из важнейших показателей, характеризующим экологическую и ресурсную эффективность производства и потребления. Динамика темпов прироста возобновляемых источников энергии относительно стабильна на протяжении 2006–2019 годы, а в 2020 году наблюдается резкое снижение темпов прироста данного показателя (рис. 3.15).

Взаимосвязь темпов прироста возобновляемых источников энергии в странах ЕАЭС с темпами приростов внутренних затрат на научные исследования и разработки и численности обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования является умеренной и высокой на уровне значимости 0,05. Коэффициенты корреляции Спирмена представлены на рис. 3.16. Так, в Беларуси, Кыргызстане и России имеет место положительная взаимосвязь между темпами приростов темпов возобновляемых источников энергии и темпами приростов внутренних затрат на научные исследования и разработки.

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.15. Темпы приростов темпов возобновляемых источников энергии в странах ЕАЭС за период 2006–2020 гг.

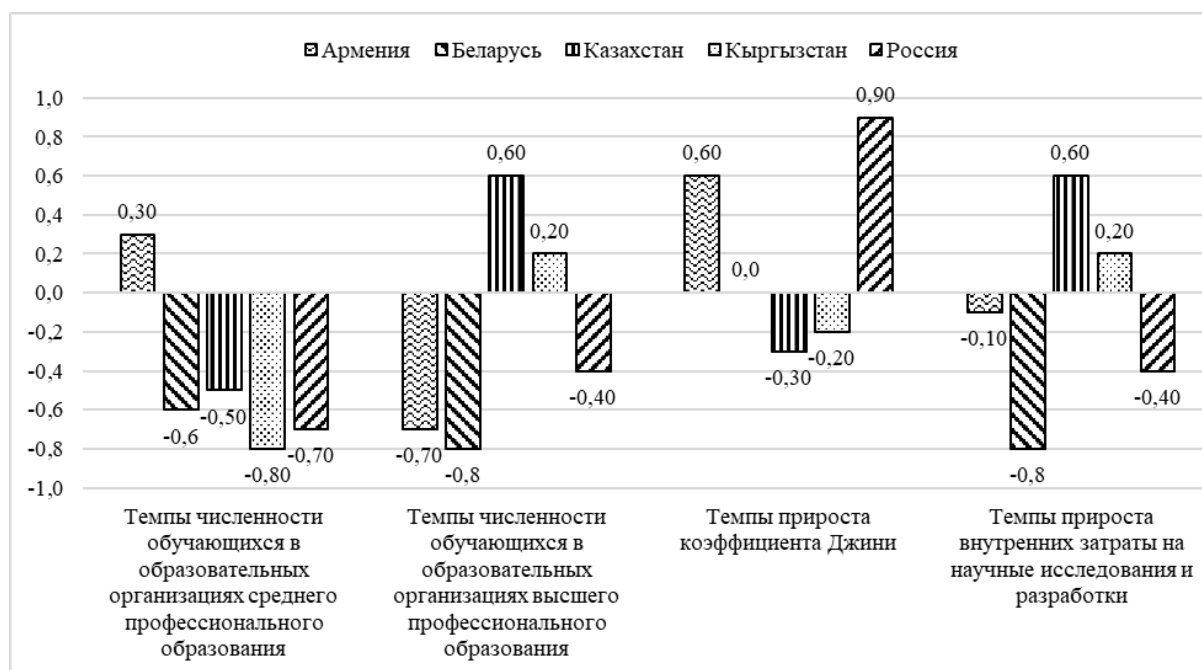

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.16. Коэффициенты корреляции Спирмена темпов прироста возобновляемых источников энергии с темпами приростов внутренних затрат на научные исследования и разработки и численности обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования в странах ЕАЭС за период 2009–2020 гг.

Взаимосвязь между темпами прироста численности занятых в экономике с темпами прироста численности обучающихся в образовательных организациях среднего и высшего профессионального образования, коэффициента Джини, и внутренних затрат на научные исследования и разработки демон-

стрируется на рис. 3.17. Прямая взаимосвязь между темпами прироста численности занятых в экономике с темпами приростов численности обучающихся в образовательных организациях среднего профессионального образования и коэффициентом Джини наблюдается в Армении, с темпами приростов численности обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования и с темпами приростов внутренних затрат на научные исследования и разработки в Казахстане и Кыргызстане. Значимая прямая корреляция темпов прироста численности занятых в экономике и коэффициентом Джини имеет место в России.

Источник: Составлено авторами по статистическим данным Евразийской экономической комиссии [124]

Рис. 3.17. Коэффициенты корреляции Спирмена темпов прироста численности занятых в экономике с темпами приростов внутренних затрат на научные исследования и разработки, численностью обучающихся в образовательных организациях среднего и высшего профессионального образования, коэффициента Джини в странах ЕАЭС за период 2009–2020 гг.

Безусловно уровень образованности населения и затраты на научные исследования не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы. В наше время современных технологий молодежь очень чутко реагирует не только на насущные сигналы рынка труда, но и перспективные направления, неразрывно связанные с научно-техническим прогрессом. Поэтому многие работники оставляют вопросы повышения уровня своего образования до лучших, более «продвинутых» времен.

В результате проведенного анализа можно сказать, что, несмотря на значительное разнообразие динамики показателей устойчивого развития в

странах ЕАЭС, существуют показатели с однородными темпами прироста в странах ЕАЭС. Также выделяется ряд показателей, для которых присуща неоднородность в динамике темпов прироста для этих стран: численность постоянного населения, уровень бедности, инфляция. Таким образом, гипотеза 1 не подтверждена для всех индикаторов.

Перспективы экономической безопасности стран-участниц ЕАЭС во многом будет определяться развитием экономики знаний. Поэтому исследована корреляция между показателями, входящими в экономику знаний. Имеет место значимая корреляция между темпами прироста численности занятых в экономике с темпами приростов внутренних затрат на научные исследования и разработки, численностью обучающихся в образовательных организациях среднего и высшего профессионального образования, коэффициента Джини в странах ЕАЭС, то есть гипотеза 2 подтверждается.

Исследование может быть расширено путем включения анализа других показателей устойчивого развития. Результаты могут способствовать дальнейшему углубленному изучению и анализу динамики и взаимосвязи различных индикаторов по регионам.

Таким образом в результате комплексного анализа группы важнейших показателей устойчивого развития стран-участниц ЕАЭС, выявлены как проблемы различных составляющих экономической безопасности, так и предпосылки для их улучшения. Разнонаправленная динамика выявленных трендов в ряде стран может в совокупности дать нейтральный или даже положительный эффект на общий уровень экономической безопасности. Однако крайне важно в настоящее, на самом деле трудное время, учитывая пандемию COVID и пока трудно определимые ее последствия, не концентрироваться на чем-то одном, а реализовывать комплексный подход к устойчивому развитию на основе повышения общего уровня экономической безопасности стран-участниц ЕАЭС по основным функциональным составляющим: демографическая (кадровая), научно-техническая, энергетическая, финансовая. Данный подход позволит получить синергетический эффект от реализуемых мероприятий и, безусловно, послужит предпосылкой устойчивого развития как отдельных государств, так и общества в целом.

3.9. Факторы обеспечения экономической безопасности в условиях неоиндустриальных преобразований национальной экономики

Защита национальной и экономической безопасности от воздействия негативных факторов является, по сути, ключевой задачей любого государства. Важно понимать, что обеспечение необходимого уровня экономической безопасности возможно при условии: во-первых, получения стабильного дохода; во-вторых, наличия достаточной ресурсной базы.

На современном этапе развития общества обеспечение необходимого уровня экономической безопасности предполагает такой уровень развития

государства, который обеспечивает достижение национальных интересов и обеспечивает реализацию стратегических национальных приоритетов России [250].

Проблема обеспечения безопасности в условиях перехода национальной экономики к V и VI технологическим укладам неразрывно связана с необходимостью неоиндустриальной трансформации, что, в конечном итоге, должно рассматриваться основой обеспечения качественного роста экономики. Только эффективное решение указанной задачи в состоянии обеспечить возможность принятия результативных рисков для целей нейтрализации внешних и внутренних угроз.

Можно с уверенностью утверждать, что основным и неотъемлемым условием результативного развития национальной экономики, обеспечивающим, в конечном итоге, необходимый уровень экономической безопасности является создание инновационного воспроизводства. Следовательно, справедливым следует считать тезис о том, что успех неоиндустриальных преобразований национальной экономики находится в прямой зависимости от формы и методов таких преобразований [239, с. 86].

На сегодняшний день становится вполне очевидной, необходимость в формировании и принятии новой государственной экономической политики, основанной на развитии наукоёмких и высокотехнологичных отраслей. Таким образом, проблемы обеспечения необходимого уровня экономической безопасности необходимо исследовать с точки зрения повышения уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобализации. На экспертном уровне конкурентоспособность рассматривается как «способность государства принимать участие в международной торговле и иных формах международных экономических взаимоотношений, а именно, соревноваться с мировыми лидерами, удерживать и расширять определённые сегменты на мировых рынках, производить продукцию, соответствующую международным стандартам, создавать условия эффективной деятельности предприятий как на национальном, так и на внешнем рынках» [218, с. 20]. Иными словами, конкурентоспособность можно рассматривать в качестве индикатора, который позволяет оценить, насколько государственная экономическая политика обеспечивает производство, распределение и продажу создаваемого конечного продукта, используемого для целей обеспечения необходимого уровня экономической безопасности.

Важно понимать, что успех неоиндустриальных преобразований и повышение конкурентоспособности национальной экономики невозможно обеспечить без развития и расширения инновационной активности. По сути, инновационная активность является ядром государственной экономической политики любого развитого государства. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [250], среди основных факторов, влияющих на формирование вызовов, опасностей и угроз упомянуты:

- использование экономически развитыми странами преимуществ в уровне и темпах роста высоких технологий;
- снижение роли традиционных факторов роста российской экономики, связанное с глобальными научно-технологическими изменениями;
- крайне низкая инновационная активность отечественных компаний в области разработки и внедрения инноваций;
- низкий уровень квалификации отечественных специалистов;
- низкий уровень конкурентоспособности российского несырьевого сектора экономики.

До настоящего времени формирование государственной экономической политики основывается на мнении о том, что основой развития экономики является рост экспорта. Основой такого мнения является концепция так называемого «экспортно-ориентированного» роста. По сути, такая концепция сформирована на теории сравнительных преимуществ Хекшера-Олина-Самуэльсона [47, с. 175] и теории распространения технологий и знаний Гроссмана-Хелпмана [19, с. 523]. Суть этих теории, заключается в следующем – процесс глобализации несёт много плюсов для национальных экономик, даже если основой преобразования экономики развивающихся стран являются доходы от сырьевого экспорта и импорта.

Однако сложившаяся на сегодняшний день ситуация раскрыла иную сторону экспортно-ориентированной сырьевой модели российской экономики, а именно, падение спроса на глобальных мировых рынках обусловило падение темпов её роста и достаточно ярко показала критическую зависимость от экономики развитых стран.

Справедливость данного тезиса подтверждает анализ данных Федеральной таможенной службы, в соответствии с которыми, основной товарооборот внешней торговли приходится, на страны дальнего зарубежья (рис. 3.18). Важно понимать, что основу российского экспорта составляет углеводородное сырье, удельный вес которого, в 2020 году составил 50% (годом ранее – 62%), при этом доля машин и оборудования в 2020 году составила лишь 7% (годом ранее – 6%).

Рис. 3.18. Структура внешней торговли по группам стран, %

Источник: Федеральная таможенная служба

Таким образом, следует считать справедливым утверждение о том, что одной из главных проблем на пути неоиндустриальных преобразований на

сегодняшний день в России, остаётся сырьевая модель национальной экономики. По сути, нефтегазовые доходы являются основой доходной части федерального бюджета (рис. 3.19)

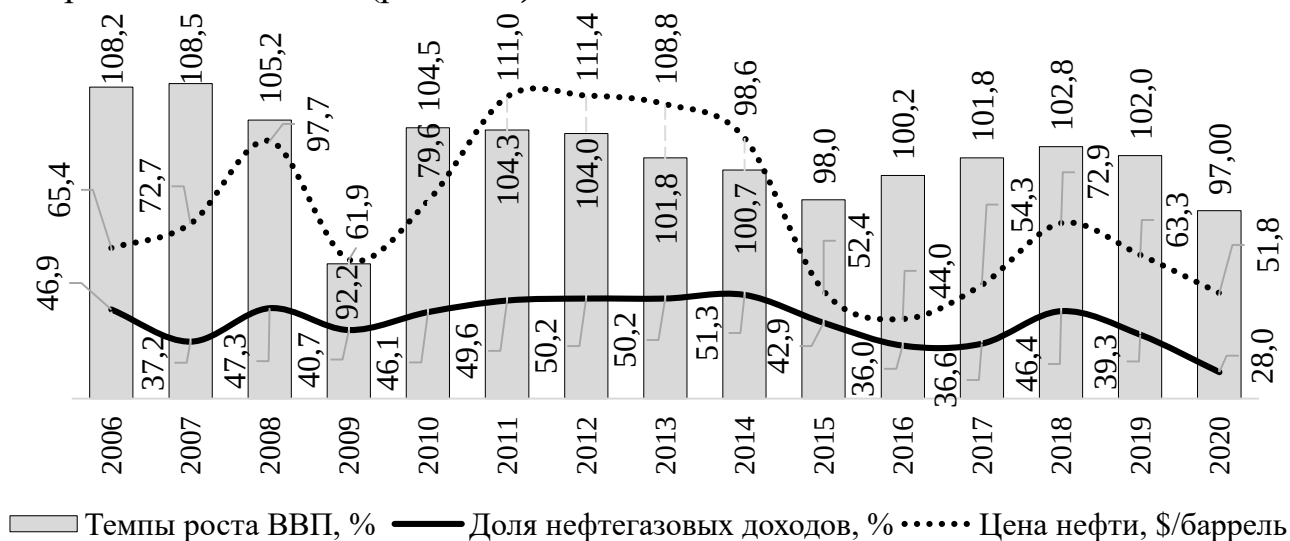

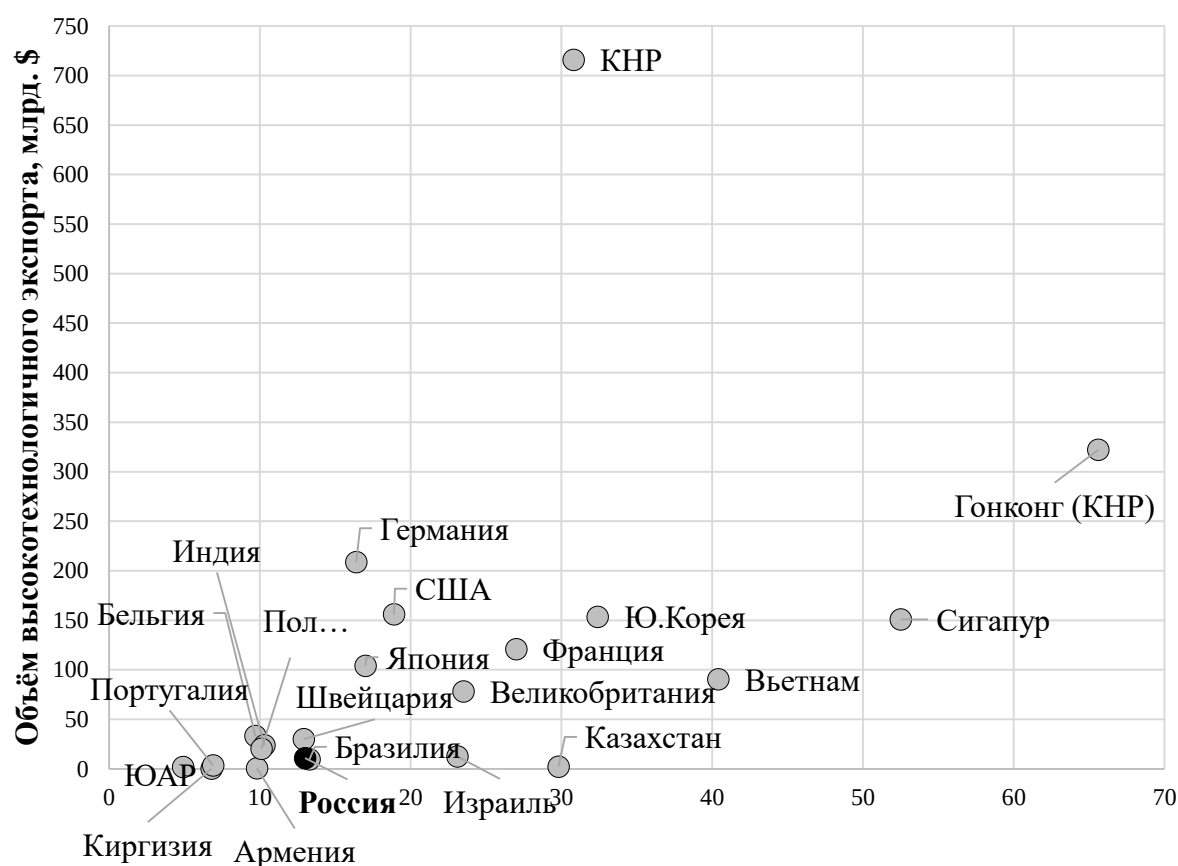
Рис. 3.19. Динамика доли нефтегазовых доходов федерального бюджета России и стоимости нефти

Источник: Минфин России The Organization of the Petroleum Exporting Countries Федеральная служба государственной статистики.

Данные, представленные на рис. 3.19 свидетельствуют о высокой зависимости национальной экономики от конъюнктуры на глобальном рынке углеводородного сырья. Эксперты Института экономики РАН отмечают, что «каждый раз после резкого падения мировых цен на нефть происходило снижение темпов роста экономики, инвестиционной активности, валютного курса рубля, покупательной способности. К сожалению, Правительство России вместо принятия мер по трансформации структуры национальной экономики на основе инноваций, сосредоточило внимание на «консервации» нефтегазовых доходов в фонде национального благосостояния и на счетах Министерства финансов». [230, с. 126].

По мнению автора, результатом реализации такой государственной экономической политики, безусловно, является повышение уровня бюджетной безопасности. Однако, при этом снижается общий уровень безопасности национальной экономики, поскольку растёт стоимость энергоресурсов, что, в свою очередь, ведёт к повышению стоимости и снижению конкурентоспособности конечного продукта, а, неоиндустриальная трансформация экономики превращается исключительно в «проект». Важно отметить, что в перспективе доля нефтегазовых доходов федерального бюджета будет снижаться, поскольку стремительно растут издержки добычи углеводородного сырья, снижается объём доступных его запасов в ранее освоенных районах, а также снижаются мировые цены под воздействием различных факторов.

Ещё одним фактором, оказывающим влияние на формирование вызовов, опасностей и угроз экономической безопасности является достаточно скромный объём высокотехнологичного экспорта (рис. 3.20).

Доля высокотехнологичной продукции в общем объёме промышленного экспорта, %

Рис. 3.20. Соотношение доли высокотехнологичной продукции в общем объёме экспорта промышленной продукции и общей стоимости высокотехнологичного экспорта в 2019 году

Источник: The World Bank.

Здесь важно понимать, что эксперты Всемирного Банка учитывают долю высокотехнологичного экспорта в общем объёме промышленного производства. Однако, анализ данных Федеральной службы государственной статистики показывает, что доля промышленного экспорта в общем объёме экспорта не превышает 30%, в то время как доля экспорта минеральных ресурсов превышает 66% (рис. 3.21).

Данные представленные на рис. 3.21 подтверждают то, что российская национальная экономика имеет ярко выраженный сырьевой характер, поскольку рост объёма экспорта всегда сопровождается ростом в его структуре доли минеральных ресурсов.

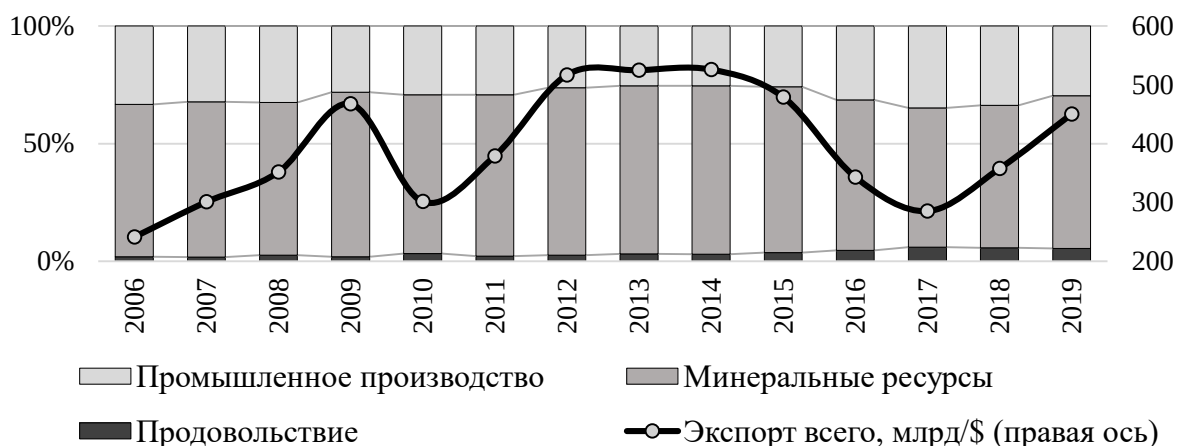

Рис. 3.21. Товарная структура экспорта Российской Федерации, %
 Источник: Федеральная служба государственной статистики.

По мнению автора, сам по себе факт наличия в недрах территории государства сырьевых ресурсов не должен рассматриваться ни в качестве позитивного, ни в качестве негативного фактора с точки зрения обеспечения необходимого уровня экономической безопасности.

В данном случае принципиальное значение имеет способ использования ресурсного потенциала для целей неоиндустриальной трансформации национальной экономики. Иными словами – являются ли сырьевые ресурсы главным источником дохода страны, либо они предоставляют собой материальную базу формирования инновационной промышленности.

Анализ достаточно большого количества научных публикаций показал, что в экспертном сообществе достаточно давно ведётся дискуссия о том, является ли сырьевая модель экономики фактором снижения эффективности национальной экономики, и, как, следствие снижения уровня её безопасности, либо, её следует рассматривать в качестве достаточно эффективного инструмента политического манипулирования, и характеристики достаточного экономического потенциала страны, позволяющего, в конечном итоге, поддерживать уровень экономической безопасности на приемлемом уровне. Можно говорить о том, что эта дискуссия является «бесконечной», поскольку сторонники и первого [9, 10, 20, 39] и второго [144, 1777, 205] подходов достаточно убедительны в доказательствах своей позиции.

Мнение о позитивной роли сырьевого потенциала как источника роста национальной экономики, а, следовательно, основы обеспечения необходимого уровня экономической безопасности, к большому сожалению, не изменилось до настоящего времени. Сторонники так называемой «сырьевой модели роста» абсолютно уверены в том, что рост экономики развивающихся стран на начальном этапе, должен быть обеспечен повышением эффективности предприятий, добывающих природные ресурсы и предприятий, осуществляющих их первичную обработку, и только потом капитал,

накопленный за счёт экспорта сырьевых ресурсов, может быть инвестирован в сферу производства товаров с высокой добавленной стоимостью [44, 45, 63].

Однако на практике мы можем наблюдать негативную связь между объёмом добычи природных ресурсов и ростом эффективности национальной экономики в целом. В экспертном сообществе такая ситуация называется «парадокс изобилия» (paradox of plenty) либо «проклятия природных ресурсов» (natural resource curse) [190, 238, 240].

Впервые данные названия данных категорий были использованы для описания сложившейся ситуации в странах ОПЭК в 70–80 годы прошлого столетия, когда на фоне роста объёмов углеводородного сырья наблюдалось снижение темпов роста ВВП на душу населения (рис. 3.22).

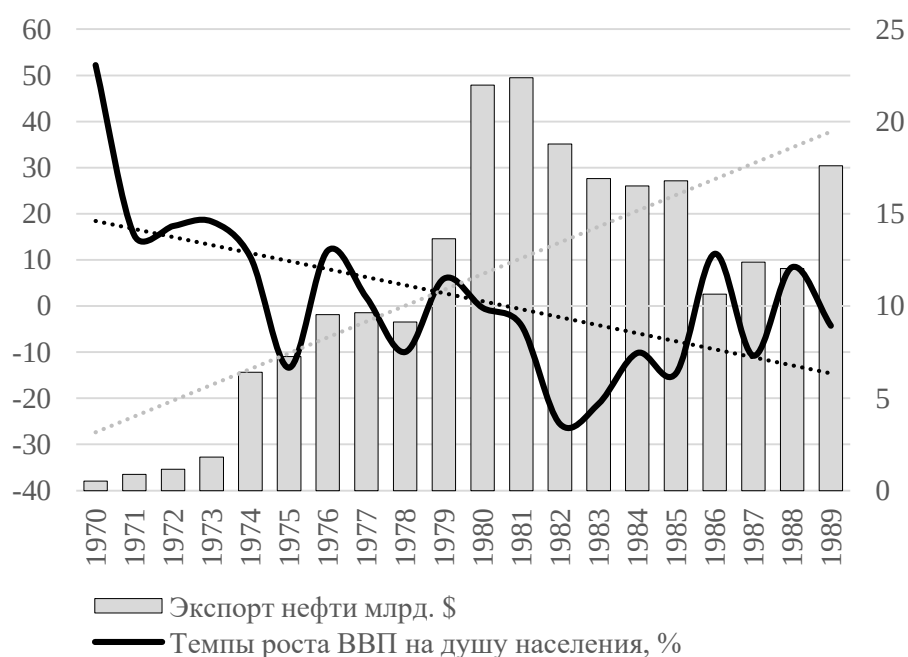

Рис. 3.22. Результаты анализа темпов роста ВВП на душу населения и объёма экспорта нефти в ОАЭ

Источник: The World Bank.

По мнению автора, сырьевая модель экономики может рассматриваться с двух сторон – позитивной и негативной:

позитивная сторона – при наличии большого объёма сырьевых ресурсов, национальная экономика является ресурсообеспеченной. В данном случае ресурсообеспеченность должна рассматриваться в качестве конкурентного преимущества, поскольку обеспеченность сырьевыми ресурсами позволяет формировать самодостаточную модель трансформации национальной экономики; негативная сторона – в случае, когда сектор добычи полезных ископаемых приобретает доминирующее значение в структуре национальной экономики, растёт зависимость доходной части государственного бюджета

от уровня сырьевых доходов, формируется вполне определённая мирохозяйственная специализация страны. В конечном итоге, такое гипертрофированное развитие сектора добывающей промышленности является критическим фактором, оказывающим влияние на уровень экономической безопасности государства.

С теоретической точки зрения, большой объём сырьевых ресурсов у государства должен оказывать позитивное влияние как на развитие национальной экономики, так и на уровень её безопасности, поскольку именно сырьевые ресурсы следует рассматривать как основу неоиндустриальной трансформации и существенного повышения эффективности промышленного комплекса. Тем не менее, практика показывает, что обладание большим объёмом сырьевых ресурсов, в подавляющем большинстве случаев, имеет прямо противоположный результат, а именно, снижение эффективности развития национальной экономики.

Автор считает, что «устойчивое и безопасное развитие национальной экономики невозможно без формирования новой экономической политики, обеспечивающей эффективный переход от сырьевой к неоиндустриальной модели... Важно понимать, что лидерство экономики развитых стран сегодня, достигается не наличием природных ресурсов, а уровнем научно-технического развития и долей инноваций в национальной экономике [240, с. 23].

Проведённый автором анализ научных публикаций позволяет говорить о том, что в экспертной и научной среде не удалось сформировать единого определения сущности инновационной безопасности и степени её влияния на экономическую и национальную безопасность в целом.

Некоторые эксперты трактуют инновации как все новое в науке, технике и технологиях, а инновационную безопасность отождествляют с технологической безопасностью, которую определяют, как «определённую совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, достижение её устойчивости и международной конкурентоспособности» [141, с. 52].

Другие эксперты утверждают, что принципиально невозможно сформировать единый подход к определению категории «инновационная безопасность» поскольку отсутствует единый подход к оценке уровня экономической безопасности [81, 98, 159, 102].

Однако, на законодательном уровне в Федеральном законе от 23.08.1996 №127-ФЗ [261, ст. 2] закреплено определение термина инновация и инновационная деятельность. В соответствии с этим законом инновацией является введённый в употребление новый либо улучшенный конечный продукт (товар, услуга, процесс); инновационная деятельность – это любая деятельность (научная, технологическая, управленческая, финансовая и т.д.), конечным итогом которой, является реализация инновационных проектов и создание инновационной инфраструктуры.

Основываясь на вышесказанном, можно считать справедливым следующее определение категории «инновационная безопасность»: инновационная безопасность – это определённая совокупность условий и факторов, которые, в конечном итоге, в состоянии обеспечить необходимый уровень экономической безопасности государства на основе внедрения инноваций и повышения эффективности инновационной деятельности.

С учётом этого определения следует понимать, что безопасное и успешное развитие национальной экономики на современном этапе, её неоиндустриальная трансформация определяется, в значительной степени её научным, техническим и кадровым потенциалом и предполагает обеспечение необходимого уровня инновационной безопасности, как составной части экономической и национальной безопасности.

Таким образом, можно считать справедливым то, что неоиндустриальное преобразование национальной экономики представляет собой достаточно сложное по содержанию и сферам явление, формирующееся вследствие определённой совокупности факторов.

В проведённом исследовании автор под факторами, обеспечивающими неоиндустриальную трансформацию экономики подразумевает наукоёмкость и инновационность конечного продукта; изобретательскую активность; количество передовых технологий; кадровое обеспечение научной деятельности и затраты на её осуществление; производительность труда и его обеспеченность высокотехнологичными рабочими местами.

Динамику изменения описанных факторов, автор исследовал за период с 2010 по 2020 годы. В некоторых случаях исследование ограничивалось 2019 годом поскольку отсутствуют официальные статистические данные за 2020 год.

За весь период исследования доля высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в ВВП не превышала 24% (рис. 3.23), показывая при этом положительную динамику.

Рис. 3.23. Доля продукции высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в валовом внутреннем продукте (данные по ОКВЭД 2)
Источник: Федеральная служба государственной статистики.

По данному показателю, Россия уступает подавляющему большинству развивающихся и развитых стран: в Южной Корее значение этого показателя составляет 63,8%, в Германии – 61,7%, в Японии – 56,6%, во Франции – 49,5%, в США – 47,4, в Великобритании – 44,4%, в КНР – 41,5%, в Индии – 41,4%, в Белоруссии – 40,0%, в Израиле – 39,3%, в Бразилии – 35,0%, в ЮАР – 24,4%, в Казахстане 14,5% [58].

По мнению автора, важно понимать, что относительная стабильность данного показателя за весь период исследования не сопровождалась сколько либо значительным ростом объёма инновационного конечного продукта (рис. 3.24). Анализ данных, размещенных на данном рисунке показывает, что доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг до 2013 г. демонстрировала определённый рост, а начиная с 2014 г. значения данного показателя начали снижаться и фактически приблизились к значениям 2010 года.

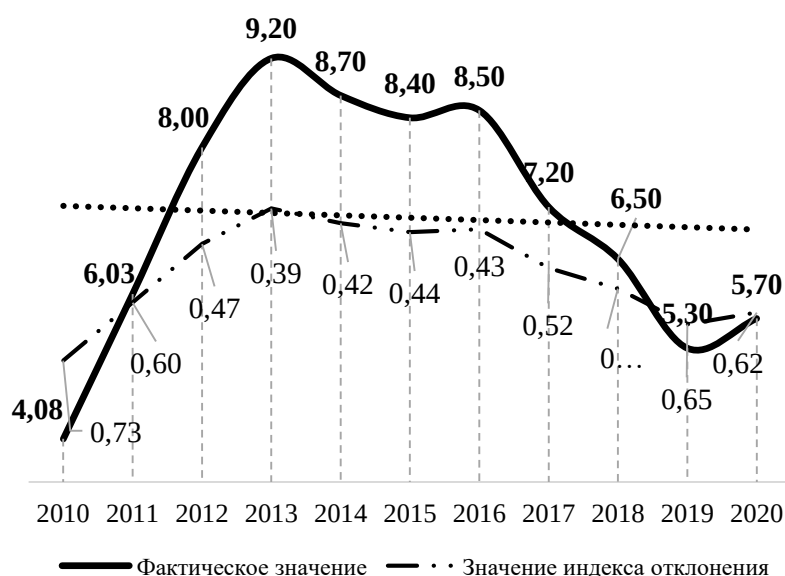

Рис. 3.24. Динамика показателя «Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг», %

Источник: Федеральная служба государственной статистики

С учётом того, что пороговое значение данного показателя, с точки зрения обеспечения необходимого уровня экономической безопасности, установлено в размере 15% [136, с. 57], можно говорить, что уровень экономической безопасности по этому показателю находится в зоне опасности, это свидетельствует о нежелательности сложившейся ситуации, и предполагает проведение тщательного анализа динамики факторов, оказывающих влияние на уровень экономической безопасности [241, с. 48].

Проведённые автором исследования показывают, что на фоне негативной динамики доли инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме

отгруженных товаров, выполненных работ, услуг уровень инновационной активности организаций также снижался. (рис. 3.25)

Рис. 3.25. Сравнительная динамика уровня инновационной активности организаций и доли инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Резкий рост значения показателя «Инновационная активность организаций» в 2017 году объясняется не экономическими факторами, а изменением методологии расчёта показателя, основанной на критерии четвертой редакции Руководства Осло. В соответствии с этой редакцией для отнесения организации к категории инновационно-активной вместо одного показателя было введено три [41]. Тем не менее это обстоятельство никоим образом не повлияло на повышение инновационной активности отечественных организаций. Вполне логичным итогом снижения инновационной активности организаций, стало снижение доли инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Ещё одним негативным фактором, оказывающим влияние на способность национальной экономики перейти к неоиндустриальной модели является изобретательская активность населения (рис. 3.26).

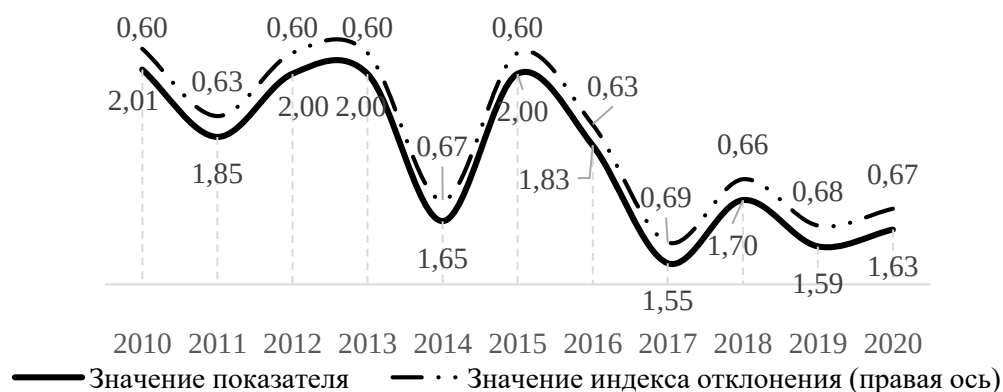

Рис. 3.26. Динамика показателя «Коэффициент изобретательской активности населения», ед. на 10000 чел. населения

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

С точки зрения обеспечения необходимого уровня экономической безопасности пороговое значение этого показателя должно быть не менее 5 чел. на 10 000 населения [253, с. 268]. С учётом этого, можно говорить, что уровень экономической безопасности по данному показателю находится в зоне опасности, это свидетельствует о нежелательности сложившейся ситуации, и предполагает проведение тщательного анализа динамики факторов, оказывающих влияние на уровень экономической безопасности [241, с. 48].

Безусловно, снижение темпов изобретательской активности населения оказало негативное воздействие на динамику показателей разработки и использования инновационных технологий в национальной экономике (рис. 3.27).

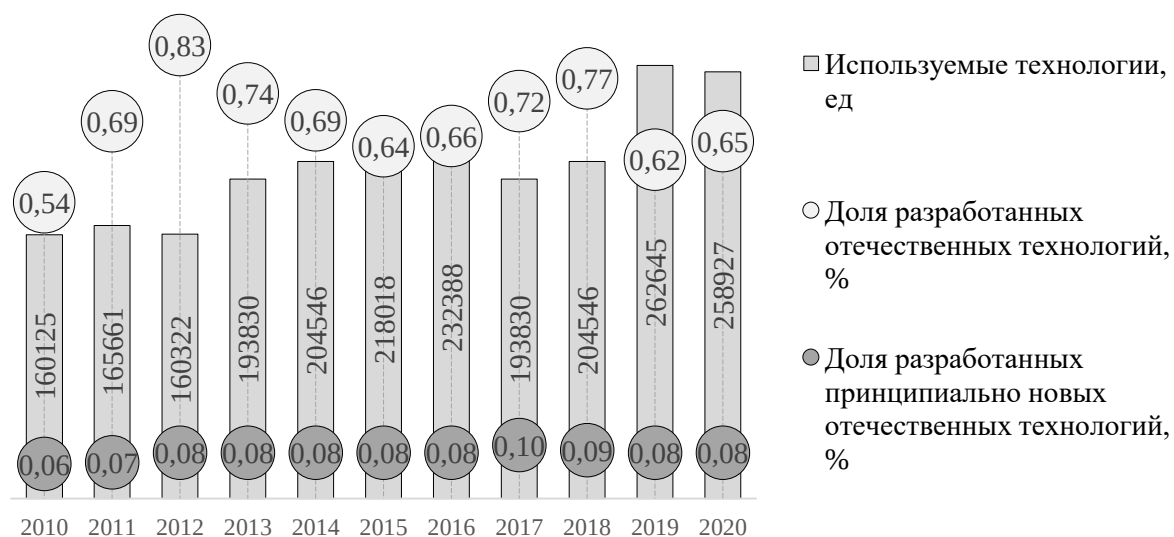

Рис. 3.27. Динамика показателей разработки и использования инновационных технологий

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

За весь период исследования доля разработанных отечественных технологий в общем объеме используемых технологий, в среднем не превышала 0,7%, а доля принципиально новых, то есть инновационных отечественных технологий – 0,08%.

По мнению автора, сложившаяся ситуация подтверждает крайне высокую зависимость экономики России от приобретения инновационных технологий, разработанных за пределами страны, а, следовательно, данный показатель может быть отнесён к негативным факторам, обуславливающим формирование угроз экономической и национальной безопасности.

Помимо описанного выше, к негативным факторам следует относить так называемую «утечку мозгов». Анализ данных Федеральной службы государственной статистики показывает, что за последние годы объём международной миграции населения вырос на 454,1 тыс. чел. (рис. 3.28).

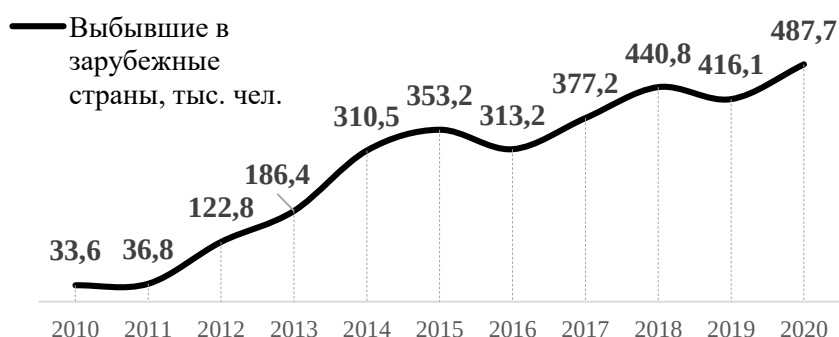

Рис. 3.28. Итоги международной миграции населения, тыс. чел.
Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Эксперты института научной информации РАН утверждают, что основной профессиональный состав безвозвратно выбывших в зарубежные страны составляют «учёные в области математики, физики и информатики. Основными странами – реципиентами ученых из России считаются США, Германия, Франция, Великобритания и Япония» [125, с. 170]. Чаще всего, эмигранты представляют научные центры Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Екатеринбурга.

Наибольший объём «утечки мозгов» за весь период исследования приходится на «нейробиологию (24,5%), науку о принятии решений (21,6%), стоматологию (20,0%), биохимию (18,7%), математику (18,2%), химию (17,7%), фармакологию (15,9%), химическую инженерию (15,4%) и материаловедение (15,3%)» [125]. Иными словами, на высокотехнологичную сферу национальной экономики.

Ещё одним фактором, осложняющим неоиндустриальное преобразование национальной экономики, по мнению автора, являются низкие темпы роста достаточно специфического показателя – числа исследователей на 1 млн. населения страны (рис. 3.29).

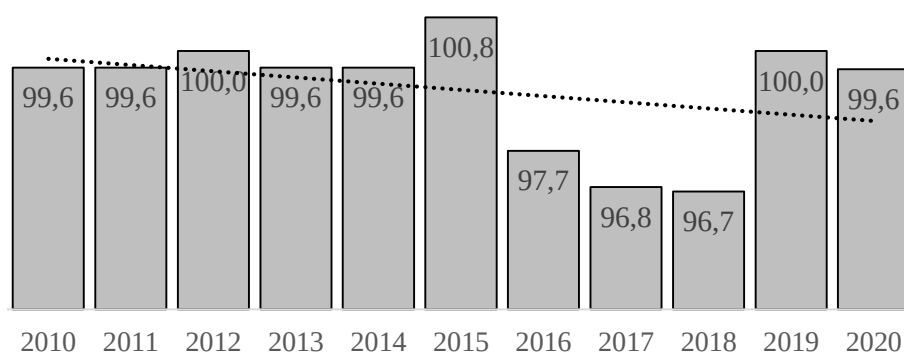

Рис. 3.29. Динамика показателя «Количество исследователей на 1 млн. населения»

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Помимо перечисленного, ещё одним неактивным фактором, оказывающим влияние на возможность неоиндустриальной трансформации национальной экономики (а значит и на уровень экономической безопасности в перспективе) являются проблемы в сфере финансового обеспечения.

Необходимо понимать, что финансовое обеспечение инновационной деятельности осуществляется из трёх источников: собственные средства (56,8%); средства государственного бюджета (24,5%); средства инвесторов (18,7%) [135, с. 80].

Проведённые исследования показывают, что доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП несопоставима с аналогичным показателем инвестиций в основной капитал (рис. 3.30).

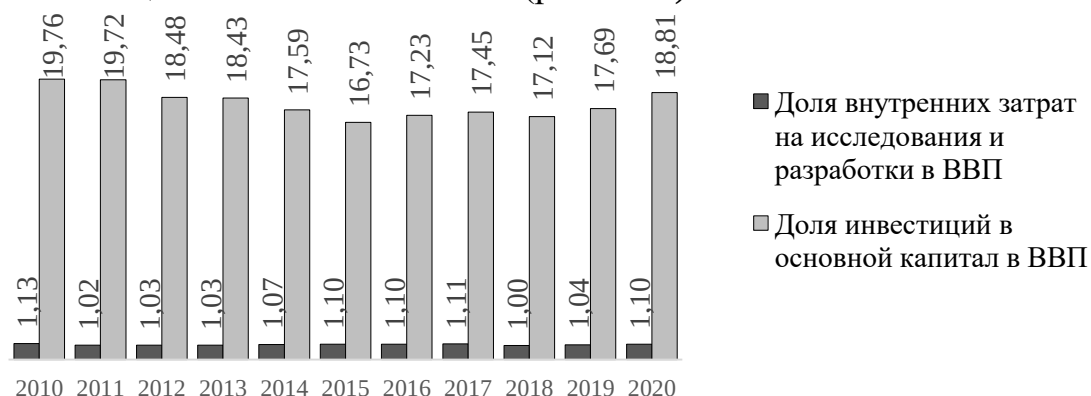

Рис. 3.30. Результаты сравнительного анализа доли собственных средств на исследования и разработки и доли инвестиций в основной капитал в ВВП, %

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Что касается государственного финансирования инновационной деятельности за счёт формирования и исполнения государственных программ. На сегодняшний день государственные программы в России структурированы по пяти направлениям (рис. 3.31), включающим 46 государственных

программ. Для реализации этих программ используется 70% федерального бюджета.

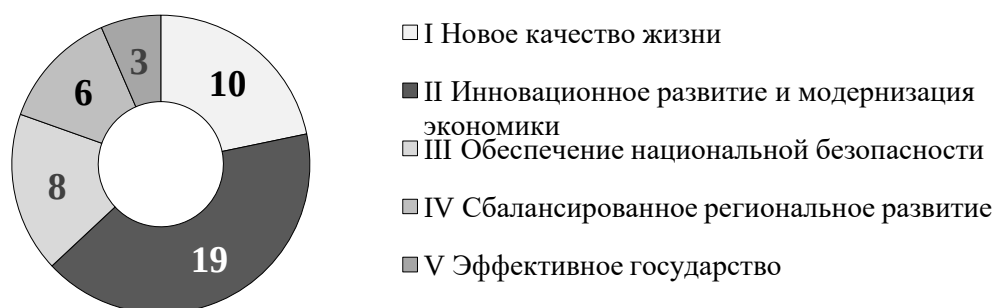

Рис. 3.31. Направления государственных программ

Источник: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.11.2010 г. №1950-р // Собрание законодательства РФ, 22.11.2010, №47, ст. 6166.

По оценке Министерства экономического развития Российской Федерации средняя эффективность реализации государственных программ составляет 80,3%, причём высокую эффективность показывают 13 государственных программ (более 92%); эффективность выше среднего уровня также 13 программ (от 82 до 92%); эффективность нижнесреднего – 9 программ (от 61 до 81%); низкую эффективность – 6 государственных программ (ниже 61%).

В рамках представленного исследования наибольший интерес представляют следующие государственные программы: «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», «Экономическое развитие и инновационная экономика» и «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности».

Анализ данных Министерства экономического развития показывает, что в среднем эффективность реализации перечисленных программ показывает значение «ниже среднего» (72,6) (табл. 3.36).

Таблица 3.36

Эффективность реализации государственных программ, %

Программа	II кв. 2019 г.	III кв. 2019	II кв. 2020 г.	III кв. 2020 г.	II кв. 2021 г.
Научно-технологическое развитие	64,3	61,7	41,7	56,4	72,6
Экономическое развитие и инновационная экономика	91,9	82,7	83,9	80,9	85,0
Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности	н.д.	н.д.	74,4	73,0	н.д.

Источник: Министерство экономического развития Российской Федерации.

Средства инвесторов, затраченные на инновационную деятельность в 2019 году, составляли 377,01 млрд. руб. или 19,3% от общего объёма затрат на инновационную деятельность. При этом на затраты в сфере высокотехнологичной деятельности приходилось только 7,9% средств инвесторов, а

доля иностранных инвестиций составляла 3,3% от общего объёма средств инвесторов [135, с. 75].

К негативным факторам, оказывающим влияние на возможность неоиндустриальной трансформации экономики, кроме перечисленного выше, следует также относить достаточно низкий уровень производительности труда (рис. 3.32).

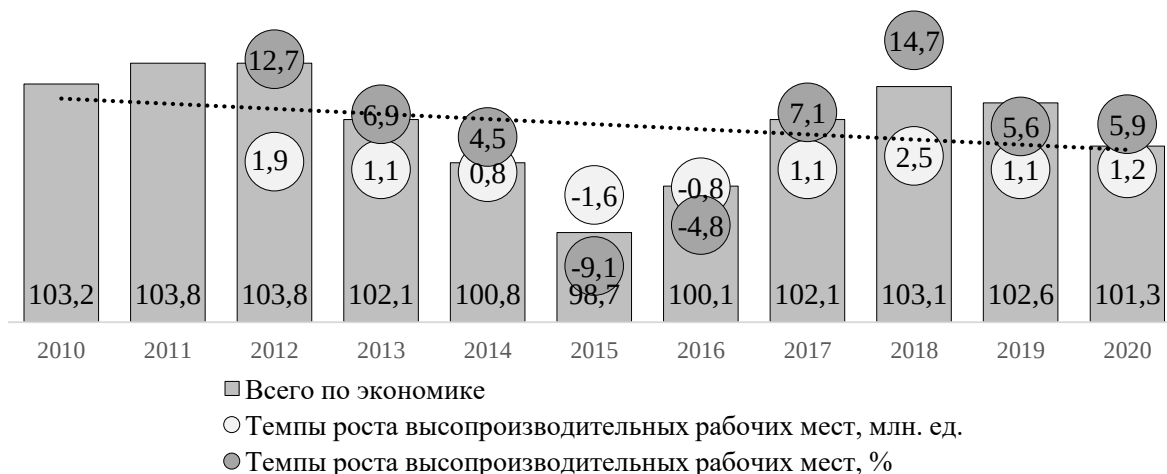

Рис. 3.32. Динамика показателей производительности труда

Источник: Федеральная служба государственной статистики.

В целом, можно говорить о снижении индекса производительности труда в исследуемом периоде, что, безусловно, следует относить к факторам, обуславливающим вероятность возникновения угроз безопасности национальной экономике.

Результаты проведённого исследования позволяют говорить о наличии достаточно большого количества проблем на пути неоиндустриального преобразования национальной экономики, а, следовательно, в процессе обеспечения необходимого уровня экономической и национальной безопасности.

Необходимость устойчивого и эффективного роста национальной экономики для целей обеспечения экономической и национальной экономики, всегда находилась и находится на сегодняшний день в сфере внимания органов власти всех развитых стран. В подтверждение данного тезиса, целесообразно привести цитату руководившего в 2009–2010 годах национальной разведкой США г-на Д. Блэра из доклада «Экономика и национальная безопасность: вопросы и последствия для США»: «... нестабильность во всех странах мира, вызванная мировым финансовым кризисом, а не терроризм, является главной угрозой национальной безопасности США. ...инновации в области науки и высоких технологий должны стать основой обеспечения могущества и процветания Америки в XXI веке...».

Подавляющее большинство экспертов сходятся во мнении, что инновации определяют, как минимум, 50% эффективности и безопасности долгосрочного роста экономики, что, в конечном итоге, обеспечивает рост уровня жизни населения.

Всё вышеизложенное, подтверждает необходимость стимулирования инновационной деятельности, что предполагает формирование новой неоиндустриальной экономической политики.

Однако, следует понимать, что сама по себе новая экономическая политика не сможет обеспечить реализацию задачи неоиндустриальных преобразований. Для этого необходимо создать достаточно эффективный механизм её реализации, основанный на использовании инноваций. По мнению автора, такой механизм должен включать определённый набор инструментов (рис. 3.33).

Автор считает, что реализация такого механизма позволит сформировать достаточно эффективную систему управления рисками, которая в свою очередь позволит своевременно и результативно нейтрализовать как реальные, так и потенциальные угрозы экономической и национальной безопасности, и, как следствие, повысить конкурентоспособность национальной экономики в условиях глобализации.

Важно понимать, что успех реализации предложенного механизма находится в прямой зависимости от эффективности решения целого ряда задач, а именно:

- во-первых, необходимо кардинальным образом изменить экономическую обстановку внутри страны;

- во-вторых, существенным образом повысить инвестиционную привлекательность национальной экономики;

- в-третьих, сформировать привлекательный инвестиционный и налоговый климат;

- в-четвёртых, сформировать эффективные инструменты стимулирования инновационной активности отечественных предприятий и изобретательской активности населения.

Рис. 3.33. Механизм обеспечения экономической безопасности в условиях неоиндустриального преобразования национальной экономики

Если предположить, что удастся успешно реализовать весь комплекс предлагаемых инструментов и условий, то с большой долей уверенности можно будет говорить о создании национальной эффективной модели развития национальной экономики, способной обеспечить процесс её неоиндустриальной трансформации, сопоставимой с ведущими экономиками мира.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обеспечение необходимого уровня экономической безопасности в среднесрочной и долгосрочной перспективе невозможно без неоиндустриальных преобразований, основан-

ных на внедрении инноваций, способных обеспечить устойчивый, эффективный и безопасный рост национальной экономики, что, в конечном итоге, позволит эффективно реализовать национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации.

3.10. Экономико-статистический анализ цифрового неравенства регионов Российской Федерации

На сегодняшний день принципиальное значение для любого государства приобретает цифровая экономика. Дальнейшее развитие Российской Федерации и ее регионов должно строиться с учетом соответствующих вызовов и угроз. Актуальность исследования обусловлена обострением вопросов обеспечения экономической безопасности регионов, вызванного ускорением цифровых диспропорций в субъектах РФ, которые определяют степень конкурентоспособности и уровень социально-экономического развития как региональных социально-экономических систем, так и систем всего государства.

Измерением уровня развития цифровой экономики занимаются такие исследовательские центры и консалтинговые группы и компании:

- Школа флетчера университета Тафтса (The Fletcher School, Tufts University), одним из самых популярных определяемых индексов является индекс цифровой эволюции (Digital Evolution Index), содержащий четыре ключевых фактора – условия предложения, условия спроса, институциональная среда и инновации [7];

- Международный телекоммуникационный союз (International Telecommunication Union (ITU) – ICT индекс развития (ICT Development Index) [29];

- Информационный центр электронной Эстонии (Thee-Estonia Briefing Centre) – национальный индекс кибербезопасности (The National Cyber Security Index) [59];

- Департамент ООН (Department of Economic and Social Affairs United Nations) – индекс развития электронного правительства (E – Government Development Index) [15];

- Институт Портуланс (Portulans Institute) – индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index) [51];

- Прайсвотерхаузкуперс (PwC) – рейтинг готовности городов (The Future is Coming (PwC) [56];

- Хуавэй (Huawei) – глобальный индекс связанности (Global Connectivity Index) [28] и др.

Вопросы цифрового развития регионов являются наиболее актуальными в современных исследованиях российских и зарубежных ученых. Так, многими российскими учеными развитие цифровых технологий рассматрива-

ется в качестве условия конкурентоспособности территориальных и отраслевых рынков [224]. Результаты тематических исследований в Германии и Швеции подтверждают огромное значение цифровизации для социального и экономического развития сельских местностей.

Но главным предметом исследования экономистов является также формирование методических аспектов оценки уровня цифровизации регионов. Задача аналитиков при этом состоит в определении методики и набора показателей, способных дать достоверную оценку цифровизации и выявления степени ее влияния на экономику региона. О.И. Ларина, Н.В. Морыженкова, проводя межстрановой сравнительный анализ уровня цифровизации, аргументируют и заостряют внимание на взаимосвязи финансовой инклюзии и финансовой грамотности с уровнем цифровизации регионов РФ [163]. Проблема цифрового неравенства является предметом исследования ученых Байкальского государственного университета, которые дают оценку уровня цифровизации на основе глобального индекса подключения и доступности к цифровым технологиям и коммуникациям [119]. Другие авторы, подтверждая развитие цифровизации в качестве ключевого фактора социально-экономического развития регионов РФ, проводят анализ затрат на исследования и разработки сектора ИКТ [206]. В качестве методологического подхода к оценке влияния цифровых технологий на инновационную деятельность регионов предлагается также анализ взвешенного коэффициента корреляции [118]. Коллектив авторов Института стратегических исследований республики Башкортостан, систематизируя достоинства и недостатки оценки индексным методом, в качестве наиболее достоверного называют индекс развития ИКТ [182]. Такое различие в охвате аналитических показателей, в методических подходах и приемах оценки оставляет открытым вопрос разработки унифицированной методики оценки уровня цифровизации.

Целью настоящего исследования является разработка алгоритма анализа цифрового неравенства, характеризующего социально-экономическое развитие регионов РФ в условиях цифровой экономики.

Настоящее исследование предполагает несколько этапов:

- анализ социально-экономического развития регионов РФ по ключевым показателям и выявление его тенденций;
- корреляционный анализ социально-экономического развития и уровня цифровизации в разрезе регионов РФ;
- определение основных факторов цифрового неравенства среди регионов РФ;
- формирование системы показателей-индикаторов цифрового неравенства регионов.

Современная Россия характеризуется значительной дифференциацией по уровню социально-экономического развития («СЭР») и по глубине процессов цифровой трансформации, как среди федеральных округов, так и

внутри округов по регионам. Основным результирующим макроэкономическим показателем является валовый региональный продукт (ВРП) [195]. В современных условиях он характеризуется присутствием дисбалансов (табл. 3.37). Показатель валового регионального продукта в расчете на душу населения в разы отличается между регионами РФ.

Таблица 3.37

Показатели социально-экономического развития регионов Российской Федерации за 2015 и 2019 гг. *

Наименование федерального округа	Валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.		Реально располагаемые денежные доходы населения, в % к соответствующему периоду	
	2015 г	2019 г	2015 г	2019 г
Центральный федеральный округ	580,7	835,9	96,2	102,8
Северо-Западный федеральный округ	520,3	752,8	96,9	100,6
Южный федеральный округ	283,9	400,9	97,2	100,4
Северо-Кавказский федеральный округ	176,4	232,0	95,8	101,0
Приволжский федеральный округ	339,1	480,5	96,5	101,2
Уральский федеральный округ	737,3	1 070,6	95,4	101,5
Сибирский федеральный округ	369,3	535,3	97,1	100,8
Дальневосточный федеральный округ	487,9	730,1	98,0	101,9

Источник: Федеральная служба государственной статистики

Соответствующие тенденции подтверждает и рейтинг социально-экономического положения (СЭПР) регионов за 2019–2020 гг. [213]. Согласно рейтингу социально-экономического положения регионов по итогам 2019–2020 гг. экспертов портала «РИА Новости» лидирующие позиции занимают г. Москва и г. Санкт-Петербург с интегральным рейтингом 88,98 и 85,56 соответственно. На третьем месте располагается Ханты-Мансийский автономный округ – Югра с величиной интегрального рейтинга 77,763. Заключительные позиции занимают Республика Алтай (13,71), Республика Тыва (13,17), Еврейская автономная область (12,74). Разница в рейтинговой оценке по регионам РФ принимает существенные значения и сохраняется в течение анализируемого периода (табл. 3.38). Уровень дифференциации социально-экономического положения регионов РФ является существенным за весь анализируемый период. Так, интегрированный рейтинг наиболее

успешного региона (Москва) более чем в 7 раз выше рейтинга отстающего региона – Еврейской автономной области.

Таблица 3.38

Отклонение рейтинга социально-экономического положения
от максимального значения по регионам Российской Федерации
за 2019 и 2020 гг.

Место по итогам 2019 года	Регион	Отклонение интегрального рейтинга от эталонного значения по итогам 2019 года	Место по итогам 2020 года	Отклонение интегрального рейтинга от эталонного значения по итогам 2020 года
1	Москва	1	1	1
2	Санкт-Петербург	0,96	2	0,96
3	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	0,87	3	0,89
4	Московская область	0,87	4	0,85
5	Республика Татарстан	0,86	5	0,75
6	Ямало-Ненецкий автономный округ	0,78	6	0,78
7	Свердловская область	0,77	7	0,74
9	Ленинградская область	0,72	8	0,72
12	Красноярский край	0,69	9	0,70
10	Краснодарский край	0,69	8	0,76
<...>				
44	Хабаровский край	0,47	40	0,46
43	Алтайский край	0,47	41	0,46
45	Рязанская область	0,46	42	0,44
42	Республика Коми	0,48	43	0,44
38	Удмуртская Республика	0,48	44	0,44
41	Владимирская область	0,48	45	0,43

Окончание табл. 3.38

Место по итогам 2019 года	Регион	Отклонение интегрального рейтинга от эталонного значения по итогам 2019 года	Место по итогам 2020 года	Отклонение интегрального рейтинга от эталонного значения по итогам 2020 года
52	Амурская область	0,42	46	0,43
<...>				
77	Кабардино-Балкарская Республика	0,23	77	0,24
74	Республика Хакасия	0,26	78	0,24
82	Республика Ингушетия	0,18	79	0,23
78	Республика Северная Осетия — Алания	0,21	80	0,22
81	Карачаево-Черкесская Республика	0,19	81	0,19
82	Республика Калмыкия	0,17	82	0,17
83	Республика Алтай	0,15	83	0,17
84	Республика Тыва	0,15	84	0,15
85	Еврейская автономная область	0,14	85	0,13

Данные указанного рейтинга были использованы при проведении корреляционного анализа, в ходе которого выявлялась взаимосвязь валового регионального продукта, индекса социально-экономического развития и индекса «Цифровая Россия».

Линейная функция зависимости «ВРП субъектов РФ – 2019» – индекс «Цифровая Россия-2019» представляет собой следующий вид: $Y = 14861 X - 247451$. Линейная зависимость между индексом СЭПР и индексом цифровизации выражается функцией: $Y = 1,2911X - 34,391$.

Графический анализ зависимости индексов цифровизации и социально-экономического положения регионов представлен на рис. 3.34. Полученные по расчётам проведенного авторами результаты свелись к следующему: между индикаторами, включенными в индекс СЭПР и индикаторами индекса «Цифровая Россия» наблюдается сильная прямая связь, следовательно, среди факторов, влияющих на ВРП, можно выделить показатели, характеризующие уровень развития цифровизации в регионе, а в частности, показатели цифрового неравенства.

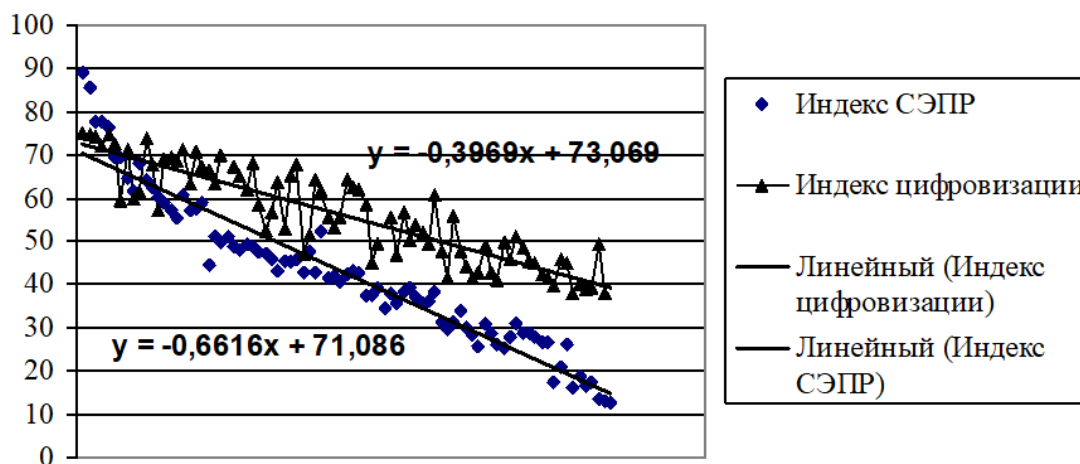

Рис. 3.34. Корреляционное поле индекса социально-экономического положения регионов России-2019 от индекса «Цифровая Россия»-2019

Данные выводы свидетельствуют, что стремительное ускорение цифровой трансформации российской экономики, действительно, оказывает влияние на экономическое развитие регионов, однако не всегда положительное. К неблагоприятным факторам цифровой трансформации экономики на уровне регионов можно отнести: увеличение рисков снижения информационной и экономической безопасности субъектов РФ, расширение возможностей для интернет-мошенничества, моральное устаревание специальностей в традиционных отраслях экономики, исчезновение традиционных рынков, ограничение возможности использования цифровых технологий в регионах. Нам представляется, что в эпоху, когда цифровые технологии становятся ключевым драйвером социально-экономического развития, регионы, в которых процессы информатизации меньше включены в процессы цифровизации, не смогут выдержать в перспективе межрегиональную конкурентоспособность. Таким образом, «цифровой разрыв» становится все более важной проблемой, преодоление которого является неотъемлемой частью комплексного ответа на вызовы, стоящие перед каждым российским регионом.

Факторами, характеризующими цифровой раскол, являются:

- цифровая инфраструктура, базирующаяся на сети Интернет;
- игнорирование и отказ от использования субъектами предпринимательства цифровых технологий;
- цифровое неравенство компетенций, явно проявляющееся между городским и сельским населением, между населением с разным уровнем образования и занятости.

На основе официальных данных Федеральной службы государственной статистики, нами фиксируется разница по числу активных абонентов фиксированного и мобильного широкополосного доступа к сети Интернет на

конец 2019 г. между регионами-лидерами и регионами аутсайдерами, которая составила 30 пунктов и 10,7 пунктов соответственно.

Анализ доли организаций, использовавших персональные компьютеры и Интернет, проведенный укрупненно по федеральным округам (табл. 3.39), свидетельствует о существенном снижении таких организаций практически по всем выделенным субъектам. Наибольшее отрицательное отклонение характерно для Южного федерального округа и Приволжского федерального округа. Доля же организаций, использующих Интернет, более стабильна и отклонения практически по всем округам не превышают 5%.

Таблица 3.39

Рост доли организаций, использовавших персональные компьютеры и Интернет по регионам РФ, %

Федеральный округ	Изменение доли организаций, использовавших персональные компьютеры		Изменение доли организаций, Интернет
	2019 г	2020 г	2019 г
Центральный федеральный округ	– 0,7	– 12,5	– 0,3
Северо-Западный федеральный округ	– 1	– 10,7	– 0,7
Южный федеральный округ	+ 0,2	– 18,1	+ 0,2
Северо-Кавказский федеральный округ	– 7,1	– 9,5	– 6,2
Приволжский федеральный округ	+ 0,6	– 15,1	+ 1,6
Уральский федеральный округ	+ 0,2	– 10,8	+ 0,8
Сибирский федеральный округ	–	– 10,5	+ 0,8
Дальневосточный федеральный округ	– 0,6	– 11,6	+ 1,7

Аналогичная ситуация наблюдается и по организациям в субъектах РФ. Чуть более 50% организаций в РФ в 2019 г. имели веб-сайт. Средние показатели по наличию персональных компьютеров у работников в аналогичном периоде составляют 51 шт. на 100 работников, а с наличием выхода в интернет – 35 шт. на 100 работников.

Таким образом, был отмечен неравномерный спрос на продукты цифровой инфраструктуры и неравномерный доступ к сети, который, в частности, проявляется и в разрыве цифровых компетенций.

Его можно отследить по уровню цифровой готовности населения к использованию цифровых сервисов и технологий, зависящему от уровня образования (рис. 3.35а). Уровень цифровой готовности населения к использованию цифровых сервисов и технологий зависит от уровня образования. Различие между долями населения, использующими сеть Интернет с высшим профессиональным образованием и основным или средним общим образованием, составляет 14,9% и 19,8% соответственно.

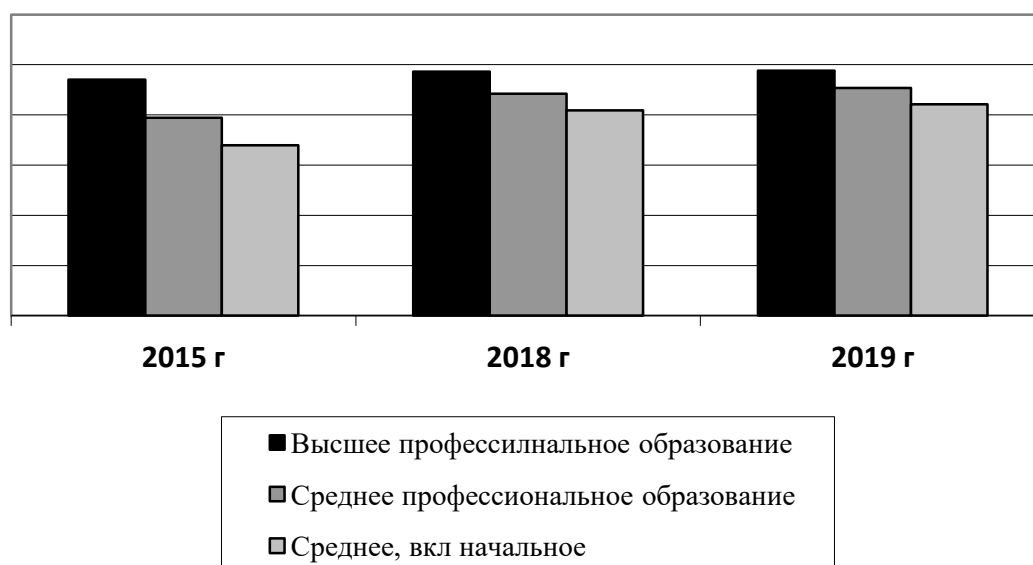

Рис. 3.35а. Доля населения, использовавшего интернет в разрезе уровней образования

Динамика индекса цифровой грамотности в федеральных округах подтверждает ранее сделанные выводы о цифровом неравенстве среди регионов РФ (рис. 3.35б). Когда цифровой разрыв между регионами становится непреодолимым, представители информационно бедных регионов или социальных групп существенно худшие экономические и социальные возможности.

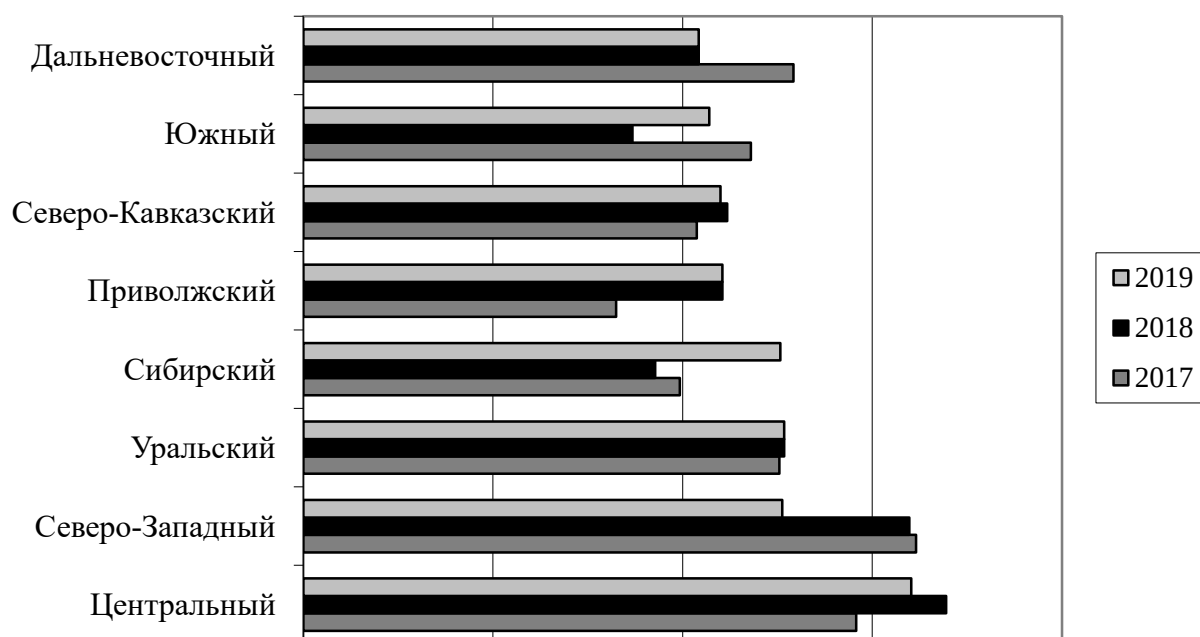

Рис. 3.35б. Динамика индекса цифровой грамотности в федеральных округах РФ в 2017–2019 гг.

Исходя из вышесказанного, следует, что развитие цифровых технологий, экономический рост и социально-экономическое развитие регионов – явления взаимосвязанные и взаимообусловленные. Отсталость депрессивных регионов в цифровом развитии приводит к их отставанию в социально-экономическом развитии.

В целях эффективной реализации мер, закрепленных федеральными проектами, необходимо выделение соответствующих факторов, в частности, индикатора цифрового раскола, как составляющего элемента региональных социально-экономических систем в контексте обеспечения экономической безопасности субъектов РФ.

Индекс призван объединить параметры, соответствующие ключевым направлениям цифровой трансформации экономики, закрепленных постановлением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. «О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [189]. В соответствии с которым в России реализуется одноименная национальная программа.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволили аргументировать следующие исследовательские гипотезы:

- значения ключевых показателей социально-экономического показателей регионов РФ, оцененных статистическим и индексным методом, свидетельствуют о существенном разрыве между анализируемыми регионами;
- цифровое неравенство является одним факторов данного разрыва;

– существует тесная корреляционная зависимость между индексом СЭПР, величиной валового регионального продукта и индексом цифровизации;

– уровень региональной цифровизации определяется различиями в цифровой инфраструктуре, использовании цифровых технологий субъектами предпринимательства и цифровой компетенции населения.

Таким образом, с нашей точки зрения, алгоритм оценки цифрового неравенства должен состоять из этапов, представленных на рис. 3.36.

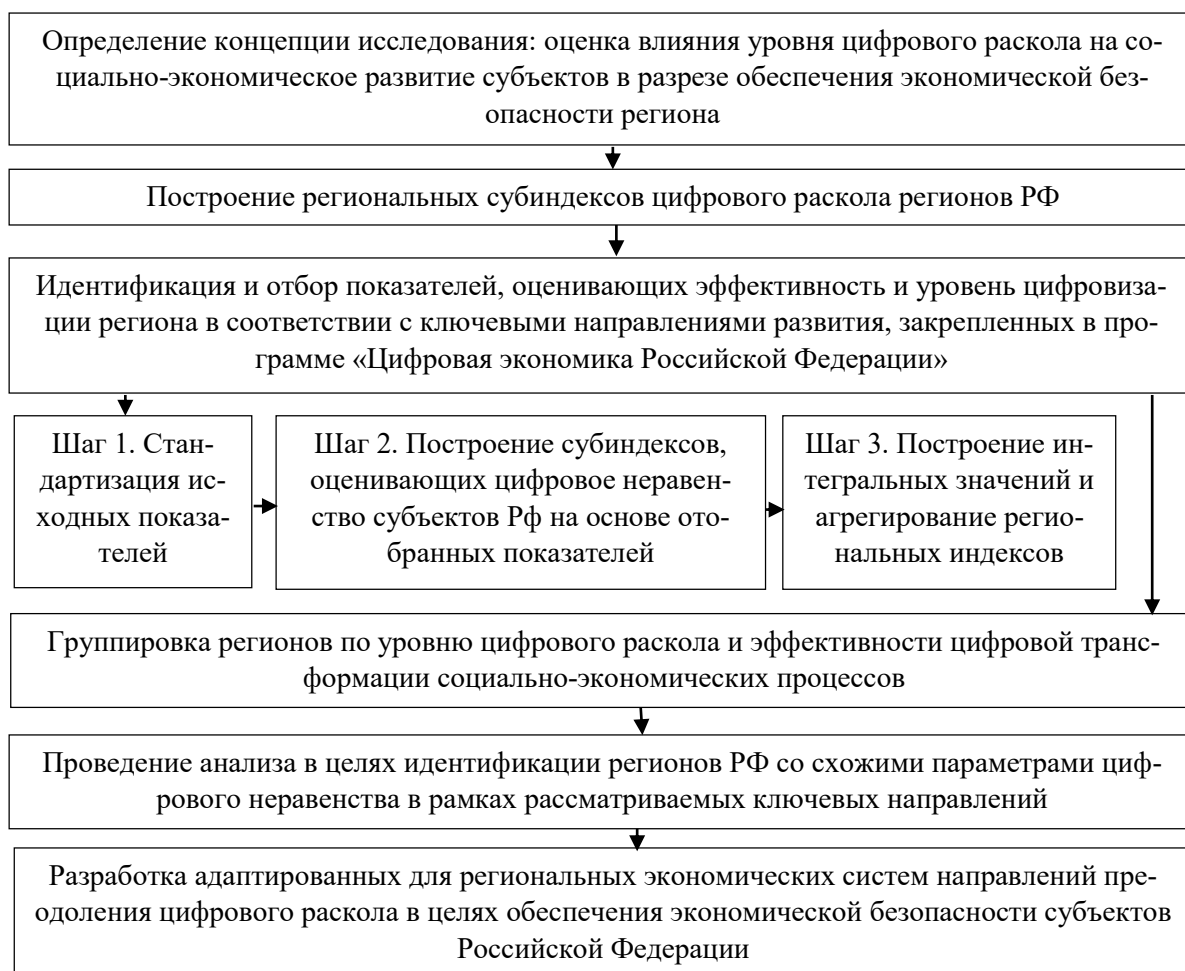

Рис. 3.36. Концентрированный алгоритм определения значений субиндексов агрегированного показателя цифрового неравенства

Предложенный в настоящем исследовании алгоритм позволит дать комплексную оценку направлений цифровизации с учетом особенностей социально-экономического развития каждого региона. Данные положения могут быть использованы федеральными органами власти при утверждении региональных бюджетов и корректировке федеральной политики в области цифровизации и ликвидации цифровых диспропорций субъектов РФ в целях обеспечения экономической безопасности, как на региональном уровне, так и на уровне всего государства.

В современных реалиях, когда социально-экономическое неравенство получило новое, цифровое измерение, каждый регион может и должен стремиться к максимальному развитию цифровой жизни для получения соответствующих эффектов, определяемых в качестве основных стратегических задач цифровой трансформации в концепции экономической безопасности.

3.11. Экономическая безопасность организаций в цифровой экономике

Экономическая безопасность как характеристика экономических систем, рассматривается на различных уровнях экономики. На макроуровне она характеризует способность «обеспечивать реализацию национальных интересов государства и конкурентоспособность национальной экономики, условия жизни для населения и ресурсы для социально-экономического развития страны». На мезоуровне экономическую безопасность характеризует возможность для независимого существования территории, устойчивого развития и уровня жизни населения. На микроуровне экономическая безопасность не является «стандартизированным понятием» и рассматривается в юридическом аспекте, с позиции заключаемых фирмой договоров, либо с позиций безопасности корпорации [67, 70, 95].

Экономическая безопасность, как и многие другие комплексные показатели, определяется системой факторов. Более того, само определение экономической безопасности часто дается исследователями именно через влияющие на нее факторы. Например, «экономическая безопасность – совокупность факторов и условий, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и совершенствованию». Экономическая безопасность характеризует такое положение экономической системы, при котором она способна «противодействовать всем внешним и внутренним вызовам и угрозам» [67]. Факторы и угрозы экономической безопасности определяются как характеристиками исследуемых экономических систем макро-, мезо и микроуровней, так и особенностями среды, в которых они функционируют. Главное понятие, характеризующее современные экономические системы – это цифровизация, становление цифровой экономики. Согласно «Стратегии развития информационного общества 2030» [22] цифровая экономика – «хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде». Цифровая экономика имеет ряд отличительных особенностей. Прежде всего, знание и данные становятся главным экономическим ресурсом, при этом информационный обмен в экономической деятельности превосходит физический обмен. Особенностью этого информационного обмена является его глобальный уровень. На первое место среди «средств массовых коммуникаций» выходит интернет. Одновременно

изменяются организационные формы экономической деятельности – сетевая организация становится «основной организационной структурой» [71].

В настоящее время происходит трансформация категории «информационная безопасность». С одной стороны, информационная безопасность, как и другие виды безопасности («экономическая, политическая, экологическая, энергетическая, технологическая и гражданская» безопасность является компонентой «национальной безопасности государства». С другой стороны, в условиях цифровой трансформации, информационная безопасность становится главным фактором, влияющим на перечисленные виды безопасности и не может рассматриваться только в качестве отдельной независимой компоненты.

Переход от аналогового представления информации к цифровому, кардинально трансформируют все сферы жизнедеятельности человека и технологии принятия управленческих решений. Информационное общество трансформирует и факторы и угрозы экономической безопасности. Информационное общество – «общество, в котором информация и уровень её применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан», а значит и на параметры экономической безопасности. Информационная безопасность в современных условиях является одним из приоритетных направлений развития российских информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которому уделяется пристальное внимание в национальных программах РФ. При этом «международно-правовые механизмы, обеспечивающие суверенитет государств даже в их национальных сегментах Интернета», отсутствуют. В 2017 г. в РФ была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» сроком до 2024 г (в мае 2018 она получила статус национальной. С 2018 года в программу входят шесть федеральных проектов: «нормативное регулирование цифровой среды; кадры для цифровой экономики; цифровые технологии и проекты; информационная инфраструктура; информационная безопасность; цифровое государство (программа)» [22].

Согласно статистическим данным, российский информационно-коммуникационный сектор (ИКТ) продолжал расти даже в кризисных условиях пандемии 2020 г., сохраняя динамику валовой добавленной стоимости прошлых лет (рис. 3.37) [270, 24, 25, 27].

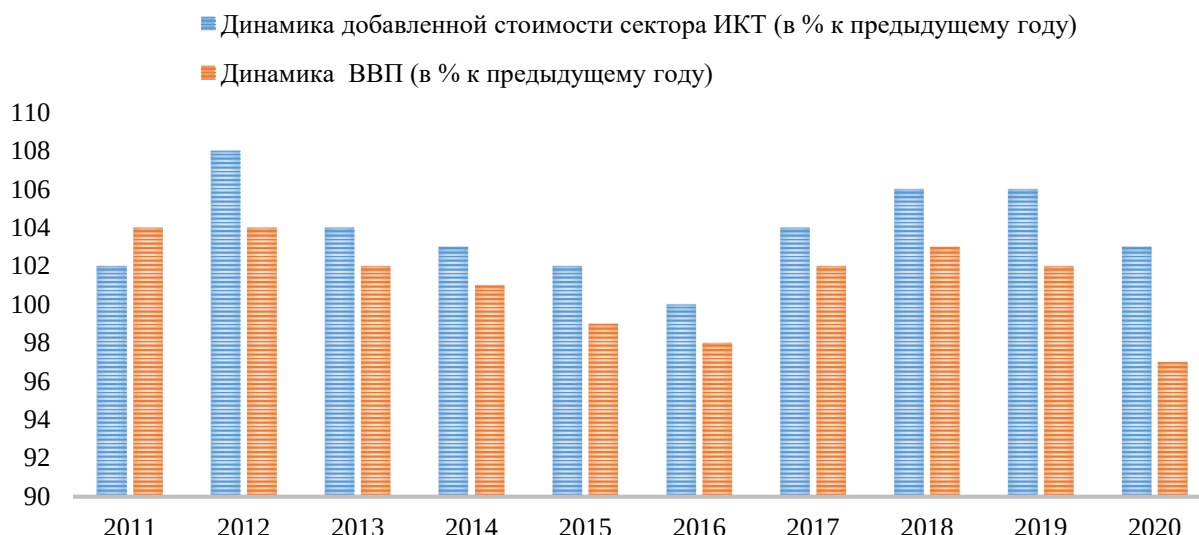

Рис. 3.37. Динамика сектора ИКТ и ВВП
(в процентах к предшествующему году)

Рассмотрим, как условия цифровой среды и перехода к индустрии 4.0 трансформируют и угрозы экономической безопасности. Отталкиваясь от «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030» можно выделить «основные вызовы и угрозы экономической безопасности» [251]. Представив их в форме STEEP анализа (табл. 3.40), мы видим, что именно экономические факторы и угрозы являются преобладающими. Среди экономических угроз выделим две – «стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе *информационных*) в качестве инструмента глобальной конкуренции», а также «подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам, а также уязвимость *информационной инфраструктуры* финансово-банковской системы» [251, 107, 21, 22].

Таблица 3.40

STEER анализа вызовов и угроз экономической безопасности РФ

Социальные	Технологические
– неоднородность доходов населения – нехватка трудовых ресурсов – международная конкуренция за высококвалифицированные кадры – «недостаточный уровень квалификации и компетенций отечественных специалистов» – снижение уровня социальных услуг, – снижение человеческого потенциала – дифференциации регионов по факторам социального развития	– недостаточная инновационная активность; – исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития, – научно-технологические изменения в обеспечении экономического роста

Экологические	Политические
– изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, – развитие энергосберегающих и «зеленых» технологий – усиление требований в области экологической безопасности – рост затрат на «обеспечение экологических стандартов производства и потребления»	– «повышение конфликтного потенциала в зонах экономических интересов РФ» – «дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям» – деятельность «межгосударственных экономических объединений в сфере регулирования торгово-экономических и финансово-инвестиционных отношений» – низкий уровень «эффективности государственного управления»
Экономические	
– значительная доля «теневой экономики», «высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере» – истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей – «стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (<i>в том числе информационных</i>) в качестве инструмента глобальной конкуренции» – «структурные дисбалансы в мировой экономике и финансовой системе» – «усиление колебаний конъюнктуры мировых товарных и финансовых рынков» – «ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта» – «недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики» – «подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам.. уязвимость <i>информационной инфраструктуры</i> финансово-банковской системы» – «отсутствие российских несырьевых компаний среди глобальных лидеров мировой экономики» – «низкие темпы экономического роста» – «несбалансированность национальной бюджетной системы»	

Информационная составляющая экономической безопасности приобретает особое значение в современных условиях, что является закономерным процессом. При этом влияние цифровизации и информационных факторов на экономическую безопасность является сложным и разнонаправленным. Так, современные цифровые технологии оказывает неоднозначное влияние на социально-экономическую сферу. Обеспечивая новые возможности, они выступают движущей силой экономического роста и повышения конкурентоспособности национальных экономик. Однако, основываясь на прорывных инновациях и принципиально новых бизнес моделях, они представляют

угрозу для сложившихся бизнес-моделей, экономических механизмов, регуляторов и социальных отношений. Например, цифровые монополии, основанные на модели цифровых платформ, выступают новым «сегментом глобальной экономики», который характеризуется высокой инвестиционной привлекательностью и представляется опасностью для «ресурсной индустриальной экономики» [8]. Кроме того, цифровые монополии обладая политическим влиянием, несут угрозы для информационной безопасности, конфиденциальности данных и личной автономии граждан. Важным моментом является и то, что цифровые платформы являются «труднорегулируемыми с позиций антимонопольного законодательства».

Отсутствие требуемого нормативно-правового и организационного регулирования в сложной медиа среде является угрозой для экономической безопасности вследствие снижения «финансовой и правовой грамотности граждан» [78]. Открытость информации провоцирует рост кибермошенничества, выступая угрозой экономического развития в страновом и глобальном масштабах. Цифровая зависимость также может выступать причиной снижения уровня интеллектуального развития личности и человеческого капитала. Данная проблема усугубляется прогнозируемой потерей знаний в организациях при выходе поколения «Бэби бумеров» (людей, родившихся в период с 1943 по 1962 годы) на пенсию. При этом новые поколения не обладают необходимым уровнем сформированных экспертных знаний, в том числе по причине особенностей формирования личности в цифровом обществе, зависимых от него современных образовательных систем

Проблемы данных и информации – ключевая угроза экономической безопасности в цифровой экономике. В Индустрии 4.0. данные, собранные из множества источников, коллективно интегрируются в производство, чтобы стать интеллектуальной производственной системой [172]. В этих условиях критическую важность приобретают информационные технологии, включающие сбор, регистрацию информации, ее передачу, кодирование, обработку и использование. Условием достижения экономической безопасности в «Индустрии 4.0» является обеспечение сетевой безопасности на уровне промышленной экосистемы, а не просто отдельных элементов. Элементы глобальных сетей в Индустрии 4.0 показаны на рис. 3.38.

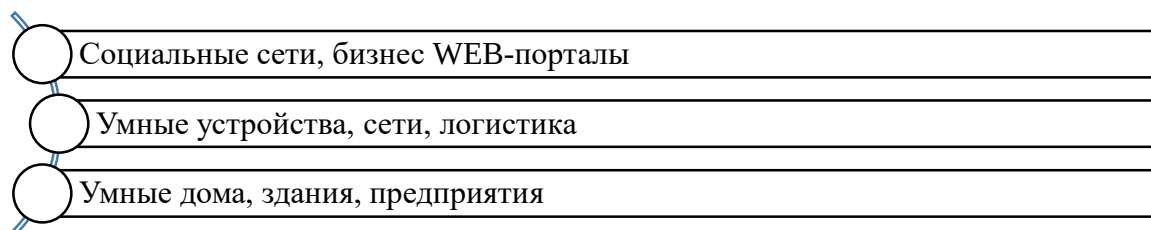

Рис. 3.38. Элементы глобальных сетей в Индустрии 4.0.

К угрозам экономической безопасности предприятий, включенным в Индустрию 4.0, можно отнести три группы угроз. Во-первых, проблемы ИТ-безопасности – защита конфиденциальных данных, безопасность облачного хранения, шпионаж, мошенничество, хакерские атаки, вирусы и терроризм. Во-вторых, проблемы передачи данных – скорость, широкополосность, качество. В-третьих, ИТ-навыки и квалификация сотрудников [172]. В цифровой экономике на микроуровне в качестве принципиальных изменений в обеспечении экономической безопасности необходимо отметить снижением уровня информационной неопределенности, так как информация, необходимая для принятия управленческих решений, стала более доступной, а также снижение процедурной неопределенности, так как с каждым годом появляются новые, эффективные способы обработки информации, например, технологии Data Mining, системы Business Intelligence. При этом, в обслуживании информационных систем организаций растет роль человеческого фактора, обуславливая возникновение новых вызовов и угроз. Так именно от квалификации и точности работы операторов зависит качество и безопасности работы киберфизических систем – одной из элементов Industry 4.0.

В качестве факторов цифровой экономики, оказывающих положительное влияние на экономическую безопасность, прежде всего рассматривают положительные эффекты цифровизации на социальную сферу. Среди них можно выделить следующие возможности: новые формы занятости и трудоустройства, повышение покупательной способности населения, возникновение социальных лифтов, новое качество социальных услуг («качественная медицина, доступное образование, комфортные условия для жизни») [78, 172, 201].

Для исследования информационной безопасности на микроуровне, представляют интерес исследование двух гипотез. Во-первых, как меняется во времени количество предприятий, уделяющих ей внимание; во-вторых, можно ли выделить региональную составляющую в обеспечении информационной безопасности на микроуровне. Для их исследования необходимо провести анализ статистических данных. Рассмотрим «долю организаций, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям». Эта информация отражается в «Сведениях об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг». Показатель определяется отношением «числа организаций, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям (средства шифрования; средства электронной цифровой подписи), к общему числу обследованных организаций». До 2017 года показатель являлся показателем государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» [25, 27].

Статистический анализ позволяет выделить тренд, представленный на рис. 3.39. Аппроксимация полиномом второго порядка позволяет сделать

вывод, что «число организаций, использующих средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям» не имеет тенденции роста. Полином второй степени характеризует динамику с равномерными приростами, «положительными для одной ветви параболы и отрицательными для другой».

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении изменения во времени «доли организаций РФ, использовавших средства шифрования информации, передаваемой по глобальным сетям» (рис. 3.39), а также в отношении организаций, «использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, использовавшие средства электронной подписи» (рис. 3.41).

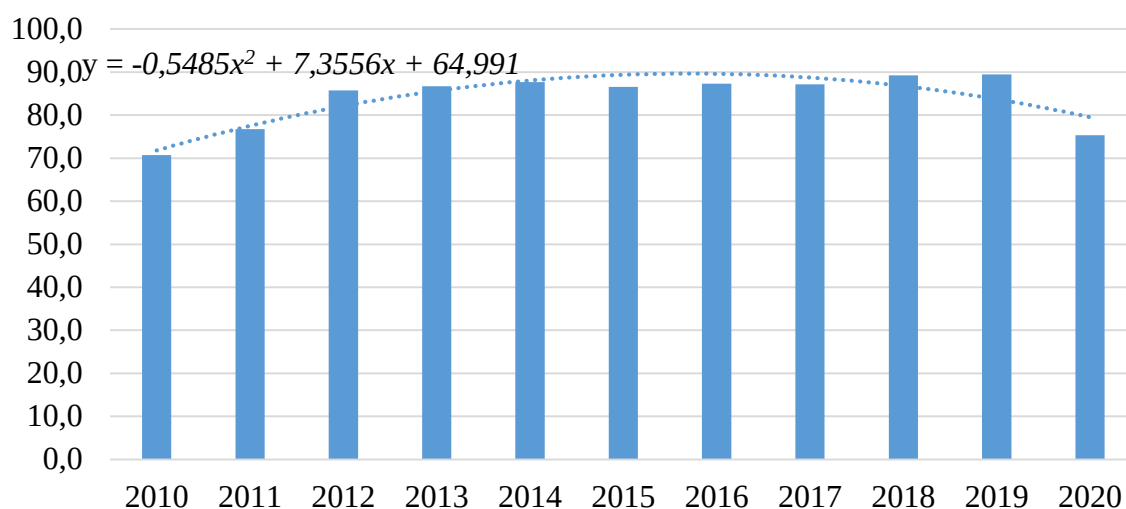

Рис. 3.39. Анализ тренда «Доля организаций РФ, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям»

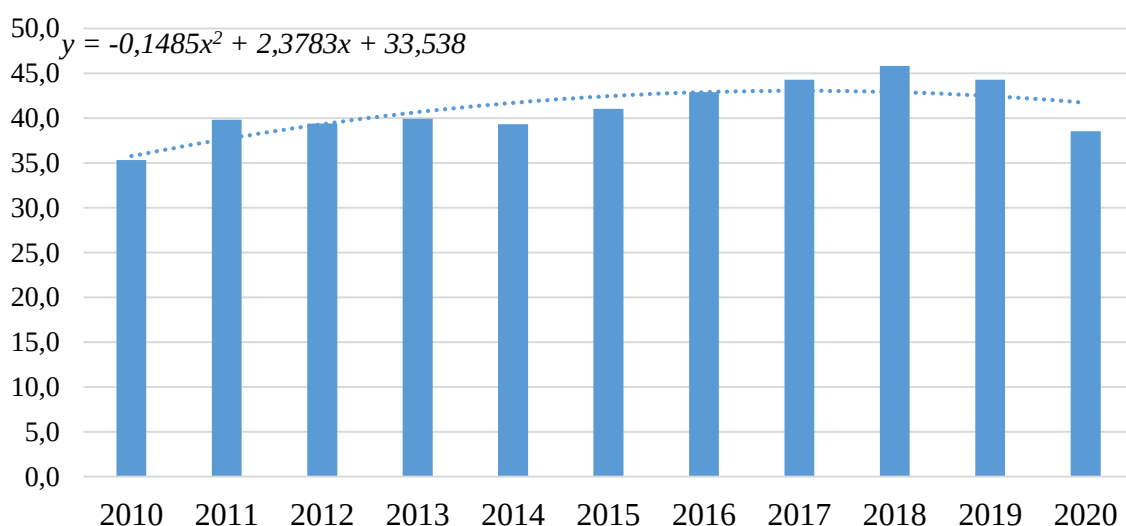

Рис. 3.40. Анализ тренда «Доля организаций РФ, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, использовавшие средства шифрования»

Согласно экспертным опросам, «формально безопасности данных уделяется почти столько же внимания, сколько сетевой или безопасности приложений», однако затраты на ее обеспечение не превышают 15,5% общих бюджетов на ИТ-безопасность предприятий. Причины для этого следующие. Во-первых, предполагается, что к оптоволоконным линиям очень сложно подключиться. Во-вторых, априори рассматривается, что «операторы нейтрализуют различные угрозы».

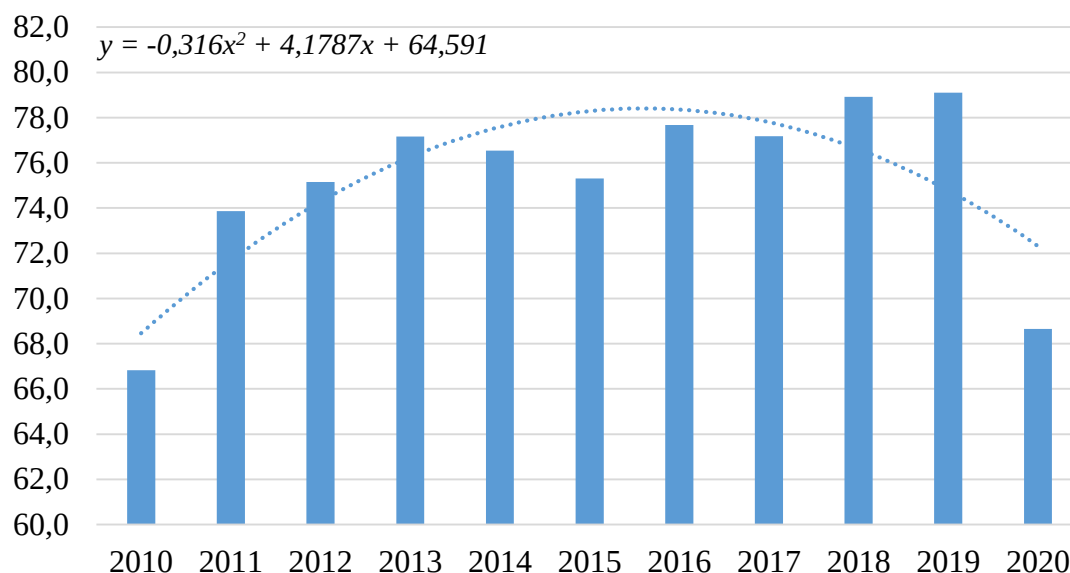

Рис. 3.41. Анализ тренда «Доля организаций РФ, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям, использовавшие средства электронной подписи»

Согласно отчетам «Cost of a Data Breach» [11] (Стоимость утечки данных), ущерб от утечки информации для пострадавших компаний распределяется следующим образом (рис. 3.42). Потери бизнеса находятся на первом месте (38%), значимую часть также составляют обнаружение и эскалация (29%), а также возмещение ущерба и штрафы регулирующим органам (27%).

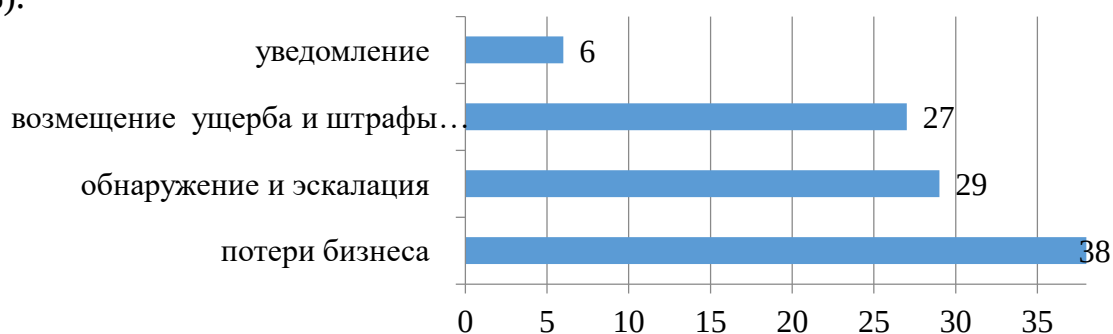

Рис. 3.42. Распределение ущерба от утечки информации для пострадавших компаний по категориям, %

Примечательно, что в отчете о Глобальных рисках 2021 года [57], среди ясных и очевидных опасностей (входящих в раздел краткосрочные риски срок 0–2 года), сбой кибербезопасности находится на четвертом месте (рис. 3.43). Наиболее вероятные технологические риски связаны с кражей данных и их мошенническим использованием, а также с кибератаками.

Рис. 3.43. Глобальные ясные и очевидные опасности – краткосрочные риски, %

Нарушение ИТ – инфраструктуры занимает первое место среди среднесрочных рисков (рис. 3.44).

Рис. 3.44. Побочные эффекты, среднесрочные риски (3–5 лет), %

Среди экзистенциальных угроз (долгосрочных рисков сроком 5–10 лет) информационные угрозы частично входят в компоненту «враждебные технические достижения», располагаемую на 4-ом месте (рис. 3.45).

Рис. 3.45. Экзистенциальные угрозы Долгосрочные риски (5–10 лет)

Статистический анализ доли организаций, использовавших средства защиты информации и доли организаций, использовавших Интернет по 85 субъектам РФ (рис. 3.46), позволяет сделать следующие выводы.

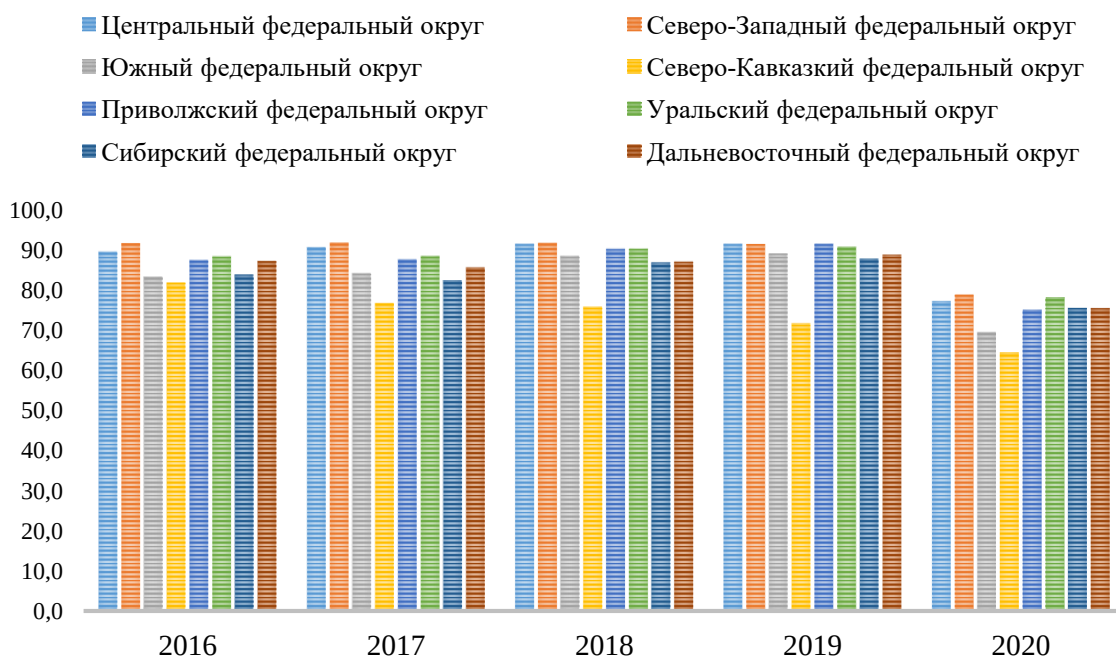

Рис. 3.46. Доля организаций РФ, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям: региональный аспект

Во-первых, наблюдается значительная региональная дифференциация показателя «доля организаций РФ, использовавших средства защиты информации, передаваемой по глобальным сетям». Во-вторых, региональная дифференциация со временем усиливается. На рис. 3.47–3.54 приведены данные по «доли организациям, использовавших средства защиты информации» в разрезе федеральных округов и субъектов РФ.

Округами лидерами в использовании средств информационной безопасности являются Северо-западный и Центральный федеральные округа (рис. 3.47 и 3.48). Максимальные значения показателя характерны для Новгородской области (рис. 3.48) и Белгородской области (рис. 3.47). Наименьшие значения показателя характерны для Северокавказского и Южного федерального округов (рис. 3.49 и рис. 3.50). Минимальные значения показателя характерны для Республик Дагестан (рис. 3.49) и г. Севастополь (рис. 3.50).

Если до 2019 года значения показателя в Приволжском и Уральском федеральном округах было примерно одинаковым, в 2020 «доля организаций, использовавших средства защиты информации», передаваемой по глобальным сетям, в УрФО существенно выше (рис. 3.51 и 3.52). Значение показателя в Сибирском и Дальневосточном федеральном округах примерно одинаково. Республика Тыва (рис. 3.53) и Бурятия (рис. 3.54) имеют наименьшие значения показателя.

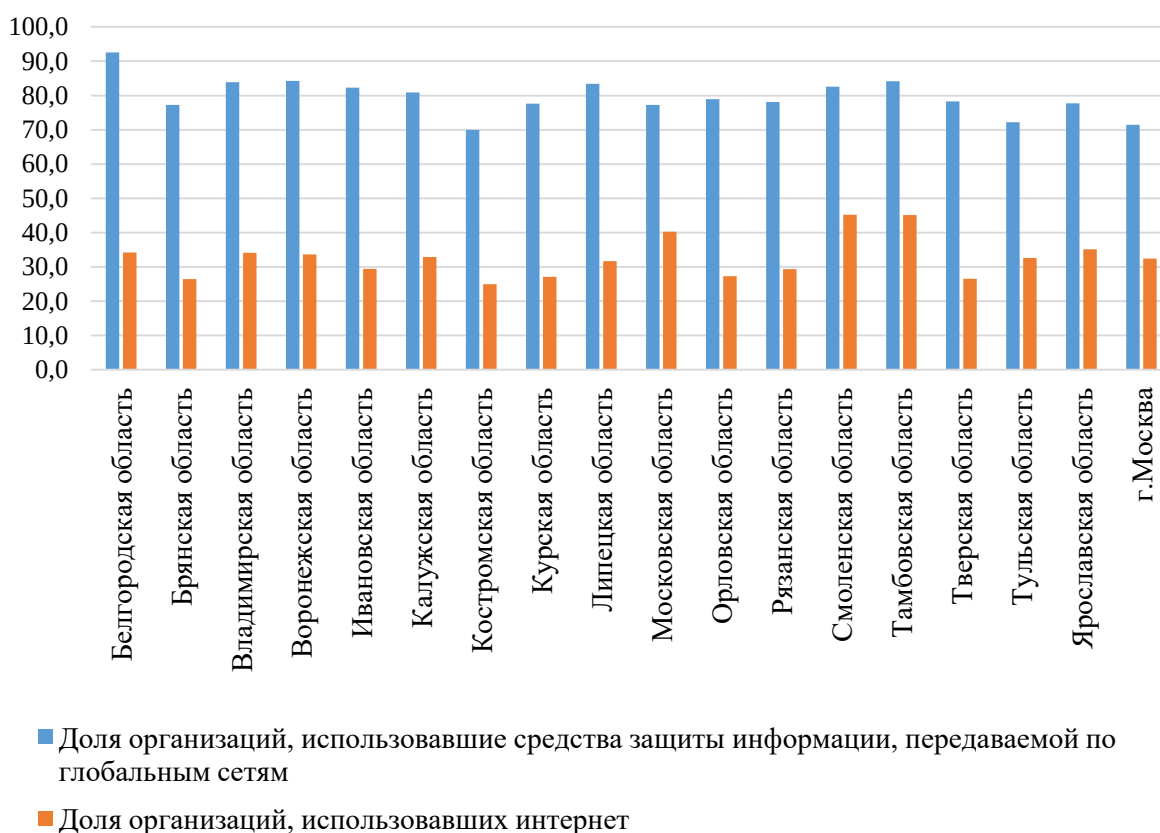

Рис. 3.47. Центральный федеральный округ: «доля организаций, использовавших средства защиты информации»

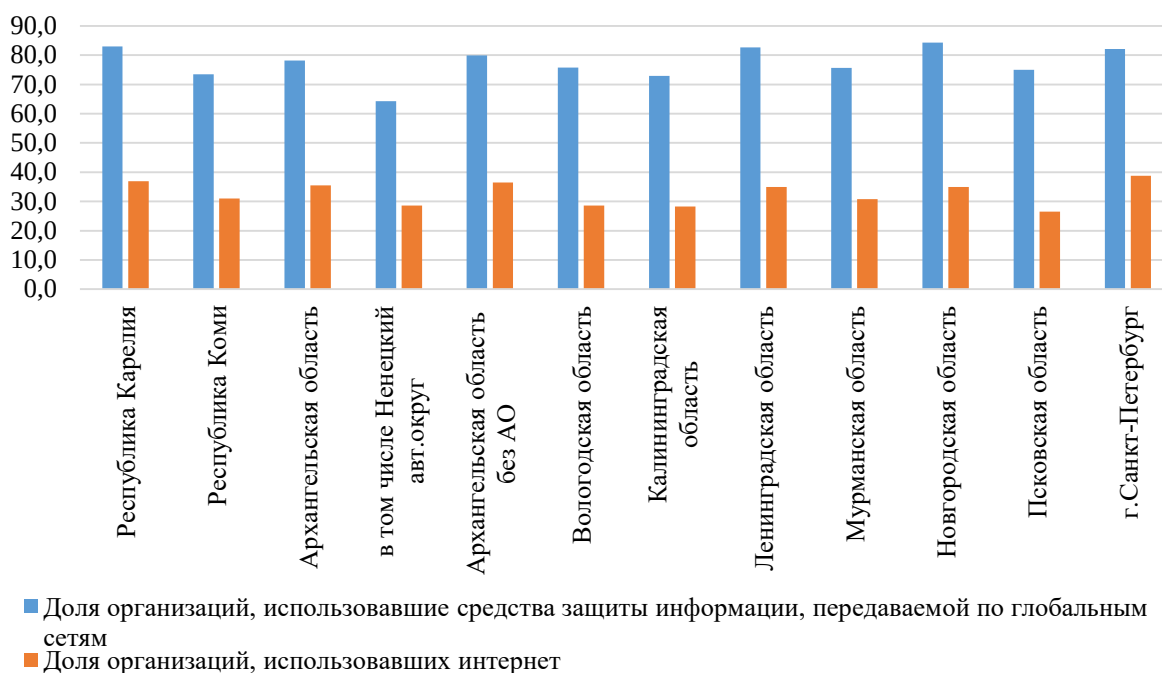

Рис. 3.48. Северо-западный федеральный округ: «доля организаций, использовавших средства защиты информации»

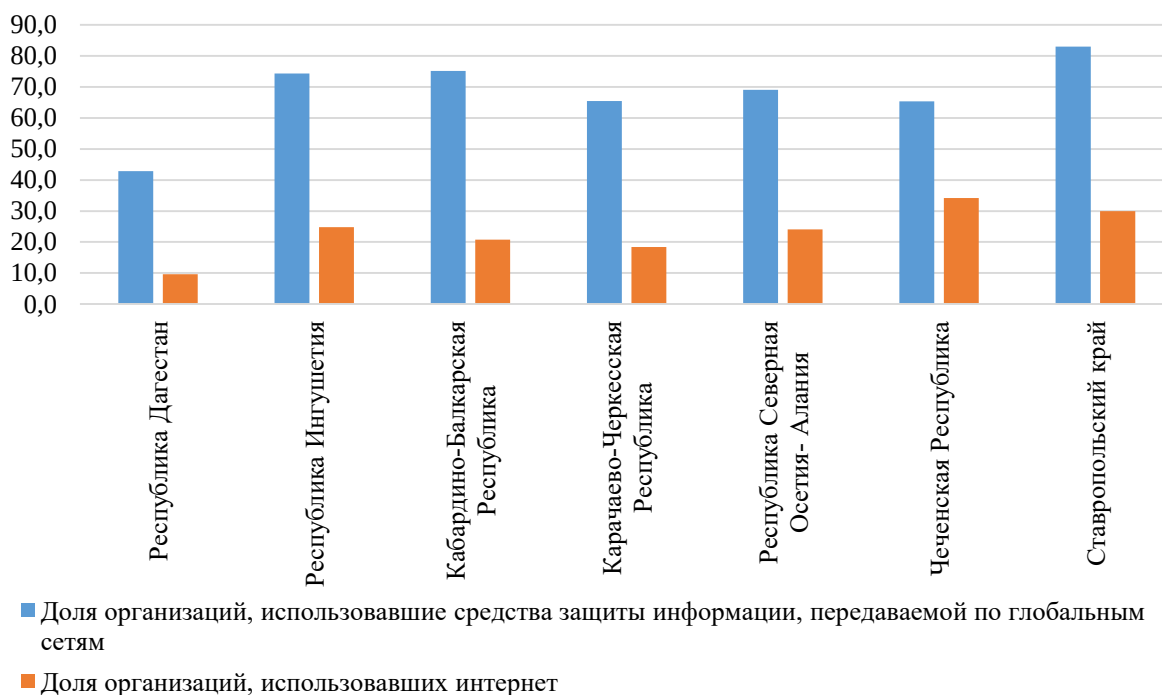

Рис. 3.49. Северо-кавказский федеральный округ: «доля организаций, использовавших средства защиты информации»

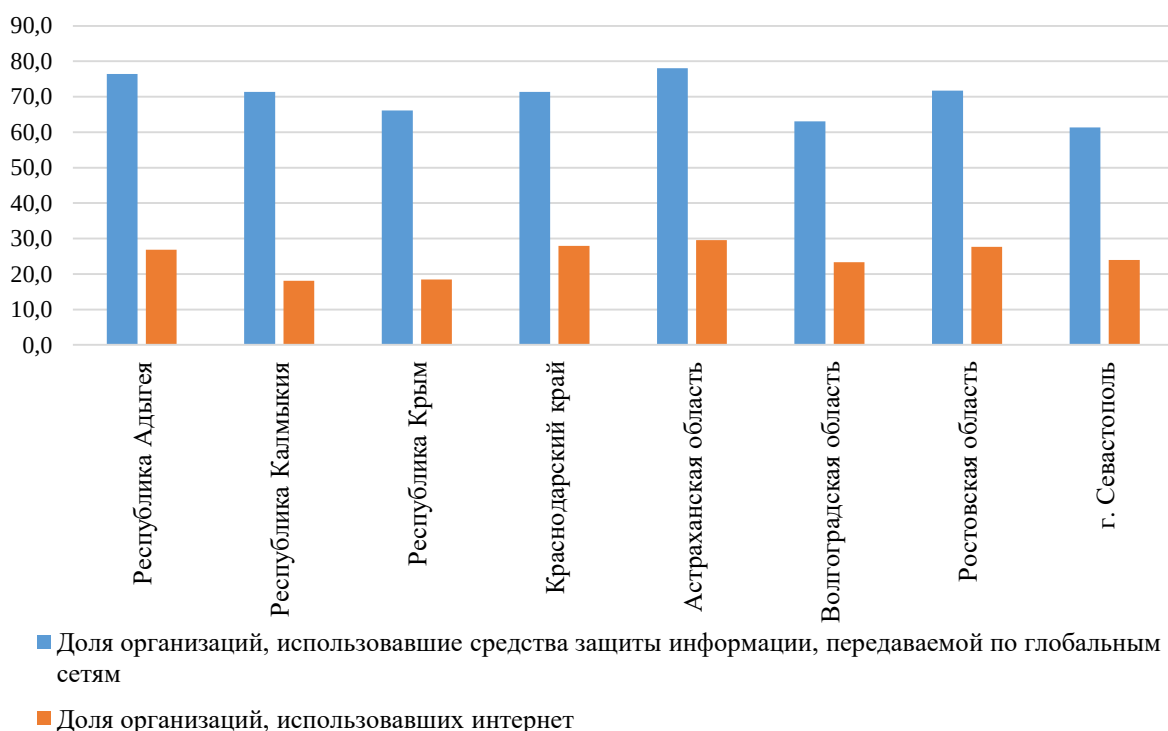

Рис. 3.50. Южный федеральный округ: «доля организаций, использовавших средства защиты информации»

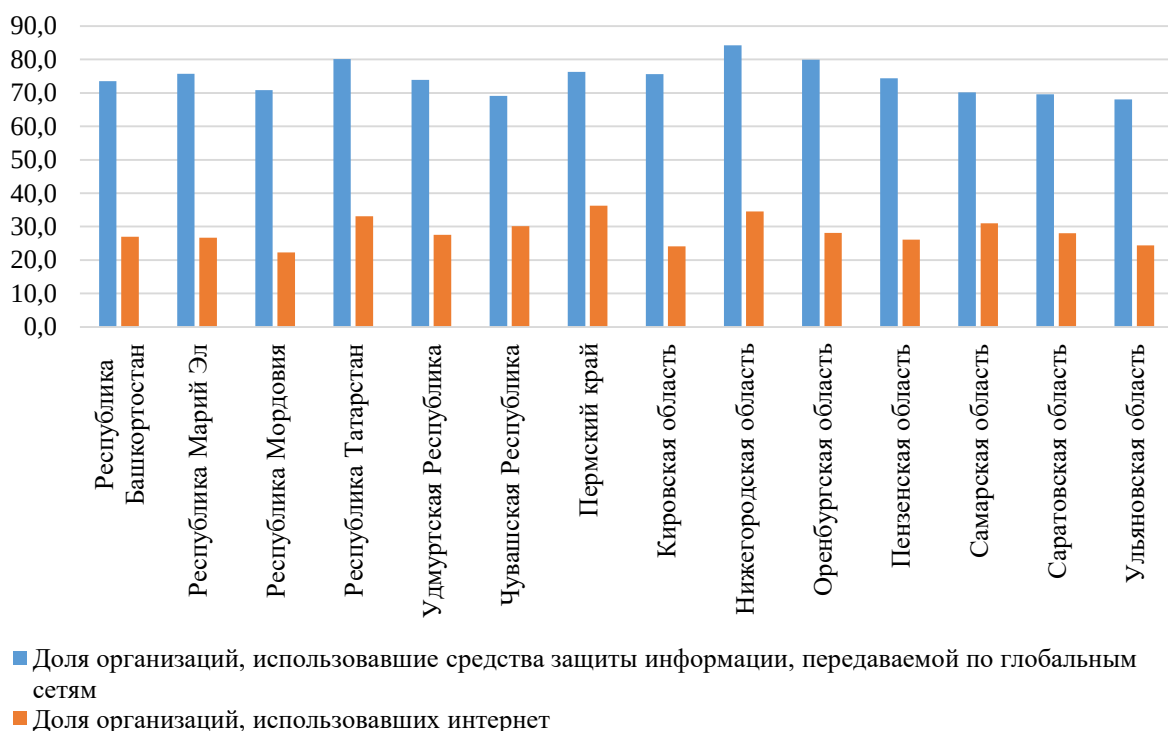

Рис. 3.51. Приволжский федеральный округ: «доля организаций, использовавших средства защиты информации»

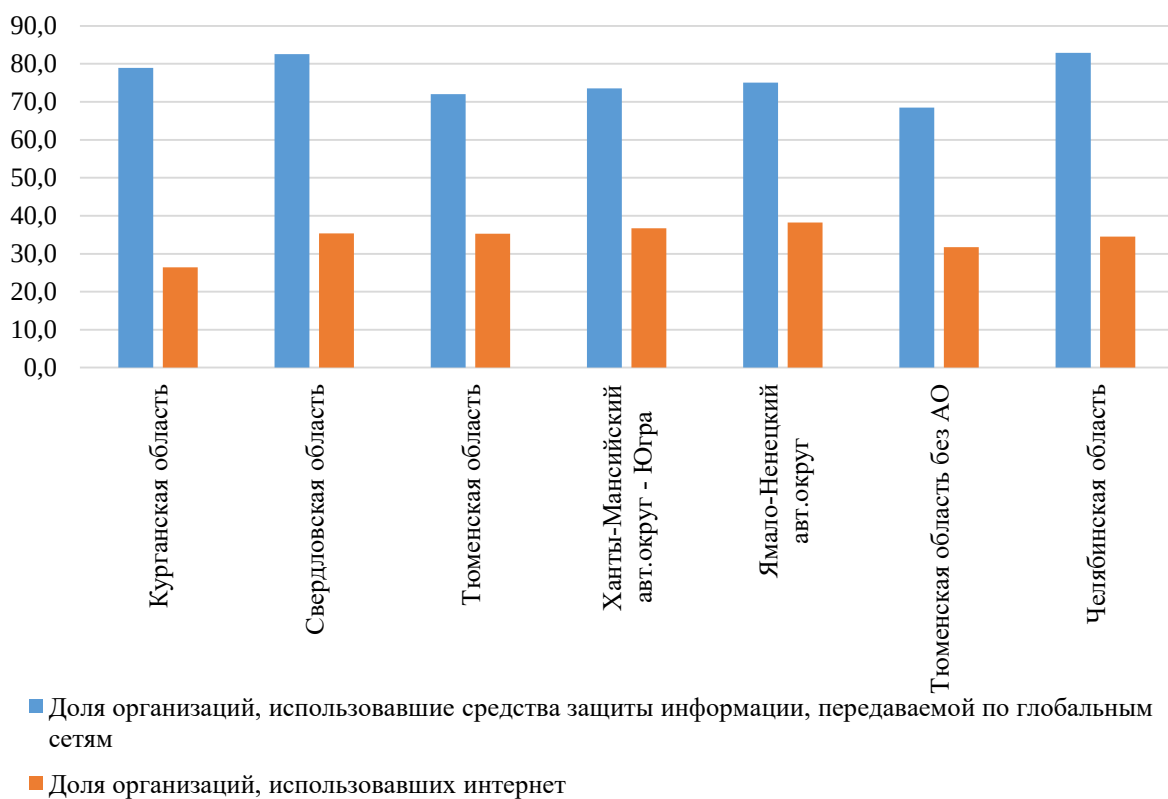

Рис. 3.52. Уральский федеральный округ: «доля организаций, использовавших средства защиты информации»

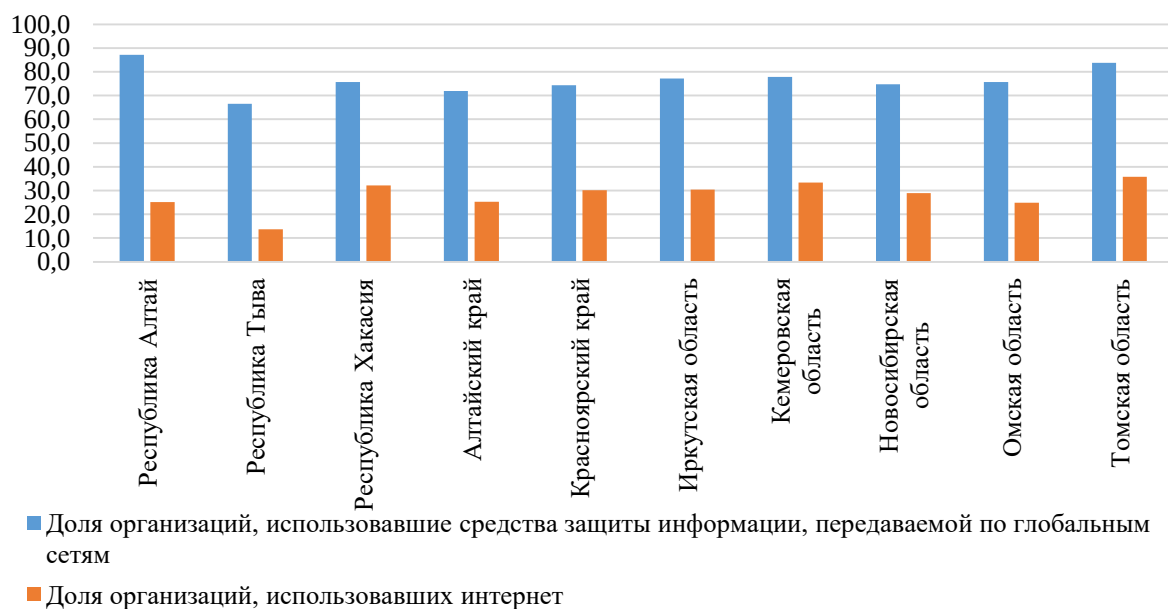

Рис. 3.53. Сибирский федеральный округ: «доля организаций, использовавших средства защиты информации»

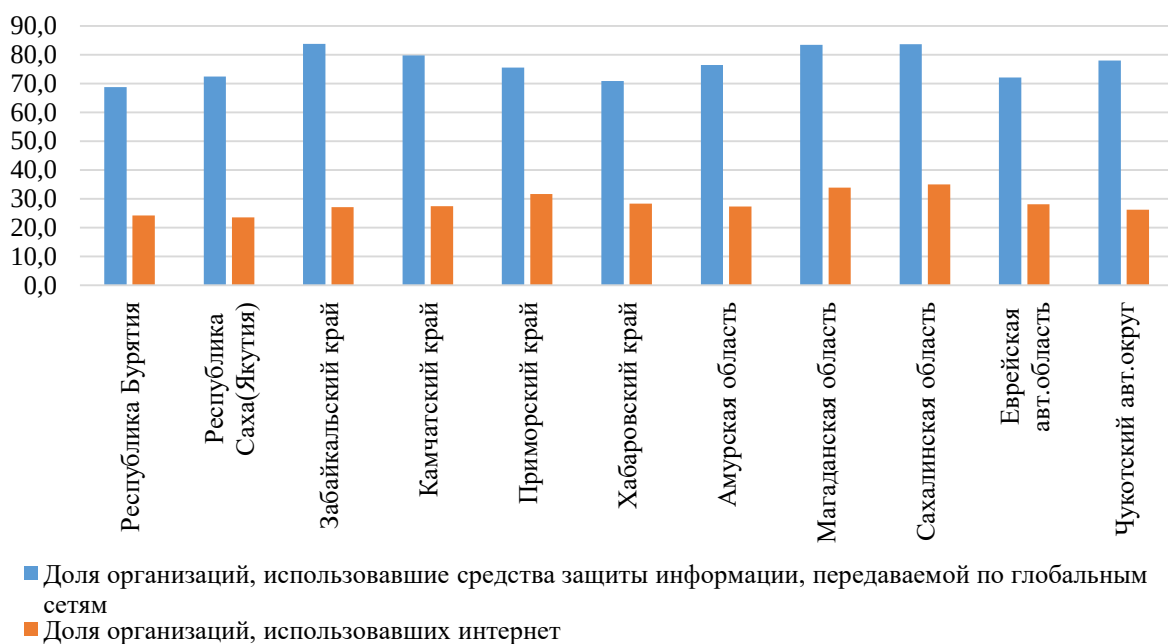

Рис. 3.54. Дальневосточный федеральный округ: «доля организаций, использовавших средства защиты информации»

Бизнес-модели цифровой экономики, выступая основой новой промышленной политики, вызывают потребность в серьезных изменениях современной экономической системы, экономических законов и принципов. Важную роль среди них приобретает изменение факторов и угроз экономической безопасности на всех уровнях экономики, обуславливают потребность в создании новых аналитических механизмов.

Цифровизация и бизнес-модели индустрии 4.0. оказывают неоднозначное влияние на параметры экономической безопасности. Глобальная информационная инфраструктура финансовой системы представляют угрозу для экономической безопасности страны, а глобальная конкуренция за кадры высшей квалификации представляет угрозу для национального человеческого капитала. К факторам цифровой экономики, оказывающих положительное влияние на экономическую безопасность, относится влияние цифровизации на социальную сферу и качество жизни населения. При этом финансовая и правовая грамотность населения становятся уязвимыми. Цифровые платформы трансформируют параметры экономической безопасности на мезо уровне, одновременно привнося глобальную конкуренцию на региональные рынки. Проблемы защиты данных и информации как элементов бизнес-моделей Индустрии 4.0 формируют новые виды угроз экономической безопасности на микроуровне, а новые способы получения и обработки информации (Big Data, Data Mining, Business Intelligence) представляют новые возможности для внедрения риск ориентированных подходов для ее обеспечения.

Структурные изменения российской экономики, диктуемые цифровой трансформацией, не должны ограничиваться только внедрением цифровых технологий в основные и вспомогательные бизнес-процессы хозяйствующих субъектов. Необходима трансформация цифровой институциональной среды, создание новых стандартов и механизмов обеспечения экономической и информационной безопасности. При этом необходимо учитывать не просто рост влияния информационных факторов и угроз, но и региональную дифференциацию организаций по значимости, уделяемой этим факторам в обеспечении экономической безопасности.

Библиографический список по главе 3

1. «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» (утв. Минфином России). – М.: Минфин России, 2021. – 75 с.
2. «Создание лучшего будущего». Годовой отчет МВФ 2021 года. МВФ, 2021. – 74 с.
3. Arthur Cassidy. Cyberpsychology: The dangers of Internet and gadget addiction. URL: <https://www.middleeastmedicalportal.com/cyberpsychology/>.
4. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. – Third Edition. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993.
5. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy, Vol. 70, №5, Part 2, 1962. – P. 9–49.
6. Becker, G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Columbia University Press, New York, 1964. – 187 p.
7. Bhaskar Chakravorti and Ravi Shankar Chaturvedi. Digital planet. How competitiveness and trust in digital economies vary across the world. The Fletcher School, Tufts University July 2017. URL: https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2020/03/Digital_Planet_2017_FINAL.pdf.
8. Blaug M. Economics of Education and the Education of an Economist. – New York, 1987.
9. BP Statistical Review of World Energy 2010 // BP Global. URL: http://www.bp.com/liveassets/bp_internet/global.
10. Collier P. Natural Resources, Development and Conflict: Channels of causation and Policy Interventions // World Bank, April 28, 2003.
11. Cost of a Data Breach Report 2021. URL: <https://www.ibm.com/security/data-breach/>.
12. Cris Rowan. Virtual Child: The terrifying truth about what technology is doing to children. Sunshine Coast Occupational Therapy Inc., 2010.

13. Custers P. The Tasks of Keynesianism Today: Green New Deals As Transition Towards a Zero Growth Economy? // New Political Science. – 2010. – Vol. 32 (2).
14. Declaration on Green Growth. OECD, 25 June 2009; Green Growth: Overcoming the Crisis and Beyond / OECD. 2009; Sustainable Development and Eco-innovation: Towards a Green Economy. OECD Policy Brief, June 2009; Promotion of Green Industry for Green Growth / UN ESCAP. Background Paper. August 2009. URL: <https://www.oecd.org/env/44077822.pdf>.
15. Department of Economic and Social Affairs United Nations. E – Government Development Index. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/publication/2020-united-nations-e-government-survey>.
16. Doing Business Doing Business 2020 Comparing Business Regulation in 190 Economies 2020. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/688761571934946384/pdf/Doing-Business-2020-Comparing-Business-Regulation-in-190-Economies.pdf>.
17. Dotcom Bubble Definition [Electronic resource]. URL: <https://www.investopedia.com/terms/d/dotcom-bubble.asp>.
18. Euler Hermes ухудшила рейтинги риска для 18 стран и 126 секторов. URL: https://www.eulerhermes.com/ru_RU/latest-news/euler_hermes_country_ratings_downgrade.html.
19. Grossman, Gene M. and Helpman, Elhanan, Trade, Knowledge Spillovers, and Growth (October 1990). NBER Working Paper No. w3485, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=226691>.
20. Gylfason, T. Natural resources, education and economic development // CEPR Discussion Paper 2594, 2000.
21. <http://government.ru/>.
22. <http://kremlin.ru/acts/bank/41919>.
23. <https://blogs.microsoft.com/ai/all-hands-on-deck-how-duke-university-and-ai-for-health-raced-to-create-a-covid-19-solution-for-patients>.
24. <https://digital.ac.gov.ru/>.
25. <https://rosstat.gov.ru/>.
26. https://rosstat.gov.ru/labour_force
27. <https://www.fedstat.ru/>.
28. HuaweiGlobal Connectivity Index. URL: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/>.
29. ICT Development Index 2020: A proposal. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/events/egti2020/IDI2020_BackgroundDocument_20200903.pdf.
30. Kahan, Arcadius. Russian economic history: the nineteenth century / Arcadius Kahan; edited by Roger Weiss. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – 244 p.
31. Kimberley S. Caught in the Net: How to Recognize the Signs of Internet Addiction and a Winning Strategy for Recovery. Wiley, 1998. – 256 p.

32. Klaus Schwab. The Fourth Industrial Revolution. World Economic Forum, 2016. – 172 p.
33. Lipietz A. Fears and hopes: The crisis of the liberal-productivist model and its green alternative // Capital & Class. – 2013. – Vol. 37(1). – P. 127–141.
34. Makiela K. and Misztur T. Going Green versus Economic Performance // Engineering Economics. – 2012. – Vol. 23(2). – P. 137–143.
35. Manfred Spitzer. Digitale Demenz: wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen», München: Droemer, 2012.
36. Marchenko, L., Podgornaya V., Bashlakova V., Suvorova A. TOWARDS A GREEN ECONOMY: THE REPUBLIC OF BELARUS Published Online: 05 Aug 2021 / Management Theory and Studies for Rural Business and Infrastructure Development eISSN 2345-0355. – 2021. – Vol. 43, №1. – C. 288 – 297. DOI: <https://doi.org/10.15544/mts.2021.11>.
37. Morgan, J. A Simple Explanation Of 'The Internet Of Things'. URL: <https://www.forbes.com/sites/jacobmorgan/2014/05/13/simple-explanation-in-ternet-things-that-anyone-can-understand/#4e7054191d09>.
38. Nanto, D.K. Economics and National Security: Issues and Implications for U.S. Policy. URL: <http://fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdf>
39. Natural resources and violent conflict: options and actions. // Eds. Ian Bannon and Paul Collier. World Bank, 2003.
40. Negroponte, N. Being Digital / N. Negroponte. – New York, Alfred A.Knopf, 1995. – 243 p.
41. OECD / Oslo Manual 2018 Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation, 4th Edition. URL: <https://www.oecd.org/science/oslo-manual-2018-9789264304604-en.htm>.
42. Pearce D. W. Markandya A. and Barbier E. R. Blueprint for a Green Economy. London. Earthscan Publications Ltd. 1989.
43. Rebound in Clean Energy Investment in 2014 Beats Expectations // Bloomberg New Energy Finance. – 2015. URL: <http://about.bnef.com/press-releases/rebound-clean-energy-investment-2014-beats-expectations/> (дата обращения: 25.01.2017).
44. Sachs J., Warner A. The Curse of Natural Resources // European Economic Review. – 2001. – Vol. 45.
45. Sachs J.D., Warner A.M. Natural resource abundance and economic growth // NBER Working Paper 5398. – 1995.
46. SADC renewable energy and energy efficiency: Status report. – 2015. – 96 p. URL: http://www.ren21.net/wp-content/uploads/2015/10/REN21_SADC_Report_web.pdf. (дата обращения 23.01.2022)
47. Samuelson, P. A. International Trade and Equalisation of Factor Prices // The Economic Journal. – 1948. – Vol. 58, №230. – P. 163–184.
48. Schmalensee R. From «Green Growth» to sound policies: An overview // Energy Economics. 2012. – S2–S6. – Vol. 34.
49. Schultz T.W. Investment in Human Beings. – Chicago: University of Chicago Press, 1962.

50. Schultz T.W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. – New York: Free Press, 1971.
51. Soumitra Dutta and Bruno Lanvin The Network Readiness Index 2019: Towards a Future-Ready Society. URL: <https://networkreadinessindex.org/wp-content/uploads/2020/03/The-Network-Readiness-Index-2019-New-version-March-2020.pdf>.
52. Sue Palmer. Toxic Childhood: How The Modern World Is Damaging Our Children And What We Can Do About It. Orion Publishing Co, 2007. 464 p.
53. Susan Greenfield. Mind Change. How digital technologies are leaving their marks on our brains». Random House, 2014. – 384 p.
54. Susan Rich Sheridan. A theory of multiple literacies. copyright 2000 SRS. Цит. по: URL: <http://www.drawingwriting.com/multlit.pdf>.
55. Tapscott, D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D. Tapscott. – New York, McGraw-Hill, 1995. – 342 p.
56. The Future is Coming (PwC). URL: <https://www.pwc.ru/en/publications/cities-readiness-rating.html>.
57. The Global Risks Report 2021, 16th Edition, is published by the World Economic Forum. URL: <https://www3.weforum.org>.
58. The World Bank / Medium and high-tech Industry (including construction) (% manufacturing value added). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.MNF.TECH.ZS.UN?view=chart>.
59. Thee-Estonia Briefing Centre. The National Cyber Security Index. URL: <https://ncsi.ega.ee/ncsi-index/>.
60. Theo Compennolle. Zo haal je meer uit je brein: Efficiënter en creatiever werken in een hyperverbonden multitaskende wereld Lannoo Publishers, 2018. – 160 p.
61. UNDESA. A guidebook to the Green Economy. 2012. – UDL: <https://sdgs.un.org/> (дата обращения 22.01.2022).
62. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России – 2019 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_36/Main.htm.
63. Watkins M.H. A Staple Theory of Economic Growth // Canadian Journal of Economics and Political Science. – 1963. – Vol. 29.
64. WEF The Global Competitiveness Report 2019. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Competitiveness_Report2019.pdf.
65. Woodhall M. Student Loans in Developing Countries: Feasibility, Experience and Prospects for Reform // Higher Education. – 1992. – №23 (4). – P. 347–356.
66. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1994. – №12. – С. 4–13.
67. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1994. – №12.

68. Абдуллин, А.Г. Самоопределение и самореализация молодежи России: социально-нравственные и психолого-педагогические аспекты проблемы / А.Г. Абдуллин, В.В. Лихолетов, И.Г. Рябова // Интеграция образования. – 2021. – Т. 25. – №3. – С. 440–462.
69. Абрамов В.Л. Инвестиционное сотрудничество государств – членов ЕАЭС как ключевой фактор их устойчивого развития / Абрамов В.Л., Алексеев Н.В. // Финансовый журнал, 2016. – №4. – С. 30–36. URL: <http://elib.fa.ru/art2016/bv2279.pdf> (дата обращения 23.01.2022).
70. Аванскова, Я.В. Понятие и особенности обеспечения экономической безопасности на предприятии / Аванскова, Я.В. // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития: материалы VI Международной научно-практической конференции (19 февраля 2020 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020.
71. Авдеева, Е.С., Еризко, В.В. Цифровая трансформация в экономике // Россия: тенденции и перспективы развития / Е.С. Авдеева, В.В. Еризко. – 2018. – №13-1.
72. Авдийский, В.И. Методологии определения пороговых значений основных (приоритетных) факторов рисков и угроз экономической безопасности хозяйствующих субъектов / В.И. Авдийский, В.К. Сенчагов // Экономика. Налоги. Право. – 2014. – №3. – С. 73–78.
73. Александрова, И.Э. Гигиенические основы оптимизации учебного процесса в условиях школьной цифровой среды: автореф. дис ... д-ра мед. наук / И.Э. Александровна. – М.: РНИУ им. Н.И. Пирогова., 2018. – 45 с.
74. Аналитики: на достижение докризисного уровня мировой экономике потребуется три-четыре года [сайт]. URL: <https://news.finance.ua/ru/news/-/193802/analitiki-na-dostizhenie-dokrizisnogo-urovnya-mirovoj-ekonomike-potrebuetsya-tri-chetyre-goda>.
75. Антипова, О.Н. Платформы как многосторонние рынки эпохи цифровизации / О.Н. Антипова // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №3. – С. 12–19.
76. Баканов Д.В. Рост национальной конкурентоспособности как фактор обеспечения экономической безопасности России: автореф. дис ... канд. экон. наук / Д.В. Баканов. – СПб.: СПбГУЭФ, 2011. – 20 с.
77. Балашова, Е.Ю. Нейропсихологическая диагностика. Классические стимульные материалы / Е.Ю. Балашова, М.С. Ковязина. – М.: Генезис, 2021. – 84 с.
78. Балынин, И.В. Ключевые вызовы цифровой экономики / И.В. Балынин // Международная научная конференция «Национальная экономическая безопасность: потенциал развития и вызовы цифровой экономики»: сборник тезисов / под ред. А. А. Пороховского, С. В. Кайманакова. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019.

79. Банк России. Производительность в промышленности: факторы роста. Аналитическая записка. Ноябрь 2019 г. – С. 20. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/90569/analytic_note_20191125_dip.pdf.

80. Баранников К.А. Формирование экономической и бизнес компетенции учащихся учреждений среднего профессионального образования и их влияние на экономическую безопасность личности: автореф. дис ... канд. пед. наук / К.А. Баранников. – М.: ИУО РАО, 2009. – 23 с.

81. Барчук, И.Д. Современные аспекты безопасности и активизации инновационной деятельности: проблемы и решения / И.Д. Барчук, О.А. Масленникова // Известия ОГАУ. – 2013. – № 1(39). – С. 122–125.

82. Башорина О. В., Тёмкина И. М. Переход к «зеленой» экономике как фактор устойчивого развития и преодоления бедности: международный и региональный аспекты // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2012. – №6. – С. 49–60.

83. Бережная, Н.Ю. Поколение NEXТ: психологические особенности / Н.Ю. Бережная // Культура и образование. – Апрель 2015. – №4 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/04/3270>.

84. Бобешко, Е.В. Проблемы и перспективы развития отечественного дополнительного профессионального образования / Е.В. Бобешко // NovaInfo, 2016. – №54. – С. 209–214. – URL: <https://novainfo.ru/article/8477> (дата обращения: 20.02.2022).

85. Бойцова, Е.Ю. Проблемы антимонопольного регулирования цифровых корпораций/ Е.Ю. Бойцова // Международная научная конференция «Национальная экономическая безопасность: потенциал развития и вызовы цифровой экономики»: сборник тезисов / под ред. А.А. Пороховского, С.В. Кайманакова. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019.

86. Борисова, И. Ударная шестилетка. За какими специальностями студенты идут в магистратуру / И. Борисова // Российская газета. – 2017. – вып. №58(7224). URL: <https://rg.ru/2017/03/20/v-rossii-stanet-vostrebovana-zaochnaia-magistratura.html>

87. Бородина, В.А. Читательское развитие личности: теоретико-методологические аспекты: автореф. дис ... д-ра пед. наук / В.А. Бородина. – СПб.: СПбГУКИ, 2007. – 44 с.

88. Боченкова А.С., Телкова К.И., Вираг А.С. и др. Контрафакт как питательная среда экономической безопасности // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: сб. ст. по мат. XXXV междунар. студ. науч.-практ. конф. – №8(35). URL: [http://sibac.info/archive/economy/8\(35\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/8(35).pdf).

89. Бояхчян Р.А. Проблемы дошкольного образования // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2017. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2017/10/15345>.

90. Буйлова, Л.Н. Современные проблемы развития дополнительного образования детей в контексте идей непрерывного образования / Л.Н. Буйлова. URL: <https://dopobraz-karelia.ru/index.php/pedagogam/biblioteka-pedago-ga-dopolnitelnogo-obrazovaniya/39-sovremennye-problemy-razvitiya-dopolni-telnogo-obrazovaniya-detej-v-kontekste-idej-nepreryvnogo-obra-zovaniya>.

91. Ворожевич, А.С. Пересечение прав на товарные знаки, произведения и промышленные образцы // Журнал Суда по интеллектуальным правам, № 18, декабрь 2017 г. – С. 45–57.

92. Втюрин, В.А. История и методология науки и производства в области автоматизации: учебное пособие по направлению 220700 «Автоматизация технологических процессов» / В.А. Втюрин. – СПб: Издательство ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова» (СПбГЛТУ), 2011. – 126 с.

93. Генералова, Г.Г. Институциональная роль образования в обеспечении экономической безопасности региона: автореф. дис ...канд. экон. наук / Г.Г. Генералова. – Кострома: КГУ, 2000. – 19 с.

94. Гиренок, Ф.И. Клиповое сознание / Ф.И. Гиренок. – М.: Академический проект, 2014. – 249 с.

95. Глазьев, С.Ю. Безопасность экономическая / С.Ю. Глазьев // Политическая энциклопедия. – Т. 1. – М.: Мысль, 1999.

96. Глобальный индекс доверия McKinsey. URL: <http://www.mckinseyquarterly.com/>.

97. Голобородько, А.Ю. Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России: автореф. дис ... д-ра полит. наук / А.Ю. Голобородько. – Ростов-на-Дону: РАН-ХиГС, 2016. – 47 с.

98. Голова, И.М., Суховой А.Ф. Формирование инновационной составляющей экономической безопасности региона / И.М. Голова // Экономика региона. – 2017. – №13(4). – С. 1251–1263.

99. Голованов, В.П. Развитие полисферности дополнительного образования детей: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В.П. Голованов. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2006. – 53 с.

100. Головкин, В.А. Нейросетевые технологии обработки данных / В.А. Головкин, В.В. Краснопрошин – Минск: республиканское унитарное предприятие «Издательский центр Белорусского государственного университета», 2017. – 265 с.

101. Горбунова, В.Б. Современные тенденции развития научнотехнической безопасности территорий / В.Б. Горбунова // Балтийский экономический журнал. – 2020. – №2(30). – С. 39–45.

102. Горочная, В.В. Инновационная безопасность региона в условиях геоэкономической турбулентности: динамический подход к оценке на при-

мере Ростовской и Калининградской областей / В.В. Горочная, А.С. Михайлов, А.А. Михайлова // Вопросы инновационной экономики. – 2020. – Т. 10. – №1. – С. 291–306. – DOI 10.18334/vines.10.1.41539.

103. ГОСТ Р 43.0.8-2017. Информационное обеспечение техники и операторской деятельности искусственно-интеллектуализированное человеко-информационное взаимодействие.

104. ГОСТ Р 51901.22-2012. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Реестр риска. Правила построения.

105. ГОСТ Р 58771-2019. Национальный стандарт Российской Федерации менеджмент риска. Технологии оценки риска. Risk management. Risk assessment technologies. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200170253>

106. ГОСТ Р 59277-2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта.

107. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)», утверждена постановлением Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. №313.

108. Грабова, О.Н. Цифровая собственность и новые экономические отношения / О.Н. Грабова, А.Е. Суглобов // Финансы: теория и практика. – 2019. – №6 (114). – С. 50–62.

109. Гражданский кодекс РФ. Режим доступа: www.consultant.ru/

110. Григорьев, Ю.Г. Рейкьявик. Обращение. Беспроводные технологии в школах / Ю.Г. Григорьев // Гигиена и санитария. – 2017. – Том 96, №8. – С. 788.

111. Гринин, Л.Е. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъёмов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. Изд. 3. / Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев // М.: URSS, 2017. – 336 с.

112. Гринспен, А. Карта и территория. Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования. / А. Гринспен // М.: Альпина Паблишер, 2021. – 412 с.

113. Грязнова, Е.В. Дошкольное образование: проблемы в современной России / Е.В. Грязнова, Т.А. Козлова, Ю.В. Тихоненко, Т.В. Курочкина // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2020. – Т.9, №2(31). – С.118–120.

114. Гумерова, Г.И. Влияние Индустрии 4.0 на поведение потребителей и ведение бизнеса / Г.И. Гумерова, Е.И. Татар // Экономический вектор. – 2020. – №4(23). – С. 63–67.

115. Гурвич Е.Т. Долгосрочные тренды пенсионной политики в мире // Финансовый журнал. – 2019. – №6. – С. 9–26. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-6-9-26 <http://www.eeg.ru/files/lib/2019/26122019.pdf>.

116. Давыденко Е.А. Интеграционные процессы в ЕАЭС в контексте устойчивого развития // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 5. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2022. – С. 399–404.

117. Двуличанская, Н.Н. Бакалавриат в техническом университете: проблемы и пути их решения / Н.Н. Двуличанская, Г.Н. Фадеев // Высшее образование в России. – 2018. – Том. 27, №3. – С. 96–103.
118. Демура, Н.А. Цифровизация как необходимое условие экономического развития России и регионов/ Н.А. Демура, Л.И. Ярмоленко, Е.Ю. Кажанова // Экономика устойчивого развития. – 2019. – №2(38). – С. 126–130.
119. Деревцова, И.В. Проблема цифрового неравенства регионов России как угроза экономической безопасности / И.В. Деревцова, Я.А. Внукова, Е.А. Головащенко, Д.Д. Денисевич// Baikal Research Journal. – 2021. – Т. 12, №2. DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(2).20.
120. Дмитриев, С.С. Протекционистский вектор торговой политики администрации Трампа / С.С. Дмитриев // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – №2. – С. 15–23.
121. Дончевская, Л.В. Особенности российской модели экономической безопасности регионов. / Л.В. Дончевская, О.В. Фролова // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития [Электронный ресурс]: материалы VI Международной научно-практической конференции (19 февраля 2020 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2020. – С. 143–147. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/economicheskaya-bezopasnost-2019.pdf>.
122. Дробышева, Е.А. Современное состояние и проблемы развития среднего профессионального образования в России / Е.А. Дробышева // Молодой ученый. – 2019. – №36 (274). – С. 35–36.
123. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/default.aspx.
124. Евразийская экономическая комиссия. DOI: <https://eec.eaeunion.org/>.
125. Егеров, С.В., Субботин А., Ареф С. Утечка мозгов и прирост мозгов в России: анализ международной миграции исследователей по дисциплинам с использованием библиометрических данных базы данных Scopus за 1996–2020 гг. реф. ст.: Subbotin A., Aref S. brain drain and brain gain in Russia: analyzing international migration of researchers by discipline using Scopus bibliometric data 1996–2020 // 2020 - arXiv preprint. - arXiv:2008.03129 / С.В. Егеров // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 8: Науковедение. Реферативный журнал. – 2021. – №1. – С. 169–179.
126. Ерошин, В.И. Образование как фактор обеспечения экономической безопасности / В.И. Ерошин // Наука и школа. – 2017. – №4. – С. 33–41.
127. Зависимость от гаджетов и номофобия: как взять свою жизнь под контроль. URL: <https://lala.lanbook.com/zavisimost-ot-gadzhetov-i-nomofobiya-kak-vzyat-svoyu-zhizn-pod-kontrol>.

128. Загашвили, В.С. Международная торговля после пандемии COVID-19 / В.С.Загашвили // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №10. – С. 15–23.

129. Заключение Временной комиссии Совета Федерации по расследованию причин, обстоятельств и последствий дефолта 1998 г. URL: <https://polit.ru/article/1999/05/25/463057/>.

130. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. №2446-I «О безопасности» (с изм. и доп.) (утратил силу). Режим доступа: <https://base.garant.ru/10136200/>.

131. Золотарева О.А., Давлетина Л.А. 5 лет Евразийской интеграции: статистика достижений и проблем развития (социально-гуманитарный аспект) // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. – М., 2020. – С. 170–175.

132. Иваньковский, С.Л. Направления решений кадровых проблем российского рынка труда для создания инновационной экономики / С.Л. Иваньковский, О.А. Шагалова // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: Материалы Международной научно-практической конференции в рамках III Всероссийского научного форума «Наука будущего – наука молодых». В 2-х томах, Нижний Новгород, 14–15 сентября 2017 года / Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. – Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2017. – С. 771–778.

133. Ильина, И.Е. Современные тенденции развития подготовки кадров высшей квалификации в России / И.Е. Ильина // Управление наукой и наукометрия. – 2013. – Вып. 13. – С. 159–172.

134. Индекс привлекательности оффшорного размещения. URL: <http://www.atkearney.com/main.taf>.

135. Индикаторы инновационной деятельности: 2021. Статистический сборник / Л.М. Гохберг, Г.А. Грачева, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2021. – 280 с.

136. Инновационные преобразования как императив экономической безопасности региона: система индикаторов / В.К. Сенчагов, Ю.М. Максимов, С. Н. Митяков, О. И. Митякова // Инновации. – 2011. – №5(151). – С. 56–61.

137. Капелюшников, Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р.И. Капелюшников. – М.: ВШЭ, 2012. – 76 с.

138. Кармаева, Н.Н. Неэкономические эффекты дополнительного профессионального образования для российских работников / Н.Н. Кармаева, А.Б. Захаров // Экономическая социология. – 2021. – Том. 22. – №2. – С. 81–108.

139. Кеннеди, Джон Ф. Профили мужества / Пер. с англ. Э.А. Иваняна. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 328 с.

140. Кириченко, Э.В. Контроль США над международными каналами трансферта технологий: вызовы, механизмы, тенденции / Э.В. Кириченко // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №7. – С. 89–97.
141. Киселев, О. Н. Синергия инвестиционной и инновационной безопасности в аспекте национальной технологической инициативы / О.Н. Киселева // Основы экономики, управления и права. – 2021. – № 1(26). – С. 51–54. DOI 10.51608/23058641_2021_1_51.
142. Киселева, М.И. Индустрия 4.0: экономические, технико-технологические и управленческие аспекты безопасности / М.И. Киселева // Молодые учёные России: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Пенза, 12 июня 2020 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 124–127.
143. Климов, Д.В. Тенденции обеспечения экономической безопасности Российской Федерации на современном уровне. / Д.В. Климов // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития [Электронный ресурс]: материалы VI Международной научно-практической конференции (19 февраля 2020 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2020. – С. 171–180. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/economicheskaya-bezopasnost-2019.pdf>.
144. Ключин, П.Н., Маликова О.И. Россия в системе международного разделения труда – взгляд с позиций экономической теории. – М.: Изд. Москва, 2007. – 43 с.
145. Кожевникова Т.М., Тер-Акопов С. Г. «Зеленая экономика» как одно из направлений устойчивого развития // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – №3 (049).
146. Козлова, Г.Г. Влияние индустрии 4.0 на промышленные предприятия / Г.Г. Козлова, Т.А. Арбузова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4-3(55). – С. 23–28.
147. Кокеев, А.А. ФРГ и трансатлантическая стратегия Байдена: нерешенные проблемы и новые вызовы / А.А. Кокеев // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №9. – С. 56–68.
148. Колесникова, И.А. Новая грамотность и новая неграмотность двадцать первого столетия / И.А. Колесникова // Непрерывное образование: XXI век [Электр. журнал]. – 2013. – Вып. 2. – С. 1–14.
149. Колосова, Е.А. Детское чтение в современной России: социальные функции, структура и практики: автореф. дис ... канд. социол. наук / Е.А. Колосова. – М.: РГГУ, 2011. – 24 с.
150. Комплексная оценка риска, Служба бизнес-рисков (BRS). URL: <http://www.beri.com/brs.asp>.
151. Концепция возрождения отечественной традиции детского чтения / Т.В. Кортава, И.Н. Арзамасцева, И.В. Баданина и др. – М.: Изд-во МГУ, 2017. – 143 с.

152. Копытин, И.А. Мировой рынок нефти: пандемия приблизит пик глобального спроса на нефть / И.А. Копытин // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – №9. – С. 26–36.
153. Корнилов, М.Я. Актуальные проблемы теории экономической безопасности. / М.Я. Корнилов // Обеспечение национальной экономической безопасности: новые вызовы и приоритеты: сборник тезисов докладов международной научной конференции / под ред. А.А. Пороховского, С.В. Кайманакова. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. – С. 12–16.
154. Костенко, И.П. Проблема качества математического образования в свете исторической ретроспективы: монография / И.П. Костенко. – М.: ФГБОУ ВПО РГУПС (фил. в г. Краснодаре), 2013. – 501 с.
155. Кочергина, Т.Е. Индексы международных рейтингов как основа определения страновых рисков методами BERI и «цепи Петри» / Т.Е. Кочергина // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. – 2021. – №2 (43). – С. 73–78.
156. Крухмалева, О.В. Современные тенденции в получении образовательных услуг / О.В. Крухмалева // Социологические исследования. – 2001. – №9. – С. 83–88.
157. Кудачев Р.Э. Формирование национальной стратегии человеческого развития в условиях глобальной социально-экономической интеграции: автореф. дис ... канд. экон. наук / Р.Э. Кудачев. – Краснодар: КубГУ, 2011. – 22 с.
158. Кузнецов, А.В. Экономическая устойчивость России в условиях технологических трансформаций / А.В. Кузнецов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2019. – №6 (42). – С. 45–52.
159. Куклин, А.А. Методика диагностики инновационной безопасности региона / А.А. Куклин, А.В. Багряков, Н.Л. Никулина, А.И. Боярских. – Екатеринбург, 2013. – 83 с.
160. Кульков, В.М. Национальная экономическая система как теоретическая основа. исследования и обеспечения безопасности страны / В.М. Кульков // Обеспечение национальной экономической безопасности: новые вызовы и приоритеты: сборник тезисов докладов международной научной конференции / под ред. А.А. Пороховского, С.В. Кайманакова. – М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2020. – С. 16–19.
161. Кучма, В.Р. Здоровье школьников и студентов: новые возможности профилактической медицины в образовательных организациях: монография / В.Р. Кучма, А.М. Кардангушева. – М.: ФГБУ НЦЗД, 2016. – 276 с.
162. Кучма, В.Р. Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID 19) / В.Р. Кучма, А.С. Седова, М.И. Степанова и др. // Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья. – 2020. – №2. – С. 4–23.

163. Ларина, О.И., Морыженкова Н.В. Цифровое развитие регионов: современное состояние и перспективы / О.И. Ларина, Н.В. Морыженкова // Региональная экономика. Юг России. – 2021. – Т. 9, №2. – С. 4–12. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.2.1>.

164. Латова, Н.В. Опоздавшие к третьей образовательной революции (компаративистский анализ человеческого капитала российских специалистов-профессионалов) / Н.В. Латова, Ю.В. Латов // Journal of Institutional Studies. – 2020. – Том 12, №2. – С. 67–85.

165. Лебедев О.Е. Новый взгляд на образовательные стандарты / О.Е. Лебедев // Вопросы образования. – М.: ГУ-ВШЭ, 2011. – №4. – С. 291–305.

166. Лебедев, О.Е. Восемь проблем модернизации содержания школьного образования / О.Е. Лебедев // Народное образование. – 2007. – №7. – С. 142–146.

167. Лебедев, О.Е. Качество – ключевое слово современной школы / О.Е. Лебедев. – СПб.: Просвещение, 2008. – 189 с.

168. Лебедев, О.Е. Теоретические основы педагогического целеполагания в системе образования: автореф. дис ... д-ра пед. наук / О.Е. Лебедев. – СПб.: РГПУ им. А.И. Гарцена, 1992. – 37 с.

169. Лушникова, М.Н. Проблемы современного начального образования в России / М.Н. Лушникова. – <https://infourok.ru/statya-na-temu-problemy-sovremenного-nachalnogo-obrazovaniya-v-rossii-5027252.html>.

170. Лыткина, В.С. Проблемы среднего профессионального образования в современных условиях / В.С. Лыткина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 25. – С. 41–43. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/770493.htm>.

171. Львова, Н.А., Воронова, Н.С. К постановке вопроса об устойчивом развитии финансового рынка ЕАЭС. Проблемы современной экономики, 2018. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=6394> (дата обращения 23.01.2022)

172. Лясковская Е.А. Индустрия 4.0 и устойчивое развитие: от устойчивых бизнес-моделей к цифровой устойчивости / Е.А. Лясковская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. – 2021. – Т. 15, №4. – С. 74–83.

173. Малолетко А.Н. Концепция экономической безопасности развития системы высшего образования России: автореф. дис ... д-ра экон. наук / А.Н. Малолетко. – М.: Моск. университет МВД РФ, 2009. – 42 с.

174. Малышев, Ю.А. Методологические основы оценки экономической безопасности региона: институциональный аспект. / Ю.А. Малышев // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития [Электронный ресурс]: материалы VI Международной научно-практической конференции (19 февраля 2020 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь,

2020. – С. 256–276. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/economicheskaya-bezopasnost-2019.pdf>.

175. Мамедьяров, З.А. Влияние последствий пандемии COVID-19 на мировую экономику и инновационное развитие / З.А. Мамедьяров // *Общественные науки и современность*. – 2021. – №2. – С. 21–35.

176. Марченко Л.Н., Якубович О.В. Статистический анализ экспорта информационных технологий в странах ЕАЭС // *Международный научно-практический журнал «Эпоха науки»*. – 2021. – №28. – С. 209–213. DOI: http://eraofscience.com/EofS/Vypyski2021/28december2021/28-dekabr_2021_g..pdf.

177. Мастепанов А. М. Топливо-энергетический комплекс России на рубеже веков. Состояние, проблемы и перспективы развития. Том 1 / А.М. Мастепанов. – Москва: Энергия, 2009. – 69 с.

178. Международная стандартная классификация образования (утв. на 36 сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 05.10.2011 г.). – Москва, 2011, п. 12.

179. Миркин, Я.М. Финансовое будущее России. Экстремумы, бумы, системные риски / Я.М. Миркин // М: Гелеос, 2011. – 496 с.

180. Модель оценки и оценка страновых рисков. Страновой индекс (CREAM). URL: <http://www.exclusive-analysis.com>.

181. Мороз, Е.Ф. Система образования России – стратегический фактор эффективного обеспечения национальной безопасности: социально-философский аспект: дис ...д-ра филос. наук / Е.Ф. Мороз. – Красноярск: СГАКУ им. акад. М.Ф. Решетнёва, 2017. – 335 с.

182. Мусина, Д.Р. Цифровизация регионов: методы оценки/ Д.Р. Мусина, А.В. Янгиров, С.И. Насырова // *Вестник УНГТУ. Наука, образование, экономика*. – 2020. – №1(31). – С. 32–38.

183. Невская, Н.А. Влияние технологий на трансформацию рынков и борьба за мировое промышленное лидерство / Н.А. Невская // *Вестник НГИЭИ*. – 2020. – №12 (115). – С. 58–68.

184. Некрасов, С.Н. Воспитание патриотизма в системе образования взрослых как фактор национальной безопасности России / С.Н. Некрасов, И.И. Джолиев, Д.С. Сосновских // *Аграрное образование и наука*. – 2017. – №4. URL: http://cdo.urgau.ru/images/2017/04/15_04_2017.pdf.

185. Некрасов, С.Н. Как образовывать взрослых. Андрагогика неоиндустриализма как наука будущего / С.Н. Некрасов. – Екатеринбург: УрГСХА, 2010. – 344 с.

186. Николаева, Е.А. Роль высшего профессионального образования в обеспечении долгосрочной экономической безопасности Российской Федерации / Е.А. Николаева, И.А. Строганов, И.И. Строганова, Я.Б. Адасова // *Экономические науки*. – 2019. – № 6(175). – С. 73–77.

187. Никонорова, А.В. Тенденции в развитии технологий и их влияние на управление промышленными предприятиями / А.В. Никонорова // Вестник университета. Государственный университет управления. Москва. – 2021. – №3. – С. 112–118.

188. Никулин, Н.Н. Безопасность национальной экономики в условиях глобализации. / Н.Н. Никулин // Обеспечение национальной экономической безопасности: новые вызовы и приоритеты: сборник тезисов докладов международной научной конференции / под ред. А.А. Пороховского, С.В. Кайманакова. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. – С. 27–31.

189. О системе управления реализацией программы «Цифровая экономика Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/35964/>.

190. Ондаш, О.А. Проклятие природных ресурсов // Вестник КазНУ. Серия экономическая. – 2011. – №6(88). – С. 6–8.

191. Отражение странового риска в рейтингах. URL: https://bstudy.net/704238/ekonomika/otrazhenie_stranovogo_riska_reytingah

192. Официальный сайт «Microsoft». Режим доступа: <https://blogs.microsoft.com/ai/all-hands-on-deck-how-duke-university-and-ai-for-health-raced-to-create-a-covid-19-solution-for-patients>.

193. Официальный сайт Банка России. Режим доступа: <https://www.cbr.ru/fintech>.

194. Официальный сайт мультимедийного холдинга ПАО «РБК». Режим доступа: <http://rbc.ru>.

195. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: www.gks.ru.

196. Павловская, О.Ю. К вопросу о профессиональном обучении и дополнительном профессиональном образовании безработных и незанятых граждан / О.Ю. Павловская. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/87773-voprosu-professionalnom-obuchenii-dopolnitelnom-professionalnom-obrazovanii-bezrabotnykh>.

197. Паркер, Д. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику – и как их заставить работать на вас / Д.Паркер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 304 с.

198. Пашковская Е.Г. Цифровая трансформация деятельности субъектов малого бизнеса в контексте экономической безопасности. Экономика и управление. 2021;27(8):654-666. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2021-8-654-666>.

199. Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: <https://pfr.gov.ru/>.

200. Перспективы мировой экономики. URL: https://www-imf-org.translate.google.com/en/Publications/WEO?page=3&_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc.

201. Пименов, В.В., Шафранский, П.К. Экономическая и информационная безопасность в условиях цифровой трансформации: инструменты и механизмы по их нейтрализации/ В.В. Пименов, П.К., Шафранский // ИБР. – 2018. – №1 (30).
202. Питрон, Г. Третья цифровая война: энергетика и редкие металлы / Г. Питрон; пер. с французского Е.Харханова и Л.Боровиковой. – М: Издательство АСТ, 2021. – 320 с.
203. Плотников, Н.В. Национальная и экономическая безопасность высшего образования: вопросы теории и практики: монография / Плотников Н.В. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – 262 с.
204. Подоба, З.С. «Эффект колей» во внешнеторговом сотрудничестве Японии и США / З.С. Подоба, В.В. Горшков // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №11. – С. 31–39.
205. Попов, А. Не надо стесняться сырьевой специализации / Expert. – 2013. – № 44. – С. 22. URL: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/37384212>.
206. Попов, Е.В. Цифровизация интеллектуальной деятельности российских регионов / Е.В. Попов, В. Стриелковски, М.В. Власов // Управленец. – 2020. – Т. 11, №1. – С. 24–32. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-1.
207. Порфирьев Б. Н. «Зеленая» экономика: реалии, перспективы и пределы роста / М.: Московский Центр Карнеги, 2013.
208. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда по делу №А41-3873/21 от 27 января 2022 года.
209. Постановление Правительства Российской Федерации от 03.05.2019 №551 (ред. от 19.12.2019) «О государственной поддержке программ деятельности лидирующих исследовательских центров, реализуемых российскими организациями в целях обеспечения разработки и реализации дорожных карт развития перспективных «сквозных» цифровых технологий».
210. Потеряйко, А. Российская школа будущего: к 2030 году гаджеты вместо учителей / А. Потеряйко. URL: <https://regnum.ru/news/innovation/3467198.html> (30.12.2021).
211. Приказ Росстата от 30.07.2021 №463 (ред. от 17.12.2021) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022).
212. Проблемы экономической безопасности: глобальные и региональные аспекты: монография / под ред. А.В. Карпушкиной. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – 365 с.
213. Рейтинг социально-экономического положения регионов. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html>
214. Рейтинг странового риска (WMRC). URL: http://www.wmrc.com/wma_caf_sample.html.

215. Рейтинг странового риска EIU – (CRM). URL: <http://country.eiu.com/AllCountries.aspx#>.
216. Российский интернет-медиаресурс ООО «Мобитех», СПб. Режим доступа: <https://iot.ru/promyshlennost/k-2026-godu-obem-mirovogo-rynka-ii-resheniy-dlya-promyshlennosti-dostignet-102-2-mlrd>.
217. Российский медиаресурс «Коммерсант». Наркотик государственной важности, Еженедельный Коммерсант от 03.03.2018. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3553643>.
218. Рудь, Е.М. Конкурентоспособность: концептуальные подходы и уровни исследования / Е.М. Рудь // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2021. – Т. 21. – №1. – С. 18–22. DOI 10.18500/1994-2540-2021-21-1-18-22.
219. Савина Т.Н. Угроза экономической безопасности на рынке труда: оценка и прогноз. Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2017. – Т. 13, вып. 11. – С. 2166–2184. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugrozy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-na-rynke-truda-otsenka-i-prognoz/pdf>.
220. Савлучинская, Н.В. Актуальные проблемы учреждений дополнительного образования в современном социокультурном пространстве / Н.В. Савлучинская, А.И. Сухарев // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17407> (дата обращения: 20.02.2022).
221. Сайт Организации экономического сотрудничества и развития (OECD.stat). URL: https://stats.oecd.org/index.aspx?DatasetCode=PDB_LV.
222. Саломасова, Д.А. Влияние системы профессионального образования на экономическую безопасность РФ: автореф. дис ...канд. экон. наук / Д.А. Саломасова. – М.: ГУУ, 2013. – 23 с.
223. Сапрыкин, Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи / Д.Л. Сапрыкин. – М.: ИИЕТ РАН, 2009. – 176 с.
224. Свистунов, В.М. Цифровизация российских регионов: современные особенности и проблемы / В.М. Свистунов, И.Н. Голышкова, В.И. Алешикова, Б.А. Анихин, В.Г. Антонов, Ю.М. Коренко // Инновации и инвестиции. – 2020. – №1. – С. 297–300.
225. Сергеева, М.Г. Современные проблемы и тенденции развития магистратуры в России / М.Г. Сергеева, М.Н. Бурнакин // Казанский педагогический журнал. 2018. – №5. – С. 51–57.
226. Сидоренко Ю.А., Фролов В.Г. Основные условия формирования промышленной политики: проблемы инновационно-инвестиционной сбалансированности // Экономика и предпринимательство, 2015. – №11-1(64).
227. Синицын, М.В. Конец эпохи энергетического угля / М.В. Синицын // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – №11. – С. 40–48.
228. Смолин О.Н. «Образование «живое» и «мертвое»». URL: <https://sov-ross.ru/articles/1656/37898> (06.02.2018).

229. Снегирь, О. Почему в современном мире растет число неграмотных людей / О. Снегирь. URL: <http://ruspravda.info/Pochemu-v-sovremennom-mire-rastet-chislo-negramotnih-lyudey-12894.html>.

230. Соколов, М.М. Нефтегазовые доходы бюджета и их влияние на развитие российской экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – №5. – С. 125–137.

231. Солодкин, Д.Л. Будущее IT-индустрии в России. Анализ технологического прогноза «Российский IT-FORESIGHT» // Университетская книга. – 2011. – №6. – С. 66.

232. Солодкина, Л.А. Управление интеллектуальной собственностью предприятия: новые тенденции // Наука ЮУрГУ. Материалы 70-й научной конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Южно-Уральский государственный университет. – 2018. – С. 130–135.

233. Спартак, А.Н. Современные тенденции и риски в развитии мировой экономики / А.Н. Спартак, В.В. Французов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – №2. – С. 7–24.

234. Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 октября 2021 г. №3052-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399657/ba12a67ff89e1b6581fc0e37a3a6ff38f592f68e.

235. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: <https://base.garant.ru/71672608/>.

236. Стрелец, И.А. Цифровизация мировой торговли: масштабы, формы, последствия / И.А. Стрелец, С.В. Чебанов // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – №1. – С. 15–25.

237. Струмилин, С.Г. Хозяйственное значение народного образования / С.Г. Струмилин. – М. – Л.: Экономическая жизнь, 1924. – 62 с.

238. Сушкова И.А. Формирование инновационного воспроизводства – признак и условие новой индустриализации // Инновационная деятельность. – 2013. – №4 (27). – С. 73–79.

239. Сушкова, И. А. Инновационное воспроизводство как объективная необходимость неоиндустриализации экономики России / И.А. Сушкова // Информационная безопасность регионов. – 2014. – № 4(17). – С. 86–91.

240. Сушкова, И. А. Переход России к неоиндустриальной модели экономического развития в современных условиях / И. А. Сушкова // Информационная безопасность регионов. – 2016. – №4(25). – С. 21–26.

241. Сушкова, И.А. К вопросу анализа и оценки уровня финансовой безопасности / И.А. Сушкова // Экономическая безопасность: государство, ре-

гион, предприятие: Сборник статей III Международной научно-практической конференции, Барнаул, 22 декабря 2017 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; ФГБОУ ВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова». – Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2018. – С. 44–49.

242. Сысоева Е.А. ТР ЕАЭС 048/2019: устойчивое развитие, энергоэффективность и ресурсосбережение // Компетентность / Competency (Russia). – 2020. – №3. DOI: 10.24411/1993-8780-2020-10303.

243. Тарасов, И. В. Индустрия 4.0: понятие, концепции, тенденции развития / И.В. Тарасов // Стратегии бизнеса. – 2018. – №6(50). – С. 57–63.

244. Тарасов, И.В. Технологии индустрии 4.0: влияние на повышение производительности промышленных компаний / И.В. Тарасов // Стратегические решения и риск-менеджмент. – 2018. – №2(105). – С. 62–69.

245. Толкачев, С.А. Индустрия 4.0 и ее влияние на технологические основы экономической безопасности России / С.А. Толкачев // Вестник финансового университета. – 2017. – №1. – С. 86–91.

246. Трофимов О.В., Фролов В.Г., Каминченко Д.И., Захаров В.Я., Павлова А.А. Факторы сбалансированного развития сложных экономических систем производственной сферы и сферы услуг в соответствии с концепцией Индустрия 4.0 // Креативная экономика. – 2018. – Том 12. – №10. – С. 1531–1548.

247. Трофимов, О.В. Направления развития приоритетных высокотехнологичных отраслей в соответствии с концепцией «Индустрия 4.0» / О.В. Трофимов, В.Г. Фролов, С.Л. Иваньковский // Россия, Европа, Азия: цифровизация глобального пространства: Сб. научных трудов III Международного научно-практического форума, Невинномысск, 16–21 ноября 2020 года / Под редакцией И. В. Пеньковой. – Невинномысск: «СЕКВОЙЯ», 2020. – С. 692–695.

248. Трофимов, О.В. Устойчивое и сбалансированное развитие сложных экономических систем в условиях концепции «Индустрия 4.0» / О.В. Трофимов, В.Г. Фролов, С.Л. Иваньковский // Россия, Европа, Азия: цифровизация глобального пространства: Сб. научных трудов III Международного научно-практического форума, Невинномысск, 16–21 ноября 2020 года / Под редакцией И. В. Пеньковой. – Невинномысск: «СЕКВОЙЯ», 2020. – С. 696–699.

249. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». «Национальная стратегия Развития искусственного интеллекта на период до 2030 года».

250. Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ, 15.05.2017, № 20, ст. 2902.

251. Указ Президента РФ от 13.05.2017 №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/.

252. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

253. Усольцев, И.А. Современные критерии оценки изобретательской активности в регионах / И. А. Усольцев // Экономика региона. – 2010. – №3(23). – С. 267–270.

254. Ушакова, Ю.О. Теоретические аспекты сущности четвертой промышленной революции и интернета вещей / Ю.О. Ушакова // Социальное пространство. – 2019. – №2 (19). – С. 3–10.

255. Факторы роста производительности труда на предприятиях несырьевых секторов российской экономики [Текст]: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Ю.В. Симачев (рук. авт. кол.), М.Г. Кузык, А.А. Федюнина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – С. 13. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data>.

256. Федеральная служба государственной статистики. О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266>.

257. Федеральная служба государственной статистики. Рабочая сила, занятость и безработица в России – 2020 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm.

258. Федеральная служба государственной статистики. Старшее поколение. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>.

259. Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force.

260. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 №390-ФЗ (последняя редакция) от 28 декабря 2010 года №390-ФЗ. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/.

261. Федеральный закон от 23.08.1996 №127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О науке и государственной научно-технической политике» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // Собрание законодательства РФ, 26.08.1996, №35, ст. 4137.

262. Федеральный закон от 29.12.2012 г. №273-ФЗ (ред. 30.12.2021 г.) «Об Образовании в Российской Федерации».

263. Фельдман, О.А. Образовательный потенциал системы национальной безопасности России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук / О.А. Фельдман. – М.: РГСУ, 2011. – 44 с.

264. Фельдштейн, Д.И. Глубинные изменения современного Детства и обусловленная ими актуализация психолого-педагогических проблем развития образования / Д.И. Фельдштейн // Вестник практической психологии образования. – 2011. – Том 8. – №1. – С. 45–54.

265. Фитуни, Л.Л. Развивающиеся страны в политической экономике посткоронавирусного мира / Л.Л. Фитуни, И.О. Абрамова // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – №9. – С. 5–14.
266. Франк, Е.В. Высшее образование в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития / Е.В. Франк // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2016. – Вып. 3. – С. 40–41.
267. Фурсова, Д.А. Digital дети. Анализ мифов и реальных проблем / Д.А. Фурсова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – №4(90). – С. 98–106.
268. Фурсова, Д.А. Информационно-коммуникативная среда современной России как культурный фактор детерминации детства: дис ... канд. культурологи / Д.А. Фурсова. – М.: МГИК, 2020. – 201 с.
269. Цапенко М.И. Организационно-экономические основы функционирования среднего профессионального образования в регионе (на примере г. Москвы): автореф. дис ...канд. экон. наук / М.И. Цапенко. – М.: ВГНА Минфина РФ, 2007. – 26 с.
270. Цифровая экономика России. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/>.
271. Чекмарев, В.В. Роль образования в обеспечении экономической безопасности регионов России / В.В. Чекмарев // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana) – 2014. – №4(33). – С. 144–147.
272. Чернова, В.В. Экономическая безопасность региональной системы образования как фактор устойчивого развития регионов: дис ...канд. экон. наук / В.В. Чернова. – Ярославль, 2003. – 189 с.
273. Чеснокова, Т. Мой твоя не понимай / Т. Чеснокова. – <https://www.rosbalt.ru/blogs/2015/07/04/1415168.html>.
274. Чудинова, В.П. Недетские проблемы детского чтения: Детское чтение в зеркале «библиотечной социологии» / В.П. Чудинова, Е.И. Голубева, Н.Н. Сметанникова. – М.: Профессия, 2004. – 152 с.
275. Чудинова, В.П. Функциональная неграмотность – проблема развитых стран / В.П. Чудинова // Социологические исследования. – 1994. – №3. – С. 98–102.
276. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М., Эксмо, 2018. – 288 с.
277. Яковлев, П.П. Риски мировой рецессии в условиях кризиса глобализации / П.П.Яковлев // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – №2. – С. 5–14.

ГЛАВА 4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БИЗНЕСА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АНАЛИЗА

4.1. Белорусский опыт оценки и обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобальных вызовов и шоков

Продолжающийся переход от однополярного к многополярному миру, активное формирование новых центров силы обостряют соперничество государств и конкуренцию моделей их будущего развития. Усиливается роль и влияние средств массовой информации на экономическую, политическую и социальную ситуацию в государствах. Актуализировались проблемы нехватки продовольственных и природных ресурсов, климатических изменений, наркотрафика, торговли людьми, незаконной миграции, распространения эпидемий, вызываемых новыми вирусами.

Является совершенно очевидным, что под влиянием этих гибридных воздействий глобализации современный мир кардинально меняется. Он подвергается разнообразным вызовам и шокам, спектр которых эволюционирует, видоизменяется и приобретает характер реальных или потенциальных угроз. Все это обнаруживает уязвимость безопасности членов международного сообщества и ставит вопрос об организации ими защиты от действия угроз, посягающих на безопасность личности, общества и государства.

Базисом для консолидации защитных усилий государства является программный документ, регламентирующий процессы, обозначаемые терминами «национальная безопасность», «обеспечение национальной безопасности». В Беларуси в роли такого документа выступает Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (2010г) [60]. Эта Концепция призвана обеспечить единство подходов к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Она содержит методологическую основу понимания важнейших категорий процесса и механизма обеспечения национальной безопасности государства.

Так, под национальной безопасностью в Республике Беларусь понимается состояние защищенности национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз.

Национальные интересы Республики Беларусь включают в себя совокупность потребностей государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие белорусского государства.

Угрозы национальной безопасности – потенциальная или реально существующая возможность нанесения ущерба национальным интересам Республики Беларусь. Их наличие формирует такое состояние экономики, при

котором государство не способно контролировать производство и обращение, а также теряет рычаги воздействия на возникающие вызовы, шоки, снижающие потенциал экономической системы, подрывающие существующий политический строй и независимость государства, а также препятствующие реализации национальных интересов.

Реализация национальных интересов требует организации процесса обеспечения национальной безопасности, то есть организации специфической деятельности по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Субъектами обеспечения национальной безопасности являются: государство, осуществляющее свои полномочия через органы законодательной, исполнительной и судебной власти; общественные и иные организации; граждане.

Объектами национальной безопасности являются: 1) личность – ее конституционные права, свободы и законные интересы; 2) общество – его материальные и духовные ценности, система общественных отношений, охраняемых нормами права; 3) государство – его независимость, территориальная целостность, суверенитет, конституционный строй.

Целью обеспечения национальной безопасности является достижение и поддержание такого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который гарантирует устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов.

В Концепции четко обозначены основные потенциальные либо реально существующие угрозы национальным интересам Беларуси [60]:

- посягательство на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь;
- навязывание Республике Беларусь политического курса, не отвечающего ее национальным интересам, вмешательство извне во внутривнутриполитические процессы;
- недостаточная конкурентоспособность экономики Республики Беларусь;
- снижение уровня благосостояния и качества жизни населения;
- дестабилизация национальной финансовой и денежно-кредитной систем, потеря стабильности национальной денежной единицы;
- неспособность возвращать и обслуживать внешний и внутренний долг;
- невозможность гарантированного обеспечения сырьевыми и энергетическими ресурсами в объемах, обеспечивающих намеченный рост ВВП;
- потеря внешних рынков, в том числе в результате дискриминации белорусских производителей;
- отставание от других государств в темпах перехода экономики к передовым технологическим укладам, деградация технологической структуры реального сектора экономики;

- подготовка или осуществление террористических актов на территории либо в воздушном пространстве Республики Беларусь;
- возникновение в Республике Беларусь беспорядков, сопровождающихся насилием либо угрозой насилия со стороны группы лиц и организаций, в результате которых возникает опасность жизни и здоровью людей, независимости, территориальной целостности, суверенитету и существованию государства;
- дезорганизация системы государственного управления, созданием препятствий функционирования государственных институтов;
- возникновение на территории Республики Беларусь либо вблизи ее границ крупномасштабных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, эпидемий;
- незаконное распространение в Беларуси или перемещение через ее территорию оружия массового уничтожения, его компонентов и средств доставки, технологий и оборудования двойного назначения, оружия, боеприпасов, радиоактивных, химических, биологических и других опасных веществ и материалов.

Названные угрозы оказывают (могут оказать) свое негативное воздействие на все виды национальной безопасности: социальную, экологическую, демографическую, политическую, военную, информационную, энергетическую и т.п. Особенно опасно их воздействие на безопасность экономическую. Это обусловлено тем, что все названные выше виды национальной безопасности не могут быть в достаточной степени реализованы без экономического обеспечения. Как показывает мировой опыт, обеспечение экономической безопасности – это гарантия независимости страны, условие стабильности и эффективной жизнедеятельности общества. Поэтому обеспечение экономической безопасности принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов.

Методологические и методические основы понимания и оценки экономической безопасности достаточно изучены такими исследователями как: Никитенко П.Г., Белорусова Н.Л., Безрукова Г.Д., Лобанов М.В., Мясникович М.В., Глазьев С.Ю., Гончаренко Л.П., Можейко А.В. и др. Однако, с учетом постоянного изменения перечня внутренних и внешних угроз, содержания и состояния экономической безопасности, признать эти исследования завершенными не представляется возможным. Большая практическая значимость экономической безопасности и недостаточная ее изученность предопределили выбор нами этой категории в качестве предмета нашего научного исследования и конкретизировали его цель: уточнение сущности экономической безопасности, методических подходов к ее оценке, выявления проблем в этой сфере и определения путей их решения в Республике Беларусь.

В макроэкономике экономическая безопасность – это такое состояние производства в стране, при котором процесс устойчивого развития экономики и социально-экономическая стабильность общества обеспечивается практически независимо от наличия и действия внешних факторов [26]. Экономическая безопасность обеспечивает гарантированную защиту национальных интересов, социальную направленность политики, достаточный оборонный потенциал государства даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов [61].

Экономическую безопасность рассматривают и как систему мер или комплекс экономических, геополитических, правовых и иных условий, направленных на защиту общенациональных интересов в сфере экономики. Мер и условий, которые оказывают регулирующее воздействие и активно противодействуют внешним и внутренним угрозам; обеспечивают защиту жизненно-важных интересов страны; создают внутренний иммунитет и внешнюю защищенность от дестабилизирующих воздействий; обеспечивают конкурентоспособность страны на мировых рынках и устойчивость ее финансового положения; обеспечивают достойные условия жизни и развития личности [30].

Следует отметить, что все приведенные определения сводятся к тому, что экономическая безопасность – это живучесть национальной экономики, достигаемая необходимым противодействием внутренним и внешним угрозам. Такое толкование экономической безопасности распространено еще со времен Ф. Рузвельта и Г. Трумана, которые в 30–40 годах прошлого столетия ввели в деловой оборот категорию «национальная безопасность государства» [12]. В дальнейшем значительный вклад в исследование данной категории внес американский исследователь Г. Моргентау. Он соединил категорию «национальная безопасность» с категорией «национальные интересы», с потребностями общества и человека, обеспечив их социализацию и появление новой категории – экономическая безопасность государства [69]. В настоящее время экономическая безопасность – один из основополагающих интересов современного государства, объект постоянного исследования и мониторинга.

Понимание экономической безопасности как живучести национальной экономики, достигаемой необходимым противодействием внутренним и внешним угрозам, охватывает основные ее сущностные характеристики. Однако, на наш взгляд, такое определение является не полным. Ему не хватает одного важного штриха, указывающего на необходимость предупреждения угроз. Как показывает практика, поддержание устойчивого и сбалансированного развития национальной экономики, требует не только ее ориентирования на необходимое противостояние внутренним и внешним угрозам, но и на возможное предупреждение их возникновения [24]. Нашим вкладом в разработку сущности экономической безопасности является

предложение трактовки этой категории с учетом принципа превентивности принимаемых мер по ее обеспечению.

Угрозы экономической безопасности возникают, обостряются, нивелируются, продуцируя собой реальные или потенциальные проблемы государства. Экономическая безопасность может быть достигнута в том случае, если степень обострения внутренних и внешних вызовов и шоков не превышает некоторого предела, который грозит утратой национального суверенитета, существенным ослаблением военной мощи, значительным снижением уровня и качества жизни населения, либо срывом достижения глобальных стратегических целей стран.

Такой подход к пониманию способа фиксирования параметров экономической безопасности положен в основу белорусской методики ее оценки. Используемая в Республике Беларусь методика оценки экономической безопасности государства основана на следующих важнейших методических приемах:

- 1) установление системы оценочных показателей;
- 2) установление пороговых значений этих оценочных показателей;
- 3) оценка экономической безопасности на основе сравнения фактически достигнутого уровня оценочных показателей с их пороговыми значениями.
- 4) использование результатов оценки для нейтрализации источников угроз.

Реальное состояние экономической безопасности государства в Республике Беларусь принято оценивать 15 показателями, представленными тремя группами – по пять оценочных показателей в каждой группе:

1 группа включает показатели, характеризующие безопасность в производственной сфере, то есть, способность экономики функционировать при минимальной зависимости от внешнего мира. В составе первой группы фигурируют показатели: 1) степень износа активной части основных средств; 2) доля инвестиций в основной капитал; 3) затраты на НИОКР к ВВП; 4) доля новой продукции в общем объеме промышленной продукции; 5) доля собственных энергоресурсов в топливном балансе государства.

2 группа включает показатели уровня и качества жизни населения. Она представлена следующими показателями: 6) уровень безработицы; 7) доля населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума; 8) соотношение минимальных пенсий по возрасту и бюджета прожиточного минимума; 9) производство зерна на душу населения; 10) доля импортных продовольственных товаров в общем объеме розничного товарооборота.

3 группа включает показатели финансового состояния государства: 11) дефицит (профицит) бюджета; 12) отношение внешнего долга к ВВП; 13) отношение внутреннего долга к ВВП, 14) уровень золотовалютных запасов, 15) сальдо внешней торговли.

Установленная система показателей позволяет давать качественную характеристику экономической системе, выявляет ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое развитие национальной экономики, а также реализацию национальных интересов государства. Вместе с тем, в современных условиях было бы правильным в будущем дополнить эту систему показателем, отражающим способность белорусской экономики и ее ведущих отраслей к обеспечению конкурентоспособности на мировых рынках.

Пороговые значения оценочных показателей – это предельные величины, несоблюдение которых препятствует нормальному ходу развития государства и приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в области экономической безопасности. Пороговые значения являются важнейшим инструментом системного анализа, прогнозирования и социально-экономического планирования. Они приобретают статус одобренных и утвержденных на государственном уровне количественных параметров, соблюдение которых становится одной из задач государства.

Оценка экономической безопасности в республике Беларусь построена на основе сравнения фактически достигнутых параметров каждого оценочного показателя с их пороговыми значениями. Этот методический прием позволяет выявить положительную или отрицательную характеристику отдельного аспекта экономической безопасности государства. Если при сравнении фактических значений оценочных показателей с их пороговыми значениями выявляется соблюдение установленного порога или позитивное отклонение от него, то фиксируется отсутствие угроз, сохранение или укрепление экономической безопасности, нормальное состояние экономики (Н). Если при таком сравнении выявляется несоблюдение установленного порога с негативным вектором отклонения от него в результате действия угроз и шоков, то фиксируется предкризисное (ПК) или кризисное (К) состояние экономики.

Для углубления оценки и определения степени тяжести влияния угроз экономической безопасности, на национальную экономику Беларуси предлагается разбивка предкризисного и кризисного состояния экономики на три зоны:

А) Ситуацию «Предкризис» предлагается представить: Предкризис 1 (ПК1) – начальная стадия ухудшения ситуации, при которой отклонение от установленного порога составляет 1–15%; Предкризис 2 (ПК2) – развивающаяся стадия ухудшения ситуации, при которой отклонение от установленного порога составляет 16–30%; Предкризис 3 (ПК3) – критическая стадия ухудшения ситуации, при которой отклонение от установленного порога составляет 31–40%;

Б) Ситуацию «Кризис» предлагается представить: Кризис 1 (К1) – нестабильный кризис, ситуации, при которой отклонение от установленного порога составляет 41–50%; Кризис 2 (К2) – угрожающий кризис, ситуации, при

которой отклонение от установленного порога составляет 51–60%; Кризис 3 (К3) – чрезвычайный кризис, ситуации, при которой отклонение от установленного порога составляет более 60%.

Методика оценки экономической безопасности государства на основе сравнения фактически сложившихся параметров оценочных показателей с их пороговыми значениями и установление предкризисного или кризисного состояния экономики видится нам наиболее предпочтительной: простой, наглядной, объективной. Такой методический прием позволяет фиксировать воздействие на экономику глобальных вызовов и шоков, создает основу для их идентификации и последующей нейтрализации.

Мы не разделяем мнения отдельных исследователей на привязку такой оценки к расчету единого интегрального показателя, который бы однозначно, одним параметром зафиксировал то или иное состояние экономической безопасности. Ведь использование интегрального показателя по совокупной значимости оценочных показателей не несет в себе экономического смысла. Все оценочные показатели имеют различные единицы измерения, различную направленность действия. Например, увеличение параметров одних показателей ухудшает состояние экономической безопасности, а снижение других ее улучшает.

Не подходит для целей оценки экономической безопасности государства и метод экспертных оценок. Технически его использование возможно. Однако, получаемый при этом результат будет зависеть от опыта и интуиции эксперта, он будет подвержен субъективизму, что исказит оценку, породит сомнение в ее объективности.

Апробируем усовершенствованную нами методику оценки экономической безопасности государства. Детально рассмотрим состояние и динамику наиболее важные макроэкономических показателей экономической безопасности Республики Беларусь за ряд лет и осуществим оценку ее состояния в 2020 году. Отразим результаты нашей работы в табл. 4.1.

Проведенные в табл. 1 расчеты позволили получить две группы показателей экономической безопасности Республики Беларусь:

- 1) показатели, параметры которых находятся в зоне сохранения экономической безопасности – их значения не отклоняются от установленных пороговых значений;
- 2) показатели, параметры которых находятся в зоне риска экономической безопасности – их значения отклоняются от установленных пороговых значений.

Таблица 4.1

Оценка экономической безопасности Республики Беларусь в 2020 году

Показатели	По- рог	2010	2015	2019	2020г.		Хар- п ситуа- ции
		Абс. знач-е	Абс. знач-е	Абс. знач-е	Абс. знач-е	Отн. к по- рогу	
1 группа показателей. Безопасность в производственной сфере							
1. Степень износа актив- ной части основных средств, %	<50	45.7	40.4	43.3	44.8		Н
2.Доля инвестиций в ос- новной капитал,%;	>20	32.5	23.0	21.8	19.5	97.5 –2.5%	ПК1
3.Затраты на НИОКР к ВВП,%;	>1	0.7	0.5	0.6	0.6	60.0 –40%	ПК3
4.Доля новой продукции в общем объеме пром. продукции,%;	>20	14.5	13.1	16.6	17.0	85.0 –15%	ПК1
5.Доля собственных энергоресурсов в топ- ливном балансе, %	>30	14.7	14.2	15.6	16.5	55.0 –45%	К1
2 группа. Показатели уровня и качества жизни населения							
6.Уровень безработицы к активной части насе- ления,%;	<8	0.7	1.0	0.2	0.2	–	Н
7. Доля населения с до- ходами ниже БПМ,%	<10	5.2	5.1	4.8	4.8	–	Н
8.Соотношение мини- мальных пенсий по воз- расту к БПМ,%	>10 0	126.8	132.1	134.9	106.1	–	Н
9. Производство зерна на душу населения, тонн	>0.6	0.7	0.9	0.8	0.9	–	Н
10.Доля импортных прод. товаров в общем объеме розничного то- варооборота	<25	17	20.9	22.5	22.9	–	Н
3 группа. Показатели финансового состояния государства							
11.Дефицит (профицит) бюджета к ВВП,%	>–3	–2.6	1.8	2.4	–1.5		Н
12.Отношение внеш- него долга к ВВП,%	<25	17.0	21.9	27.1	30.9	+123.6 23.6%	ПК2
13.Отношение внутрен- него долга к ВВП,%	<20	1.8	9.5	6.6	6.4	–	Н
14.Уровень золотова- лютных запасов	>3м ес.	1.7	1.7	2.9	2.9	96.6 –3.4%	ПК1
15. Сальдо внешней тор- говли к ВВП,%.	>–5	–13.1	0.2	–1.9	–0.3		Н

Источник: собственная разработка на основе [72].

Информация табл. 4.1 свидетельствует, что из 15 используемых нами оценочных показателей параметры 9 показателей фиксируют нормальное состояние экономической безопасности Беларуси в 2020 году (Н). В составе этих 9 показателей значатся: степень износа активной части основных средств, уровень безработицы к активной части населения, доля населения с доходами ниже БПМ, соотношение минимальных пенсий по возрасту к БПМ, производство зерна на душу населения, доля импортных продовольственных товаров в общем объеме розничного товарооборота, дефицит (профицит) бюджета к ВВП, отношение внутреннего долга к ВВП, сальдо внешней торговли к ВВП.

Обращает на себя внимание тенденция изменения показателя «степень износа активной части основных средств». Зафиксированное нами его значение в 2020 году и предшествующих годах приближается к критическому износу основных средств (50%), что является тревожной тенденцией, которую нельзя оставлять без внимания. Остальные восемь показателей этой группы зафиксировали нормальное состояние различных аспектов экономической безопасности Беларуси.

Параметры следующих пяти оценочных показателя соответствуют предкризисной ситуации. Начальную стадию предкризисной ситуации (ПК1) фиксируют три оценочных показателя: доля инвестиций в основной капитал, доля новой продукции в общем объеме промышленной продукции, уровень золотовалютных запасов. Например, при одинаковом пороге более 20% фактическое значение показателя доля инвестиций в основной капитал составило в 2020 году 19,5%, а доля новой продукции в общем объеме промышленной продукции – 17,0%, что сигнализирует о низкой инвестиционной и инновационной активности государства, низкой наукоемкости ВВП. Показатель уровня золотовалютных резервов тоже отклонился от порогового значения (порог – более 3 месяцев импорта, фактическое значение показателя в 2020 году – 2,9 месяца). Между тем сохранение золотовалютных резервов является основным инструментом защиты от мировых шоков. Снижение золотовалютных резервов является реальной угрозой для устойчивого сбалансированного развития экономики государства. В Республики Беларусь такое снижение влияет на поддержание стабильного обменного курса белорусского рубля, погашение и обслуживание государственного долга. В тоже время, отмечаем, что все три упоминаемых показателя обнаруживают незначительное отклонение от порога, что соответствует ситуации ПК1.

Параметры еще одного оценочного показателя соответствует предкризисной ситуации ПК2 – стадия ухудшения экономической безопасности государства, при которой отклонение от установленного порога составляет 16-30%. Таким показателем оказался показатель отношения внешнего долга к ВВП. При пороге менее 25% фактическое значение этого показателя в 2020 году составило – 30,9%. Состояние этого показателя вызывает наибольшую

обеспокоенность, так как с его отклонением от порога связано прохождение пиковых значений выплат по внешнему долгу, дефицит внешней торговли, недостаточная конкурентоспособность национальной экономики. Состояние этого оценочного показателя, его динамика сигнализируют о необходимости пересмотра в Республике Беларусь политики внешних заимствований.

Еще один оценочный показатель выявил ситуацию ПКЗ – критическая стадия ухудшения экономической безопасности, при которой отклонение от установленного порога составляет 31–40%. Такую ситуацию выявила работа с показателем затраты на НИОКР к ВВП. При пороге более 1% фактическое значение этого показателя в 2020 году составило 0,6, то есть зафиксировано отклонение от порога 40%. Такой низкий уровень затрат на научные разработки в 2020 году и за ряд предшествующих лет говорит о проблемах функционирования белорусской инновационной системы, о ее неготовности отвечать на вызовы современного мира.

Оценка экономической безопасности Беларуси по показателю доля собственных энергоресурсов в топливном балансе государства выявила кризисную ситуацию (K1) – нестабильный кризис, ситуацию, при которой отклонение от установленного порога составляет 41–50%. При пороге более 30% фактический параметр этого показателя в 2020 году зафиксирован на уровне 16.5%, что практически в два раза ниже установленного порогового значения. Это говорит о критической энергозависимости Беларуси от внешних источников энергии. Структура топливно-энергетического баланса Республики Беларусь является неудовлетворительной и требует диверсификации.

Заключая анализ параметров оценочных показателей, отметим, что наивысшая степень экономической безопасности достигается при условии, что весь комплекс общих макроэкономических показателей находится в пределах допустимых границ своих пороговых значений, а пороговые значения одного показателя достигаются не в ущерб другим.

Результаты оценки экономической безопасности ложатся в основу работы по нейтрализации внутренних источников угроз и защиты от внешних угроз. Механизм такой нейтрализации состоит из нескольких этапов [67]: 1) осознание проблемной ситуации; 2) конкретизация проблемы; 3) определение желаемого состояния экономической системы; 4) выявление угроз и их анализ; 5) определение ожидаемого ущерба; 6) выработка стратегии поведения; 7) реализация стратегии на практике.

Подводя итоги проделанной работы отметим, что несмотря на не критические значения большинства оценочных показателей, говорить о высоком уровне экономической безопасности Республики Беларусь не приходится. Для её укрепления стране необходим экономический рост, для достижения которого необходима масштабная работа как минимум в следующих направлениях:

- диверсификация поставок энергоносителей с целью снижения энергетической зависимости от одного государства-поставщика;
- значительное увеличение расходов на научные исследования, что позволит стране повысить инновационную активность, нарастить экспорт за счет возросшей конкурентоспособности отечественной продукции;
- более широкое использование неинфляционных методов финансирования дефицита бюджета и эффективное перераспределение финансовых ресурсов исходя из общенациональных приоритетов.

Еще одним фактором укрепления экономической безопасности Республика Беларусь является интеграция. Беларусь как представитель Союзного государства с Россией, участник Евразийского экономического союза объективно не может оставаться в стороне от глобальных процессов, происходящих в мире. Защита от внешних угроз национальной безопасности в экономической сфере в современных условиях может быть обеспечена союзнической внешнеэкономической политикой, расширением товарной номенклатуры и географии экспорта, диверсификацией импорта сырьевых и энергетических ресурсов. Потенциал интеграции как точки роста, укрепления экономической безопасности Беларуси заключается в следующем:

- создание механизма эффективного функционирования общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы;
- поэтапная организация и функционирование монетарной, фискальной, валютной, финансовой, торговой, таможенной и тарифной политики, которая проводится в интересах всех участников интеграции;
- развитие единых ресурсных, энергетических, транспортных и информационных систем;
- создание экономической системы кооперации базовых отраслей, производственной и научно-технологической, с усилением инвестиций в развитие научных кадров.

Таким образом, одним из главных приоритетов политики Республики Беларусь является обеспечение ее экономической безопасности. Эта проблема становится особенно актуальной в эпоху глобализации и возникновения кризисных ситуаций, а ее острота определяется уровнем экономического роста. Уровень экономической безопасности зависит от наличия внутренних и внешних угроз, препятствующих реализации экономических интересов государства. В процессе практической деятельности по обеспечению экономической безопасности важно вести постоянный мониторинг за показателями экономической безопасности, являющимися индикаторами ее состояния. Разработка пороговых значений индикаторов, улучшение состояния важнейших из них способствует стабилизации национальной экономики в целом и придает национальным интересам государства в области экономики количественную определенность. Объективная оценка экономической безопасности является отправной точкой работы по ее сохранению и укреплению. В организации такой работы важен опыт других государств

и, в частности, белорусский опыт оценки и обеспечения экономической безопасности государства в условиях глобальных вызовов и шоков.

4.2. Влияние на экономическую безопасность современных аспектов трансформации кадастровой оценки

На текущем этапе развития имущественных отношений в Российской Федерации кадастровая оценка объектов недвижимого имущества является одним из приоритетных направлений деятельности государства. Необходимость совершенствования процедур определения кадастровой стоимости назрела давно. Несоответствие величины кадастровой стоимости рыночному уровню цен породило массовое несогласие и оспаривание результатов государственной кадастровой оценки, что сопровождалось дополнительными расходами субъектов правоотношений, привело к возникновению значительного выпадения бюджетных доходов. В настоящее время завершился период, в течение которого в субъектах Российской Федерации осуществлялся переход к проведению государственной кадастровой оценки по новым правилам. Очевидно, что от детальности проработки и эффективности внедрения этих правил зависит экономическая безопасность и стабильность в стране. И, безусловно, «вопрос этот нельзя считать риторическим. Ведь речь идёт об очень крупных суммах денег – и не только тех, которые дополнительно поступают в бюджет от повышения налогов и арендной платы за земельные участки и иную недвижимость, но и о многомиллиардных затратах на проведение самой «государственной» кадастровой оценки» [94, с. 11].

Проблема налогообложения в части работы принципа экономической обоснованности кадастровой стоимости затрагивает каждого налогоплательщика: как физических и юридических лиц, так и органы власти. Заказчиком кадастровой оценки является государство, налогоплательщиками – все правообладатели недвижимого имущества. Налог на имущество является одним из главных компонентов, формирующих местные бюджеты. В случае некорректной кадастровой оценки – её необоснованного завышения – возникает экономическая угроза для правообладателя вплоть до разорения и банкротства, в случае её занижения – опасность выпадающих доходов государственных бюджетов.

По мнению специалистов, «если несколько лет назад научные дискуссии ведущих учёных в данной области и их предостережения о чрезвычайно высокой цене ошибок в формировании научно обоснованных подходов к кадастровой оценке казались чем-то совершенно абстрактными, то сегодня эта проблема буквально вошла в каждый дом.., поставив на грань разорения стабильно развивавшийся много лет бизнес, или даже заставившая закрыть его... Высокопоставленные чиновники, отвечающие за государственную кадастровую оценку, сделали её совершенно непрозрачной и непредсказуемой по своему давлению на бизнес, и на всех граждан» [94, с. 11].

В этой связи налоговое законодательство в части исчисления и уплаты имущественных налогов в последние годы поэтапно менялось. Задачами изменений по настоящее время являются оптимизация администрирования и упрощения для налогоплательщиков процедур, приведение в соответствие налогооблагаемой базы. Что касается истории вопроса, то к середине 2010-х годов наш регион перешёл на исчисление налога на имущество от кадастровой [71, ст. 375], а не от инвентаризационной стоимости, которую ранее определяли органы технической инвентаризации. Напомним, что кадастровая стоимость (КС) — стоимость объекта недвижимости, установленная в процессе государственной кадастровой оценки (ГКО), определённая методами массовой оценки, или, при невозможности, рыночная стоимость, определённая индивидуально для конкретного объекта недвижимости в соответствии с законодательством об оценочной деятельности.

На территории Челябинской области в 2011 году впервые были проведены работы по массовой оценке объектов недвижимости: заказчиком работ по кадастровой оценке земель населенных пунктов, земель промышленности и иного специального назначения, земель особо охраняемых территорий и объектов выступал Росреестр, результаты работ утверждались Правительством области [81, 80, 79]. Заказчиком кадастровой оценки земель садоводческих, огороднических и дачных объединений, водного фонда, земель сельскохозяйственного назначения выступало Министерство промышленности и природных ресурсов Челябинской области, результаты работ утверждались постановлением Правительства области и приказами Министерства [78, 82, 83].

Для проведения государственной кадастровой оценки было осуществлено наложение государственного кадастра недвижимости сведениями об объектах капитального строительства, содержащимися в организациях по государственному техническому учету и технической инвентаризации. В рамках государственного контракта за счет средств федерального бюджета были осуществлены работы по переводу сведений, содержащихся в архивах органов БТИ, в электронный вид и работы по переносу сведений в программные комплексы территориальных органов Росреестра. Целью этой работы было создание полного и достоверного источника информации об объектах недвижимости, используемого в целях налогообложения, а задачей — подготовка исходных данных для определения кадастровой стоимости объектов недвижимости.

С целью предотвращения резкого увеличения налогового бремени, переход на новое исчисление налогооблагаемой базы проводился постепенно: кадастровой оценке подвергались отдельные группы объектов недвижимого имущества, вводилась прогрессивная шкала, которая сдерживала ежегодный прирост налогооблагаемой базы, снижалась ставка налога на имущество, планировалось введение моратория на применение повышенной ка-

дастровой стоимости. Однако, несмотря на все предпринятые меры сдерживания ситуации, даже поэтапный переход к кадастровой стоимости в качестве базы для расчета имущественного налога, оказался весьма болезненным. Зачастую как рассчитанные, так и актуализированные результаты государственной кадастровой оценки земельных участков (ЗУ) и объектов капитального строительства (ОКС) не соответствовали рыночному уровню цен. Для юридических и физических лиц проблема значительного увеличения налогового бремени стала лидирующей в череде других актуальных вопросов жизнедеятельности и хозяйствования. Так, в 2015 году по сравнению с 2011 годом для земель садоводческих товариществ рост в среднем составил 280%. Удельные показатели кадастровой стоимости (то есть средняя стоимость одного квадратного метра) земель населенных пунктов значительно увеличилась для половины муниципальных образований Челябинской области, в том числе для крупных городов: например, в г. Челябинске на 10,5%, в Магнитогорске на 17%, в Копейске на 35%, в Чебаркуле на 41%. В отношении объектов капитального строительства кадастровая стоимость ощутимо повысилась для многоквартирных домов (31%) и индивидуального жилищного фонда (11%).

Чтобы разобраться в причинах столь резкого изменения кадастровой стоимости, рассмотрим поэтапно процесс её возникновения, который был предусмотрен положениями Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [83].

Вначале исполнительный орган государственной власти субъекта РФ принимал решение о проведении государственной кадастровой оценки. Исполнительный орган, принявший решение, являлся заказчиком работ по определению кадастровой стоимости.

На втором этапе Росреестр создавал перечень объектов недвижимости, которые подлежат государственной кадастровой оценке. Оценка проводилась в отношении объектов недвижимого имущества, учтенных в государственном кадастре недвижимости. При создании перечня учитывались количественные и качественные характеристики объектов недвижимости, которые нужны для проведения оценки, содержащиеся в государственном кадастре недвижимости.

На следующем этапе происходил отбор кандидатов (исполнителей), которые в дальнейшем заключали договоры на проведение оценки объектов недвижимого имущества. Для выполнения работ привлекались на конкурсной основе исполнители, имеющие право на заключение договора на проведение оценки, в соответствии с законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. В этой части справедливо добавить замечание из профессиональной практики, что выиграть конкурс на проведение ГКО большинству оценочных организаций было не под силу по

экономическим, а порой и этическим причинам: конкурс проводился на понижение начальной максимальной цены и учитывал количество оценщиков в фирме, что стимулировало претендентов на выполнение услуг по оценке на демпинг и расширение штата за счёт «мёртвых душ» (специалистов, которые по факту в данной организации не работали). К тому же оценку в итоге проводили специалисты из других регионов, не знакомые с нюансами местного рынка недвижимости. Вопрос о качестве работ по ГКО в данном случае становился не приоритетным.

Четвертый этап состоял в определении кадастровой стоимости и составлении отчета об определении кадастровой стоимости. Датой определения кадастровой стоимости объектов недвижимости в рамках проведения государственной кадастровой оценки являлась дата, по состоянию на которую сформирован перечень объектов. Отчет об определении кадастровой стоимости предоставлялся заказчику для выявления возможных замечаний.

На последнем этапе утверждались полученные результаты определения стоимости. Заказчик работ в течение двадцати рабочих дней, с даты принятия отчета об определении кадастровой стоимости, принимал акт об утверждении полученных стоимостей в отчете и их удельные показатели объектов недвижимости. Датой утверждения результатов определения кадастровой стоимости считалась дата вступления в силу акта об утверждении результатов определения кадастровой стоимости.

Анализ проведения ГКО объектов недвижимости в Челябинской области показал ряд существенных проблем, которые уже в самом начале внедрения этой системы способствовали необоснованному росту кадастровой стоимости.

1. Некачественная исходная информация об объекте. Эксперты называют основными причинами некачественной кадастровой оценки низкое качество исходной информации, содержащейся в первую очередь в государственном кадастре недвижимости.

2. Недостаточная квалификация исполнителей кадастровой оценки. Эта проблема связана с несовершенством процедуры выбора исполнителя.

Надо отметить, что кадастровая оценка осуществляется массовым методом, при котором могут допускаться погрешности, связанные с индивидуальными особенностями каждого объекта. Осмотр объектов в данном случае не предусмотрен. Помимо перечисленных объективных сложностей работы возникают дополнительные факторы, снижающие качество проводимой работы – это незнание местного рынка недвижимости иногородними оценщиками, выигравшими конкурс по заниженной цене.

3. Затратность и продолжительность процедур оспаривания для восстановления права плательщика налога на его экономическую обоснованность. Для рассмотрения спора в комиссии по оспариванию результатов кадастровой оценки (эта процедура будет представлена ниже) правообладатель вы-

нужден обращаться к независимому оценщику за отчётом об оценке рыночной стоимости его объекта. На первых этапах процедура предусматривала также наличие положительного экспертного заключения экспертов саморегулируемой организации оценщиков. К тому же, рассмотрение спора в суде зачастую невозможно без участия судебного эксперта-оценщика. Таким образом, правообладатель объекта налогообложения вынужден нести существенные дополнительные расходы.

4. Низкая мотивация собственников к регистрации прав на объекты, отсутствие учёта изменений характеристик объектов незавершённого строительства. В связи с завышенной кадастровой стоимостью и непосильным налоговым бременем собственникам имущества становится нецелесообразно регистрировать свои права на объекты.

5. Разделение стоимости единого объекта на стоимость объекта капитального строительства и земельного участка. Отсутствие единообразия в порядке учёта данных составляющих единого объекта недвижимости способствует возникновению системных ошибок в начислении налогов.

6. Отсутствие четких алгоритмов и последовательностей для определения достоверных и обоснованных результатов кадастровой оценки.

7. Недостаточный контроль со стороны местных органов власти результатов проведенной оценки.

8. Отсутствие практики привлечения оценщика к ответственности при неверных результатах кадастровой оценки.

В ситуации несостоятельности существующей системы ГКО и массового несогласия налогоплательщиков с её результатами, законодательством предусмотрена возможность заинтересованным лицам оспорить результаты определения ГКО в суде или в комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости (далее – комиссии). Судебным органом, уполномоченным на рассмотрение и разрешение споров о результатах определения кадастровой стоимости независимо от субъектного состава заявителей, является суд общей юрисдикции. При обращении в суд истцу необходимо доказать, что его права нарушены, и удовлетворение иска приведет к восстановлению нарушенного права. Комиссии по рассмотрению споров были созданы по решениям Росреестра в каждом субъекте Российской Федерации. Такая комиссия состоит из представителя органа исполнительной власти субъекта РФ, органа, осуществляющего функции по государственной кадастровой оценке, федерального органа исполнительной власти, уполномоченного Правительством РФ на осуществление государственного кадастрового учета, государственной регистрации прав, ведение ЕГРН и предоставление сведений, содержащихся в ЕГРН, его территориальных органов или подведомственного ему государственного бюджетного учреждения, наделенного соответствующими полномочиями. Также в комиссию включены представители саморегулируемых организаций оценщиков и оценщики.

Основанием для пересмотра определения кадастровой стоимости в комиссии считаются:

- недостоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости;
- установление в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую была установлена его кадастровая стоимость.

Возможностями оспаривания кадастровой стоимости воспользовалось огромное количество юридических лиц и граждан. Например, на третий квартал 2016 года в комиссию при Росреестре Челябинской области поступило 3 180 заявлений, из которых принято к рассмотрению было 2 762 заявления на 5571 объект недвижимости. В результате по 2 316 заявлениям (84%) были приняты решения в пользу обратившихся. Только за первый квартал 2017 года комиссия по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости недвижимости рассмотрела 243 заявления от правообладателей 216 земельных участков и 27 объектов капитального строительства. По 129 заявлениям было вынесено положительное решение об установлении кадастровой стоимости объектов в размере их рыночной стоимости. При этом налогооблагаемая база по этим объектам снизилась на 2 миллиарда 624 миллионов рублей.

Если говорить в масштабах страны, по официальным данным [102], за 2019 год в созданные при территориальных органах Росреестра комиссии по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости поступило 41 594 заявления о пересмотре результатов определения кадастровой стоимости в отношении 68 997 объектов недвижимости. Юридическими лицами подано 20 012 заявлений, физическими лицами – 21 114 заявлений, органами государственной власти – 252 заявления, органами местного самоуправления – 205 заявлений, 11 заявлений подано в Комиссии совместно юридическим и физическим лицом. Из них 1 354 заявления подано по основанию недостоверности сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости, 40 220 заявлений – по основанию установления в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую была установлена его кадастровая стоимость, в 20 заявлениях заявителями основание указано не было. Ведомство отмечает, что в подавляющем большинстве случаев заявления подавались в отношении результатов определения кадастровой стоимости земельных участков. Споры относительно величины кадастровой стоимости зданий, помещений, сооружений в рассматриваемом периоде значительно меньше. Так, на рассмотрение в Комиссии поступили заявления с информацией о 43 766 земельных участках, и заявления со сведениями о 7 419 зданиях, 5 307 помещениях, 103 сооружениях, 48 машино-местах и 20 объектах незавершенного строительства.

Аналогичная тенденция отмечена и на территории Челябинской области. Из общего числа заявлений, принятых Комиссиями к рассмотрению, за указанный период решение об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости принято в отношении 19 841 заявления (29 685 объектов недвижимости), о невозможности изменения величины кадастровой стоимости – в отношении 11 018 заявлений (20 306 объектов недвижимости), о пересмотре кадастровой стоимости – в отношении 486 заявлений (861 объект недвижимости), 711 заявлений (909 объектов недвижимости) были отозваны заявителями до принятия решения Комиссиями.

Эксперты констатировали, что «во многих случаях комиссией производились корректировки кадастровой стоимости земельных участков не только в 2–3 раза, что уже само по себе свидетельствует о неудовлетворительном качестве работы «государственных» кадастровых оценщиков, но и в 10 и даже в 23 раза. В судах более 70% исков об оспаривании кадастровой стоимости земельных участков удовлетворяются» [94, с. 12].

Суммарная величина кадастровой стоимости до рассмотрения заявлений в Комиссиях составляла 1,548 трлн. руб., после – 1,043 трлн. руб., что свидетельствует о ее снижении на 32,6%. Это официальные данные по работе комиссий только за один календарный год. Колоссальные цифры!

В такой ситуации назревает вопрос о том, кому может быть выгодна такая система ГКО. Мнения экспертов сходятся на том, что «выгоды, причём многомиллиардные, эта система даёт только бизнесменам от оценки и связанной с ними узкой группе чиновников. Многие из них получили выгодные заказы на «государственную» кадастровую оценку, а другие выполняют оценки «рыночной» стоимости для оспаривания кадастровой стоимости тех же объектов, определённой их же коллегами. И на все эти отчёты об оценке дают свои заключения «эксперты» из СРО этих оценщиков, часто работающие в тех же самых оценочных фирмах или аффилированных с ними» [94, 87].

Стоит признать, что в части повышения эффективности государственной кадастровой оценки предпринимался ряд шагов: введен в действие новый Федеральный стандарт оценки «Оценка недвижимости (ФСО №7)» [99]; Советом по оценочной деятельности при Минэкономразвития России одобрены Методические указания о государственной кадастровой оценке [85]; утверждены новые редакции Федеральных стандартов оценки; решен вопрос с демпингом путем отмены аукционов для кадастровой оценки; принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в РФ», который предусматривает только один вид экспертизы отчета об оценке рыночной стоимости – экспертизу на подтверждение стоимости (напомним, ранее широко применялся нормативно-методический вид экспертизы по формальным признакам соответствия отчёта об оценке требованиям законодательства и стандартам оценки). Кроме того,

была отменена обязательность представления экспертного заключения СРО оценщиков на отчет об оценке, что существенно уменьшило расходы налогоплательщиков. Разрабатывались и вводились в действие нормативно-правовые акты, устанавливающие дополнительные требования к исполнителям и договорам на проведение работ по государственной кадастровой оценке.

Однако таких мер для кардинального перелома ситуации оказалось недостаточно. В связи с назревшей необходимостью в регулировании данной сферы был принят Федеральный закон от 03.07.2016 №237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [84], вступивший в силу с 1 января 2017 года. До 1 января 2020 года Федеральным законом был установлен переходный период, в течение которого в субъектах Российской Федерации осуществлялся переход к проведению государственной кадастровой оценки по новым правилам.

Новый федеральный закон направлен на совершенствование процедур определения кадастровой стоимости и определённости ответственности между заказчиком работ, исполнителем, оценщиком и саморегулируемой организацией оценщиков. Законом предусматривается непрерывный процесс мониторинга рыночных цен и тенденций, их преемственность, актуализация и постоянная модернизация моделей кадастровой оценки с применением единого методологического подхода. В связи с новым законом создан институт государственных кадастровых оценщиков, которые призваны на постоянной основе осуществлять определение кадастровой стоимости по единой методике, что позволит повысить качество и обеспечить единообразие определения кадастровой стоимости.

По мнению Минэкономразвития России и Росреестра, совершенствование порядка определения кадастровой стоимости недвижимости направлено на защиту интересов и правообладателей, и органов власти, предусматривает действенные механизмы исправления накопленных ранее ошибок, а также исключение дополнительных расходов правообладателей на защиту своих прав. Передача функций ГКО бюджетным учреждениям призвана повысить качество услуг, предусматривает персональную ответственность директоров таких бюджетных учреждений за работу по оценке.

Во исполнение требований законодательства на территории нашего региона на основании Распоряжения правительства Челябинской области [101] было создано областное государственное бюджетное учреждение «Государственная кадастровая оценка по Челябинской области». В его полномочия вошли определение кадастровой стоимости, сбор, обработка, систематизация и накопление информации, необходимой для определения кадастровой стоимости, в том числе о данных рынка недвижимости, находящейся на Южном Урале.

Перед бюджетным учреждением поставлена непростая задача: через процедуру государственной оценки по новым правилам должны пройти миллионы объектов недвижимости Челябинской области. Для достижения

объективного результата данная деятельность должна осуществляться непрерывно и с серьезной подготовительной работой по сбору, проверке и актуализации исходных данных об объектах. Процедура оценки проходит массовым способом с использованием современных программных комплексов. Очевидно, что в программном расчёте невозможно учесть все важнейшие ценоформирующие факторы каждого объекта, которые выявляются только при его непосредственном обследовании. Мнение экспертов ещё на этапе обсуждения новшеств в законодательстве по ГКО сходились на том, что введением института государственных кадастровых оценщиков не устранить всех проблем государственной кадастровой оценки. Поэтому процедура оспаривания осталась в практике, что является гарантом соблюдения интересов как государства, так и предпринимательского сообщества и населения области. В настоящий момент переходный период закончился. Поэтому выбор инстанции оспаривания конкретного объекта зависит от того, каким законом руководствовались в ходе оценки: 135-ФЗ или 237-ФЗ. В декабре 2019 года при Министерстве имущества Челябинской области создана комиссия по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости, определенной государственными оценщиками на территории Челябинской области. В неё вошли представители Министерства, Управления Росреестра по Челябинской области, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Челябинской области, а также представители оценочного сообщества и саморегулируемых организаций оценщиков.

На текущий момент времени государственными оценщиками проведена оценка земель сельскохозяйственного назначения, промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, земель для обеспечения космической деятельности, земель обороны, безопасности и земель иного специального назначения, земель водного фонда, земель особо охраняемых территорий и объектов, расположенных на территории Челябинской области. С 1 января 2020 года результаты этой оценки стали базой для расчета новых налогов. Кроме того, за 2021 год специалисты государственного учреждения переоценили кадастровую стоимость порядка 2,68 миллионов жилых и нежилых зданий и помещений, машино-мест, объектов незавершенного строительства и сооружений в Челябинской области. Эти данные начали использовать с января 2022 года.

Чего же ещё коснулись изменения при введении нового порядка ГКО. Ранее оценка проводилась не реже одного раза в течение пяти лет с даты, проведения последней кадастровой оценки, но и не чаще одного раза в течение трех лет. В июле 2020 года в законодательство внесли изменение: в 2022 году в будут переоценены земельные участки, а в 2023 году – здания, помещения, сооружения, объекты незавершенного строительства, машино-места. Далее очередную оценку будут проводить через 4 года (с года проведения последней оценки), а в городах федерального значения – через 2 года.

Это объективная необходимость обеспечить соответствие кадастровой стоимости меняющемуся уровню рыночной стоимости объектов недвижимости.

В настоящее время изменение результатов до их утверждения стало возможным только после публичного рассмотрения. Проверить величину новой кадастровой стоимости может любой правообладатель, заказав выписку из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН) в МФЦ, оформив запрос в режиме онлайн на сайте Росреестра или зайдя на портал государственного бюджетного учреждения, уполномоченного проводить ГКО. Все заинтересованные лица могут подать замечания в бюджетное учреждение или многофункциональный центр до момента утверждения новой стоимости. Ведется работа по переводу процедуры оспаривания кадастровой оценки в электронный вид и отказ от бумажной версии отчетов об оценке. Сама цифровая платформа будет погружена в портал «Госуслуги». Здесь приведу пример из личного опыта, когда планируя опробовать предоставленную возможность уточнения КС до её утверждения, было подано заявление в ОГБУ «Государственная кадастровая оценка по Челябинской области». Предварительно был изучен проект отчёта о ГКО, размещённый на сайте учреждения, выявлены ошибки в ценоформирующих факторах объекта налогообложения (в данном случае речь шла о жилом помещении). Заявление было подано об устранении ошибок, допущенных при определении кадастровой стоимости. Надо отметить, что данный механизм действительно работает на практике, бюджетное учреждение достаточно оперативно рассматривает поданные заявления и даёт на них обоснованные ответы, вносит изменения в случае соответствия указанных замечаний с положениями методических указаний [84]. Таким образом, для всех категорий налогоплательщиков появилась возможность изменить величину КС до её утверждения и сэкономить на процедуре оспаривания. Если налогоплательщик затрудняется разобраться во всех нюансах, он всегда может обратиться за консультацией по такому вопросу в бюджетное учреждение, юридическую или оценочную организации.

Таким же образом ещё на этапе сбора информации ГБУ, правообладатели объектов недвижимого имущества имеют возможность предоставить в бюджетное учреждение декларации о характеристиках своих объектов недвижимости. Форма декларации о характеристиках объектов недвижимости и порядок ее рассмотрения утверждены приказом Минэкономразвития России от 27.12.2016 №846 «Об утверждении порядка рассмотрения декларации о характеристиках объекта недвижимости, в том числе ее формы». Таким образом, процедурой предусмотрено снижение вероятности оспаривания результатов кадастровой оценки по причине недостоверности сведений об объекте. Кроме того, в новом законодательстве применен принцип – в пользу правообладателя. Если в результате исправления ошибки стоимость

уменьшилась, такая стоимость применяется ретроспективно – с даты применения ошибочной стоимости, если же стоимость увеличилась – с нового налогового периода. Если ошибка является системной, она исправляется без дополнительных заявлений в отношении всех объектов недвижимости.

Несомненно, наилучшим и неоспоримым источником анализа ситуации происходящих с ГКО трансформаций являются цифры. С ними, как известно, не поспоришь. Проанализируем тенденции в этом вопросе с помощью официальной информации о деятельности комиссий, размещённой на сайте Росреестра [85]. Далее в таблице представлены сведения за последние три года.

Таблица 4.2

Сравнительная таблица результатов оспаривания кадастровой стоимости (КС) в комиссиях

Года	Всего заявлений, ед. / из них удовлетворено, ед.	Изменение КС			Количество объектов налогообложения, ед.	Основания заявлений
		КС до, млрд.руб.	КС после, млрд.руб.	Снижение, млрд.руб. / %		недостоверность сведений / несогласие с КС
2019	41594 / 21647	1548	1043	505 / 32,6	68997	1354 / 40220
2020	24367 / 13247	733,5	526,8	206,7 / 28,2	38726	423 / 23908
2021	9724 / 4763	304,4	205,4	99 / 32,5	14569	1389 / 9325

Таким образом, первые шаги по переходу к кадастровой оценке по новым правилам достаточно оптимистичны: мы видим как снижение количества объектов налогообложения, стоимость которых оспаривали правообладатели, так и уменьшение в абсолютной величине принятой при массовой оценке кадастровой стоимости (с 505 млрд.руб. в 2019 г. до 99 млрд.руб. в 2021 г.).

Думается, что принятые нововведения в ГКО будут способствовать установлению объективной, разумной кадастровой стоимости, соответствующей рынку и дате оценки. Экономически обоснованное налогообложение и стабильное формирование бюджетов особенно актуальны на фоне возрастающей социальной значимости этого аспекта для всех участников взаимоотношений – государства, муниципальных образований, бизнеса и граждан. Очевидна назревшая необходимость обеспечения стабильности и предсказуемости экономического пространства, концентрации ответственности, прозрачности проведения процедур определения кадастровой стоимости, сопровождения ее результатов, что является важным условием упрочения экономической безопасности.

4.3. Методический инструментарий анализа эффективности хозяйственной деятельности в российской и зарубежной практике

Текущая мировая конъюнктура характеризуется возрастающим вектором уровня ценности информации, позволяющей при ее наличии в некоторых случаях коренным образом изменить финансово-хозяйственное положение компании. В частности, по результатам анализа эффективности открываются новые возможности для управленческого состава, заключающиеся в принятии более верных решений, устранении выявленных проблем и использования найденных резервов повышения прибыльности и иных финансовых результатов. Тематика настоящей главы, сфокусированная на исследовании одного из важнейших компонент выбранной области экономического анализа, а именно – методического инструментария эффективности деятельности организаций, как видится, представляет высокий уровень востребованности по ряду факторов. Во-первых, анализ литературных источников показывает отсутствие единой точки зрения как в рамках представителей российского, так и с позиции зарубежного научного сообщества в отношении выбора оптимальной методики, направленной на реализацию анализа эффективности хозяйствующих субъектов. В результате может возникать спектр проблем, обусловленных в частности низкой степенью результативности практического применения указанного методического инструментария конкретным специалистом-аналитиком организации, либо необходимостью задействования дополнительных временных ресурсов на его подготовку. Во-вторых, на наш взгляд исследовательский интерес представляет выявление особенностей применения методик анализа эффективности в повседневных реалиях функционирования отечественных и иностранных компаний с целью приближения к качественному ответу на вопрос: «В каких случаях и при каких обстоятельствах можно применять зарубежные методики анализа хозяйственной деятельности в контексте функционирования компаний, ведущих свою деятельности в Российской Федерации?» и другие. Таким образом, востребованность тематики главы обуславливается преимущественно необходимостью совершенствования процесса проведения анализа эффективности деятельности фирм в отечественных реалиях, что, как видится, может в некоторой степени быть обеспечено за счет дефиниции обобщающего методического инструментария, задействованного как в российской, так и зарубежной практике. Дополнительное негативное воздействие, при котором важнейшую роль приобретает качественный анализ эффективности деятельности, на компании в настоящее время оказывают факторы непредсказуемости изменения внешней конъюнктуры, санкционного давления и ряд внутренних проблем, в частности, обусловленных проблематикой кредитования малого бизнеса. [86, 66, 36]

Отечественные исследователи в целом сходятся на определенной точке зрения, заключающейся в признании высокой значимости такого анализа. В

этой связи Л.А. Панфиль и Е.Э. Муртазиной, отмечают, что «от эффективности использования основных фондов зависят важнейшие показатели деятельности фирмы, такие как финансовое положение и конкурентоспособность на рынке». [76, с. 754] Другой коллектив исследователей, В.А. Кокоева, А.А. Несмеянова и С.В. Плеханов, в качестве обоснования значимости аналитических мероприятий, связанных с осуществлением оценки степени эффективности компаний, отмечают возможности «выявить границы соотношения полученных результатов и расходов для их достижения», что подразумевает в дальнейшем успешность выбора оптимального варианта повышения эффективности хозяйственной деятельности. [53, с. 174] Согласно точке зрения научных сотрудников А.Б. Кознова и В.Г. Макеевой, грамотная оценка, а также всеобъемлющее понимание экономического и финансового положения своей компании позволяет принимать верные управленческие решения, поэтому осуществление оценки эффективности деятельности компании авторами признается в качестве достаточно значимого мероприятия. Также отмечается, что «результаты такой оценки помогают руководителям выявить слабые стороны и провалы в функционировании», а также «оценить возможные перспективы развития». [52, с. 127]

С позиции Е.Е. Румянцевой, значимость анализа экономической деятельности компании состоит в ряде аспектов, а именно – «систематического контроля за выполнением планов реализации продукции и получением прибыли; выявления факторов, оказывающих влияние на объем реализации и финансовые результаты; выявления резервов увеличения объема реализации продукции и сумму прибыли; разработки мероприятий по использованию выявленных резервов». [90, с. 48–49] Наконец, с точки зрения Т.Л. Безруковой, А.Н. Борисова, а также И.И. Шанина, роль такой смысловой категории состоит в наличии воздействия на все стадии общественного производства, а также признании экономической эффективности в качестве «основы построения количественных и качественных критериев деятельности, ее использования для формирования материально-структурной, функциональной и системной характеристик процессов расширенного воспроизводства». [21, с. 73, 75]

Таким образом, осуществление оценки эффективности деятельности компаний необходимо признать в качестве значимого мероприятия, что обуславливается рядом причин, в том числе возрастанием турбулентности экономического развития и рисков наличия кризисных явлений, способных нанести немалый ущерб интересам хозяйствующего субъекта. Также важным представляется отметить, что важность исследуемой тематики состоит в обретении новых возможностей для управленческого состава фирмы, поскольку дефиниции степени эффективности деятельности подразумевает повышении экономического результата вследствие принятия решений, качественного прогнозирования будущего положения и выявления резервов.

Кроме того, данное направление выступает неотъемлемым резервом рационализации производственно-хозяйственной деятельности, проблематика которой активно обсуждается в отечественном научном сообществе. [34]

Среди трудов ученых-экономистов, являющихся авторами фундаментальной литературы, подробно исследовавших различные аспекты осуществления анализа эффективности деятельности организации и предложивших свой методический инструментарий для его реализации, необходимо выделить работы Г.В. Савицкой, В.Я. Позднякова, Н.В. Войлотовского, А.П. Калининой, И.И. Мазуровой, Е.Е. Румянцевой, Г.В. Шадринной, Н.А. Казаковой, Е.Е. Кузьминой и Л.П. Кузьминой, В.И. Бариленко, а также Н.Б. Акуленко, В.Ю. Гарновой и В.А. Колоколова.

В частности, отметим, что В.Я. Поздняковым была предложена методика оценки и анализа экономической эффективности предприятия на базе обобщающих финансово-экономических показателей, Н.В. Войлотовский рассматривает анализ эффективности сквозь призму, прежде всего, анализа рентабельности хозяйственной деятельности. Методический инструментарий Г.В. Савицкой связан с осуществлением анализа эффективности в отношении узких направлений деятельности компаний (инвестиционной деятельности, использования трудовых ресурсов, основных средств и др.), В.И. Бариленко же рассматривает применение показателей стоимости компании, а также методики сравнительной рейтинговой оценки эффективности фирмы на основе бенчмаркетинга.

Также особое внимание следует уделить некоторым результатам исследования рассматриваемого вида анализа хозяйственной деятельности, публикуемые в научной периодике. В частности, Л.А. Панфиль и Е.Э. Муртазина, помимо подробного рассмотрения понятия «эффективность», реализовали в своей научной работе систематизацию подходов, в полной мере затрагивающие важнейшие критерии экономической эффективности предприятий различных промышленных отраслей. По мнению авторов, в их число следует включить следующие [76, с. 754–755]: (1) «структурный подход Куросавы, ... который состоит из трех компонентов»; (2) «семейство показателей для оценки результатов деятельности»; (3) способ экспресс-оценки эффективности» (подразумевает множество различных видов анализа); (4) «бенчмаркинг», то есть «процесс сравнения деятельности организации с лучшими компаниями на рынке и в отрасли». О наличии проблемы отсутствия единственно верного подхода к выработке системы, позволяющей проанализировать степень эффективности функционирования компании, отмечает отечественный автор Е.Д. Кан. [47, с. 123] При этом, ученым-экономистом предлагается несколько иной перечень подходов к оценке эффективности, включающий в себя три ключевых направления: «комплексный подход», «методика оценки хозяйственной деятельности на основе комплексных и интегральных показателей» и «количественное отношение экстенсивности и интенсивности экономического развития». [47, с. 127]

Важнейшим результатом исследования И.И. Моисеевой и Д.С. Тормышева выступает дефиниция ключевых аналитических направлений, задействование которых является немаловажным при применении метода экспресс-анализа, включающие в себя такие элементы, как: «оценка экономического потенциала; оценка финансовой стабильности; оценка «больных» статей отчетности, сигнализирующих о проблемах компании; оценка эффективности компании; оценка динамики основных показателей организации; а также анализ «оцененности» организации и бенчмаркинг» [68, с. 201]. В этой связи замечается некоторая доля противоречия с точкой зрения отмеченных ранее Л.А. Панфиль и Е.Э. Муртазиной, поскольку бенчмаркинг в данном случае признается в качестве одного из компонент экспресс-анализа, а не отдельной, укрупненной концепции, позволяющей определить эффективность экономической деятельности фирмы.

Тем не менее, несмотря на обширность имеющихся подходов к анализу эффективности деятельности организации, как утверждают И.В. Моисеева и Д.С. Тормышев, «наиболее распространенной [прим. – в российской практике] и удобной является система показателей, предложенная Г.В. Савицкой» [68, с. 200].

Весьма примечательной является работа А.С. Родионова, которым изучен зарубежный опыт дефиниции экономической эффективности деятельности компании. В частности, как отмечает автор, в зарубежной практике наиболее информативным считается показатель промежуточного коэффициента покрытия, показывающий уровень дифференциации покрытия ликвидными активами текущих обязательств. Также исследователем отмечается, что «одним из популярных финансовых критериев ... остается доходность, или рентабельность собственного капитала». [88, с. 42–44]

В свою очередь, среди представителей зарубежного сообщества, описавших методический инструментарий указанного вида анализа, важным выступает выделить таких авторов, как Т.М. Девинни, Г.С. Йип и Г. Джонсон, Дж. Куббин и Дж. Тзанидакис, А. Т. О’Доннел и Дж. Суэльз, П.П. Дрейк и Ф. Дж. Фабоцци.

Одним из ранних исследований в области измерения эффективности компании и предложения методического инструментария может служить работа А.Т. О’Доннела и Дж. К. Суэльза, в которой указывается возможность применения трех видов показателей, а именно: (1) мера Дауни (Downie measure), определяющаяся как отношение валовой добавленной стоимости к сумме двух переменных, в которой первая рассчитывается как произведение альтернативной экономической стоимости труда и количества работников в компании, а вторая выражается через произведение альтернативной стоимости капитала и капитальных вложений; (2) мера Фаррелла, базирующаяся на расчете отношения фактического выпуска компанией продукцией к максимальному выпуску товаров, работ (услуг) для

фирмы, ведущей свою деятельность в данной отрасли (соответственно, происходит построение на графике так называемой «границы эффективности»); (3) измерение остаточным способом, концепция которого отчасти похожа на предыдущую и базируется на признании возможности предсказания максимального уровня выпуска при использовании определенного набора ресурсов, однако в данном варианте используется более продвинутый математический аппарат, направленный на поиск модели, способной предсказать максимальный объем выпуска компании. [13, с. 189–190] В результате авторы приходят к выводу о превалировании уровня корреляции между показателем рентабельности хозяйственной деятельности и указанных ранее мер, соответственно ими отмечается в целом возможность применения рентабельности в качестве обобщающего показателя эффективности компании, однако также выделяется существенность уделения внимания осторожности при таком использовании. [13, с. 193]

Заслуживает внимания исследование Дж. Куббина и Дж. Тзанидакиса, направленный на обобщение путей оптимального использования и рекомендаций по избеганию неверного применения двух наиболее общих инструментов анализа эффективности, а также дефиниции фундаментальных различий в части их практического использования. Первым из таких методов выступает регрессионный анализ, в рамках которого предлагается использовать положение компании в системе координат «затраты – выпуск» относительно линии регрессии как индикатор эффективности. В этой связи, как отмечается исследователями, эффективность компании характеризуются как ниже среднего при нахождении выше данной линии и наоборот. Второй элемент методического инструментария – анализ среды функционирования – является альтернативой указанного ранее способа и подразумевает дефиницию «границы или наилучшей эффективности вместо линии среднего значения в совокупности данных». [3, с. 41]

Кроме того, высокую значимость представляют научные результаты работы Т.М. Девинни, Дж. С. Ипа и Дж. Джонсона, поскольку авторы сопоставляют между собой применения общепринятого подхода измерения экономической эффективности на базе расчета специфических показателей (в частности, рентабельности активов и продаж, дохода на вложенный капитал и общего дохода акционеров) с подходом, основанным на анализе среды функционирования. В результате исследователи приходят к выводу о возможности дефиниции уровня эффективности фирмы с использованием последнего из названных подходов, несмотря на ряд особенностей, в том числе отсутствии идеальных результатов при определении некоторого единого (интегрального) показателя эффективности. [4]

Методология исследования базируется на использовании общенаучных методов, в том числе системный анализ. В этой связи в совокупность методов включаются в частности анализ различных литературных источников и

аналитических материалов, осуществление синтеза информации, сопоставления данных, а также экспертных оценок путем проведения интервью с представителями экспертного сообщества.

Выводы исследования базируются на материалах, взятых преимущественно из литературных источников, подразумевающих осуществление фундаментальных и прикладных исследований по анализу эффективности деятельности компании. Особое внимание уделено анализу трудов отечественных авторов фундаментальной литературы по экономическому анализу, в частности, Г.В. Савицкой и Н.В. Войлотовского, поскольку указанные авторы признаются научным сообществом в качестве одних из основоположников экономического анализа, результаты исследования которых подтверждены на практике с точки зрения обоснованности и целесообразности.

В рамках анализа эффективности деятельности организации в настоящее время имеется достаточно широкий перечень методического инструментария, различающийся в определенных аспектах в литературе российских и зарубежных исследователей, что обуславливает некоторую степень трудностей для специалистов-аналитиков при выборе используемых методов. В результате осуществления систематизации и рассмотрения различий точек зрения отечественных исследователей выявлено, что в целом можно предложить две модели проведения анализа эффективности, включающих в себя сокращенный и расширенный варианты.

Первый из указанных подразумевает осуществление оценки и анализа экономической эффективности путем анализа обобщающих финансово-экономических показателей деятельности фирмы, методика которой предлагается в фундаментальном исследовании В.Я. Позднякова. В частности, специалисты анализируют структуру и динамику изменения активов и пассивов бухгалтерского и агрегированного баланса, рассчитывают показатели оборачиваемости текущих активов и пассивов организации, периодов финансового и операционного цикла, сопоставляя в дальнейшем с пороговыми значениями, а также ряд других мероприятий, указанных на рис. 4.1. Согласно точке зрения российских исследователей М.П. Белодуриной и Ю.С. Андреевой, отличительной особенностью подхода В.Я. Позднякова выступает признание рентабельности в качестве основного результирующего показателя, определяющего степень экономической эффективности работы компании. Такая позиция представляет собой одно из направлений экономического подхода, в рамках которого эффективность оценивается через показатели рентабельности. [23, с. 120]

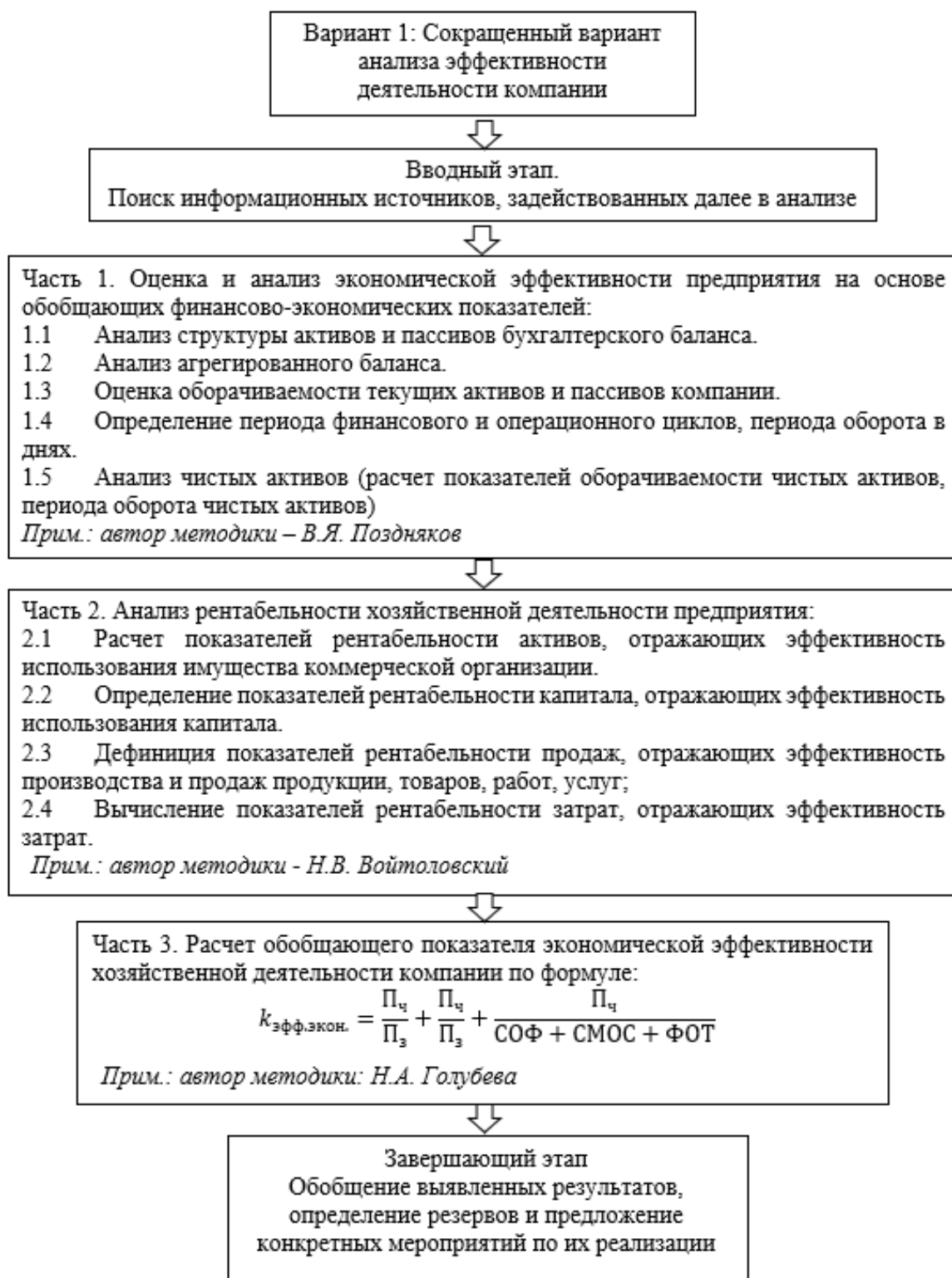

Рис. 4.1. Сокращенный вариант анализа эффективности деятельности компании

Кроме того, в соответствии с подходом Н.В. Войтоловского, допустимым является расчет показателей рентабельности хозяйственной деятельности с последующим анализом, что включает в себя определение значений показателей рентабельности активов, капитала, продаж и затрат. В данном

случае, согласно точке зрения автора, помимо осуществления расчета индикаторов, относящихся к вышеуказанным группам, следует провести факторный анализ по определенной методике. При этом, при реализации аналитических мероприятия необходимо учитывать ряд особенностей, выделяемых российским исследователем. [106]

Завершать анализ может дефиниция обобщающего показателя экономической эффективности хозяйственной деятельности по методике Н.А. Голубевой, рассчитывающийся как сумма трех компонент. В данном случае автором предлагается модель осуществления оценки эффективности социально ответственной деятельности, при этом, экономическая эффективность является одним из компонентов такой модели. Исходя из особенностей настоящего исследования, при котором акцент делается на экономической составляющей, данный коэффициент берется изолированно от модели, предлагаемой автором, однако не теряет своей репрезентативности и демонстрирует особенности подхода отечественного исследователя, при котором ключевое значение отдается показателю рентабельности. [29]

В то же время расширенный вариант методического инструментария, действовавшего в ходе данного вида анализа, на наш взгляд, может включать в себя проведение аналитических мероприятий в рамках узких направлений деятельности, что предлагается Г.В. Савицкой. Необходимо сделать вывод о том, что отдельного раздела в фундаментальном исследовании Г.В. Савицкой, посвященного теоретическим аспектам, этапам и особенностям проведения анализа эффективности деятельности предприятия, не наблюдается. Тем не менее, примечательно особенностью выступает тот факт, что во многих главах автор ссылается на эффективность предприятия в определенной узкой сфере и далее предлагает конкретные показатели для ее определения. В частности, среди стоящих перед маркетинговым анализом задач отмечается «оценка устойчивости и эффективности производства и сбыта продукции», следовательно, указанный элемент автор относит в качестве одного из этапов осуществления анализа, а в рамках главы «Анализ производства и реализации продукции» указывается следующее: «система формирования ассортимента включает ... [прим. – в качестве одной из задач] оценку экономической эффективности и степени риска изменений в ассортиментной продукции». [92]

Помимо этого, в отечественной литературе встречается методика анализа эффективности бизнеса на основе стоимости компании и сравнительной рейтинговой оценки на базе бенчмаркетинга, предложенная В.И. Бариленко. По мнению данного исследователя, объектами оценки эффективности выступают операционная, инвестиционная и финансовая деятельность экономического субъекта. В этой связи, как видится автором, обоснованным выступает применение системного подхода, при котором выделяют три компоненты, а именно – экономичность (вход в бизнес-систему), продук-

тивность (процесс преобразования ресурсов в результаты) и результативность (выход из бизнес-системы). В этой связи в зависимости от указанных ранее элементов и видов хозяйственной деятельности В.И. Барыленко отмечает такие индикаторы, как цена приобретения единицы ресурса, материалоотдача, производительность труда, целевые значения операционной прибыли и денежного потока и другие показатели, расчет которых позволяет сформировать мнение об уровне эффективности деятельности компании. Примечательной особенностью данного подхода выступает указание автором методик комплексной оценки эффективности бизнеса на базе показателей стоимости компании, а также сравнительной рейтинговой оценки эффективности деятельности компании на основе бенчмаркетинга. В рамках использования рейтингов автором предлагаются следующие этапы для реализации: (1) подбор системы показателей, по которым будет оцениваться результаты хозяйственной деятельности организаций; (2) определение по каждому из показателей лучшего значения, принимающиеся за единицу, а далее – деление оставшихся показателей строки на лучшее значение показателя, в результате чего обеспечивается создание матрицы стандартизованных коэффициентов; (3) возведение в квадрат всех элементов матрицы координат. [55]

В свою очередь, в научных трудах представителей зарубежного сообщества выделяется несколько иной методический инструментарий. Прежде всего, высокая частота упоминания характерна для такого инструмента, как анализ среды функционирования, не нашедшего существенное распространение в рамках фундаментальных и прикладных исследований российских авторов. Краткое изложение теоретических основ его применения, в частности, встречается в труде Дж. Куббина и Дж. Тзанидакиса. [3]

В этой связи авторами указывается математическое отображение смысла указанного метода, которое состоит в дефиниции компаний с наибольшей эффективностью в выбранной отрасли, что находит свое выражение через формулу, при которой затраты на производство определенного вида продукции компании равняется сумме двух показателей – минимально возможных затрат и фактора эффективности:

$$C_i = MIN[C_i|Y_i] + u_i \quad (4.1)$$

где C_i – сумма затрат на производство i -го товара, Y_i – уровень выпуска i -го товара, u_i – фактор эффективности в отношении i -го товара, $MIN[C_i|Y_i]$ – минимально допустимые затраты на выпуск i -го товара.

Таким образом, основные усилия должны специалистов-аналитиков, как видится, должны направляться на дефиницию уровня минимально допустимых затрат, а непосредственно сам показатель эффективности исходя из указанной ранее формулы можно выразить следующим образом:

$$u_i = C_i - MIN[C_i|Y_i] \quad (4.2)$$

где C_i – сумма затрат на производство i -го товара, Y_i – уровень выпуска i -го товара, u_i – фактор эффективности в отношении i -го товара,

$MIN[C_i|Y_i]$ — минимально допустимые затраты на выпуск i -го товара.

Соответственно, уровень эффективности, как справедливо отмечают Т.М. Девинни, Дж. С. Ип и Дж. Джонсон, с точки зрения графического отображения может также выражаться как дистанция между позицией фирмы и пограничным положением, которое занимает в системе координат компания с наибольшим (100%) уровнем эффективности. [4, с. 925]

При этом важно различать спектр ограничений, свойственных применению указанного метода, заключающиеся в частности в необходимости использования данных с высокой степенью репрезентативности, обратный же случай влечет за собой риски неверного определения компаний, находящихся на границе. [4, с. 926] Отметим, что при использовании бухгалтерской информации в аналитических целях непосредственно специалистами внутри организации, следует задействовать ту часть, которая была подвергнута «верификации с помощью методов и процедур аудита в части контроля общей экономической политики предприятия». [35]

Указанные ранее авторы подробно раскрывают этапы построения компаний с наибольшим уровнем эффективности (англ. — «performance frontier»), занимающих пограничное положение на графике. Прежде всего, научным коллективом отмечается сбор данных, который в свою очередь, должен опираться на принципы сопоставимости и репрезентативности. При анализе одновременно фирм из различных отраслей экономики, необходимо убедиться в отсутствии значимых изменений в их структуре за рассматриваемый временной период (в связи с рисками искажения показателей эффективности, например, из-за высокого количества слияний и поглощений). В этой связи авторами используется категории отраслевой сегментации Доу-Джонса для дефиниции отраслей при анализе.

Следующим этапом является подбор финансовых показателей, используемых для анализа эффективности функционирования компании (в этой связи могут применяться бухгалтерские, рыночные и гибридные показатели). Далее, в соответствии с рассматриваемым подходом следует провести непосредственный расчет показателей за исследуемый период, а далее — выполнить вычисления по определению уровня корреляции между показателями эффективности, а также их обеспечить реализацию факторного анализа. После этого, полученные ранее математические результаты применяются для определения компаний с максимальным уровнем эффективности для каждой отрасли.

Важно при этом отметить, что авторами в процессе исследования был сделан вывод о том, что использование различного перечня показателей эффективности имеет в дальнейшем различную степень репрезентативности, а наиболее успешные результаты показало использование только трех элементов — показателей рентабельности общих активов (ROTA), общего дохода акционеров (TSR) и коэффициента Тобина (Tobin's q).

Кроме того, в зарубежных исследованиях в качестве ключевого методического инструментария, задействованного для реализации аналитических мероприятий в отношении уровня эффективности хозяйственной деятельности, также отмечается регрессионный анализ. Такой инструмент позволяет определить эталонный уровень затрат компании со средним уровнем эффективности и таким же уровнем выпуска продукции по отношению к оцениваемому предприятию. [3, с. 40]

Несколько иной подход к анализу эффективности встречается в исследовании П.П. Дрейк и Ф. Дж. Фабоцци, базирующийся на расчете комплекса финансовых показателей. Как отмечают зарубежные исследователи, наиболее популярными инструментами в этой связи являются показатели рентабельности, в том числе активов и собственного капитала. В то же время также выделяются показатели добавленной стоимости экономической прибыли и рыночной стоимости компании. [11]

Результаты исследования могут быть применены при разработке методических пособий по анализу эффективности деятельности организации, а также в прикладных исследованиях отечественных авторов. Кроме того, проведенный анализ представляет высокую степень актуальности и значимости не только для представителей научного сообщества, но и специалистов-практиков, перед которыми стоит задача проанализировать уровень эффективности компании с использованием более продвинутого методического инструментария.

Таким образом, необходимо сделать вывод о наличии как областей соприкосновения, так и существенных различий в отношении методического инструментария анализа эффективности деятельности организации в российских и зарубежных исследованиях. Прежде всего, отметим слабое распространение среди представителей российских научного сообщества метода анализа среды функционирования. В свою очередь, в зарубежной практике уже длительное время такой метод применяется и существует достаточное количество исследований, направленных на его совершенствование с точки зрения практической имплементации. В отношении регрессионного анализа зафиксировано также отсутствие явной популяризации в российской фундаментальной и прикладной литературе. В свою очередь, в иностранной литературе подобный инструмент признается в качестве одного из наиболее широко используемых. Сходства методического инструментария зафиксированы в отношении оценки показателей рентабельности хозяйственной деятельности, признаваемых в обоих случаях инструментом, демонстрирующим высокую степень репрезентативности. Соответственно, как видится, применительно к российскому научному сообществу имеет место слабая актуализация использования иностранных источников, что обуславливается отчасти сложившимися проблемами системы экономического образования в России, в том числе недостаточной степени взаимосвязи сфер образования и науки. [37, 6]

На наш взгляд, широко упоминаемый в зарубежной литературе методический инструментарий, с учетом некоторых особенностей, допустимо использовать и российскими авторами в фундаментальных и прикладных исследованиях. В частности, при необходимости задействования при анализе эффективности хозяйственной деятельности компаний России, не публикующих отчетность по МСФО, может возникнуть необходимость использования несколько иного перечня показателей, расчет которых необходим в случае применения анализа среды функционирования. Также некоторая степень неопределенности, как видится, заключается в использовании отраслевой сегментации Доу-Джонса для определения отраслей при анализе эффективности широкого спектра организаций. В данном случае следует провести дополнительные исследования по данному вопросу. Представляется, что одним из решений проблемы может стать применение иной классификации, адаптированной под специфику разделения отраслей экономики в Российской Федерации.

4.4. Направления развития механизма обеспечения финансовой безопасности страховых организаций

Страхование является действенным механизмом защиты от рисков, сопровождающих финансово-хозяйственную деятельность субъектов хозяйствования, жизнь граждан. В этой связи страхование играет важную роль в системе преодоления угроз экономической безопасности. Кроме того, страховые организации, аккумулируя значительные финансовые ресурсы в страховых фондах, являются значимым источником инвестиций и играют ключевую роль в ускорении кругооборота финансовых средств. Рост стоимости активов финансовых посредников и связанной с этим добавленной стоимости оказывает позитивное влияние на увеличение ВВП, занятость населения и обеспечение экономической безопасности страны.

Вместе с тем, рисковый характер страховой деятельности, вероятностное движение финансовых потоков в страховании определяет повышенный уровень рисков платежеспособности, финансовой стабильности самих страховых организаций. Неплатежеспособность страховой организации несет в себе угрозы финансовой безопасности рынка страховых услуг и, как следствие, угрозы экономической безопасности страны.

В качестве примера можно привести страховую компанию American International Group, Inc. (AIG), которая вследствие невзвешенной андеррайтинговой политики в сфере страхования рисков, связанных с ипотекой, неадекватной оценки принимаемых на страхование рисков и возможностей их собственного удержания оказалась на грани банкротства в разгар ипотечного кризиса США 2007–2008 гг. Неустойчивое финансовое состояние данного страховщика обусловило рост рисков в деятельности ее партнеров, таких гигантов, как Goldman Sachs, Morgan Stanley, Bank of America, Merrill

Lynch и др. В результате для стабилизации положения Правительством США была предоставлена финансовая поддержка страховщику на сумму свыше 180 млрд. долл. США [15].

В этой связи вопросы финансовой безопасности страховых организаций, преодоления угроз финансовой безопасности страховой организации, рынка страховых услуг, в целом, занимают важное место в механизме обеспечения экономической безопасности страны.

Вопросы обеспечения финансовой безопасности, в частности рынка страховых услуг, достаточно глубоко исследованы [22, 64, 95, 103, 105], находятся в центре внимания регуляторов, органов страхового надзора. Вместе с тем, остается до конца нерешенным вопрос разработки и внедрения в практику оптимального механизма раннего выявления и предупреждения рисков, угроз финансовой безопасности страховщиков.

Анализ подходов к определению содержания финансовой безопасности в научной литературе показывает, что финансовую безопасность определяют: как состояние защищенности интересов экономического субъекта, как состояние рационального использования ресурсов экономического субъекта, как совокупность процессов достижения гармонизированного состояния экономического субъекта и как стабильную и динамичную систему по обеспечению субъекта требуемыми финансовыми ресурсами [64, с. 13].

Определяющую роль в обеспечении финансовой безопасности выполняет институциональный механизм, мотивирующий субъектов финансовой безопасности к формированию и выбору рациональных стратегий поведения на основе детерминированной взаимозависимости между снижением вероятности угроз безопасности и повышением экономических результатов их деятельности [64, с. 15].

В страховом секторе основу такого институционального механизма составляет система требований и надзора за платежеспособностью страховых организаций.

На современном этапе идет поступательное реформирование систем надзора за финансовой устойчивостью и платежеспособностью страховщиков в Европейском союзе, странах ЕврАзЭС, предусматривающее внедрение риск-ориентированного подхода в регулировании страхового рынка, который реализован в системе требований Solvency II. Особенность данной системы состоит в оценке платежеспособности исходя из индивидуальных рисков, присущих конкретному страховщику.

Система требований Solvency II состоит из трех компонент (Pillar 1, 2, 3):

- 1) количественные требования к капиталу. Предполагает установление требований к методам оценки активов и обязательств, в том числе страховых резервов, к структуре капитала и к количественной оценке рисков;

- 2) система корпоративного управления. Предполагает установление требований к системе управления рисками, самостоятельной оценке рисков

и платежеспособности, внутреннего контроля, внутреннего аудита, актуарной функции, квалификации высшего руководства;

3) требования к раскрытию информации и отчетности. Предполагает установление требований в отношении публичной и конфиденциальной отчетной информации по оценке платежеспособности на основе риск-ориентированного подхода, периодичности предоставления отчетной информации, формата передачи отчетных данных.

Правила платежеспособности распространяются на страховщиков жизни и не жизни, на перестраховщиков, касаются оценки активов и пассивов, технических условий, формирования страховых резервов, требований платежеспособности, минимального капитала и инвестиционных правил и многих других требований, включая и ликвидацию страховых компаний.

Основной целью перехода к указанной трехступенчатой системе требований к страховым организациям является необходимость адекватной оценки рисков, их влияния на платежеспособность организации и создания действенной системы раннего предупреждения негативного влияния на финансовое состояние страховой организации таких рисков, которая гарантировала бы соблюдение интересов всех основных участников страховых отношений (страховщиков, государства и страхователей, застрахованных).

Создание системы риск-ориентированного надзора за страховой деятельностью и внедрение принципов Solvency II в оценке платежеспособности страховых организаций является одним из приоритетов развития страхового рынка Республики Беларусь.

В рамках данной работы реализован ряд шагов по внедрению отдельных из обозначенных выше требований Solvency II.

С 2016 г. к страховым организациям предъявляются требования к организации систем внутреннего контроля и аудита, а также управления рисками. Инструкцией об организации системы внутреннего контроля, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 28 сентября 2016 г. №86, установлены общие требования и принципы организации таких систем.

В целях обеспечения информационной прозрачности Министерством финансов установлены требования по раскрытию информации о деятельности страховой организации, страхового брокера.

Так, страховые организации обязаны обеспечить доступ к информации о государственной регистрации, специальном разрешении (лицензии) на осуществление страховой деятельности, осуществляемых видах страхования и их условиях (правилах), а также информации о бизнес-плане развития, финансовом положении и организационной структуре страховщика.

Доступ к данной информации может быть обеспечен путем публикации, размещении на официальном сайте организации в сети Интернет, а также путем предоставления по запросам заинтересованных.

Кроме того, страховые организации обязаны публиковать в печатных средствах массовой информации данные годовой индивидуальной бухгалтерской отчетности вместе с аудиторским заключением по этой отчетности.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» начиная с 2017 года страховые организации как общественно значимые организации обязаны составлять консолидированную бухгалтерскую (финансовую) отчетность по Международным стандартам финансовой отчетности.

Вместе с тем, для внедрения концепции риск-ориентированного подхода в регулировании рынка страховых услуг Республики Беларусь необходима системная трансформация системы требований к платежеспособности страховых организаций и методов надзора за деятельностью страховых организаций.

Полноценное внедрение требований всех компонент Solvency II в деятельность белорусских страховых организаций возможно при осуществлении следующих последовательных регуляторных шагов:

- внедрение требований первой компоненты, в том числе минимальные требования к капиталу (MCR) и требования к капиталу для обеспечения платежеспособности (SCR), разработка сценариев стресс-тестов, разработка и утверждение внутренних моделей оценки рисков;
- внедрение требований второй компоненты, а именно совершенствование требований к системам собственной оценки рисков, системе корпоративного управления, диагностика и совершенствование системы внутреннего контроля;
- внедрение требований к отчетности страховых организаций в рамках третьей компоненты.

Для внедрения новой системы контроля платежеспособности страховых организаций Solvency II в Республике Беларусь целесообразно определить краткосрочный план мероприятий данного процесса, включающий в себя, в том числе, следующие шаги:

1) анализ и обобщение международного опыта регуляторов по внедрению / подготовке к внедрению принципов Solvency II в систему пруденциального регулирования и надзора за деятельностью страховщиков. Основной целью данного анализа является определение подхода к полноте и последовательности внедрения компонентов Solvency II для белорусских страховщиков с учетом международного опыта и специфики страхового рынка Республики Беларусь;

2) оценку регулирующего воздействия Директивы Solvency II на национальный страховой рынок. Основной целью оценки является идентификация законодательных и иных барьеров для полномасштабного внедрения принципов Solvency II в правовое поле Республики Беларусь, а также разработка комплекса мер по урегулированию данных барьеров;

3) разработку детальной дорожной карты внедрения Solvency II в Республике Беларусь, основной целью которой является определение ключевых мероприятий по внедрению Solvency II, а также сроков их реализации. В рамках дорожной карты планируется также определить:

- план подготовки нормативных правовых актов Министерства финансов Республики Беларусь в области Solvency II;

- перечень предполагаемых количественных исследований с привлечением фокус-групп страховщиков, направленных на моделирование воздействия новых регуляторных требований на страховой рынок. В рамках данного перечня должны быть определены предметы данных исследований (исследуемые параметры) и ожидаемые сроки их проведения;

- план и сроки переходного периода для страховщиков;

- график проведения обучающих мероприятий как для сотрудников Министерства финансов Республики Беларусь, так и для представителей страхового рынка.

Процедура оценки платежеспособности и финансовой устойчивости страховых организаций является довольно сложной, требует сбора и моделирования обширной информации, применения трудоемких методов экономико-математического анализа, результаты которого не всегда понятны конечному потребителю в лице страхователей и собственников страховых организаций.

Современная система бухгалтерского учета и отчетности страховщиков Республики Беларусь не в полной мере позволяет применить указанные методы оценки рисков на практике. Кроме того, большинство страховых организаций республики, кроме двух-трех государственных, обладают небольшим объемом собственного капитала и осуществляют ограниченное количество страховых услуг, что соответственно негативно сказывается на интенсивности поступления финансовых ресурсов. Следует также отметить дефицит специалистов, обладающих необходимыми компетенциями и способными осуществлять сложные актуарные расчеты.

В этой связи на первом этапе реформирования методов надзора за страховой деятельностью предлагается несколько упрощенная система оценки основных параметров Solvency II. Они должны главным образом предоставлять обоснование оптимального размера необходимого капитала. Принципы его обоснованности предполагают:

- 1) учет специфики основных видов страховых услуг в укрупненном виде;

- 2) обоснованный размер объема страховых обязательств по каждому из них на год, обеспечивающий с вероятностью 99,5 % полное их погашение;

- 3) учет основных видов риска, отражающих объем покрытия по каждому конкретному виду и договору страхования.

Размеры предполагаемых выплат должны отвечать принятой финансовой стратегии данной компании. Для этого целесообразно учитывать перспективу развития с учетом влияния внешних факторов, степени конкуренции, возможности внедрения новых видов страховых продуктов.

В рамках подготовки к внедрению принципов новой системы контроля платежеспособности страховых организаций в Республике Беларусь необходимо создать предпосылки, которые могут позволить сделать этот переход плавным и максимально облегченным для страховых организаций. К ним целесообразно отнести:

1) Внедрение международных стандартов финансовой отчетности. Применение принципов МСФО позволило бы создать единообразное понимание основных показателей, отражающих финансовое положение страховщиков;

2) унификацию требований к статистической отчетности и отчетности в целях надзора за платежеспособностью страховых организаций;

3) разработку целевой технологии сбора и обработки отчетности страховых организаций в периметре регулирования и надзора;

4) внедрение международного языка деловой отчетности – XBRL – eXtensible Business Reporting Language;

5) развитие института актуариев.

Одним из обязательных условий внедрения новой системы государственного надзора за страховым сектором является создание должной информационной базы. Широкому сообществу страхователей должна предоставляться открытая, реальная и прозрачная информация о финансово-хозяйственной деятельности страховой организации, о ее финансовом положении. Она обязана отражать устойчивость осуществляемых страховых операций, а также уровень платежеспособности в момент заключения и в течение всего срока действия договора страхования.

Осуществленный нами анализ национальной и международной международной практики составления бухгалтерской (финансовой) отчетности позволил выявить некоторые отличия, которые снижают информативность данных бухгалтерской отчетности страховых организаций республики. К главным из них можно отнести следующее.

1. Разные цели использования финансовой информации. Бухгалтерская отчетность страховых организаций Республики Беларусь содержит в основном достоверное представление о состоянии финансового положения страховой организации, изменении его финансовых результатов. В то время как в соответствии с международными стандартами целью финансовой отчетности является получение информации не только о современном финансовом состоянии, конечных результатах деятельности за отчетный период, но и о движении денежных средств страховых компаний в будущем. Именно эти данные представляют значительный интерес для широкого круга пользователей с целью принятия обоснованных экономических решений. Кроме

того, финансовая отчетность в соответствии с международными стандартами позволяет ознакомиться с результатами управления финансовыми ресурсами, доверенными руководству компании. Вследствие этого отчетность по национальным стандартам представляет недостаточно информации о деятельности страховой организации, которая необходима для комплексной оценки результативности функционирования страховщиков. Финансовая отчетность, подготовленная в соответствии с МСФО, широко используется инвесторами, потребителями, а также другими участниками финансового рынка. Бухгалтерская отчетность страховых организаций, составленная по национальным стандартам, оценивается главным образом органами государственного управления и статистики. Между тем, эти группы пользователей имеют различные экономические интересы, соответственно нуждаются в широком объеме достоверной информации. В результате финансовая отчетность недостаточно обеспечивает требования многочисленных участников данного процесса.

2. Финансовая отчетность, составленная по требованиям национальных и международных стандартов, базируется на разных принципах. В соответствии с МСФО содержание любых операций учитывается в соответствии с их юридической формой и характеризует экономическую сущность этих действий. Национальные стандарты учета аналогичных операций чаще всего учитывают заранее предусмотренную форму и не всегда позволяют учесть экономическое содержание проводимых хозяйственных операций.

3. Существенное отличие имеется и в отражении различных затрат. В то время как в белорусской системе учета затраты отражаются только после выполнения страховых услуг, то в МСФО их учитывают на стадии получения предполагаемого дохода.

4. Различия имеются также в терминологии отдельных элементов отчетности, а также в последовательности их изложения. Так, определение активов в национальных стандартах отчетности представлено в виде показателей разделов «Внеоборотные активы» и «Оборотные активы» бухгалтерского баланса. В отчетности МСФО активы характеризуются как ресурсы, которые контролируются компанией в результате событий прошлых периодов, от которых они ожидают экономической выгоды в будущем. В белорусских стандартах отсутствует также определение обязательств. Обязательства рассматриваются в виде показателей бухгалтерского баланса в разделе «Краткосрочные и долгосрочные обязательства». Более полное определение обязательства получают в отчетности МСФО, где они характеризуются как текущая задолженность компании, которая приведет к оттоку активов, приносящих выгоду. Различный подход имеется и в определении сущности капитала. В соответствии с белорусскими стандартами капитал представлен только в виде показателей разделов «Собственный капитал» и «Страховые резервы и фонды» бухгалтерского баланса. В МСФО капитал – это доля в активах компании, остающаяся после вычета всех обязательств.

Некоторые различия имеются и в полноте определения доходов и расходов, которые в белорусской практике раскрыты менее подробно.

5. Существенными являются и различия в методике определения страховых резервов (резерва незаработанной премии и неистекших рисков, резерва заявленных убытков, резерва произошедших, но не заявленных убытков и др.). Согласно Инструкции о порядке и условиях образования страховых резервов по видам страхования, не относящимся к страхованию жизни, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 17.12.2007 №188, применяются методы «pro rata temporis», «одной двадцать четвертой», по заявлениям страхователей, фиксированного размера 5% от страховых премий и др. При составлении отчетности по МСФО преобладают методы актуарной математики, например, методы «треугольников», цепных подстановок, метод Борнхуеттера – Фергюсона и др. Как показывает практика деятельности зарубежных страховых компаний, применение актуарных методов является более обоснованным для формирования страховых резервов в достаточном размере, создающем запас финансовой прочности страховщика.

6. Отличия в объеме представляемой отчетности. В белорусских реалиях это более 10 форм отчетности и приложений с пояснениями. Однако они в меньшей степени позволяют оценить результаты многоаспектной деятельности страховых организаций, поскольку не выделяют специфические операции конкретного периода времени. В отличие от национальных стандартов в системе МСФО необязательным является соблюдение определенной формы бухгалтерской отчетности. Как правило, варианты построения финансовой отчетности разрабатываются страховыми организациями самостоятельно и отражают специфику ее деятельности, в то же время они раскрывают более полно характер осуществляемых страховых операций. Объем финансовой отчетности по МСФО детализирован в разрезе видов страхования. Он включает также оценку изменений отдельных показателей за отчетный период и дает более полную характеристику эффективности заключенных договоров и других операций на финансовом рынке.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что одним из первостепенных предпосылок для разработки более эффективной системы надзора за платежеспособностью страховых организаций является формирование необходимой информационной базы, которая позволила бы более полно анализировать движение финансовых потоков с учетом результативной деятельности страховых организаций. Для этой цели в первую очередь необходимо усовершенствовать национальные стандарты бухгалтерского учета и отчетности путем гармонизации их положений с международными стандартами финансовой отчетности.

Совершенствование бухгалтерского учета и отчетности белорусских страховщиков на основе международных стандартов необходимо осуществлять комплексно в несколько этапов:

- 1) внедрить единый план счетов бухгалтерского учета некредитных финансовых организаций,
- 2) разработать и ввести в действие стандарты бухгалтерского учета некредитных финансовых организаций, учитывающие специфику организации их деятельности,
- 3) унифицировать требования к статистической отчетности и отчетности в целях надзора некредитных финансовых организаций,
- 4) обеспечить внедрение инновационной технологии сбора и обработки информации о деятельности страховой организации на подобии электронного формата XBRL. Это позволит расширить возможности мониторинга и регулирования деятельности страховщиков, повысит эффективность надзора за их платежеспособностью.

Реализация предложенных мер: позволит значительным образом улучшить качество данных, необходимых для качественной адаптации в национальной практике требований риск-ориентированного надзора в сфере страхования; обеспечит поэтапное внедрение требований всех компонент Solvency II, отвечающее потребностям и потенциалу национального страхового рынка; будет способствовать формированию действенной системы выявления и предотвращения угроз финансовой безопасности страховых организаций; создаст благоприятные предпосылки для гармонизации систем регулирования страхового рынка Республики Беларусь с системами регулирования стран Евразийского экономического союза. Внедрение риск-ориентированного подхода в практику страхового надзора повысит качество страховых услуг, укрепит надежность защитного механизма страхования, что повысит его роль в обеспечении экономической безопасности страны.

4.5.оборот контрафактной продукции как угроза экономической безопасности страны

Торговля контрафактными товарами достаточно устойчивая социально-экономическая проблема, масштабы которой продолжают расти. На 2020 год ущерб, наносимый экономике от оборота контрафактной продукции на территории государства, оценивается в 4,5 млрд. руб. [100].

Оборот контрафактной продукции создает серьезные проблемы для эффективного ведения бизнеса, благополучия потребителей, одновременно являясь ключевым источником дохода для организованных преступных групп. Для потребителей подделка представляет опасность для здоровья и жизни, это также может снизить удовлетворение потребителей, особенно когда неосознанно покупаются некачественные поддельные товары. Для владельцев прав интеллектуальной собственности и их уполномоченных поставщиков рост контрафакции приводит к потере доходов, в то время как

нарушение прав на товарные знаки постоянно снижает ценность бренда. Для правительства подделка означает потерю налоговых поступлений, большие расходы на обеспечение соблюдения законодательства в борьбе с контрафактной продукцией.

Фальсификаторы стремительно действуют в условиях глобализированной экономики, злоупотребляя зонами свободной торговли, пользуясь преимуществами многих законных механизмов содействия торговле и преуспевая в странах с неэффективными методами управления.

Согласно указа Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации, на период до 2030 года», высокий уровень криминализации и сохранения доли теневой экономики является одной из угроз национальной безопасности страны [96].

Для современного мира интеллектуальная собственность является таким фактором, который способствует конкуренции рынка, играет особую роль в продвижении инноваций и обеспечения устойчивого экономического роста государства. Однако в процессе глобализации и международной интеграции важность объектов интеллектуальной собственности обеспечило реализацию преступных групп бесплатно пользоваться чужими интеллектуальными ценностями и загромождать легальные торговые пути контрафактной продукцией.

Прежде чем говорить о сущности контрафактной продукции как одной из угроз экономической безопасности, необходимо определить, что представляет собой понятие «контрафактная» продукция. От латинского происхождения, слово «*contrafactio*» переводится как подделка. Однако в российском законодательстве и научной литературе нет единых определений контрафактной продукции.

В Гражданском кодексе РФ в п.1 ст.1515 контрафактная продукция представляет собой товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение [32]. В п. 4 ст.1519 ГК РФ указано, что «товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно использованы наименования мест происхождения товаров или сходные с ними до степени смешения обозначения, являются контрафактными» [32]. Из этого следует, что контрафактной считается продукция, содержащая заимствованные результаты интеллектуальной деятельности, которая распространяется, изготавливается и реализуется на рынке.

Кроме того, в научной литературе, контрафактной признается продукция, созданная на основе копии подлинного товара, без разрешения правообладателя [75]. Некоторые исследователи определяют контрафакцию как недобросовестную конкуренцию и обман покупателей, с помощью использование брендовых знаков [75].

В правовой практике и различных публицистических статьях нередко совмещают понятие «контрафактной» продукции с «фальсифицированной», которые воспринимаются как синонимы, однако, это два самостоятельных определения. Фальсифицированная продукция – это произведенная продукция, содержащая заведомо ложную или неполную информацию о соответствии изделия по договору закупки и поставки, обязательным требованиям к данному виду продукции, установленным нормативными документами, техническими регламентами, документами по стандартизации [27].

Контрафакт – это, в конечном счете, нарушение законных прав владельца интеллектуальной собственности.

Рынок контрафактной продукции, состоит из покупателей и продавцов. Покупателями могут являться как физические лица (потребители), так и юридические (фирмы, предприятия), которые закупают промежуточные компоненты, необходимые для производства собственного продукта. Некоторые поддельные товары параллельно с подлинными конкурируют на рынке, в связи с сильной похожестью на оригинальный товар. Успешный обман потребителя зависит от таких факторов, как внешний вид продукта, осведомленность покупателя о контрафакте, а также наличие правовых знаний о нарушении авторских прав.

Отмечается, что производители контрафакта, как и легальные производители могут сталкиваться с рыночными проблемами. Конечно незаконные производители пользуются значительными преимуществами, так как не несут затрат на рекламу, разработку продукта, соблюдения нормативных требований и выплат налогов. Но производители контрафакта, могут подвергнуться судебному наказанию.

Можно отметить три основных фактора которые стимулируют спрос на контрафактную продукцию. Во-первых, это свойства продукта, его цена и качество, во-вторых, это потребитель, его финансовое состояние, опасения, связанные с покупкой подозрительного товара, и в-третьих – институциональная среда, т.е. степень доступности и легкости приобретения контрафактной продукции (определенные штрафные санкции для покупателей контрафактных товаров). Конечно, степень доступности покупки контрафактных товаров различна в разных странах. В странах, где существуют штрафные санкции за покупку поддельной продукции, риск обнаружения и ожидаемые штрафы достаточно низки.

Таким образом, под контрафактной продукцией мы будем понимать продукцию, изготовленную и реализуемую на рынке с целью получения дохода, путем введения в заблуждения потребителей товара и реализации «своего» бизнеса под чужим брендом.

В различных источниках контрафактная продукция классифицируется по-разному. Можно привести несколько группировок. Например, по форме

выделяют контрафактные товары, которые подделывают внешние признаки оригинального изделия, но не соответствуют его качественным характеристикам и требованиям безопасности, также контрафакт, который соответствует качеству, но продается без согласия автора или правообладателя, т.е. с нарушением авторских прав. По степени опасности для государства и общества классифицируются высокоопасные товары (оружия (химического, биологического и токсического); наркотических, ядовитых, отравляющих и радиоактивных веществ) и низкоопасные (произведений художественного, исторического и археологического достояния, а также культурных ценностей, замаскированных под товары массового потребления) [31, с. 112].

Причинами, из-за которых распространяется контрафактная продукция достаточно много, эти причины можно разделить на группы, такие как: социально-экономические, организационно-правовые и нравственно-психологические [20, с. 234].

Организационно-правовыми причинами распространения контрафактной продукции являются:

- пробелы в законодательстве в сфере защиты интеллектуальной собственности;
- отсутствии единых методов расчёта оборота контрафактной продукции;
- предоставление участникам зон свободной торговли, на основании ТК ЕАЭС большого объема прав и свобод в перемещении товаров;
- нежелание правообладателей сотрудничать с компетентными органами в сфере защиты интеллектуальной деятельности;
- трудности распознавания контрафакта;
- использование недобросовестными импортерами (поставщиками) такого фактора, как отсутствие контроля на внутренних границах государств – членов Евразийского экономического союза при перемещении промышленной продукции, находящейся в незаконном обороте.

К социально-экономическим причинам распространения контрафактной продукции можно отнести:

- низкий уровень заработной платы и пенсий у большей части населения РФ;
- низкая осознанность потребителей о вреде контрафактной продукции. Некоторые потребители считают контрафактную продукцию выгодной, так как подделка может быть доступнее как по цене, так и по условиям продажи.

К нравственно-психологическим причинам можно отнести:

- взаимосвязь коррупции и контрафакта (в основном, таможи и правоохранительных органов);

– правовой нигилизм населения России, который выражается в вопросах осознания значимости общественной опасности контрафактной продукции.

Можно сделать вывод, что контрафактная продукция это — продукция, изготовленная и реализуемая на рынке недобросовестной конкуренции с целью получения дохода, путем введения в заблуждения потребителей товара и реализации «своего» бизнеса под чужим брендом. Контрафактная продукция может проявляться в различных формах, таких как подделка, товар-имитатор, параллельный импорт. Причины распространения контрафакта различны. Это могут быть социально-экономические, организационно-правовые и нравственно-психологические.

Распространение контрафактной продукции является угрозой экономической безопасности страны.

Из-за незаконной реализации импорта контрафактной продукции бюджет России ежегодно недополучает около 200 млрд. рублей [8]. Данные цифры могут говорить о реальном вреде экономики государства от оборота контрафактной продукции. Однако, в связи с тем, что контрафакт является частью теневого сектора, достаточно сложно оценить достоверные масштабы его распространения и соответственно своевременно реагировать на возникающие угрозы. Большой рост нелегальной продукции может быть связан с такими факторами, как прогресс в области технологии, расширение международной торговли и интеграции, увеличение числа товаров, привлекаемых для копирования.

В связи с мировой интеграцией и доступной торговли через Интернет, поддельные продукты распространяются по всему миру, создавая сложные и динамичные цепочки. Покупатели приобретают товар у удаленных и малоизвестных поставщиков, в основном ориентируясь на цену и доверие.

Сложившаяся в период пандемии внешнеполитическая и экономическая ситуация, обусловившая, в том числе сокращение уровня доходов населения, усугубила ситуацию в сфере незаконного оборота промышленной продукции, сориентировав потребительский спрос значительной части населения с низким доходом в пользу покупки контрафактной промышленной продукции и фальсифицированной промышленной продукции.

Следует отметить, что технологические возможности недобросовестных производителей и поставщиков постоянно совершенствуются. Контрафактные и фальсифицированные товары становится все сложнее отличить от оригинала. Наряду с этим деятельность недобросовестных производителей и поставщиков сопровождается наличием развитых обслуживающих рынков.

Так, сейчас развиваются рынки предоставления услуг по изготовлению заведомо ложных, поддельных сопроводительных документов (ветеринарных, фитосанитарных и др.), деклараций соответствия, сертификатов соответствия, протоколов испытаний промышленной продукции, обеспечения таможенного оформления с оптимизацией стоимости, кодов товарных позиций, а также аналогичных услуг.

По результатам проверок Федеральной службы по аккредитации в 2019 году 12 органов по сертификации и 32 испытательных лабораторий нарушили требования законодательства Российской Федерации к деятельности аккредитованных лиц [100].

Несмотря на прилагаемые усилия по координации и повышению эффективности таможенного и других видов контроля в Российской Федерации, приходится констатировать невозможность эффективного противодействия незаконному обороту промышленной продукции на территориях государств – членов Евразийского экономического союза, выражающуюся, в том числе, в виде недостаточного уровня контроля, что позволяет недобросовестным поставщикам ввозить свою продукцию на российский рынок.

Стоит отметить, что распространение контрафактной продукции оказывает негативное влияние на способность государства осуществлять основные свои функции. Данные функции заключаются в способности контролировать и обеспечивать реализацию добросовестной конкуренции в рыночной экономики, обеспечивать социальную защиту граждан, путем нейтрализации угроз наносимой контрафактной продукцией. Правительства стран должны будут тратить части бюджета на финансирование полиции и других органов, направленных на предотвращения оборота контрафактной продукции.

Реализация контрафактной продукции негативно влияет на эффективное управление бизнесом, благополучия потребителей и также параллельно является основным доходом для организованных преступных группировок. Для потребителей поддельный товар представляет собой опасность для здоровья, для правообладателей контрафакт является угрозой потери собственных доходов, для правительства негативное влияние реализации контрафактных товаров приводит к потери налоговых поступлений, росту безработицы, и появления дополнительных расходов, направленных на обеспечения соблюдения законодательства о борьбе с незаконной продукцией.

Помимо прямых потерь, государство несет убытки, которые выражаются в отсутствии заинтересованности иностранных фирм производить свою продукцию в странах, где широко распространена контрафакция, поскольку они не могут полагаться на защиту своих прав интеллектуальной собственности. Также, наши отечественные товары, упускаю возможность вложения средств иностранных инвесторов, с целью раскрутки товара, в

связи с тем, что инвесторы не видят перспективы получения выгод от своих вложений.

Более того, многие контрафактные товары имеют большой спрос среди потребителей, что создают барьеры для входа производителей подлинной продукции.

Вред, наносимый контрафактной продукцией, можно классифицировать следующим образом:

- ущерб экономике государства в виде не поступления налоговых и иных платежей в бюджеты государства и государственные внебюджетные фонды;
- ущерб престижу страны, подрыв инвестиционного климата;
- ущерб владельцам авторских прав на продукцию и прав на товарные знаки;
- ущерб здоровью потребителей контрафактной продукции.

Оборот контрафактной продукции на сегодняшний день затрагивает, практически все регионы мира. То, что раньше считалось проблемой развивающихся стран и стран с низким уровнем дохода, сегодня касается всех. Согласно докладу Организации экономического сотрудничества и развития, опубликованному в 2020 году, сумма от реализации контрафактной продукции составляет 3,3% мирового импорта или 500 млрд. долларов [59].

Главными мировыми импортерами контрафактных товаров по всему миру, в том числе и России, являются Китай (Гонконг) и Индия. Около половины контрафактной продукции, привезенной из азиатских стран, предназначена для продажи на вторичном рынке.

В период пандемии ограничительные меры привели к существенному увеличению контрафактной продукции, а именно распространению и продаже ее в сети Интернет. В условиях расширения доступа к сети интернет лица, занимающиеся изготовлением, распространением и продажей контрафактной и фальсифицированной медицинской и иной продукции, получили доступ к глобальному рынку, включая как отдельных потребителей, так и бизнес-сообщества. По данным международной исследовательской компании Euromonitor International, потери мировой экономики от увеличения оборота контрафактной продукции за 2020 год составили 3% мирового ВВП, или 2,2 трлн. долл. [25]

Ограничительные меры, вызванные пандемией, отмечают международные исследователи, способствовали сильному росту нелегальных товаров (средств защиты: маски, перчатки, предметы личной гигиены) в связи большому дефициту товаров и снижению контроля со стороны органов правопорядка [75].

Оценка масштаба оборота контрафактной продукции в России была проведена на основе международных данных, структурированных интервью экспертов по торговле, а также отчётности правоохранительных органов.

В России объем контрафактной продукции за 2020 год по данным, представленным на сайте Федеральной таможенной службы, составил 13 млн. единиц. В 2020 году таможенными органами было возбуждено 2 067 уголовных дел, из которых 105 дел – по статье 200.2 УК РФ (контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий) [100].

Распространение контрафакта на территории России происходит неравномерно. В основном контрафакт реализуется в приграничных районах с Китаем, Казахстаном, а также в регионах, граничащие со странами Евразийского союза. Также значительная доля контрафакта — на Северном Кавказе. В столице РФ объемы контрафакта, судя по экспертным оценкам, значительно меньше, чем в регионах. Причиной является распространения цивилизованной торговли, и эффективный контроль со стороны правоохранительных органов. Защищенным сектором торговли от контрафакта, по мнению специалистов является сетевой маркетинг, т.е. особый вид прямых продаж от легального продавца покупателю, на основе прямого контакта. Однако производители оригинальных товаров, могут для личной выгоды подмешивать к оригинальным товарам поддельную, фальсифицированную продукцию.

Достаточно точно оценить масштаб распространения контрафакта практически невозможно, т.к. нет достоверной и надежной информации о реальных масштабах незаконного оборота. Эксперты применяют балансовый метод и метод экспертных оценок. Балансовый метод заключается в сравнении розничной торговли с производством продукции в натуральном выражении. Метод экспертных оценок представляет собой такие мероприятия, как проведения опросов респондентов, сбор предметов, подлежащих оценке и т.д.

Большая доля контрафакта затронута в таких товарах, как продовольственные товары, табачные изделия, алкогольная продукция. Также, незначительной доли подделки подвергаются косметические средства, лекарственные, изделия легкой промышленности [75].

На примере данных видов товаров приведем статистику их нелегального оборота. Официальная статистка отсутствует и все расчеты строятся на основе балансовых методов и экспертных оценках.

На примере алкогольной продукции, на основе балансового метода и экспертной оценки, оценим оборот контрафакта. Балансовый метод заключается в сравнении розничной торговли с производством алкогольной продукции в натуральном выражении. Например, при продаже алкогольной продукции на 112 млн. руб. и производстве алкогольной продукции в 69 млн. руб., оказывается, что объем продаж на 60% больше их производства

[91]. Делается вывод о том, что это незаконно произведенная (неучтенная) продукция в 43 млн. руб., с которой, весьма вероятно, не уплачен акциз и которая реализуется через легальную розницу [91]. По данным, представленным на сайте РБК.ру, доля нелегальной алкогольной продукции на начало 2020 года составляла около 70% на рынке [91].

В ходе проведения проверок по выявлению незаконного производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции федеральная служба по регулированию алкогольного рынка, выявила 1 млн. 695 тысяч алкогольной продукции, включая водку и этиловый спирт [89].

Раньше поддельная алкогольная и иная спиртосодержащая продукция ввозилась в Россию из других стран, таких как Польша или Китай. Сейчас розлив поддельного продукта в основном осуществляется отечественными мелкими производителями (в кустарных цехах). Однако взаимосвязь с зарубежными поставщиками контрафактных составляющих сохранилась. Например, колпачки и этикетки идут большими партиями из Китая, а производство стеклянных изделий осуществляется в России, в основном в регионах, где менее строгий контроль.

Реализация нелегальной алкогольной продукции в основном осуществляется через легальную розницу, бары и рестораны, имеющие лицензию. Однако, по исследованию агентства INFOLine, около 40% реализации незаконной алкогольной продукции осуществляется через объекты общепита не имеющие лицензий [57].

В современном мире набирает оборот незаконная реализация онлайн-торговли алкоголем. В связи с мировой интеграцией и доступной торговли через Интернет, поддельные продукты распространяются по всему миру, создавая сложные и динамичные цепочки. Покупатели приобретают товар у удаленных и малоизвестных поставщиков, в основном ориентируясь на цену и доверие. Онлайн-торговля алкоголем, сама по себе незаконная деятельность, хотя приобретает масштабные формы распространения. По оценкам экспертов, из общего объема импортируемой нелегальной алкогольной продукции, около 40% является контрабанда [57].

Проанализируем также отдельные формы незаконного оборота табачных изделий. Вообще рынок контрафактной табачной продукции, по оценкам различных исследовательских компаний, может варьироваться от 15–30% до 60–89%. В основном это зависит, от уровня выявления преступлений, методов выявления, а также от обстановки в стране в целом (например, при пандемии объем оборота нелегальной табачной продукции был оценен ниже прежнего).

Для оценки оборота контрафактной табачной продукции обратимся к исследованию, которое проводила компания Nielsen. Метод исследования за-

ключался в том, что для оценки оборота контрафактной табачной продукции, компания обработала около 15 тысяч пустых пачек сигарет. К нелегальным относились пачки, которые не соответствовали техническим регламентам, а также те, которые были произведены в другой стране. Исследование проводилось в крупных городах, городах с населением численностью до 50 тыс. человек и в селах. Процентные доли контрафактных сигарет в данных местностях составили 51%, 12,1 % и 0,04% соответственно [57].

По экспертным оценкам компании оборот нелегальных сигарет в России в 2019 году составил 15,6% от всего объема продаж, что на 7,2% выше, чем за аналогичный период 2018 года [57]. Однако, опрос проводимый другой компанией – Kantar – показал другие результаты за первый квартал 2019 доля контрафакта составила 10,3%, это исследование базируется на опросе респондентов [56].

Масштабы распространения нелегальной табачной продукции на данный момент охватывают не только приграничные регионы с Казахстаном и другими странами Евразийского союза, но и другие регионы страны. Это говорит о том, что нелегальные производители контрафактной продукции наладили устойчивые каналы поставок и реализации.

Большая часть контрафактной продукции попадает в Россию из стран ЕАЭС. Одним из крупнейших поставщиков, по мнению экспертов организации Nielsen, является Белоруссия (36%). Помимо Белоруссии, контрафактные сигареты в Россию поставляются из Казахстана (8,9%), и Армении (8,8%) [56].

Компания Nielsen отметила также какая доля контрафактных табачных изделий приходится на страны дальнего зарубежья, ЕАЭС и на российское производство. Так, на поставку нелегальных сигарет из ЕАЭС приходится 55,4%, на страны дальнего зарубежья – 15,7% и на российское производство 9,6% [57].

В целом нелегальный рынок работает эффективно, хозяйствующие субъекты данного рынка довольно быстро приспосабливаются к изменяющимся внешним условиям. Производители поддельной продукции маркируют свой товар поддельной акцизной маркой и российским предупреждением и вреде здоровью, и путем контрабанды направляют в страны Европейского союза.

Стоит также отметить увеличение доли неучтенного оборота продовольственной продукции. К числу продовольственных товаров, подвергающихся фальсификации или контрафакции, являются: молочные продукты, рыба, минеральные воды, растениеводческие сегменты, чай и кофе. Фальсификация молочной продукции сводится к замене части животных жиров растительными, и составляет порядка 10–20 % нелегального рынка [75]. Наиболее опасным видом фальсификации является рыбная продукция она составляет

около 50% российского рынка. Фальсификат проявляется в виде подмены более дорогих сортов рыбы менее дорогими, а также обман покупателей за счет увеличения веса, путем введения водных растворов. Помимо проблемы фальсификации рыбных продуктов, более актуальной проблемой является их контрабанда часть которых является государственными стратегическими запасами [75].

Проблема фальсификата в растениеводческом сегменте продовольственного рынка, проявляется в виде фальсификации надписей о происхождении товара, которое связано не с параллельным импортом продукции, а скорее всего, введение потребителя в заблуждения с целью продажи товара под высокоценным брендом.

Количественный анализ подделки лекарственных препаратов невозможно провести, из-за отсутствия статистических данных. Но объемы их присутствуют на поддельном рынке и предоставляют большую угрозу безопасности потребителей. Фармацевтический сектор-это многомиллиардная отрасль, объем мировых продаж которой в 2018 году оценивается в 1,2 трлн долларов США [59]. Данная промышленность также предоставляет достаточные рабочие места. В основном контрафакт фармацевтических препаратов распространяется через интернет-магазины. В результате чего, у граждан в результате неосведомленности о возможном контрафакте, не только может ухудшиться здоровье, но и возрасти недоверие к государству и медицине в целом.

Далее проанализируем объем рынков нелегальной продукции в сфере легкой промышленности. В качестве примера рассмотрим рынок одежды и обуви.

Нелегальная реализация данных видов товаров происходит по тем же каналам, что и остальные — розничные рынки, интернет-магазины. Главным импортером поддельной продукции являются страны Китай, Сингапур, а также Болгария, Турция и Украина. По данным представленным на сайте РБК, за 2020 год сотрудниками ФТС было изъято около 73 тонн нелегальной обуви [56]. Вообще объем оборота контрафактной одежды и обуви оценивается экспертами от 25 до 98 %, данная цифра включает в себя не только поддельные товары, но и всю нелегальную продукцию.

Помимо импортного поступления контрафактной продукции, сохраняется и отечественное производство. Например, если обратиться к официальному сайту ГУ МВД города Москвы, можно найти информацию об обнаруженном цехе по производству контрафактной спортивной одежды, в период 2016 года, где были задействованы около 50 мигрантов из Юго-Восточной Азии. В ходе оперативно-розыскных мероприятий было изъято 1,5 тыс. экземпляров продукции и 100 единиц оборудования [58].

Подделка игрушек также присутствует на российском рынке, как и по всему миру. Количественные оценки масштаба оборота контрафактных игрушек отсутствуют из-за отсутствия данных. Подделка игрушек немного отличается от обычного нарушения права, т.к. дизайн продукта является аналогичным. Основными поставщиками игрушек, произведенных незаконным путем, являются страны Азии. Данный товар не только наносит финансовые убытки брендам, но и является серьезной угрозой для безопасности детей.

К наиболее опасным видам контрафактной продукции относится подделка авиа- и автозапчастей. Конечно, производство и поставка запасных частей (шайбы, болты, гайки) для самолетов осуществляется под строгим контролем оборонными ведомствами и неправительственными торговыми ассоциациями, однако наблюдались ряд катастроф, вызванных в результате использования поддельных компонентов, Контрафактный компонент попадает в цепочку поставок подлинной продукции, поэтому вероятность его обнаружения маловероятно. Одна поддельная деталь может привести к крушению всего самолета.

Нелегальный оборот парфюмерно-косметической продукции также присутствует на российском рынке. В основном реализация данной продукции происходит за счет импорта ее из зарубежных стран (Турция, ОАЭ, Китай). Основным лидером поставки нелегальной продукции из всех стран является Китай. Отечественное производство контрафактной продукции встречалось единично и носило лишь предполагаемый характер. В 2018 году на Казанской Таможенной службе была задержана партия пустых флаконов, которые были маркированы названием известного бренда [54], — возможно, данные упаковки предназначались для реализации нелегальных производств на территории Российской Федерации.

По данным исследования, проведенного компанией BrandMonitor, было выявлено, что оборот косметической и парфюмерной продукции на 2020 год оценивается в 10 млрд. рублей. Около 69% от всех продаж парфюмерно-косметической продукции приходится на офлайн-каналы, а 31% через интернет [54].

Исследование осуществлялось на основе онлайн-опроса, в котором участвовали респонденты от 18 до 55 лет, проживающих в мегаполисах. По результатам опроса было выявлено, что большая часть контрафактной косметики реализуется через розничные рынки, киоски, магазины, которые составляют около 69% или 3,7 млрд. руб. в год. На продажу через интернет-магазины приходится 30% всех продаж или 1,6 млрд. руб.

Доля поддельной парфюмерной косметики в большей степени реализуется также через офлайн-магазины (53%), где годовой оборот составляет

около 2,9 млрд. руб. в год. На онлайн-торговлю приходится 47% всего поддельного парфюма, или 2,7 млрд рублей в год» [104], – отмечают эксперты.

В исследовательском отчете, также отмечается, что опрошиваемые респонденты в большинстве случаев понимают, что приобретают неоригинальный товар.

В социальных сетях контрафактная парфюмерно-косметическая продукция реализуется более 70% аккаунтами (31 тыс. из 44 тыс.). Из общего числа «продающих» постов 85% предлагает поддельную продукцию (595 тыс. из 700 тыс.).

Представленную структуру масштабов контрафактной продукции по категориям товаров, описываемых выше, можно посмотреть в табл. 4.3.

Таблица 4.3

Оценка масштабов контрафактной продукции по категориям товаров на отечественном рынке*

Товарные категории	Доля контрафакта на рынке	Страна производитель, поставщик
Алкогольная продукция	70%	Россия, Польша, Китай
Табачная продукция	20–80%	Белоруссия, Казахстан, Армения
Молочная продукция	10–20%	Россия
Рыбная продукция	40–50 %	Россия
Чай и кофе	1%	Индия, Шри-Ланка, Китай, Зимбабве
Одежда и обувь	25–98%	Китай, Сингапур, Индия, Турция, Польша, Украина
Парфюмерно-косметическая продукция	20%	Турция, ОАЭ, Китай

*Источник: составлено автором на основе Гурова, М. П. Угрозы экономической безопасности современной России; Контрафакт в торговых центрах; Контрафакт распространяется как вирус.

Рынок нелегальной продукции достаточно масштабен, представляет собой разные формы и сегменты реализации контрафактной продукции. Например, один сегмент представляет собой форму реализации серого импорта и контрабанды (рыбная продукция, табачная), второй сегмент представлен в виде поддельной или имитационной продукции (одежда, продукты продовольственного питания). Данные рынки очень динамичны, и их структура, как и в добросовестной конкуренции постоянно меняется, с целью выбора более выгодных или менее рискованных условий.

Определённый интерес представляет оборот контрафактной продукции на территории Челябинской области.

На основании данных, полученных при прохождении практики в ГУ МВД России по Челябинской области, можно оценить объем реализации нелегальной алкогольной продукции на территории Челябинской области.

В ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий по декриминализации алкогольного рынка за 2020 год сотрудниками территориальных отделов МВД России Челябинской области проведено 6380 проверок объектов предпринимательской деятельности в сфере оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции.

По материалам сотрудников подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России по Челябинской области, за 2020 год выявлено 211 преступлений, в суд направлено 142 уголовных дел на 87 лиц; из них: по ст. 171.1 УК РФ – 78, ст. 171.4 – 10 преступлений, ст. 180 УК РФ – 101 преступление, ст. 327.1 УК РФ – 26 преступлений. Из незаконного оборота изъято 22 816 декалитра контрафактной алкогольной и спиртосодержащей продукции, находящейся в нелегальном обороте [100]. Если сравнить объем оборота контрафактной алкогольной и спиртосодержащей продукции по всей России, с оборотом данной продукции на территории Челябинской области, то оборот нелегальной алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Челябинской области равен 0,013%.

В качестве примеров выявления преступлений рассматриваемой категории за истекший период 2020 года можно привести следующие уголовные дела:

– ч. 5 ст. 171.1 УК РФ по факту реализации и хранения в целях сбыта гражданином «П» немаркированной алкогольной продукции в крупном размере, выявленном 02.10.2019 в вечернее время в помещении гаража № 2548 ГСК г. Магнитогорска в помещении гаражного бокса. В ходе осмотра из вышеуказанных гаражей изъято 2 112 бутылок (1 060 л) немаркированной алкогольной продукции.

– п. «а», «б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ. По результатам оперативно-розыскных мероприятий, проведенных сотрудниками ГУЭБиПК МВД России совместно с УЭБиПК ГУ МВД России по Челябинской области установлена преступная деятельность уроженцев Республики Северная Осетия – Алания, которые, действуя группой лиц по предварительному сговору, осуществляли незаконное производство немаркированной алкогольной продукции в особо крупном размере с целью сбыта. 23.09.2020 в ходе осмотра складского помещения обнаружены и изъяты: технологическое оборудование для производства алкогольной продукции – фасовочная машина карусельного типа, укупорочная машина, комплектная установка, оборудование для исправления и умягчения воды, наливное устройство кустарного типа, пластиковые емкости общей вместимостью 115 000 литров, кроме того изъята пустая стеклотара в количестве более 300 000 бутылок; пластиковые крышки различных наименований водки в количестве более 320 000 штук, более 84 000 бутылок готовой продукции емкостью 0,5 литра и более 9300 литров спиртосодержащей жидкости [100].

Также, в результате оперативно-розыскных мероприятий органами ГУ МВД России по Челябинской области на территории Челябинской области

было изъято 2790 единиц одежды и обуви. Помимо одежды и обуви были выявлены на территории региона предметы пищевой промышленности около 6116 единиц, системы программного обеспечения – 117 единиц, печатной продукции – 77 единиц, предметов медицинской промышленности – 28 единиц, а также 232 620 единиц табачной продукции [100].

Таким образом, масштабы распространения контрафактной продукции на территории РФ достигают порядка 4 млрд. долларов. Основной процент от реализации контрафактной продукции, по экспертным оценкам, уходит на алкогольную (70%) и табачную продукцию (20–80%) по разным оценкам экспертов. Потребительские рынки контрафактной продукции представлены двумя большими группами. Первая группа – это товары легкой промышленности, парфюмерия, косметика, где распространение контрафакта не особо значимо, но имеет ощутимую угрозу причинения вреда потребителям и легальным производителям товаров. Вторая группа включает в себя товары продовольственного происхождения, табачные изделия, алкогольная продукция, где доля поддельной продукции значительна, как было сказано выше, и наносит колоссальный ущерб не только потребителям и производителям товаров, но и также государству в виде недополученных финансовых средств для федерального бюджета.

Оборот контрафактной продукции в Челябинской области практически не отличается от процентных соотношений по России. Наибольший процентный показатель контрафактной продукции составляет табачная продукция (87,9%) и алкогольная продукция (8,6%). Из имеющегося оборота остальных товаров поддельной продукции пищевая промышленность составляет 2,31 % доли от контрафактной продукции в целом, предметы медицинской промышленности – 8,62%, одежда и обувь – 1,05%.

Ущерб от распространения, производства и реализации контрафактной продукции наносится не только государству, но также легальным участникам рынка и конечным потребителям.

Оценить реальный ущерб, наносимый от реализации контрафактной продукции государству или правообладателям достаточно проблематично в связи с тем, что данная деятельность не учитывается официально. Но на основании статистических данных ФТС, органов прокуратуры и иных сведений, экспертами удаётся определить существенный ущерб от контрафакта, который исчисляется сотнями миллиардов рублей. За 2020 год, по данным Федеральной Таможенной Службы, за счет выявления контрафакта таможенная служба предотвратила ущерб правообладателям на 4,5 млрд. рублей [100].

По расчетам экспертов, потери из-за серых схем импорта одежды и алкогольной продукции бюджет России ежегодно недополучает порядка 200 млрд. руб. и 150 млрд. руб. соответственно [56].

Помимо недополученных налоговых и таможенных поступлений (реализация контрафактной продукции, параллельный импорт) или умышленное

уклонение от уплаты налогов (неучтенное производство и продажи) государство и правообладатели теряют значительные суммы на реализацию мер по борьбе с контрафактом.

Как было сказано в предыдущем параграфе, товары, подлежащие обложению косвенным налогом, имеют особое значение для финансирования государственного бюджета. Табачная, как алкогольная и иная продукция, подлежащая взиманию косвенных налогов, в соответствии с НК РФ, облагается всеми косвенными налогами, в связи с этим, на примере оборота контрафактной продукции табака, оценим ущерб, наносимый экономике страны.

В период ограничительных мер, связанных с пандемией, реализация сигарет на российском рынке сократилась практически на половину, по сравнению с 2019 годом. Однако, федеральный бюджет по итогам 2020 года недополучил 60 млрд. рублей из-за неуплаченных акцизов и НДС, по данным полученным в результате исследования проведенного Аналитическим центром НАФИ, совместно с Международной ассоциацией «Антиконтрафакт» [33].

Однако, по прогнозам аналитического центра на конец 2021 года ущерб от реализации контрафактных сигарет может достичь порядка 130 млрд. руб. Это может быть связано с повышением ставки акцизов на 20%, который приведет к росту цен на сигареты, а за ним и увеличение доли нелегального табака на рынке. Данная проблема связана с тем, что в странах ЕАЭС (откуда, большая часть импортируется контрафактных сигарет) ставка по акцизам намного ниже, чем в России, поэтому спрос на более дешевые и «привлекательные» товары будет больше [33].

Более детально прямые экономические потери России из-за продажи контрафактной табачной продукции представлены в табл. 4.4.

Таблица 4.4

Прямые экономические потери из-за продажи контрафактной табачной продукции в РФ в 2015–2020 гг.*

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Объем нелегального сегмента рынка сигарет, млрд шт.	3,83	8,62	10,36	21,79	38,39	18,55
Ставка акциза на 1 сигарету, руб.	1,33	1,68	2,12	2,12	2,57	2,57
Ставка НДС	18%	18%	18%	18%	20%	20%
Объем прямых экономических потерь, млрд руб. (вариант 1)	6,00	17,08	25,91	54,51	118,39	57,21
Объем прямых экономических потерь, млрд руб. (вариант 2)	6,31	17,71	28,50	60,01	132,98	64,59

*Источник: Гурова, М. П. Угрозы экономической безопасности современной России.

Объем прямых экономических потерь, рассчитанных исследовательской компанией, представленной в табл. 4.4, производился на основе двух вариантов. Первый и второй вариант заключался в том, что потребитель нелегальных сигарет отдаст предпочтение законной альтернативе, в первом случае самым дешевым легальным сигаретам, во втором случае сигаретам среднерыночной стоимости. Объем прямых экономических потерь России от сбыта нелегального табака с 2014 по 2020 год превысил 280 млрд рублей (по каждому варианту). При этом с 2014 по 2019 год он вырос почти в 30 раз и только за один 2019 год составил рекордные 118 (по первому варианту) и 133 млрд рублей (по второму варианту) [33]. Причиной роста нелегального рынка сигарет, эксперты связывают с увеличением акцизов на табачную продукцию и снижение покупательной способности населения.

Помимо прямых потерь от реализации контрафактной продукции, не следует забывать о расходах, которые государство и фирма – правообладатель тратит для обеспечения защиты интеллектуальных прав. Данные расходы могут направляться на расследования и судебные процессы при борьбе с недобросовестными конкурентами, либо расходы, связанные с приобретением системы информационно и иной защиты своей продукции.

Реализация контрафактной продукции также влияет на такое социально-экономическое явление, как безработица. В России за последние 10 лет, по данным исследовательской компании НАФИ, закрылись такие крупные табачные фабрики: «БАТ-Ява» и «Лиггетт-Дукат» в Москве, фабрики Imperial Tobacco Group в Ярославле и British American Tobacco в Саратове.

Таким образом, объем от прямых и косвенных экономических потерь наносимого от реализации контрафактных сигарет наносит ощутимый ущерб российской экономике. Производители табачной продукции являются не только крупными налогоплательщиками, но также снабжают работоспособных лиц большим количеством рабочих мест. Поэтому влияние контрафактных сигарет на легальных производителей увеличивает ущерб, всей экономике России. Сумма, которую бюджет страны недополучил из-за продажи нелегального табака с 2014 года по результатам исследования Аналитического центра НАФИ, по итогам 2020 года составила порядка 300 млрд рублей [59].

Ущерб производителям брендовых парфюмерно-косметических товаров (Color IQ от Sephora, L'OREAL Makeup Genius, UNILEV, ERAVON) от реализации контрафактной парфюмерной косметики на основании данных, приводимых на сайте РБК, составляет от 3,7 млрд. руб. до 22,5 млрд. руб. [74].

На основании данных сайта Уральского таможенного управления, ущерб от незаконной реализации продукции, принадлежащей Adidas, Reebok, Nike и чехлов Samsung, был оценен в 4,5 млн. руб. за первое полугодие 2021 года. [100]

Оценку величины ущерба наносимого экономике государства не удалось провести по всем видам продукции, в связи с отсутствием статистических данных оборота некоторых контрафактных товаров (фармацевтические препараты, авиационная промышленность и т.д.) Оценка масштаба ущерба от реализации контрафакта оценивалась в результате сравнения ущерба, наносимого каждым видом товара к общей сумме ущерба (ущерб от каждого вида товара, был переведен из млрд. руб. в млн. руб.). На основании диаграммы, видно, что больший ущерб наносится подакцизными товарами, такими как алкогольная и табачная продукция, которые составляют 63,29% и 25,32% соответственно. В связи с тем, что произошло увеличение акциза на сигареты на 20%, в дальнейшем, ожидается рост доли контрафакта данного продукта.

Негативное воздействие реализации контрафактной продукции можно классифицировать на такие экономические процессы и явления, как:

- во-первых, негативное воздействие на государственные доходы: торговля контрафактной продукцией означала, что правительство РФ недополучило порядка 350 млрд. руб. Из которых 200 млрд. руб. были связаны с реализацией контрафактных товаров одежды и обуви, а 150 млрд. руб. незаконной алкогольной продукции. Это составляет ту часть налогов, которые правительство должно было бы собирать с прибыли, личных доходов населения, НДС и отчислений на социальное страхование;

- во-вторых, необходимо отметить, негативное влияние на продажи подлинной продукции. Общий объем упущенных продаж владельцев прав интеллектуальной собственности в Российской Федерации оценивается на 4,5 млрд. рублей в 2020 году;

- в-третьих, негативное воздействие на рабочие места;

- в-четвертых, негативное влияние на потребителей. Ущерб потребителю наносится в результате ценовой надбавки, которую уплачивает потребитель, думая, что покупает подлинный товар. Статистически оценить данный вид ущерба не удалось, в связи с отсутствием данных. Но на примере Великобритании, где масштаб оборота контрафактных товаров практически равен нашему, можно отметить, что за 2013 год, покупка контрафактной продукции в Великобритании составляла почти 100 миллионов финляндских франков.

Данные выводы относятся только к прямым экономическим потерям от воздействия контрафактной продукции. Другие явления и процессы, которые также подвергаются негативному влиянию от реализации контрафактной продукции, такие как здоровье и безопасность, сокращения долгосрочных эффектов (инновации и инвестиции), которые приводят к замедлению технического прогресса и снижение темпов экономического роста, не рассмотрены из-за отсутствия данных.

Как было сказано, существует большое количество контрафактных лекарственных препаратов, автомобильных запчастей, детских игрушек, детских продуктов питания и т.д. (статистические данные отсутствуют, но данные товары рассматриваются в стратегии по противодействию оборота промышленной продукции, как значимые). Поддельные пестициды, в продуктах часто не соответствуют нормам безопасности, тем самым представляют угрозу для окружающей среды. Контрафактные товары, которые достаточно долго реализуются на рынке могут нанести большие ущербы ценности бренда и имиджу производителей в отдельных отраслях.

Таким образом, можно сделать вывод, что контрафактная продукция наносит большой ущерб бюджету государства в связи с тем, что большая доля контрафактной продукции является подакцизными товарами, уплата которых имеет особую роль в пополнении казны государства. Наибольший ущерб государство и производители получают от реализации табачной и спиртосодержащей контрафактной продукции. Ущерб страны от недополученных платежей оценивается в миллиарды рублей. Помимо прямых потерь, государство несет и нематериальные убытки, которые выражаются в отсутствии заинтересованности иностранных производителей продукции производить свою продукцию в странах, где широко распространена контрафакция, т.к. у них нет гарантий защиты своего бренда.

4.6. Проведение экспертизы экономической деятельности по заказу государственных органов и пути реализации системы экономической безопасности организации

На сегодняшний день все большую актуальность принимают вопросы проведения экспертиз бухгалтерского учета и экономической деятельности в целом для формирования грамотно выстроенной экономической безопасности компании.

Экспертиза экономической деятельности принимает новые форматы, если несколько лет назад процедуры экспертизы проходили только по заказу государственных органов или адвокатов по расследуемым делам, то сегодня все большее количество представителей малого и среднего бизнеса заказывают экспертизу своих компаний для оптимизации деятельности и контроля качества работы штатных бухгалтеров и юристов.

В исследовании рассмотрена типовая методика проведения экспертизы по заказу государственных органов и возможности проведения аналогичных экспертиз по заказу руководства компании, с последующим формированием методики по осуществлению экономической безопасности организации и предотвращения нарушений в деятельности.

Бухгалтерская и финансово-экономическая экспертиза – это независимое, объективное, а также компетентное исследование, выполняемое в об-

ласти экономики и корпоративного права, проверяющее соответствие нормам законодательства Российской Федерации. в условиях цифровизации и оптимизации процессов деятельности компаний это не только востребованная услуга, а также необходимость компаний нацеленных на выстраивание цивилизованных грамотных экономических отношений между субъектами хозяйственной деятельности.

Многие авторы, анализируя аудит и экспертизу, приравнивают их. Однако, аудит – это независимая проверка бухгалтерской (финансовой) отчетности аудируемого лица в целях выражения мнения о достоверности такой отчетности, представляющая собой выборочная проверка хозяйственной деятельности организации данным бухгалтерской отчетности и корректность их формирования в соответствии с действующим законодательством. В результате этого можно сделать вывод, что экспертиза экономической деятельности дает более полную картину происходящего в компании и может практически предотвратить проблемы с государственными органами и предложить пути оптимизации деятельности, путем анализа обоснованности расходов компании.

Судебно-экономическая экспертиза, как правило, осуществляется по запросу адвоката или же сотрудников правоохранительных органов и дознания. Однако она может быть назначена и по определению суда. Это сложная процедура, включающая глубокое исследование, а так же выводы и решения высококвалифицированных экспертов и специалистов по конкретным вопросам, поставленными в задании для проведения экспертизы.

На сегодняшний день принципиальным вопросом становится методология поведения экономической экспертизы по заказу государственных органов. В случае приглашение эксперта для осуществления экспертизы первоначально ему направляются материала дела, по которому ему необходимо осуществить экспертизу. На этом этапе эксперт может определить перечень необходимых к изъятию документов и подготовить вопросы по сути данного дела. Далее необходимо вместе с органами правопорядка и сотрудниками управления по экономической безопасности выехать на место для осуществления обыска и изъятия соответствующих документов. В ходе проведения обыска эксперт имеет право задавать любые вопросы фигурантам дела, и анализирую получаемые от субъектов документы, формировать дополнительный перечень документов необходимых к изъятию.

В ходе исследования были поставлены следующие вопросы и задачи:

1. Каким образом осуществляется экспертиза по заказу государственных органов.

2. Каким образом необходимо выстроить систему экономической безопасности организации на основании методики проведения экспертизы по заказу государственных органов.

Наиболее оптимальным решением данных задач является поэтапное проведение экспертизы и пути формирования экономической безопасности данных сфер деятельности.

В качестве примера экспертизы по заказу государственных органов и последующего построения системы экономической безопасности, предлагаем взять экспертизу с участием в следственных мероприятиях, проведенную автором, Заугаровой Евгенией Владимировной по данным одной из компаний Ленинградской области.

В ходе следственных действий в соответствии с законодательством в стандартной ситуации мы имеем право проверять и запрашивать документы за три календарных года, предшествующих году назначения и проведения проверки.

Любая экспертиза экономической деятельности начинается с проверки и корректности формирования, соответствия деятельности учредительных документов компании. В ходе следственных действий были затребованы учредительные документы компании, которая является участником уголовного дела. Компания была создана в период 1990-х годов и как следствие Устав и все учредительные документы, представленные на экспертизу, были составлены 1996 годом. Данный факт является нарушением законодательства и требует внесения корректировок.

При формировании системы экономической безопасности и снижения риска привлечения внимания от управления по экономической безопасности необходимо отслеживать соответствие учредительных документов нормам действующего законодательства и своевременно вносить изменения и корректировки. Так, например, одним из последних изменений необходимых к внесению в устав организаций информации о том, что решение учредителей и участников компании не подлежат нотариальному заверению и считаются утвержденными, путем подписания данного решения участниками общества.

Так же необходимо вносить корректировки и изменения в Устав организации в случае изменения ОКВЭД или юридического адреса. Однако эту информацию для оптимизации деятельности на законодательном уровне решено не включать в текст Устава. В связи с этим рекомендуется в целях экономической безопасности не отражать информацию о видах деятельности в Устав, так как это позволит менять не только виды деятельности без нарушения законодательства, но и сферу деятельности и компания не будет привязана к определенным процессам.

В отношении юридического адреса компании в связи с необходимостью указания адреса в Уставе, включать в него только регион, в котором компания зарегистрирована.

Оптимизация внесения изменений в Устав приводит к минимизации количества внесенных изменений. Количество внесенных изменений в учредительные документы отражается в данных компании и снижает уровень

доверия к контрагенту при проверке, а также привлекает излишнее внимание следственных и прочих государственных органов.

Далее в ходе следственных действий необходимо определить наличие и соответствие нормам законодательства учетной политики организации для целей бухгалтерского учета и для целей налогового учета. В исследуемой компании не были разработаны и утверждены учетные политики ни для целей бухгалтерского учета, ни для целей налогового учета за все три предшествующих года, в том числе и за текущий период. Учетная политика организации в соответствии с законодательством должна быть утверждена до 1 января текущего года и сроком на один год. Данный факт приводит к нарушению законодательства и соответствующим штрафным санкциям, а также возможности отмены признания расходов компании и начисления максимальных налогов в соответствии с применяемой системой налогообложения.

В ходе формирования системы экономической безопасности необходимо сформировать методику контроля составления учетной политики и соответствия ее положений деятельности компании. Так же необходимо своевременно вносить изменения, в соответствии с вступающими в силу законодательными актами, в следующей календарном году, так как учетная политика не подлежит изменению в течение года, и должна быть утверждена до 1 января.

На практике многие бухгалтера формируют приказ об утверждении учетной политики для целей бухгалтерского учета и для целей налогового учета без формирования учетной политики и принимают решение о том, что это является достаточным. С точки зрения законодательства формирование и утверждение ее приказом или аналогичным документов является обязательным для всех компаний. В связи с этим отсутствие в компании самого документа является нарушением даже в случае наличия приказов. Так же обратим внимание на соответствие положений учетной политики для целей бухгалтерского учета и для целей налогового учета действующей методики отражения операций в учетных программах. Теоретически сформированный текст учетной политики является документом, на основании которого осуществляет деятельность компания, однако на практике компания формирует учетную политику в специализированных программах, таких как 1С, и в случае возникновения трудностей с закрытием месяца корректируют учетную политику, это приводит к несоответствию текстового варианта учетной политики и методики ведения бухгалтерского учета в учетных программах.

В связи с этим для организации системы экономической безопасности необходимо формировать учетную политику и рабочий план счетов компании в учетной программе с учетом всех особенностей деятельности компании и формировать печатный документ непосредственно из учетной программы. Это приведет к минимизации рисков в отношении несоответствия

фактического ведения учета и норм, прописанных в учетной политике организации. [51]

Проверка компании на признаки дробления бизнеса составляет один из основных факторов интереса государственных органов к организации. признаками дробления бизнеса является владение и руководство несколькими компаниями, которые осуществляют совместную деятельность в разных направлениях деятельности и приводит к занижению налогооблагаемой базы и соответственно к занижению налогов. Так, например, компания занимается организацией горячего питания в государственных учреждениях и вместо закупки продуктов напрямую на производство в соответствующие пищеблоки учреждений, заказывают продукты на склад компании с последующей перевозкой их на объекты. Для перевозки используются услуги компании, которая принадлежит тому же владельцу. Это является фактом дробления бизнеса, особенно если компания оплачивает не каждую поставку в соответствии с тарифной ставкой и километражем, а общей суммой за месяц или неделю.

Помимо вопросов дробления бизнеса государственные органы контролируют соответствие компании рискованным показателям массового руководителя, учредителя или юридического адреса, а также фактическое нахождение по юридическому адресу. Внедрение соответствующего контроля в систему экономической безопасности компании позволит минимизировать риски обязательной ликвидации компании, и улучшат рейтинговые показатели компании перед контрагентами. критерий массовости юридического адреса по мнению многих авторов включает в себя лишь арендованное помещение, однако в соответствии с законодательством и соответствующими требованиями государственных органов, юридический адрес считается массовым и вносится в соответствующий реестр в случае, если более пяти организаций зарегистрированы на данной территории одновременно, указания договора аренды или наличия права собственности при этом не указано.

В отношении руководителей и учредителей компаний признак массовости возникает в случае открытия или руководства более чем 20 юридическими лицами на протяжении всей жизни персонала. На практике налоговые органы, регистрирующие юридические лица отказывают в регистрации в случае выявления этих фактов.

Необходимо периодически отслеживать обновления по компании и сведения в ЕГРЮЛ, так как оповещать компанию о недостоверности сведений контролирующие органы не обязаны. Компании с момента выявления факта несоответствия данных или недействительности данных предоставляется 6 месячный срок на внесение всех изменений. В случае не исправления информации, по прошествии отведенного срока, организация подлежит обязательной ликвидации контролирующими органами.

Многие специалисты пропагандируют отсутствие необходимости корректировки данных при нежелании продолжения осуществления деятельности компанией. По их мнению, это оптимизация затрат учредителей и сокращение сроков, отведенных на закрытие или ликвидацию компании, особенно в случае банкротства компании. Этот вопрос приводит к активным спорам, так же, как и вопрос брошенных компаний, которые перестают сдавать отчетность компании и в течение года после этого ликвидируются контролирующими органами. Однако это большой риск для руководителя и учредителя компании в связи с тем, что, как минимум, данные персоналии попадают в реестр недобросовестных руководителей и в течение 5 лет после ликвидации компании на законодательном уровне не имеют права регистрировать новое юридическое лицо. В случае наличия у ликвидируемой компании задолженностей перед контрагентами и государственными органами, учредители могут быть привлечены к субсидиарной ответственности в отличие от ситуации с официальным банкротством юридического лица.

В результате этого, компаниям рекомендовано самостоятельно контролировать сведения в соответствующих реестрах и корректировать их своевременно.

При проведении экспертизы договоров аренды помещений в исследуемой организации в ходе осуществления следственных действий был выявлен факт отсутствия прав собственности на сданное в аренду имущество, а также договор аренды в случае сдачи помещений в субаренду. [41]

Данный вопрос встал в результате проведения следственных действий и выявления фактов оплаты аренды сторонними организациями при отсутствии подтверждающих первичных документов с подписями двух сторон. По данным государственного реестра недвижимости на балансе компании в собственности помещений, которые могут быть сданы в аренду, не было выявлено. По устным разъяснениям генерального директора и главного бухгалтера компании здания, сдаваемые на протяжении 15 лет в аренду на срок не более 2 месяцев, являются собственностью компании, однако документы на собственность компанией не оформлялись. По факту проведения следственных действий участниками следственной группы было выявлено, что компания еще в 1996 году пользовалась зданием, являющимся собственностью государства в связи с тем, что данное здание никому не нужно и находится на территории принадлежащей компании. Отметим, что земля под зданием, так же как и здание в соответствии с данными Росреестра является собственностью государства. В связи с этим можно сделать вывод о неправомерности сдачи в аренду данных помещений и как следствие выявленной мошеннической схемы. В таких случаях судом принимается решение о необходимости «отката» назад всех совершенных действий с недвижимостью, а именно возврат всем заказчикам оплаченных сумм, либо возмещение государству величины доходов, полученных мошенническим или преступным путем.

В связи с этим в рамках разработки системы экономической безопасности компании необходимо отслеживать правомерность осуществляемых действий с имуществом, как имеющимся в собственности, так и взятым в аренду. А также анализировать и контролировать правомочность использования в личных целях компании имущества, зданий и сооружений, а также земельных территорий для минимизации риска привлечения внимания государственных органов и последующих судебных разбирательств. Зачастую неправомерное использование земель заключается в использовании придомовой территории, их захламливание или устройство автостоянки транспорта на территории, не принадлежащей владельцу транспортных средств или возведение передвижных временных сооружений. [18]

Не смотря на простоту ведения и организации и подробные инструкции по формированию кадрового документооборота, большинство компаний в Российской Федерации не соответствуют минимальным требованиям законодательства. В результате этого к компании возникают вопросы у трудовой инспекции и как следствие органов управления по экономической безопасности и налоговых органов.

В ходе проведения следственных мероприятий в рассматриваемой организации было выявлено, что в организации отсутствует корректно осуществляемый кадровый учет на месте его ведения. Сотрудниками организации по запросу не были предоставлены приказы о найме сотрудников на работу и их увольнении за рассматриваемый период, в связи с архивированием данных документов в результате того, что сотрудники трудоустроены давно. Это является нарушением действующего законодательства.

Первостепенное на что необходимо обратить внимание при формировании системы экономической безопасности компании – это перечень необходимых для корректного формирования кадрового документооборота документов. Перечень документов, истребуемых у компании вследствие любого рода проверок входят:

- трудовой договор с сотрудником, со всеми дополнительными соглашениями и приложениями;
- согласие на обработку персональных данных с указанием срока действия данного соглашения. Соблюдение данных сроков необходимо соблюдать и своевременно продлевать;
- копия ИНН сотрудника;
- копия СНИЛС сотрудника;
- копия документа об образовании сотрудника. следует отметить, что в случае прохождения сотрудников программ повышения квалификации или программ профессиональной переподготовки, данные сведения подлежат включению в личное дело сотрудника, однако только при предоставлении копии данных документов в отдел кадров компании;
- справки о доходах с предыдущих мест работ для корректного формирования учета НДФЛ;

- заявления на стандартные, социальные или имущественные вычеты сотрудника;
- личная карточка сотрудника;
- заявления о переходе на электронную трудовую книжку или ведение трудовой книжки на бумаге.

Помимо документов сотрудника в компании должны быть сформированы штатное расписание и различные положения, подписанные всеми сотрудниками компании, такие как:

- коллективный договор, в котором определены основные положения по осуществлению трудовых функций сотрудниками компании;
- должностные инструкции, по каждой позиции штатного расписания, подписанные соответствующими сотрудниками;
- положение об отпусках, а также график отпусков сотрудников компании;
- положение о премировании, в котором отражены все основания по премированию, материальной помощи сотрудникам компании;
- список действующих и выбывших сотрудников;
- и др. [43]

Сотрудниками организации в присутствии дознавателей были по запросы составлены штатное расписание и список действующих сотрудников организации. Этот факт позволяет сделать вывод об отсутствии в организации ведения корректного и грамотного кадрового учета.

В соответствии с законодательством Российской Федерации срок хранения документов на месте осуществления деятельности равен сроку исковой давности и составляет три года до текущего года. В отношении кадровых документов данный срок увеличен до 75 лет, в результате чего в компании должны храниться все перечисленные документы и отсутствие их на юридическом адресе компании является нарушением и подлежит наступлению ответственности.

Наличие данного перечня документов с соответствующим утверждением и оформлением на практике позволяет снизить риски нарушений и наложения серьезных штрафов как на юридическое лицо, так и на руководство компании. Для ознакомления штрафы трудового законодательства варьируется от 500 рублей за каждый день невыплаты соответствующего уровня заработной платы до 150 000 рублей за каждое правонарушение.

Следует отметить, что с сотрудниками организации помимо трудовых договоров заключены также договора аренды автомобилей для использования последних в служебных целях. В соответствии с действующим законодательством в случае использования сотрудником транспортного средства в целях компании, данное транспортное средство должно быть в собственности данного сотрудника. Оплата за износ данного автомобиля должно

быть внесено в определенной сумме, утвержденной в соответствующем положении, в трудовой договор с сотрудником или оформлено в качестве дополнительного соглашения к трудовому договору. [38]

При формировании системы экономической безопасности компании первостепенно необходимо прописать возможность использования сотрудниками личных транспортных средств в служебных целях с соответствующей доплатой. Сотрудники отдела экономической безопасности должны осуществлять контроль собственности транспортного средства и отслеживать непринятие к бухгалтерскому и налоговому учету расходов на оплату топлива и расходных материалов для данного средства по авансовым отчетам сотрудников. При желании компании оплачивать бензин и расходные материалы для автотранспорта сотрудника компания может увеличить сумму выплаты сотруднику, однако необходимо будет с этой суммы удерживать НДФЛ и начислить страховые взносы на доход сотрудников.

Отметим, что штрафы, выписанные сотрудниками ГИБДД и оплата эвакуации данного транспортного средства не подлежат возмещению за счет средств компании.

В ходе проведения следственных мероприятий было выявлено, что в организации имеются путевые листы, заполненные некорректно и с искажениями данных, т.к. в организации отсутствуют технические данные на транспортные средства, используемые при перемещении по данным путевым листам. Это приводит к тому, что организации необходимо не принимать к учету данные путевые листы и расходы по ним в бухгалтерском и налоговом учете при формировании налогооблагаемой базы организации за период. Эти нарушения приводят к искажению бухгалтерской финансовой отчетности и налоговых деклараций и к заведомому занижению налогооблагаемой базы организации, что является фактом мошеннических действий. Соответственно за 2020 год необоснованно списано 6 272 литра топлива, которые подлежат восстановлению при отражении расходов.

Соответственно при формировании системы экономической безопасности компании необходимо разработать методику контроля соответствия признания расходов по путевым листам и соответствующее их списание, контроль наличия соответствующих заданий под перемещение транспортных средств организации. Отдельной спецификой формирования путевых листов является необходимость прохождения медицинского освидетельствования.

Основным отличием в оформлении путевых листов на водителей компании и сотрудников, использующих транспортное средство в служебных целях, является необходимость проведения предрейсового медосмотра. Это обосновывается тем, что в соответствии с законодательством Российской Федерации обязательному медосмотру подлежат сотрудники, в обязанности которых входит управление транспортным средством. Этот факт снижает затраты на трудоустройство в штат врача или медицинского сотрудника.

Все вышеизложенное позволяет существенно сократить налогооблагаемую базу, однако увеличивает объем работы бухгалтерской службы.

В ходе осуществления следственных мероприятий были выявлены нарушения по ведению кассовой дисциплины и отражения авансовых отчетов сотрудников и подотчетных лиц организации. Авансовый отчет в соответствии с законодательством Российской Федерации сдается и утверждается в течение трех рабочих дней после совершения оплаты товара или услуги. В организации авансовые отчеты формируются по итогам месяца с отражением расходных операций совершенных за данный период. По итогам выявленных нарушений следует отменить проведение авансовых отчетов и не принимать суммы по ним к расходам организации. Это нарушение приводит к искажению отчетности и занижению налогооблагаемой базы по соответствующим налогам, а с выплат сотрудникам по данным авансовым отчетам необходимо удержать НДФЛ и начислить соответствующие взносы. [39]

Авансовые отчеты вызывают особый интерес государственных органов в связи с выплатами физическим лицам без начисления налогов и снижения налогооблагаемой базы компании за счет признания расходов физических лиц затратами компании. Де-факто большинство компаний переводит неограниченное количество средств, не подтвержденных расходами в качестве подотчетных сумм руководства компании, что является выводением денежных средств со счетов компании. Именно эти нарушения инкриминируются руководителям компании по статье легализация доходов.

На сегодняшний день в условиях цифровизации экономики кассовая дисциплина уходит на второй план и встречается достаточно редко в связи с вступлением в силу законодательных актов, направленных на обязательное внедрение онлайн касс при выплате или получении от физических лиц денежных средств.

В ходе проведения следственных мероприятий были обнаружены и изъяты приказы о материальных поощрениях и премировании со ссылкой на соответствующие положения. Однако по запросу сотрудники организации не предоставили данные положения в связи с их отсутствием. В результате чего можно сделать вывод о безосновательной выплате денежных средств сотрудникам организации без подтверждения данных сумм. Так как приказ о премировании ссылается на несуществующие положения, то можно говорить о незаконном выводе денежных средств из оборота организации. [40]

Следовательно, для организации безопасности деятельности необходимо формировать приказы и документы основываясь на конкретных пунктах соответствующих положений, с проведением анализа обоснованности данной выплаты.

В ходе следственных мероприятий было выявлено, что организация осуществляет более 90% операций с денежными средствами через кассу организации и получает денежные средства от членов общества через кассу.

В качестве рекомендации в части безопасности деятельности компании корректнее вносить денежные средства участниками общества или учредителями и руководителем через расчетный счет компании. В соответствии с законодательством Российской Федерации участники общества имеют право вносить денежные средства на расчетный счет компании как на операционные цели, так и на увеличение оборотных активов компании, включая необходимость погашения задолженностей и получение займа от учредителей или руководителя компании.

Большинство расходных операций организации проводится по документам через авансовые отчеты сотрудников и подотчетных лиц организации с приложением кассовых чеков. Кассовые чеки по некоторым авансовым отчетам не имеют попозиционной расшифровки и соответственно могут в соответствии с законодательством быть приняты к учету только при наличии товарного чека с расшифровкой позиций, с указанием суммы и цены за единицу, а также подписью и печатью ответственного представителя организации-поставщика. Следует отметить, что такого рода операции должны быть аннулированы, а расходы за предыдущие периоды восстановлены или не приняты к учету за текущий период.

В соответствии с законодательством Российской Федерации организации, работающие с наличными денежными средствами должны осуществлять приход наличных денежных средств через онлайн-кассы и выдавать кассовый чек и приходные бухгалтерские документы в соответствии с порядком ведения кассовых операций. Отсутствие онлайн-кассы, зарегистрированной в контролирующих органах, является нарушением действующего законодательства. Однако это требование относится не ко всем операциям с наличными денежными средствами в отношении сотрудников компании. Взаимоотношения со сторонними физическими лицами осуществляется только с применением онлайн касс или электронных кошельков и специализированных программ. [42]

В ходе следственных мероприятий были выявлены и изъяты авансовые отчеты подотчетных лиц на оплату ими топлива. В соответствии с действующим законодательством это возможно при наличии на балансе организации автотранспортных средств или наличии трудовых договоров с сотрудниками с указанием компенсации за использование определенного автомобиля, принадлежащего данному сотруднику в служебных целях с приложением свидетельства о собственности на транспортные средства и путевых листов по передвижению с обоснованием экономической целесообразности данных перемещений. В связи с тем, что данные документы не разрабатывались в организации, то все авансовые отчеты данного рода должны быть аннулированы, расходы за предыдущие периоды восстановлены, а за текущий период не признаны и не приняты к учету. С сумм, выплаченных сотрудникам, должны быть уплачены соответствующие налоги и сборы в связи с признанием данных выплат доходом физического лица.

Так же было выявлено, что авансовые отчеты, по оплате топлива, представленные одним и тем же сотрудником на разные виды топлива:

- бензин АИ-92;
- бензин АИ-95;
- бензин АИ-98.

Это вызывает сомнение в подлинности совершаемых платежей и целесообразности принятия расходов к учету, так как транспортное средство не может быть заправлено разными видами топлива. Соответственно расходы за предыдущие периоды должны быть восстановлены, а за текущий период не приняты к учету.

Организация получает доход от членских взносов членов общества, однако подтверждающие документы, договора с членами клуба не оформляются, в том числе и приходные документы, что является нарушением действующего законодательства.

Все членские взносы в учете организации отражаются как целевое финансирование с использованием бухгалтерского счета 86 «Целевое финансирование» и соответствующих документов. В ходе проведения следственных мероприятий было выявлено, что документы, подтверждающие получение взносов, ведутся некорректно, без заключения договоров или соглашений между сторонами, что является нарушением действующего законодательства. [10]

Следует отметить, что в соответствии с законодательством Российской Федерации целевое финансирование в организации возникает в момент заключения договора о целевом финансировании и поступлении денежных средств по договору целевого финансирования на счет исполнителя. В организации на основании проведенных мероприятий данный документооборот не был выявлен, в связи с его неосуществлением, что приводит к некорректному ведению бухгалтерского учета и соответственно к искажению бухгалтерской финансовой отчетности организации и налоговых деклараций.

При наличии в организации целевого финансирования необходимо формировать пакет документов по целевому расходованию денежных средств и соответствующий отчет с подтверждением экономической целесообразности, и необходимости осуществления тех или иных расходов. Соответственно в ходе проверки целесообразность данных расходов и использования поступающих средств не была подтверждена и обоснована. Соответственно данные расходы подлежат восстановлению за предыдущие периоды и не приняты к учету в текущем периоде.

В ходе проведения следственных мероприятий было выявлено, что организация руководствуется решениями общего собрания учредителей в своей деятельности. Однако в соответствии с протоколами общего собрания участников общества на ряде собраний присутствовало большее число учредителей, нежели зафиксированное в контролирующих органах. Перечень и

подписи присутствующих на собрании учредителей отсутствует и, следовательно, можно сделать вывод об отсутствии правовых аспектов в принятии данных протоколов и решений по ним для реализации деятельности организации, что в свою очередь вызывает сомнение в подлинности данных документов.

Исходя из этого все решения организации являются недействительными.

Особое внимание при формировании системы экономической безопасности компании необходимо обратить на наличие в компании лицензионного программного обеспечения. В соответствии с действующим законодательством на компьютерной технике в компании должны быть установленные только лицензионные программы, приобретенные конкретным юридическим лицом, для использования в коммерческой деятельности или разработано самостоятельно. В случае выявления государственными органами или управлением по экономической безопасности нелегальных программ, в том числе установленных сотрудниками для личных целей, техника, на которой установлено данное программное обеспечение, подлежит изъятию до момента предоставления лицензий, в том числе действующих сублицензионных договоров, или выписывания постановления о нарушении с соответствующими штрафными санкциями.

Изъятие техники провоцирует риск срыва оплат поставщикам и прочим контрагентам по заключенным договорам и наложения соответствующих штрафных санкций на компанию, что может привести к снижению деловой репутации компании и последующей отмены договоренностей.

IT безопасность является отдельным набирающим обороты направлением экономической безопасности компании. Цифровые технологии сегодня могут заменить многих сотрудников и исключить человеческий фактор, включая риск искажения информации в целях конкурентов или недоброжелателей. Однако уязвимость такой системы может привести к более критическим проблемам, нежели человеческий фактор. В связи с этим специалистов IT департамента компании необходимо подбирать качественно и с соответствующим уровнем квалификации и набором человеческих качеств. Фактически IT безопасность сегодня сокращает затраты на персонал, риски утраты информации, риски искажения информации, возможность передачи информации конкурентам и заинтересованным лицам. [45, 44]

В условиях изменяющегося мира система экономической безопасности должна быть качественно проработана в каждой компании, как представителе крупного бизнеса, так и субъекте малого и среднего предпринимательства. Грамотная и корректная система снижает риск привлечения внимания государственных органов и управления по борьбе с экономическими преступлениями к компании и оптимизации деятельности организации. Экономическая безопасность в компании позволяет сформировать штат профессионалов, которые увеличивают доходы компании и в соответствии с дей-

ствующим законодательством Российской Федерации оптимизируют налогооблагаемую базу компании и снижают объем наложенных штрафных санкций, как на руководство и участников общества, так и на организацию в целом. Это приводит к росту деловой репутации компании и улучшению показателей компании по соответствующим реестрам и базам данных.

4.7. Условия укрепления экономической безопасности домашних хозяйств (региональный аспект)

Внимание государства и научного сообщества постепенно сосредотачивается на вопросах экономической безопасности домашнего хозяйства. В результате изменения внутренних и внешних условий наблюдается потеря стабилизационных факторов экономической безопасности домашнего хозяйства. В практику экономической политики государства внедряются принципы рыночного управления. Углубляется структурная разбалансированность рынка труда. Обостряются социальные риски, связанные с временной потерей работоспособности, безработицей, ограничением доступности медицинских и образовательных услуг. Деформируется структура расходов населения с преобладанием покупок продовольствия и медикаментов.

Обеспечение экономической безопасности представляет собой одну из актуальных задач, решаемых современной Россией. Согласно Федерального закона «О безопасности» №390-ФЗ от 28.12.2010, объектами безопасности являются личность, общество, государство¹². В свою очередь в Стратегии национальной безопасности отмечена необходимость сосредоточения ресурсов на приоритете повышения качества жизни и высоких стандартов жизнеобеспечения, инвестиций в человеческий капитал, укреплении роли государства в обеспечении развития образования, здравоохранения, культуры¹³.

Критерии и способы оценки состояния экономической безопасности домашнего хозяйства

Развитие концепции домашнего хозяйства, рисков, опасностей и угроз его функционирования ведется преимущественно в рамках ресурсного [46], факторного [1], институционального подходов [62]. Сложность решаемых задач обуславливает необходимость поиска инструментов, отвечающих требованию объективного и качественного измерения параметров безопасного состояния домашних хозяйств, а также отклонений от их заданных значений. Разнообразие исследовательских подходов связано как с широтой

¹² О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 №390-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/

¹³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/

понимания содержания домашнего хозяйства, так и с множеством процессов, определяющих его безопасное состояние. Процессы функционирования домашнего хозяйства рассматриваются исследователями как относительно самостоятельные явления. Соответственно, проводится качественная и количественная оценка отдельных направлений жизнедеятельности домашнего хозяйства: производство [93], обмен, потребление [19], сбережение [65], предпринимательство [63], финансовая деятельность [50, 28], воспроизводство человеческого капитала.

Особую сложность, по-прежнему, представляет вопрос соотношения собственных (внутренних) ресурсных возможностей обеспечения экономической безопасности домашнего хозяйства и внешних источников ее поддержки и укрепления. С одной стороны, экономическая безопасность домашнего хозяйства не должна всецело зависеть от государства [77], с другой, – невнимание государства может привести к дестабилизации как экономики домашнего хозяйства, так и национальной экономики в целом [49].

В трудах российских и зарубежных авторов исследование экономической безопасности домашних хозяйств преимущественно осуществляется по следующим направлениям:

- оценка фактического состояния домашних хозяйств;
- динамические изменения состояния домашних хозяйств;
- угрозы и риски функционирования домашних хозяйств;
- приоритеты социально-экономического развития домашних хозяйств.

В зарубежных исследованиях широко используется подход, основанный на фактической и факторной оценках состояния экономической безопасности домашнего хозяйства. На экономическую безопасность домашних хозяйств оказывает влияние гарантии здравоохранения, наличие (потеря) работы, наличие (утрата) собственности [5, 9]; доходы от финансовых активов и ценных бумаг, социальных и пенсионных выплат [14, 2]; структура и объема собственности, наличие (отсутствие) медицинского страхования, размер ежемесячного бюджета [73, 8]. Используемые в исследовании статистические показатели количественно отображают социальные и экономические стороны жизнедеятельности домашнего хозяйства.

Поскольку все социально-экономические процессы являются динамическими, то большой научной и практической значимостью обладает индексный метод: расширяется методический аппарат оценки экономической безопасности домашних хозяйств, предоставляется возможность обобщения и конкретизации существенных процессов. Расчет индексов мощности социальных учреждений, ввода в действие социальных учреждений, охвата населения социальными учреждениями, инвестиций в социальную сферу и др. [16] применяется при проведении анализа влияния социальной инфраструктуры на уровень жизни населения. Персонификация экономической безопасности домашнего хозяйства достигается применением индекса качества

жизни [48], интегрального индекса благосостояния [97]. Ограничение индексного метода связано с преимущественно числовой характеристикой процессов функционирования и развития домашних хозяйств, их динамических состояний.

Социально-экономические индикаторы визуализируют нарушение безопасного состояния домашнего хозяйства; масштаб угроз экономической безопасности; результативность государственной политики [98]. Анализ производится по абсолютной величине индикаторов, что оправдано только при определении наиболее общих направлений мероприятий в области обеспечения экономической безопасности домашнего хозяйства.

Для оценки эффективности государственного управления индикаторы достижения поставленных целей связаны с расчетом темповых показателей. Перечень соответствующих индикаторов включает: доступность современного образования и здравоохранения, поддержка трудовой занятости, повышение квалификации и качества трудовых ресурсов, снабжение населения высококачественным и доступным продовольствием и лекарственными препаратами, сокращение бедности, ведение здорового образа жизни, социальная поддержка незащищенных слоев общества, развитие жилищного строительства и повышение качества жилищно-коммунального обслуживания¹⁴. Подобное применение индикатора не позволяет произвести объективную оценку экономической безопасности домашнего хозяйства в силу как разноименности измерителей, так и неопределенной размерности веса показателей.

Находят практическое применение индикаторы в процессе мониторинга социально-экономического состояния домашнего хозяйства в аспектах рынка труда, демографических трендов и тенденций, состояния общественного правопорядка [70]. Методика ориентирована на оценку текущего уровня или оценки изменений частных показателей.

Очевидно, что для обеспечения экономической безопасности домашнего хозяйства необходима оценка:

- пропорций, обеспечивающих устойчивость и безопасность домашних хозяйств;
- тенденций, характеризующих социально-экономическое положение домашних хозяйств;
- системы факторов, обеспечивающих социальное и экономическое благополучие домашних хозяйств;
- эффективности социально-экономической политики государства;
- степени актуальности приоритетов в области экономической безопасности домашнего хозяйства.

¹⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. №683. Доступ из информ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Необходимость комплексной оценки состояния экономической безопасности домашнего хозяйства обуславливает целесообразность введения в методический аппарат не отдельных индикаторов, а групп индикаторов–показателей, характеризующих деятельность домашних хозяйств по функциональному признаку [7]. В результате формируется обобщенный показатель на основе различных по природе происхождения и предназначения данных, а группы индикаторов приводятся к единой системе измерения.

Предложенный подход позволяет:

- установить нормативные значения критериев оценки экономического состояния домашних хозяйств в зависимости от заданных (установленных) величин по относительным показателям и оценочным коэффициентам;
- диагностировать и установить степень риска функционирования домашних хозяйств;
- провести анализ взаимосвязи социальной направленности государственной бюджетной политики с состоянием экономической безопасности домашнего хозяйства;
- определить мероприятия по обеспечению повышения экономической безопасности домашнего хозяйства.

В рамках сложившейся методологии, учитывая актуальные направления, используя комплексный подход, определим экономическую безопасность домашних хозяйств как состояние достаточности ресурсов (собственных и перераспределенных из бюджета), которое позволяет домашнему хозяйству реализовывать имманентно присущие ему функции, противодействовать угрозам, обеспечивать непрерывное воспроизводство. Целью данного исследования является разработка методики оценки и прогнозирования состояния экономической безопасности домашних хозяйств на основе выявления закономерностей с получением математических моделей.

Объектом исследования является домашнее хозяйство, функционирующее в условиях рисков и угроз. Предметом исследования выступают тенденции, отражающие состояние экономической безопасности домашнего хозяйства.

В качестве гипотезы рассматривается наличие взаимосвязи внутренних (собственные доходы), а также внешних факторов (перераспределенные доходы) и состояния экономической безопасности домашнего хозяйства. Выявление угроз и диагностика риска экономической безопасности домашнего хозяйства производится по критерию доходов.

Сфокусируем исследование экономической безопасности домашнего хозяйства на взаимосвязи социальной направленности расходов регионального бюджета и обеспеченности ресурсами домашних хозяйств региона.

Внутренние и внешние факторы экономической безопасности домашнего хозяйства

Изучаемые закономерности влияния факторов на эффективность взаимодействия изучаемых групп индикаторов-показателей, характеризующих деятельность домашних хозяйств в общем виде могут быть описаны функцией ψ . Функция ψ представляет собой комплекс показателей в виде полинома второй степени соответствующих параметров оценки:

$$\psi = \varphi(\chi_1, \chi_2, \chi_3, \dots, \chi_m, F, \gamma),$$

где $\chi_1, \chi_2, \chi_3, \dots, \chi_m$ – факторы, воздействующие на функцию ψ ; F и γ – внутренние «шумы» то есть факторы, влияющие на показатели, но трудно учитываемые, (искажение отчетности, эмоциональный фон и т.п.).

Принятый список показателей оптимизации (индикаторов) по функциональному признаку с факторами, влияющих на них, следующий:

1. Индикатор экономической безопасности домашних хозяйств по фактору обеспеченности ресурсами (ЭБРС), определяемый по формуле

$$\text{ЭБРС} = \frac{PP - TP}{PP},$$

где PP – располагаемые ресурсы в среднем на одного члена домашних хозяйств, руб./чел.; TP – текущие расходы в среднем на одного члена домашних хозяйств, руб./чел.

Располагаемые ресурсы домашних хозяйств включают денежные доходы, накопления, привлеченные (заемные) средства, стоимость натуральных поступлений. Потребительские расходы, стоимость натуральных поступлений продуктов питания и непродовольственных товаров, услуг образуют совокупность текущих расходов.

где PP – располагаемые ресурсы в среднем на одного члена домашних хозяйств, руб./чел.; TP – текущие расходы в среднем на одного члена домашних хозяйств, руб./чел.

Располагаемые ресурсы домашних хозяйств включают денежные доходы, накопления, привлеченные (заемные) средства, стоимость натуральных поступлений. Потребительские расходы, стоимость натуральных поступлений продуктов питания и непродовольственных товаров, услуг образуют совокупность текущих расходов. Для частичного решения проблемы оценки состояния экономической безопасности домашнего хозяйства по фактору обеспеченности ресурсами используем расчет коэффициента финансовой защищенности через соотношение располагаемых ресурсов и текущих расходов домашних хозяйств.

2. Индикатор экономической безопасности домашних хозяйств по фактору использования ресурсов (ЭБТР), определяемый по формуле

$$\text{ЭБТР} = \frac{PP - TP}{TP}.$$

3. Индикатор экономической безопасности домашних хозяйств по фактору обеспеченности ресурсами, распределенными из регионального бюджета (ЭБСР), определяемый по формуле:

$$\text{ЭБСР} = \frac{\text{СР}}{\text{РБ}},$$

где СР – расходы регионального бюджета на социальную сферу, включающие образование, здравоохранение, физическую культуру и спорт и пр.; РБ – расходы регионального бюджета

4. Индикатор математического ожидания надежности домашних хозяйств (ЭБ_{риск}), определяемый по формуле

$$\text{ЭБ}_{\text{риск}} = e^{t/T},$$

где t – прогнозный временной период оценки, год; T – оцениваемый временной период оценки, год; e – основание натурального логарифма (экспонента).

Математическое ожидание надежности домашних хозяйств (ЭБ_{риск}) характеризует «временную» надежность функционирования домашних хозяйств (своего рода «риск») [17]. Анализ функционирования домашних хозяйств свидетельствует о том, что в основном прекращение хозяйственной деятельности (t , лет по отношению к T -общему времени функционирования, лет) являются «внезапными нежелательными событиями», что обуславливает последовательную расчетную схему надежности – экспоненциальное распределение как частный случай Пуассоновского распределения.

5. Коэффициент частоты прекращения экономического функционирования домашних хозяйств, приходящихся на 1000 хозяйств (ЭФДФ), определяемый по формуле

$$\text{ЭФДФ} = \frac{n}{N} \cdot 1000,$$

где n – число экономически-неактивных домашних хозяйств или прекративших свою деятельность; N – общее число домашних хозяйств.

Дальнейший анализ экономической деятельности домашних хозяйств целесообразно производить по относительным величинам индикаторов.

Применение относительных показателей является целесообразным, так как состояние объекта, характеризуемое индексами, оценивается в большом числовом диапазоне – от тысячных долей единицы до целых десятков единиц. Поэтому представленные индикаторы приводятся к единой системе измерения, в которой они могут быть сравнимы друг с другом. Одной из таких систем является система безразмерного (нормированного) относительного исчисления. В представленном исследовании для каждого показателя $Y_i (i = 1 \dots n)$ определены «наилучшие» значения (максимальные или минимальные) – $Y_{i_{\max}}$ ($Y_{i_{\min}}$) при достижении которого объект принимает наилучший (максимальный) критерий оценки. Анализ изменения показателей оценки

изучаемых объектов, выражены обобщёнными относительными (интегральными) критериями в пределах единицы

$$ОП_{Y_i} = \frac{Y_i}{Y_{i_{\max}}} \text{ или } ОП_{Y_i} = \frac{Y_{i_{\min}}}{Y_i},$$

где $ОП_{Y_i}$ – обобщенный (относительный) показатель; Y_i – оцениваемая (исследуемая) величина функции отклика показателей оптимизации; $Y_{i_{\max}}$ – максимальная ($Y_{i_{\min}}$ – минимальная) величина функции отклика. Относительный показатель при идеальных условиях наиболее успешного сочетания параметров оптимизации должен удовлетворять условию $ОП_i = 1,0$.

Применение относительных величин показателей (индикаторов) считается необходимым, так как состояние «объекта» характеризуется показателями, которые хотя и могут иметь одинаковую размерность (относительные величины) оцениваются в большом числовом диапазоне – от тысячных долей единицы до целых десятков единиц. Все показатели приведены к единой системе измерения, в которой они могут быть сравнимы друг с другом. Одной из таких систем является система безразмерного (нормированного) относительного исчисления. В представленной работе для каждого показателя Y_i ($i = 1 \dots n$) определены наилучшие значения (максимальные) – $Y_{i_{\max}}$ при достижении которого объект принимает наилучший (максимальный) критерий оценки.

Степень изменения экономической безопасности домашних хозяйств с учетом $ВРП_{\text{рег}}$ анализируемого региона, в представленном исследовании, выражена обобщенным оценочным коэффициентом (интегральным) $ООК_{Y_i(ВВП)}$

$$ООК_{Y_i(ВВП)} = ОП_{Y_i} * 10 * \lg \frac{ВВП_{\text{рф}}}{[ВРП_{\text{рег}}]},$$

где $ОП_{Y_i} = \frac{Y_i}{Y_{i(\max)}}$ – обобщённый показатель при условии, когда $Y_{i(\max)}$ – величина i -го коэффициента в группе показателей должна быть наибольшей; $ОП_{Y_i} = \frac{Y_{i(\min)}}{Y_i}$ – обобщённый оценочный коэффициент, если $Y_{i(\min)}$ – минимальная величина i -го коэффициента является наилучшей; $10 * \lg \frac{ВВП_{\text{рф}}}{[ВРП_{\text{рег}}]}$ – логарифмический коэффициент, учитывающий уровень валового внутреннего продукта Российской Федерации ($ВВП_{\text{рф}}$) оцениваемого периода по отношению к $ВРП_{\text{рег}}$ – оцениваемого периода.

Значение $ООК_{Y_i}$ должно удовлетворять условию, когда $ООК_{Y_i} > 0,0$. В этом случае, чем больше величина логарифмического коэффициента $10 * \lg \frac{ВВП_{\text{рф}}}{[ВРП_{\text{рег}}]}$, тем более благоприятные условия стабильного функционирования домашних хозяйств в соответствующем периоде анализируемого объекта.

При условии соблюдения адекватности моделей, определяющих параметры оптимизации в табл. 4.5 представлен вариант их интерпретаций в

виде полученных критичных величин (фрагмент из множества решений) в виде обобщённого показателя (относительная оценка). По разработанным математическим моделям обобщённых показателей произведен анализ мотивированного выбора групп территорий Челябинской области по значимому вкладу в ВРП: Челябинск, Миасс, Златоуст, Кыштым, Магнитогорск.

Анализ полученных моделей, которые имеют множество решений, целесообразно производить в табличной форме, где приведены результаты совместного решения системы всех полученных уравнений. В табл. 4.5 приведены найденные критичные индикаторы по количественному и качественному признаку как $Optim$ – оптимальные. А именно сочетание всех величин критериев (критических) оптимизации, соответствующие условиям, удовлетворяющим все индикаторы. Факторы, определяющие оптимальную ($Optim$) взаимосвязь оцениваемых групп индикаторов, имеют следующие значения. При валовом региональном продукте на душу населения Челябинской области¹⁵ ВРП = 13234 долларов на человека располагаемые ресурсы могут составить $PP=38126...38203$ долларов на человека при существующем количестве домашних хозяйств $N=44478...44488$. При указанных условиях определён оптимальный критичный индикатор: $ОП_{ЭБСР}$ – индикатор общих социальных расходов на образование, здравоохранение, культуру и т. п. с величиной $0,1902...0,2181$ (с $ООК_{ЭБСР}=1,7756...2,0367$).

Таким образом, методика оценки состояния экономической безопасности домашних хозяйств включает следующие индикаторы анализируемого региона:

$ОП_{ЭБРР}$ – индикатор (экономической безопасности) финансовой защищённости располагаемых ресурсов;

$ОП_{ЭБТР}$ – индикатор финансовой защищённости текущих расходов;

$ОП_{ЭБСР}$ – индикатор общих (суммарных) социальных расходов на образование, здравоохранение, культуру и т. п.;

$ОП_{ЭБриск}$ – индикатор математического ожидания эффективной деятельности домашних хозяйств (индикатор риска);

$ОП_{ЭФДХ}$ – индикатор надёжности деятельности домашних хозяйств (частота неэффективных домашних хозяйств);

$ОП_{СРО}$ – индикатор оценки расходов на образование;

$ОП_{СРК}$ – индикатор оценки расходов на культуру;

$ОП_{СРФС}$ – индикатор оценки расходов на физическую культуру и спорт;

$ОП_{СРЗО}$ – индикатор оценки расходов на здравоохранение;

$ОП_{СРП}$ – индикатор оценки прочих региональных социальных расходов бюджета (т.е. за исключением расходов на образование, здравоохранение, физкультуру и спорт).

Разработанная методика позволяет диагностировать степень риска, выделить угрозы экономической безопасности домашних хозяйств, оценить

¹⁵ Челябинская область в цифрах. <http://chelstat.gks.ru>

степень достаточности социальных расходов бюджета, принять меры по повышению эффективности реализации социальной политики, прогнозировать состояние экономической безопасности домашних хозяйств.

Анализ состояния экономической безопасности домашних хозяйств Челябинской области

Проведена апробация представленной методики выявления угроз и диагностики риска экономической безопасности домашних хозяйств на примере Челябинской области. Информационной базой исследования послужили данные отчетов об исполнении бюджета Челябинской области в 2016–2018 гг.¹⁶, а также данные Росстата Челябинской области об уровне жизни населения¹⁷ за аналогичный период.

Варианты существующих и рекомендуемых критичных индикаторов анализируемых территориальных образований приведены на гистограмме (рис. 4.2) Рекомендованный вариант оптимальных решений (последние столбцы гистограммы) в относительном исчислении по математическим моделям составят 0,2181...0,1902, что соответствует «критичному» индикатору ОП_{ЭБСР} – индикатор общих (суммарных) социальных расходов на образование, здравоохранение, культуру и т. п. Данный индикатор является тем критерием, от которого производится оценка экономической безопасности хозяйственной деятельности анализируемых территорий.

В представленном варианте все остальные индикаторы будут иметь величины больше, а именно: ОП_{ЭБРР}=0,263...0,264; ОП_{ЭБТР}=0,376...0,377; ОП_{ЭБСР}=0,190...0,218; ОП_{ЭФДХ}= 0,258...0,374; ОП_{ЭБриск}= 0,347...0,547; ОП_{СРО}=0,240; ОП_{СРК} = 0,233; ОП_{СРФС}=0,249..0,297; ОП_{СРЗО}= 0,248...0,252...; ОП_{СРП}=0,304...0,314.

Приведенный расчёт индикаторов оценки экономической безопасности домашнего хозяйства по факту финансовой защищённости располагаемых ресурсов (ОП_{ЭБРР} =0,263) и по индикатору использования ресурсов (ОП_{ЭБТР} =0,376...0,377), указывает на тот факт, что обеспеченность ресурсами, перераспределёнными из государственного бюджета, может привести к значимому улучшению деятельности домашних хозяйств. На такой прогноз указывают максимальные расчётные величины индикаторов математического ожидания надежности функционирования домашних хозяйств и коэффициент частоты прекращения функционирования домашних хозяйств.

¹⁶ Отчеты об исполнении консолидированного бюджета Челябинской области 2016, 2017, 2018 гг. // <http://pravmin74.ru/pravitelstvo/byudzhethet-oblasti>

¹⁷ Доходы и расходы домашних хозяйств 2016, 2017, 2018 гг. // http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/statistics/standards_of_life/household_incomes

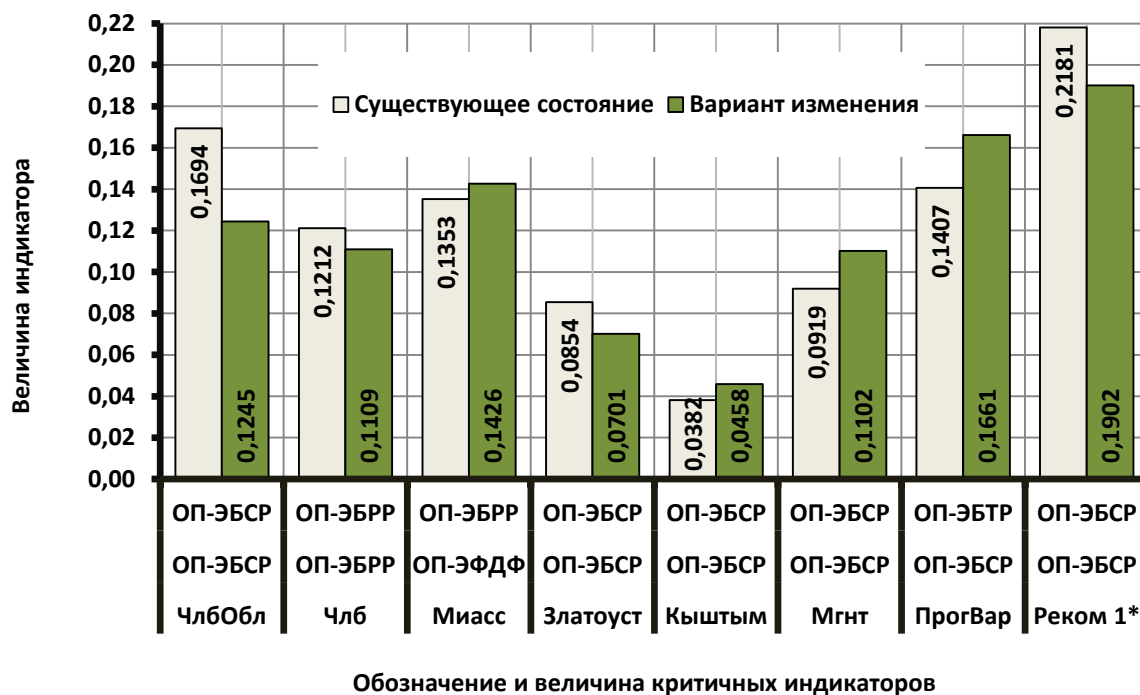

Рис. 4.2. Гистограмма распределения территорий Челябинской области по «Критичным показателем» с вариантом оптимизации (рекомендация 1*)

Разработано авторами.

По разработанным математическим моделям с уровнем значимости $\alpha=0,05$ по программе «Plan-ex», произведен анализ мотивированного выбора групп по некоторым муниципальным образованиям Челябинской области: Челябинск, Миасс, Златоуст, Кыштым, Магнитогорск. Анализ и оптимизация результатов по полученным моделям, которые имеют множество решений, представлен в табл. 4.5. Представлены результаты оптимизации экономической оценки деятельности домашних хозяйств по ОП_{Yi} и ООК_{Yi}. Все величины индикаторов оптимизации соответствуют условиям, удовлетворяющим выбранным критериям.

В представленном варианте оптимизации соответствующие значения факторов будут следующие (табл. 4.5): РР=37886...38076 долларов на человека, ТР=1027...1031 долларов на человека; СР=\$2,769·10⁷ ... \$2,780·10⁷.

Факторы, определяющие оптимальную взаимосвязь оцениваемых групп, имеют следующие значения: фиксированные величины ВРП = 13234 долларов на человека – 2019 г. и ВРП = 14178 долларов на человека, как оптимальный вариант при временных прогнозах; t=5...9 лет при T=9...11 лет. Разработанные модели позволяют не только анализировать взаимодействия различных групп индикаторов, но и осуществлять поиск решений, способствующих обеспечивать экономическую безопасность домашних хозяйств. По расчетным величинам порога обобщенных показателей (рис. 4.2) произведено ранжирование муниципалитетов Челябинской области.

Расчёт величин «порога» критического относительного показателя производился по математическим моделям при условии, когда $ОПу_i > 0$. Например, для Челябинской области минимальная величина относительного показателя индикатора математического ожидания надёжности домашних хозяйств равна $ОП_{ЭБриск}=0,169$ ($ООК_{ЭБриск}=1,505$) (табл. 4.5). При этом значения факторов составят – $t=9$ лет и $T=11$ лет. А для прогнозного периода критическим показателем оценки будет индикатор социальных расходов с величиной $ОП_{ЭБСР}=0,103...0,169$ со значениями факторов $СР= \$2,616 \cdot 10^7 ... \$2,341 \cdot 10^7$. Подобный анализ, также возможен и для остальных сочетаний факторов и индикаторов (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Оценка экономической безопасности функционирования домашних хозяйств Челябинской области по критичным показателям
(фрагмент оптимизации)

Критичные показатели (индикаторы) и факторы			Наименование территориального образования						Вариант прогноза*	Рекомендация 1*
			Челябинская область	г.Челябинск	г.Миасс	г.Златоуст	г.Кыштым	г.Магнитогорск		
Оцениваемый индикатор, относительные величины	$ОПу_i$	Наименование показателя	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБРР	ОП-ЭФДХ	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБСР
		Значение	0,1694	0,1212	0,1353	0,0854	0,382	0,0919	0,1407	0,2181
	Общая оценка оптимизации		"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"optim"
	Обобщённый оценочный коэффициент - $ООКУ_i$		1,5045	1,2122	1,3318	0,6523	0,2657	0,7283	1,1999	2,0367
Вариант изменения	$ОПу_i$	Наименование показателя	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБРР	ОП-ЭФДХ	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБСР	ОП-ЭБСР
		Значение	0,1245	0,1109	0,1426	0,0701	0,0458	0,1102	0,1661	0,1902
	Общая оценка оптимизации		"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"no-optim"	"optim"
	Обобщённый оценочный коэффициент - $ООКУ_i$		1,1331	1,115	1,4115	0,5395	0,3212	0,8794	1,4255	1,7756
Наименование и величина факторов (X_i)	ВРП, долл. на чел.	Существующий	11923	15418	14876	8955	7659	9565	10988	13234
		Вариант изменения	12543	15603	15055	9062	7751	9679	11120	13234
	РР, долл. на чел.	Существующий	35922	37562	37511	32113	31852	37141	35865	38127
		Вариант изменения	37086	38028	37976	32511	32247	37601	36310	38203
	N, число хозяйств	Существующий	45505	38656	25057	32578	27755	39101	43670	44478
		Вариант изменения	45619	38745	25115	32653	27819	39190	45081	44488
	T, лет	Существующий	11	12	11	10	10	12	10	12
		Вариант изменения	11	12	11	10	10	12	10	12
	ТР, долл. на чел.	Существующий	1787	1840	1803	1916	1768	1856	1850	998
		Вариант изменения								

Критичные показатели (индикаторы) и факторы			Наименование территориального образования						Вариант прогноза*	Рекомендация 1*
			Челябинская область	г.Челябинск	г.Миасс	г.Златоуст	г.Кыштым	г.Магнитогорск		
Наименование и величина факторов (Xi)		Вариант изменения	1855	1873	1835	1950	1800	1889	1647	1003
	СР, тыс. долл.	Существующий	26157	28207	32807	24897	23897	23296	22487	28787
		Вариант изменения	27465	25245	29362	22283	21388	20850	23611	28795
	СРК, тыс. долл.	Существующий	42676	35089	33667	38169	35267	43267	33722	36561
		Вариант изменения	43316	35510	34071	38628	35691	43787	34127	36566
	СРО, тыс. долл.	Существующий	16256	15758	13254	11725	12655	13767	12750	11411
		Вариант изменения	16264	15758	13254	11725	12655	13767	12050	11411
	СРФС, тыс. долл.	Существующий	1166	1030	1207	1092	968	1130	1161	1156
		Вариант изменения	1184	1045	1224	1108	981	1146	1177	1157
	СОЗО, тыс. долл.	Существующий	120	116	120	112	128	113	122	127
		Вариант изменения	123	115	119	111	126	112	120	127
	СРП, тыс. долл.	Существующий	298	290	346	336	335	383	344	353
		Вариант изменения	314	294	351	341	339	389	349	353
	t, год	Существующий	10	5	9	8	9	6	10	10
		Вариант изменения	10	5	9	8	9	6	10	10
	n, число домохозяйств	Существующий	9734	8667	9797	8957	7989	7790	7624	9276
		Вариант изменения	8654	6844	7736	7073	6309	6151	6021	7263

*Результаты оцениваемого и прогнозируемого периодов, представлены в результате расчёта по полученным математическим моделям. Разработано авторами.

В результате проведенного исследования определено, что решение задачи устойчивого развития связано с исследованием состояния экономической безопасности домашнего хозяйства. Авторами предложена методика, позволяющая выявлять угрозы и проводить диагностику риска нарушения безопасности домашнего хозяйства.

Анализ полученных результатов показал на примере, что меры региональной социальной политики не достаточны для обеспечения экономической безопасности домашних хозяйств. Конкурентные преимущества, пределы устойчивости и императивы экономической безопасности домашних хозяйств региона необходимо рассматривать в т.ч. как функцию при определении стратегии развития региона, как средство расширения и мультиплицирования потенциала региона.

Предложенный подход может быть применен в любом субъекте Российской Федерации как для непосредственной оценки состояния экономиче-

ской безопасности домашнего хозяйства, так и прогнозирования его динамики. Полученные выводы могут быть полезны при оценке эффективности управления региональным развитием, а также при разработке мер по повышению устойчивости региональной экономики.

Библиографический список по главе 4

1. Alifanova E.N., Nivorozhkina L.I., Evlakhova Yu.S. Development of the concept of financial institutes and households vulnerabilities interference: the key parameters and the place in money laundering and terrorism financing risk assessment fatf methodology / Education Transformation Issues. – 2018. – №2. – С. 6–17.
2. By a Thread: The New Experience of America's Middle Class. Tamara Draut, Jennifer Wheary, Thomas M. Shapiro. Dēmos [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demos.org/publication/thread-new-experience-americas-middle-class/>
3. Cubbin, J. and Tzanidakis, G. Techniques for Analysing Company Performance. Business Strategy Review. – 1998. – С. 37–46. Режим доступа: <https://doi-org.idp.nwipa.ru/10.1111/1467-8616.00081>.
4. Devinney, T.M., Yip, G.S. and Johnson, G. Using Frontier Analysis to Evaluate Company Performance. British Journal of Management. – 2010. – P. 921–938. Режим доступа: <https://doi-org.idp.nwipa.ru/10.1111/j.1467-8551.2009.00650.x>.
5. Dominitz Jeff Perceptions of Economic Insecurity: Evidence from the survey of economic expectations / Charles F. Manski / The National Bureau of Economic Research of the United States, Working Paper №5690. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nber.org/papers/w5690>.
6. Elkin S.E. Strategy of human capital management as an element of economic security / S.E. Elkin, S.Yu. Solodovnikov, O.S. Elkina [et al.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-образовательный консалтинговый центр, 2018. – 246 p.
7. Factor security and methods of estimation of economic safety of households Sliva S., Gladkovskaya E., Gurlev V., Mikhalina L.B сборнике: Proceedings of the 32nd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 – Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional expansion to Global Growth 32, Vision 2020: Sustainable Economic Development and Application of Innovation Management from Regional Expansion to Global Growth. – 2018.
8. Hicks J. The Foundations of Welfare Economics // Economic Journal. 1939. – Vol. 49. – №196. – P. 696–712.
9. Kaldor N. Welfare propositions in Economics and Interpersonal Comparisons of Utility // Economic Journal. – 1941. – Vol. 9. – P. 549–552.

10. Klychova G., Zaugarova E., Zakirova A., Dyatlova A., Gimadiev I. Control and analytical aspects of the management of financial results of enterprises/ В сборнике: E3S Web of Conferences. 14th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, INTERAGROMASH 2021. Rostov-on-Don, 2021.
11. Measuring Company Performance. In Analysis of Financial Statements (eds P.P. Drake and F.J. Fabozzi). – 2012. Режим доступа: <https://doi-org.idp.nwipa.ru/10.1002/9781119203513.ch7>.
12. National Security Act of 1947 [Electronic resource]. Mode of access: https://www.webcitation.org/5Xi9eEYG9?url=http://www.intelligence.gov/0-natsecact_1947.shtml.
13. O'Donnell, A.T. and Swales, J.K. A note on profitability as a measure of company efficiency. Manage. Decis. Econ. – 1982. – С. 188–193. Режим доступа: <https://doi-org.idp.nwipa.ru/10.1002/mde.4090030404>.
14. Popova O.S., Yakimchuk N.N., Nadezhina O.S. Organization of socioeconomic security monitoring and express-evaluation of the housing and utility sector / Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020 Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference (IBIMA). – 2018. – С. 908–917.
15. The AIG Bailout Scandal // The Nation. – 2010. – 6 August. URL: <https://www.thenation.com/article/archive/aig-bailout-scandal/>
16. The Asset Index: Assessing the Progress of States in Promoting Economic Security and Opportunity. Larry W. Beeferman. Asset Development Institute, The Heller Graduate School for Social Policy and Management Brandeis University [Электронный ресурс]. URL: <https://iasp.brandeis.edu/pdfs/2002/The%20Asset%20Index.pdf>.
17. The development and application of information technology of a complex assessment of economic and energy security of the enterprises of housing and communal services Gurlev V.G., Khomyakova T.S. В сборнике: 2016 2nd International Conference on Industrial Engineering, Applications and Manufacturing, ICIEAM 2016 – Proceedings 2. – 2016.
18. Zakirova A., Klychova G., Zaugarova E., Sungatullina R., Klinova E. Development of a methodological tool for internal control to increase the efficiency of use of fixed assets/В сборнике: E3S Web of Conferences. Сер. "Ural Environmental Science Forum «Sustainable Development of Industrial Region", UESF 2021», 2021.
19. Анимица П.Е., Наумов И.В. Сценарный подход к моделированию структуры доходов и расходов домашних хозяйств // Экономика. Налоги. Право. – 2016. – №5. – С. 63–73.
20. Артемьева, А.Н. Фальсификация товаров: законодательные аспекты и современные тенденции [Текст]: учебник А.Н. Артемьева, Н.Г. Паничева Теоретические и практические проблемы развития экономики России: сб. науч. тр. – Владивосток: Изд-во РТА, 2015. – 354 с.

21. Безрукова, Т.Л., Борисов А.Н., Шанин И.И. Классификация показателей оценки эффективности экономической деятельности промышленного предприятия / Т.Л. Безрукова, А.Н. Борисов, И.И. Шанин // Общество: политика, экономика, право. – 2012. – С. 73–80. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17547893>.
22. Богатырев, С.И. Финансовая безопасность и финансовый суверенитет России: монография / С.И. Богатырев. – М.: Эдитус, 2016. – 186 с.
23. Болодурина, М.П. Систематизация подходов к проведению поликритериальной оценки эффективности деятельности компании / М.П. Болодурина, Ю.С. Андреева // Финансовые исследования. – 2016. – С. 114–124. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26256020>.
24. Вишневский, А.А. О современном состоянии обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь / А.А. Вишневский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – №1 (33) –С. 80–83.
25. Галазова, Т.Э. Рынок контрафактных товаров. Автореф. ...дис. канд. экон. наук: 08.00.01 / Глазова Татьяна Эльбрусовна. – Владикавказ, 2011. – 24 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/rynok-kontrafaktyhtovarov>. (14.01.22)
26. Глазьев, С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития / С.Ю. Глазьев. – М.: Ин-т экон. стратегий, Рус. биограф. ин-т, 2015 – 60 с.
27. Глобальная база данных рыночных исследований euromonitor international. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.euromonitor.com/ru-passport> (14.01.22)
28. Глухов В.В., Останин В.А., Рожков Ю.В. Домашнее хозяйство как элемент системных конфигураций // Вестник ТГЭУ. – 2015. – №2 (74).
29. Голубева, Н.А. Оценка эффективности социально ответственной деятельности предприятия / Н.А. Голубева // Международный бухгалтерский учет. – 2012. – №6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-sotsialno-otvetstvennoy-deyatelnosti-predpriyatiya>.
30. Гончаренко, Л.П. Экономическая безопасность: учебник для вузов / под общ. ред. Л.П. Гончаренко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 340 с.
31. ГОСТ Р 57881-2017 Система защиты от фальсификаций и контрафакта. Термины и определения – docs.cntd.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200157538>. (10.01.22)
32. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.01.2021) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: правовой сайт. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/44bf2477089f6ece7185aaf3e37bae5ace2954cf/. (15.01.22)

33. Гурова, М.П. Угрозы экономической безопасности современной России [Текст]: учебник / Под ред.; сост. Т.Ч. Ахметов, Л.В. Борина, Д.К. Лашина, А.М. Федорова, О.В. Фролова. – СПб.: СЗФ РПА Минюста России, 2013. – 293 с.

34. Елкин, С. Е. Проблемы кредитования малого бизнеса в России / С.Е. Елкин, О.С. Елкина, Ю.Б. Тубанова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-образовательный консалтинговый центр, 2018. – 107 с.

35. Елкин, С.Е. Достоверность бухгалтерской отчетности как элемент безопасности экономической политики предприятия / С.Е. Елкин // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2005. – №1. – С. 100.

36. Елкин, С.Е. К вопросу управления процессом изменений и оценки экономической эффективности корпоративного управления / С.Е. Елкин // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2010. – №10. – С. 49–51.

37. Елкин, С.Е. Модернизация системы экономического образования в России в условиях институциональной трансформации научно-образовательных комплексов: монография / С.Е. Елкин, Н.М. Калинина, В.П. Чижик; М-во образования и науки РФ, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования Российский гос. торгово-экономический ун-т, Омский ин-т (фил.). – Омск: Омский институт (филиал) РГТЭУ, 2010. – 257 с.

38. Заугарова Е.В. Восстановление и ведение бухгалтерского, налогового учета оплаты труда и кадрового учета в 2021 году // В сборнике: Профессия бухгалтера - важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством. Сборник научных трудов по материалам IX Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.П. Петрова. Казань, 2021. – С. 80–87.

39. Заугарова Е.В. Восстановление и оптимизация бухгалтерского и налогового учета организации // Сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции «Международные стандарты учета и аудита: практика применения в условиях цифровой экономики». Москва, 2022.

40. Заугарова Е.В. Меры государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях пандемии // Вестник индустрии гостеприимства. – 2022. – №9. – С. 95–99.

41. Заугарова Е.В. Применение технологий анализа «Big Data» для финансовых данных // В книге: Цифровые экосистемы устойчивого развития экономических субъектов и бизнес-анализ. Василенко Н.В., Глухих И.Н., Дадаева Б.Ш., Заугарова Е.В., Карачева А.А. и т.д. под ред. М.А. Осипова. Санкт-Петербург, 2021. – С. 124–135.

42. Заугарова Е.В., Залялеев А.Э. Государственная программа «Информационное общество»: основные понятия и пути реализации // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Информационные технологии в науке, управлении и образовании: междисциплинарный подход и тенденции развития». – 2021.

43. Заугарова Е.В., Селезнев, К.Б. Практические аспекты восстановления бухгалтерского и налогового учета // В сборнике: Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти проф. В.П. Петрова. – 2019. – С. 93–102.

44. Заугарова. Е.В. Положение Всероссийского социального проекта по поддержке слабозащищенных слоев населения «Консалтинговая Группа «Научное Деловое Сотрудничество» в ред. от 01.07.2021 года // ИнфраМ. – 2022.

45. Заугарова. Е.В. Положение социального проекта по поддержке слабозащищенных слоев населения «Консалтинговая Группа «Научное Деловое Сотрудничество» в ред. от 10.01.2018 года // ИнфраМ. – 2022.

46. Иванова, О.В. «Генезис научных подходов к функционированию домашних хозяйств» // Вестник евразийской науки, vol. 9, №1 (38). – 2017. – Р. 68.

47. Кан, Е.Д. Подходы и методы оценки эффективности деятельности предприятия / Е.Д. Кан // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2018. – С. 118–122. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34957430&>.

48. Каплун, А.А. Финансы домашних хозяйств: сущность и роль в развитии инвестиционного потенциала России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика, №4. – 2015. – С. 80–91.

49. Каплун, А.А. Роль финансов домашних хозяйств в финансовой системе страны и развитии инвестиционного потенциала России // Вестник Таганрогского института управления и экономики, №2 (22). – 2015. – С. 30–37.

50. Кислицына Л.В., Унтанов А.Б. Теоретические аспекты финансов домашних хозяйств // Baikal Research Journal, vol. 6, №2. – 2015. – С. 7.

51. Клычова Г.С., Клычова А.С., Заугарова Е.В., Юсупова Р.И. Оптимизация размеров материально-производственных запасов на предприятии // В сборнике: Актуальные проблемы бухгалтерского учета и аудита в условиях стратегического развития экономики. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской (национальной) научно-практической конференции молодых ученых. – 2020. – С. 84–88.

52. Кознов, А.Б. Анализ существующих моделей оценки эффективности деятельности компании / А.Б. Кознов, В.Г. Макеева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2018. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36424595>.

53. Кокоева, В.А. Исследование подходов к оценке эффективности деятельности компании и безопасности бизнеса / В.А. Кокоева, А.А. Несмеянова // Экономическая безопасность: правовые, экономические, экологические аспекты. – 2021. – С. 173–177. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45730410>.

54. Комиссия по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Челябинской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cheladmin.ru/ru/administraciya-goroda/struktura-upravleniya/upravlenie-po-strategicheskomu-planirovaniyu/promyshlennost/komissiya-po-protivodeystviyu-nezakonnomu-oborotu>. (18.01.22)

55. Комплексный анализ хозяйственной деятельности: учебник и практикум для вузов / В. И. Бариленко [и др.]; под редакцией В.И. Бариленко. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 455 с. – (Высшее образование). – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. Режим доступа: <https://urait.ru.idp.nwipa.ru/bcode/468686>.

56. Контрафакт в торговых центрах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://brandmonitor.ru/brandmonitor-research/BrandMonitor_Контрафакт_В_Торговых_Центрах.pdf. (23.01.22)

57. Контрафакт распространяется как вирус [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://plus.rbc.ru/news/5f87765a7a8aa9d887869d34>. (23.01.22)

58. Контрафактная продукция [Электронный ресурс] Law.pp.ru- Юридический факультет. Режим доступа: <http://law.pp.ru/tamojennoepravo/kontarafaktnaya-produkciya-p18>. (23.01.22)

59. Контрафактный товар. Методы выявления контрафактных и фальсифицированных товаров. Торговля контрафактным товаром – ответственность [Электронный ресурс] // BusinessMan.ru. Режим доступа: <https://businessman.ru/kontrafaktnyyi-tovar-metodyi-vyyavleniya-kontrafaktnyih-i-falsifitsirovannyih-tovarov-torgovlya-kontrafaktnym-tovarem---otvetstvennost> (14.01.22)

60. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь 9 нояб. 2010 г. №575; в ред. Указа Президента Респ. от 24 янв. 2014 г. №49 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь 30.01.2014, 1/14788.

61. Кротов, М.И. Экономическая безопасность России: Системный подход / М.И. Кротов, В.И. Мунтиян. – СПб.: Изд-во НПК «РОСТ», 2016 – 336 с.

62. Ледяйкина И.И. Экономическая безопасность домашних хозяйств региона (на примере ивановской, владимирской, костромской и ярославской областей)// Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2019. – №6 (108). – С. 191–201.

63. Литвинова, В.В. Финансы домашних хозяйств и их место в теории финансов // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – №32 (74). – С. 66–70.

64. Лобанов, С.Ю. Обеспечение финансовой безопасности страхового рынка России: теория, методология, практика: монография / С.Ю. Лобанов. – М.: КНОРУС, 2021. – 272 с.

65. Малкина М.Ю., Храмова И.Ю. Факторы сбережений населения: страновой и региональный анализ // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Vol. 15, №10 (445). – С. 1844–1867.
66. Метелев С.Е., Основы внешнеторговой деятельности: (таможенный контроль и система управления рисками) / С.Е. Метелев, С.Е. Елкин, О.С. Елкина, М. Мурат. – Warszawa: Wyższa Szkoła Komunikowania, Stosunków Międzynarodowych i Politologii, 2016. – 203 с.
67. Можейко, А.В. Экономическая безопасность Республики Беларусь / А.В. Можейко // Банковский вестник. – 2021 – № 6 – С. 44–53.
68. Моисеева, И.И. Методические аспекты оценки эффективности деятельности предприятия / И.И. Моисеева, Д.С. Тормышев // Социально-экономические явления и процессы. – 2018. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36647786>.
69. Моргентау, Ганс Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал, 1997, № 2.
70. Найден С.Н., Белоусова А.В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление// Экономика региона. – 2018. – №1. – С. 53–68.
71. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 года №146-ФЗ.
72. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>.
73. Ниворожкина Л.И. Скрытые доходы домохозяйств: опыт эмпирического анализа. Terra Ecomomicus. – 2016. –Т. 14, №4. – С. 42–53.
74. Оборот контрафакта [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oecd.org/general/searchresults/?q=counterfeit%20products&cx=012432601748511391518:xzeadub0b0a&cof=FORID:11&ie=UTF-8> (20.01.22)
75. Панов, С. Л. Система субъектов противодействия обороту контрафактной и фальсифицированной продукции в России. [Электронный ресурс]/ С.Л. Панов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – №1(32). – С. 37–43. Режим доступа: [file:///C:/Users/User/Downloads/problems-borby-s-nezakonnym-oborotom-kontrafaktnoy-produktsii%20\(3\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/problems-borby-s-nezakonnym-oborotom-kontrafaktnoy-produktsii%20(3).pdf). (14.01.22)
76. Панфилъ, Л.А. Оценка эффективности деятельности предприятия / Л.А. Панфилъ, Е.Э. Муртазина // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – С. 753–756. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26165638&>.
77. Подольная Н.Н. Потребительские интересы домашних хозяйств в области здравоохранения и отдыха // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – №6 (339). – С. 45–56.
78. Постановление Правительства Челябинской области от 15.01.2014 №2-П «Об утверждении результатов определения кадастровой стоимости земельных участков садоводческих, огороднических и дачных объединений

на территории Челябинской области из состава земель сельскохозяйственного назначения».

79. Постановление Правительства Челябинской области от 15.06.2011 №189-П «Об утверждении результатов государственной кадастровой оценки земель особо охраняемых территорий и объектов Челябинской области».

80. Постановление Правительства Челябинской области от 16.03.2011 №79-П «Об утверждении результатов государственной кадастровой оценки земель на территории Челябинской области».

81. Постановление Правительства Челябинской области от 17.08.2011 №284-П «Об утверждении результатов государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов Челябинской области».

82. Приказ Министерства промышленности и природных ресурсов Челябинской области от 22.02.2013 №27-П «Об утверждении результатов кадастровой стоимости земельных участков водного фонда на территории Челябинской области».

83. Приказ Министерства промышленности и природных ресурсов Челябинской области от 21.03.2013 №47-П «Об утверждении результатов определения кадастровой стоимости земельных участков сельскохозяйственного назначения на территории Челябинской области (за исключением земель садоводческих, огороднических и дачных объединений)».

84. Приказ Минэкономразвития России от 07.06.2016 №358 «Об утверждении методических указаний о государственной кадастровой оценке».

85. Приказ Минэкономразвития России от 25.09.2014 №611 «Об утверждении Федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости (ФСО №7)».

86. Проблемы экономики и управления предприятиями, отраслями, комплексами / И. Г. Акчурина, М. Г. Алимурзоева, А. А. Арбузов [и др.]. – Ставрополь: Издательство «СИБПРИНТ», 2012. – 378 с.

87. Распоряжение Правительства Челябинской области № 441-рп от 20 июля 2017 года «О создании областного государственного бюджетного учреждения «Государственная кадастровая оценка по Челябинской области»».

88. Родионов, А.С. Зарубежный опыт оценки экономической эффективности деятельности предприятия / А.С. Родионов // Достижения науки и образования. – 2016. – С. 42–45. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26148641>.

89. Росаккредитация подвела итоги контрольной и судебной работы за июль-август 2019 года. [Электронный ресурс] Федеральная служба по аккредитации. – Режим доступа: <https://fsa.gov.ru/press-center/news/9613/> (14.01.22).

90. Румянцева, Е.Е. Экономический анализ: учебник и практикум для вузов / Е.Е. Румянцева. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 381 с. – (Высшее образование). – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. Режим доступа: <https://urait-ru.idp.nwipa.ru/bcode/469478>.

91. Рынки контрафактной продукции в России: сб. науч. ст. [Текст] / отв. ред. серии В. В. Радаев; Гос. ун-т – Высшая школа экономики; Лаб. экон.-социол. исслед. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 113 с.

92. Савицкая, Г.В. Экономический анализ: учебник / Г.В. Савицкая. – 15-е изд., испр. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – 587 с. – (Высшее образование: Бакалавриат). – DOI 10.12737/textbook_5cde566886f147.0697 4725. Текст: электронный. Режим доступа: <https://znanium-com.idp.nwipa.ru/catalog/product/1710064>.

93. Седова Ю.В. Сбережения домашних хозяйств и их функции // Экономические науки. – 2015. – №2 (123). – С. 7–2.

94. Судебно-кадастровая экспертиза: учеб. пособие / А.Ф. Волынский, В.А. Прорвич, И.С. Акимова [и др.]; под ред. А.Ф. Волынского и В.А. Прорвича. – Москва: ИНФРА-М, 2018. – 636 с.

95. Сушкова, И.А. Финансовая безопасность сферы страхования: понятие, угрозы, методы обеспечения /И.А. Сушкова // ИБР. – 2019. – №1 (34). – <https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-bezopasnost-sfery-strahovaniya-ponyatie-ugrozy-metody-obespecheniya>.

96. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>. (05.01.22)

97. Уровень и динамика качества жизни в регионах России 2006–2013 гг. // Лаборатория математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2015. – 19 с.

98. Уровень и динамика качества жизни в регионах России 2006–2013 гг. // Лаборатория математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2015. – 19 с.

99. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии Росреестр. Режим доступа: <https://rosreestr.ru>.

100. Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка: статистическая информация. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fsrar.gov.ru/activities/rezultatproverok/rezultaty_proverok_za_2020_god. (25.01.22).

101. Федеральный закон от 03.07.2016 №237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке».

102. Федеральный закон от 29.07.1998 г. №135 «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

103. Хабибулина, А. А. Финансовая безопасность в системе обеспечения экономической безопасности России / А.А. Хабибулина. – М.: Формула права, 2011. – 176 с.

104. Шумаев В.А. Проблемы борьбы с контрафактной и фальсифицированной продукцией [Электронный ресурс] / В.А. Шумаев // Научный журнал. – 2020. – №2. – С. 104–105. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-borby-s-nezakonnym-oborotom-kontrafaktnoy-produktsii>.

105. Экономическая безопасность: теория, методология, практика / под науч. ред. Никитенко П.Г., Булавко В.Г.; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2009. – 394 с.

106. Экономический анализ в 2 ч. Часть 2.: учебник для вузов / Н.В. Войтоловский [и др.]; под редакцией Н.В. Войтоловского, А.П. Калининой, И.И. Мазуровой. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 302 с. – (Высшее образование). – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. Режим доступа: <https://urait-ru.idp.nwipa.ru/bcode/473100>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поиск эффективных решений проблем экономической безопасности России в аспекте глобальных трансформаций принадлежит к числу важнейших национальных приоритетов, особенно в современных быстроменяющихся условиях. Борьба за лидерство крупнейших мировых экономик, прекращение всей политической арены, борьба с последствиями пандемии Covid-19, которая, к сожалению, никуда не делась, – все это стимулирует Россию к разработке и принятию кардинально важных решений, касающихся, в том числе, и вопросов экономической безопасности.

При этом очень важным является накопление научного и практического опыта по выходу из возникающих негативных ситуаций не только без существенных потерь, но и с усилением своих конкурентных преимуществ. Одним из помощников в решении актуальных вопросов развития страны является представленная монография. В ней рассматриваются проблемы экономической безопасности России в аспекте глобальных трансформаций и приводятся эффективные способы их решения.

Представленная монография является продолжением серии исследовательских публикаций по проблемам экономической безопасности, начатой в рамках Международной конференции по проблемам экономической безопасности и таможенного регулирования Высшей школы экономики и управления ЮУрГУ (НИУ).

В контексте проблем экономической безопасности России в современных условиях рассмотрены вопросы эколого-экономической безопасности, экономической безопасности бизнеса, а также уделено особое внимание экономической безопасности в условиях четвертой промышленной революции. Индустрия 4.0 уже начинает менять мир, приводит к улучшению качества жизни людей, однако она несет в себе и значительные риски. Поэтому важно уметь вовремя реагировать на острые экономические и социальные вызовы и обеспечивать высокий уровень экономической безопасности.

В рамках актуальной на сегодняшний день темы пандемии COVID-19 в монографии рассмотрены вопросы экономической безопасности различных регионов России, сценарии выхода из коронакризиса и борьба с последствиями пандемии.

Итак, обеспечение экономической безопасности в аспекте глобальных трансформаций – это гарантия независимости страны, стабильности и эффективности жизнедеятельности общества, условие достижения дальнейших успехов на всех уровнях развития. Авторы коллективной монографии надеются, что содержание представленных материалов будет способствовать поиску новых эффективных решений в вопросах экономической безопасности как страны в целом, так и отдельного предприятия.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

1. Александров И.А., ассистент кафедры «Проектный менеджмент и внешнеэкономическая деятельность в АПК» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» (п. 1.2).

2. Александрова Л.А., д.э.н., профессор кафедры «Проектный менеджмент и внешнеэкономическая деятельность в АПК» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова» (п. 1.2).

3. Антонюк В.С., д.э.н., профессор кафедры «Экономическая теория, региональная экономика, государственное и муниципальное управление» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.3).

4. Бажанова М.И., к.э.н., доц., доцент кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.1).

5. Бондарь Т.Е. к.э.н., доцент кафедры финансов УО «Белорусский государственный экономический университет» (4.1).

6. Вансович Э.Р., к.э.н., доцент кафедры «Экономическая теория, региональная экономика, государственное и муниципальное управление» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.3).

7. Вerezубова Т.А., д.э.н., профессор, заведующий кафедрой финансов Учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (п. 4.4).

8. Голованов Е.Б., к.э.н., доц., доцент кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.1).

9. Горбунова В.Б., к.э.н., доц., доцент кафедры «Экономическая безопасность», ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет» (п. 1.3).

10. Горбунова В.Б., к.э.н., доц., доцент кафедры «Экономическая безопасность», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калининградский государственный технический университет» (п. 3.8).

11. Гурлев В.Г., д.т.н., профессор кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 4.7).

12. Давиденко Л.М., к.э.н., ассоциированный профессор (доцент) кафедры «Бизнес и управление», Инновационный Евразийский университет (п. 2.5).

13. Данилова И.В., д.э.н., профессор кафедры «Экономическая теория, региональная экономика, государственное и муниципальное управление», заместитель директора Высшей школы экономики и управления по научной работе ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 3.3).

14. Дмитриева Ю.В., к.ф.н., доцент кафедры управления и административного права Псковского государственного университета (п. 1.5).

15. Довбий И.П., д.э.н., доц., профессор кафедры «Экономическая безопасность», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.7).

16. Ежелый С.М., ст. преподаватель кафедры «Экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет» (п. 3.5).

17. Елкин С.Е., к.э.н., доц., доцент кафедры безопасности, Факультет безопасности и таможен, Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (п. 4.3).

18. Заугарова Е.В., к.э.н., доц., доцент кафедры «Бухгалтерского учета и анализа» ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет» (п. 4.6).

19. Зотиков Н.З., к.э.н., доцент кафедры финансов, кредита и экономической безопасности ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова» (п. 1.4).

20. Иваньковский С.Л., к.э.н., доцент кафедры экономики предприятий и организаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (п. 3.1).

21. Каморник А.И., к.э.н., доц., доцент кафедры финансов Учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (п. 4.4).

22. Карпушкина А.В., д.э.н., директор Высшей школы экономики и управления, профессор кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 3.3).

23. Кидрасов Д.Р., аспирант кафедры «Экономическая теория, региональная экономика, государственное и муниципальное управление» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.3).

24. Кобелева И.В., к.п.н., доцент кафедры «Юридических и социально-экономических дисциплин» Сочинский филиал ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (п. 2.2).

25. Кобылякова В.В., аспирант ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.7).

26. Кочергина Т.Е., д.э.н., профессор, профессор кафедры экономической теории и международных экономических отношений ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», Ростовский филиал (п. 3.6).

27. Лихолетов В.В., д.п.н., к.т.н, профессор кафедры «Экономическая безопасность ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 3.7).

28. Лясковская Е.А., д.э.н., профессор ЦЭиИТ, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 3.11).

29. Макарова Л.И., к.э.н., доц., доцент кафедры экономической теории и регионального развития ФГАОУ ВО «Челябинский государственный университет» (п. 4.5).

30. Манахова И.В., д.э.н., профессор, профессор кафедры «Политической экономия» ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (п. 1.1).

31. Марченко Л.Н., к.т.н., доц., заведующий кафедрой фундаментальной и прикладной математики, учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» (п. 3.8).

32. Миллер А.Е., д.э.н., проф., зав. кафедрой «Экономика и финансовая политика» ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского» (п. 2.5).

33. Миллер М.А., д.э.н., проф., зав. кафедрой «Экономическая аналитика и региональные исследования» на базе Омского научного центра СО РАН (ОНЦ СО РАН), ФГБОУ ВО «Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского» (п. 2.5).

34. Минкин А.А., аспирант ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.7).

35. Молчанов И.Н., д.э.н., профессор, профессор кафедры «Политическая экономия» Экономического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»; профессор Департамента общественных финансов Финансового факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Financial University) (п. 3.4).

36. Молчанова Н.П., д.э.н., доцент, профессор кафедры «Теория и технологии управления» Факультета глобальных процессов ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (п. 3.4).

37. Окурокова Т.С., доцент кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», руководитель негосударственной экспертной организации, судебный эксперт-оценщик (п. 4.2).

38. Подгорная В.В., к.физ.-мат.н., доц., заместитель директора по научной работе ИНММС НАН Беларуси, государственное научное учреждение «Институт механики металлополимерных систем имени В.А. Белого НАН Беларуси» (п. 3.8).

39. Поздняков А.А., к. воен. наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, АНООВО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации», Калининградский филиал (п. 1.3).

40. Приходько Е.А., к.э.н., доц., доцент кафедры «Аудита, учета и финансов» ФГБОУ ВО Новосибирского государственного технического университета, докторант Алтайского государственного университета (п. 2.4).

41. Рязанцева О.В., к.э.н. доцент кафедры «Экономическая безопасность ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 3.3).

42. Рязанцева О.В., к.э.н., доцент кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.1, п. 3.3).

43. Савельева И.П., д.э.н., профессор, проректор по учебной работе ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.6).

44. Санникова И.Н., д.э.н., проф., профессор, зав. кафедрой «Экономическая безопасность, учет, анализ и аудит» ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (п. 3.10).

45. Семиколенова М.Н., к.э.н., доц., доцент кафедры «Экономическая безопасность, учет, анализ и аудит» ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (п. 3.10).

46. Сигатова Наталья Анатольевна, к.э.н., доцент кафедры «Экономическая теория, региональная экономика, государственное и муниципальное управление» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.3).

47. Слива С.В., к.э.н., доцент кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 4.7).

48. Солодкина Л.А., к.т.н., доцент кафедры экономической безопасности, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет) (п. 3.2).

49. Сушкова И.А., к.э.н., доцент кафедры «Экономическая безопасность и управление инновациями» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (п. 3.9).

50. Сырчин В.А., аспирант, Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (п. 4.3).

51. Хомякова Т.С., старший преподаватель кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 4.7).

52. Цало И.М., к.э.н., доцент кафедры «Экономическая безопасность» ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (п. 2.6).

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ В АСПЕКТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ

Монография

Под редакцией А.В. Карпушкиной

Техн. редактор *А.В. Миних*
Дизайн обложки *А.С. Пановой*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 06.06.2022. Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,90. Тираж 500 экз. Заказ 168/195.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.